АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЯ ЯКУТСКОЙ АССР

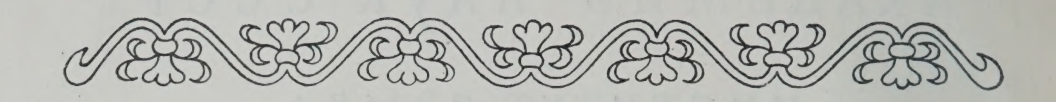
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ЯКУТСКОГО ФИЛИАЛА
АН СССР

ИСТОРИЯ ЯКУТСКОЙ АССР

ТОМ

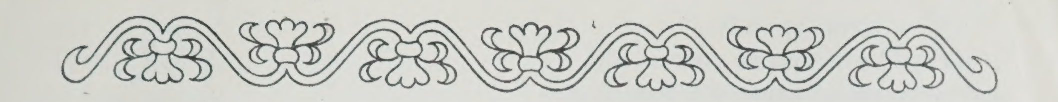
II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1957

ЯКУТИЯ
ОТ 1630-Х ГОДОВ ДО 1917 Г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1957

Посвящается
325-летию вхождения Якутии
в состав Российского государства

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том «Истории Якутской АССР» охватывает период от присоединения Якутии к Русскому государству (30-е годы XVII в.) до начала социалистической революции, до Великого Октября 1917 г. Этот отрезок времени, составляющий несколько менее 300 лет, был важнейшей эпохой в развитии народов Якутии.

Присоединение Якутского края к России было поворотной точкой в истории его народов. До сих пор эта история протекала обособленно. Социально-экономическое и культурное развитие Якутии шло медленно. Включение ее в состав Русского государства ускорило этот процесс и придало ему в значительной мере новое направление. Проникновение русских людей в Восточную Сибирь, соприкосновение их с коренным населением, культурное общение знаменовали значительный шаг вперед и в развитии местных производительных сил. Русские крестьяне принесли с собой земледелие. С русскими пришли в Якутию новые виды техники, новые ремесла, новые средства сообщения, новые типы построек и одежды. Постепенно стала распространяться грамотность. Открывались школы, хотя и очень малочисленные. Мало-помалу расширялся умственный горизонт местного населения. В XVIII в. большие экспедиции, снаряженные правительством и Академией наук, с участием крупных русских и западноевропейских ученых, охватили всю Якутию и также оказали заметное влияние на развитие ее экономики и культуры.

Социальное развитие якутского народа и других народов Якутского края пошло по-новому после вхождения в огромную Русскую державу. Каков бы ни был уровень развития якутского общества перед приходом в край русских, в какую бы сторону ни было направлено его развитие (этот вопрос еще недостаточно исследован в нашей науке),— во всяком случае ясно, что само включение Якутии в Российское централизованное государство не могло не создать здесь новых условий общественного развития. Так на деле и было.

Разумеется, включение Якутии в состав Русского государства имело и оборотную сторону — Якутия превратилась в колонию царизма. Якутские

трудовые массы стали подвергаться двойному гнету как со стороны своих эксплуататорских элементов, так и со стороны царизма.

Для исторической науки очень важно, что процесс изменения социального строя якутов, протекавший на протяжении почти 300 лет, с середины XVII до начала XX столетия, доступен прямому изучению на основании источников. Эти источники позволяют проследить дальнейший распад общинно-родовых отношений у якутов, нарастание социального неравенства, усиление полуфеодальных форм, выделение из общины господствующей верхушки — тойонской знати, наделяемой различными привилегиями; далее — появление и рост товарно-денежных отношений, а с середины XIX в. — проникновение в Якутию и капиталистических отношений, которые, хотя и оставались неразвитыми, во многом видоизменяли старый патриархально-феодальный уклад якутского общества. В результате этого накануне Октябрьской революции в Якутии существовал очень сложный общественный строй, где переплетались остатки древних общинно-родовых отношений, утративших свой первоначальный характер, и различные формы полуфеодальной и полукапиталистической эксплуатации.

За те же неполные три столетия произошли крупные изменения и в этническом составе населения Якутского края. К моменту прихода русских, в первой половине XVII в., центральную часть Якутии — бассейн Средней Лены, Нижнего Алдана, Нижнего Вилюя — занимали якуты, жившие довольно плотным массивом; окраинные области были заселены гораздо более малочисленными и рассеянными охотничье-рыболовческими и оленеводческими племенами эвенков (тунгусов), ламутов, юкагиров. В начале же XX в. и расселение и взаимоотношения народов Якутии были совсем иными. Преобладающую массу населения края продолжали составлять якуты, но они расселились значительно шире, чем прежде, — появились и в окраинных юго-восточных, северо-восточных и северных районах края. Область расселения эвенков и ламутов несколько сократилась, а особенно уменьшилась область, занятая юкагирами: из них сохранились лишь небольшие группы, остальные либо вымерли от эпидемий и голодовок, либо ассимилировались с другими народами. Зато значительный процент населения составили русские, расселившиеся главным образом по течению Лены от верховья ее до Якутска, а также в самом Якутске, в Олекминске, на Амге, на Колыме и в некоторых других местах. Появилось смешанное население в результате браков якутов с русскими.

Таким образом, Якутия в начале XX в. во всех отношениях — и в хозяйственном, и в общественном, и в культурном, и в этническом — была мало похожа на Якутию начала XVII в.

Эта замечательная эпоха истории народов Якутии, время, в течение которого происходили столь важные изменения, и освещается в предлагаемом читателю втором томе «Истории Якутской АССР».

Авторы второго тома основывались, помимо этнографического и фольклорного материала, — главным образом на письменных источниках; были

также использованы труды советских и дореволюционных исследователей. Эти источники настолько обильны, что позволяют иногда с большой точностью проследить ход исторических событий, экономического, политического и культурного развития. Однако наличие их все же неравномерно и некоторые периоды остаются еще недостаточно освещенными, а отдельные явления якутской истории — неясными.

Подавляющая масса письменных источников по истории Якутии XVII — начала XX в.— это источники официального происхождения: разные ведомственные бумаги, донесения, правительственные распоряжения, статистические данные. Ими богато представлены уже первые десятилетия после присоединения Якутии к России: «отписки» (донесения) служилых людей и воевод о новооткрытых землях и о разных текущих делах; «челобитные» тех же служилых людей, а затем и торговых и промышленных людей, самих «ясачных людей» — якутов — о тех или иных их нуждах; «наказные памяти» (инструкции) и разные прочие «грамоты», присылавшиеся из Москвы в ответ на местные запросы; окладные ясачные книги, сметные ясачные списки, росписи сбора ясака, «таможенные» и «проезжие» грамоты и пр.— тысячи и десятки тысяч подобных документов накапливались частью в Якутской воеводской избе, частью в Москве, в Сибирском приказе, где сосредоточивалось (с 1637 г.) управление всеми сибирскими землями. Огромное количество их хранится ныне в архивах Москвы (ЦГАДА) и Ленинграда (ЛОИИ).

После упразднения Сибирского приказа (1710 г.) и перехода административного делопроизводства к новоучрежденным коллегиям и Сенату официальные документы перестали сосредоточиваться в одном месте. Многие из них сейчас хранятся в фонде Сената в ЦГАДА. Они до сих пор, к сожалению, недостаточно выявлены и слабо изучены. Поэтому XVIII век в истории Якутии мы знаем, как это ни странно может показаться на первый взгляд, хуже, чем XVII век. Однако этот пробел в значительной мере восполняется иными источниками: научными описаниями, авторами которых были преимущественно участники экспедиций 1733—1743 гг.— Миллер, Гмелин, Линденау и др.

Начиная с 1760-х годов официальные источники делаются опять более обильными. Дела Якутской воеводской канцелярии, Якутской верхней расправы, Нижнего земского суда и др. хранятся и сейчас в Якутском областном архиве. После реформы 1822 г., которая ввела обязательное письменное делопроизводство в местных «инородных управах» (по улусам) и «родовых управлениях» (по наслегам), многочисленные ведомственные документы стали накапливаться в улусных и наслежных центрах. Большое количество их сохранялось и сосредоточено сейчас в том же Якутском архиве. Немало ценного материала содержится также в делах бывш. канцелярии якутского губернатора и канцелярии иркутского генерал-губернатора, в фондах центральных правительственных учреждений. Эти материалы, впрочем, тоже еще недостаточно изучены историками.

Важным историческим источником служат наблюдения и исследования путешественников, побывавших в Якутии в разные годы XIX в.: Врангеля и Матюшкина (1820—1824), Щукина (1829), Миддендорфа (1843—1844), Маака (1855) и др., сообщающих разные сведения о стране и населении, о хозяйстве, быте якутов и других народов края.

В последние десятилетия XIX в. масса разнообразных сведений о Якутии и ее населении была собрана политическими ссыльными: многие из них, будучи высокообразованными людьми, употребляли свой вынужденный досуг на ведение разных научных наблюдений. Некоторые из работ политических ссыльных были напечатаны тогда же, другие могли быть опубликованы только при советской власти. В их записях имеются между прочим фольклорные тексты — один из ценных исторических источников.

Хотя историко-этнографическая и историко-экономическая литература о Якутии довольно богата, некоторые вопросы якутской истории до сих пор остаются недостаточно разработанными. К числу их относятся вопросы:

о характере и уровне развития общественного строя, который сложился у якутов ко времени появления русских,— одни считают его общинно-родовым (Серошевский, Кочнев, Эргис, Терлецкий), другие — раннефеодальным или патриархально-феодальным (Мамет, Ионова, Башарин), третьи — переходным от первобытно-общинного к раннеклассовому с преобладанием раннерабовладельческих отношений (Токарев);

о времени появления частной земельной собственности у якутов,— одни историки полагают, что она уже зарождалась до прихода русских (Ионова, Башарин), другие относят начатки развития частной земельной собственности лишь к концу XVII и началу XVIII в. (Токарев);

о некоторых дальнейших этапах развития земельных отношений у якутов и связанных с ними платежах и повинностях, в частности о времени появления так называемой «классной системы» землепользования,— одни исследователи относят ее введение ко времени после 1-й ясачной комиссии (Левенталь, Гурвич), другие — к более поздней поре, к 1830-м годам (Башарин);

о формах и степени развития классовой борьбы в якутских улусах в первой половине XIX в.,— одни историки считают, что классовая борьба, борьба за землю была в эти годы достаточно острой, и связывают с этим выступления таких «разбойников», как Василий Манчары и Амос Данилов (Ионова, Башарин), другие это отрицают (Гурвич).

Вопросы новейшей истории Якутии, вообще говоря, изучены значительно лучше, ибо источники здесь гораздо богаче. Но и здесь есть явления, еще недостаточно исследованные, и в оценке их мнения историков расходятся. К числу спорных принадлежит, например, вопрос о степени развитости массового освободительного движения среди якутов в годы первой русской революции и в связи с этим вопрос об оценке классовой роли «Союза якутов» 1906 г.: большинство историков считает этот «Союз»

тойонской, буржуазно-националистической организацией, не связанной с борьбой трудящихся масс и с их интересами; другие полагают, что «Союз якутов» был в какой-то мере выразителем интересов якутских народных масс.

По таким спорным вопросам авторы и редакция настоящего тома стремились, избегая неуместной в данном издании полемики, осветить вопрос в духе господствующего среди историков понимания, приводя для сведения читателей также и другие существующие мнения и отсылая интересующихся к специальной литературе.

Второй том «Истории Якутской АССР» служит непосредственным продолжением первого, однако это не механическое его продолжение. Первый том написан одним автором — крупным специалистом по древней истории Якутии проф. А. П. Окладниковым и потому, естественно, отличается единством и цельностью изложения. Второй том составлен коллективом авторов, что не могло не сказаться на некоторой неодинаковости изложения в разных главах тома.

В первом томе повествование доведено до кануна прихода в Якутский край русских и завершается характеристикой хозяйства и быта якутов в то время. Второй том открывается краткой характеристикой хозяйства и общественного строя якутов перед присоединением Якутии к России. Но повторения тут нет, ибо в первом томе освещение данного вопроса основано на археологических и фольклорно-этнографических данных и автор избегал пользоваться письменными источниками, относящимися ко времени уже после появления русских; во втором же томе данная глава, как и другие, построена главным образом как раз на письменных источниках. Одно здесь как бы дополняет другое.

Особое место уделено в книге историческим судьбам малых народов — национальных меньшинств Якутии: им посвящены отдельные главы в каждом из трех основных разделов тома. В первых двух разделах выделены специальные главы и для русского населения Якутии; но в последнем разделе, посвященном эпохе капитализма (1860—1917), такой главы нет: ведь в этот период экономика края была уже в значительной мере единой, она развивалась под знаком нараставших капиталистических отношений, и русское население уже не жило, как раньше, обособленной от коренного населения Якутии жизнью.

Настоящая книга является первой попыткой обстоятельного и систематического обзора истории Якутского края за время между присоединением его к России и Октябрьской революцией. Существующие в литературе немногочисленные обзоры истории Якутии частью устарели, частью слишком кратки. Можно назвать из них:

Г. А. Попов. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924.

Л. П. Мамет. Исторический очерк ЯАССР (БСЭ, 1-е изд., т. 65).

С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии (в сборнике «Якутия», изд. АН СССР, 1927).

С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. М., 1940.

По первоначальному плану издания «Истории Якутской АССР» оно было рассчитано на пять томов. Второй том должен был быть посвящен XVII веку. Однако после изменения плана издания, рассчитанного теперь на три тома, подготовленный уже прежде второй том был, с некоторой переработкой и отредактированный в основном покойным С. В. Бахрушиным, опубликован в виде самостоятельного сборника под заглавием «Якутия в XVII веке» (Якутск, 1953).

Авторы настоящего тома — преимущественно молодые якутские историки; деятельное участие в его написании и редактировании приняли и ученые Москвы и Ленинграда. Авторами отдельных глав являются:

И. С. Гурвич: гл. X, XI, XIII, XV, XVIII (частично), XIX, XXI.

А. А. Избекова: гл. XVIII (частично).

О. В. Ионова: гл. I, II, IV, V, VI.

М. А. Кротов: гл. XVI, XX.

М. Н. Мартынов: гл. VII.

М. М. Носов: гл. IX (частично), XVII (частично), XXIII (частично).

П. У. Петров: гл. XXIV, XXV, XXVI.

Ф. Г. Сафронов: гл. III, XIV.

Н. Н. Степанов: гл. VIII, XII, XXII.

В. Н. Чемезов: гл. IX (частично), XVII (частично), XXIII (частично).

Г. У. Эргис: гл. IX (частично), XVII (частично), XXIII (частично).

Редакторы тома: С. А. Токарев, З. В. Гоголев, И. С. Гурвич.

Большую помощь авторскому коллективу и редакции оказали историки Якутска, Москвы, Ленинграда и других городов, принявшие активное участие в обсуждении тома перед сдачей его в печать. Особенно надо назвать здесь с благодарностью: А. И. Андреева, А. П. Окладникова, А. И. Новгородова, А. В. Пясковского, В. И. Шункова.

С. А. Токарев

ЯКУТИЯ В СОСТАВЕ РУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

ГЛАВА I

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ЯКУТОВ КО ВРЕМЕНИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЯКУТИИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Громадная территория Якутии расположена на северо-востоке Азиатского материка и вся принадлежит к бассейну Северного Ледовитого океана. Для нее характерна общая покатость с юга на север в направлении к морям Лаптевых и Восточно-Сибирскому, вдоль берегов которых тянется полоса тундры. С юга и востока Якутия ограждена гигантским полукругом мощных горных систем. Высокие горы препятствуют проникновению в Якутию осадков и тепла со стороны Тихого океана и южной Азии, а покатость к северу, наоборот, открывает доступ массам холодного воздуха, притекающим от Ледовитого океана.

В низменностях Якутии находится более ста тысяч озер. Они очень богаты рыбой, а их берега покрыты хорошими лугами. С юга на север текут многоводные реки, впадающие в Ледовитый океан. Первое место среди них занимает красавица Лена — одна из величайших рек мира. Длина ее достигает 4700 км. На своем пути она принимает более 70 притоков, не считая мелких речек. Крупнейшие из них — Витим, Олекма и Алдан с Амгой и Маей с правой стороны, Вилюй — с левой. Другие значительные реки Якутии — Колыма, Алазея, Индигирка, Яна, Оленек, Анабар.

Климат Якутии резко континентальный. Суровая зима с морозами до 50—60° продолжается шесть — восемь месяцев. Лето короткое, но в средней части Якутии знойное. Разность между наибольшими холодами и самой сильной жарой достигает 102—104°.

Вся Якутия расположена в зоне вечной мерзлоты. Образование вечной мерзлоты относится ко второй половине четвертичного периода и связано с повышением континентальности, сухости и суровости климата. В течение лета верхний слой почвы оттаивает на глубину от 0,4 до 3,5 м. Под этим верхним слоем лежит вечно-мерзлая толща горных пород, мощность которой увеличивается в направлении с юга на север.

Осадков в Якутии выпадает очень мало — от 128 (Верхоянск) до 272 мм (Олекминск) в год. По количеству осадков и температурному режиму ее можно отнести к зоне полупустынь. При такой сухости и жарком лете только наличие вечной мерзлоты, питающей растения подпочвенной влагой, создает условия для существования здесь растительности. До 72% территории Якутии покрыто тайгой. Леса дают обильный корм и убежище различным зверям, большинство которых издавна являлось предметом промысла. Травяной покров речных долин создает хорошие условия для развития животноводства. Одна из наиболее благоприятных в этом

отношении частей долины р. Лены — Туймаада — находится на западном ее берегу и тянется на 70 км между мысом Табагинским и Кангаласским камнем (Хоту ытык хая). Известны также плодородные долины Эркэни, Намская и др.

Важными угодьями являются и «аласы». Аласом называется в Якутии безлесная замкнутая котловина или понижение в тайге, возникшее в результате вытаивания ископаемых льдов; обычно в центре аласа имеется высыхающее озеро. Аласы, покрытые луговой или остепненной растительностью, издавна служили кормовой базой животноводства.

В наиболее благоприятных для развития скотоводства местах — в долинах рек и на берегах озер — и застали русские в начале XVII в. основную массу якутов. Якуты населяли тогда главным образом междуречье Лены, Амги и Нижнего Алдана, занимая также и прилежащую полосу левого берега Лены. К моменту прихода русских граница расселения якутов на западе проходила от низовьев р. Вилюя до устья р. Синей; нижнее течение Вилюя было занято якутами. Юго-западная граница их расселения захватывала бассейн р. Синей и небольшую часть побережья Лены до устья р. Толбы, впадающей в Лену с востока. Восточную границу представляла р. Амга. На севере граница шла по Нижнему Алдану, но отдельные поселения якутов доходили до верхнего и среднего течения притоков Алдана — Танды и Баяги. На Олекме жила небольшая обособленная группа якутов (племени меитов) [1]. Другая небольшая группа якутов жила на р. Яне. Наиболее густо была заселена долина Туймаада с озером Сайсары, самое обширное из открытых пространств, встречающихся по берегам Лены.

Советские ученые не раз пытались картографировать расселение якутов в XVII в. Одна такая попытка была сделана И. И. Майновым по имевшимся в его время (1927 г.) материалам. Другая карта составлена С. А. Токаревым на основании архивных данных, третья — С. И. Боло по историческим преданиям якутов; наконец, наиболее точная карта расселения якутов и их соседей составлена Б. О. Долгих главным образом по данным ясачных книг (рис. 1). По ясачной книге 1648 г. численность якутов определяется приблизительно в 26 тыс. человек.

Якуты жили небольшими территориально-родовыми группами во главе со своими родоначальниками. Земледелия якуты не знали. В связи с особенностями своего основного занятия — скотоводства — они вели полукочевую жизнь, совершая регулярные сезонные перекочевки. В начале весны якуты откочевывали с зимников — *кыстык* на весенние стойбища — *сааһыыр,* откуда на летники — *сайылыки* и осенью — на *оторы.*

Характер местности и хозяйственный уклад не позволяли якутам объединяться большими группами. Узкие речные долины и небольшие аласы среди тайги не могли вместить значительное количество скотоводов. Отдельные юрты были разбросаны на большом расстоянии одна от другой. В русских документах XVII в. обычно упоминаются мелкие стойбища якутов, и лишь в редких случаях, на широких речных долинах, например у кангаласских тойонов близ озера Сайсары, отмечалось «много юрт». В юртах — балаганах жили преимущественно зимой. Летом ставили легкие конусообразные жилища, крытые берестой,— *ураса.*

Якуты разводили крупный рогатый скот и лошадей. Эти животные были хорошо приспособлены к суровому климату Якутии. Не боясь дол-

[1] По мнению некоторых историков, меиты не составляли отдельного племени, а были ответвлением либо мегинцев, живших по р. Соле, в Амгинско-Ленском междуречье, либо ненцев с левобережья Лены.

65

60

55

Рис. 1. Карта расселения народов Якутии и расселения якутских племен в XVII в.

(сост. Б. О. Долгих)

Условные обозначения: 1 — Границы Якутского и др. уездов; 2 — Территории племен и отдельных родов. Территории, населенные; 3 — якутами; 4 — тунгусами; 5 — юкагирами; 6 — чукчами и коряками; 7 — эскимосами; 8 — гиляками; моедами; 10 — даурами.

Группировки жиганских якутов: *а* — Устье Молоды — Сиктэх; *б* — Устье Муны — Столбы — Красное; *в* — Жиганск — оз. Конор.

Родовые группы верхоянских якутов: *г* — туматы; *д* — эгинцы; *е* — элгеты (орготы, эргиты); *ж* — коринцы; *з* — юсальцы; *и* — байдунцы; *к* — (?).

Родовые группы вилюйских якутов: *л* — чачуп; *м* — «розные волости» на оз. Токсома; *н* — кокуи, тамтарбаны и «гиляны»; *о* — осекуи; *п* — кыргыдаи; *р* — онтулы; *с* — кириней; *т* — лючинцы; *у* — оргуты (орготы, эргиты); *ф* — тагусы; *х* — олесы.

гой и суровой зимы, они бо́льшую часть года проводили под открытым небом, пили воду из проруби, а лошади круглый год находились на подножном корму, выгребая мерзлую траву из-под снега.

Коневодство у якутов было табунное. Лошадей резали на мясо, кобылье молоко употребляли для приготовления кумыса. Согласно якутским преданиям, воины, отправляясь в поход, гнали перед собой табун лошадей; по дороге они доили кобылиц или резали их на мясо. Из конского волоса плели арканы, веревки, петли, сети и пр. Кожи шли на изготовление посуды, обуви и одежды. Лошади служили также и средством передвижения. Первые отряды русских, появившиеся на Лене, писали о яку-

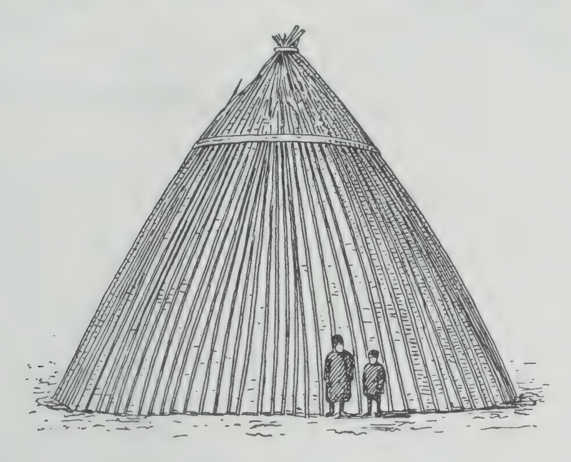

Рис. 2. Ураса

(Реставрация А. А. Попова)

тах как о «конном народе», «конных людях», отличая их от «пеших» и «оленных» народов.

Не меньшее значение в жизни якутов имел рогатый скот. Молоко и мясо его были одним из основных источников питания. Молочные продукты преобладали летом, когда скот доился. Их употребляли преимущественно в кислом виде; на зиму якуты умели сохранять молоко в замороженном виде. Мясо обычно варили, а во время пути жарили на вертеле.

Зимой рогатый скот содержали в теплом помещении — *хотоне,* составлявшем часть жилой постройки. На зиму для скота запасали сено. Сенокошение имело существенное значение для якутского хозяйства. Якуты пользовались железными косами — *хотуур,* по форме напоминавшими русскую косу-горбушу. О древности сенокошения у якутов свидетельствует предание о том, что когда они еще не знали железа, то пользовались костяными косами.

Русские служилые люди, прибывшие на Лену, сообщали в 1640 г., что «опроче якутов, сено купить не у кого». В другом случае указывалось, что «иноземцы летнею порою... отъезжают от своих улусов... для сенных покосов в дальние места». Якуты сами заявили (в 1642 г.): «ныне де сено у нас не кошено, скотишко все перемрет» [2].

---

[2] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 288; «Якутия в XVII веке», Якутск, 1953, стр. 69—70.

Большую роль в хозяйстве якутов играло рыболовство. На Вилюе жили так называемые «пешие» якуты, не имевшие лошадей и рогатого скота и питавшиеся преимущественно рыбой. В других местностях Якутии также часто упоминаются бедняки, жившие рыболовством (*балыксыты*). «Человек бедной, безскотной, пешой и сшел де жить на озера кормиться рыбою» — такие выражения встречаются в ясачных книгах нередко. Но и для имевших скот якутов рыболовство было важным подспорьем. Рыбу ловили волосяными сетями, обычно летом, хотя применяли и подледный лов в озерах. В реках при рыбной ловле применяли «запоры» и «морды». Рыбу употребляли в пищу в свежем виде, а также заготовляли впрок в вырытых в земле ямах.

Другим важным подсобным промыслом была охота. Охотились на «сохатых зверей» (лосей), ушканов (зайцев), уток и др. Для неимущей бесскотной части населения продукты охотничьего промысла и рыболовства были основным источником существования.

Большое значение имела пушная охота. Якуты держали «промышленных собак», которые ценились очень высоко, порой не ниже коня. Промышляли соболей, лисиц, выдр, белок и др. Меха шли на пошивку одежды. На промысловую охоту якуты ездили осенью и в начале зимы в дальние угодья. «До соболиного промысла ездят они до урочищ месяца по два и на промысле живут по месяцу, а назад с промысла два месяца» [3].

Известную долю в пропитании якутов составляли продукты собирательства. Женщины собирали корни, клубни и стебли диких растений, ягоды, но особенно много сосновой заболони. Заболонь — мягкий подкорковый слой у сосны — собирали ранней весной и в начале лета и запасали на целый год. Про беднейших якутов говорили, что они кормятся «рыбой и сосной». Сушеную и толченую заболонь подмешивали в похлебку (*бутугас*); для бедноты заболонь была главной составной частью такой похлебки.

Ремесло у якутов еще не выделилось в самостоятельную отрасль производства. Исключение составляло только кузнечество. Археологические находки свидетельствуют о древности добычи и обработки железа в Якутском крае. Умея добывать железо, якуты были и хорошими кузнецами. «У иноземцев якутов,— писали из Якутска в Москву,— ...железо есть самое доброе, а плавят, государь, они то железо ис каменья не по многу, не на большое дело, на свои якуцкие вместо сабель делают пальмы и ножи» [4]. В архивных документах неоднократно упоминаются «пальмы́», сделанные для продажи, железо и «крицы железа» как товар. Из кузнечных принадлежностей упоминаются «молот с наковальней», «наковальная кузнешная железная», «кузнешная снасть железная» [5]. Существовал своеобразный культ кузнецов, которые считались обладателями сверхъестественной силы, даже большей, чем у шамана. Кузнечное ремесло передавалось по наследству, и, по представлениям того времени, чем больше у кузнеца было предков-кузнецов, тем он был могущественнее.

Другие ремесла носили домашний характер. Женщины изготовляли глиняную посуду, делали сосуды из бересты, мяли кожу, шили обувь и одежду; мужчины выделывали из дерева домашнюю утварь, седла, лодки, луки и стрелы и т. п.

В основном хозяйство якутов сохраняло натуральный характер, и постоянного рынка у них еще не было. Обменивали продукты скотоводческого

---

[3] «Якутия в XVII веке», стр. 72.

[4] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков. Якутск, 1945, стр. 89.

[5] Там же.

хозяйства и железные изделия на пушнину у эвенков и тех якутов, которые жили преимущественно охотой. Намские, батурусские и другие якуты «подгородных» волостей обменивали «скот свой на соболя дальним якутам и тунгусам». Кузнецы обменивали железные изделия, вооружение и украшения на съестные припасы и пушнину.

Основными предметами якутского вооружения были лук со стрелами и копье. Наконечники стрел делались из железа и кости, а лук относился

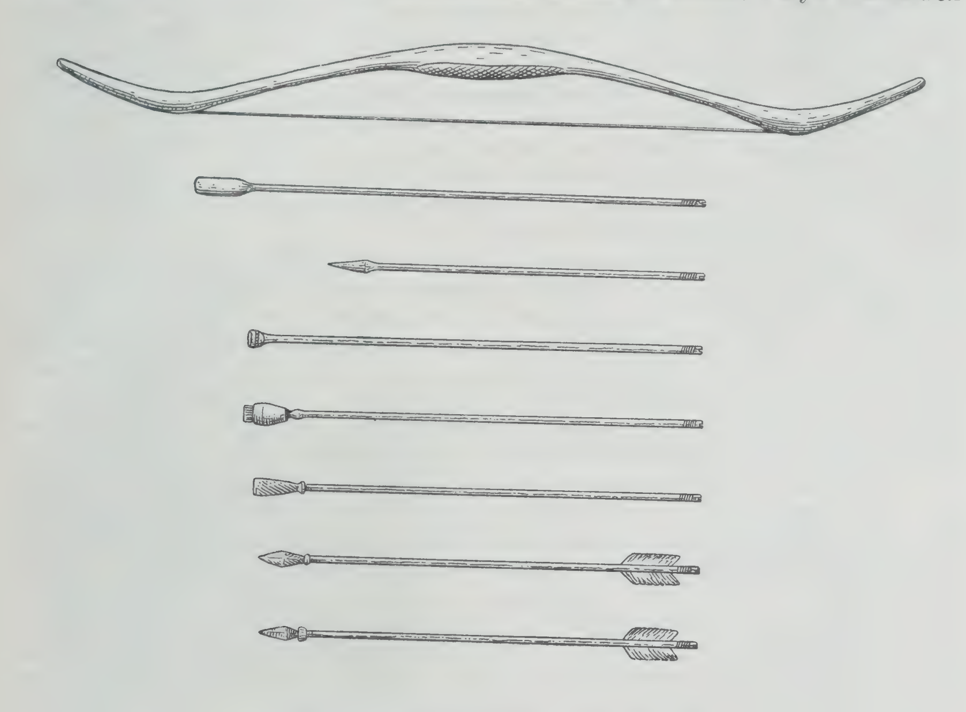

Рис. 3. Оружие якутов: лук и стрелы.
(по рисункам Е. Д. Стрелова)

к типу монгольских сложных луков. Копье с широким и длинным лезвием, напоминающим нож, употреблялось и на войне и на охоте; в русских источниках оно известно под названием «пальма́», а по-якутски называлось *батас* или *батыйа* [6].

Имелось и оборонительное оружие — *куяк* (панцырь). Куяки делались из железных пластин, дорого ценились и встречались преимущественно у тойонов и у их дружинников. В документах упоминаются и кони «в железных досках» [7].

В целях обороны якуты возводили крепости, техника постройки которых была своеобразна, особенно в зимнее время. В качестве строительного материала употреблялись снег и лед, пригодные лишь в условиях длительной и суровой зимы. Как сообщали русские служилые люди, у якутов «сделаны острожки крепкие в две стены, насыпаны хрящем и кругом снегом

[6] Е. Д. Стрелов. Лук, стрелы и копье древнего якута. Сборник трудов исслед. об-ва «Саха кескиле», вып. 1, 1922, стр. 58—74.

[7] «Якутия в XVII веке», стр. 84.

и водою улито»[8]. Лишь летом такие острожки теряли свою оборонительную силу.

Крепости часто строили на случай вооруженных межродовых столкновений. В предании о вражде между бетюнцами и нахарцами говорится, что бетюнцы запирались в амбар — крепость, построенную над глубокой ямой — убежищем.

Очень сложен и до сих пор окончательно не решен вопрос о характере общественного строя якутов в том виде, как он сложился ко времени прихода русских. Бесспорно, что якуты по уровню своего общественного развития стояли тогда выше, чем их соседи — охотничье-рыболовческие племена тайги: тунгусы (эвенки), ламуты (эвены), юкагиры, да и другие народы Севера. У якутов уже очень далеко зашел процесс распада первобытно-общинного строя и шло формирование классового общества. Русские застали у них переходное состояние, когда еще сильны были родо-племенные формы быта, но в то же время общество уже начало раскалываться на антагонистические классы[9].

Из данных русских документов XVII в. и позднейших якутских преданий видно, что якуты того времени не знали государственной власти и не достигли какого-либо политического объединения: они делились на множество родо-племенных групп, которые в русских источниках обозначаются как «волости». Более крупные из этих групп — мегинцы, батурусы, борогонцы, бетюнцы на правобережье Лены, намцы, кангаласы на левобережье — насчитывали от 2 тыс. до 5 тыс. человек каждое. Эти крупные и самостоятельные этнические общности представляли собой, видимо, племена, а не роды. Более мелкие волости — Оспецкая, Дубчинская, Игидейская, Батулинская, Сыланская, Накарская, Нюрюптейская, Малягарская на правобережье Лены, Атамайская, Бордонская, Бояназейская и др. на левобережье,— насчитывали по нескольку сот человек населения. Были, наконец, волости совсем мелкие, по нескольку десятков душ, которые скорее следует считать обособленными родами. На родовые группы делились и племена. Так, например, в составе бутурусского племени были роды Катылинский и Балугурский. Впрочем, в данном случае трудно провести четкую границу между племенем и родом: некоторые историки склонны считать, что настоящих племен у якутов не было, и что даже крупные волости являлись родовыми группами.

Род был связан с определенной территорией, строго ограниченной, причем название рода нередко переходило на название местности (в большинстве случаев оно сохранилось до наших дней в виде названия улуса, района, наслега).

Родо-племенной строй носил у якутов патриархальные черты, хотя сохранились и некоторые пережитки древнего материнского рода. Главенствующая роль мужчин в роде и семье обусловливалась прежде всего преобладающим значением мужского труда в скотоводческом хозяйстве.

---

[8] «Якутия в XVII веке», стр. 80—81; О. В. Ионова. Из истории якутского народа. Якутск, 1945, стр. 74.

[9] Вопрос о том, что представляли собой эти классы, какой тип отношений между ними господствовал и по какому пути шло дальнейшее развитие, остается поныне предметом споров между историками. Одни исследователи (Мамет, Ионова, Башарин) считают, что у якутов уже до прихода русских складывались патриархально-феодальные отношения, развитие которых после присоединения к Русскому феодальному государству лишь ускорилось. Токарев полагает, что наличие даже ранних форм патриархально-феодальных отношений в то время у якутов не подтверждается фактами, что можно скорее говорить о крупной роли рабства и что развитие якутского общества шло в сторону вызревания раннерабовладельческих отношений, которые лишь после присоединения к России стали вытесняться феодальными (*Ред.*).

Род состоял из отдельных семей. Больших неразделенных семей, которые бы вели одно общее хозяйство, уже не существовало, но в случае военных походов, охотничьих и торговых экспедиций, дальних перекочевок, родственные между собой малые семьи объединялись в одну группу под началом главы самой крупной, экономически сильной семьи; такие временные объединения как бы напоминали прежние большие патриархальные семьи эпохи родового строя.

В ясачных росписях встречаются описания отдельных семей и их хозяйств: «...И после иво Ирчиги осталась жена иво именем Кобак Чиргакуна дочь, да три сына, один 3 годов, а другой двух годов, а третий годовой... А скота де осталось 10 коров, да 2 лошади, да жеребец...» [10].

У якутов существовало и многоженство, но по нескольку жен имели только богатые. Данные об этом имеются во многих документах XVII в. и в позднейших якутских преданиях. Каждая жена имела свою юрту, вела свое хозяйство, наблюдала за скотом. Но действительным распорядителем всего имущества жен являлся глава семьи. Ясачный сборщик нашел у якута Тоекоя в юрте «5 скотин, да у други иво жены в юрте видел 5 же скотин, а коней и кобыл видели 10». Сам Тоекой это подтвердил: «скота у меня обоих моих жен 10 скотин, да кобыл и коней 11...». У другого якута тот же сборщик «нашел скота 13 коров да кобылу, да 4 коня, да в другой юрте у други ево жены 4 коня, да 2 кобылы» [11].

С многоженством, возможно, связано происхождение так называемых «материнских родов» — *ийэ-ууһа*. Это были отдельные ветви отцовского рода *ага-ууһа*, составлявшие потомство разных жен одного родоначальника. Несмотря на свое название, они не имели ничего общего с материнско-родовым строем, так как возникли в результате отношений, свойственных патриархальной семье.

У якутов соблюдался обычай левирата: после смерти дяди или старшего брата жена вместе с наследством переходила к племяннику или младшему брату. Обычай разрешал жениться также на мачехе. Этот обычай ограждал хозяйственные интересы семьи: брак вдовы с младшим родственником умершего сохранял все его наследство в семье. Однако брак с женой младшего брата, а также с женой сына не допускался, и, таким образом, наследство переходило только к младшим родственникам.

За невесту жених обычно платил калым, который всегда выражался в скоте и размер которого колебался в зависимости от состояния заинтересованных сторон: у богатых — до ста голов скота, а у бедняков — по одной-две головы. Уплата калыма в отдельных случаях сочеталась с отработкой за жену в доме ее родителей. Со своей стороны родители невесты давали зятю приданое. Размер приданого стоял в каком-то соотношении с размером калыма: обычно он был меньше последнего вдвое. Приданое состояло из небольшого количества скота, и преимущественно из одежды, украшений, мехов и разных домашних вещей. В приданое входили часто берестяные покрышки летнего жилища — урасы; таким образом, жена приходила к мужу как бы со своим домом. Имел место и брак обменом: жених отдавал в семью невесты свою сестру или племянницу.

Попавшая в семью мужа жена часто терпела жестокое обращение со стороны мужа и его родственников. По словам якутки Систак, ее муж «не стал любить, и бил и увечил на смерть и за горло давил, и от тех де иво побой она Систак давилась трижды. И после того он Тортогор ее Систака покинул», а ее свекор «отослал ее Систака к отцу ее ...для того, чтобы она

[10] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 59.
[11] Там же, стр. 64—65.

у них не удавилась». В другом случае муж «бил и увечил, ножом резал, пальмой бил, из лука стрелял» в жену, так что она «одва жива приволоклась» в родительский дом [12]. Женщину могли поддержать только ее родственники, но и в родной семье положение ее было приниженным. Родители могли продать ее, выменять на скот или на другую женщину.

Характерным признаком родового уклада являлась экзогамия. Члены рода брали жен не из своего рода, а из других. Судя по документам, случаев, чтобы муж и жена принадлежали к одной «волости», т. е. к одному роду и даже племени, почти не было.

Особенно сильно черты родового строя заметны в обычном праве. У якутов существовал обычай кровной мести. В случае убийства одного из членов рода весь его род мстил не только убийце, но и всем его сородичам. В судебных документах XVII в. говорится о якутах, которые «отомстили убийство родника своего». Наряду с этим вошел в силу обычай выкупа за кровь, так называемая «головщина». Виновные обычно платили скотом, а иногда рабом. В 1650 г. якут Букей взял у Маныки Бутурова головщину «кобыл и коров больших 5 скотин, да телят и жеребят 5 же скотин» [13]. В уплате головщины участвовали также сородичи виновного.

Черты родового строя проявлялись в наличии родовых советов, на которых в первую очередь решались военные вопросы. Так, на совет съехались якуты в Намскую волость в декабре 1633 г., чтобы договориться о совместном нападении на Якутский острог. Якутский князец Балтуга в 1676 г. пригласил дядю своего Быки Куреякова посоветоваться, «что аманатов дать или нет, а Кангаласской волости к якуту Талыгиру и к родникам его... послал родника своего Балунчу для совета же, и те де якуты к нему Балтуге приехали, и жили де они вместе человек с 40» [14].

Существовал у якутов также обычай «третьевания» —добровольной помощи потерпевшему общиннику со стороны третьего лица в отыскании похищенного имущества (особенно скота) без обращения к какой-либо общественной власти.

Все эти черты родового строя в силу своего консерватизма тормозили общественное и хозяйственное развитие якутского народа. И тем не менее род разлагался, в оболочке его уже складывались классы. Состав якутского рода пополнялся чужеродцами, находившимися в той или иной степени зависимости от глав экономически наиболее сильных семей. Разрастаясь и выходя за рамки кровного родства, род превращался в территориальную общину.

Во главе якутских родов стояли тойоны — старейшины и военные предводители. Благодаря привилегированному положению в общине тойоны сосредоточивали в своих руках большие стада и лучшие покосы. Их дальнейшему обогащению способствовали постоянные распри и войны между родами за скот, за лучшие угодья, за имущество.

Время перед приходом русских якутский фольклор характеризует как век *кыргыс-уйэтэ* — кровавых битв, междоусобий, окутанных заревом пожаров и дымящейся человеческой крови. Эти битвы несли гибель и разорение многим родам и нередко заканчивались их полным истреблением. Междоусобицы длились долгие годы и передавались из поколения в поколение. Так враждовали между собой бетюнцы и нахарцы, кангаласцы и борогонцы и многие другие.

В этой борьбе была заинтересована родовая верхушка, которая присваивала все награбленное в походах и завоевывала себе первенство не

---

[12] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 63—64.
[13] Там же, стр. 50.
[14] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 291.

только внутри рода, но и между главами других родов. Тойоны опирались на вооруженную силу своих сородичей. Они стояли во главе вооруженных отрядов, составлявших их дружины. Дружинники выступали конным строем в боевых доспехах, вооруженные копьями и луками.

О военных набегах, возглавляемых родовыми тойонами, сохранилось много свидетельств в документах XVII в. Так, оспецкий тойон Амур Касков ходил на бетюнского тойона: «В нынешнем во 148 г. (1640 г.) весною приезжал он Амур ко мне в улус с своими улусными людьми и отогнал у меня 22 кобылы да три коня езжалых и держит у себя и по ся мест». «Приезжали де к ним (мегинцам),— говорится в документе 1670-х годов,— Борогонской волости якуты Одо да Учю да Тюсеней Октовы с родниками своими войной, человек с 200 и больше в куяках и с копьи, и ево де Чюгункову жену Мутука взяли и скот всякий прикололи и кони и кобылы с собой взяли...» [15].

Обычно военной добычей был скот; реже упоминается «погром живота», т. е. имущества, среди которого были котлы, седла, куяки, арканы и пр. В других случаях набег сопровождался уводом женщин, которые становились рабынями победителя; еще реже были случаи захвата пленных, превращаемых в рабов — *кулутов* (в других тюркских языках — кул; ут — окончание мн. ч. в монгольских языках).

Грабительские войны играли большую роль в разложении рода: они давали рабов, а рабство являлось фактором, содействовавшим социальной дифференциации. Вместе с тем военнопленные, которых тойоны превращали в рабов, были первыми чужеродцами, нарушавшими кровнородственный состав родовой общины.

У якутов был и другой, замаскированный способ приобретения рабов, так называемое «вскормленничество», т. е. воспитание сирот и детей неимущих родителей. Став взрослыми, вскормленники должны были своим трудом расплатиться за воспитание. Эта расплата длилась всю жизнь и передавалась по наследству детям. Хозяин мог продать своего вскормленника, распоряжаться им как вещью.

Рабы приобретались также путем купли и обмена. Обедневший глава семьи продавал жену и детей, а иногда и самого себя: «обницали и обеднели и по дворам в холопство иззапродались» [16]. В ясачных книгах часто упоминаются мужчины, которые живут у зажиточных якутов «вместо холопа, а скота у него... никаково нет...» [17].

Рабы-кулуты выполняли домашние работы, ходили на охоту, убирали сено, иногда сопровождали хозяина в военных походах. Но количество рабов в хозяйстве было меньше, чем требовалось рабочих рук для его обслуживания. Хотя эксплуатация рабов была тяжелой, кулуты отличались от рабов античного общества. Они могли заводить семью, имущество, в отдельных случаях скот и, главное, не они являлись основными производителями. Это были домашние рабы.

Коренные члены рода также не были равны между собой в имущественном, правовом и общественном положении. Самые маломощные в экономическом отношении «улусные мужики» жили у более зажиточных родственников («лутчих людей») в качестве «захребетников», «живущих подле» или «по свойству». На положении «захребетников» жили и подростки; становясь взрослыми, они не выделялись из хозяйства тойона, продол-

---

[15] «Якутия в XVII веке», стр. 137.
[16] ЛОИИ, карт. 196, № 4, сост. 2.
[17] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 13.

жая работать на последнего. Не совсем ясно, составляли ли особую категорию зависимых людей так называемые *боканы*, или же это было другое название тех же кулутов — рабов.

В ясачных книгах встречаются записи об этих слоях якутской общины: «Коной Селбуев (Чириктейской волости)... живет блиско Селикая Онекова, кормится по озерам рыбою и сосною» [18]. «Тегей Анкотонов Некодоев живет подле Амыкая Колтючеченова, кормица своей работою и скитаеца меж юрт около иных якутов» [19].

Хотя тойоны к приходу русских еще сохраняли облик родовых старейшин, они использовали в своих личных интересах авторитет родоначальников и военных вождей, функции которых они несли. В русских письменных источниках тойоны называются «князцами» или «лутчими людьми». Подразделение на «лутчих князцов» и «иных лутчих людей» свидетельствует об известной иерархии внутри якутской аристократии. Наряду с мелкими и средней руки тойонами существовали тойоны, располагавшие крупными силами и влиянием, распространившимся далеко за пределами их родов. Одним из таких тойонов являлся кангаласский князь Тыгын, память о жестокостях которого сохранилась в многочисленных якутских сказаниях. В одном из них говорилось про Тыгына, «известного между якутами по одним только убийствам, грабежам и всякого рода насилиям. Тыгын производил бесчинства свои не явно, но большей частью хитростью, нападая внезапно и не давая времени неприятелям своим собраться в одно место. Чтобы удобнее производить сии грабежи, он никогда на одном месте долго не останавливался, а ночевал в разных местах; где случалось отдыхать несколько суток, то думать надобно, что там он окапывался или оставлял по себе следы другого рода, которые хотя истреблены временем, но якуты те урочища по преданиям называют «Тыгыновыми стойбищами» [20].

Тыгын жил во время прихода на Лену первых русских: он упоминается в связи с участием в столкновении с отрядами Самсона Навацкого в 1629 г. и Ивана Галкина в 1631 г. В 1632 г. Петр Бекетов сообщал об объясачивании якутских князцов «Хангаласской волости» «Безекуя да Откурая да Чегая з братию Тынининых детей». Имя самого Тыгына в этом документе отсутствует. Возможно, что он умер, как пишет И. Линденау, заложником в Якутском остроге. Сыновья же и внуки Тыгына постоянно фигурируют в многочисленных позднейших документах.

Усилению Тыгына способствовало благоприятное расположение его стойбища на богатой равнине Туймаада. Наличие тучных пастбищ давало кангаласским тойонам возможность разводить большое количество скота, увеличивая его за счет уведенного у побежденных. С захватом пленных росло число их рабов, челяди, воинов. Влияние тойонов усиливалось благодаря родственным и брачным связям с князцами других племен. Атаман Иван Галкин, один из первых открывателей «Ленской землицы», сообщал о сыновьях Тыгына: «А те кангаласские князцы людны и всею землею владеют, и иные многие князцы их боятца» [21].

Большинство народных преданий о Тыгыне проникнуто ненавистью к этому угнетателю и разорителю рядовых общинников. Целью его жестоких походов, как и походов других якутских племенных вождей, были грабеж и личное обогащение. Приход русских избавил основную массу якутов от тойонских междоусобиц и кровавых тойонских набегов; потому-то якуты и оказали такое слабое сопротивление отрядам служилых людей.

[18] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 113.

[19] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 250, л. 701.

[20] «Северный архив. Журнал истории, статистики и путешествий», 1822, июль, № 13, ч. 3, стр. 208.

[21] «Якутия в XVII веке», стр. 146.

Современниками Тыгына были такие тойоны, как намский Мымак, также владевший сотнями голов скота и пользовавшийся большим влиянием среди своих соседей, тойон Осчек, господствовавший над многими улусами «Дубсунской волости», борогонской Логуй (Лёгёй), заклятый враг и соперник Тыгына.

Положение тойонов зависело от силы и численности семей и родов, которые они возглавляли. Так, ведшие борьбу с Орюканом Секуевым «Кунней Тымкин с родниками» жаловались, что они «людишки не семейные и попротивитца нам холопем твоим с ним Орюканом с родники некем» [22].

Мелкие тойоны находились в зависимости от крупных, помогали им в походах и в свою очередь искали у них защиты и покровительства. Однако они сохраняли и известную независимость, свободно откочевывали в новые места, находили себе по своему желанию более сильных покровителей. Между ними происходили постоянные распри, от чего больше всего страдали рядовые общинники.

Вопрос об отношении тойонов к рядовым общинникам — один из наименее ясных вопросов общественного строя якутов той эпохи. Были ли общинники закрепощены тойонами или еще свободны? Подвергались ли они эксплуатации со стороны тойонов? На первый вопрос следует ответить, по-видимому, отрицательно: ни из чего не видно, чтобы основная масса улусного населения была в какой-либо форме закрепощена, лично несвободна. Но, как уже говорилось, часть неимущих общинников действительно не имела хозяйственной самостоятельности, они «жили подле» своих богатых соплеменников, тойонов в захребетниках. Некоторые историки (Бахрушин) видят в положении этих «живущих подле» черты феодальной зависимости.

Основная же масса улусных людей оставалась, видимо, лично свободной, но и они могли подвергаться эксплуатации: богатые скотовладельцы давали им на выпас свой скот и таким образом присваивали себе их труд. По позднейшим данным, такая форма эксплуатации была у якутов очень распространена. Тойоны давали малоскотным общинникам свой скот, который те держали зимой в своих хотонах, кормили его, заготовляли летом для него сено, доили коров и кобылиц, приготовляли молочные продукты, ухаживали за приплодом. За это тойоны выделяли им часть молочных продуктов. Об отдаче скота на выпас («в тело» или на удой) свидетельствуют многочисленные упоминания: «Взял у меня... для ради корму своего, для молока корову добрую стельную...»; «взял у меня две кобылы... доить и кормить, да жеребенка годового...»; «взяли... 3 кобылы доить на время...» и т. п. [23] Пользование продуктами скотоводства влекло за собой также отработки. «В 178 г. (1669/70 г.) имал он Салтука летом у меня... корову мою доить, за сенную работу, да за тое же работу сенную имал у меня он же Салтука на соболиный промысел ездить коня моего племяннику своему Саптугурку. А работал летом у меня, сено ставил племянник иво Саптугурко за тое мою корову доение и за конинную работу...» [24].

Отдача скота уже в XVII в. являлась одной из форм феодальной эксплуатации, подобно тому как это было у казахов *(саун)*, киргизов *(саан)*, алтайцев (*полыш*) и др. Крупное хозяйство тойонов, владевших стадом в несколько сот голов скота, при небольшом числе домашних работников и ограниченных размерах теплого помещения для скота не могло само обеспечить содержание скота в течение долгой якутской зимы. Тойон раз-

[22] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 145.
[23] Там же, стр. 182—183.
[24] Там же, стр. 183—184.

давал скот сородичам. Но тяжесть содержания чужого скота вредила скотоводческому хозяйству самого общинника, препятствовала его развитию. Отдача скота скотовладельцами на выпас являлась эксплуатацией экономически слабой части рода.

Если скот у якутов издавна был объектом частной собственности, то земля, напротив, в XVII в. лишь начинала переходить из общинной в частную собственность. Сохранение общинной формы земельной собственности отнюдь не мешало тому, что фактически землю захватывали прежде всего крупные скотовладельцы. Раньше всего начали переходить в частное владение покосы. Так как от наличия сена зависело содержание скота, основного богатства якутов, то из-за потравы сена и захвата покосов нередко происходили недоразумения и возникали иски [25]. Одновременно с покосами во владение отдельных семей стали переходить и рыболовные угодья [26]. Общинно-родовой оставалась собственность на промысловые охотничьи угодья и пастбища. Однако и этими последними фактически пользовались лишь те, кто имел скот, и в первую очередь наиболее зажиточная часть якутов, т. е. тойоны.

Очевидно, что классовые противоречия в якутском обществе XVII в. были уже довольно развиты. Они неминуемо порождали классовую борьбу, хотя еще и в зародышевых ее формах. Протест против тойонских насилий проявлялся и у свободных общинников и у рабов. Классовый протест рабов выражался чаще всего в побегах. О них сообщают многочисленные судебные дела — жалобы тойонов на бежавших от них рабов. Так, например, в 1664 г. Селбуй Одураев жаловался на побег восьми его «холопей» «з женами и з детми своими». А крупный намский тойон Ника Мымаков в том же году жаловался, что у него сбежали 11 «холопей». У бетунского якута Акона Камыкова в 1671 г. бежали в Жиганы восемь холопов и пять «женок работных» [27]. За время с 1640 по 1700 г. С. А. Токарев насчитал по архивным документам 40 побегов рабов [28].

Яркие проявления классовой борьбы имели место во время борьбы якутских тойонов с русскими служилыми людьми. Холопы-боканы сообщали служилым людям о подготовке восстаний, так как считали тойонов главными их участниками и хотели их поражения. В судебных делах есть также указания на убийства холопами своих хозяев и их родственников. Все это свидетельствует, что господство родовой знати, эксплуатировавшей своих сородичей, было для них тяжелым бременем. Общество уже разделилось на два неравных по величине лагеря: богатых и бедных, «лутчих» и простых. Верхушку общества составляла родовая знать — «князцы», все больше превращавшиеся в угнетателей, хотя это превращение и маскировалось патриархально-родовыми чертами. Основная масса населения состояла из улусных людей, общинников. Третью группу составляли зависимые слои населения: «живущие подле», захребетники, вскормленники, боканы, холопы или кулуты.

Якуты были окружены племенами охотников и оленеводов, находившихся на более низкой, чем они, ступени развития. У своих соседей — тунгусов, юкагиров и др.— якуты восприняли ряд элементов материальной и духовной культуры: части одежды, орудия охоты, орнамент и пр. Якуты выменивали у них продукты скотоводства на пушнину, необходи-

---

[25] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 288.
[26] Там же, стр. 292.
[27] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 205.
[28] Там же, стр. 204.

мую для изготовления одежды. Но время от времени между якутами и их соседями возникали столкновения, обычно на почве пользования промысловыми угодьями. Случалось, что эти столкновения приводили к кровавым схваткам.

Связи с более отдаленными племенами и народами у якутов почти отсутствовали. Если такие связи и возникали, то чрезвычайно редко и эпизодически. Якуты знали о бурятах, о Даурии, о далеком Китае, но регулярных сношений с ними не имели.

Низкий уровень развития производства, суровые климатические условия и зависимость от сил природы постоянно ставили под угрозу сохранение основного богатства якутов — их лошадей и коров. Чрезвычайно замедленные темпы общественного развития, вековая изолированность от внешнего мира — таково было состояние якутского общества ко времени присоединения Якутии к Русскому государству.

ГЛАВА II

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЯКУТИИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

Присоединение Якутии к России было одним из важных эпизодов процесса образования Русского цетрализованного многонационального государства.

Продвижение русских в XVI—XVII вв. в Сибирь с ее многочисленными народностями и племенами значительно расширило нацональный состав Русского государства. В то же время оно означало расширение его государственных границ на громадном пространстве северо-востока Азии.

Расширение границ Руси на северо-востоке, присоединение новых обширных территорий отвечало интересам не только русских помещиков и купцов, но и коренного населения Сибири, а также интересам простого русского народа. Инициатива открытия и освоения Сибири принадлежала не только центральной власти, но и подневольным русским людям, уходившим в Сибирь от гнета помещиков-крепостников и крепостнического государства.

Усиление процесса закрепощения крестьян в центральных районах России к середине XVII в. послужило одной из основных причин движения русских крестьян сначала в западные, а потом и восточные области Сибири, вплоть до Якутии. Конечно, крестьяне и здесь недолго оставались свободными: за ними шли воеводы, приказчики, купцы, и на вновь открытых окраинах также постепенно устанавливался гнет феодального государства.

Присоединение Якутии к России происходило тогда, когда шел процесс образования единого всероссийского рынка. В. И. Ленин, указывая, что фактическое слияние всех областей, земель и княжеств в одно целое произошло в России «примерно с XVII века», писал: «Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [1].

Вхождение Якутии в состав Русского государства значительно расширяло его внутренний рынок. Освоение громадных богатств Якутии, в первую очередь ценной пушнины, укрепляло экономическую мощь Руси. Якутия вместе с другими частями Сибири поставляла на всероссийский рынок наибольшее количество пушнины, которая благодаря своей ценности и значительному спросу на нее играла в XVI—XVII вв. роль валютной казны и составляла временами до трети всей валюты государ-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

ства. В связи с ростом международных рыночных отношений пушнина в большом количестве шла за границу.

В самой Якутии с первых же лет присоединения оживленно велась торговля с местным населением. Русские люди организовывали большие торговые экспедиции в отдаленные районы Якутии. Они брали с собой товаров на сотни рублей тогдашней стоимости и обменивали их на пушнину. В этих торгах были заинтересованы и коренные народы Якутии, как и других областей Сибири.

Основные этапы русского продвижения в Якутию можно наметить следующим образом.

Присоединение Западной Сибири, начавшееся в последние годы царствования Ивана Грозного, было закончено в конце XVI в. освоением бассейна Оби. Однако пушные богатства Западной Сибири быстро истощились, и это послужило одним из стимулов к новым географическим открытиям на северо-востоке.

Переход с Оби на Енисей явился следующим этапом русского продвижения. Переход этот был совершен двумя путями — северным и южным. Северный путь шел морем, из устья Оби в Обскую губу и в восточное ответвление ее — Тазовскую губу или Мангазейское море, затем вверх по р. Тазу в Мангазею, откуда волоком перебирались на р. Турухан, приток Енисея. На р. Тазе был поставлен Мангазейский город, а у впадения Турухана в Енисей — Туруханское зимовье. Южный путь с Оби на Енисей шел притоком Оби — Кетью, верховья которой близко подходили к среднему течению Енисея. В 1619 г. на Енисее был поставлен Енисейский острожек.

Все эти три пункта — Мангазея, Туруханское зимовье и Енисейский острожек — служили исходными точками для третьего этапа продвижения — в Якутию, на «Великую реку Лену», куда вел путь по Тазу и Нижней Тунгуске.

Первое известие о Лене было получено в Мангазее в 1621 г. от тунгусов-буляшей, которые между прочим сообщили, что на большой реке Лин (Лена) живут люди. «Избы де у них, как у русских людей, и лошади есть, а про то оне не ведают, пашенные ль они люди или не пашенные, а платье носят таковое ж как русские люди» [2]. Таково было первое сообщение об якутах, полученное русскими,— пока еще весьма неточное.

В 1620-х годах русские служилые люди открыли р. Лену. Один из первых отрядов мангазейцев, достигший Лены, возглавлялся промышленным человеком по имени Пенда. Отряд, насчитывавший 40 человек, вышел из Туруханска, прошел по Нижней Тунгуске до самых ее верховьев, перевалил через волок и вышел на Лену, спустившись по ней до места, где позднее был основан Якутск. Оттуда отряд плыл вверх по Лене почти до ее верховьев, до места, где впоследствии был поставлен Верхоленск. В какие годы совершил отряд Пенды свое грандиозное по размерам и замечательное по смелости путешествие, точно не установлено, но одно из зимовий, поставленное Пендой, упоминается в документе 1624 г. По-видимому, поход Пенды происходил незадолго перед тем.

По мнению А. П. Окладникова, именно приход Пенды в Якутскую землю запечатлен в якутском предании о приходе первых русских и мирной встрече их с кангаласским князцом Тыгыном. В предании рассказывается о том, как в последние годы жизни Тыгына на его земле появились неведомые пришельцы, поразившие Тыгына своим умением работать и мудростью. Пришли они неожиданно и так же неожиданно исчез-

[2] «Якутия в XVII веке», стр. 12.

ли. Только спустя несколько лет здесь вновь появились русские. Этот народный рассказ очень близок к исторической действительности.

Действительно, вернувшись из своего похода на Лену, Пенда составил письменное сообщение о сделанных им открытиях, которое послужило толчком к дальнейшим походам землепроходцев в те же места [3].

Когда слухи о новой «землице» на Лене достигли Москвы, оттуда было дано распоряжение в Тобольск о снаряжении специальной экспедиции на Лену. Такая экспедиция под начальством сына боярского Самсона Навацкого вышла из Тобольска в 1628 г. Она дошла до Енисейска, по Енисею добралась до Туруханского зимовья и пошла дальше вверх по Нижней Тунгуске. Здесь от тунгусов Навацкий узнал о р. Лене и о том, что «по Лене же реке живут юртами якутцкие люди» [4]. Для проверки этих сведений экспедиция выделила отряд под началом Антона Добрынского и Мартына Васильева. Отряд перешел на приток Вилюя — Чону, затем на Вилюй, по которому вышел на Лену. В пути участники отряда испытывали большие лишения. Шли они пешком, «зимою на себе таскали нарты, и на тех службах нужу и стужу и голод терпели» [5]. На Вилюе и Лене они собрали ясак с тунгусов и с «конной якутской орды». На земле якутов они поставили укрепленный острожек. Докуда доходил Добрынский с товарищами, установить трудно, но в одном месте его отписки упоминается Алдан.

9 ноября 1630 г. ночью острожек, построенный Добрынским и Васильевым, подвергся нападению якутских князцов. Эти князцы, или «тайши», как их называет Добрынский,— Нарыкан, Кореней, Буруха, Бойдон, Ногуй, со своими улусными людьми,— приступили к острожку. Служилые люди выдерживали осаду в течение полугода и только в начале мая 1631 г. отбили нападение. Во время похода половина отряда погибла, осталось только 15 человек. В Туруханске Добрынский передал воеводе отчет о своем походе и собранный ясак.

Так были открыты «дальние от века неслыханные земли» [6].

Таинственная Лена своими сказочными богатствами привлекала внимание все большего числа промышленников и служилых людей сибирских городов. Все больше и больше отрядов промышленных и торговых людей встречается «по Лене по обе стороны по речкам», а также на Вилюе. В общем итоге к 1632 г. усилиями мангазейских, тобольских и других служилых людей и промышленников был открыт путь по Вилюю на Лену и обследованы Алдан и Амга.

По инструкции мангазейских властей это обследование проводилось в самых широких масштабах. В наказах начальникам разведывательных отрядов предписывалось «проведывати подлинно, иноземцев распрашивати накрепко, что по Вилюю реке и по иным сторонним ближним и дальним речкам вверх и вниз и по озерам какие иноземцы живут, и сидячие люди или кочевые, и будет сидячие, и которыми обычьи живут, в юртах ли или переезжая живут, и какой у них бой, огняной или лучной, и с кем бьютца и в которые государьства они, иноземцы, ясак с себя платят и каким зверем, собольми или лисицы или бобры или куницы или иным каким зверем платят, и чем промышляют и сыти бывают, и скот, лошади и коровы и овцы и верблюды и иной какой скот у них есть ли, и пашенные места и хлеб какой пашут ли, или иные какие угодные мес-

---

[3] См. А. П. Окладников. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. «Летопись Севера», вып. 1, 1949, стр. 94—102.

[4] «Якутия в XVII веке», стр. 16.

[5] Там же, стр. 15—16.

[6] Там же, стр. 16—17.

та близко их, реки и речки и озера, и в них рыбные ловли, и соляные ключи по тем местам прилегли ль — то все ему... проведати, распрося подлинно, отписати в Мангазейской город...»[7].

Для более полного обследования Приленского края в Тобольске была организована специальная экспедиция в составе 38 человек под началом сына боярского Воина Шахова. Экспедиция прибыла в Мангазею в сентябре 1633 г., перезимовала там, а весной двинулась в Туруханское зимовье, откуда пошла по Нижней Тунгуске и перешла на Вилюй. Продвигаясь по Вилюю, Воин Шахов везде ставил зимовья и оставлял в них своих людей. Недалеко от Нижне-Вилюйского зимовья экспедиция впервые встретилась с якутами. Якуты эти оказались «пешими», т. е. жили рыболовством и не имели лошадей. Дальше экспедиции попались «конные» якуты. На Вилюе и в прилегающих к его устью местах на Лене Шахов объясачил конных якутов-тагусов: князца Идыхтека с 50 людьми, Осекуйский род пеших якутов и ряд других родов, всего более 125 якутов и 137 тунгусов. Роспись племен и родов, составленная Воином Шаховым, является первым этнографическим обзором Вилюйского края; из росписи видно наличие на Вилюе не только тунгусского, но и якутского населения.

Экспедиция продолжалась свыше шести лет (1633—1639) вместо предполагаемых двух. Условия, в которых она протекала, были невероятно трудны. Продовольствие, взятое с собой, было вскоре израсходовано, одежда износилась, боеприпасы иссякли, людям приходилось терпеть «большую нужу и голод». Многочисленные партии промышленников видели в отряде Шахова своего конкурента и нередко вступали с ним в открытые столкновения. К концу экспедиции из отряда уцелело лишь 15 человек.

Уже при первых попытках объясачивания были случаи вооруженных столкновений между служилыми людьми и якутскими тойонами. Князцы-тойоны, боясь потерять привилегированное положение, организовывали сопротивление, втягивая в борьбу и своих соплеменников. Уже в 1629 г. экспедиция Самсона Навацкого выдержала столкновение с кангаласским князцом Тыгыном.

Так шло движение на Лену со стороны Мангазеи. Одновременно русские двигались сюда южным путем из Енисейска. Этот путь шел сперва по быстрой и порожистой Ангаре (Верхней Тунгуске), затем по ее притоку Илиму. От устья Идирмы, впадающей в Илим, начинался Ленский волок — не длинный, но трудно преодолимый. Волоком добирались до притоков р. Куты, впадающей в Лену.

В Енисейск слухи о Лене впервые дошли в 1619 г., но они были настолько неопределенны, что верили им с трудом. Однако уже к концу 1620-х годов енисейские служилые люди достигли Лены. В 1628 г. десятник Василий Бугор перешел на р. Куту и спустился по Лене до устья Чаи. Он вернулся в Енисейск в 1630 г.

В том же 1630 г. енисейский атаман Иван Галкин отправился «вверх по Тунгуске реке до устья Илима реки и по Илиму реке вверх до устья Идирмы реки и на Куту реку и на Лену и по иным сторонним рекам, которые впали в Лену реку, для государева ясашного сбору и острожные поставки». Продвигаясь этим путем, атаман Галкин услыхал про «якольскую землю», которая «людна и скотна, и скот всякой есть, и кони, и коровы, и овцы, и живут де они на край Лены реки». Весной 1631 г. Галкин достиг Якутской земли, но при попытке объясачить князцов ему

[7] «Якутия в XVII веке», стр. 20.

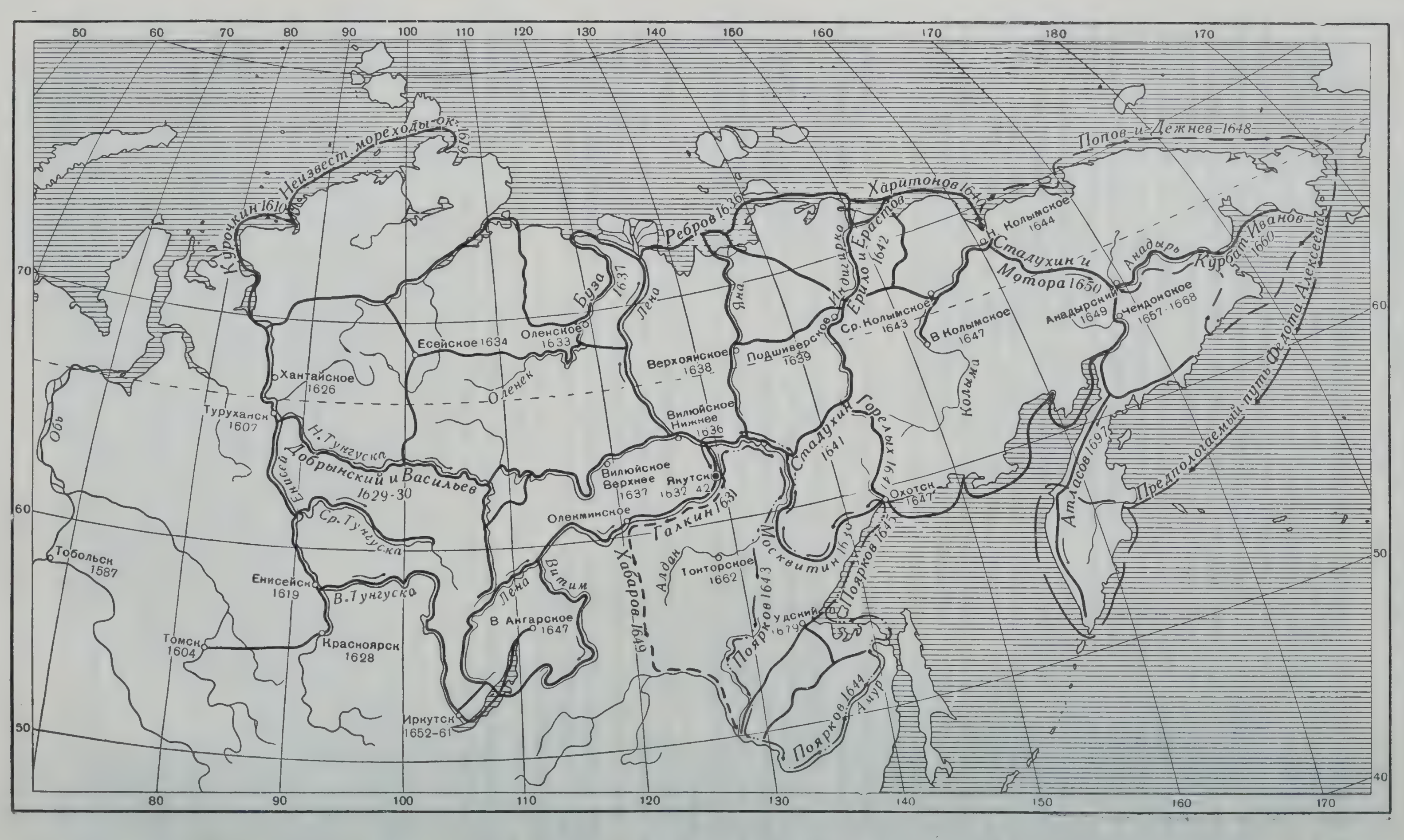

Рис. 4. Карта походов русских землепроходцев.

пришлось выдержать вооруженное сопротивление: «Да тех же, государь, якольских людей князец Тынина, да князец Бойдон живут на реки Лене и с нами, холопями твоими, дрались по вся дни и твоего государева ясаку нам не дали, и нас, государь, холопей твоих не хотели из своей земли выпустить. А нас, государь... было немного» [8]. Все же Галкину удалось объясачить пять якутских князцов с их родами и дойти до Алдана.

После похода Галкина сведения о бассейне Лены очень расширились. В своих отписках Галкин перечислял крупные притоки Лены: Киренгу, Чаю, Чичуй, Витим, Олекму, Алдан, впадающие в Лену справа, и левые притоки — Ичеру, Пеледуй, Вилюй. «Да в ту же, государь, в Лену реку,— писал он,— пали многие мелкие реки..., имян их не ведаем, а по тем большим рекам живут люди многие» [9].

На смену Ивану Галкину из Енисейска был послан новый отряд в 30 человек во главе со стрелецким сотником Петром Бекетовым. Отряд дошел до Средней Лены летом 1631 г. Бекетов красочно описал свои лишения во время похода на Лену: «И будучи я, холоп твой, на твоих государевых дальних службах, за тебя государя кровь свою проливал и голод и всякую нужю терпел, и душу свою сквернил, ел кобылятину и травное коренье, и сосновую кору, и всякое скверно, и цынжал многожды, а тебе, праведному государю, своим службишком и раденьем многую прибыль прочную учинил» [10]. Ему удалось взять ясак также только после ряда стычек с якутскими тойонами, которые вначале отказывались платить и нападали на ясачных сборщиков. Так, например, баксинский князец Тусерга вместе с кангаласскими тойонами убил двух служилых и нескольких промышленников. Мегинские тойоны («Бурухины дети») убили одного служилого и одного промышленного человека. Мегинские князцы Дуруй и Бодой ограбили ясачных сборщиков.

Несмотря на такое сопротивление, Бекетову удалось объясачить ряд местных якутских групп, которые он назвал волостями. Термины «волость» или «улус» применялись служилыми людьми и раньше по отношению к обложенному ясаком населению во многих областях Сибири. В росписи Бекетова упоминаются волости Бутунская, Намская, Модуцкая, Бутулинская, Кангаласская, Мегинская, Нерюптейская, Дупсунская и др.

Разделение якутского ясачного населения на «волости» одним из первых русских, проводивших сбор ясака в незнакомой местности, заставляет предполагать, что оно являлось лишь фиксацией общественного устройства самих якутов, со слов якутских князцов. Ни времени, ни условий для какого-либо нового административного деления у первых отрядов служилых людей, конечно, не было. На первых порах они имели дело с князцами, за которыми считали определенное число мужских душ. Каждый из князцов занимал определенную местность, которую и стали называть «волостью» или «улусом».

В конце сентября 1632 г. Бекетов построил на правом берегу Лены острог, получивший название «Ленского острожка» и положивший начало будущему Якутску. Сам Бекетов так сообщал об этом: «...Сентября в 25 день по государеву указу... поставил я, Петрушка, с служилыми людьми на Лене реке острог для государева величества в дальней украине и для ясачного сбору, для приезду якуцких людей, а преж того на Лене реке и в

[8] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 137.
[9] «Якутия в XVII веке», стр. 31.
[10] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», М., 1951, стр. 95.

Якуцкой земле государева острога не бывало нигде, а поставил государев новый острожек я, Петрушка, против якуцкого князца Мымакова улуса и меж иными многими улусами среди всей земли» [11]. «Мымаковым улусом» здесь назван Намский улус, где князцом был Мымак.

Якутский острог стал прочной базой для походов Бекетова. «И в Якуцком остроге я, холоп твой, [с] служилыми людьми годовал, и твоим государским счастьем многих якуцких княжцей и их улусных людей под твою высокую руку привел ...и тебе праведному государю с [Якутцк]ие землицы и в Ыжиганех, и с тунгусов по окольным речкам собрал многой ясак» [12]. Из вновь построенного острога Бекетов «посылал от себя для твоего государева ясачного сбору на сторонные речки на Вилюй и на Алдан, и по Молоде реке, и в Ыжиганы, и по Олекне реке, и к Столбам. И ис тех рек в ясачном зборе учинил тебе, праведному государю, вновь многую прибыль» [13].

Острожек. построенный Бекетовым, кроме жилых домов, имел еще часовню и был обнесен частоколом. Но строители неудачно выбрали место — у самой реки, на ее низменном берегу. Уже в 1633 г. вновь сменивший Бекетова Иван Галкин доносил, что «острожек, что поставил сотник стрелецкий Петр Бекетов, водою подмыло и развалился, избы и амбары водою посносило». Поэтому Галкин, перезимовав в развалившемся острожке, летом 1634 г. вновь построил острог «середи Якольские земли блиско лутчих кангаласских князцов, многих людей... на многих на больших дорогах в иные землицы на Амгу и на Тату» [14]. Атаман Галкин, назначенный правителем Ленской землицы, организовал ряд походов на «государевых непослушников»; но князцы продолжали упорно сопротивляться: «дрались долгое время», укрепившись в острожках. Лишь с трудом Галкину удалось собрать с них ясак.

Видя безнадежность сопротивления в одиночку, якутские князцы сделали попытку объединиться. Недалеко от Ленского острога, в Намском улусе стали собираться «многие якольские князцы своими людьми, сверху и снизу Лены реки и с гор, кангаласы и меги, катулинцы и бетунцы и дубчинцы многих родов» [15]. К концу декабря 1633 г. сюда съехалось от 600 до 1000 якутов, в то время как у Галкина было всего около 50 человек. Известие об этом Галкин получил вечером 4 января от холопа намского князца Мымака. Утром 5 января Галкин собрал всех служилых, находившихся в остроге, а также промышленных и торговых людей, всего около 50 человек, и двинулся на конях через Лену на Намский улус, где столкнулся с вооруженными отрядами якутов. В этом бою служилые люди потерпели поражение, два казака были убиты, многие тяжело ранены. Много жертв понесли и якуты. Отряд Галкина вынужден был отступить к острожку и заперся в нем.

Якуты преследовали отступавших до самого острога и с 9 января начали осаду, которая продолжалась 50 дней, до 28 февраля. Осажденные голодали, болели цынгой, замерзали без топлива. Но якуты неожиданно сняли осаду. Возможно, что причиной этого была взаимная вражда, которая жила между якутскими князцами еще до прихода русских. Особенно враждовали между собой борогонский тойон Логуй и кангаласский Тыгын с сыновьями.

---

[11] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., ст. 368, л. 122.
[12] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века...», стр. 94.
[13] Там же, стр. 95.
[14] «Якутия в XVII веке», стр. 32.
[15] С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа. М., 1940, стр. 46.

После снятия осады Галкин принудил нескольких князцов с их людьми заплатить ясак, но некоторые из них откочевали от своих прежних мест «на иные сторонние дальние реки», другие же продолжали сопротивляться.

Сменивший Галкина енисейский сын боярский Парфен Ходырев продолжал борьбу с кангаласскими тойонами Откураем и Бозеко. В других волостях также было неспокойно. В 1636 г. бетунцы под предводительством князцов Камыка, Улта и Ортуя истребили целый отряд служилых людей. На самого Ходырева на обратном пути в Енисейск напали кангаласцы и убили казачьего десятника. Зато борогонский князец Логуй, стараясь в своей борьбе против кангаласских князцов использовать служилых людей, вместе со своими улусными людьми подкочевал к Ленскому острожку, ближе к русским укреплениям. Когда кангаласские князцы, собрав войско человек в 400, напали на него и захватили пленных и скот, на помощь Логую пришел атаман Иван Галкин. Он снарядил за кангаласскими тойонами погоню, вместе с людьми Логуя настиг их, отбил пленных и скот. Тогда на сторону кангаласцев стали другие князцы, и более 600 якутов под началом Откурая и Бозеко приступили к Ленскому острожку. Они вновь попытались взять острожек приступом, но Галкин со своими людьми «в осаде в острожке сидели накрепко и в острожку с ними бились» [16].

Погромив окрестных ясачных якутов, отогнав их скот и уведя около 20 пленных, кангаласские князцы отошли от острога. Галкин двинулся вслед за ними. Но взять их укрепленные острожки, сделанные в две стены, было нелегко, и только на третий день служилые люди добились победы. После того как их укрепления были разгромлены, кангаласские князцы согласились платить ясак, «вину свою государю принесли и перед ним, Иваном, шертовали, чтобы им кангаласским князцам впредь под Ленской острожек войною не приходить и государевых служилых и ясачных людей не побивати и улусов не громити» [17]. Князцы дали аманатов и внесли ясак за себя и своих улусных людей.

Мирный договор с кангаласскими князцами был большим успехом служилых людей. Теперь основная масса якутов стала платить ясак без сопротивления. С этого времени обозначается перелом в отношении якутских тойонов к царизму. При первом появлении служилых людей в Якутии тойонская знать увидела в них конкурентов в эксплуатации своих сородичей и активно против них выступила. Но после понесенных поражений тойоны стали сами склоняться к установлению мирных отношений с новой властью. «Ясачные сборщики» стали свободно ходить на Амгу, на Вилюй, в низовья Лены, на Алдан. Они закреплялись там, ставя острожки и зимовья, которые на первых порах подчинялись различным сибирским центрам: Мангазее, Енисейску, Тобольску и даже Томску.

После закрепления русских в средней части бассейна Лены открытия продолжались главным образом на севере и востоке.

Ряд важных открытий был сделан морским путем через устье Лены. В 1633 г. группа служилых и «охочих людей», уже обследовавших низовья Лены, подала челобитную о разрешении им идти в «новое место морем на Янгу реку». Во главе этой группы стал мангазейский служилый человек Иван Ребров. Он повел своих товарищей по Лене до моря, морем достиг Яны, объясачил обитавшие здесь племена юкагиров и построил на р. Яне острог. Отсюда он послал со своим помощником Иваном Перфирьевым

---

[16] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 74.
[17] Там же.

собранную пушнину в Енисейск, а сам пошел дальше «по морю на новую стороннюю Индигирскую реку». Там он построил два острога. На Яне и Индигирке Ребров со своим отрядом пробыл семь лет, в течение которых «нужу и бедность и холод терпел и душу сквернил, ел всякое скверно, и сосновую кору и траву». Иван Ребров, таким образом, открыл «Юкагирскую землю».

Многое сделал для обследования побережья Ледовитого океана енисейский десятник Елисей Буза. В 1637 г. он вышел из Олекминского острога, пошел по Лене вниз к морю и морем дошел до устья Оленека. Поднявшись вверх по Оленеку, Буза сухим путем перешел с него на Лену в устье р. Молоды. Оттуда он на двух вновь построенных кочах пошел морем «по другую сторону», т. е. к востоку от устья Лены, и добрался до р. Омолоя. Здесь он потерпел крушение и сухопутьем перебрался на верховья Яны. Однако к весне 1638 г., заново построив суда, Буза спустился на них вниз по Яне и протокой вышел в Чендонский залив. Из своего смелого путешествия он вернулся обратно лишь в 1641 г. [18]

Почти одновременно с открытием морского пути к тем же северным рекам была открыта сухопутная дорога через Верхоянский хребет. Этим путем шли пять недель на лошадях до верховьев Яны, а оттуда, перевалив через хребет Тай-Хаяннас, через три-четыре недели попадали на Индигирку; этим путем первым прошел служилый человек Селиванко Харитонов, поставивший на Яне зимовье. Далее шли на нартах до Алазеи, с которой в 10 дней достигали верховьев Колымы.

В 1638 г. прошедший тем же путем отряд енисейского служилого человека Посника Иванова заложил в верховьях Яны зимовье, которое в дальнейшем выросло в г. Верхоянск. Отсюда отряд на конях перешел в верховья Индигирки и около индигирских порогов («шиверов») построил зимовье Зашиверское.

Иванова сменил Дмитрий Ерило. Он спустился вниз по Индигирке на стругах и на земле юкагиров-олюбенцев поставил Олюбенское зимовье. От юкагиров он узнал, как проехать на р. Алазею, построил коч и весной 1642 г. спустился на нем в море; добравшись таким путем до Алазеи, он поставил там зимовье. Другое зимовье на Алазее построил казак Иван Беляна.

Так русские утвердились на Индигирке и Алазее.

Двигаясь дальше на восток, смелые землепроходцы проникли на Колыму. Первым вышел на нее тот же Селиван Харитонов (в 1640 г.). Почти одновременно с Харитоновым пришел на Колыму казачий десятник Михаил Стадухин. Так же как Харитонов, он вышел на Колыму с моря, но прежде побывал на Оймяконе и Индигирке. На Колыме он поставил зимовье.

В итоге этих походов за какие-нибудь 10 лет все побережье Ледовитого океана было обследовано и освоено русскими людьми. Сухопутные дороги туда вели через малодоступные горные перевалы, через дикие пустынные места, где отважные землепроходцы «едва не мерли с голоду». Плавание по Ледовитому океану также было сопряжено с большим риском. Часто дули «ветры с моря прижимные», прибивавшие суда к берегу; еще хуже были «льды плотные», запиравшие путь даже в летнюю пору. Корабли нередко замерзали в открытом море, их затирало «в большие льды», и тогда приходилось пробираться пешком к берегу. Преодолевая эти трудности, торговые и промышленные люди все же предпочитали хо-

---

[18] См. «Якутия в XVII веке», стр. 50—51.

дить морским путем; на своих кочах они шли вдоль морского берега и заходили «для торгу» в устья северных рек [19].

Этому много способствовало то, что русское мореплавание находилось на относительно высоком уровне. Если бы судостроительная техника и оснащение не отвечали своеобразным и трудным условиям Ледовитого океана, вряд ли мореходы XVII в. могли бы пользоваться Северным морским путем.

На Лене в 1630-х годах сосредоточились опытные судостроители — уроженцы русских поморских городов, выходцы из Двины, Устюга Великого, Вологды. Для морского ходу строились большие суда — кочи. Длина коча достигала 16—17 м, ширина по отношению к длине составляла 1 : 4. Коч оснащался железными якорями, наибольший из которых весил 5 пуд. Коч ходил под парусом, который делался из холстин (а не из ровдуги, как считали некоторые историки). В пути мореходы пользовались компасом.

Все устройство коча, его оснащение и управление выработалось в борьбе с суровой северной природой, в вековом опыте плавания во льдах. Будучи рассчитан на прохождение больших расстояний за короткую навигацию, коч являлся весьма быстроходным судном; он мог лавировать среди льдов и при сильном ветре; мореходные качества коча позволяли плавать на нем в бури. В тяжелых условиях полярного плавания большое значение имели высокое мореходное искусство русских казаков, торговых и промышленных людей, их выносливость и упорство. Благодаря их отваге все шире и дальше на север простирались новые владения Русского государства, все более расширялись торговые связи. По Яне, Индигирке, Колыме и другим северным рекам завязалась бойкая торговля, появлялись ярмарки по типу больших поморских базаров.

Но вслед за предприимчивыми землепроходцами в новые «землицы» нередко шли и охотники до наживы, атаманы казачьих отрядов, которые, по поручению ли воевод, за свой ли страх и риск, пускались в походы за ясаком и при этом нещадно грабили и притесняли местное население. Такие отряды зачастую сталкивались между собой, отбивая друг у друга собранный ясак и прочую добычу. В свои столкновения они втягивали и местное население, в частности якутов, пользуясь существовавшей среди них межплеменной рознью.

Много шума наделало, например, в 1639 г. столкновение на р. Алдане томских служилых людей атамана Дмитрия Копылова и енисейских служилых людей сына боярского Парфена Ходырева; на стороне первых были якуты — накарцы, нюрюнтейцы, мегинцы, на стороне вторых — сыланцы и батулинцы. В более ранние годы происходили неоднократные стычки между енисейскими и мангазейскими служилыми людьми, враждовали между собой и отдельные отряды енисейских казаков. Все эти междоусобные столкновения, анархические действия казачьих атаманов наносили большой ущерб интересам государства, не говоря уже о том, что они разоряли местное население.

Якуты пытались порой оказывать сопротивление казачьим грабежам. Некоторые из этих попыток принимали даже организованные формы, в них участвовали иногда и тунгусы, не меньше якутов страдавшие от насилий. Одно из выступлений беднейших якутов и тунгусов имело место в 1639—1640 гг. на Алдане близ Бутальского зимовья [20]. Оно было вызвано тем, что истощение соболиных промыслов в результате беспощадного истребления их промышленниками больно затрагивало алданских якутов и

[19] См. «Якутия в XVII веке», стр. 52—58.
[20] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, оп. 3, ст. 6, лл. 4, 5, 7, 15, 68, 75.

тунгусов, для которых охотничий промысел, наряду с рыболовством, служил одним из основных средств существования. Около 20 якутов и тунгусов, вооружившись ножами, зашли в Бутальское зимовье «будто для торгу» и убили находившихся там 10 промышленников. Оставшись здесь и дождавшись прихода остальных 10 промышленников, восставшие перебили и их. Вскоре к ним примкнули другие алданские якуты: одайцы, баксинцы, сыланцы, коринцы, «сослався с ламскими и с майскими тунгусы». Повстанцы построили себе острожек и засели в нем. Одна из групп напала на зимовье промышленника Кирилки Ружникова, но он отбил нападение. Тогда была организована осада зимовья, которая продолжалась целый месяц. Но в конце концов якуты вынуждены были отступить. Богатые якуты-скотоводы, жившие там же, не только не участвовали в выступлении, но сразу же послали сообщить о случившемся в Якутский острог. По приказанию батурусского князца Очея, одейского Сергуя и других князцов был пойман один из главных участников восстания, балыксыт (бедняк) Оилга и еще восемь «рыболовишек». Их привезли в Якутск. Оилга говорил о себе: «Государева де ясака я не плачиваю, а я де худой человек-рыболов». В Якутске Оилга был «пытан, кнутом бит и огнем жжен». У него требовали, чтобы он указал подстрекателей и участников восстания, спрашивали, не были ли подстрекателями служилые низы. Такой вопрос свидетельствует об обострении классовой борьбы среди русских служилых людей. Но Оилга был стоек и «с пытки сказал, что не научали их де русские люди, ни ясашные якуты Очеевы, ни Омолдоновы, ни Нарекановы» [21], а что они сами решили бороться. Оилга был жестоко наказан: «кнутом бит, дано пятьдесят четыре удара, и огнем жжен и клещами ломлен. И того ж числа тот убоец Оилга повешен» [22].

Подобного рода события, вызывавшиеся безмерными грабежами казачьих атаманов и хищничеством промышленников, не могли не внушать беспокойства правительству и побуждали его принимать решительные меры к обузданию грабителей. Да и само необычайно быстрое расширение государственной территории на восток, приобретение новых богатых пушным зверем земель также требовали создания нового административного центра на Лене. Было решено создать особое Якутское воеводство, подчинив его непосредственно Москве.

Решение об организации воеводства состоялось в 1638 г.; туда были назначены воеводы Петр Головин и Матвей Глебов и дьяк Еуфим Филатов. Воеводам были даны в помощники двое письменных голов, а в качестве вооруженной силы — 395 пеших стрельцов и казаков из разных сибирских городов. Кроме того, им предписывалось взять по дороге из Тобольска и Енисейска 20—30 плотников, двух кузнецов и двух толмачей для ясачного сбора. В Тобольске воеводы получали хлебные запасы и деньги на жалованье, вино горячее и мед «для приуки новых землиц ясачным людям на корм», артиллерию и артиллерийские припасы; сверх того, они были снабжены материалами для судостроения — скобами, гвоздями, снастями и т. п. Воеводам поручалось произвести детальное географическое описание края: «Лене и Алдану и иным рекам и новым землицам, которые по тем рекам проведают, да и Ленскому острогу, каков они поставят, и прежним острожкам и дорогам, которыми они на Лену реку из Енисейского острогу пойдут, роспись и чертеж».

В Ленский острог воеводы приехали летом 1641 г., т. е. через три года после выезда из Москвы — так долог и затруднителен был путь. Приехав

---

[21] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 78.
[22] Там же.

Рис. 5. Якутский острог в 60-х годах XVII в.
(с гравюры Витзена).

на место назначения, Головин начал строить вместо острога, поставленного Галкиным, более обширный острог. Для этого было выбрано место в двух днях пути от прежнего острога вверх по Лене, на противоположном, левом ее берегу (так называемый Еюков луг, близ оз. Сайсары). Острог был окружен «чесноком» (тыном) с пятью башнями. Внутри острога находились все административные учреждения: воеводский двор, съезжая изба, таможенная изба, амбары с государственной казной, тюрьмы, пытошная изба, а также церковь и жилые дома. Переход воеводства в новый острог состоялся в 1643 г.

С организацией Якутского воеводства эксплуатация пушных богатств приняла более планомерный, с точки зрения царской администрации, характер. Якутск сделался главными воротами, через которые шло все промышленное движение в поисках пушнины. В 1642 г. Якутская таможня «отпустила» 1131 человек, из них на соболиные промыслы — 839, а с промыслов в Русь и в сибирские города 233 человека. В следующем году было «отпущено» 907 человек, из них на промыслы 653, а с промыслов 254 человека [23].

В первые годы существования Якутска добыча пушнины достигала громадных размеров. В 1641 г. было вывезено 199 сороков 37 соболей, т. е. около 8000 соболиных шкурок, всего на 9700 руб. В 1651 г., по неполным сведениям, с промыслов было привезено 336 сороков 10 соболей, т. е. 13 450 соболиных шкурок и, сверх того, много прочей пушнины, всего по таможенной оценке на 15 661 руб. 10 алтын, 1 деньгу (около

[23] «Якутия в XVII веке», стр. 332.

235 000 руб. на современные деньги) [24]. В последующие годы добыча хищнически истребляемого зверя не могла не сократиться. Однако число проходивших через Якутск промышленников было еще значительно: с октября 1653 г. по 1 сентября 1654 г. в Якутской таможенной избе побывало 489 человек, в 1654/55 г.— 456, в 1655/56 г.— 549, в 1657/58 г.— 510.

Якутск стал отправным пунктом для дальнейших поисков и географических открытий новых земель северо-востока Сибири. Из Якутска отправлялись в свои знаменитые походы русские открыватели восточного побережья Ледовитого океана и текущих в него «дальних заморских рек». Отсюда шли землепроходцы на реки, впадающие в Тихий океан, на Охоту и Амур.

Общий торговый подъем, который переживало Русское государство после ликвидации «смуты» и признаки которого определенно обрисовывались в 1640-х годах, выразился в энергичных поисках морского пути на восток. К этому времени стало известно второе после пушнины богатство Якутии — моржовая кость, ценившаяся наравне со слоновой. С целью добычи моржовой кости стали делаться попытки обогнуть северо-восточную оконечность Азии, называемую теперь Чукотским мысом.

В 1646 г. партия промышленников во главе с Исаком Игнатьевым вышла из устья Колымы в море. Повернув на восток, она достигла Чаунской губы и здесь обменяла свои товары у местного населения на моржовую кость.

Эта разведка вызвала большой интерес среди многочисленных промышленников и торговых людей, собравшихся на Колыме. Они решили немедленно организовать поиски моржовой кости за «необходимым камнем», который «в море прошел далеко... стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что льды не пропущают». В этот дальний поход отправилось 90 человек, во главе которых стал приказчик богатого купца Усова — Федот Алексеев Попов. К грандиозной экспедиции было прикомандировано несколько служилых людей во главе со знаменитым Семеном Ивановичем Дежневым. Дежнев был родом из Великого Устюга, на Лену попал в 1638 г., участвовал в ряде походов по Ленскому бассейну. Это был опытный землепроходец, хорошо знавший суровые северные условия, закалившийся в борьбе с ними. В экспедиции Попова он был одним из самых бывалых участников.

Экспедиция выступила 20 июня 1648 г. и в середине сентября достигла «Большого носа», т. е. той крайней восточной точки Азиатского материка, который теперь называется мысом Дежнева. Здесь одно из судов разбилось, но люди спаслись и были размещены на других судах. Против мыса мореходы увидели два острова, называемых теперь островами Гвоздева или Диомида, и встретили там эскимосов. Вскоре налетевшая буря разнесла флотилию. Четыре коча пропали без вести. Имеются некоторые данные, что часть людей с этих кочей спаслась и попала к берегам Камчатки [25].

Коч, на котором плыл Семен Дежнев и с ним 24 человека, долго носило морем, пока, наконец, после 1 октября его не выбросило на берег к югу от устья Анадыря. Попавшие на пустынный берег измученные мореходы пошли на Анадырь: «сами пути себе не знаем», как рассказывал впоследствии Дежнев, «холодны и голодны, наги и босы» [26]. Оставшиеся в живых 12 человек во главе с Дежневым, вернувшись в 1652 г.,

---

[24] «Якутия в XVII веке», стр. 344—345.

[25] См. И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», 1953, № 157, стр. 169 и сл.

[26] «Якутия в XVII веке», стр. 61.

поведали об открытом ими проливе, отделяющем Азию от Америки, проливе, о котором ничего не знали ученые географы того времени [27].

Поход и открытие Дежнева не были случайностью: они были подготовлены неоднократными попытками пройти морем на восток. Походы эти продолжались и после открытия Дежнева. На Колыме побывали Михаил Стадухин, Семен Мотора, Юрий Селиверстов и многие другие. В 1650—1660 гг. плавание от Якутска до Колымы и обратно стало обычным делом. Правда, попытки объехать «Каменный нос» были оставлены из-за слишком неблагоприятных условий, а также потому, что вскоре была открыта сухопутная дорога с Колымы на Анадырь. Этой дорогой стали пользоваться с 1649 г., подымаясь по Анюю (притоку Колымы) до Анадырского хребта, переваливая его на нартах и спускаясь на Анадырь. Ею же вернулся в Якутск Дежнев, составивший вновь открытому пути «чертеж», т. е. карту.

В 1651 г. был открыт путь с Анадыря на р. Пенжину, впадающую в Охотское море. Этот путь был обследован Михаилом Стадухиным. Приблизительно в это же время русские узнали о Камчатке, но только в 1697—1699 гг. якутский казачий пятидесятник Владимир Атласов прошел туда, обошел почти весь полуостров и составил замечательное по точности и полноте географическое и этнографическое описание Камчатки.

Таким образом, в течение полустолетия якутские служилые люди не только обследовали всю территорию Якутии, но и открыли полуостров Камчатку и выход в Охотское море. Из Якутска совершались дальнейшие походы на побережье Охотского моря, открытие Амура. Наиболее прославили себя походами на Амур письменный голова Василий Поярков (1643—1645 гг.) и промышленный человек Ерофей Хабаров (1649—1652 гг.), разделившие честь открытия Амурского края. Открытия Пояркова и Хабарова вызвали активизацию на Дальнем Востоке агрессивной политики маньчжуров, находившихся с 1644 г. у власти в Китае. Дайцинская династия завоевателей-маньчжуров не удовлетворялась эксплуатацией китайского народа, ее захватнические замыслы простирались на север, вплоть до Охотского побережья. Император Китая двинул в Приамурье большую армию. Однако отпор, данный отрядами русских казаков, заставил маньчжуров надолго отказаться от своих притязаний.

В продвижении русских по Якутии было замечательно то, что каждый шаг их на восток и на север запечатлевался наброском карты и «росписью», т. е. кратким географическим и этнографическим описанием местности. Уже на первой (не дошедшей до нас) карте Сибири 1628—1629 гг. была отмечена «великая река Лена». Следующая карта Сибири, составленная в 1667 г. в Тобольске по приказу воеводы Петра Годунова, показывает направление путей от Енисейска до Якутска и далее до Колымских зимовий [28]. В результате подробных описаний вновь открываемых территорий карта Сибири все более пополнялась, уточнялась и давала все более близкое к действительности представление об Якутии.

Открыватели Якутии не ограничивались только географическими и этнографическими описаниями, а одновременно изучали естественные богатства края. Они искали соляные источники и ставили на них соляные варницы. Они упорно искали месторождения железной руды. Уже

---

[27] См. Н. Н. Оглоблин. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в. ЖМНП, 1903, № 5; его же. Семен Дежнев. СПб., 1890. См. также «Якутия в XVII веке», стр. 60—62.

[28] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, XVII в. Л., 1939, стр. 8—12.

при первых якутских воеводах стало известно, что якуты на Вилюе плавят «из камня» железо. В 1686 г. в 5 верстах от Якутска была обнаружена руда, из которой выплавили 47 пуд. кричного железа. Большое внимание уделялось поискам драгоценных камней. Все эти поиски интересны тем, что они производились по почину любознательных простых людей. Собираемые ими сведения послужили толчком для систематического научного изучения естественных богатств Якутии в XVIII в.[29]

Географические открытия в Якутии русские делали при участии местного населения: якутов, тунгусов, юкагиров, чукчей и др. Русские расспрашивали их о соседних племенах и народах, об их землях и реках, по ним протекающих, о природных богатствах, об обычаях и т. п. Со слов местных жителей делались описания еще неведомых мест и народов, они ходили «вожами» русских промышленных отрядов, указывали новые водные и сухопутные дороги. Первые сведения о Лене доставил в Енисейск местный князец Илтик. «Ясырка» Михаила Стадухина рассказала о землях за «необходимым мысом». Якут Увай сообщил Михаилу Стадухину и Семену Дежневу, «что де есть река большая Мома, а на той де реке живут многие люди, а тот Емокон пал устьем в ту Мому» и т. п.[30] Можно привести много подобных примеров, свидетельствующих о том, как взаимное доверие и дружеские отношения, складывавшиеся между простыми русскими людьми и якутами, способствовали быстрейшему ознакомлению с новым краем.

Из сказанного не следует делать вывод, что процесс включения Якутии в состав Русского государства протекал безболезненно. Устремившиеся в Ленский край любители наживы, искатели приключений, представители царской администрации в своем стремлении к обогащению совершали, особенно в первые годы после открытия Якутии, чудовищные жестокости. Однако в Сибири никогда не проводилась политика истребления покоренных народов, уничтожения их самобытности. Царские власти были заинтересованы прежде всего в получении соболиного «ясака», а потому старались сохранить экономическую самостоятельность ясачного населения. Поэтому включение Якутии в состав Русского государства и по характеру и по историческим последствиям коренным образом отличалось от того, что происходило, например, при захвате индейских земель Северной Америки или при завоевании Ю. Африки, когда европейские колонизаторы порабощали и истребляли местное население. В результате такой колониальной политики значительная часть племен Американского материка, а позже Океании и Австралии была стерта с лица земли. Численность же якутского народа за годы его вхождения в состав России не только не уменьшилась, но возросла с 25 тыс. человек в 1648 г. до 250 тыс. в 20-х годах нашего столетия[31].

Присоединение Якутии к Русскому государству проходило в основном мирным путем: отдельные столкновения с ясачными сборщиками носили эпизодический характер. Это присоединение имело большое прогрессивное значение и для России и для Якутии. Для Русского государства присоединение громадной территории Якутии имело значение прежде всего экономическое: это присоединение расширяло внутренний рынок государства. Первые русские, появившиеся в Ленском крае, вели торговлю с местным

---

[29] См. В. Н. Скалон. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1951.

[30] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века...», стр. 492.

[31] См. Б. О. Долгих. Расселение народов Сибири в XVII в. «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 83, и перепись 1926 г.

Рис. 6. Документы XVII в. со «знаменами» (подписями-рисунками) якутов.

населением, и торговые связи, устанавливавшиеся между якутами и новопришельцами, располагали местное население добровольно присоединиться к Руси. Елисей Буза, Петр Бекетов, Иван Галкин и другие землепроходцы, отправляясь в неведомые земли, захватывали с собой много товаров (железо, олово, котлы, топоры, материю, бисер и др.), всегда находивших хороший сбыт; вместо них они привозили на Русь пушнину.

Присоединение внесло значительные изменения и в экономику народов Якутии. Достаточно напомнить, что именно у русских якуты научились обрабатывать землю и сеять хлеб. Уже в XVII в. отдельные якуты стали перенимать навыки земледелия, а в более позднее время якутская запашка стала заметно возрастать. Земледелие у якутов ограничивалось яровым посевом ячменя, но даже это означало увеличение их жизненных припасов и приводило к тому, что экономическая основа якутского общества значительно укреплялась. Животноводство якутов также испытало на себе влияние русской культуры: расширилось значение сенокошения, улучшилось содержание скота. Новые звероловческие приспособления («кулемы», ловушки и западни, огнестрельное — на первых порах кремневое — оружие), перенятые у русских, повысили производительность охотничьего промысла. В технику рыболовства тоже были внесены существенные изменения: уже в XVII в. упоминаются воспринятые якутами у русских рыболовные сети «пущальницы» [32].

Русское влияние благотворно сказалось на развитии ремесел и усовершенствовании ремесленной техники. Особенно привилось плотничье дело. Якуты, переняв русские инструменты и способы постройки, стали хорошими плотниками, участвовали вместе с русскими в строительстве новых острожков и городов. Русские принесли с собой в Якутию денежную систему, которая способствовала развитию здесь внутреннего рынка. Через посредство русских промышленных и торговых людей Якутия включалась в систему общероссийских экономических связей, в общегосударственный рынок. Навсегда было покончено с вековой изолированностью и застоем народов Якутии.

Пища стала разнообразнее и питательнее за счет хотя бы частичной замены сосновой заболони ячменной и ржаной мукой. При постройке жилищ якуты стали применять срубную технику. Улучшилась домашняя утварь. В хозяйстве стали больше применяться металлическая утварь и металлические орудия труда. Среди товаров, привозимых русскими в Якутию, упоминаются: «пальми и ножи и огнива и котлы и всякий товар на якутскую руку», «таз зеленой меди» и др. [33]

Присоединение вызвало к жизни такой важный фактор развития страны, как основание и рост городов, которых у якутов прежде не было. Острожки и зимовья, построенные служилыми и промышленными людьми, постепенно превращались в города — центры распространения культуры на северо-востоке Азии. Культурное влияние русских сказалось с первых же лет их общения с якутами.

Присоединяясь к России, Якутия включалась в состав мощного централизованного государства, опирающегося на несравненно более высокий способ производства, чем тот, который имела Якутия. Это ускорило развитие ее производительных сил и тем самым содействовало переходу якутов к новым, более высоким общественным отношениям.

Вхождение в состав феодально-крепостнического государства способствовало ускорению распада якутской родовой общины и развитию фео-

---

[32] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 288.
[33] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 35—36.

дальных отношений. Углубление процесса классовой дифференциации приводило к обострению классовой борьбы, в ходе которой складывались зачатки классовой солидарности между эксплуатируемыми слоями русских и якутов.

Русская государственность, хотя и феодально-монархическая, принесенная в Якутию, сыграла роль фактора, консолидировавшего якутский народ в единое целое. Она устраняла прежнюю межплеменную рознь и вечные усобицы тойонов. В этом также сказалось прогрессивное значение включения Якутии в Русское государство.

Приведенное далеко не полное перечисление последствий присоединения Якутии к Русскому государству свидетельствует, что это событие явилось важным поворотным пунктом в истории народов Якутии. Оно ускорило темпы их исторического развития, слило их судьбы с историческими судьбами народов России, приблизило и для них время освобождения от эксплуатации и неравенства.

ГЛАВА III

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЯКУТИИ

Первооткрыватели Якутского края положили начало его русскому населению. Оно было очень малочисленно и увеличивалось медленно. Причиной этого являлись отдаленность края, суровые природные условия, а также политика правительства, неохотно соглашавшегося на рост численности служилых людей ввиду трудности снабжения их хлебом и снаряжением.

В связи с образованием самостоятельного Якутского воеводства на Лене вместе с воеводами Головиным и Глебовым прибыл первый крупный отряд служилых людей, насчитывавший 395 человек. Правительство, заинтересованное в том, чтобы в «годовом жалованье лишних расходов не было», считало этот отряд вполне достаточным для отправления «всяких государевых дел» в Якутии. Однако обширность края и сложные обязанности служилых людей требовали более значительных сил. Настойчивые домогательства якутских воевод об увеличении числа служилых людей мало действовали на правительство, и лишь крайняя необходимость, вытекавшая из требований жизни, заставляла его идти на уступки.

В 1651 г. по Якутскому воеводству числилось 453 служилых [1]. По сметам в те годы в Якутском уезде должно было служить 644 человека (25 детей боярских, пять сотников, три атамана, 16 пятидесятников, 40 десятников, 553 казака и два пушкаря). Однако по причине «малолюдства» штат этот не был заполнен. Даже в 1676 г. на службе числился лишь 531 человек [2]. Впрочем, уже через несколько лет, в 1682 г., общее число служилых людей равнялось 717, а к концу XVII в. (1697—1698 гг.) достигло 920. Якутская администрация еще в 1662 г. требовала довести число служилых до 1000 человек. Эта цифра, намеченная «по самой меньшей статье», стала реальностью только в первой половине XVIII в. Так, в 1737 г. Якутску полагалось иметь по штату 1520 человек, из них налицо было 1431 человек [3]. Конечно, часть служилых людей имела семьи, детей и жен (часто и из якуток), а потому общая численность населения, относившегося к служилой категории, превышала число мужчин, записанных на службу.

В первые десятилетия основная масса служилых людей присылалась из сибирских городов, главным образом из Тобольска, Березова и Енисейска. Однако это было сопряжено с большими трудностями, и с течением времени якутский гарнизон стал пополняться в основном на месте. Преимущественным правом на занятие «убылых мест» пользовались род-

---

[1] ДАИ, т. III, № 91.
[2] Там же, т. VI, № 136.
[3] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 295.

ственники и дети самих казаков. Но их в Якутске было немного, так как большинство казаков состояло из людей «одиноких». В силу этого правительство еще с начала 1640-х годов стало отправлять ссыльных с предписанием «поверстать в службу» [4]. Но ссылка в XVII—XVIII вв. не стала еще массовой, а кроме того, немало ссыльных рассеивалось по пути. Еще менее значительное пополнение давало местное якутское население, из новокрещеной части которого правительство предписывало верстать в службу: в XVII и в первой половине XVIII в. якуты крестились редко. При таких условиях главным источником пополнения состава служилых людей были «гулящие» люди, рекрутировавшиеся главным образом из бывших промышленников.

Типичным является пример, относящийся к 1675 г. Воевода Андрей Барнешлев приверстал в этом году «в выбылые места» 31 человека, которые принадлежали к гулящим (22), родственникам казаков (пять), новокрещенам (два) и ссыльным (два) [5].

Служилое население Якутского воеводства сосредоточивалось в острогах, острожках и ясачных зимовьях, расположенных, как правило, по берегам Лены, Вилюя, Алдана, «дальних заморских рек» (Оленека, Яны, Индигирки, Алазеи, Колымы, Анадыря) и Охотского моря. По данным 1676 г., на пространстве огромного Якутского воеводства, кроме самого Якутского острога, было три острожка и 21 ясачное зимовье. В каждом острожке и зимовье ежегодно проживало, в зависимости от размеров прикрепленной территории, от трех до 20 казаков [6]. После такой рассылки от Якутского гарнизона в самом Якутске оставалось обычно только небольшое число людей — иногда не более десятка [7].

Служилые, в большинстве своем простые русские люди, записавшиеся на службу ради получения «государева жалованья», должны были в интересах феодально-крепостнического государства выкачивать ценную пушнину, которой была богата Якутия. Поэтому важнейшей обязанностью якутских служилых людей являлись «прииск новых землиц неясачных людей» и привод неясачных «под царскую высокую руку». Пока северо-восток Азии не был закреплен целиком за Русским государством, якутские воеводы часто отправляли отряды служилых людей для открытия новых земель.

Проходя вдоль и поперек малолюдный и суровый край, казаки прокладывали первые сухопутные и водные пути, превратившиеся впоследствии в постоянные тракты. Они закладывали острожки и ясачные зимовья, часть которых впоследствии превратилась в центры экономической жизни. Казаки подыскивали также удобные для хлебопашества земли. В экспедициях они находились долгое время, иногда лет «по пяти и по шти без перемены», жили в одиноких ясачных зимовьях, без связи со своими русскими соотечественниками. Далекие зимовья отделялись от Якутского острога тысячеверстными расстояниями, которые преодолевались с огромным трудом на больших лодках — кочах по рекам и по морю или же сухим путем на конях через тайгу и малопроходимые горы.

Привод под царскую руку «неясачных иноземцев» и сбор ясачной пушнины были главной, но не единственной обязанностью служилых людей. На них была возложена также доставка казенных хлебных запасов

---

[4] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., ст. 298, л. 17; ст. 361, лл. 486—487; «Якутия в XVII веке», стр. 312—313.

[5] ДАИ, т. VI, № 136.

[6] Там же.

[7] Там же, т. III, № 91.

с верховьев Лены. Кроме того, ежегодно по 10 и более служилых людей посылалось в Москву «за соболиной казною в провожатых» [8].

Казаки несли также гарнизонную и караульную службу в крепостях, у казенных складов и житниц. Много было и других, более мелких обязанностей.

Словом, в XVII в. служилые люди являлись той силой, через посредство которой практически осуществлялось управление не только местным, но и пришлым населением: торговыми, промышленными и посадскими людьми, пашенными крестьянами.

«Государево жалованье» служилых людей состояло из денег, хлеба и соли. Размеры его зависели от служебного чина.

В социальном отношении якутские служилые люди не представляли однородного целого. Верхушка гарнизона — дети боярские, сотники, атаманы и др.— по своему положению выделялись из рядовой служилой массы. Материально они были значительно более обеспечены, чем их товарищи по гарнизону, получали высшие оклады денежного и хлебного жалованья. В своем хозяйстве они пользовались трудом дворовых из ясырей (военнопленных) и закабаленных русских людей. Дети боярские, составлявшие высший слой местного служилого сословия, имели большое влияние на воевод, которые иной раз даже попадали в зависимость от военной знати Якутска. Из их среды выходили воеводские «ушники», т. е. приближенные, по совету которых воеводы нередко и действовали. Дети боярские исполняли наиболее ответственные поручения, открывавшие им широкие возможности обогащения за счет подчиненных и особенно за счет ясачного населения. Свое служебное положение со всеми связанными с ним доходами они передавали по наследству сыновьям.

Совсем в другом положении находились рядовые казаки, принадлежавшие к низко оплачиваемой части служилых людей. Они редко получали свой оклад полностью, а потому часто «служили с травы и с воды без государева жалованья». Они страдали от воевод, детей боярских, атаманов, пятидесятников, против злоупотреблений и насилий которых они нередко пытались бороться. Борьба эта порой принимала острые формы.

Частая недодача жалованья объяснялась в известной мере тем, что и сами власти испытывали большие трудности в снабжении служилых людей. Особую остроту приобрел с самого начала хлебный вопрос. Вначале хлеб шел не только из Енисейского уезда, но и из уездов далекого Тобольского разряда. Транспорты хлеба, предназначенные для Якутска, направлялись из Тобольска в Енисейск, здесь пополнялись енисейскими запасами и водным путем доставлялись в Илимск, а отсюда по зимнему пути перевозились через волок. На Куте хлеб перегружался на суда и сплавлялся в Якутский острог. Все эти операции были связаны с большими трудностями. Недостаток в служилых людях, частая нехватка судов и судовых снастей, трудности водного и сухопутного пути (мелководье, пороги, горы, тайга, бездорожье), короткое лето — все это значительно затрудняло своевременную доставку хлеба. Якутские воеводы часто жаловались на недовоз хлеба, на голод в якутских острожках и ясачных зимовьях (служилые люди «помирают голодной смертью»).

При таких условиях правительство скоро осознало важность развития земледелия в самом крае. Уже первым якутским воеводам Головину и Глебову было поручено «высмотреть того накрепко, мочно ли на Лене реке в которых местах пашня завесть и пашенных крестьян устроить, чтоб на Ленских служилых людей и на ружников и на оброчников хлеба

[8] ДАИ, т. VI, № 136.

напахать ленскими крестьяны, а ис Тобольска б хлеба не посылать. Да будет по их высмотру на Лене реке в каких местех пашня устроить мочно, угожие места есть, и им велено в пашню строити охочих людей, да о том отписати к государю к Москве»[9].

Выполняя это указание, Головин и Глебов сразу же по приезде в Ленско-Илимский край начали проводить мероприятия по развитию местного земледелия. Однако им удалось положить начало только заселению берегов Илима и верховьев Лены. Когда же эти места в 1648 г. из ведения якутских воевод отошли в состав вновь образованного Илимского уезда, встала задача организации хлебопашества в бассейне средней Лены. Отдаленность района и суровость природных условий затрудняли развитие земледелия. Тем не менее в немногих, преимущественно прибрежных местах, вскоре возникли первые поселения хлеборобов. Таким образом, уже в XVII в. в Якутии начало складываться русское крестьянское население — тот класс, который впоследствии произвел переворот в экономике края.

Наиболее важным центром крестьянского земледелия в бассейне средней Лены стали окрестности Чечуйского острожка, начало заселения которых относится к 1641 г. Берега Лены в этом районе очень удобны для пашен и сенокоса. В отписке П. Головина от 1641 г. об осмотре мест, удобных для пашни, говорится, что «от Куты... реки вниз по Лене реке до Усть-Киренги реки и до Тунгуского волоку и до Усть-Пеледуя реки, многие пашенные места и сенные покосы, крестьянинов... 600 и больше можно устроить и угода... всякая, у пашенных мест многие озера рыбные»[10]. В силу этого развитие земледелия шло здесь более быстрыми темпами. В 1653 г. в волости было 13 крестьянских дворов, пахавших на казну 13 дес. так называемой «десятинной» пашни[11], а к 1672 г. число их доходит уже до 58 тягловых единиц с $67^1/_4$ дес. пашни[12]. Кроме того, числилось два льготника (см. ниже). В самом острожке и в деревнях жили «своими дворами, ...з женами и з детьми» 15 бобылей, годных к устройству на пашню. В 1685 г. $82^1/_2$ дес. пашни на казну пахали 91 крестьянин, за которыми собственной крестьянской пахотной земли числилось 655 дес.[13] К началу XVIII в. число крестьянских дворов достигло 106. В 1702 г. они сеяли хлеб для казны на 98 десятинах.

На землях, занятых якутами, раньше других возникла Олекминская пашенная волость. По свидетельству Головина, «с Усть-Куты до Олекмы реки пашенных наволочных мест было много и пашенная земля была хлеборобна добра»[14]. Сведения о здешних крестьянах начинают появляться с 1656 г. В этом году по челобитью был переведен из Якутска в Олекму и посажен на пашню один служилый человек[15]. Но не он был основателем волости. В 1657 г. на устье Олекмы жили крестьяне Богдашко Астрахан с «товарищи»[16]. Кто были его «товарищи» и сколько их было, точно неизвестно. В одном документе того же года в качестве его товарища упоминается крестьянин Онашка Воробей[17]. В этом же году кре-

---

[9] «Якутия в XVII веке», стр. 372—373.
[10] ДАИ, т. II, № 90.
[11] Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII в. Якутск, 1956, стр. 19—20.
[12] Там же, стр. 20.
[13] Там же.
[14] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 465, л. 213.
[15] Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 20.
[16] «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века», Л., 1936, стр. 171.
[17] «Колониальная политика ...», стр. 170.

стьяне Иван Васильев Новгород и Василий Харитонов Заборцов просили дать им земли под «новую селидьбу» [18]. Затем в 1658 г. сели здесь на льготную пашню еще три промышленника [19]. Всего, таким образом, к концу 1650-х годов в волости жило около девяти пашенных крестьян. Во второй половине века рост крестьянского населения задерживается. Даже наличие удобных пахотных мест не способствовало развитию хлебопашества. К 1672 г. из вышеперечисленных крестьян остался только один, а четыре вновь прибывших не восполнили убыли. Всего они пахали $5^1/_2$ дес. десятинной пашни, а под их собственным посевом было занято $22^1/_4$ дес. земли [20]. В 1696 г. 10 крестьянских семей пахали $7^1/_4$ дес. десятинной пашни; за ними числилось 76 дес. [21] В 1702 г. число крестьянских дворов дошло до 13, однако размеры десятинной пашни не увеличились [22].

Третьим очагом земледелия в бассейне средней Лены стала долина Амги, левого притока Алдана. Крестьяне были расселены по ее среднему течению. Это была единственная во всем огромном Якутском воеводстве пашенная волость, расположенная в стороне от Лены, в трех днях ходу от Якутского острога. Первую попытку заселения этой местности можно отнести к 1652 г., когда якутский сын боярский Воин Богданов с шестью ссыльными людьми был направлен на Амгу с наказом «тех пашенных крестьян на Амге реке на еланных местах и где угоже устроить в пашню» [23]. О дальнейшей судьбе этих крестьян ничего неизвестно; к 1661 г. от амгинской пашни не осталось и помину. Когда в указанном году воевода Кутузов узнал о существовании пашенных мест на Амге, он счел это своим открытием и написал в Москву восторженное письмо о пашенных местах на Амге и о том, как это ему «ведомо учинилось». Не теряя времени, он посадил здесь четырех крестьян, которые произвели опытный посев [24]. Опыт оказался успешным, но дальнейшее заселение было задержано отсутствием вольных и ссыльных поселенцев. В результате, в 1672 г. по волости числились только четыре крестьянина с 7 дес. десятинной пашни и два льготника [25].

Дальнейший рост крестьянского населения волости происходил также чрезвычайно медленно. Так, в 1685 г. по всей волости было 17 пашенных крестьян с 15 дес. казенной пашни; под их собственной пахотой числилось 135 дес. земли [26]. Только к началу XVIII в. число крестьян дошло до 27 человек, которые пахали на казну 20 дес. пашни [27].

Четвертым очагом земледелия были устья притоков Лены — Витима и Пеледуя. Хотя, по свидетельству Головина, вниз по Лене до устья Пеледуя имелись «многие пашенные места и сенные покосы», здесь, как и во всех пашенных волостях по среднему течению Лены, земледелие не получило заметного развития. В 1672 г. на устье Пеледуя жило всего пять крестьянских семей. Все они к тому времени вышли из льготы, пахали десятинную пашню, сеяли свой хлеб [28]. В 1685 г. пашенные крестьяне жили и на устье Витима [29]. Всего крестьянских дворов числилось 14; они

[18] Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 27.
[19] «Колониальная политика...», стр. 172—174.
[20] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 580, лл. 492—494.
[21] Там же, кн. 1106, лл. 649—650.
[22] Там же, кн. 465, л. 237.
[23] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, ст. 137, лл. 9—15.
[24] Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 28.
[25] Там же, стр. 28—29.
[26] Там же, стр. 30.
[27] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 465, л. 240.
[28] Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 30—31.
[29] Там же, стр. 31.

пахали на казну $11^1/_4$ дес., а собственной земли у них было 78 дес. В 1702 г. $13^1/_2$ дес. пашни пахало 17 дворов крестьян [30].

Отсутствие крестьянского населения под самим Якутским острогом объяснялось неблагоприятными условиями этой местности для земледелия. В 1641 г. из Якутска писали в Москву: «А в Якутском де, государь, по сказке торговых и промышленных служилых людей, хлебной пашни не чаять, земля де, государь, и среди лета вся не растаивает» [31]. Неудачные попытки насаждения здесь земледелия, предпринятые Головиным, были, правда, повторены при следующих воеводах «за Кангаласским камнем», в 20—30 верстах к северу от Якутского острога. В 1679 г. здесь была заимка крестьянина Сидора Курочкина. В том же году здесь были отведены земли трем пашенным крестьянам [32]. В 1682 г. просился быть в десятинной пашне ясачный новокрещен Родион Леонтьев [33]. Из этих пяти крестьян к 1685 г. остались трое, но убыль после 1682 г. была пополнена двумя новыми крестьянами, из которых один был новокрещеном. Пять крестьян пахали 5 дес. десятинной пашни; собственной пахоты у них было 45 дес. [34] В 1691 г. трое из них умерли от оспы, а один сбежал безвестно [35]. Кангаласская пашня запустела. Других крестьянских поселений в бассейне средней Лены не было.

Итак, к концу XVII в. крестьянские поселения представляли маленькие островки, затерянные на необъятном пространстве Ленского края: 164 крестьянских двора пахали на казну $138^1/_4$ дес. десятинной пашни.

Податной хлеб (так называемый десятинный, оброчный и выдельной), собираемый с этих крестьян, далеко не обеспечивал потребности якутского гарнизона, и, таким образом, надежды обойтись без сибирского хлеба не оправдались. Хлеб местного производства покрывал в обычные годы только около пятой части неотложных хлебных расходов; остальное покрывалось ввозом из Енисейска и Илимска.

Под влиянием постоянных жалоб якутских воевод в 1680 г. появился «государев указ», по которому со следующего года «для пополнения хлебных запасов» семь верхнеленских пашенных волостей (Бирюльская, Тутурская, Ильгинская, Орленская, Усть-Кутская, Криволукская и Верхне-Киренская) были отписаны к Якутскому воеводству [36]. Через 17 лет, в 1698 г., все они были отписаны обратно к Илимскому уезду [37]. Но уже спустя год часть их (часть Усть-Кутской, Криволукская, Верхне-Киренская и Нижне-Киренская) с тяглом и с оброчным хлебом и с бобылями снова перешла в ведение якутских воевод [38]. С передачей верхнеленских волостей значительно увеличились число подведомственных Якутску крестьян и размеры погодового поступления податного хлеба. Это несколько ослабило хлебную зависимость Якутии от Енисейского и Илимского уездов, но не устранило ее.

Как в верховьях Лены, так и в среднем ее течении главная масса крестьян состояла из бывших промышленников. Иногда переходили на пашню торговые и посадские, а в отдельных случаях и служилые люди. С 1670—

---

30 Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 31.

31 ДАИ, т. II, № 90.

32 Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 32.

33 См. Ф. Г. Сафронов. Материалы о возникновении земледелия среди якутов. «Исторический архив», т. V, 1950, стр. 66—67.

34 Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 32.

35 Там же.

36 ДАИ, т. VIII, № 51; ЦГАДА, ф. Сиб. прик., ст. 159, л. 250; ст. 1545, л. 9; ф. Як. прик. избы, оп. 1177/2, ст. 11, лл. 124—125.

37 Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 40.

38 Там же.

1680-х годов в земледелие начинают втягиваться и якуты, хотя пока очень немногие [39].

В верхнеленской и чечуйской пашнях в начале XVII в. значительную роль сыграли ссыльные. Но во второй половине века поселение их по волостям верховьев Лены прекратилось почти полностью.

Всем крестьянам, садившимся на землю и обрабатывавшим определенный земельный участок на казну, отводилось для собственного пользования положенное количество пахотной земли («собинная» пашня) — обычно в четыре раза больше, чем десятинная пашня [40]. Помимо пахотных земель, в состав крестьянского владения входили сенокосы и пастбища. Первоначально они отводились независимо от величины десятинной пашни, и размеры их не ограничивались. Крестьянские поселения возникли в местах расселения охотничьих тунгусских племен (выше Олекминского острожка), и хозяйственные интересы скотоводов-якутов, положенных в ясачный оклад, не нарушались. С другой стороны, скота у крестьян было мало, и у них не было поводов злоупотреблять своим правом бесконтрольного сенокошения. С 70-х годов власти стали пытаться связать размеры сенокосов с размерами десятинной пашни, что было вызвано развитием земледелия в бассейне Средней Лены, где пашенные крестьяне располагались по соседству с якутами-скотоводами. Эта новая практика была перенесена и на верхнеленские волости, где к этому времени в связи с ростом крестьянского населения стал чувствоваться недостаток в сенокосных угодьях.

Если пахотные земли, сенокосные и пастбищные угодья, являясь обязательными элементами крестьянского владения, составляли основу крестьянского хозяйства, то промысловыми угодьями владело лишь незначительное меньшинство крестьян. Они имели в хозяйстве подсобное, второстепенное значение. В коллективном владении некоторых деревень находились рыболовные угодья, где крестьяне «весною и летом и осенью неводят и в большую воду с сетями плавают». Были случаи и индивидуального владения ими, особенно в деревнях-однодворках [41].

Крестьяне, получив земельные участки, должны были организовать хозяйство, приобрести лошадей и сельскохозяйственный инвентарь. Для этого они нуждались в материальной помощи со стороны государства. Государство до 1650-х годов включительно давало новоприборным крестьянам в виде «подмоги» (т. е. безвозвратно) «пашенный завод». Чаще всего на одно хозяйство давались одна лошадь, два сошника, два серпа, две косы и два топора, а иногда и корова. С 60-х годов выдача «подмоги» натурой в основном прекратилась, ее заменила денежная «подмога», рассчитанная на приобретение перечисленного «пашенного завода».

Обязательным элементом «подмоги» являлся отпуск пашенному крестьянину кормового хлеба до получения первого урожая; этот хлеб выдавался только натурой. В 40-х годах, т. е. в первоначальный период заселения, крестьянам сверх «подмоги» давалась (с условием возвращения) и денежная ссуда, которая иногда достигала значительных размеров (до 30 руб.). Кроме материальной помощи, новоприборным давались два-три льготных года, в течение которых они освобождались от населения «государева тягла», т. е. не пахали десятинной пашни и не отбывали трудовых

---

[39] См. Ф. Г. Сафронов. Материалы о возникновении земледелия..., стр. 50—73.

[40] Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 67—68.

[41] Там же, стр. 79.

повинностей. Льготы на большее число лет (четыре-пять) давались редко — «смотря по месту и по пашне».

На отведенных земельных участках «учинялись» «межи и грани», составлялись юридические акты, имевшие значение крепостей. Они записывались «на роспись имянно», вносились в переписные книги. Крестьянам на отведенные земли давались «отводные данные». Каждый новоприборный должен был находить поручителей в исправном выполнении им своих обязанностей. В подтверждение своей ответственности поручители подписывали документ, именовавшийся «поручной записью». В ней они обязывались следить за тем, чтобы крестьянин «в государеве пашне зернью и карты не играл и не бражничал и заповедного питья у себя не держал и государевы пашни не запустошал и никаким воровством не воровал». За нарушение этих правил отвечал и сам крестьянин, которого надлежало «смотря по вине бить батоги нещадно», и поручители, которые несли материальную ответственность. Кроме того, у поручителей была особо важная обязанность следить за тем, чтобы крестьянин «с пашни государевы не збежал». В случае побега они отвечали своими «порутчиковы головы».

Таким образом, определившись в крестьянское состояние, крестьяне прикреплялись к земле, принадлежавшей государству, и свободного выхода из этого состояния не имели. Оставить пашню крестьянин мог лишь по особо уважительным причинам, например при потере трудоспособности.

Крестьяне не имели также права самовольно распоряжаться полученными участками. Продажа и заклад земель запрещались. Отчуждение «собинных» земель разрешалось только в случае сдачи десятинной пашни, что ставилось в зависимость от усмотрения воеводы.

Основной обязанностью пашенных крестьян являлась обработка десятинной пашни, весь урожай которой сдавался государству (десятинный хлеб). Это была барщина в пользу феодального государства. Обработка десятинной пашни была связана с обширным кругом сельскохозяйственных работ: крестьянин пахал, сеял, убирал, молотил и молол хлеб. Некоторые крестьяне (в верховьях Лены) не пахали десятинной пашни, но вместо этого сдавали государству часть урожая (оброчный хлеб), т. е. несли феодальный натуральный оброк. Если собственная запашка крестьянина превышала определенную норму, то часть урожая этой лишней запашки также подлежала сдаче в казну (выдельной хлеб).

В Амгинской и Кангаласской волостях в течение XVII в. сеялся только яровой ячмень. На десятинной и собинной пашнях всех других волостей возделывались озимые (рожь) и яровые (ячмень и овес). Рожь заметно преобладала. На ее долю, если взять весь бассейн Лены, приходилось приблизительно около двух третей посевной площади. Из яровых первоначально преобладал ячмень, а с последней трети века — овес. Яровая пшеница сеялась редко, в незначительных размерах и только в некоторых верхнеленских волостях.

Повсюду применялось двухполье — чередование пашни и пара. Навозом удобряли от случая к случаю и только в верховьях Лены. При таких условиях получение устойчивых удовлетворительных урожаев было невозможно. На вновь освоенных землях падение урожайности начиналось уже через несколько лет.

Как правило, обычный средний урожай с невыпаханных земель составлял 50—70 пуд. с десятины. Урожай с выпаханных земель был значительно ниже: 15—20 пуд. с десятины по верхнеленским волостям, еще ниже (10—15 пуд.) по среднеленским [42]. Снижение урожайности выпа-

---

[42] Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 152—153.

ханных полей сопровождалось их засорением. В документах часто встречаются такие выражения: «хлеб родился травен и зернем плох», «хлеб родился плох, редок и травен», «рожь родилась от выпашки земель плоха и травяна».

Неблагоприятны были также климатические природные условия. В верховьях Лены посевы страдали от частых наводнений. По показанию современников, «по Лене реке почасту бывает хлебу недород, для того, что подле Лен[ы] рек[и] на лугах заторными льдами хлеб выдирает и вешнею водою топит» [43]. Для пашенных волостей всей Лены характерны были поздние весенние и ранние осенние заморозки. Крестьяне часто жаловались на то, что «хлеб от морозов вызябает и бывает хлебу великая истеря и недород». В такие неблагоприятные годы урожайность полей катастрофически падала: «и из десятины бывает в те годы ржи и ярового пуд по шесть и по 5 в умолоте» [44].

А между тем русские люди, попавшие на Лену и насаждавшие земледелие в необычных для них условиях, обязаны были, помимо обработки десятинной пашни, отправлять различные другие повинности.

Для верхнеленских крестьян особенно изнурительными были подводная повинность и ямская гоньба. В XVII в. на путях от Енисейска к Якутску не было ни ямских слобод, ни специально устроенных правительством ямов. Поэтому с того времени, как появилось ленское и илимское крестьянство, все виды перевозок и обслуживание служебных поездок по обоим направлениям через Ленский волок были возложены на крестьян.

На крестьян ложилось и «городовое дело», т. е. работа по поддержанию в порядке крепостей (ремонт, мелкое внутрикрепостное строительство). Кроме того, они должны были обслуживать воеводский двор, варить пиво и брагу. Крестьяне обязаны были отрабатывать и на казенной мельнице, ремонтировать ее и обслуживать. Все это дополнялось внеочередными трудовыми повинностями [45] и многочисленными натуральными поставками. Для оснащения судов, ходивших по Лене, нужны были холст, пенька и смола. Они целиком поставлялись ленскими крестьянами, хотя последние не сеяли конопли, не ткали холста и вынуждены были холст и пеньку покупать «у купецких приезжих людей дорогою ценою» [46]. Наконец, крестьяне были обложены и денежными поборами. Из документов 1655 г. видно, что крестьяне Якутского уезда платили государеву со своих «пожитков» пятую деньгу [47]. Для военных целей верхнеленские крестьяне в конце века платили по полтине с двора «поворотных денег» [48].

В результате тяжелых повинностей и частых неурожаев большинство крестьян влачило жалкое существование. В 1655 г. чечуйский приказчик писал в Якутск, что крестьяне этой волости стоят «в пятинных деньгах на смертном правеже» и что «взять у них на великих государей пятинных денег за скудостью нечево» [49]. В 1682 г. амгинские крестьяне «от хлебного неходу» совершенно не имели семенного хлеба, а купить не имели средств, так как были «людишка бедные и нужные» [50].

Но среди крестьян были и зажиточные люди, ведшие большое хозяйство. Как правило, они тянули больше тягла, но за то имели и больше пахотной земли, сенокосов. В их владении имелось и значительное количе-

[43] См. Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 118.
[44] Там же.
[45] Там же, стр. 99—104.
[46] Там же, стр. 105.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] Там же, стр. 120—121.
[50] Там же, стр. 121.

ство скота, иногда по нескольку десятков голов. Они имели мельницы и кузницы. Произведения их хозяйства превышали объем их потребности и пускались в продажу. Эти зажиточные крестьяне нанимали батраков. Так, например, в 1645 г. тутурский крестьянин Оверка Елизарьев держал пять русских работных людей [51], а ленский пашенный крестьянин Федор Яковлев — трех работников из промышленных людей [52]. При этом иногда применялись методы внеэкономического принуждения. Так, в 1660 г. промышленный человек Денис Верхотур работал у пашенного крестьянина Мирона Тимофеева по прямому принуждению приказчика («ему Денису велел у него Мирошки жить работать сильно и на правеж водил») [53].

Задавленные феодальным гнетом крестьяне часто оказывали сопротивление, которое принимало разнообразные формы.

Наиболее распространенной формой защиты крестьянами своих прав и жизненных интересов являлась подача челобитных. Иногда крестьяне, не ограничиваясь письменными челобитными, отправляли в Москву мирских выборных, чтобы бить челом о всяких мирских нуждах [54].

Другой распространенной формой сопротивления были побеги с оставлением пашни «в пусте». Особенно частые побеги совершали верхнеленские крестьяне, через земли которых проходил путь в Даурию, служившую убежищем для беглых крестьян. Бежали крестьяне и из среднеленских волостей — Чечуйской, Олекминской и Кангаласской. Так, например, в 1655 г. из Чечуйской волости, где крестьян было меньше 20, бежало пять человек [55]. Власти преследовали беглых, посылая отряды поимщиков из служилых людей и жестоко наказывая пойманных. Но случаи поимки были очень редкими, большинство беглых ускользало от преследования. Поэтому правительство постепенно стало переходить к более решительным мерам. В 1656 г. для борьбы с побегами была организована Олекминская застава, и воеводы получили наказ «самых пущих воров... повесить», а остальных беглых «бить по торгам кнутом нещадно» и заставлять их «жить по-прежнему, кто откуда побежал» [56]. Однако и эта мера не имела успеха.

Более активной формой борьбы против злоупотреблений воевод и приказчиков были крестьянские «бунты». Из них особенно известно восстание крестьян Бирюльской волости Якутского уезда 1691—1692 гг., направленное против приказчика Павла Халецкого, который чинил пашенным крестьянам «налоги и обиды и нападки многие». Халецкий отнимал у крестьян скот, хлеб, подвергая их всяческим истязаниям. Так, например, крестьянина Дунаева он мучил в колоде и «смучил с него 150 пудов ржи бездельно не в честь»; на крестьянина Яковлева «намучил... дворовую кабалу» и т. д.

После совета между собой крестьяне слободы решили силой сместить свирепого приказчика. В одну из октябрьских ночей 1691 г., вооружившись, все «скопом» пошли к судной избе и потребовали от Халецкого, чтобы он убрался из волости. После того как Халецкий отказался подчиниться этому требованию, крестьяне захватили все его имущество, отобрали у него волостное делопроизводство и назначили другого приказчика. Попытка Халецкого использовать против крестьян якутских служилых людей ни к чему не привела. Крестьяне «тех служилых людей разогнали и из волости вон выслали». Лишившийся власти Халецкий, ожидая по-

---

[51] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., ст. 274, л. 338.
[52] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, оп. 1177/1, ст. 11, лл. 36—38.
[53] Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 127.
[54] Там же, стр. 141.
[55] «Колониальная политика...», стр. 172.
[56] ДАИ, т. IV, № 33.

мощи из Якутска, не оставлял пределы волости и жил как в осаде. Крестьяне продолжали «приступать» к судному двору. 10 февраля 1692 г. они, придя домой к Халецкому, его «с постели здернули и поленом били насмерть — руку и ногу праву перешибли и хребет во многих местах збили и животишко пограбили». 22 февраля, когда он ехал с женой по волости «ради гульбы», его на дороге настигли крестьяне «на верховых и санных конех с оружием, с пищальми и с саблями и с луками» и его «из саней выхватили и руки назад завернули и связали и за волосы к пролубе водили, в воду посадить хотели». Халецкий, однако, разжалобил бунтовщиков — «ради отца душевного упрошался». «Бунт» этот, носивший ярко выраженную антифеодальную окраску, кончился весной 1692 г.: участники его и свидетели были вытребованы в Якутск [57]. Результат следствия неизвестен.

Крупного феодального землевладения в Якутии в XVII в. не было. Но среди служилых людей и крестьянских заимщиков было несколько крупных предпринимателей, ведших товарное хозяйство и являвшихся по существу мелкими феодалами. Приказчик Чечуйской волости, якутский сын боярский Федор Пущин в 1662 г. бил челом о даче ему земли вместо хлебного жалованья. Одновременно он просил землю и за десятинную пашню. В удовлетворение этой просьбы воевода Кутузов велел ему пахать за хлебное жалованье 18 дес. земли, сверх того дал ему еще 4 дес. земли за обработку на казну 1 дес. ржаного поля [58]. Подробных сведений о чечуйском хозяйстве Пущина не сохранилось, но известно, что это хозяйство велось трудом крепостных крестьян. Вначале тяглую пашню Пущина обрабатывал крепостной человек Пимин [59]; впоследствии эту пашню обрабатывали уже два крепостных [60]. Служилую пашню Пущина, вероятно, также обрабатывали зависимые люди.

Настоящим помещиком был Ерофей Хабаров, имевший крупное хозяйство в устье Киренги. О размерах его хозяйства свидетельствует мирская челобитная якутских торговых и промышленных людей о насилиях воеводы Петра Головина. В ней они пишут: «Да в ту же тюрьму посадил он Петр из за пристава торгового человека Киренского жильца Ерофейка Павлова Хабарова, а у того Ерофейка на Киренге пашенный завод большой, и прибыли б тобе государю хлебные было по вся годы пудов по 1000 и больши на год» [61]. Помимо снабжения государства хлебом, Хабаров вел крупную хлебную торговлю. Так, например, в 1641 г. он дал взаймы торговому человеку Ивану Сверчкову 600 пуд. муки, а в 1642 г. запродал в Якутском остроге торговым людям 300 пуд. муки [62]. В результате хлебной торговли в его руках сосредоточились значительные по тому времени денежные средства, которые он ссужал под ростовщические проценты [63]. Хозяйство целиком обслуживалось наемными работниками, попадавшими в крепостную зависимость, и управлялось особым приказчиком.

Видным представителем феодального землевладения в Якутии, как и во всей Сибири, была церковь. Церковное землевладение было представлено хозяйством Якутского Спасского монастыря, основанного в 1663 г. С первых лет существования монастыря монахи стали косить сено «про

[57] А. Ионин. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1895, стр. 118—136, 200—205.
[58] Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация..., стр. 93.
[59] Там же.
[60] Там же.
[61] «Колониальная политика...», стр. 33.
[62] Ф. Г. Сафронов. Ерофей Хабаров — зачинатель земледелия на Лене. «Ученые записки Якутского гос. пед. института», вып. IV, Якутск, 1955, стр. 81.
[63] Там же.

свой монастырский скот». В самый год основания монастыря воевода Кутузов отвел ему сенокосы на острове Сильягар, расположенном ниже Якутского острога. В 1683 г. воеводой Приклонским были отведены там же под сенокосы новые «таловые места... под расчистку» [64]. В 1681 г. монахи выхлопотали себе право эксплуатировать соляной ключ на р. Ичере в Чечуйской волости [65]. В последующие годы монастырю были отведены под пастбище новые участки земли около Якутского острога. В 1703 г. монастырские власти с разрешения начальства поставили мельницу в Чечуйской волости [66].

Монастырь приобретал земли и по вкладам. В 1699 г. крестьянин Ильгинской волости Анисим Павлов «поступился» своей заимкой на р. Тыпте со всем инвентарем и строением. В том же году чечуйский пашенный крестьянин Иван Кучин «приложил» в монастырь свои сенокосные угодья [67]. Вклады в монастырь поступали и в виде движимого имущества. Так, например, в 1699 г. якутский казачий сотник Кондратий Федеряшин «отписал в монастырь» быка и двух коров [68]. В документе от 1697 г. упоминаются вкладчики — торговый человек и служилый человек [69]. В 1680—1690-х годах в Чечуйской волости существовала пашенная деревня, где сидели монастырские трудники [70]. Основной рабочей силой в монастырском хозяйстве были крепостные и зависимые люди: вкладчики, трудники и посельщики. Скот иногда давался на прокормление. Так, в 1650 г. монастырский скот «за земляною скудостию» был роздан «в пяству на пастухов» [71].

Места, в которых в XVII в. образовались крестьянские деревни и слободы, перед этим не были пустыми. Берега Средней Лены были сравнительно плотно заселены скотоводческими якутскими племенами. Правда, правительство давало указание местным властям селить крестьян «на порозших землях, а у ясачных и иноземцев никаких земель и угодий не отнимать» [72]. Эта политика диктовалась необходимостью поддерживать платежеспособность ясачного населения. Но так как годных к обработке земель было мало, местные власти зачастую сами нарушали земельные права коренного населения. Впрочем, это не приводило к каким-либо крупным конфликтам, так как факты захвата земель имелись лишь в тех немногих местах, где возникли крестьянские поселения.

Чрезвычайно медленно росло и посадское население, занимавшееся торговлей и промыслами. Острожки и ясачные зимовья продолжали быть маленькими крепостцами для небольших отрядов служилых людей, собиравших ясак с населения. Исключение составлял Якутск — административный центр края, который играл роль хозяйственного центра и в котором уже в XVII в. намечалось развитие рынка. В 1697 г. в гостином дворе посада было 22 лавки, в которых торговали преимущественно приезжие купцы. Русские товары покупались служилыми и посадскими людьми, пашенными крестьянами и якутами подгородных волостей, привозивших съестные припасы и пушнину [73].

---

[64] Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области с 1650 г. до 1800 г., т. 1. Якутск, 1918, стр. 16—17.
[65] Там же, стр. 11—13.
[66] Там же, стр. 21—23.
[67] Там же, стр. 36.
[68] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, оп. 1177/2, ст. 2, л. 151.
[69] Там же, ст. 62, лл. 56—60.
[70] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 870, лл. 83, 197; кн. 961, лл. 22—23; кн. 1106, л. 637.
[71] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 18.
[72] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., ст. 813, л. 673.
[73] См. «Якутия в XVII веке», стр. 402—403.

Засилие в торговле купцов из России и сибирских городов, ежегодно привозивших в Якутск различные предметы хозяйственного обихода и продовольствие, замедляло рост посада в Якутске. В 1698 г. в нем проживали 46 посадских людей, а в 1730-х годах из 346 жилых зданий города посадским людям принадлежало только 39 дворов и 10 юрт [74].

Постоянное городское население сложилось из тех торгово-промышленных людей, которые добровольно записывались в посад. Значительная часть его происходила из сосланных, так как правительство с самого начала образования Якутского воеводства изредка ссылало «преступников» в Якутский острог «в посад». В 1654 г. Илимский воевода Б. Оладьин отправил в Якутск 24 семьи ссыльных, определенных «на житье» [75]. В 1678 г. «вместо смертные казни» в посад было послано восемь человек, некоторые вместе с семьями [76].

Посадское население, за исключением его незначительной зажиточной части, участвовавшей в торгах, с трудом добывало средства к существованию. Мелкое ремесло, рыбная ловля, случайные работы давали им мало дохода, так что посадский оброк, полагавшийся с них, уплачивался в казну также с трудом.

Слабое развитие ремесленного производства у посадских людей объяснялось тем, что ремеслом занимались и служилые люди. Так, например, в 1681 г. среди якутских служилых людей были два плотника, оконщик, мясник, два сапожника, гребенщик, мыльник, свечник, бочевник, два кузнеца, три котельщика и серебряник [77]. Таким образом, среди служилых людей были ремесленники различных специальностей, обслуживавшие разнообразные нужды населения. Тем не менее местные мастера далеко не удовлетворяли спроса, и в своем большинстве изделия ремесленного производства были привозными.

Особую категорию русского населения Лены, сравнительно многочисленную, хотя и менее постоянную, составляли промышленные и торговые люди. Они приезжали в Якутию ради торгов и промыслов, и поэтому большинство их, добыв пушнину и совершив торговые операции, возвращалось домой в Россию. Особенно много приезжало их во время расцвета ленских промыслов в первые десятилетия после организации Якутского воеводства. Так, в 1642 г. через Якутскую таможню прошли 1124 человека, из них на промыслы — 891, а с промыслов на Русь и в сибирские города — 233 человека. В 1656/57 г. в Якутской таможне заплатили явку 549 человек. В дальнейшем, в связи с истреблением ценного зверя, наплыв на промыслы значительно сократился.

Основным занятием всей этой приезжей массы людей являлась охота на пушного зверя (рыбной ловлей и моржевыми промыслами занимались немногие). В погоне за основным промысловым зверем — соболем и лисицей — промышленники проникали во все уголки Якутии и повсюду ставили свои зимовья. Переняв у местного населения некоторые орудия, промышленники в то же время ввели новые здесь приемы лова: кулемы (ловушки — западни), обметы (сети) и «соболиных собак». Добыча пушнины вначале достигала громадных размеров [78]. Однако последствием усиленной охоты явилось разорение промысловых угодий. Так, например, если в 1672/73 г. промышленниками было вывезено более 10 тыс. соболей, то в 1697/98 г. они вывезли всего лишь около 570 соболей и 180 лисиц [79].

[74] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 296—297.
[75] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., ст. 344, лл. 238—239.
[76] ДАИ, т. VII, № 6.
[77] См. «Якутия в XVII веке», стр. 399—400.
[78] «Якутия в XVII веке», стр. 344—345.
[79] С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 311—312.

Отдаленность Ленского края, трудности пути и значительность расходов на приобретение охотничьего снаряжения и продовольствия требовали объединения усилий промышленников, создание ими определенной организации. Поэтому промышленники редко охотились в одиночку. Как правило, рядовые промышленники, снаряжавшиеся на промыслы на свой счет («своеужинники»), временно объединялись в артели — ватаги. Все свои запасы они клали в общий котел, а всю добычу («артельные соболи») делили между собой поровну [80].

Мелкие промышленники, не имевшие средств для приобретения промышленного «завода» и продовольствия, нанимались на промыслы к богатым предпринимателям — торговым людям, организовывавшим целые промышленные экспедиции на Лену. Предприниматели снабжали «покрученников» (от слова «крутиться» — наниматься) одеждой, обувью, снаряжением и продовольствием. Покрученники попадали в кабальную зависимость, узаконявшуюся «покрутными записями», и две трети всей добычи отдавали своему хозяину. На охоту они шли ватагами, куда входило до 30 человек, во главе с опытным промышленником — «передовщиком», нанимавшимся на особых условиях [81]. Богатые торговые люди не довольствовались организацией промышленных экспедиций и широко вели меновую торговлю с местным населением, обменивая на пушнину различные товары. С товарами на Лену ездили или сами торговые люди или их приказчики и родственники; нередко товарами для мены с местными племенами снабжались и промышленные экспедиции [82]. Следует отметить, что торговлей в то время занимались и рядовые промышленники, которые, как правило, ходили на промыслы с известным запасом товаров.

Роль промышленников в Якутии не ограничивалась торгами и промыслами. В погоне за соболями они проникали в самые отдаленные и глухие уголки и открывали все новые земли и реки; служилые люди часто шли по пути, проторенному промышленниками. Многие несостоятельные промышленники, не имея возможности уехать или же не находя в том выгоды, вовсе не возвращались домой и оставались на постоянное жительство в Якутии. Именно из этой части промышленников происходило большинство ленских крестьян, заводивших пашню. Из них же пополнялись ряды служилых и посадских людей.

---

[80] С. В. Бахрушин. Покрута на соболинах промыслах. «Труд в России», 1925, кн. 1, стр. 73.
[81] С. В. Бахрушин. Покрута на соболиных промыслах, стр. 73—80.
[82] С. В. Бахрушин. Торговые крестьяне в XVII в. М., 1929, стр. 252.

ГЛАВА IV

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ЯКУТИИ В XVII в.

Присоединение Якутии к России было исторически прогрессивным событием, но колониальная политика, проводимая царизмом в Якутии, как и во всей Сибири, с самого начала была политикой угнетения и ограбления национальных меньшинств. Это был режим крепостнического государства, направленный на укрепление экономического и политического положения господствующего класса феодалов за счет самой беспощадной эксплуатации трудовых масс колониальных окраин. В Якутии он выражался прежде всего в максимальном выкачивании ценной пушнины путем обложения местного населения ясаком.

Проводниками колониальной политики московского правительства в Сибири были воеводы. Вновь организованное Якутское воеводство в своей деятельности должно было руководствоваться инструкциями Сибирского приказа, находившегося в Москве. Но отдаленность от Москвы, отсутствие налаженных путей сообщения затрудняли непосредственное общение с Сибирским приказом и способствовали самостоятельности якутских воевод. Широта полномочий и полное отсутствие контроля открывали для них возможность всяких злоупотреблений.

Воевода объединял в своем лице военное командование, суд, полицейское и финансовое управление. Но основная задача воеводы обычно состояла в сборе ясака, и все остальные функции были подчинены этой задаче. Ясак должен был поступать регулярно, не уменьшаться, а поэтому, оказывая содействие торговле и промыслам, воевода должен был следить, чтобы ясачная казна не терпела от этого урона.

Власть воеводы распространялась как на русское, так и на коренное население.

Первое время в Якутск из Москвы посылали сразу двух воевод. Этим имелось в виду в какой-то мере ограничить их самоуправство и бесконтрольность. Но функции их не были разграничены, и взаимный контроль нередко превращался в затяжную взаимную вражду, приводившую к крупным столкновениям между воеводами. Ярким примером этого была четырехлетняя деятельность первого якутского воеводы Петра Головина, не поладившего со своим соправителем Матвеем Глебовым [1]. Поэтому уже в 1650-х годах практика посылки двух воевод было отменена; но иногда с воеводой посылали его сына, который помогал ему и мог его заменить. Так, с Иваном Голенищевым-Кутузовым в Якутск приехал его сын Михаил, который управлял воеводством после смерти отца; при воеводе

---

[1] См. ниже, стр. 71—72.

Фоме Бибикове состояли два его сына — стольники Даниил и Иван, из которых Иван после смерти отца занял его место[2].

Основной силой в руках воеводы был гарнизон. В середине 1670-х годов штатное число служилых людей в якутском гарнизоне достигало 644 человек, но фактически их было меньше. Гарнизону была придана артиллерия — семь пищалей (пушек) в станках на колесах. Артиллерия, впрочем, не имела значения для Якутска, так как нападений на город после 1642 г. не было ни разу и из пушек стреляли только по праздникам, чтобы дать окрестному ясачному населению наглядное представление о могуществе царской власти.

Вместе с воеводами Москва назначала также дьяков — начальников канцелярии. Дьяк был обычно помощником воеводы. Иногда при воеводах состояли еще письменные головы, нечто вроде чиновников для особых поручений.

Для ведения делопроизводства у воеводы была канцелярия — приказная или съезжая изба. Якутская приказная изба делилась в 1675 г. на «столы»: денежный, ясачный и хлебный, ведавшие отчетностью каждый по отдельному виду казенных поступлений; кроме того, был разрядный стол, ведавший личным составом служилых людей. Приказную избу обслуживали подьячие, которых в 1681 г. было восемь. Особое место занимал таможенный подьячий. Подьячие вербовались из местных служилых людей. Для объяснений с ясачными людьми имелся штатный толмач.

Кроме служилых людей, при съезжей избе состояли выборные от мирских людей — целовальники, которые несли ответственность за денежную казну и за всякие «государевы запасы».

Необходимым при воеводском управлении учреждением были тюрьмы; при воеводе Головине их было в Якутском остроге семь, а временами и до двенадцати. Тюрьмы были окружены тыном с «чесноком» (тройными железными зубьями), делавшим побег невозможным. Существовала и обширная «пытошная изба»; к концу XVII в. в Якутске было два палача.

От государственной власти неотделима была власть церковная. С воеводой Головиным из Казани на Лену прибыли четыре священника. С ним же были отправлены три колокола, церковные книги и богослужебная утварь. Под Якутском был основан Спасский монастырь (1663 г.), а в самом городе построен Троицкий собор. Церковь являлась послушным орудием в руках светской администрации и помогала держать трудовые низы в послушании и покорности. Миссионерских целей, однако, церковь не преследовала и обслуживала исключительно русское население Якутии.

Символом воеводской власти была государева печать с надписью: «новые сибирские земли на великой реке Лене». Изображение на печати

---

[2] Воеводы, управлявшие Якутским краем в XVII в.: Петр Петрович Головин, Матвей Богданович Глебов (1638—1644); Василий Никитич Пушкин, Кирилл Осипович Супонев (1644—1649); Дмитрий Андреевич Францбеков (1649—1651); Иван Павлович Акинфов (1651—1652); Михаил Семенович Лодыженский (1654—1660); Иван Федорович Большой Голенищев-Кутузов (1660—1666; умер в Якутске, за него дослуживал его сын Михаил); Иван Петрович Борятинский (1666—1668); Яков Петрович Волконский (1670—1675); Андрей Афанасьевич Барнешлев (1675—1678); Фома Иванович Бибиков (1678—1680; умер в Якутске, за него дослуживал его сын Иван); Иван Васильевич Приклонский (1680—1684); Матвей Осипович Кровков (1684—1687); Петр Петрович Зиновьев (1687—1690); Иван Михайлович Гагарин (1690—1694); Михаил Федорович и сын его Андрей Михайлович Арсеньевы (1694—1697); Дорофей Афанасьевич Траурнихт (1697—1699). Даты указаны по работе А. Барсукова «Списки городовых воевод XVII столетия», СПб., 1902, стр. 281—283. См. также «Якутия в XVII веке», стр. 220—221. В статье «Воеводы и начальники якутские и их действия», напечатанной в «Памятной книжке Якутской области за 1863 год», даются иные хронологические даты для некоторых воевод.

орла, держащего соболя, напоминало об основном богатстве края. Печать хранилась в съезжей избе; во избежание злоупотреблений воеводам запрещалось хранить ее у себя во дворе.

Якутские воеводы чувствовали себя совершенно независимыми от Москвы прежде всего вследствие отдаленности от нее и делали все по своему усмотрению, «как их бог вразумит». Первый якутский воевода Петр Головин отличался жестокостью и самодурством даже среди других воевод своего времени. Он не слушался царских указов, если они ему не нравились: «та де грамота написана воровски»,— заявлял он о неугодном ему приказе. Сам он говорил о себе: «правда де моя в Сибири, что солнце на небе сияет». Он применял жестокие пытки: «позорил многими розными пытками в пойма по два и по три и четыре..., а давал ударов кнутных на одной пытке ста по полутора и больши и на костре жог и стряски многие давал и воду на голову лил со льдом, и пуп и жилы клещами горячими тянул и у рук мышки жог, и голову клячем [веревкой] воротил... и ребра ломал, и свечами спину жог, и уголье и пепел горячий на спину сыпал и за ногти спицы вколотил» [3]. На сменившего Головина В. Н. Пушкина служилые люди жаловались: «А преж, государь, того мы, холопы твои, от Петра Головина терпели напрасно кнут и огонь и всякий позор и наготу, и он, государь, Василий Пушкин по тому же учал заводить один, батоги у него были в длину в полтора аршина, а в толщину ручной палец» [4]. При преемнике Пушкина, Д. А. Францбекове, приказчик дьяка Михайлова — Афанасий Авралов сочинил каламбур: «Был де Головин, и то де головнею покатил, а приехал де с товарищи Василей Пушкин, так де стало пуще, а как де Дмитрий Францбеков приехал, так весь мир разбегал» [5].

Через законные и незаконные поборы, вымогательства и злоупотребления воеводы обогащались и окружали себя необычайной пышностью. Их сопровождал целый придворный штат, который надо было содержать подобающим образом. Пушкин привез с собой 50 человек, его товарищ Супонев — 30 человек. Воеводы устраивали пиры, на которых присутствовало все гарнизонное начальство — дети боярские, пятидесятники, сотники и десятники, а также приезжие торговые люди.

Якутское или Ленское воеводство приравнивалось к разряду, т. е. округу, и нередко в документах называлось «Ленским разрядом». Ленский разряд охватывал громадную область, в которую входили бассейны Лены (от Витима) и вся территория от верхней Лены до Ледовитого океана к северу, до Тихого океана и Камчатки к востоку и до хребта Джугджур к юго-востоку.

Для удобства сбора ясака и управления были введены волости, соответствовавшие территориально-родовым группам якутов. Уже в первых ясачных записях 1632—1633 гг. дается перечень объясаченных якутских волостей. К 1640 г. устанавливается следующий список, который до первого десятилетия XVIII в. без изменений переписывается и во все последующие ясачные книги: Кангаласская, Батурусская (с Катылинской), Нюрюктейская, Мегинская, Бетунская, Намская, Борогонская, Чумецкая, Атамайская, Сылянская, Дубчинская, Скороульская, Емконская, Бояназейская, Катырытская, Накарская, Подгородная, Модутская, Успецкая, Чириктейская, Батулинская, Мальягарская, Одейская, Бордонская, Гурменская, Ярканская, Магасская, Одугейская, Боягантайская, Игидейская, Одайская, Чечуйская, Тагусская, Оргутская, Оленская, Собонитская.

---

[3] «Якутия в XVII веке», стр. 226—227.
[4] Там же, стр. 234.
[5] Там же.

В состав Ленского разряда входили также острожки, которыми управляли якутские служилые люди; Чечуйский и Олекминский, зимовья — Чаринское, Усть-Патомское, Майское, Тонторское, Бутальское, три Вилюйских, Жиганское, Оленское и «дальние заморские реки»: Яна с двумя зимовьями, Индигирка с тремя зимовьями, Анадырь с одним зимовьем и Охотский острог на берегу Охотского моря [6]. В 1638—1648 гг. Якутскому разряду был подчинен Илимский уезд, занимавший волок между Леной и Енисеем.

В первые годы прихода русских на Лену, до организации Якутского воеводства, сборщики ясака старались собирать с местного населения «государев ясак по скольку будет мочно» [7], не устанавливая определенного оклада. Первые малочисленные отряды служилых людей, не знакомые с местностью, передвигавшиеся преимущественно по рекам, не могли, конечно, провести какую-либо регистрацию населения и облагали ясаком целые роды, имея дело только с их представителями — князцами.

Хотя ясак собирался со всей группы, стоявшей за князцом, в ясачных книгах отмечалось только имя князца. Сколько плательщиков стояло за каждым князцом и сколько платил каждый из них,— этого не знали и сами сборщики ясака.

Князцы сами собирали ясак со своих сородичей, становясь посредниками между ними и служилыми людьми. Благодаря этой новой функции князцы укрепляли свою власть над сородичами, а многие из них, очевидно, не упускали случая и поживиться за счет собранной пушнины.

В течение первого десятилетия служилые люди настолько ознакомились с местностью и ее населением, что смогли перейти к индивидуальному обложению. Уже в 1640 г. Парфен Ходырев, собирая ясак с 32 волостей, наряду с князцами объясачил 600 «улусных людей».

Первые якутские воеводы Головин и Глебов в целях максимального увеличения ясачного сбора провели перепись всего взрослого мужского населения с учетом семейного и имущественного положения. При переписи 1642 г. отмечались также количество и возраст детей, наличие «холопов», количество скота с подробным его описанием: рогатый скот и лошади, молодняк или рабочий скот и т. д. Переписывались не только самостоятельные хозяева, но и захребетники и подростки, которые раньше ясака не платили.

Ясак собирался ценной пушниной — «мягкой рухлядью». Но так как основной отраслью якутского хозяйства было скотоводство и поголовье скота служило мерилом благосостояния якутов, то после переписи 1642 г. ясак был поставлен в прямую зависимость от обеспеченности хозяйств скотом. Так, «Откураев брат Юсюк Тынинин был с братом своим Откураем вместе за одним его Откураевым ясачным платежом, а имени де его с собою Откурай в ясачный платеж не писал, а ныне де он от брата своего Откурая отошел, скот свой себе против того ясачного платежу взял и живет себе, государев ясак платит свой платеж» [8]. С другой стороны, отсутствие скота служило мотивом для просьбы об освобождении от ясака. «Многие из них (якутов) стали бесскотны и соболей стало промышлять не на чем» [9].

О соотношении между окладом и количеством скота свидетельствуют, например, данные «Росписи Одейского улуса» (1642), показывающие,

---

[6] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии, стр. 278.
[7] РИБ, т. II, № 213.
[8] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 41.
[9] ЛОИИ, Якутские акты, карт. 206, № 10, сост. 54.

что 15 бесскотных якутов не были обложены ясаком, 13 платили одного соболя с одной головы скота и 16— одного соболя с двух голов скота [10].

Таким образом, для малоскотных якутов наиболее обычным соотношением между числом соболей, платимых в ясак, и количеством скота было 1 : 1 или 1 : 2. Колебание от одной до двух голов скота на одного соболя зависело от числа едоков и рабочих рук. В «росписи», кроме указания скота, подробно описывался его состав: лошадь, корова, какого возраста, дойная, пороз и т. д. «Добрый», «большой» скот ценился вдвое дороже, чем «мелкий».

Указанное выше соотношение между ясачным окладом и поголовьем скота не распростанялось на князцов и «лучших людей». Для них были установлены льготные условия: хотя за ними и числилось по нескольку сот голов скота, платили они обычно не более 20 соболей. Только Откурай Тынинин платил (1649 г.) 110 соболей, но за ним скрывалось немало разных захребетников, не учтенных переписчиками. Следовательно, богатым якутам, хотя и платившим соболей в ясак больше, чем основная масса населения, было значительно легче внести ясак, так как пропорция между соболями и скотом здесь была иная [11].

По сравнению с прежней системой индивидуальное обложение ухудшило положение ясачных, так как раньше князцы преуменьшали численность своего рода. Составленные в результате переписи ясачные книги послужили основанием для ежегодного взимания твердо установленного ясачного оклада, хотя плательщик с течением времени мог потерять свой скот, трудоспособность и не в состоянии был платить установленный переписью оклад. Если ясачный плательщик умирал, оклад с него передавался по наследству вместе с его имуществом. И только если наследников не находилось и скот умершего переходил в казну, ясачный оклад вычеркивался.

Якутские соболи славились своим высоким качеством: среди них попадались такие, которые ценились в 400—450 и даже 550 тогдашних рублей (т. е. 6—8 тыс. золотых рублей, на деньги начала XX в.) за сорок, а единичные, особенно ценные, продавались по 20—30 руб. за штуку (350—450 руб.). Гораздо дешевле ценились «недошедшие» соболи, так называемые «вешняки» или «недособоли», ловившиеся весной, когда мех уже недостаточно пушист. Из соболиных шкурок вырезались «пупки», которые продавались отдельно, а также отделялись хвосты и остреди, т. е. кончики хвостов; изредка отделялись и собольи мордки [12].

Кроме соболей, ценились лисицы (белодушчатые, сиводушчатые, чернодушчатые, чернобурые) и бобры.

Ясачный оклад был главным, но не единственным сбором пушнины с ясачных плательщиков. Вместе с ясаком взимались государевы, воеводские и дьячьи поминки, т. е. подарки мехами, предназначавшиеся царю, воеводе, дьяку. Размеры этих полудобровольных приношений сильно колебались и не зависели от размеров ясачного оклада. Поминки перестали взимать только в конце XVII в.

Вследствие хищнического истребления соболя, с первых же лет установления воеводского управления, количество собираемого ясака стало уменьшаться из года в год. В 1647—1648 гг. с якутов было собрано около 6 тыс. шкурок, а в 1697—1698 гг., т. е. через 50 лет,— вдвое меньше. С истощением соболиных угодий стали принимать в ясак больше красных лисиц, которые ценились гораздо дешевле, а с проникновением к якутам денег — частично взимать ясак деньгами.

---

[10] ЛОИИ. Якутские акты, карт. 188, № 14, сост. 28—31.
[11] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 42—43.
[12] См. «Якутия в XVII веке», стр. 333.

Пушнину ясачные сборщики получали с якутов также в обмен на «государевы подарки». Последние состояли из медных котлов, олова, бисера, одекуя и др.

Известную статью государственного дохода представлял также и скот, который конфисковывался у якутов за участие в восстаниях, а позже — за неплатеж ясака. Кроме того, якуты облагались натуральными повинностями, самой тяжелой из которых была подводная. Якуты должны были поставлять лошадей для разъездов ясачных сборщиков. Полагалось брать подводы, как бы в наказание, у тех якутов, которые ясак «платили не сполна», т. е. фактически у необеспеченной части населения, в то время как «лучшие люди» этой повинности не несли.

В первые десятилетия после прихода русских на Лену ясачные сборщики объезжали якутские волости и на месте собирали ясак. В разъездах их сопровождали толмачи. Каждому плательщику сборщики должны были выдавать «отписи» (квитанции) о приеме ясака. К весне сборщики возвращались с ясаком в Якутск. В якутской съезжей избе на основании книг, составленных сборщиками, составлялась сводная ясачная книга.

При такой системе перед ясачными сборщиками открывались широкие возможности для крупных хищений, и тем самым нарушались интересы государственной казны и воевод, сидевших в Якутске. Требовалось также много людей для разъездов по 35 волостям, по зимовьям и острожкам, разбросанным на огромном пространстве.

В 1675—1676 гг. в Якутске был произведен подробный расчет количества служилых людей, необходимого для правильной организации сбора ясака. Оказалось, что в ясачные зимовья «за малолюдством» посылается 300 человек, между тем как в этих зимовьях сидят 214 аманатов, т. е. на каждых двух аманатов не приходится и трех служилых. В 35 якутских волостей посылалось 32 человека. Между тем на ясачные службы нужно было посылать 660 человек, а при отдаленности расстояния приходилось сменять состав в зимовьях не сразу, а по половинам, и потому в Якутске требовалось не меньше 1000 человек [13]. Однако фактическое количество служилых людей колебалось от 400 человек (при воеводе Головине) до 700 человек с лишним (при воеводе Приклонском); только к самому концу XVII в. число служилых достигло 920 человек [14].

Так как ясачных сборщиков не хватало, то с самого начала стали поощрять самих якутов приезжать в Якутск с ясаком. Это позволило воеводам непосредственно общаться с князцами и «лучшими людьми» (рядовые якуты за дальностью расстояния не могли ехать в город, бросая свое хозяйство). Приехавших в город князцов воевода принимал в парадной обстановке, одаривал их «государевыми подарками», устраивал им от имени царя угощение. Теперь воевода мог лично получать от якутов «поклонных» соболей. Якуты были частыми гостями в Якутске; по сообщениям воевод, в этот «украинный город» приезжало до 6 тыс. «ясачных иноземцев». Съезд в Якутск «ясачных иноземцев» воеводы широко использовали для собственной наживы: лучшие шкурки они брали себе, а в казну подкладывали худшие, утаивая количество поступивших соболей.

Для того чтобы лучше обеспечить бесперебойное поступление ясака, из семей князцов в первое время брали аманатов. В Якутском остроге была специальная аманатская изба, где содержалось по нескольку аманатов от разных волостей. Но система аманатов по отношению к якутам была скоро

---

[13] «Якутия в XVII веке», стр. 310—311.
[14] См. выше, стр. 44.

оставлена. Якуты «не держались» за своих аманатов, т. е. спокойно оставляли их на произвол судьбы, так как родовые связи у них распадались. Только для тунгусов и юкагиров, живших еще родовым строем, система аманатов имела смысл. Кроме того, якутские тойоны сами вошли в соглашение с царской администрацией и платили ясак без особого принуждения. В росписях острожков и зимовий прямо писалось, что якуты платят ясак «без аманатов». Вот почему уже к 60-м годам как в Якутске, так и в острожках якутских аманатов держать перестали. Однако московские власти продолжали вплоть до 1697 г. по привычке требовать в наказах воеводам, чтобы у якутов брались аманаты.

Другим средством принуждения платить ясак было приведение к «шерти», т. е. своеобразной присяге, которая заключалась в заклинаниях, сопровождавшихся магическими обрядами [15].

Некоторое значение для успешного сбора ясака имело также «государево жалование». Раздавались в виде подарков одекуй, бисер, медные котлы и другие товары; за это требовались отдарки в виде той же «мягкой рухляди».

Правительство проявляло известную «заботу» об ясачных людях, так как видело в них источник поступления соболиной казны. В наказах воеводам указывалось, что ясак собирать надо «ласкою, а не жесточью», «ясачным людям напрасных обид и налогов не чинить» для того, чтобы «их не ожесточить и от государевы царския высокия руки не отогнать, а в государеве б казне в ясачном сборе учинити прибыль». Забота об исправном сборе ясака заставляла правительство ограничивать деятельность русских служилых, промышленных и торговых людей в их сношениях с якутами. Запрещалось до уплаты ясака производить какую бы то ни было торговлю с ясачными людьми из опасения, что лучшие меха будут скуплены и не попадут в ясак. Товары, ввозимые в Якутский разряд, строго регламентировались и облагались пошлиной. Даже воеводам запрещалось покупать меха. Впрочем, на деле все это не соблюдалось, и московское правительство не могло обеспечить себе монопольное использование пушных богатств Якутии: часть «мягкой рухляди» попадала в руки воевод, служилых, торговых и промышленных людей, которые, скупая здесь меха за бесценок, перепродавали их на Руси по дорогой цене.

Ясачная политика способствовала быстрейшему расслоению якутского общества. Для успешного сбора ясака московское правительство приказывало воеводам привлекать на свою сторону князцов и «лучших» якутских людей. Поэтому если в первые годы установления ясачного режима тойоны еще пытались оказывать сопротивление царской администрации, то вскоре они неплохо приспособились к новой обстановке. Тойоны пошли на сговор с царизмом, получив за это право свободно хозяйничать среди своих сородичей.

Сделавшись посредниками между царской администрацией и широкими слоями населения, выполняя обязанности ясачных сборщиков, тойоны получили новое средство закабаления сородичей. Они поручались за неимущих, платили за них ясак, а потом требовали за это отработок. До нас дошел такой текст поручительства, относящийся к 1666—1667 гг.: «Се яз Борогонской волости Тороней Логуев поручился есми в государеву казну по своих улусных якутах по Бакти Дексине в лисице красной, по Тосене Котогорове в 2 лисицах красных, по Кочюгуе Чюкучине в лисице красной, по Оросу Орсюине в соболе...» [16] и т. д.

---

[15] См. ниже, стр. 120.

[16] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 303.

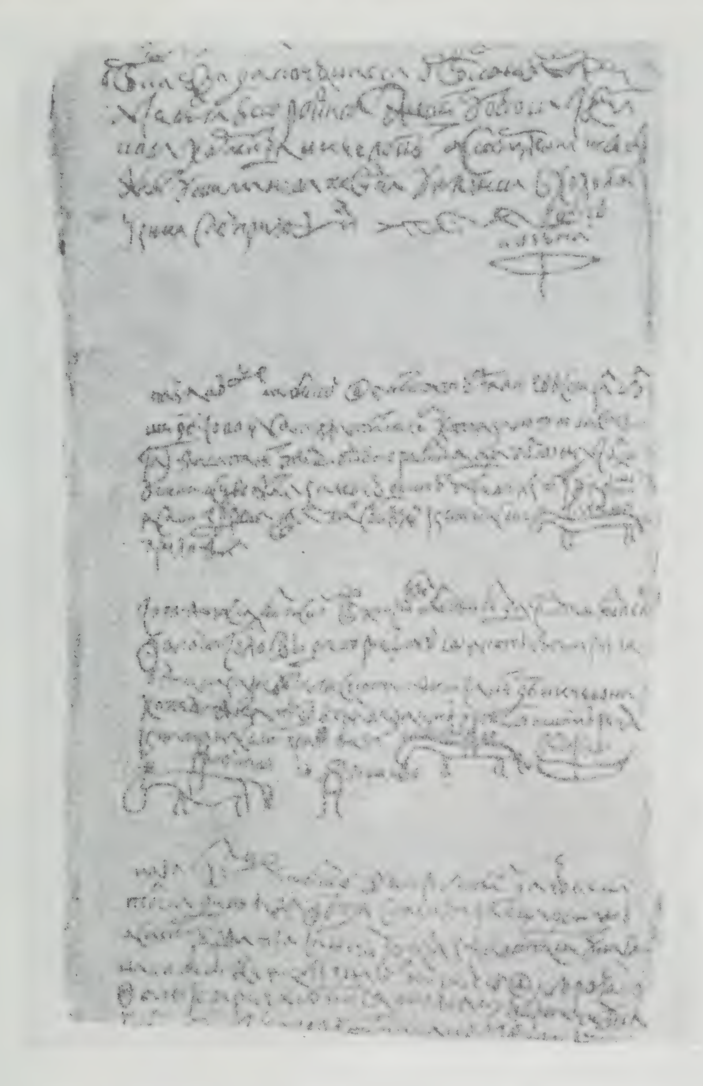

Рис. 7. Записи в документах XVII в. о невозможности собрать ясак с разорившихся якутов.

Таким образом, ясачная повинность, и без того достаточно тяжелая для трудовой части якутов, теперь все более и более отягощалась с ростом зависимости масс от князцов и «лучших улусных людей».

Для дальнейшего усиления своей власти над сородичами тойоны стали просить о передаче им судебных функций, которые выполняли представители местной администрации. С ходатайством об этом якутские тойоны обратились непосредственно к царю (см. ниже, гл. VI). В числе других просьб о привилегиях для тойонов они били челом о передаче в их руки суда и просили совсем отстранить от сбора ясака служилых людей: «и быть бы им над родниками своими судьями и по ясак волостных ясачных родников им нарежать и меж их суд и росправа чинить без градцкие волокиты» [17]. Правительство частично пошло навстречу челобитчикам: тойоны

[17] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 315.

были наделены судебными и полицейскими полномочиями. Однако просьба об освобождении тойонов от ясачного сбора не была удовлетворена: это шло вразрез с основной целью царизма — максимальной эксплуатацией пушных богатств Восточной Сибири. Расширение же судебно-полицейских полномочий тойонов только укрепляло позиции царизма в Якутии, так как интересы царской администрации и якутских тойонов во многом совпадали.

Воеводское управление угнетало не только трудовую часть якутов, но и русские низы — «вольных переселенцев» и ссыльных.

Воеводы, дети боярские, сотники, торговые люди держали у себя дворовых, которые состояли как из подневольного русского населения, так и из якутов. Отряды томских, енисейских, мангазейских казаков, придя на Лену, попутно с объясачиванием «имали» у якутов жен и детей. Эти пленные, так называемые ясыри, становились холопами. В дальнейшем ясырей стали продавать и покупать. Из-за нужды сами якуты нередко стали продавать или закладывать «и детей своих и жен и родников» [18]. Воеводы набирали из ясырей целый штат дворовых («холопьи дворы»), которые со сменой воеводы переходили к его преемнику [19]. Количество ясырей в течение XVII в. все увеличивалось. Правда, московское правительство не одобряло этой практики. Оно требовало в своих наказах воеводам, чтобы «никаких иноземцев и жен и детей не имать... ни у кого не покупать и не крестить и к Москве с собою не вывозить». Правительство исходило из интересов ясачной казны: уменьшение числа ясачных плательщиков, превращаемых в холопов, отражалось на количестве ясачных окладов. Попадая в холопы и не имея своего скота, якуты уже не могли промышлять пушнину и потому им нечем было платить ясак. Вслед за Уложением 1649 г., запрещавшим рабовладение, был издан ряд подобных запрещений специально для Сибири. Но запрещения эти плохо соблюдались.

Правительство стремилось воспрепятствовать также крещению якутов. В своих наказах оно настаивало, чтобы «служилым и всяким людем крестить не велеть..., чтобы Сибирская Ленская земля пространялась, а не пустела» [20]. Здесь правительство руководствовалось тем же принципом сохранения количества ясачных плательщиков — оно учитывало, что крещение часто являлось способом превращения ясачного плательщика в ясыря. Документы, упоминающие о ясырях, по преимуществу касаются просьб торговых и служилых людей разрешить крестить своих холопов. Если ясырь был крещен, он навсегда становился собственностью своего хозяина, тогда как некрещеных ясырей правительство приказывало отпускать на волю: «У которых... людей женки и девки... взяты у ясачных людей, которые великому государю ясак платят... тех ясачных... женок, девок и ребят, взяв у них, отдавать тем же иноземцом ясачным людем, у кого они взяты были; а будет которые крещены в православную христианскую веру... присылать в Якутцкой острог» [21]. Считалось, что после крещения якуты не могли оставаться в своей иноверческой среде, чтобы «не оскверниться». Поэтому крещеные женщины и дети, как правило, становились ясырями, а мужчины часто верстались в служилые или сажались на пашню. Служилых в якутском гарнизоне обычно не хватало, поэтому в наказе, данном в 1683 г. воеводе Матвею Кров-

---

[18] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 56.

[19] Н. Н. Степанов. Материалы к истории холопства в Восточной Сибири в XVII веке. «Исторический архив», т. I, 1936, стр. 195—196.

[20] «Колониальная политика...», стр. 82.

[21] ДАИ, т. VII, № 23.

кову, указывалось: «А будет хто из ясачных людей похочет креститца своею волею, и тех людей велеть крестить, сыскав про них допряма, что своею ли волею они хотят креститца. А крестя мужской пол, устроивать их в государеву службы и верстать их государевым денежным и хлебным жалованьем, смотря по людем...» [22]. В списках служилых людей 1681 г. числилось 26 новокрещенов. Характерно, что зачисляя новокрещенов в служилые, их не всегда освобождали от ясачной повинности. Так, новокрещена Леонтия Львова, поверстанного в дети боярские, было велено «из его окладу зачитать рубль за ясачную лисицу красную, что он плачивал в ясак» [23]. Будучи занят служебными поручениями, он не мог промышлять лисиц, но как бывший ясачный расплачивался частью своего денежного жалованья.

Выходцев из тойонских семей верстали в чин детей боярских. Это еще раз свидетельствует об особом, привилегированном положении тойонов, еще раз показывает, что царизм с первых же лет колонизации Якутии стал опираться на местную аристократию, в то же время укрепляя ее власть над простым народом.

---

[22] «Колониальная политика...», стр. 82.
[23] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 60.

ГЛАВА V

СОПРОТИВЛЕНИЕ ЯКУТОВ КОЛОНИАЛЬНОМУ РЕЖИМУ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ЯКУТИИ В XVII в.

Присоединение Якутии к России проходило в целом мирным путем. Отдельные стычки казачьих отрядов с вооруженными группами якутов, возглавляемых тойонами, не помешали быстрому вхождению необъятного края в состав Русского государства.

Междоусобная борьба якутских тойонов, разорявшая основную массу населения, способствовала тому, что большинство якутов охотно приняло русское подданство и согласилось платить ясак, видя в этом ограничение произвола тойонов. Со своей стороны якутская родо-племенная аристократия, на первых порах пытавшаяся отстоять свое прежнее независимое положение, быстро нашла общий язык с царской администрацией и стала опорой колониального режима в крае.

Этот режим неоднократно вызывал разнообразные протесты трудящихся якутов. Тяжелый ясачный гнет, злоупотребления воеводской администрации, произвольные поборы ясачных сборщиков, неэквивалентная торговля, истощение соболиных угодий — все это вело к обеднению широких якутских масс. Для уплаты непосильных налогов бедняки-якуты нередко вынуждены были продавать не только свое имущество и скот, но и закладывать «в работу» жен и детей. В этих условиях росло недовольство якутов, которые на протяжении всего XVII в. пытались бороться против феодально-крепостнического колониального гнета.

Борьба угнетенного якутского населения не раз переплеталась с классовой борьбой среди русского населения, а порой осложнялась и внутренними распрями между представителями царской администрации в Якутии.

Крупная вспышка протеста якутов против колониального гнета имела место в 1642 г.— сразу же после учреждения самостоятельного Якутского воеводства.

Виновником якутского восстания 1642 г. был в значительной мере сам воевода Головин, который своими крутыми и самоуправными действиями спровоцировал на выступление даже лойяльную часть князцов. Желая выслужиться перед правительством, Головин тотчас по приезде на Лену задумал реорганизовать всю систему ясачного сбора, чтобы резко поднять размеры ясака. Для этого он решил немедленно провести перепись всего взрослого мужского населения, выявить всех платежеспособных якутов, а заодно и переписать имеющийся у них скот — главный показатель хозяйственного благосостояния. Товарищи воеводы — воевода Глебов и дьяк Филатов — предлагали повременить с переписью, опасаясь вызвать открытое недовольство якутов. По их мнению, надо было

сначала взять аманатов и подождать, когда «земля утвердится». Преданные новой власти князцы Логуй и Ника также отговаривали Головина от производства переписи. Но Головин, переоценивая свои силы, настоял на своем решении.

Слухи о переписи проникли в улусы раньше, чем она началась. Якуты встревожились, пошли толки о том, что будут не только переписывать скот, но и отбирать его. Действия воеводы Головина делали эти толки правдоподобными: так, например, он потребовал у одного якута 40 соболей за разрешение съесть тушу принадлежавшей тому павшей лошади.

В самом начале февраля 1642 г. отряды служилых людей выехали для проведения переписи. Первым выехал в Намский улус енисейский атаман Осип Галкин. С ним находились таможенный целовальник Юрий Селивестров, 10 служилых (один из них для «письма») и два толмача. Воевода наказывал им прежде всего обратиться к князцу Мымаку и с ним и другими «лучшими людьми» ехать по юртам и переписывать всех якутов мужского пола, в том числе малолетних ребят и боканов. Мымак должен был также указать, сколько «у которого якута и захребетника и у подростка скота». С помощью Мымака Галкину удалось провести перепись в Намском улусе и благополучно выехать в Одейский улус.

На р. Ситу и оз. Ковею был послан сын боярский Воин Шахов с Постником Ивановым и целовальником Семеном Стрекаловским; на Амгу и Татту поехал томский сын боярский Остафий Михалевский; в Батулинскую волость — Григорий Летнев. Повсюду распространялись тревожные слухи. Тойоны забеспокоились; борогонский тойон Книга говорил: «Теперь де пишут нас и скот наш, а нас де лутчих князцов хотят сажать в казенки, а иных де лутчих людей хотят к себе в холопи имать...» [1]

Волнения вскоре охватили бо́льшую часть якутских улусов. Многие настаивали на сопротивлении проведению переписи. Якуты совещались, посланцы разъезжали между улусами с вестями и решениями. Наконец, был составлен план общего восстания. Было решено сначала перебить по отдельности все отряды переписчиков, а потом, собравшись под Якутском, взять приступом острог. На случай, если острог сразу взять не удастся, предполагали сделать вокруг него укрепления и начать осаду. Имелся и другой план — прежде всего убить воеводу Головина: «А пойдем де под острог, а ясаку де сберем, да пошлем с нарочитым боканом, а велим да за рукав нож положить, и как де ясак станем давать, и в те де поры бокану велим заколоть тойона большого. А бокана де хотя и убьют, ино де его не жаль, бокан де не дорогой человек» [2].

Шаманы устраивали камлания, на которых объявляли, что в городе припасены для истребления якутов веревки, крюки и обручи, что якутский скот русские разделят между собой. Скот был основным богатством якутов. Опасаясь лишиться его, различные социальные слои приняли участие в восстании.

Восстание началось с нападения на ясачных сборщиков, проводивших перепись. Во второй половине февраля был перебит отряд Воина Шахова на р. Ситє. В Борогонском улусе истребили отряд Алексея Гнутого. В Кангаласском улусе убили Осипа Галкина с товарищами. Той же участи подверглись отряды Михалевского и Летнева. Одновременно якуты нападали на служилых людей и в районе устья Вилюя. После того как все отряды переписчиков были истреблены, повстанцы стали собираться в Нам-

[1] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 164.
[2] «Якутия в XVII веке», стр. 291.

ский улус. Якуты считали, что взять острог приступом не составит труда, так как в остроге «не людно, казаков де всех прибили, а в остроге людей немного, все де торговые люди да зыряне» [3]. Выступление было назначено на 4 марта.

Всего собралось от 700 до 1000 верховых якутов, одетых в куяки, с луками, копьями и пальмами. Но не все князцы и их люди приняли участие в этом ополчении: сказывалась вековая междоусобная вражда. Между собравшимися возникали разногласия, некоторые из князцов вели двойную игру. Сами вожди восстания — намский князец Мымак и его сын Ника — находились в постоянных тайных сношениях с воеводой Головиным. Уже 3 марта Ника послал к Головину своего бокана, велев передать следующее: «Прислал де меня Ника Мымаков сын, а говорил де Ника добре все, а худа де Ника ничево не думает... А Ника де будет завтра в город» [4]. Повстанцы подозревали о тайных связях Ники с воеводой, ругали его и угрожали ему смертью («ты де, собака, казакам кони даешь жирны и с казаками де на нас стоишь»). Борогонский князец Логуй вообще отказался участвовать в восстании, уговаривал повстанцев разойтись. Даже кангаласские тойоны, сыновья Тыгына, сначала руководившие подготовкой к восстанию, скоро отошли от него и увели свое войско.

Головин узнал о готовившемся нападении на острог в ночь на 3 марта, накануне выступления якутов. Воеводы произвели смотр гарнизону и всем боеспособным людям: на месте оказалось всего около 40 служилых, не считая промышленных людей, которых насчитывалось человек 30. Боясь ответственности и «прикрываючи свою вину», Головин всюду искал виновников. На смотру, в присутствии служилых, торговых и промышленных людей, он кричал на обоих своих товарищей, «будто та якутская измена учинилась от них Матвея [Глебова] и Еуфима [Филатова], и якутов научили детей боярских и аманатов и служилых людей и целовальника побивать они ж де, Матвей и Еуфим» [5]. Глебову и дьяку якобы помогали черный поп Семион, дьякон и один промышленный человек, которые вместе с ними будто бы «советовались о той измене» с одейским князцом Сергуем. Сына боярского Григория Демьянова Головин бил чеканом, приказал бить батогами и бросить в тюрьму. Попал в тюрьму и письменный голова Бехтеяров.

Заблаговременно узнав о восстании, Головин имел возможность выступить первым, послать вперед отряд из 50 человек с «вогненным боем». Задача отряда заключалась в том, чтобы взять в аманаты «лучших людей», в случае нужды не останавливаясь перед применением оружия. Не доходя «перестрела с два» до Намского улуса, отряд встретил ополчение якутов в полной боевой готовности. Вернувшись, служилые люди сообщили, что встретили много вооруженных якутов, которые «учали нас холопей твоих стреляти, и бились мы холопи твои с ним с утра до половины дня, и на том, государь, бою нас холопей твоих испереранили, и от тех твоих государевых изменников мы с великою нужею отошли» [6].

Все же подступить к Якутскому острогу восставшие не решились, так как «блюлись пушек». Огнестрельное оружие, которого у якутов не было, сыграло большую роль в сравнительно быстрой победе служилых людей. Якуты отступили, но не прекратили борьбы, а перешли от нападения к обороне. У себя в улусах они строили острожки, в которых ожидали при-

[3] «Якутия в XVII веке», стр. 291.
[4] Там же, стр. 293.
[5] Там же, стр. 297.
[6] Там же, стр. 294.

езда служилых людей. В острожке, поставленном в Бетунской волости князцом Камыком, укрывалось более 300 человек; здесь же было размещено 300 голов скота. Против всех таких укреплений Головин снаряжал отряды хорошо вооруженных людей, а к Камыку «послали пушечку под острог». В результате в течение марта «служилые люди многих якутов побивали и острожки взяли и переимали, а иные сами сдалися, и скот, и кони, и коровы на государя много поимали, якуцких лутчих князцов и их детей и братью и племянников и улусных людей уговорили, а иные сами с винои пришли и убойцов переписали и тех лутчих князцов Петр посадил до сыску в аманаты... а убойцов и причинных якутов посадили в тюрьмы, а иных за приставы». После подавления восстания участились случаи бегства якутов в отдаленные районы.

Князцы стали приезжать к воеводе с повинной, сваливая вину друг на друга. Кангаласские князцы валили вину на одейских и намских якутов, а также друг на друга: младшие тыгиновичи — Чабда и Этени — заявили воеводе, что они «разговаривали свою братию», но те их не послушались.

Разгром восстания 1642 г. надолго парализовал активность якутских народных масс, выступавших против воеводского произвола и насилий ясачных сборщиков. Отдельные попытки оказать сопротивление при сборе ясака, особенно вдали от Якутска — на Яне, Вилюе и т. д. оставались разрозненными; якуты больше не объединялись и к острогу не подходили.

Воевода Головин повел следствие для выяснения причин восстания. Первым делом он отставил от дела Еуфима Филатова и посадил его под домашний арест, а затем перевел в тюрьму. Он подвергал пыткам обвиняемых и свидетелей, как русских, так и якутов, добиваясь показаний против своих товарищей и их мнимых сообщников.

В ноябре 1642 г. Головин засадил под домашний арест и второго воеводу Матвея Глебова. Слуги врагов воеводы были посажены в тюрьму. Чтобы заставить их оговорить своих господ, Головин действовал пытками и посулами, обещая им свободу. Семь тюрем были переполнены: «в тех тюрьмах служилых и торговых и промышленных людей посажено много, со 100 и больши», не считая якутов, привлеченных по делу об измене.

Все более расширяя следствие, Головин обвинял своих товарищей и их сторонников в том, что они будто бы научили ясачных людей не платить ясак, избивать промышленных людей, советовали тунгусам откочевать в отдаленные земли, подделывали государевы печати и крали ясачную казну.

Жестоко истязал Головин захваченных в плен якутов,— «пытал и огнем жег и кнутом бил больше месяца, а три палача, без пощады» [7]. Он добивался, чтобы истязуемые показали, что их подстрекали к измене Глебов и Филатов. Якуты не давали требуемых от них показаний, и это еще более выводило Головина из себя. «И Петр же Головин после того своего сыску тех якутов лутчих людей и аманатов повесил 23 человека, а иных выбрав же лутчих людей бил кнутом без пощады, и с того кнутья многие якуты померли, и тех мертвых Петр вешал же» [8]. Так же жестоко расправлялся Головин со служилыми низами, не поддерживавшими его клеветы на Глебова.

Зверская расправа, учиненная Головиным над своими противниками, способствовала обострению борьбы угнетенного русского населения против феодальной администрации. В этой борьбе принимали участие не

---

[7] «Якутия в XVII веке», стр. 297.
[8] Там же.

только торговые и промышленные, но и служилые люди, по своему социальному положению резко отличавшиеся от правящей группы, воевод и детей боярских. Нередко рядовые служилые и промышленные люди в ответ на притеснения воеводской администрации посылали царю челобитные с жалобами или же объявляли «государево слово» или «государево дело», т. е. обвиняли воеводу в оскорблении царя или в государственном преступлении. Но челобитные попадали в Москву не раньше, чем через год, а объявление «государева слова» или «дела» влекло за собой арест доносчика, а иной раз и пытку. Воеводы принимали все меры, чтобы не допустить до Москвы никаких доносов. Головин приказал обыскивать ехавших на Русь торговых и промышленных людей и отбирать грамоты и челобитные, которые посылались с ними из Якутска.

Когда, наконец, в августе 1644 г. вести о происшествиях в Якутском остроге дошли до Москвы, туда был послан строгий наказ — немедленно освободить из-под стражи Глебова и его сторонников, а деятельность Головина расследовать. Это было поручено новому воеводе — Василию Пушкину вместе с его товарищем Кириллом Супоневым.

В июне 1645 г. с получением царской грамоты о восстановлении в правах тех, кого Головин незаконно сместил и арестовал, накопившееся возмущение народных масс вырвалось наружу. Недели через две после того, как царский указ положил предел самовольным действиям Головина, он велел бить батогами троих казаков, провинившихся по службе. Однако собравшиеся служилые люди не дали бить казаков. Во время этого выступления толпа кричала: «Чево де стоять, пойдем де на двор к воеводе и поимаем людей его и побьем». Некоторые требовали освободить заключенных, которых Головин продолжал держать в тюрьме [9].

Как уже отмечалось, после разгрома восстания 1642 г. и разорения центральных якутских улусов воеводой Головиным значительные группы якутов стали уходить из-под Якутска на Вилюй и Олекму. Опасаясь наказания за участие в восстании, ушел в верховья Вилюя князец Бойдой, уведя с собой 200 человек [10]. Бегство якутов из ближних волостей на окраины стало в дальнейшем обычным явлением. Но чаще якуты бежали от притеснений царской администрации не большими родовыми группами, а отдельными семьями. Это была пассивная форма сопротивления ясачному режиму царизма. С 40-х годов XVII в. ясачные книги заполняются длинными списками «сошлых» и «несыскных» якутов. Со слов князцов в ясачных книгах к этим спискам давались обычно следующие примечания: «сошел жить в дальние места на озера», или «тое де волости якуты у себя ево в волостях не сказали, а они ево сыскать не могли ж» [11].

В Кангаласской волости в 1648 г. в бегах находилось 19% ясачных плательщиков, в Нерюптейской — 28%. По всем центральным волостям в этом году не явилось к ясачному платежу 17% ясачных людей. В конце XVII в. в ряде волостей 50—60% ясачных плательщиков находилось в бегах [12].

Большинство беглых, как показывают ясачные книги, было из тех, кто платил низкий оклад ясака — одну красную лисицу или одного соболя; значит, это были люди малоимущие. Действительно, ясачные поборы были особенно тяжелы для мелких скотоводов: они быстро разорялись и, спасаясь от наказаний за неуплату ясака или кабалы, бежали в дальние необжитые места.

[9] «Якутия в XVII веке», стр. 246.
[10] Там же, стр. 297—298.
[11] Там же, стр. 271.
[12] Там же, стр. 271—273.

Во второй половине XVII в. беженцы уже не могли укрыться от царской администрации на Вилюе и Олекме, и поток беглых направился на отдаленные реки — Колыму, Индигирку, Оленек, Анабар, в низовья Лены. Якуты появились и на Амуре — в «китайской стороне».

Наряду с пассивными формами сопротивления возобновились попытки открытых выступлений притесняемых служилыми людьми якутов. В документах часто встречаются упоминания о мелких стычках между небольшими группами якутов и ясачными сборщиками. В 1648 г. якуты Мальягарской волости Тунуй и Ахтанка Малдугаевы, будучи вызваны на суд в Якутск, собрали вокруг себя отряд родичей человек в 40 и отказались повиноваться явившимся арестовать их служилым людям [13]. В том же году отказались явиться в суд и оказали вооруженное сопротивление служилым людям батурусцы Чека и Мазара. В 1653 г. якут Толкой избил казака Терентьева, требовавшего у него лошадей [14].

Временами вспыхивали и более значительное волнения. Так, в 1653 г. якуты во главе с Тунуем и Лапчан-шаманом напали на Усть-Вилюйское зимовье, «воротишка у сенец выломали и в зимовье вломились», освободили сидевшего там аманата, а служилых людей избили и связали. В 1683 г. в Батулинской, Накарской и Катырыцкой волостях случаи отказа ехать в город с ясаком сопровождались вооруженными столкновениями с ясачными сборщиками.

Несколько больший размах получило выступление в 1676 г. ярканского родового князька Балтуги Тимиреева. Поводом для него послужило столкновение между родичами Балтуги и промышленными людьми на соболином промысле. С обеих сторон были убитые. Олекминская администрация послала отряд казаков и местных тойонов для наказания виновных. Но Балтуга сам напал на отряд, одного казака убил, других ранил. Тогда из Якутска против Балтуги был направлен отряд в 27 служилых людей и 53 якутов. Балтуга за это время собрал группу в 70—80 якутов и тунгусов; он стал колоть свой скот и собирался откочевать в тунгусские земли. Отряд служилых встретил «изменника Балтугу с родниками, человек с 70 и больше, с копьи и с луками, а иные в куяках». В бою победу одержали казаки. Было взято девять пленных, много лошадей и оружия. Балтуга пытался скрыться, но был схвачен. Воевода Барнешлев долго и жестоко вел сыск и приговорил захваченных «бить кнутом на козле и в проводку» [15]. В конце концов заключенные были взяты на поруки якутскими князцами и выпущены, но переселены с родных мест к Верхне-Вилюйскому зимовью. Выступление Балтуги было стихийным проявлением протеста против грабительства царских служилых людей. Но оно оставалось изолированным: фактически в нем участвовала одна родовая группа.

До нас не дошли документы о другом восстании, память о котором сохранилась в народных преданиях. В этом движении, имевшем место в 1681—1682 гг., главную роль играли кангаласцы под руководством Дженика. Кроме якутов, в нем участвовали русские служилые люди и ссыльные старообрядцы. Воевода Приклонский разгромил повстанцев около теперешнего Покровска. Рассказы об участии в этом восстании русского населения представляют большой интерес: они свидетельствуют о классовом характере выступления и о том, что отношения между трудящимися слоями русских и якутов становились все более дружественными. Русские и якуты жили рядом, имели общие интересы, подвергались одному и тому

---

[13] См. «Якутия в XVII веке», стр. 298—299.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 301.

же гнету; разрозненные выступления якутов и по времени и по характеру действий иногда совпадали с «бунтами» и «смутами» простых русских людей против детей боярских, воевод и богатых торговых людей. Характерно, что в следующем, 1683 г. в самом Якутске вновь произошло выступление служилых людей. Воеводы сообщали, что «завели бунт казаки, кои наряжены были на великих государей службу на Удь, Федька Мартынов с товарищи, хотели якутцких градских жителей, многих лутчих людей побивать до смерти и у торговых людей плоты с хлебными запасами отбивать». Еще через год казачий наемщик Кузьма Михайлов, «стакався с казаком Андрюшкой Унжаком, хотели бунт заводить» и распространяли в этих целях «воровские письма» [16].

Тяжелым было положение русских промышленников и мелких торговых людей, страдавших от феодального гнета и воеводского произвола. Недовольство их проявилось уже весной 1650 г., при воеводе Францбекове. Жадный до наживы, этот воевода своими поборами и притеснениями сразу же восстановил против себя торговых и промышленных людей, съехавшихся в Якутск на промыслы. В расчете на взятки он задерживал партии промышленников, вымогал деньги, занимался ростовщичеством, взимая чудовищные проценты. Служилые низы и промышленные люди называли его «воеводой-вором», а некоторые торговые люди «советовали меж собой... Францбекова убить и животы его пограбить и по себе разделить» [17]. Собравшись в воскресный день в церкви, они окружили Францбекова и стали ругать его. Однако подоспевшие к церкви служилые и наиболее зажиточные торговые люди не дали расправиться с воеводой. Воевода лишь спустя некоторое время решился арестовать главных виновников «смуты» [18].

Выступления мелких промышленников и торговых людей происходили и на окраинах Якутии. Так, например, на Яне в 1652 г. «круги и бунты» завели новоприборные служилые люди Обросимов и Алексеев, люди гостей Шорина и Гусельникова, приказчики гостей Босова, Бушковского, Юрьева и промышленные люди,— всего 27 человек. Недовольные избили служилых людей и разграбили имущество Юрия Селиверстова, главаря промышленной экспедиции, отправленной воеводой Францбековым за моржовой костью. «Бунтовщики» открыто грозили служилым людям: «Только де нас станут служилые люди в том убойстве нас имать, и мы де вас всех прибьем, что свиней, на голову» [19].

Внутренняя социальная борьба не затихала в Якутске в течение всего XVII в. В 1668 г. якутские служилые во главе с пятидесятником Никифором Аргамаковым подали челобитную на детей боярских, обвиняя их в том, что при посылках на «дальнюю службу» они перекладывают все служебные тяготы на казаков, действуют, не считаясь с подчиненными им служилыми людьми, и грубо с ними обращаются. В своей челобитной они просили не посылать с ними в качестве начальников детей боярских [20]. В 1680 г. произошло столкновение между служилыми людьми, находившимися на р. Зырянке, и их начальником сыном боярским Богомоловым, который впоследствии обвинял своих казаков «в непослушании и в смертном убийстве и в бунтах их самовластных» [21].

Служилые низы страдали и от притеснений со стороны крупных торговых людей. Так, во второй половине XVII в. служилые люди жалова-

[16] «Якутия в XVII веке», стр. 247.
[17] Там же, стр. 250.
[18] Там же, стр. 253.
[19] Там же, стр. 254.
[20] Там же, стр. 331.
[21] Там же, стр. 332

лись, что купцы «задалживают всех пашенных крестьян» около Усть-Кута и Чечуйского волока и затем скупают или берут за долги у них хлебные запасы «дешевою ценою», а в Якутском остроге, сговорившись между собой, продают их «дорогою ценою». Жалобы на дороговизну покупного хлеба и других русских товаров продолжались в течение всего столетия; поэтому выступления служилых людей против воевод обычно сопровождались угрозами по адресу богатых торговых людей.

Рис. 8. Башня Якутского острога XVII в. (сохранилась до настоящего времени).

Попытки отдельных выступлений русских и якутов против якутской администрации имели место и в последующие годы. В конце 1680-х годов якуты, возмущенные действиями воеводы Кровкова, угрожали, что будут «управляться собою». При воеводе Гагарине (1691—1695 гг.) якуты заявляли, что «естли де великие государи от воевод и от ясачных зборщиков и от толмачей и от подъячих вскоре не укажут их оборонить», они будут обороняться сами, «и от того де разорения Якуцкая страна разорится до основания, и впредь великого государя ясаку збирать будет не на ком» [22].

Все это свидетельствует о росте недовольства трудящихся Якутии феодальным гнетом и произволом царской администрации. Правда, во второй половине XVII в. это недовольство сравнительно редко приводило к открытым выступлениям народных масс. Причина этого — упрочение царизма в Якутии, укрепление его союза с якутскими тойонами, стоявшими на страже своих классовых интересов и в зародыше подавлявшими попытки народных выступлений, одновременно направленных и против колониального гнета, и против гнета самих тойонов.

---

[22] «Якутия в XVII веке», стр. 303.

ГЛАВА VI

ИЗМЕНЕНИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ ЯКУТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Включение Якутии в состав Русского многонационального государства привело уже в XVII в. к значительным прогрессивным изменениям в хозяйстве, расселении и общественном строе якутов.

Непосредственным следствием вхождения Якутии в Русское государство было прекращение бесконечных междоусобных кровопролитных столкновений между якутскими родами и племенами. Эти войны, разжигавшиеся тойонами, приносили якутскому народу неисчислимые бедствия. Во время набегов тойонские дружины разрушали хозяйство побежденных, уводили их скот, убивали мужчин, обращали в рабов женщин и детей.

В первые годы после проникновения русских в Ленский край тойоны, пользуясь административной неупорядоченностью и распрями между русскими отрядами, нередко вмешивали их в свои междоусобицы. В 1639 г. нерюктейцы и мегинцы, заручившись поддержкой отряда атамана Копылова, совершили поход против сыланцев. Те в свою очередь, добившись поддержки отряда Ходырева, отомстили нерюктейцам и мегинцам.

Но уже в 40-х годах XVII в. несогласия между якутскими родами перестали приводить к войнам. Русские служилые люди, заинтересованные в исправном поступлении ясака, стремились прекратить вооруженные столкновения между якутами и не только выступали в качестве арбитров в спорах, но и нередко силой оружия принуждали воинственных тойонов прекращать вооруженные набеги. Обиженные искали теперь защиты не у более сильных тойонов, а в русском суде. Уже в 1638—1639 гг. якуты тагусы обращались в суд, жалуясь на набег якутов бояназайцев и атамайцев. По-видимому, русские служилые люди смогли защитить тагусов, так как в дальнейшем сообщения о вражде между этими группами якутов не встречаются [1].

Судебные дела середины XVII в. полны описаний тойонских самоуправств и насилий, но характерно, что теперь это уже не длительная вооруженная борьба между родами, а отдельные грабительские выступления, обычно заканчивавшиеся угоном табуна лошадей. Так, в 1640 г. оспетский князец Амур Касков отогнал у бетунского якута 22 кобылы и трех коней [2], в этом же году батурусский тойон Даван Лочереков с родниками отогнали 18 лошадей у батулинского якута Барчигара, в 50-х годах намский тойон Арчин Качиков отогнал скот у одейского якута Бырчика [3] и т. д. В 70-х годах борогонские и батурусские тойоны обращались в суд, обвиняя друг друга в набегах и уводе скота. Дело кончилось примирением сторон, хотя

---

[1] «Колониальная политика...», стр. 201.
[2] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 144.
[3] Там же.

и в дальнейшем несогласия между борогонцами и батурусцами продолжались. В 1670—1680 гг. тойон Батулинской волости Орюкан Секуев враждовал со своими соседями батулинцами и батурусцами, часто отбивал у них скот и грабил их. В 1684 г. он разграбил скот игидейцев, затем оказал сопротивление русскому отряду и принялся вооруженной рукой разорять соседей. Кончилось это тем, что Орюкан был пойман и с тремя своими товарищами казнен воеводой Кровковым [4].

Таким образом, в сравнительно короткий срок русская администрация обуздала своеволие тойонов. Введение основ государственного правопорядка, даже феодально-монархического, было несомненным прогрессом по сравнению с прежней анархией.

В эти же годы якутское скотоводческое хозяйство начало распространяться на север. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. территория расселения якутов значительно расширилась. До прихода русских якуты населяли главным образом Алданско-Ленское междуречье, бассейн Нижнего Вилюя и отдельные местности близ устья Олекмы и на верхней Яне. Многие вполне удобные для скотоводства районы — бассейн среднего течения Вилюя, некоторые районы около Олекмы, бассейны рек Индигирки и Колымы — были для якутов недоступны: переселению в эти районы препятствовали воинственные тунгусские и ламутские племена. Русские землепроходцы не только проложили пути на эти «дальние реки», но и, закрепившись там, установили прочный порядок, прекратив междоусобицы среди коренного населения. Относительная безопасность, установившаяся и в «тунгусских землях», способствовала тому, что сюда стали проникать и якуты-охотники в поисках ценной пушнины. В районы, пригодные для скотоводства, переселенцы-якуты привозили коров и лошадей.

Наконец, освоению дальних мест содействовали ясачный гнет и поборы чинов воеводской администрации, вызвавшие побеги значительных групп подгородных якутов.

Вокруг Верхне-Вилюйского зимовья ко времени его основания жили исключительно тунгусы, но уже в начале второй половины XVII в. положение изменилось. В 1667 — 1668 гг. в этом зимовье числилось 607 ясачных плательщиков, из них 286 тунгусов и 321 якут. Якуты сошлись сюда из 24 волостей, главным образом из Кангаласской (92 человека), Борогонской (63) и Намской (24) [5]. В конце XVII в. колонии якутов появились на Анабаре, Оленеке, Индигирке, Колыме, в низовьях Лены и Яны. В некоторых зимовьях якуты по численности превзошли коренное население — тунгусов. Уже во второй половине XVII в. скотоводство было продвинуто якутами на среднее течение Вилюя. В Заполярье на дальних реках Оленеке и Анабаре якуты-переселенцы переходили к промысловому хозяйству — охоте, рыболовству и оленеводству.

Включение Якутии в состав Русского государства означало включение ее и в систему всероссийского рынка.

Огромные партии драгоценной пушнины поступали из Якутии не только в торговые центры России, но и отправлялись за границу. Ясачная пушнина шла в основном на удовлетворение нужд двора и на подарки иностранным монархам. Но значительное количество якутской пушнины поступало на вольные рынки — в Соль-Вычегодскую, Устюг Великий, Москву, Архангельск. Торговые люди скупали в Якутске пушнину как у коренного населения, так и у служилых и промышленных людей. В якутской пушной торговле принимали участие такие крупные предприниматели XVII в.,

[4] С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 144—146.
[5] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, д. 166, лл. 1—74.

как гости В. Шорин, Н. Святешников, а также торговые люди гостиной и суконной сотен [6]. Для обмена на пушнину торговые люди завозили в Якутию всевозможные товары, что способствовало усилению пушной охоты. Необходимость платить ясак соболями и лисицами, желание приобрести привозные товары побуждали якутов подгородных улусов, больше общавшихся с русскими, вступать в торговые сделки с тунгусскими зверопромышленниками. Зажиточные якуты — крупные скотовладельцы предпочитали менять излишки продуктов скотоводства на пушнину, нежели самим отправляться на охоту за пушным зверем.

Якуты специально выезжали к местам кочевок тунгусов с товарами для обмена. Уже в XVII в. среди якутов стали выделяться торговые посредники, которые брали с собой для обмена и торговли не только им принадлежавшие товары, но и товары других якутов. В 1692—1693 гг. борогонец Ирген сообщал, что зять его брата Молонкун, едучи в Верхоянское зимовье, взял у него для торгу «соболя да круг серебряный, котел железный, 3 пальмы, 2 косы да крицу железа, да битого мяса жеребенка, да лукошко масла» [7]. На Вилюй в места кочевок тунгусов приезжали целые торговые караваны якутов, насчитывавшие до ста человек из Кангаласской, Намской, Бетунской, Борогонской и других волостей. Такие же экспедиции за соболями и лисицами выезжали и на Олекму: «Приезжают многие люди якуты из Якуцкого острогуна Олекму к якутам и привозят с собой многие товары, кони добрые и кобылы и бобры и выдры и пальмы добрые» [8]. Скупленные меха якуты-посредники с немалой выгодой для себя сбывали русским купцам.

Сделки между якутами и русскими не ограничивались обменом мехов на привозные товары. Русские служилые и промышленные люди выменивали у якутов рогатый скот, лошадей, одежду. Торговые люди, несмотря на все запреты и ограничения, проникали в далекие зимовья и острожки и опутывали долгами коренное население.

Уже во второй половине XVII в. под влиянием развития обмена и торговли якуты в отдельных случаях стали вносить ясак не пушниной, а деньгами: «Учали они, якуты, приносить в твой великого государя ясак,— писал воевода Голенищев-Кутузов,— за лисицу красную против прежнего медными деньгами по 20 алтын, и я, холоп твой, у них якутов по 20 алтын не имал, а велел им, якутам, приносить за лисицу по рублю» [9]. Это стремление выплачивать ясак не натурой, а деньгами свидетельствует об известном развитии товарно-денежных отношений в подгородных якутских улусах. В конце XVII в. пушной ясак в связи с падением пушной охоты все чаще стал переводиться на деньги. В 1699 г. Сибирский приказ разрешил в случае «неулова» зверей заменять при выплате ясака пушнину деньгами.

Замена пушнины деньгами не отвечала интересам правительства, и Иркутская провинциальная канцелярия всячески пыталась ее ограничить. Канцелярия напоминала, что замена пушного ясака денежным разрешена только в тех местностях, «где весьма зверя промыслить невозможно, а в Якуцку зверя довольно, и видно, что за леностью своею не хотят промышлять, имеют отговорку, чего воеводе смотреть накрепко, чтобы ясак был бран достойной, и ясачным в том послабления отнюдь не давать» [10]. Но,

---

[6] И. И. Селиверстов. Торговля и промыслы русских в Якутии в 40—60-х годах XVII в. (Автореферат канд. диссертации), Л., 1952, стр. 7.
[7] «Якутия в XVII веке», стр. 76.
[8] Там же.
[9] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., ст. 361, ч. 1, л. 23.
[10] Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области..., стр. 176.

несмотря на ряд подобных указаний, в последующие годы продолжался процесс замены соболиного и лисьего оклада денежным.

В XVIII в. проникновение товарно-денежных отношений в якутское общество усилилось. В сферу товарных отношений были втянуты в первую очередь центральные якутские улусы. Лишь в отдаленных зимовьях и острожках по-прежнему преобладал натуральный обмен. Но и здесь под влиянием русских якуты приобщились к новым промыслам. Так, на Севере Якутии, куда якуты проникли вслед за русскими, возник своеобразный промысел сбора мамонтовой кости и моржового клыка, высоко ценившихся на рынке.

Были внесены усовершенствования в технику рыболовства и охоты. Появились крючковые снасти, переметы, усовершенствованные самоловы и т. п.

Одним из важнейших экономических результатов присоединения Якутии к России было распространение среди якутов — скотоводов и охотников — земледельческой культуры русских крестьян.

Проникновение земледельческой культуры к народам, раньше не знавшим земледелия, наблюдалось во всех тех местах Сибири, где русские крестьяне стали пахать землю и сеять хлеб. Исследователь истории русского земледелия в Сибири В. И. Шунков отмечает, что «к XVII в. относятся первые факты обращения к земледелию отдельных представителей народов Сибири, совсем не знавших земледелия... И хотя эти факты в XVII в. были единичными, они свидетельствуют о начале весьма важных изменений в жизни ряда народов Сибири. Трудовая деятельность местного населения начинает развиваться «по русскому обычаю» [11]. Уже в 30-х годах XVII в. русские люди, оседая на Лене, стали производить первые опыты обработки земли и посевов хлеба. Живя бок о бок с русскими пашенными крестьянами, якуты стали приобщаться к навыкам хлебопашества. В хозяйственную жизнь русских крестьян раньше всего стали втягиваться бедные бесскотные якуты, которые работали на пашне своих новых соседей. В документах XVII в. можно найти упоминания о том, как якуты «скитались меж русских людей многие лета», потому что им «в якутах жить не у кого, роду ни племени никаково нет» [12]. Среди якутов, живших в 1641 г. «на пашне» у торгового человека Ивана Сверчкова, который имел на Лене большое пашенное хозяйство, упоминаются холоп Аргунейко, крещеный и посаженный на пашню в 1642 г., и «Накорского роду подогородной якутишко именем Керчик Онтоулов сын» [13].

Нередко якуты, жившие рядом с русскими, принимали крещение и не только работали на пашне русских крестьян, но и заводили собственные пашни. О поверстании на пашню новокрещены подавали челобитные, по которым им отводили землю и давали ссуду. Так, новокрещеный якут Иван Иванов в 1678 г. подал челобитную о поверстании его на пашню на Амге. В ответ было приказано: «Отвесть ему, Ивашку, земли под двор» [14]. В 1682 г. просился быть в десятинной пашне новокрещен Родион Леонтьев [15]. Постепенно не только новокрещеные, но и улусные ясачные якуты начинали самостоятельно заниматься земледелием. Это видно из чело-

---

[11] В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956, стр. 250.

[12] С. В. Бахрушин. Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству. Сб. «Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии», Якутск, 1955, стр. 62.

[13] «Колониальная политика...», стр. 163.

[14] Ф. Г. Сафронов. Материалы о возникновении земледелия среди якутов «Исторический архив», т. V, стр. 54.

[15] «Якутия в XVII веке», стр. 381.

битных некрещеных якутов. Так, в 1682 г. бетунский якут Мазары Ленкоев, получив пашню, обязывался платить ясак по-прежнему: «Пашню пахать вечно и всякие твои, великого государя, зделья делать в ряд с амгинскими пашенными крестьянами и твой, великого государя, ясак оклад свой по соболю учну платить по прежнему» [16]. Якуты на тех же условиях, что и русские пашенные крестьяне, получали от казны «на лошади и на косы и на серпы и на всякий пашенный завод денег по 4 рубли на пол десятины, а хлеба по 5 чети с осьминою и с четвериком ячмени не в отдачю», т. е. в безвозвратную ссуду. За это они пахали «государеву пашню в поле пол десятины» [17]. В 1684 г. бетунский якут Балтука Самолдеев подал челобитную об отводе ему пашни. Платя ясак по красной лисице в год, он просил «сверх того ясачного окладу приверстать меня по Амге в пашню пахать на вас великих государей, пол десятины яровые изо льготы и велите... отвести мне пахотные земли на Амге возле Марылай Озера в межах подле отводную пахотную землю [пашенного крестьянина] Бориска Пинегина». Просьба его была удовлетворена [18]. Обращает на себя внимание то, что в некоторых челобитных якуты просили выделить им наделы, ранее принадлежавшие русским крестьянам, или обработанные ими пашни.

Якуты, переходившие к земледелию, становились прямыми продолжателями пашенного дела русских пионеров-хлебопашцев. Они перенимали у них технику земледелия, сельскохозяйственный инвентарь. Были случаи, когда не только пашни, но и все остальное хозяйство крестьянина переходило к якуту, и тот продолжал его так же, как вел прежний хозяин. Так было, например, с хозяйством крестьянина Василия Голыгина. «А взял я, Мазаричко,— сообщает якут Мазары Ленкоев,— у него, Василья, на Амге двор его, избу поземную с сенми и с онбаром, да юрту, да лошадь, да пашенного заводу ралники, две косы, четыре серпа, да хлеба семянного четыре четверти ячменя» [19]. Обычно на первых порах якуты сеяли только яровой ячмень, и то в очень ограниченном количестве.

Районами якутского земледелия были бассейны Олекмы и Амги. Именно здесь были первые пашенные волости русских крестьян, которые, пользуясь сравнительно мягким климатом и плодородием почвы, с первых же лет своего появления в крае стали развивать земледелие.

Исследование русскими огромной неосвоенной территории Якутии, открытие путей на северные реки, установление через русских служилых и торговых людей регулярной связи с центром России, постоянное снаряжение обозов с товарами, хлебом и т. п. из центральных городов России и Сибири в Якутск и с пушниной из Якутска — все это покончило с вековой изолированностью края.

Включение Якутии в систему многонационального феодального государства сказалось и на общественном строе якутов.

Процесс развития элементов феодальных отношений у якутов под влиянием феодального государства пошел значительно быстрее, чем раньше. Царская администрация, стремясь объясачить все население Якутии, в том числе и несвободное, препятствовала применению рабского труда внутри якутского общества. Ясачное обложение распространялось и на «холопов», а обязанность платить ясак как бы приравнивала их к свободным ясачным людям. В связи с этим якутские тойоны жаловались: «Наши

[16] Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 72.
[17] С. А. Токарев. Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях. «Сборник материалов по этнографии якутов», Якутск, 1948, стр. 15.
[18] Там же.
[19] Ф. Г. Сафронов. Указ. соч., стр. 64.

боканы нам стали непослушны, а говорят де они нам, что де мы сами тоёны, потому что сами де мы государю ясак даем» [20]. Ясачное обложение рабов делало невыгодным применение рабского труда, так как за рабов приходилось платить высокий ясачный оклад.

В силу старой родовой традиции широкие массы якутов смотрели на родо-племенную верхушку как на своих представителей и защитников от притеснений ясачной администрации, а последняя, видя влияние князцов, использовала их в качестве своей опоры. Сыновья и внуки князцов, имена которых упоминаются в отписках первых ясачных сборщиков, продолжали сохранять привилегированное положение и передавать его по наследству своим потомкам. Во главе Кангаласской волости стояли «Тынинёнки» — потомки Тыгына. В Намской волости князцами были потомки Мымака, в Мегинской — Бурухи, в Борогонской — Логуя, в Батурусской — Очея и т. д.

Воеводы широко пользовались услугами тойонов для укрепления своей власти над трудовым населением Якутии. Уже очень скоро после установления ясачного режима «лучшие ясачные люди» стали привлекаться к участию в сборе ясака. В 1678 г. это было оформлено специальным царским указом, где предписывалось посылать «впредь в Якутские волости служилых людей с убавкою», а вместо того «с ними, ясачными сборщиками, отпускать князцом... для послушания ясачных якутов, сколько человек пригоже, поочередно, для сбору и береженья». Собранную ясачную казну предлагалось «печатать ясачным сборщикам и князцам и лутчим людям своими печатями» [21]. Указ 1678 г. усиливал власть тойонов над рядовыми якутами. К этому надо добавить, что князцы выступали как поручители за своих сородичей, если те не могли сразу внести ясачный оклад. Поручительство давало им возможность закабалять бедняков, записывать их за собой как холопов.

Но главным средством закабаления рядовых сородичей служила концентрация в руках тойонов скота и земли. Тойоны захватывали лучшие покосные земли, значение которых в хозяйстве якутов все более возрастало. Зачатки единоличного владения сенокосными землями были у якутов налицо уже в середине XVII в. Значительное движение населения из центральных волостей на окраины и усиление сенокосного хозяйства за счет пастбищного способствовали известному развитию частной земельной собственности. Воеводы, закрепляя в отдельных случаях сенокосные угодья за тойонами, содействовали разделу земли и подрыву общинного землевладения. Переходя из рук в руки, земля концентрировалась в руках тойонов, укреплявших тем самым свое экономическое могущество.

Одновременно тойоны добивались и политических прав. Царская администрация оказывала тойонам признаки внешнего уважения, подчеркивала их привилегированное положение в якутской среде. Приезжавших с ясаком в Якутск тойонов встречали с почетом. Сибирский приказ указом от 31 января 1697 г. предлагал якутскому воеводе: «А как те князцы и улусные лутчие люди к нему воеводе в приказную избу приедут, и ему воеводе... сказать тем князцом и ясашным людем великого государя... Петра Алексеевича... милостивое слово» [22]. Далее предлагалось достойно угостить приехавших, а в напутствие им «приказывать, чтоб они великого государя ясак и поминки, готовя, по вся годы приносили сполна» [23].

---

[20] «Колониальная политика»..., стр. 58.
[21] Я. Линденау. Описание якутов. Рукоп. фонд ЯФАН.
[22] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 157.
[23] Там же, стр. 159.

Царское правительство возлагало на тойонов не только сбор ясака, но и надзор за неблагонадежными родичами. Предписывалось, чтобы якутские князцы «над ворами посторонними и меж себя воровства и шатости, и всякого худого умышления смотрели и берегли накрепко и детей своих и братию, и дядьев и племянников и захребетников, и друзей и иных землиц князцов и улусных ясашных людей к его великого государя милости отвсюду призывали..., а царское величество во всем их пожалует своим царским жалованьем» [24]. Тойоны должны были не только доносить на воров и изменников, но и приводить их к воеводе. «А в которых будет людех своих или сторонних усмотрят какую шатость и воровство, и они б тех воров не укрывали и не таили и, переимав их, приводили к нему воеводе и тем великому государю службу и правду объявляли» [25]. За донос на воровство или измену полагалась награда — имущество того, на кого сделан донос. А «кто на кого скажет, пожалует своим царским жалованьем и животы тех людей, на кого кто какую измену и воровство доведет, велит отдать тем людем, кто на кого какое воровство и измену доведет» [26].

Таким образом, на тойонов были возложены полицейские функции. За верную службу, за успешный сбор ясака, за поддержание порядка среди сородичей князцам давались подарки. В 1698 г. «на иноземческие расходы» в Якутскую воеводскую канцелярию поступило: 1 пуд бисера, 1 пуд 20 фунтов олова, 1 пуд 20 фунтов меди зеленой в котлах, 980 аршин крашенины, 24 аршина кумача.

Тойоны добивались, чтобы правительство признало их единственными представителями якутского народа и чтобы все вопросы, касавшиеся податей, повинностей, а также внутренней жизни якутов решались тойонами без участия представителей царской администрации. Для этого они обращались непосредственно к московскому правительству. В 1676 г. три якутских тойона — кангаласский Мазары Бозеков, внук Тыгына, намский Нокто Никин, внук Мымака, и мегинский Трека Орсюкаев — подали воеводе Барнешлеву челобитную о желании поехать в Москву. Из Москвы пришло указание воеводе отобрать из подгородных ясачных волостей «лучших князцов двух или трех прислать в Москву за их многие службы и ясачный платеж» и потому, что «на Москве из них иноземцев никто не был». В июле 1676 г. выделенные князцы с богатыми подарками отправились в Москву в сопровождении казаков, шести якутов и толмача Максима Мухоплева. 25 декабря этого же года они были представлены царю Федору Алексеевичу, «челом ударили три сорока соболей да три лисицы чернобурые» и были в ответ обласканы и одарены. Несколько дней спустя, 3 января 1677 г. они подали челобитную в Сибирский приказ, «чтобы великий государь пожаловал их князцов [имя рек] и не велел ясачным сборщиком якуцким служилым людям их в улусах судить, а судить бы их не в больших делах меж себя им князцом в своих волостях, а в иных волостях иным князцом, что им от [ясачных] сборщиков и от приставов в разореньи не быть» [27]. Судебных прав князцы требовали не только для себя, но и для всех якутских князцов: «в иных волостях иным князцом». 9 февраля 1677 г. в ответ на их челобитную последовал царский указ, допускавший участие тойонов в судебно-административной деятельности [28].

В 1680 г. в Москву вторично выехали представители тойонов: тот же кангаласский князец Мазары Бозеков, а с ним борогонский Чюка Капчи-

[24] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 158.

[25] Там же.

[26] Там же, стр. 159.

[27] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 314—315.

[28] Там же.

ков и мегинский Чугун Бодоев в сопровождении свиты. Кроме богатых подношений царю, князцы везли с собой много пушнины для обмена на московские товары (один только Мазары Бозеков вез 50 сороков соболей, соболью шубу и пр.). Во время этой поездки Мазары Бозеков добился подтверждения его личных привилегий: особый царский указ предлагал писать его во всех случаях князцом. Ему и другим якутским князцам было дано право суда по мелким делам и управления сородичами. Были подтверждены также их имущественные права и привилегии.

Таким образом, если раньше якутские князцы формально не имели судебных прав над своими сородичами, то в указах 1677 и 1680 гг. впервые было предписано судить якутов ясачными сборщиками вместе с князцами. Одним ясачным сборщикам без представительства князцов судить воспрещалось.

С 1670 г. правительство стало привлекать новокрещеных якутов в ряды служилых. Когда на службу шли тойоны и их сыновья, их зачисляли в дети боярские. Из одной челобитной видно, что «якутский иноземец», якутское имя которого нам неизвестно, будучи в Москве и «видя его великого государя пресветлые очи, пожелал православные христианские веры и крестился, оклад ему учинен в Москве...». «По крещении он получил имя Леонтий Львов и был зачислен сыном боярским. Был ли он в Москве с делегацией якутских князцов, или по какому-нибудь другому поводу,— он не мог не быть «лутчим человеком»: в те времена добраться из Якутии в Москву и лично видеть царя мог только богатый и знатный тойон. Полученное им звание сына боярского было наследственным: после смерти Леонтия Львова на службу в дети боярские был поверстан его сын Иван Львов.

Все это укрепляло авторитет якутской знати среди сородичей. Выставляя себя представителями народа, тойоны отнюдь не пеклись о его интересах. Так, в 1690 г. якут Кангаласской волости Сюпчюк Тевелгин обратился к тойону Мазары Бозекову с просьбой оградить его от насилий разоривших его казаков. Но Мазары, не желавший, очевидно, ссориться с царской администрацией, «не бил челом по той грамотке, прислал к нему назад» [29].

Рядовые якуты, находясь в зависимости от тойонов, неся тяжкое ясачное бремя, подвергаясь вымогательствам со стороны воевод и приказных, все более разорялись и нищали. Это сказалось в увеличении числа бесскотных якутов.

Развиваясь по пути феодализма, общественные отношения якутов поднимались на ступень более высокую, по сравнению с той, на которой застали якутов русские. Но в якутском обществе оставалось еще очень много патриархальных черт. Будучи в стороне от столбовой дороги истории, Якутия мучительно долго освобождалась от патриархально-родового быта, тормозившего развитие общества.

Говоря об изменениях в хозяйстве и общественном строе якутов после присоединения Якутии к Русскому государству, следует еще раз подчеркнуть, что эти изменения явились прежде всего следствием тесного непосредственного общения с простыми русскими людьми — засельниками якутского края. У них якуты научились обрабатывать землю, использовать новые для них орудия труда, переняли новые средства передвижения и новые промыслы. Сближение русского и якутского народов на почве хозяйственных, общественных и культурных связей представляет собой самое ценное и важное из всего того, что принесло якутам вхождение их в состав Русского государства.

[29] С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа, стр. 103—104.

ГЛАВА VII

ЯКУТИЯ В ПЕРИОД С 1700 ДО 1760-х ГОДОВ

Реформы Петра I и ближайших его преемников, направленные на преодоление отсталости России, способствовали дальнейшему развитию производительных сил страны.

Экономические преобразования Петра I, содействовавшие укреплению Русского феодального государства, росту мануфактур, товарно-денежных отношений, мало затронули отдаленную Якутию, хотя не прошли бесследно и для этого края.

Непосредственно коснулись Якутии административные реформы Петра I и последующие изменения в управлении империей, имевшие целью централизовать государственный аппарат и улучшить контроль над деятельностью властей на местах. Эти реформы должны были, по мысли законодателей, улучшить положение и ясачного населения. Посылавшиеся в Сибирь прокуроры, фискалы и обер-фискалы преследовали казнокрадство и злоупотребления при сборе налогов, в частности и ясака. Но все реформы, проводившиеся бюрократическим путем, при бесправии народных масс и фактическом всесилии местной администрации и тойонов, не могли изменить положение ясачных людей Якутии к лучшему. В конечном итоге эти реформы лишь усилили роль тойонов.

Вместе с тем петровские преобразования, так же как и последующие реформы, требовали крупных средств и тяжелым бременем ложились на трудящиеся массы страны, в том числе и Якутии.

Правительство Петра I, ведя длительную Северную войну, непрерывно нуждалось в деньгах и увеличивало все виды налогов. От якутских воевод оно требовало полного, бездоимочного сбора ясака. Однако собирать ясак становилось еще труднее. Как отмечалось выше, уже во второй половине XVII в. соболиные угодья Якутии были опустошены.

Поступление ценной пушнины в ясак в первой половине XVIII в. по сравнению с XVII в. резко снизилось. «Перед прежними сборами,— говорилось в грамоте Петра I воеводе Траурнихту [1],— ясачная казна гораздо умалилась и в конец упала» [2]. Ясачный сбор резко колебался. При воеводах Шишкиных (1706—1708 гг.) собиралось от 22 983 р. 50 к. до 40 407 р. 30 к. в год, во второе воеводство Траурнихта (1709—1711 гг.) — от 18 031 р. 50 к. до 32 490 р. 35 к., а при Елчине (1712—1714 гг.) — от 41 640 р. 40 к. до 90 436 р. 31 к. [3]

В целях увеличения ясачного сбора якутская воеводская администрация предлагала сборщикам выявлять новых плательщиков ясака. Однако

---

[1] Траурнихт был воеводой в Якутске дважды: с 1698 по 1704 г. и с 1709 по 1711 г. Грамота относится к первому периоду воеводства Траурнихта.

[2] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 169.

[3] ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), портф. 491, л. 34.

даже значительный рост населения и привлечение к ясачному платежу подростков не привели к увеличению ясачного сбора. В 1708 г. по 35 якутским волостям значилась недоимка в 109 552 соболя, а по зимовьям — 73 012 соболя, тогда как ясачный сбор за самые удачные годы не превышал обычно 9 тыс. соболей [4]. Сознавая полную безнадежность взыскать эту недоимку, правительство в 1708 г. сложило ее с 35 якутских волостей, но к 1712 г. за якутскими волостями вновь накопилась недоимка в 4934 соболя и 5030 красных лисиц [5].

Образование недоимок в немалой степени вызывалось запутанностью ясачной документации, что облегчало воеводам и ясачным сборщикам хищение пушнины. Так как ясачные книги в связи с огромным количеством «сошлых», «не сыскных», а также мертвых, но не вычеркнутых из списков находились в хаотическом состоянии, ясачные сборщики и воеводы, ссылаясь на недобор ясака, присваивали себе значительную часть ясачного сбора.

Хотя петровское правительство и принимало меры, чтобы обуздать произвол администрации на местах, оно было бессильно пресечь ее постоянные злоупотребления. Еще в 1691 г. якуты сообщали московским стрельцам, посланным во главе с тобольским дворянином Федором Качановым в Якутск, что «сборщики и служилые люди и приставы преж великих государей ясаку берут с них, иноземцев, за всякими угрозы, нападками своими, себе собольми и лисицами и рысьми добрыми многие взятки и по ярлыкам на воевод лошадьми и рогатым скотом многое число. И теми де взятками их, иноземцев, до основания (разоряют) и многие де ясачные иноземцы от того разорения до конца оскудали и обедняли и ясаку отбыли и разбежались в дальние места» [6].

Ясачные сборщики, говорится в одной из грамот 1698—1704 гг., забирали у ясачных людей «себе соболи и лисицы добрые и скот и пожитки и всякую их домашнюю рухлядь и сбрую грабежем..., а у кого взять нечего, и тех били и мучали без милости за свои взятки, а не за ясак, и брали у них сильно жен и детей и держат у себя в холопстве и творят с ними блуд» [7]. Воеводы вместе со служилой верхушкой подвергали ясачных людей «несносным нападкам и грабежам и мучительствам» [8].

Произвол и бесчинства местной администрации усилились при ближайших преемниках Петра I. Генрих Фик, бывший президент Коммерц-коллегии, сосланный в Жиганск, в своей записке об Якутии (1744 г.) сообщал, что сборщики ясака, прежде чем приступить к сбору, требовали себе подарков мехами. Львиную долю подарков забирал себе комиссар. «Писарь,— писал Г. Фик,— следует за комиссаром, берет против его иногде вполы, а часто и постолько же, толмач малым чем меньше, а целовальник и того меньше. Служители же (солдаты.— *Ред.*) берут на артель». Если бедняки-якуты были не в состоянии «удовольствовать» всех сборщиков, те отбирали у них жен и взрослых детей в «работу». «Еще же отнимают у них сети, топоры, палмы, лодки, луки и стрелы, а иногда и платье с плеч хватают и побоями на правеже в их юртах [ставят]» [9]. Нередко ясачные сборщики, пользуясь неуловом зверей, сами продавали по повышенным ценам ясач-

---

[4] Н. С. Романов. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск, 1956, стр. 32.
[5] Там же, стр. 36.
[6] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 1225, л. 32.
[7] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 168—169.
[8] Там же, стр. 169. Грамота дана воеводе Траурнихту и относится к его первому воеводству.
[9] Рукоп. фонд. Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 360 (не пронумеровано).

ным людям пушнину для уплаты ясака. Сборщики, писал Фик, «наперед знают, что у тех иноземцев того (пушнины.— *Ред.*) не имеется, то привозят с собою из города не в малом числе соболей и лисиц на продажу... принуждают их в том платеже брать от себя и вдвое и втрое платить» [10].

Подобными же способами грабили ясачных людей и купцы.

В целях поднятия ясачного сбора в первой половине XVIII в. принимался ряд мер.

Еще в 1697 г. была введена царская монополия на торговлю соболями и черными лисицами; воеводам и торговым людям было запрещено их покупать, менять на товары и отправлять в русские города [11]. В 1727 г. Верховный тайный совет — тогдашнее фактическое правительство, считаясь с возрастающим значением купечества, был вынужден отменить государственную монополию на торговлю соболями [12]. Однако вскоре вольная торговля соболями была вновь ограничена, а затем запрещена. В 1731 г. торговым и «прочим чинов» людям было разрешено покупать пушнину лишь в городах и тех якутских волостях, где имелись таможни [13]. В 1739 г. не только в Сибири, но и по всей России было запрещено торговать «мягкой рухлядью» [14]. В 1740 г. правительство, настрого запретив купцам ездить по деревням и улусам «ясачных народов», в то же время предписало наиболее ценные меха продавать в казну, минуя каких-либо посредников [15]. В 1752 г. было вновь подтверждено запрещение купцам и других чинов людям покупать пушнину в «ясачных волостях»; у нарушителей предписывалось отбирать товары, деньги и мягкую рухлядь, а их самих присылать в Якутскую воеводскую канцелярию «под крепким караулом в крепких же деревянных колодках» [16].

Ограждая свою монополию, правительство запрещало торговлю пушниной не только купцам, но и воеводам, ясачным сборщикам и вообще всем служилым людям. Для выезжавших из Сибири, в частности с Лены, в Россию был учрежден строгий досмотр. На заставе около Верхотурья еще в 1692 г. было велено «обыскивать накрепко..., чтобы в пазухах и в штанах, и в зашитом платье отнюдь никакие мягкие рухляди не провозили» [17].

Тем не менее государственная монополия на пушнину постоянно нарушалась. Якутские и иркутские купцы, а также купцы других сибирских и русских (особенно поморских) городов, действуя через приказчиков, скупали пушнину. «Я наипаче видел,— писал Миллер,— что российские купцы из Якуцка не только в ближайшие остроги и зимовья, но и в самое дальнее место... в Анадырский острог для купечества ездили и с великой прибылью назад возвращались» [18].

В целях уменьшения недоимок в 1710—1712 гг. было разрешено принимать одни меха взамен других. За «окладного» соболя разрешалось вносить двух лисиц, или 200 белок, или 40 горностаев. В 1727 г. было разрешено вносить ясак деньгами. Однако уже на следующий 1728 г. это разрешение было отменено, так как якутский воевода сообщил, что в крае

---

[10] Рукоп. фонд Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 360 (не пронумеровано). Записка Г. Фика с чернового автографа напечатана в «Acta et Commentationes Univ. Tart.», 1930. A. R. Cederberg. Heinrich Fick. Ein Beitrag zur russischen Geschichte des XVIII Jahrhunderts.

[11] ПСЗ, т. III, № 1578.

[12] ПСЗ, т. VII, № 5110.

[13] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 187—188.

[14] ПСЗ, т. X, № 7895.

[15] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 187—188.

[16] Там же, стр. 209.

[17] В. К. Андриевич. История Сибири, ч. II. СПб., 1889, стр. 236.

[18] ААН, ф. 21, оп. 5, д. 183, лл. 35—36.

«зверя довольно». Тем не менее уплата ясака деньгами в связи с острым недостатком пушнины стала в Якутии обычным явлением. Так, например, в 1731 г. по окладу требовалось собрать пушнины на 20 416 р. 40 к. и деньгами 2086 р. 50 к., в действительности же было собрано пушнины на 15 564 р. 37 к. и деньгами 6417 р. 50 к. [19]

Якутская администрация, действуя на основании указа правительства Анны Ивановны от 29 июня 1733 г. ввела круговую поруку при выплате ясака. Зажиточным людям предлагалось платить ясак за «скудных людей» и «выбрать по времени» долг с тех людей «им самим» [20].

Вместе с тем правительство стремилось несколько оградить якутов от чрезмерной эксплуатации как со стороны «лучших людей» — тойонов, так и со стороны русских торговых и служилых людей. Оно считало, что лишь самостоятельный труженик-якут мог быть исправным плательщиком ясака, усердным добытчиком пушнины и перевозчиком грузов. С этой целью правительство Анны Ивановны 21 мая 1733 г. издало указ, направленный против рабства в Якутии и на Камчатке. Указ требовал, чтобы те ясачные люди, которые были «неволею побраны и распроданы», но не были крещены, отпускались «в прежние места». Тем же ясачным людям, которые были крещены, предоставлялось право «свободного жития в городах и уездах между христианами, собою и у кого хотят». Служилым людям, которые «напеacред сего... ясачным народам какие разорения чинили и жен и детей брали и перепродавали», было предложено немедленно «о своих злых поступках подавать повинные доношения», для того чтобы получить «некоторое упущение в своих винах». Было приказано также «как в Якутске и Охотске, так и во всех острогах и зимовьях и волостях, вкопав столбы и накрыв малою кровлею, прибить и хранить (указ.— *Ред.*), чтобы всегда всем был известен» [21].

Указ, несомненно, затруднил превращение свободных якутов в холопы, но действие его было все же ограничено. Не случайно в 1750 г. Иркутская провинциальная канцелярия была вынуждена по ходатайству Иркутской духовной канцелярии напомнить об указе 21 мая 1733 г. и потребовать, чтобы «впредь никто из якутских обывателей новокрещеных в холопство ни под каким видом не крепили». Те же лица, у которых имелись холопы, должны были отпустить их на волю [22]. Это распоряжение, однако, также не было проведено в жизнь.

С этой же целью 20 июля 1748 г. был издан указ «О неписании на иноверцев и новокрещеных никаких долговых писем и кабал». Поводом для этого явились незаконные сборы с камчадалов, произведенные русскими служилыми людьми «по вымышленным кабалам и письмам». Указ разрешал всем народам Сибири подавать жалобы на обиды и взятки со стороны служилых людей и обещал «довольствовать обиженных». Всем лицам, имевшим кабальные записки или «своеручные... письма», предлагалось в течение трех недель передать их в комиссию для проверки, а впредь составлять подобные документы запрещалось. Исключение было сделано лишь для тех «иноверцев и новокрещеных», которые «сами писать умеют», но с обязательством, чтобы документы были засвидетельствованы старшинами [23]. Однако указ не мог принести реальной пользы, так как торговцы обычно опутывали ясачных людей долгами без всяких долговых писем.

---

[19] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 138.
[20] Там же, стр. 182.
[21] ПСЗ, т. IX, № 6407; Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 183—184.
[22] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 195.
[23] ПСЗ, т. XII, № 9519.

Падение ясачного сбора и рост недоимок привели к тому, что в 1732—1734 гг. в Якутии были произведены новая перепись населения и переобложение ясаком. Перепись выявила 15 660 ясачных плательщиков (из них 9050 человек в якутских волостях). Для всей Якутии был установлен следующий ясачный оклад: 2819 соболей, 6604 лисицы красные, 560 горностаев и 3046 руб. Таким образом, по сравнению с 1712 г. оклад ясака уменьшился на 7168 соболей и 872 лисицы. Были сложены накопившиеся за прошлые годы недоимки.

Наконец, правительство Анны Ивановны превратило пушные промыслы в обязательную повинность для всех якутов, достигших 18-летнего возраста, а наблюдение за выполнением этой повинности возложило на князцов. На основании этого указа Иркутская провинциальная канцелярия в 1732 г. издала следующее распоряжение: «Якутов, которые уже совершенно в возраст пришли и надлежало им ходить на соболиные и другие промыслы, а они не ходят, таковых им князцом присуждать, чтобы они для промыслу соболей и другого зверя на платеж в казну ее императорского величества ясаку ходили неленостно. А ежели кто из них будет чинится ослушен, то за такое ослушение наказывать батоги и плетьми, смотря по их противностям неотложно; и по наказании для промыслу высылать же». В 1752 г. это распоряжение вошло в инструкцию о ясачном сборе [24], данную якутскому сотнику Василию Кривошапкину.

Новыми экономическими условиями, которые переживала Россия в первой половине XVIII в., было вызвано обследование Якутии и всей северо-восточной Сибири путем организации крупных экспедиций. Развитие промышленности и внешней торговли требовало изучения производительных сил страны, в том числе и самых отдаленных ее частей.

В 1724 г. Петр I издал указ о снаряжении экспедиции для выяснения вопроса о том, соединяется ли Азия с Америкой. Первая (1725—1730 гг.) и Вторая (1733—1734 гг.) камчатские экспедиции захватили и территорию Якутии. Экспедиции не только обогатили русскую и мировую науку замечательными открытиями [25], но и укрепили позиции Русского государства на северо-востоке Азии и положили начало русским поселениям в северо-западной Америке. В то же время экспедиции потребовали массовых перевозок людей и грузов на восток и легли тяжелым бременем на население Сибири, в особенности на якутов.

Главной базой Камчатских экспедиций был Якутск. Здесь собирались участники экспедиций. Отсюда грузы с продовольствием и снаряжением водным, а отчасти и сухим путем шли в Охотск. Для доставки грузов «неотлучно» содержалось 600 русских пашенных крестьян и ежегодно набиралось по 500—700, а иногда и по 1000 якутских лошадей с проводниками [26]. Пашенные крестьяне сплавляли грузы от Якутска по рекам Лене, Алдану, Майе и Юдоме, а якуты обслуживали дорогу от Юдомского креста до Охотска. Даже автор официального «Краткого отчета» о Второй камчатской экспедиции (1743 г.) был вынужден признать, что от этих перевозок якуты, так же как и пашенные крестьяне Иркутской губернии, претерпевали «великие тягости».

В особенно тяжелое положение попали якуты. Они навьючивали грузы по 5 пуд. на лошадь и перевозили их на расстояние 300 верст по глухим, малопроходимым дорогам, теряя на перевозках до половины своих лоша-

[24] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 178.

[25] О научных результатах Камчатской экспедиции см. гл. IX.

[26] Л. Г. Левенталь сообщает, что «Вторая Камчатская экспедиция требовала свыше 6000 лошадей и до 650—700 проводников в год» (Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929.

дей. «А чего,— продолжает тот же автор,— теми лошадьми за поздним временем перевесть не успеют, тогда от Юдомского ж креста до Уратского плодбища через семьдесят верст на себе на нартах по пяти пуд всякой человек, и по семнадцати раз одною зимою перетащить принуждены бывают» [27]. Экспедиционные партии, описывавшие берега, требовали от коренного населения также собак, оленей, каюров и проводников. Перевозки грузов на восток не прекратились и после окончания экспедиций. В середине XVIII в. через Якутию ежегодно отправлялись в Охотск значительные грузы, для чего требовалось 4—5 тыс. лошадей. Якуты перевозили грузы и по другим трактам: Анадырскому — из Якутска через Верхоянский острог и Средний и Нижний Колымские остроги, и Иркутскому — из Якутска вверх по Лене, через Олакминский и Киренский остроги, в Верхоленск и деревню Качут. В связи с походами против чукчей в 1730—1740-х годах особенно значительный поток грузов направлялся по Анадырскому тракту. Протяженность его, по данным Миллера, составляла 2872 версты. Иркутский тракт был короче (2379 верст), Охотский — еще короче (927 верст), но зато он был самым трудным. «Путь весьма труден,— пишет Г. Миллер,— ...лошадей вьючат сыромятными сумами, в которые кладут всякий скарб и товар ибо ни летом на телегах, ни зимой на санях ездить не можно. Причем еще требуется, чтоб отправиться в путь с начала лета, дабы опасности не было лошадей утратить в болотах или от раннего снегу или от недостатку кормов... Напротив того, при возвращении из Охотска есть выгода в том, что сухим путем токмо до Юдомска ездят, а оттуда плоты делают, плавают до Алдана, до якутских жилищ, где [для] переезда до Якутска лошадей нанять можно» [28].

В первой половине XVIII в. намного окрепли российские связи Якутии.

Якутская пушнина поступала не только на русские ярмарки, в Москву, но и направлялась в Китай. В торговле с Китаем сначала крупную роль играла казна. В 1706 г. в Китай было отправлено сибирской казенной пушнины свыше чем на 38 тыс. руб., в том числе якутскими воеводами Шишкиными на сумму 4261 руб. 6 алт. 3 деньги, да неоцененной пушнины 177 сороков, 45 хвостов собольих, одна лисица черная, 14 лисиц чернобурых, два бобра [29]. Однако уже в конце 1780-х годов роль казны в торговле с Китаем падает, зато возрастает значение частной торговли. В 1739 г. частные лица торговали в Китае «камчатскими бобрами, рысями, белкою нерчинскою и якутскою, лисицами бурыми, седыми, крестовками и огневками, соболями камчатскими и якутскими» в три раза больше, чем казна и тем в казенной торговле «великое чинится помешательство и убыток» [30].

Развивалась торговля и в самой Якутии.

Для одаривания князцов, а также для скупки ценной пушнины казна в первой половине XVIII в. доставляла в Якутию много промышленных изделий — сукон, холстов, кумача, кафтанов, иголок, булавок, оловянных, медных и железных изделий, в частности котлов и сковородок, и т. д. Еще в 1797 г. общий размер завезенных в Сибирь казной товаров исчислялся по 11 городам в сумме 4600 руб., причем на долю Якутии приходилось 1200 руб., т. е. около 25% [31].

---

[27] «Экспедиция Беринга». Сборник документов. Подготовлен к печати А. Покровским. М., 1941, стр. 370.

[28] Г. Миллер. Описание торгов, происходящих в Сибири. ЛОИИ, Собрание Воронцовых, д. 555, л. 33 об.

[29] Н. С. Романов. Указ соч., стр. 28.

[30] ПСЗ, т. X, № 7895.

[31] В. К. Андриевич. Указ. соч., стр. 259.

Такое же положение наблюдалось в снабжении Якутии хлебом. Ввиду почти полного отсутствия в Якутии собственного хлеба казна в первой половине XVIII в. доставляла служилым людям Якутии хлеб из южных районов Сибири, главным образом из Илимского района. Привозили хлеб и частные лица — купцы, богатые крестьяне. В Якутск доставлялись ржаная и пшеничная мука, ячмень и овес. В начале XVIII в. ржаная и пшеничная мука продавались здесь по цене от 7 до 10 коп., ячменная — от $3^1/_2$ до $6^1/_2$ коп., а овес — по 5 коп. за пуд. С конца 20-х годов, когда в Сибири появились винокуренные заводы и продажа вина стала отдаваться на откуп, цены на хлеб начали быстро подниматься. 1732 г. ржаная мука продавалась по 60 коп. за пуд, «а прочей хлеб по такой же пропорции» [32]. В 60-х годах цены на хлеб опять упали, снизившись до 20—30 коп. за пуд.

Большие изменения в первой половине XVIII в. произошли внутри якутского общества. Территория расселения якутов значительно расширилась, особенно на севере и востоке. Якуты прочно осели в Заполярье. Еще в 1701 г. в Жиганском зимовье среди плательщиков ясака наряду с тунгусами имелись якуты — выходцы из 37 волостей и зимовий [33]. В 1730-х годах в трех Колымских зимовьях наряду с юкагирами имелись якуты [34]. Тогда же якутов стали расселять вдоль тракта, проложенного из Якутии к Охотскому порту [35].

Основным занятием якутов в первой половине XVIII в. оставалось скотоводство. Разводили лошадей, рогатый скот, а в заполярных районах и оленей. Кроме того, занимались рыбной ловлей и охотой на лосей, диких оленей, зайцев, белок, горностаев и лисиц.

Истощение соболей, а местами и лисиц, захватило почти все якутские улусы. В Кангаласском, Мегинском и других улусах, писал Бергман в 1743 г., «около их (ясутов.— *Ред.*) жилищ никакого звериного, кроме рыбного, промыслу не имеется» [36]. В 1744 г. Г. Фик отмечал, что «теперь в тех якутских местах, даже до самого окиана, на полуденной стороне великой реки Лены весьма соболей ненаходится, да и лисиц не довольно» [37].

Отдельные очень немногие якутские хозяйства, как и в XVII в., продолжали заниматься земледелием. Они сеяли ячмень, овес и ярицу, собирая иногда неплохие урожаи. Так в Бологурской волости в 1740-х годах на одной из якутских пашен «по сказке живших в тех местах иноземцев яровой хлеб, ячмень и овес весьма де раживался» [38].

Продолжали развиваться железные промыслы. «Якуты, по Лене живущие,— писал В. Н. Татищев,— почитай все кузнецы. Каждый в своей юрте имеет горн и наковальню. Когда ему что надобно сделать, то, поехав на нартах, привезет руды железной, которой тамо везде много... Оную положа в горн, так долго жжет, как железо сделается. Из онаго сделает, что ему надобно. Но оного на продажу весма мало делают, разве у него шара (табаку.— *Ред.*) недостанет, то и нужное продаст или сделает, что велят. Они очень искусны сундуки оковывать, за которое им якутские жители доволь-

---

[32] ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, д. 7, л. 187.

[33] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, в. 48, кн. 1701 г.

[34] ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, д. 7, л. 169.

[35] Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, т. I. СПб., 1900, стр. 49; А. А. Избекова. Материалы о развитии хлебопашества в Якутии в XVIII—XIX вв. «Ученые записки ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР», вып. III, Якутск, 1955, стр. 82.

[36] ЦГИАЛ, ф. Беринга, д. 54, л. 55.

[37] Гос. публ. биб-ка им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 360 (не пронумеровано).

[38] ЦГАДА, ф. 263, кн. 19, л. 222.

Рис. 9. «Часть Ледовитого моря с устьем р. Лены и северной частью Якутского уезда»

(из «Атласа российского» 1745 г.)

но платят... Однако в Руси так хорошо и чисто оковать едва за тройную цену кто возьмется»[39].

В связи с Камчатскими экспедициями возникла потребность в гораздо большем количестве железных изделий. Старинные железные промыслы якутов, естественно, не могли удовлетворить русское правительство, поставившее перед собой задачу снарядить огромную экспедицию для освоения и закрепления за Россией северо-восточной части Сибири и омывавших ее морей. С этой целью в 30-х годах XVIII в. было решено произвести в Якутии поиски месторождений железных руд. Поиски дали положительные результаты. По одной лишь р. Вилюю было открыто три рудных месторождения. Два находились выше Верхне-Вилюйского зимовья в 9—12 «якутских днищах» пути от него, третье — на притоке Вилюя р. Тюканке в 11 днищах от Верхне-Вилюйского зимовья и в трех днищах от устья Тюканки. Все эти месторождения были известны местным якутским кузнецам, которые брали из них руду и «плавили железо»[40].

Получив сведения о наличии в Якутии богатых железных руд, правительство направило с Нерчинских серебряных заводов мастеровых людей во главе с комиссаром Бурцевым для осмотра руд на р. Ангаре около Идинского острога и у Якутска с наказом, «где лутче и удобнее место найдут», построить железный завод.

После осмотра было решено построить железный завод на Ангаре. Впоследствии вопрос о месте постройки завода был пересмотрен: небольшой «колотушечный» завод с плотиной был построен на р. Тамге, в 30 верстах выше Якутска. Завод должен был выделывать железо «на строение морских судов и прочих железных припасов» для экспедиции Беринга. На заводе работали 21 человек, в том числе два котельщика, кузнец, пять плотников[41]. Сначала предполагали железо «вытягивать из криц», которые делаются якутами в ручных печках. После того, как завод был построен, было найдено много железной руды выше завода, в урочище Столбах. Руду стали доставлять на завод, где ее плавили в небольших горнах. Завод выковывал ежегодно до 300 пуд. железа, которое шло на нужды Камчатской экспедиции[42].

Завод просуществовал недолго. В 1743 г. он был закрыт. Казне было выгоднее доставлять в Охотск железные изделия с уральских заводов. В самой же Якутии продукция завода не находила сбыта. Внутренний рынок Якутии лучше и дешевле обслуживался якутскими кузнецами и русскими торговцами, привозившими из России готовые железные изделия.

В 1712 г. в верховьях р. Кемпендяи (приток Вилюя) была открыта самосадочная соль, которая оказалась «доброй, чистой... и на потребу христианскому народу годной»[43]. С 1737 г. из Верхо-Вилюйского зимовья, по-видимому с р. Компедяи, вывозили в Якутск, соль самосадку по три тысячи пудов в год[44]. В это же время на реках Алдане и Чаре была начата разработка слюды.

С ростом производительных сил и развитием товарно-денежных отношений общественные отношения в Якутии несколько меняются. Основной общественной ячейкой в первой половине XVIII в., как и в XVII в., попрежнему являлась территориально-родовая община. Но среди общинников росла имущественная дифференциация. Участник Второй камчатской

[39] ЦГАДА, ф. 199, д. 46, л. 2; Н. Попов. Татищев и его время. М., 1861, стр. 709—715.

[40] ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, д. 7, лл. 250—251. В «якутском днище» было 10 верст.

[41] Там же, л. 205.

[42] «Экспедиция Беринга», стр. 140, 141, 193.

[43] В. К. Андриевич. Указ. соч., стр. 280.

[44] ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, часть 7—8, л. 230.

экспедиции Линденау отмечал резкое имущественное неравенство, установившееся у якутов в его время. По его словам, «якуты разделяют себя по имущественному положению на определенные разряды или классы. Bai — богатый, не знающий счета своему богатству, рогатому скоту и лошадям, Orto Bai — владеющий 5-ю или 6-ю табунами, Trosak itoerdak — имеющий 1—2 табуна. Osin Tönötoerdak — имеющий 2-х или 3-х коров; другое название такого человека — bliksit (рыболов)» [45]. Г. Фик также отмечал существование очень богатых и крайне бедных якутов. «Один якут,— пишет он,— от 50 до 100 кобылиц держит, а иной ни жен, ни лошадей купить себе не может» [46].

К середине XVIII в. якуты делились на четыре группы, резко различавшиеся по имущественному и правовому положению:

1) якутская знать — тойоны: князцы, старшины, «лучшие люди», «богатые родники»;

2) свободные самостоятельные общинники: рядовые якуты, «скудные родники»;

3) свободные, но потерявшие экономическую самостоятельность родовичи: «убогие», «самые скудные», «скитающиеся между юртами», «работники», «скотники»;

4) зависимые: «холопы», «захребетники».

«Лучшие люди» в первой половине XVIII в. резко выделялись среди прочих родников. Они имели большие стада лошадей и рогатого скота и по своему усмотрению распоряжались общинными землями. Они кабалили разорившихся якутов, пользовались полученными от русского правительства привилегиями, имели над своими родниками некоторые судебные и полицейские права.

Царская власть по-прежнему стремилась опереться на «лучших людей», сделать их своей агентурой.

В конце XVII — начале XVIII в. отдельные якутские тойоны определялись на службу и даже удостаивались звания «детей боярских». При Петре I эта служба, по-видимому, стала наследственной. «Во время вечно славной памяти Петра Великого на ободрение и утверждение их верноподданичества многие князцы отличаемы были почестью дворянства, на то и поныне сохраняются у некоторых грамоты» [47],— писал в 1789 г. в своем «Плане о якутах» голова Борогонского улуса Алексей Аржаков.

Петровское правительство наделило князцов и старшин административными и фискальными правами. Оно потребовало, чтобы князцы боролись с «воровством» и «всяким худым умышлением» и призывали к «великого государя милости» князцов и ясачных людей «иных землиц». Вместе с тем правительство предоставило князцам право контроля над сбором и сохранностью ясачной казны: «А за тем ясаком [воеводы] посылали с служилыми людьми для береженья и для того, чтобы служилые люди не воровали, великого государя ясаком не корыстовались, лучших ясачных людей» [48].

В 1728 г. якутским князцам, как и «начальникам» других народов, было предоставлено право судить якутов по «малым» преступлениям. «Иноверцам объявить,— говорится в инструкции Саввы Рагузинского, русского посла на Кяхтинских переговорах 1727 г.,— чтобы малые дела, яко то: в калыме, малые ссоры, воровство скота, побои и протчее (кроме

---

[45] Я. Линденау. Указ. рукопись.

[46] Гос. публ. биб-ка им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 360 (не пронумеровано).

[47] ИВАН, ф. 11, д. 16/372, лл. 1—16.

[48] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 159.

криминальных дел и смертного убийства) могут они, верноподданные, судить своими начальниками и разводить также ссоры посредственно, дабы к тяжбе и волоките не допускать» [49].

В сентябре 1732 г. указом Иркутской провинциальной канцелярии судебные права якутских тойонов были уточнены и несколько ограничены. Старшинам и князцам было предоставлено право «судить и разводить» среди родников «малые ссоры»: по калыму, воровству скота, побоям и «всем протчим», за исключением «криминальных дел и смертного убивства». Они были обязаны «судить самою сущею правдою». В случае жалоб на тойонов воеводы и комиссары имели право принимать челобитные, «и по тем челобитным рассматривать истины... суд давать правдою» [50].

В 1752 г. судебные права якутских тойонов были вновь подтверждены и расширены. Незадолго перед этим катылинский князец Кутуях Кытчиев подал челобитную, в которой просил об отмене существующего права обжалования приговоров тойонского суда. Иркутская провинциальная канцелярия удовлетворила ходатайство князца. «Суд и расправа» по «малым делам», «кроме криминальных дел», были поручены князцам и «протчим улусным начальникам». Им было разрешено наказывать виновных «батожьем или, по важности вины, плетьми. Иных же смирять содержанием в кандалах или в деревянных смыках». Якутская воеводская канцелярия была лишена права «пересуживать» приговоры тойонского суда [51]. Благодаря этому якуты были отданы в полную власть своим тойонам.

Тойоны, получив судебные права, использовали их в своих классовых интересах, угнетая и грабя рядовых родовичей. «Обыкновенно,— пишет Г. Фик,— из богатых якутов и тунгусов некоторые в судьи, а в улусах из князцов определяются. Между которыми и такие находятся, кои на своих подчиненных всякими образами нападают, а иногда некоторые и насильство причиняют. Если такие плуты в городе патронов имеют или с теми комиссарами заодно поступают, то никакой управы на них сыскать невозможно» [52]. Поэтому правительство, защищая плательщиков ясака, нередко отменяло постановления князцов по судебным делам и даже лишало их привилегий. Князцы же, заинтересованные в сохранении привилегий, со своей стороны вновь возбуждали ходатайства о наделении их полномочиями.

Основная масса якутов в первой половине XVIII в. оставалась свободными тружениками. Однако все больше якутов теряло самостоятельность и даже свободу. Стихийные бедствия, грабежи, тяжесть ясака вели к тому, что многие разорялись и попадали в зависимость от феодализирующейся знати или служилых людей. Якуты, потерявшие хозяйственную самостоятельность, хотя и сохранившие свободу, лишались сенокосных угодий, стад и жилищ и скитались «меж юрт». Без помощи тойонов они не были в состоянии ходить на промыслы, выполнять подводную повинность и платить ясак. Еще тяжелее было положение несвободных — закабаленных, проданных в холопы.

С ростом имущественного неравенства все больше разлагалась общинная форма собственности. В первой половине XVIII в. пастбищные, лесные и водные угодья оставались в собственности якутских общин, сенокосные же земли переходили в частную собственность.

---

[49] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 8, лл. 15—17.
[50] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 177—178.
[51] Там же, стр. 195—196.
[52] Гос. публ. биб-ка им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 360 (не пронумеровано).

Возросшая роль сенокошения, захваты ближайших к Якутскому и Олекминскому острогам сенокосов русскими служилыми людьми и пашенными крестьянами привели к тому, что из-за сенокосов стали возникать споры и тяжбы. В этих условиях тойоны стремились закрепить за собой сенокосные угодия, превратить их в «природные свои сенные покосы» и передавать по наследству.

Русская административная практика облегчала эти стремления тойонов. Так, в 1701 г. после длительной тяжбы некоему Сергунею Теткуеву была выдана следующая «данная на землю»: «Летом от Р. Х. 1701, июля в 18 день по указу... по розыскному вершеному делу, сенными покосы, по урочищам, которые написаны в сей данной выше сего, Сергунею Теткуеву владеть велели и для владения ему Сергунею ся данная дана, и пошлины великого государя... с него взяты» [53]. К 1714 г. относится первая известная нам купчая на землю. Четыре сородича из Сыланской волости «продали» якуту из Катырыцкой волости большой участок земли, на котором ставился 71 стог сена (т. е. 2000—2800 возов, что обеспечивало прокорм 420—560 голов рогатого скота) за три соболя и пять лошадей общей ценой 79 руб.[54].

Аналогичный характер имеет и купчая 1722 г. на запродажу якутом Успецкой волости Куреяхом Сарбакиным с сыном сенокосного участка, на котором ставилось три стога сена, казачьему сыну Чербонову за две лисицы [55].

Однако из этих и подобных документов, говорящих о появлении частной собственности на сенокосы, если даже и считать их вполне достоверными и подлинными, не следует делать вывод об исчезновении общинной собственности на эти угодья. Русские служилые люди в делопроизводстве употребляли привычную им русскую феодальную терминологию. Участки земли они называли «вотчинами», зависимых лиц — «холопами». Не всегда разбираясь в общинных порядках якутов, русские в случаях обращения якутов в суд по земельным спорам выдавали им «данные» и «купчие» на землю и т. п., т. е. оформляли решения согласно нормам русского права.

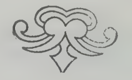
В результате уступка своих личных общинных прав на землю нередко принимала в документах характер продажи, подтверждение прав на пользование сенокосами оформлялось как право собственности. Однако сами факты обращения якутов в русский суд с просьбой защитить их земельные права, разделить между ними наследство, в том числе и сенокосные участки, свидетельствуют о том, что процесс общественного развития в Якутии шел к сложению частной собственности на сенокосы.

---

[53] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 321.

[54] Там же, стр. 322. Купчая 1714. г. сохранилась в копии; как сообщает Е. Д. Стрелов, она написана столбцом на бумаге второй половины XVIII в. и входит в состав дела «О спорных покосных местах между князцами Тартагоровым и Захаровым» (Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области..., стр. 31, 34, 42). По-видимому, эта купчая является поддельным документом, специально созданным для разрешения спорного дела о сенокосах в пользу одной из тяжущахся сторон.

[55] ИВАН, ф. 11, д. 16/372, л. 246. Купчая 1722 г. также сохранилась в копии.

ГЛАВА VIII

МАЛЫЕ НАРОДЫ ЯКУТИИ

В Якутии издавна жили, помимо якутов, тунгусы (эвенки), ламуты (эвены) и юкагиры (одулы), а на северо-восточной ее окраине — чукчи.

Тунгусы совместно с ламутами занимали значительные пространства на окраинах Якутии.

Ко времени появления русских якуты жили только в средней части бассейна Лены, по Средней Лене и Алдану, по Нижнему Вилюю и близ устья Олекмы.

Вся остальная территория Ленского бассейна была заселена тунгусами, которые распадались на отдельные «роды». Наиболее крупными и известными из них были: киндигирцы, кочевавшие по Олекме и Верхнему Алдану; нанагирцы — от Нижней Олекмы до Вилюя; шелогонцы и фугляды — по левым притокам Вилюя, калтакулы — по Нижнему Вилюю и ниже устья его — по Лене; ижиганцы, адяны (азяны) и синигиры — в бассейне Оленека и Анабара. Бассейн Верхнего и Среднего Алдана занимали тунгусы — лалагирцы, азяны, тугочары. К востоку от Алдана и вплоть до Охотского побережья кочевали тунгусы Горбиканского, Годниканского, Уяганского и Долганского родов.

Численность этих крупных «родов», вернее всего — племен составляла по нескольку сот человек (100—200 ясачных плательщиков). Другие племена были более малочисленными.

К востоку от Нижней Лены, в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы (главным образом по верхним течениям этих рек) кочевали ламуты — народность, родственная тунгусам. В документах XVII в. ламуты обычно называются «ламутками», «ламуцкими тунгусами». Это предки современных эвенов. Родовые названия «ламуцких тунгусов» Яны, Индигирки, Колымы в основном совпадают с родовыми названиями тунгусов Охотского побережья в XVII—XVIII вв., и это обстоятельство вместе с самим названием «ламуты» («лама» по-тунгусски — море), по-видимому, указывает на первоначальное происхождение ламутов от тунгусов Охотского побережья. Некоторые группы тунгусов Охотского побережья в конце XVII и в XVIII в. также именовались «ламутками». Так, Крашенинников в середине XVIII в. давал перечисление родов «пеших тунгусов или ламуток, живущих около Охотского острога» и «оленных ламуток, которые ясак платят в Охоцком остроге».

В бассейнах Яны, Индигирки и Колымы «ламуцкие тунгусы» входили в соприкосновение с юкагирами и частично смешивались с ними (жили «смешицею», как писали служилые люди). До наших дней среди ламутских родов на р. Омолон, притоке Колымы, сохранился род с характерным названием «Юкагирский». Несомненно, в этногенезе современных эвенов известную роль сыграл «палеоазиатский» юкагирский элемент.

Рис. 10. Тунгус в охотничьем костюме.

Русские служилые люди в XVII в. различали среди тунгусов: «оленных», «конных», «скотных» (т. е. разводивших крупный рогатый скот) и «пеших» или «сидячих» (оседлых рыболовов и охотников на морского зверя). В пределах современной Якутии в XVII—XVIII вв. жили лишь «оленные» тунгусы. «Конные» и «скотные» тунгусы кочевали на юге, в степях Монголии и Маньчжурии, а «пешие» жили оседло на Охотском побережье.

Хозяйство «оленных» тунгусов в XVII—XVIII вв. являлось комплексным. Составными частями его были охота, рыболовство и оленеводство. Ясачные книги так характеризуют «оленных» тунгусов: «зимовейные ясачные люди, кормятца зверем и рыбою и живут переходя с места на место» [1].

Важнейшее значение в хозяйстве имела охота с собакой на мясного зверя. Охотились на лося, дикого оленя, медведя и других зверей. Применялась и маскировка. Путешественник Избранд Идес, говоря об охоте, писал: «вместо шляпы на голове оленьи кожи и с рогами надевают... дабы оной зверь таким видом, будто он того ж роду, обманывают; и чтоб сия хитрость действительнее была, они у них на руках и на ногах ползают, и дабы тайным образом ко оным приближитца, и по оным так блиско стреляют, то редко не убьют» [2]. Ставили также западни с самострелами. Охотились часто «многолюдством», т. е. коллективно. Мясо сушилось впрок. В лабазах сохранялся «весь зимной запас» — «мясо звериное, сухое и рыбная порса». Из шкур изготовлялись «одеяла медвежьи», «одеяла лосиные», «половинки лосиные» (покрышки для чума) и т. д.

Большую роль в жизни тунгусов играло рыболовство. Лена с притоками и другие реки изобиловали рыбой и доставляли тунгусам «рыбные кормы».

Оленеводство у тунгусов в XVII—XVIII вв. было лишь подсобной отраслью хозяйства. Стада оленей были небольшие, и олени употреблялись в основном для перекочевок от «зверовки» к «рыбным местам». Правда, наряду с «ежжалыми оленишками» были и «оленишки кормные». Широко использовались оленьи шкуры («постели оленьи», «ровдуги чумовые», «парки оленьи», «пимы оленьи», «камысы оленьи»).

С сезонными перекочевками связана была специфика тунгусского жилища. Наряду с «летними жилищами» — чумами тунгусы имели «зимние», носившие у казаков название «балаганов». Все запасы пищи и одежды хранились на деревьях в местах остановок при кочевьях.

Комплексное хозяйство тунгусов-оленеводов в XVII—XVIII вв. было по преимуществу натуральным. Мясо и рыба — продукты звериных и рыбных промыслов — потреблялись внутри самого хозяйства. Иное значе-

[1] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 346, л. 556.
[2] «Древняя Российская Вивлиофика», изд. 2-е, ч. VIII, М., 1789, стр. 407.

ние имела пушная охота, которая связывала хозяйство тунгусов с хозяйством соседних народов. По Лене, Алдану, Вилюю и Олекме шел оживленный обмен с якутами, в Прибайкалье и Забайкалье — с бурятами и монголами, по Шилке и Амуру — с даурами, китайцами и маньчжурами. Путем обмена тунгусы получали железные изделия: тунгусы знали кузнечное дело, но еще не умели выплавлять железо из рудных пород и поэтому значительную часть железных орудий доставали, выменивая их у якутов и бурят. Эти обменные связи («торги») с соседями существовали у тунгусов и до появления русских. Но сильный толчок развитию пушной охоты у тунгусов в XVII—XVIII вв. дала ясачная политика царизма, а также установление торговых связей с русскими людьми.

Рис. 11. Тунгуска
(с карты начала XVIII в.)

На пушной промысел ходили осенью и в начале зимы. Летом на соболя не ходили («соболи летом живут голы»). Техника соболиного промысла была проста. Охотились обычно в одиночку (в отличие от коллективных охот на копытного зверя): «промышляют с сабаченки и стреляют из луков на сабачьей ноге,— писали русские служилые люди,— а кулемами промышлять не умеют... а как снеги окинут большие и они и промышлять перестанут» [3].

Основной социальной единицей тунгусского общества в XVII—XVIII вв. был род. Однако родовой строй у тунгусов уже разлагался; единого родового хозяйства не существовало. Патриархальные группы, из которых состояли тунгусские роды, вели свое хозяйство самостоятельно. Это были большие патриархальные семьи; об одной из них сообщается, что, помимо главы семьи, в нее входили «детей три сына женатых да... брат ево...», а у этого брата «детей семь сынов, шесть женатых, а седьмой холост» [4]. В состав таких групп входили не только кровные родственники, но и так называемые «вскормленники» и рабы («холопы» или «боканы» по терминологии XVII в.).

Источником рабства являлись межплеменные и межродовые войны. Рабами у тунгусов в XVII в. могли быть тунгусы-чужеродцы или представители других народов (якуты, юкагиры и т. д.). По фольклорным данным (А. Ф. Анисимов) и документальным материалам XVII в. можно видеть, что труд рабов применялся в хозяйстве. Рабы выполняли самые разнообразные работы: участвовали в соболином промысле, в военных предприятиях своих хозяев и т. д. В XVII в. рабов продавали, закладывали, отдавали в калым. Владели рабами обычно племенные и родовые вожди и их ближайшие родственники.

Но и между свободными родовичами уже не было равенства. Источники XVII—XVIII вв. отчетливо показывают имущественное неравенство.

[3] ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 304.
[4] Там же, л. 322 об.

Наряду с «лутчими людьми» и «добрыми мужиками» документы отмечают «худых мужиков», «бедных» и «нужных» людей. «Нужные люди» — это прежде всего «безоленные» тунгусы: «А иные нужны и пешие люди»,— писал о вилюйских тунгусах приказчик Средне-Вилюйского зимовья в 1682 г. [5]. «А с родниками де он с своими не ходит, человек безоленной»,— сообщал один алданский тунгус в 1687 г. [6].

Среди «бедных» и «нужных» тунгусов бывали и такие, которые совсем не имели хозяйства и перебивались чем придется, либо кормились работой у чужеродцев и даже у чужеплеменников. Такие «бедные» и «нужные» тунгусы в XVII—XVIII вв. часто скитались «меж русскими людьми и иноземцами», работали у якутов и русских крестьян.

Распадение рода у тунгусов на отдельные патриархальные семьи и имущественное неравенство в тунгусском обществе не означали еще полного уничтожения родовой организации. Хотя единого родового хозяйства и не существовало, родовая организация сохраняла ряд важнейших функций. Каждый род занимал определенную территорию. По обычному праву пользование «старыми зверовьями» и «вековыми жирами», т. е. промысловыми угодьями, принадлежало всему роду. Род охранял свои промысловые угодья от посягательства чужеродцев и давал вооруженный отпор тем, кто нарушал его права. Члены рода были связаны общими брачными нормами: тунгусский род сохранял в неприкосновенности экзогамию. Родовая солидарность удерживалась и в обычае кровной мести: охраняя своих сочленов, род мстил за них в случае их убийства или требовал материального возмещения («головщина»). Убийство внутри рода сурово каралось. Совершивший такое убийство старался скрыться от суда сородичей: в XVIII в. сержант Попов во время его путешествия по притокам Вилюя встретил тунгуса, который, «убив несколько человек», находился «в бегах от роду своего» [7].

Во главе родов стояли вожди (князцы); имелись и родовые собрания. Сержант Попов сообщал о тунгусах: «Есть же у них родовые князцы и старшины, однако они, когда хотят, слушают, а ежели в чем только усмотрят проступок, то искореняют и убивают» [8]; иными словами родового вождя слушали только тогда, когда его воля не расходилась с интересами рода. Большое значение на родовых собраниях имели опытные, старые люди — «старые мужики», по терминологии источников.

Родовой вождь и родовое собрание являлись той силой, которая объединяла отдельные патриархальные семьи. Вождь был представителем рода в сношениях с другими родами, а также с русской администрацией. Он же был и военачальником рода. В большинстве случаев тунгусские князцы принадлежали к «лутчим людям» — экономической верхушке общества.

Существовала в XVII—XVIII вв. у тунгусов и племенная организация. Роды, входившие в племя, были связаны между собой браками, узами взаимной помощи, общими военными союзами в войнах против других тунгусских племен или других народов. Во главе племен стояли племенные вожди.

Племенная организация, а также межродовые и межплеменные союзы и объединения поддерживались частыми и кровавыми войнами. Враждовали между собой и отдельные роды, и племена, и целые объединения племен. Не редкостью были военные столкновения с якутами и юкагирами.

[5] «Колониальная политика...», стр. 123.
[6] ЛОИИ, карт. 220, ст. 5, сст. 52.
[7] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 287.
[8] Там же, стр. 295.

Эти войны, целью которых зачастую был захват скота и другого имущества, также ясно показывают глубокий процесс разложения первобытно-общинного строя. В 1649 г. вилюйские тунгусы Шолонского, Мургатского и Калтакульского родов рассказывали русским служилым людям о совершенном ими нападении на тетейских тунгусов: «Были они на Нижней Тунгуске в Тетейском зимовье и убили де Тетейского зимовья ясачных тунгусов... человек со 100 и больше, а жен и детей в полон взяли, и оленей у них всех пограбили» [9]. В 1683 г. тунгусы Нюрюмлянского рода пришли на верховья Вилюя, убили 17 тунгусов Мургатского рода и «олени их и всякой борошень взяли себе» [10]. Награбленное имущество победители часто продавали соседям. В 1648 г. один из казаков доносил, что «слышел де он в Никине улусе у якутов, что в том их улусе, пришед с Вилюя, стоят чюмами вилюйские тунгусы, которые на Нижней Тунгуске тунгусов побили, и продают де им в улусе погромные олени» [11]. В 1671 г. на Индигирке «ламуцкие тунгусы» стояли «на дороге 27 юртами» и дожидались возвращения из похода Григория Пущина с казаками и «хотели де с ними оленми и всякою погромною рухлядью торговать» [12].

Частые войны тунгусов между собой и с соседями привели у них к широкому развитию военного дела. «И против друг друга всегда воюют, почему для предосторожности имеют весьма довольно орудия и в готовности и хранят при себе безотлучно»,— говорилось об якутских тунгусах в одном из источников XVIII в. [13]. «К войне они склонные, и на соседей своих часто нападают, и при том луком и стрелами действуют»,— сообщал Избранд Идес [14]. Вооружение тунгусов отличалось значительным разнообразием. У одних было железное оружие, у других сохранялось старинное костяное. Воины-тунгусы выступали «в куяках и в шишаках, и в нарышнях, и с щитами», «збруйны» и ружейны, с луки и с копьи, и в куяках в железных, и в костяных» [15]. «Люди воисты, боем жестоки»,— отзывались о них казаки [16].

Включение тунгусов вместе с другими народами Якутии в состав Русского государства привело к большим изменениям в их быту и культуре.

Основы политики царизма в отношении тунгусов определялись интересами казны. Прекрасные охотники на пушного зверя, поставщики пушнины многим народам Восточной Сибири, тунгусы интересовали Москву прежде всего как плательщики ясака.

При первоначальном объясачивании тунгусов они обычно платили ясак со всего рода, а не с отдельных лиц. Так, на Витиме в 1638 г. тунгусы платили ясак «вдруг со всей волости, а имян своих не сказали» [17]. Позже ясачные сборщики старались внести в ясачные книги всех тунгусов-ясакоплательщиков (мужчин и подростков). Ясак принимался в ясачных зимовьях, а не в Якутске (где платили ясак якуты). «...Юкагиры и тунгусы по волостям с якуцкими [людьми] не живут, а ... ясак платят в острожки и в зимовья на заморских реках, и их... тунгусов и юкагирей и которые беглые якуты к скаскам и к ясачному окладу собрать к якутцким волостям невозможно» [18].

---

[9] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, оп. 1, ст. 48, л. 74.
[10] ЛОИИ, карт. 217, ст. 11, сст. 8.
[11] ЦГАДА, ф. Як. прик. избы, оп. 1, ст. 48, л. 74.
[12] ЛОИИ, карт. 208, ст. 6, сст. 28.
[13] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 294.
[14] «Древняя Российская Вивлиофика», ч. IX, стр. 453.
[15] ДАИ, т. VII, № 61, т. III, № 92.
[16] ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 79, об.
[17] Там же, л. 7.
[18] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 1225, л. 60.

Заведенные на тунгусов ясачные книги не давали, однако, точного представления ни о численности, ни о составе тунгусских родов, приписанных в уплате ясака к определенным зимовьям: «И как приходят з государевым ясаком к ясачным зборщикам те люди и иные хто ясаку принесет за очи, имена переменяют у платежу мало не по вся годы и тем книгам смуту чинят, а приносят государев ясак немногие люди, и кого де имены зборщиком скажут, того они в книги и напишут, а подлинно имени не скажут» [19]. Путаница в именах вызывалась отчасти религиозными поверьями тунгусов: после смерти сородича они меняли свои имена. Ясачные сборщики указывали, что тунгусов по ясачным книгам часто «по их именам не сыщут, потому что... имена свои они по вся годы, как у них в их роду их родники помирают, для того они по своей иноземской вере имена переменяют» [20].

Ясак тунгусы платили под аманатов. Эта мера в некоторой степени гарантировала уплату ясака; заставить кочевников-тунгусов платить ясак какими-либо иными мерами было невозможно. Ясачные сборщики отмечали, что «они де ясашные зборщики по лесом за ними для ясаку не ходят, потому что сыскать негде, живут переходя с места на место и с рек на реку, да и от зимовей де своих отходити не смеют, бояся от них от иноземцов убойства» [21]. Родовые связи обеспечивали платеж ясака тунгусами. Однако в условиях разлагавшегося первобытно-общинного строя род платил ясак не под всякого своего члена. «Бедные» и «нужные», не пользовавшиеся влиянием в роде, не могли обеспечить платеж ясака. Ясак платили под «добрых» и «богатых». Особенно выгодными в этом отношении аманатами были родовые и племенные вожди или их близкие родственники. «И будет аманат добр, и за того платят его род ясак и с иных родов збирают, а будет аманат худ, и за того аманата и его не вся родня платит»,— отмечали сборщики ясака [22].

Никаких твердых норм ясачного обложения не существовало. Взимали от одного до пяти соболей с плательщика. Однако уплата и такого ясака не бывала регулярной: «И платят не ровно, иногды больши, а иногды меньши, а сказывают де им зборщиком ясачные люди: коли зверя добудут больши или людей прикочует больши, тогды и ясаку к ним принесут больши, а коли зверя и людей меньши, тогды и ясаку принесут меньши» [23]. Обычно причитавшийся с рода ясак приносили в зимовье два-три тунгуса, которые при этом принимали всякие предосторожности, чтобы их не захватили в аманаты. Ясак подавали в окно («мечют окном») или же клали его в особых местах («призначных местах»), посылая в ясачные зимовья «худых людишек» и «холопей» известить об этом.

«В подарки» за ясак тунгусам давали «государево жалованье» — одекуй и бисер, «олово в блюдех и в торелех», медные котлы, муку и т. д. «Государево жалованье» существенно стимулировало уплату ясака. «А иноземцы люди дикие, только их не напоить и не накормить и государева жалованья олова и одякую не дать, и их не видать, не токмо что ясак с них собрать...»,— сообщали ясачные сборщики [24].

Таким образом, взимавшийся с тунгусов в XVII в. ясак был, по крайней мере в первое время, неокладным и нерегулярным. Из боязни отпугнуть кочевников-тунгусов и лишиться вообще всякого ясака прави-

---

[19] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 71, л. 691, об.
[20] ААН, ф. 21, оп. 4. д. 30, л. 190.
[21] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 986, л. 448—448, об.
[22] Там же, л. 424.
[23] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 986, л. 449.
[24] ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 123.

тельство запрещало местной якутской администрации принимать по отношению к тунгусам суровые меры. Общую линию правительственной политики в этом вопросе хорошо передают следующие строки в ясачных книгах: «Платят великого государя ясак не по окладу и не равно, по своим удаточным промыслом, больши и меньше, лутче и хуже, как бог даст в промыслу удадутца, а жесточить их и неволить по указу великого государя не велено, а велено с них ясак брать ласкою и приветом» [25]. Тот же способ взимания ясака сохранялся и в XVIII в. Сержант Попов в своих записях о поездке на Вилюй отметил, что «ясаки ж они (тунгусы.— *Ред.)* платят без рощету, например, ежели что у них случится зверем: соболя, розсомаку, волков, медведину, лисицу, половинками лисицами, белками, оленьими кожами и камасами — отдают камисарам, зборщикам на речке... в ясашную избу и подают в окно на копьях; когда ж не бывает промыслов, то не платят года два и три» [26].

Несмотря на предписания взимать ясак с тунгусов «ласкою и приветом», злоупотребления местной администрации делали ясак тяжелой повинностью и вызывали неоднократные восстания отдельных тунгусских родов и племен. Ясак постепенно делался все более тяжелым и потому, что пушного зверя в Якутии становилось все меньше. Так, в 1649 г. аманаты майских тунгусов подали челобитную «во всех ясачных тунгусов место», в которой жаловались на то, что торговые и промышленные люди ходят на их зверовья и «зверь соболи опромышляли и лисицы выбили» и «корень соболиной вывели» [27]. Такие челобитные становились все более частыми.

Борьба тунгусов против злоупотреблений ясачных сборщиков и хищнического истребления пушного зверя выливалась в различные формы. Тунгусы организовывали побеги аманатов и, выручив их, откочевывали «в дальние места»; они нападали на ясачные зимовья, на отдельные группы промышленных людей. Русские промышленники неоднократно жаловались администрации на то, что тунгусы чинят «промышленным людям грабеж большой и воровства многие на соболиных промыслах, грабят и запас и соболи и котлы и топоры и соболя отнимают». В 1667 г. ламуты напали на Зашиверский острог на Индигирке; «приступили ночью к острожку, и учали острожные стены и ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иные люди приставили лестницы к стенам через амбары» [28]. В 1686 г. тунгусы напали на Тонторское (Учурское) зимовье, захватили его, выручили семерых аманатов и убили четырех служилых и 15 промышленных людей [29].

Часть пушнины, остававшейся после уплаты ясака, тунгусы, как отмечалось, обменивали русским на необходимые им товары. Эти обменные связи имели для тунгусов очень большое значение, так как содействовали проникновению в их хозяйство новых орудий производства, предметов быта и т. д. В одной из челобитных тунгусы писали об этом обмене: «А которые де соболишки в ясак... не годны, плохие и вешние и те палелые (прелые.— *Ред.*) и недособоли... и мы де на те соболишка для своих нуж с ясачными зборщики на муку ржаную и на котлы и на топоры и на ножи и на железо прутовое торгуем, для тово что де тех товаров у нас иноземцов в нашей земли нет, и купить негде; а только де нам тех товаров не купить, и нам де великих государей ясаку промышлять не на чем

[25] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 627, л. 699.
[26] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 295.
[27] ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 164.
[28] ЛОИИ, карт. 202, ст. 13.
[29] ДАИ, т. X, № 78; «Колониальная политика...», стр. 246—247.

и помереть де нам голодною смертию»[30]. Особенно быстрое проникновение к тунгусам новых орудий и товаров наблюдается в XVIII в. Сержант Попов писал о вилюйских тунгусах, что они «ружья и пороху имеют весьма достаточно... табаку и провианту имеют во удовольствие, ибо они торгуют с киренскими крестьянами...»[31].

Ясачная политика правительства и обменные связи с русскими людьми содействовали изменениям в хозяйстве тунгусов. Охота на пушного зверя, игравшая значительную роль в их хозяйстве и до появления русских в Якутии, становилась все более важной отраслью хозяйства, втягивавшей тунгусов в товарные связи, в систему всероссийского рынка. Одностороннее развитие пушной охоты приводило к дальнейшей парцеллизации производства. Охота в одиночку все более оттесняла старинные общественные охоты. Это углубляло процесс разложения первобытно-общинного строя, шедший в тунгусском обществе.

В XVII—XVIII вв. под влиянием русской администрации среди тунгусов наблюдается резкое сокращение межродовых и межплеменных столкновений. Решающее значение и здесь имела ясачная политика. «Бои чинятьца меж ими (тунгусами.— *Ред.*) великие, и только меж ими, иноземцы, по указу великого государя уйму не будет и в тех их межъусобных боях и в смертном убойстве великого государя в ясачном зборе учинитца поруха и недобор великой»,— сообщалось в 1678 г. в Москву[32]. Исходя из интересов казны, якутская администрация решительно вмешивалась, где представлялось возможным, в межродовые столкновения и суровыми наказаниями старалась пресечь их. Об одном из таких инцидентов воевода сообщал: «Дал им (участникам столкновений.— *Ред.*) жестокое наказание, велел их бить кнутом на козле нещадно, чтобы им вперед так не воровать, друг на друга з грабежем и убойством не ходить и до смерти друг друга не побивать, и в том их смертном убойстве великого государя в ясаке порухи и недобору не было»[33].

Характерно, что в иные стороны социальных отношений и быта тунгусов, не связанные с интересами казны, администрация не вмешивалась, а если к ней обращались за помощью, старалась содействовать разрешению возникавших конфликтов согласно местному обычному праву. В этой связи характерен следующий эпизод. В 1677 г. устьянский тунгус Ажигачко Кытманов обратился к администрации с челобитной: «В прошлом... во 183 году умер брат мой Щербак и жену ево взял Бочерского роду тунгус Морзуда шаман и с оленми брата моего, а платил брат мой... ясаку по два соболя на год... Вели... послать память... чтоб брата моего жену Кошена и с оленми отдать мне... а ясак за брата своего плачу я». Речь шла, таким образом, о восстановлении права левирата, которое было нарушено. На челобитной была наложена резолюция администрации: «Послать паметь, буди его братьна жена, одать ему, буди какова спору не будет, и ясак платить ему за брата»[34].

Особо следует остановиться на отношениях тунгусов с якутами. Эти отношения в XVII—XVIII вв. были довольно сложными. Само по себе продвижение якутов в XVII—XVIII вв. по Алдану, Вилюю, т. е. по тунгусским землям, не могло не вызывать военных столкновений. Продвижение якутов шло медленно и постепенно. Этому соответствовал и характер тунгусо-якутских военных столкновений, представляющих собой

[30] ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 283.
[31] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 287.
[32] ААН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 347.
[33] Там же, л. 346 об.
[34] ЛОИИ, карт. 213, ст. 5.

столкновения отдельных небольших групп. Войн, охватывающих целые племена или хотя бы несколько родов, не было. Захваченных при столкновениях в плен тунгусы и якуты обращали в рабов. Военные столкновения продолжались и в XVIII в. Так, Миллер, побывавший в Якутии в 1730-х годах, отмечал: «Когда случается тунгусам встретить на охоте на Витиме, Патоме, Олекме и в других тамошних местах якутов, то редко дело обходится без столкновения между ними» [35].

Несмотря на эти нередкие столкновения, между тунгусами и якутами преобладали мирные экономические связи. Все более частыми, особенно по мере проникновения в Якутию товарных отношений, сделались торги между ними. Соседские и экономические связи тунгусов и якутов вели и к брачным связям, к взаимной ассимиляции. В результате смешения якутов, продвинувшихся на север, с тунгусским племенем долган образовалась новая якутоязычная народность — долганы, в культуре и быте которой отразились как тунгусские, так и якутские черты.

Оленекские и анабарские тунгусы азяны и синигиры, резко уменьшившиеся в XVII в. в численности вследствие междоусобных столкновений и оспенных эпидемий, сблизились с пришлыми якутами и, впоследствии восприняв якутский язык, слились с последними. Сложилась своеобразная группа якутов-скотоводов, по хозяйству и материальной культуре более близкая к тунгусам, чем к якутам.

Юкагиры в XVII в. населяли бассейны рек Яны, Хромы, Индигирки, Алазеи, Колымы, Анадыря, Гижиги и Пенжины. Западные пределы «Юкагирской землицы» доходили до нижнего течения Лены, к востоку же от нее кочевья юкагиров шли по р. Хроме, среднему и нижнему течению Индигирки, ее притокам — Уяндине и Моме, по р. Алазее, среднему и нижнему течению Колымы, ее притокам — обоим Анюям и Омолону, по верхнему и среднему течению Анадыря, его притокам — Яблону и Майну, по р. Гижиге и верхнему течению р. Пенжины.

Юкагиры не составляли единого этнического целого, а распадались на племена. По Омолону и Большому Анюю и по Анадырю кочевали ходынцы, по Большому и Малому Анюям, Анадырю и Чауну — чуванцы. В источниках XVII в. они неоднократно отмечаются как «ходынские юкагиры», «чуванские юкагиры» или же «иноземцы Чуванского и Ходынского родов юкагиры» [36]. Название «чуванцы», видимо, происходит от р. Чаун; возможно, это искаженное «чавандзи», жители р. Чаун. По фольклорным материалам В. И. Иохельсона известны аналогичные названия: «омолондзи» — жители р. Омолона, «хорходондзи» — жители р. Коркодона и др. В отписках С. Дежнева «чуванцы» фигурируют как «чуванзи»; название еще более близко к слову «чавандзи». По В. И. Иохельсону, «чуванцы» иначе назывались «шалаги» — имя, происшедшее от «шолилау», как колымские юкагиры называли чуванцев [37].

В области Среднего Анадыря ходынцы и чуванцы жили вперемешку с анаулами, которые обитали также и по Нижнему Анадырю, где соприкасались с коряками. Анаулы рассматриваются одними исследователями как корякское племя, другими — как юкагирское. Более правильным

---

[35] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.— Л., 1937, стр. 184.

[36] Н. Н. Оглоблин. Восточно-сибирские полярные мореходы XVII в., стр. 42; «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века...», стр. 324.

[37] В. И. Иохельсон. К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа. «Известия Вост.-Сибир. отдела Русск. геогр. об-ва», т. XXVIII, № 2, Иркутск, 1897, стр. 161—162; И. С. Вдовин. Расселение народностей Северо-Восточной Азии во второй половине XVII и начале XVIII в. «Известия Всесоюзн. геогр. об-ва», т. LXXVI, вып. 5, 1944, стр. 250—251.

представляется второе мнение, так как в источниках XVII в. упоминаются «юкагиры Анаульского и Ходынского родов».

В источниках XVII в. на территории «Юкагирской землицы» неоднократно упоминаются также «омоки». Это название некоторые исследователи склонны были рассматривать как название одного из юкагирских племен и даже особой народности. Как доказал тот же В. И. Иохельсон, в юкагирском языке слово «омок» означает собственно «род», «племя» и, следовательно, не является племенным названием. Однако, по мнению Б. О. Долгих, «омоками» называлась одна определенная группа юкагиров, кочевавших по Нижней Колыме и ее правым притокам. Были еще юкагирские племена алазеи (по р. Алазее), шоромбойцы, янгинцы и олюбенцы (по р. Индигирке), оноды, яндинцы (по р. Яне).

В 1670-х годах юкагиров было, по В. И. Огородникову, около 5 тыс. человек обоего пола. Таковы же данные Б. О. Долгих.

Источники XVII в. неоднократно подчеркивают многолюдность «Юкагирской землицы»: «А Юкагирская де... землица людна... И в Индигерь де... реку многие реки впали. А по всем де по тем рекам жывут многие пешые и оленные люди» [38].

Юкагирские племена делились на «пешие» и «оленные». «Пешие» юкагиры жили в бассейнах Яны и Индигирки, «оленные» кочевали в тундре между Индигиркой и Колымой, по Колыме, Анадырю и Пенжине.

«Пешие» юкагиры занимались рыболовством и охотой. Известное значение имело собирательство (собирание съедобных корней и ягод). «Пешие» разводили собак и ездили на них «люди сидячие, а ездят де они на собаках» [39]. Поэтому Индигирка получила у русских название «Собачьей реки» [40].

«Оленные» юкагиры имели домашних оленей, но стада оленей были очень немногочисленны и олень употреблялся только для перевозок. Оленеводство у юкагиров, по-видимому, было недавнего происхождения, и заимствовали они его, как предполагают, от тунгусов. Важнейшую роль в экономике «оленных» юкагиров играло также рыболовство и особенно охота, в частности на дикого оленя на Анадыре и Колыме на так называемых «плавях», когда весной дикие олени проходили большими стадами к Ледовитому океану. На «юкагирские оленные промыслища» сходились юкагиры не только с Колымы и Анадыря, но и из соседних районов.

Материальная культура юкагиров по сравнению с их соседями — якутами и тунгусами — была отсталой. «Предание о приходе русских к юкагирам», записанное В. И. Иохельсоном у колымских юкагиров, начинается следующим изображением материальной культуры юкагиров: «Юкагиры были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были, с нартами нартенные [люди] были. Лето когда наступало — [они] с челноками были. Так жили» [41].

Документальные источники полностью подтверждают это предание. У юкагиров преобладали каменные и костяные орудия и оружие, хотя уже были и железные орудия и оружие, на что есть указания и в источниках и в тех же юкагирских преданиях. Так, на Колыме, в одном из своих походов, С. Дежнев был ранен юкагирской «стрелою железнецею» [42].

---

[38] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века...», стр. 100—101.

[39] Там же, стр. 143.

[40] ДАИ, т. III, № 76.

[41] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. 1. СПб., 1900, стр. 74.

[42] «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». Сборник документов, М.— Л., 1952, стр. 149.

Железные орудия и оружие юкагиры получали путем обмена от ламутов и тунгусов. В 1671 г. Григорием Пущиным было захвачено у индигирских юкагиров в юртах «три куяка с наручами якутцкие» [43]. На Яне у юкагиров также имелись «куяки железные якуцкие» [44]. Встречались у юкагиров и «ламуцкие куяки». Кроме куяков, от якутов и тунгусов к юкагирам могли, очевидно, попадать железные ножи и топоры, которые упоминаются в том же фольклорном материале.

Однако путем обмена юкагиры не могли покрыть все свои потребности в железных изделиях. Якутское и тунгусское ремесло еще не стояло на таком уровне, чтобы полностью удовлетворить запросы других племен. У самих тунгусов не хватало железных орудий, и зачастую они пользовались каменными и костяными. Большую нужду юкагиров в железных орудиях отмечают как документальные, так и фольклорные источники. В одном из своих донесений первый якутский воевода П. Головин подчеркивает спрос юкагиров на определенные виды русских товаров: «а опричь... одекую и железа юкагири иных товаров никаких не покупают» [45]. Еще более выразительны данные юкагирских преданий. В том же «Предании о приходе русских к юкагирам» имеется следующая сцена первой встречи двух юкагиров с русским. «У одного поворота, когда [они] плыли, стук слышен стал. Отец [его] сказал, своему сыну сказал: «Друг, какой стук слышен?» Сын его сказал: «Отец, давай смотреть пойдем». Прислушались: с горы слышно. Встали [из челноков], поднялись на гору, по стуку пошли. Смотрят: человек лес рубит. Там стоя, смотрят: человек! Потом подкрадываются, близко [до него] дошли. Дерево рубил. Снова подкрадываются, до верхушки дерева отрубленного дошли. Потом смотрят: у рта с волосами человек, с черной одеждой человек. Сын [его] сказал: «Отец, будем стрелять. Убивши, топор его, очень острый, ни за что [даром] возьмем». Отец [его] сказал: «Оставь. Этот давеча нашим шаманом сказанный человек» [46]. Другой вариант предания о встрече юкагиров с русскими содержит не менее выразительный отрывок. «Русские топоров дали. Русские сказали: «Этим дерево рубите». Все начали рубить. Некоторые, свои ноги отрубив, умерли. Свои каменные топоры все бросили. Ножей дали» [47].

Особенно остро должна была ощущаться нужда в железных орудиях у юкагиров в отдаленных от якутских и тунгусских территорий районах. Одно интересное предание, записанное также Иохельсоном, показывает, как редко в отдаленные уголки юкагирской земли попадали железные орудия и какой ценностью они здесь считались. До прихода русских у одного юкагирского рода, кочевавшего по Колыме, «был железный топор, собственность всего рода, хранившийся у старейшины». Топор этот «носили или возили по всей тундре, когда где-нибудь нужно было срубить или разрубить надвое толстое крепкое дерево, что было трудно сделать каменным топором» [48].

Но и сами юкагиры в какой-то степени были все же знакомы с обработкой железа. В источниках XVII в., хотя и крайне редко, встречаются указания на наличие у юкагиров «кузнецов» [49]. В юкагирском языке суще-

---

[43] ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 208, ст. 6, сст. 90.

[44] Там же.

[45] ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 185, ст. 1, сст. 987.

[46] В. И. Иохельсон. Указ. соч., стр. 75—76.

[47] Там же, стр. 93.

[48] W. Jochelson. Material culture and social organisation of the Koryak. New-York, 1905, p. 611.

[49] «Колониальная политика...», стр. 98.

ствует и своя собственная терминология, связанная с обработкой железа: железо — *лудул*, кузнец — *лундун нуйл чоромо* (буквально — «человек, обрабатывающий железо»), меха — *нуйнэ* (буквально — «дующие») [50].

Очень интересны сведения о наличии у юкагиров в XVII в. «острожков». В одном из документов XVII в. есть такое описание «острожка» алазейских юкагиров: «А острог у них поставлен велик, в обе стороны человеку добру из лука стрелять мочно, а их изменников юкагирей всех с 200 человек болших мужиков, которые луком владеют, опричь подростков, и олени у них у всех собраны в том же острожке»; в «острожке» имелись «вороты и бойницы» [51]. Судя по этому описанию, юкагирские «острожки» могли быть иногда довольно сложными сооружениями; там помещалось до 200 воинов, не считая подростков; загоняли туда и оленей.

Общественный строй юкагиров в XVII в. был патриархально-родовым, но сохранялись и пережитки материнского рода. Родовой старейшина и шаман иногда совмещались в одном лице. Шаманов почитали и после их смерти: «оных шаманов у мертвых обрезывают тело, а кости в составах целы обшивают в платье, кое сшито из кож оленьих, на головах шапки обнизывают корольками синими, тако же вешают и на грудях по подобию, как на живых, и возят всегда с собою» [52].

У юкагиров уже существовало патриархальное рабство, источником которого являлись военные столкновения с соседними народами.

Отношения с якутами у юкагиров, как отмечалось, складывались прежде всего по линии обмена. Но бывала и борьба за промысловые угодья по р. Яне, где соприкасались юкагиры и якуты. Так, в 1639 г. по просьбе якутского князца Селбука русские служилые люди приняли участие в его борьбе с юкагирами, которые «якутские звериные гонбища и лучные ловли и соболиные промыслы отняли» [53].

Сложны были взаимоотношения юкагиров с тунгусами и ламутами. «На глубоком севере ламуты и тунгусы столкнулись с юкагирами, с которыми они впоследствии постоянно воевали. По юкагирским преданиям, эти войны до того были ожесточенны, что победители убивали также нередко женщин и детей... Битвы имели большей частью характер мелких стычек между отдельными кочующими семьями. Юкагиры и ламуты друг друга розыскивали, подстерегали, чтобы напасть врасплох» [54]. Военные столкновения юкагиров с тунгусами и ламутами продолжались и в XVII в., причем после объясачения новой причиной этих столкновений явилась борьба за «соболиные промыслища». В 1678 г. индигирские ламуты жаловались: «Убили у нас... на соболином промыслу на Колыме реке ковымские ясачные юкагиры и неясачные... родников наших до смерти, и жен и детей их они взяли себе в полон... олени и всякой живот пограбили» [55]. В свою очередь колымские юкагиры два года спустя жаловались на грабежи индигирских ламутов.

Поселение ламутов на Юкагирской земле приводило вместе с тем к тесному общению этих народов, общим бракам и ассимиляции. В 1671 г. ходивший на Индигирку Григорий Пущин встретил здесь три юрты: « а были в тех юртах юкагири и ламутки, шесть семей», причем «те юкагиры и ламуты жили юртами все вместе, смешицею» [56].

---

[50] «История Якутской АССР», т. I, М.— Л., 1955, стр. 198.
[51] ДАИ, т. III, № 80.
[52] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии, стр. 282.
[53] Н. Н. Оглоблин. Восточно-сибирские мореходы XVII в., стр. 53.
[54] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, стр. 96—97.
[55] ЛОИИ, Якутский фонд, карт, 215, ст. 15.
[56] Там же, карт. 208, ст. 6, сст. 88—89.

На востоке юкагиры часто сталкивались с коряками: «...Кочующие семьи одного племени нападали на семьи другого. Случайно составлялись союзы семей для защиты или нападений и так же случайно распадались» [57]. Взаимоотношения юкагиров с чукчами были мирными и дружественными до XVII в., когда положение несколько изменилось в связи с тем, что юкагиры приняли участие в походах русских служилых людей на чукчей [58].

Включение «Юкагирской землицы» в состав Русского государства и объясачение юкагиров падает на 1640—1650-е годы. Объясачение юкагиров не сопровождалось значительными военными столкновениями. Могущественным фактором воздействия явились столь нужные юкагирам железные изделия, которые пришли к ним вместе с русскими служилыми и торговыми людьми.

Юкагиры платили ясак пушниной под аманатов. Твердо установленных окладов не было, хотя и были составлены ясачные книги. Ясак платился не под всякого аманата. В 1650 г. на Индигирке русские служилые люди, захватив юкагирского «малого», потребовали уплаты под него ясака, но юкагиры «отказали, [сказав, что] нам той малой ненадоть, а у нас боканов много...» [59]. Зато под аманатов из «лучших людей» юкагиры платили ясак даже тогда, когда те умирали. В 1652 г. в одном из зимовьев юкагиры просили после смерти своих аманатов, «чтобы де казаки аманатского костия не покинули, под костие де ясак привезем, только живы будем» [60].

Под влиянием ясачного обложения и торговли у юкагиров большое развитие получила охота на пушного зверя. Через торговлю к юкагирам поступали железные и медные изделия, одежда и т. д. В XVIII в. появляются у них и кремневые ружья.

В 60-х и 70-х годах XVII в. в «Юкагирской землице» «шатость стала большая и измена». Причинами этого явились злоупотребления ясачных сборщиков и служилых людей. Помимо неумеренных поборов в ясак, служилые люди начали принудительно снабжать юкагиров железными товарами по чрезмерно высоким ценам. Так, в 1664 г. колымские юкагиры жаловались на служилых и приказных людей, которые стали «наметывать железные свои товары силно, пальмишка по полуаршина по пятнадцати соболей..., а прут железной в три чети по пятнадцать соболей, топор по десяти соболей, а прут железной в поларшина по десяти соболей...». Дело доходило до прямого грабежа и насилия: «и ходят по их юртам, за свои железные войсковые недоплатные товары за соболи емлют силно парки и постели, и чюмы одирают, и всяким борошнем емлют», «и бьют батоги на смерть, и в тех недоносных соболях емлют по них поруки; а кого с платеж не будет, и у них в войско емлют силно жены и дочери и сестры и племянницы, и те жонки из войска продают промышленным людям на соболи...» [61]. В результате в 1662—1663 гг. восстали янские юкагиры, в 1666—1667 гг.— индигирские, которые объединились с ламутами и трижды ходили приступом на Зашиверский острог.

В конце XVII и начале XVIII в. в условиях колониальной политики царизма, злоупотреблений служилых и приказных людей хозяйство юкагиров все больше приходит в упадок. В частности, чуванцы и ходынцы почти совершенно лишились своих оленных стад. Большую роль здесь сыграли принудительные поставки оленей в Анадырский острог и походы

[57] В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, стр. IX.
[58] См. ниже, стр. 109—110.
[59] ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 195, ст. 1 сст. 75.
[60] Там же, карт. 196, ст. 5, сст. 19.
[61] ДАИ, т. IV, № 144.

на Чукотку и Камчатку. Юкагиры принимали участие в походах Атласова (1697 г.), Петрова (1714 г.), Павлуцкого (1731 и 1746 гг.), служили «вожами» русских служилых людей на Камчатку и Чукотку. Тяжелые условия этих походов и гибель оленей также вызывали недовольство и волнения юкагиров. В 1714 г., участвуя в походе на олюторских коряков, колымские юкагиры восстали. Восстание длилось несколько лет. В 1745 г. юкагиры вновь восстали, объединившись с коряками и ительменами.

Во второй половине XVII в. среди юкагиров распространились опустошительные эпидемии оспы, в связи с чем в конце XVII и особенно в первой половине XVIII в. численность юкагиров резко сократилась.

Включение в Русское государство чукчей в XVII—XVIII вв. прошло через несколько этапов.

С западными алазейскими чукчами русские служилые люди встретились еще в 1640-х годах. После столкновения с казачьим отрядом эти чукчи уплатили ясак, но в дальнейшем они отошли на восток; в более поздних ясачных документах в низовьях Индигирки и Алазеи чукчи не упоминаются.

На Чукотку, где была сосредоточена основная масса чукчей, русские отряды попали только в начале XVIII в.

Западной границей расселения основной массы чукчей в XVII в., очевидно, являлась р. Чаун с ее правыми притоками. На юге граница шла по Анадырю, на востоке чукотские оседлые поселения располагались по побережью Берингова моря, начиная от залива Креста и до мыса Дежнева; здесь поселения чукчей перемежались с эскимосскими поселениями. Они чередовались с эскимосскими и по побережью Ледовитого океана, начиная от Чукотской губы.

Русские в XVII в. различали две группы чукчей: «оленных» и «сидячих». «Оленные» чукчи вели кочевой образ жизни. В XVIII в. они резко увеличили свои стада за счет оленных стад коряков и юкагиров; по официальным данным, с 1725 по 1773 г. они отогнали у коряков до 239 тыс. оленей и захватили в рабство несколько сот женщин и детей [62]. «Сидячие» чукчи (сюда же, очевидно, русские служилые люди включали и эскимосов) жили оседло, занимаясь охотой на морского зверя и диких оленей.

Общественное разделение труда между обеими группами чукчей вызвало возникновение между ними регулярного обмена.

Казак Кузнецкий, бывший в плену у чукчей, сообщал в 1756 г.: «Чукчи главного командира над собою не имеют, а живет всякой лутчей мужик своими родниками собой и тех лутчих мужиков яко старшин признавают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей» [63]. То же самое сообщали и исследователи XVIII в. Гавриил Сарычев, участник экспедиции Биллингса, писал: «Вообще, как оленные, так и сидячие чукчи разделяются на небольшие общества, состоящие из нескольких семей, соединенных родством или дружбой. Особенных властей или начальников не имеют, а почитают в каждом таковом обществе одного, который богатее прочих и имеет большое семейство» [64].

К XVII в. родовая организация у чукчей распалась. Основной ячейкой общественного строя у них являлась патриархальная семья, во главе

---

[62] И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей. «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», т. 115, стр. 95.

[63] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», Л., 1936, стр. 181.

[64] Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, стр. 186.

которой стоял старший мужчина, «старшина», как его называли русские. В состав патриархальной семьи могло входить до 10 и более мужчин.

В связи с таким устройством чукотского общества понятен и тип жилища у чукчей.

Зимнее жилище — землянка у приморских чукчей была весьма обширной, так как в ней помещалось несколько индивидуальных семей, входивших в состав патриархальной группы. Путешественник XVIII в. Мерк писал: «Зимних юрт всегда приходится одна на несколько летних яранг, так как в одной юрте собираются все родичи». Он же писал об оленных чукчах: «Их жилища — яранга в течение лета, а также зимой, когда остаются дольше в одной местности, в них живут люди, объединяясь по родству, а так как они объединяют обитателей ряда шалашей, то и размеры их больше... Одна просторная яранга, где стояло до 6 пологов, имела в окружности 20 сажен, длина 5, ширина 4 сажени, высота 9 футов» [65].

Рис. 12. Чукотский воин
(рисунок Луки Воронина 1785—1792 гг.)

Хозяйство патриархальной семьи строилось на коллективных началах. При занятиях морским промыслом пользовались байдарой, поднимавшей до 40 человек.

В XVII—XVIII вв. у чукчей существовало патриархальное рабство. Рабами являлись иноплеменники, захваченные во время войн: эскимосы с Аляски, а также коряки и юкагиры. Рабов покупали, стоимость их доходила до 20—30 оленей.

У приморских чукчей патриархальные семьи объединялись в селения. Каждый такой береговой поселок представлял собой территориально-производственное объединение и имел своего главу, которого русские называли тойоном. Аналогичным объединением у кочевых явилось стойбище. Спорадически у чукчей имели место и более крупные объединения, вызванные к жизни военными столкновениями с эскимосами и коряками, а позже с отрядами русских служилых людей. Во главе таких объединений стояли выборные военные вожди. Тот же Мерк писал: «При такого рода предприятии чукчи, чего не принято у них ни в каких других случаях, выбирают себе предводителя... При приближении к чужой земле... вожак собирает совещание самых опытных стариков. Старики, по их представлению, имеют преимущественное право на голос в таких предприятиях, а прочий народ ограничивается молчанием» [66].

---

[65] И. С. Вдовин. Из истории общественного строя чукчей. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 64.

[66] И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей, стр. 95.

В XVII в. чукчи вели ожесточенные войны с коряками. Взаимоотношения чукчей с юкагирами в конце XVII и начале XVIII в. также приняли резко обостренный характер в связи с передвижкой чукчей на запад и участием юкагиров в походах русских служилых людей на Чукотку. Напротив, очень тесными были отношения чукчей с азиатскими эскимосами. Как уже отмечалось, по всему побережью Северного Ледовитого океана и Берингова моря поселки чукчей перемежались с поселками эскимосов, и население некоторых из этих поселков было смешанным. Иной характер носили отношения с американскими эскимосами. Чукчи переплывали Берингов пролив на байдарах, либо вступая в обмен с американскими эскимосами, либо нападая на них в целях грабежа. В 1711 г. русский служилый человек П. Попов сообщал: «Против того Анандырского носу с обоих сторон с Ковымского моря и с Анандырского есть де значитца остров и... на том острову люди зубатые, а веры де и иной, всякой обыкности и языку не их чюкоцкова, особои, и из давных де лет и поныне у них носовых чюкочь с теми островными людми меж собою немирно, ходят друг на друга с боем... А с того де носу на тот остров летним временем в байдарах веслами перебегают одним днем, а зимой на оленях на легке перезжают одним же днем» [67].

В первой половине XVIII в. царское правительство сделало ряд попыток привлечь чукчей к ясачному платежу и прекратить их набеги на ясачных людей. С первой экспедицией Беринга была связана первая русская экспедиция на Чукотку — экспедиция Шестакова (1729—1730 гг.). Однако заставить чукчей платить ясак не удалось. Чукчи оказывали сопротивление и не давали аманатов.

В 1742 г. Сенат вынес решение об искоренении «немирных» чукчей, предложив Иркутской провинциальной канцелярии «на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе» [68]. Сдавшихся чукчей Сенат предложил высылать в Якутское ведомство. Однако направленный против чукчей отряд майора Павлуцкого после нескольких жестоких карательных походов потерпел неудачу. 14 марта 1747 г. передовой отряд русских, состоявший из 97 человек во главе с самим Павлуцким, был окружен чукчами и уничтожен [69]. После этого основной отряд вынужден был прекратить преследование чукчей. Походы против чукчей Кекерева (1749—1750 гг.) и Шатилова (1751—1752 гг.) также успеха не имели и к покорению чукчей не привели.

---

[67] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I, СПб., 1882, стр. 458.

[68] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», стр. 163.

[69] Там же, стр. 172—174.

ГЛАВА IX

КУЛЬТУРА В XVII—XVIII вв.

Народная культура якутов в XVII—XVIII вв. была порождением условий их материального производства и своеобразного переходного общественного строя.

Художественный вкус якутского народа проявился прежде всего в декоративном искусстве. Образцы прикладного искусства якутов того времени можно видеть на предметах быта и орудиях труда, сделанных из кожи, дерева, бересты, металла, глины, кости, меха и волоса домашних животных.

В XVII—XVIII вв. жилищем якутов служили балаганы — постройки со стенами из наклонно поставленных жердей или тонких бревен, напоминающие своей формой усеченные пирамиды [1]. Летними жилищами богатых родоначальников были большие конические шатры «ураса» (*ураһа)*, покрытые берестяными полостями. Первый тип построек сохранился почти без изменений до наших дней. Большой интерес как по своеобразию конструкции, так и по украшениям представляет ураса. О ней мы можем судить по описаниям некоторых исследователей — Р. К. Маака, В. Л. Серошевского и др., видевших ее в XIX столетии, когда ураса бытовала уже как исчезающий тип жилища, и по экспонатам Якутского краеведческого музея.

Основу урасы составляли столбы, вкопанные в землю по кругу. Концы их соединялись круглым ободом из гнутых досок, часто обильно орнаментированных узорной прорезью. Обод этот служил опорой для жердей следующего яруса, поставленных в форме конуса и у концов соединенных веревочной вязкой. Между столбами устраивались нары или лежанки — *олох.* Каждый олох, как и в балагане, имел свое название и назначение — для хозяев, гостей, детей, домочадцев и особо для взрослых девушек или молодоженов — *хаппахчы.* Сверху ураса покрывалась полостями из бересты, орнаментированными накладками из окрашенной бересты в виде узких полос с ажурными сквозными вырезками. Иногда орнамент создавался фигурной прошивкой краев берестяных полостей конским волосом. Входной проем закрывался подвесной дверью из орнаментированной бересты. Особенно красиво оформлялась дверь или полог хаппахчы. В середине урасы находился очаг, сколоченный из досок и засыпанный землей. Дым выходил через отверстие вверху урасы [2].

---

[1] О. В. Ионова. Жилые и хозяйственные постройки якутов. «Сибирский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии», т. XVIII, 1952, стр. 239—320; В. Л. Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I. СПб., 1896, стр. 346—363.

[2] А. А. Попов. Старинная якутская юрта. Сб. МАЭ, т. X, 1949, стр. 98—106.

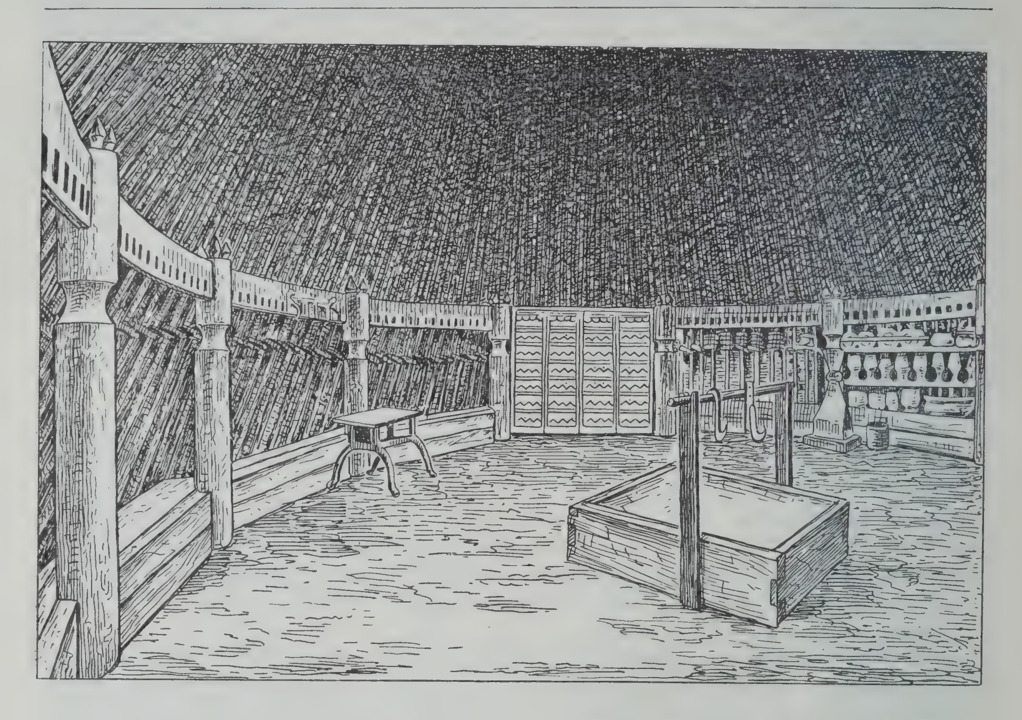

Рис. 13. Внутренний вид урасы
(реставрация *А. А. Попова*)

Непременной принадлежностью якутского двора являлись коновязные столбы — *сэргэ;* верхняя часть их покрывалась резным орнаментом и завершалась выточенными изображениями конской головы, птицы и пр., имевшими, видимо, символическое значение. Сэргэ, служившие у якутов предметом особого почитания, ставились также и на местах народных празднеств *(ыһыах сэргэтэ).*

Из утвари того времени заслуживает упоминания своеобразная деревянная посуда для кумыса, а также берестяная посуда. Кумысные кубки *чороны* вырезались из цельных кусков дерева в форме урны с маленьким основанием или на трех ножках в виде конских копыт. Они покрывались резным орнаментом, опоясывающим кубок в несколько рядов. Берестяная посуда орнаментировалась чаще прошивкой конским волосом в виде пунктирных линий, «елочки», зигзагообразного шва и т. д.

Характерно, что некоторые предметы домашней утвари имели детали, вырезанные в виде конского копыта. Кроме того, они часто украшались гирляндами из белых конских волос. Все это лишний раз свидетельствует о том значении, какое имело коневодство в хозяйстве якутов; здесь можно видеть даже следы древнего культа лошади.

Из подобранных в шахматном порядке кусков шкур животных разной масти якуты делали ковры и цыновки. Последние плелись также из конского волоса.

Верхней мужской и женской одеждой был *сангыях* — доха шерстью наружу из рысьего, лисьего или волчьего меха, у богатых — из соболей, а у бедняков — из оленьих и жеребячьих шкур. Сангыях надевали поверх другой шубы — *сон,* которую носили мехом внутрь. Сон шился из замши на беличьем меху у богатых, на заячьем — у бедных. Он доходил только

до колен, рукава были узкие. Спереди и по подолу сон отделывался выдрой или бобром.

Наиболее нарядной считалась шуба *тангалай*, богато расшитая бисером, опушенная дорогим мехом и унизанная различными медными подвесками. Подобные шубы и нарядные летние кафтаны были обнаружены Е. Д. Стреловым при раскопках могильников XVIII в. в Хоринском наслеге Орджо-

Рис. 14. Берестяная посуда якутов и подвесная дверь к урасе
(экспонаты Якутского краеведческого музея им. Е. М. Ярославского)

Рис. 15. Деревянная кумысная посуда конца XVII в.
(по материалам раскопок)

никидзевского района и Моерудском наслеге Мегино-Кангаласского района [3].

Головной убор из рысьего или волчьего меха с наушниками русские называли «малахаем». Шапки якутов были украшены металлическим кругом или рогами. Такие шапки были найдены при раскопках; остовом рогов служили берестяные стойки, обтянутые кожей. Были и другие виды шапок.

Рис. 16. Шуба-сон XVII в. *(реставрация)*

Интерес представляют остатки шелковых китайских тканей в якутских погребениях, свидетельствующих о связях с Китаем, которые существовали, видимо, с отдаленных времен.

На одежде, извлеченной из погребений XVII в., встречается ленточная прошивка, состоящая из полос тонко обработанной ровдуги, которой обшивались борты нарядной одежды. Лента прошивки, окрашенная в темные цвета, прорезалась в виде мелких, симметрично расположенных лепестковидных узоров, сквозь которые просвечивала подложенная под ленту цветная материя. Между этим узором проходила вышивка крашеными жильными или волосяными нитками. Тут же нашиты маленькие кожаные пластинки, окрашенные в черный цвет и вырезанные в форме ромбиков, квадратиков и кружочков. Обшлага рукавов, борты кафтанов, нарядные штаны и т. п. вышивались бисером.

Бисер, который якуты получали, вероятно, прежде из Китая, а позже от русских, был крупный и только трех цветов: черного, синего и белого. Излюбленными узорами из бисера у якутов были *тангалай-ойуу и кёһюр-ойуу*. Тангалай-ойуу — зигзагообразные линии, идущие параллельно друг другу и в представлении якутов напоминающие контуры извилин на нёбе рогатого скота. Узор этот вышивался не только бисером, но и крашеными нитками и конским волосом. Кёһюр-ойуу похож на лиру и, по предположению некоторых исследователей (М. М. Носов) является стилизацией коровьих рогов. Он широко применялся при украшении не только одежды, но и чепраков и других бытовых предметов.

Для украшения одежды, колчанов, чепраков и т. п. употреблялись также *кымырдагас-ойуу* — мелкие латунные и жестяные пластинки в форме муравьев. Они вставлялись между бисерными вышивками. На поясах, колчанах и седлах прикреплялись медные литые ажурные кружки и фигуры, напоминающие своими сильно стилизованными очертаниями лучистое солнце, заключенное в круг.

Разнообразны были женские украшения. По записям Линденау, девушки носили нагрудники (по-якутски *тюһюлюк*), подобные тунгусским, расшитые бисером, с медными подвесками. «К косам они подвешивают бусы, бубенчики и всякие безделушки. Женщины и девушки носят боль-

[3] Е. Д. Стрелов. Одежда и украшения якутки в половине XVIII века. «Советская этнография», 1937, № 2—3.

шие серьги — *ытарга*, серебряные или латунные кольца с крупными бусами, корольками. На пальцах все они носят серебряные, латунные, медные или жестяные кольца — *биhилях;* незаклепанные кольца, которые можно суживать и расширять, называются *оркоптчи*. Широкий латунный ободок, который они носят на шее, как и тунгусский, называется кылджыы» [4]. Это сообщение Линденау подтверждается раскопками Е. Д. Стрелова.

Много художественной выдумки вносили якуты в традиционные празднества, которые обычно связывались с семейными торжествами (свадьба, рождение ребенка и др.) или же сохраняли черты родовых праздников и сплачивали членов рода на основе общего культа и общих обрядов.

Весной, когда кобылицы хорошо доились, заготовлялось большое количество кумыса и устраивался праздник ысыах (*ыhыах*). Это — праздник по случаю наступления лета и изобилия молочных продуктов; он посвящался духам — хозяевам природы, особенно небожителям, покровительствующим разведению лошадей.

Ысыах по своему содержанию и обрядности имел много общего с подобными праздниками других сибирских скотоводческих народов, особенно бурят.

Рис. 17. Шуба-тангалай и шапка с рогами

(реставрация)

Праздник начинался с церемонии кропления кумысом земли или выплескивания его в огонь. Самое название праздника, происходящее от глагола ыс — «кропить», «брызгать», свидетельствует, что в основе его лежал обряд брызгания кумыса в жертву духам природы и покровителям скота. Старейший в роде или жрец (белый шаман), взяв в правую руку большую деревянную ложку — *хамыях*, зачерпывал из сосуда кумыс и разбрызгивал его в разных направлениях или же брызгал на огонь, обращаясь при этом к тому или другому духу — хозяину природы или божеству, обитавшему в небесах.

Приводим текст такого обращения в записи, относящейся к 1740-м годам [5].

[Невидимый] зорким глазом
Невпопад называемый
Тонким [гибким] языком,
Ограждающий [нас] Аар Тойон[6]

[4] Я. Линденау. Указ. рукопись.
[5] Там же.
[6] Аар Тойон — «батюшка» или «господин», «почетный батюшка»; по мнению одних,— это одно из имен божества Юрюнг Айыы тойона, другие считают его самостоятельным небожителем, функции которого теперь позабыты.

Множество якутов распро-
странивший[7]
Юрюнг Айыы Тойон!
Жена Юрюнг Айыы
Кюбэй хотун...
Дьёсёгёй тойон,
Прислужники айыы[8].
Ешьте-кушайте!
С масляными еланями
С молочными озерами,
С солончаком из заквашенного
молока,
Со страной с густыми травами,
С желтым скотом, Ынахсыт,
Ешьте-кушайте!

Смысл обращения заключался в просьбе сохранить и размножить скот, увеличить плодородие лугов.

Затем начиналось пиршество, во время которого основным угощением были кумыс и конина. Народ рассаживался по кругу: отдельно старики, мужчины, женщины и дети. Старейшим и наиболее уважаемым людям подносили по чорону кумыса, после чего кумыс передавался по кругу.

На ысыахе выступали народные певцы и сказители — *олонхосуты* с исполнением традиционных произведений и своих песен-импровизаций. Существовал обычай состязаться друг с другом в исполнении олонхо [9] и в пении.

Устраивались спортивные состязания и игры: конские скачки, борьба, перетягивание на ремнях и палке, прыжки разных видов (*кылыы* — на одной ноге, *ыстанга* — по очереди каждой ногой, *куобах* — прыжок «по-заячьи», *буур* — обеими ногами вместе, прыжки вверх и др.). Победитель награждался призом. Заводились хороводные пляски. Мужчины и женщины брались за руки и, составив большой круг, двигались по солнцу. Они пели, повторяя куплеты запевалы, и приплясывали. Были и парные танцы, сопровождавшиеся песнями. Такие же развлечения сопутствовали и другим праздникам.

Якуты не имели письменности, а потому устное творчество занимало особенно большое место в духовной жизни народа.

Устное народное творчество включало в себя песни, обрядную поэзию, эпические произведения — *олонхо*, сказки, легенды, предания, скороговорки, загадки. Содержание их отражало патриархально-родовой быт, полукочевой образ жизни, борьбу с суровой природой.

Богатырский эпос — олонхо, судя по его образам и сюжетам, сложился значительно ранее прихода русских. Для олонхо характерна тема защиты «подсолнечной страны» и ее обитателей (людей племени *айыы аймага*) от злых существ *абаасы* [10], похищающих девушек и женщин, пожирающих

---

[7] В тексте *юс саха* — буквально «три якута», в вариантах *тюёрт саха* («четыре якута») или *биэс саха* («пять якутов»). Здесь числа выражают не определенное количество, а вообще множество.

[8] *Айыы* — добрые небожители.

[9] *Олонхо* — название как отдельной эпической поэмы, былины, так и всего жанра богатырского эпоса якутов.

[10] *Абаасы* — в представлении якутов злой дух, причиняющий людям болезни и различные несчастья.

Рис. 18. Якутские женские украшения XVII в.
(по материалам раскопок)

скот. Богатыри айыы аймага в олонхо не помышляют о захвате чужих стран, рабов, богатств, а защищают свой род и племя. Они честны, прямодушны, борются за счастье людей. Образы мужественных богатырей *айыы* воплощают идеалы людей родового общества. Другой характерной темой является женитьба героя, чему обычно предшествуют подвиги по спасению самой невесты, ее родичей или других айыы аймага. Женившись, богатырь живет счастливо и мирно, окруженный своими детьми, присматривая за несметными стадами коров и табунами лошадей. Здесь отражена мечта древних о счастливой и изобильной жизни. В некоторых олонхо выражен глухой протест против социальных несправедливостей и богатые родоначальники выставлены в смешном виде. Вместе с тем сами герои олонхо, богатыри айыы, также обладают чертами родовых вождей, иногда отличаются гордостью, грубостью и жестокостью.

В некоторых олонхо богатыри айыы борются с тунгусским богатырем Ардьаманом, который показывается как отрицательный персонаж. Но в отдельных олонхо Ардьаман является другом и советником главного героя. Олонхо отражает, по-видимому, сложные и противоречивые отношения якутов с их соседями.

Можно полагать, что некоторые особенности стиля, композиции и языка олонхо сложились очень давно. Сюжет олонхо развивается весьма занимательно, следуя за действиями главного героя. Повествование осложняется различными вставными эпизодами и картинами. Обычно олонхо открывается описаниями природы, внешности богатыря, его оружия, коня,

домашней обстановки, богатства. Действие в олонхо начинается с того, что сестру богатыря похищает абаасы или люди айыы вызывают героя защитить какую-либо девушку от абаасы. В некоторых олонхо сам герой едет добывать себе жену. В пути он преодолевает различные препятствия. Богатырь-айыы вступает в длительную борьбу с богатырями-абаасы, страшными чудовищами, чаще одноокими и одноногими. Бой происходит в виде поединка: когда оружие не помогает, бьются кулаками. Богатыри (как айыы, так и абаасы) обладают даром перевоплощения, они превращаются в различных животных и предметы и в таком виде преодолевают огромные пространства, высокие горы, огненные моря и т. п. Завершив подвиги, уничтожив всех своих противников, богатырь женится. Тогда начинаются новые боевые приключения с целью возвращения потерянной женщины. Наконец, богатырь возвращается на родину. С тех пор он прекращает свои богатырские подвиги, живет мирно, следит за своим хозяйством, производит на свет большое потомство.

Сюжеты богатырского эпоса — олонхо, так же как и обрядовых песен, сопровождавших каждое значительное событие в хозяйственной, общественной и семейной жизни якутов, связаны с мифологическими представлениями, в которых отразились как своеобразные черты быта и общественного строя якутской народности, так и некоторые черты, общие с мифологией тюркских и монгольских народов, стоявших на сходной ступени общественного развития.

Трудно сказать, какие олонхо бытовали в XVII — XVIII вв. По народным представлениям, древнейшими олонхо считаются Эр Соготох (Муж Одинокий), Нюргун Боотур, Баһымньы Баатыр, Эрбэхтэй Бэргэн, Кыыс Бухатыыр (Девушка-Богатырка) и др. Все эти олонхо имеют свой отличный сюжет и фабулу.

Были распространены предания и рассказы, отражающие реальные исторические события, с указанием места и времени действия конкретных людей. Существовали легенды и предания о первопредках якутов Омогое и Эллэйе, прибывших с юга на Среднюю Лену; рассказы о племенах Севера, взаимоотношениях якутов с тунгусами до и после прихода русских. В других случаях современники и участники событий рассказывали о межродовых и межплеменных столкновениях, о воинственном кангаласском родоначальнике Тыгыне и отважном борогонском силаче Бэрт Хара, о батурусском родоначальнике Омолооне, борогонском Лёгёе, таттинском Кээрэкээне, о баягантайцах, мегинцах и т. д. Людей того времени должны были интересовать предания и рассказы о далеких окраинах, об изобилии там зверей и дичи, о широких пригодных для коневодства и скотоводства просторах в тех краях. Потомки первых насельников окраин сложили предания о своих предках, перекочевавших из центральной Якутии.

Примерно тогда же сложилось предание о прибытии русских казаков и основании Якутска. Рассказывают, что однажды прибыли к Тыгыну двое людей необычайной внешности — голубоглазые, светловолосые. Тыгын сделал их работниками. Через несколько лет они исчезли. Люди видели, как они поплыли на лодке («ветке») вверх по Лене. Через три года на больших плотах приплыло множество людей, подобных тем, которые убежали от Тыгына. Прибывшие попросили у Тыгына земли величиной в одну воловью шкуру. Получив разрешение, они разрезали шкуру на тонкие нитки и обвели большое пространство, натянув нить на колышки. На этом месте вскоре выстроили целую крепость. Спохватился Тыгын, что сделал оплошность, хотел вместе со своим сыном Чаллаайы разрушить крепость, да не смог этого сделать. Так был основан Якутск. Якуты пытались наступать на крепость, но безуспешно. После этого они подчинились рус-

скому царю. Это предание бытует теперь во многих вариантах, сохраняющих основной сюжет.

Из песен того времени были записаны лишь обрядовые песни, которые по содержанию и форме очень близки современным песням такого рода.

Якуты представляли себе всю природу живой и одухотворенной; каждое явление природы имело своего духа-хозяина *(иччи)*. От этих духов-хозяев, по-видимому, обособились добрые, светлые духи (*айыы*) и злые, темные *(абаасы)*. Среди духов выделялись богатые, окруженные родственниками и челядью. Это — грозные духи, требующие почитания и жертвоприношений. Последним некогда совершались жертвоприношения родовыми старейшинами, но потом появились особые посредники между людьми и духами — шаманы (*ойуун*).

По представлениям якутов того времени, *кинкиниир киэнг аан дойду* («гулко звучащая широкая вселенная») состоит из трех миров: верхнего — *юэһэ дойду*, среднего — *орто дойду* и нижнего — *аллара дойду*. Верхний мир разделяется на несколько ярусов. О нем говорили: *тогус хаттыгастаах добун маган халлаан* («девятиярусное пречистое светлое небо»). Иногда говорили, что небо и восьмиярусное и трехъярусное. Небо — круглое выпуклое, края его по окружности соприкасаются и трутся с краями земли, которые загнуты вверх, как тунгусские лыжи; при трении они издают шум и скрежет.

Верхний мир населен добрыми духами — айыы, покровительствующими людям на земле. Образ жизни небожителей носит патриархальные черты, отражая земной строй жизни. Айыы живут на небесах в разных ярусах. На самом верхнем, девятом ярусе живет со своим семейством и служителями Юрунг Айыы Тойон (Белый созидатель, господин, старец), создатель вселенной. Это верховное божество, по-видимому, было олицетворением солнца. На следующих ярусах неба живут другие духи: Дьылга хаан — божество судьбы, которого иногда называли Чынгыс хаан — именем полузабытого божества времени, рока, зимней стужи; Сюнкэ хаан Сюгэ тойон (Грозный хан Топор-господин) — божество грома. По поверьям якутов, он очищает небо от злых духов. Здесь же живут Айыыһыт — богиня чадородия и покровительница рожениц, Иэйэхсит — богиня покровительница людей и животных и другие божества.

Скотоводство, как главная отрасль хозяйства якутов, отразилась в образах добрых айыы, покровительствующих коневодству и скотоводству. Податели и покровители лошадей Киэнг Киэли-Баалы тойон и Дьёһёгёй живут на четвертом небе; Дьёһёгёя представляли в образе громогласно ржущего жеребца светлой масти. Подательница и покровительница рогатого скота Ынахсыт-хотун живет под восточным небом на земле.

Межродовые и межплеменные войны нашли отражение в образах воинственных полубожеств-полудемонов Улуу Тойона (Великого господина) и божеств войны, убийства и кровопролития — Илбис кыыһа и Оһол уола. Улуу Тойон выведен в эпосе божественным верховым судьей и создателем огня, душ людей и шаманов.

Средний мир якутской мифологии — это земля, которая представляется плоской и круглой, как сковородка, но пересеченной высокими горами и изрезанной многоводными реками.

Земля в олонхо и песнях изображается так:

Восьмиободная, восьмикрайная,
С миром и треволнениями,
Развестисто-разукрашенная прекрасная
Изначальная мать-родина земля.

Поэтическим олицетворением вечно живой растительности на земле является образ громадного священного дерева *аар кудук мас* или *аал луук мас*. В одном олонхо это дерево имеется на месте жительства почти каждого богатыря-родоначальника.

Средний мир населен людьми: якутами, тунгусами и другими племенами.

Под средним миром расположен нижний. Это — сумрачная страна, с ущербными солнцем и луной, со смутным небом, с болотистой поверхностью, с блеклыми колючими деревьями и травами. Нижняя страна населена однорукими и одноногими злыми существами *абаасы аймага*. Абаасы, исторгаясь из нижнего мира в средний, приносят людям вред; борьба с ними составляет основной сюжетно-тематический мотив олонхо.

Почитанием пользовались многие мифологические животные. В олонхо встречается фантастическая двуглавая или трехглавая птица *ёксёкю* с железными перьями и огненным дыханием; богатыри часто превращаются в таких птиц и быстро преодолевают дальние расстояния.

Из реальных животных почитали орла («сын небожителя» [11]) и медведя, из уважения к которому якуты даже не употребляли его собственное название (теперь оно совсем забыто), а звали его «дедушкой» (эһэ) [12]. Существуют легенды о том, что медведь когда-то сожительствовал с женщиной, которая произвела от него потомство; поэтому медведь не трогает женщину, если она покажет ему свои груди. Когда-то почитался и соболь: в мифологии было божество Киис тангара (соболь-бог), ныне позабытое. Тотемистические представления якутов отметил в начале XVIII в. Страленберг. По его словам, «каждый род имеет и держит в качестве священной особую тварь, как лебедя, гуся, ворона и пр., и то животное, которое род считает священным, он не употребляет в пищу, другие же могут его есть» [13].

В русских документах XVII в. описаны обряды присяги или *шерти*, связанные с религиозно-магическими представлениями. Самой простой формой шерти было питье воды с солью. Более сложна была присяга, состоявшая в том, что «мочат де в молоко или в кумыс соболи шитые с глазами и обсысают у соболей ноги и глаза, да серебро де скребут в молоко да пьют» [14]. Были и другие формы присяги. Особой мрачной поэзией отличалась старинная якутская клятва *андагар*, которую произносили перед очагом, сидя на черепе лошади.

С религиозными воззрениями якутов были связаны распространенные у них три способа погребения. Одним из очень древних способов было характерное для народов тайги так называемое воздушное погребение в «арангасе»: колоду с гробом покойника уносили в лес и клали на особую подставку, опиравшуюся на столбы. Так хоронили главным образом шаманов. Другим способом было зарывание в землю. Встречаются могильники, где гроб был положен на поверхность земли и обсыпан землей и дерном и сверху застроен амбаром. Третьей формой было трупосожжение, которому подвергались умершие вдали от родных мест; на родину приносили и зарывали только пепел. Сжигали также погибших насильственной смертью, особенно во время межродовых войн. По этому поводу русские

---

[11] В. М. Ионов. Орел по воззрениям якутов. Сб. МАЭ, т. I, 1913, вып. XVI.

[12] В. М. Ионов. Медведь по воззрениям якутов. Прилож. № 3 к «Живой старине», 1915, стр. 51—58.

[13] С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 52.

[14] «Якутия в XVII веке», стр. 182.

служилые сообщали со слов самих якутов: «извычай у них таков, что убитых зжгут» [15].

Частью погребального обряда была мистерия освящения *кыыс тангара* — вселение души преждевременно умерших дочерей родоначальников в куклу. Куклу эту помещали в берестяной кошель *тюктюя* или богато расшитый турсук и ставили в углу левой части балагана. *Кыыс тангара* воздавали почести, перед ней ставили угощение, как перед живым человеком. По-видимому, имелись тюктюя с изображением и мужчин, называемые *бах тангара*. По поверью, эти тангара охраняли людей и скот от зловредных действий мелких абаасы. Об этом имеются любопытные свидетельства в документах. В 1653 г. намский якут, князец Ника Мымаков, жаловался на нескольких одейцев, что они «покрали боги мои», в результате чего «того часу померли у меня напрасно кобыл и коров числом 70». Ответчики не запирались в том, что они действительно украли богов Ники, но заявили, что тогда же вернули их хозяину [16].

У якутов того времени было распространено шаманство. Шаманы или ойууны во время камланий *(кыырыы)* испрашивали у духов возвращения здоровья больному, благополучия коням и рогатому скоту, удачи в военных походах и т. п. В портфелях Миллера имеется следующее описание якутского шамана, относящееся к 1737—1738 гг.: «Якуцкой народ по своему обыкновению имеет шаманов. А у шаманов платье, которое при шаманстве, обвешено вокруг железными трубцами; и промеж трубок, и по долу и по рукам веслые ремешки по полуаршину; да они ж и за болящих отдают жертву бесам, скот бьют, не источая кровь, мясо едят сами, а кожи с костями вешают на деревья» [17]. Очевидцами описаны и шаманские обряды. Камлание состояло обычно в экстатической пляске с пением и ударами в бубен; таким образом шаман якобы путешествовал к духам и упрашивал или отгонял их.

Отдельные шаманские магические обряды были связаны с бранной жизнью времени межродовых войн, с беспрерывными стычками между отдельными родами и племенами. Шаманы тогда играли активную роль, обслуживая интересы своего рода и родовых глав. Был распространен обычай *илбис тардыы* — призывание кровожданого духа войны Илбиса, совершаемое перед выступлением в поход. Илбис — дух кровопролития и воинственности — якобы вселялся в воинов. Обычай этот сохранялся до средины XVIII в.

Производились также камлания и магические действия с целью погубить личного врага. От XVII в. осталось много судебных дел о «порче» шаманами людей и скота (о последнем упоминания встречаются реже). Любопытен случай (1678 г.), когда одного шамана по имени Деки обвиняли в том, что он, превратившись в медведя, загрыз человека. «Как де он Деки шаман обратился своим волшебством медведем и пришед того Булгуя изъел, и тот де Булгуй от того его волшебства летом умер». Шаман Деки отрицал свою вину в смерти Булгуя, но, по показаниям свидетелей, он сам «похвалялся» тем, что «портит» людей [18]. Такая похвальба часто применялась шаманами с целью устрашения окружающих. Однако навлечь на себя подозрение в «порче» для шамана было все же небезопасно: это могло повлечь за собой кровную месть. Известен случай, как в 1646 г.

---

[15] «Якутия в XVII веке», стр. 181.

[16] Там же, стр. 180.

[17] Н. Бакай. Историко-этнографические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII века. «Известия Вост.-Сиб. отдела Русск. геогр. об-ва», т. XXV, № 4—5, Иркутск, 1895, стр. 94.

[18] «Якутия в XVII веке», стр. 179.

шаман Дурун (по преданиям, мальжегарец Соххор Дуурай) был убит Откураем, сыном Тыгына, за то, что тот «уморил... шаманством своим» жену и сына этого князца [19].

Шаманы не составляли какой-либо замкнутой общественной группы, они могли принадлежать к любому социальному слою. В документах и народных преданиях упоминаются князцы-шаманы. Уже в первых ясачных книгах 1632 г. и 1634—1635 гг. встречаются шаманы «Якутский князец Инен оюн Катулинской волости», в Мегинской волости «Онтой оюн», брат князца Оргуя «Кузеней оюн» и др. По преданиям, в конце XVII—XVIII вв. в Батурусской волости были шаманы-тойоны Суоллар Кыраһын и Кыпчыкын, в Намской — Еркён Быраайы, в Борогонской — Багырыннья и т. д. Однако в числе шаманов были и рядовые общинники, бедняки, в том числе и балыксыты. В ясачной книге 1648—1649 гг. упоминается одугейский шаман Ерсень, который не имел скота и жил за Алданом «на озерах». Скороульский шаман Согоро Доголоков тоже жил на озерах и имел всего одну корову. Мальжегарской волости «Гагя шаман Колчюров» жил «у Откуро Отконова в холопах».

Были шаманки-женщины — *удаган.*

Шаманы служили духовному закабалению народных масс, поддерживали отсталые воззрения, варварские обычаи кровной мести, кровавых жертвоприношений и т. п. Они упрочивали авторитет родовых глав, становившихся эксплуататорами народа, помогали им в обыденной жизни и во время военных столкновений.

Шаманы наносили населению немалый материальный ущерб. Они получали за свое «лечение» вознаграждение скотом, пушниной и другими ценностями, не считая подарков и угощений. В 1648 г. баягантайский якут Очей Когунеев жаловался на «Онюю шамана» Борогонской волости, который «наимовался у меня лечить... женишко мое, и найму у меня взял кобылу да корову, а женишко моего не излечил, и после его лечения на другой день и умерла, а он шаман тем наймом искорыстовался». По указанию шаманов люди резали скот в жертву духам — мнимым виновникам болезни; в результате больной или его родственники несли двойной расход — на шамана и на духов. Нередко этот расход был весьма значительным. В 1670 г. кангаласец Окунча жаловался, что он «лечась, убил 10 скотин, да сверх того шаманам да и лекарем дал... 5 скотин». Около 1680 г. баягантаец Оросун сообщал, что он лежал и лечился от ран целых пять лет и «издержал шаманам и лекарям» 5 коней, 5 кобыл, 3 соболя, 2 лисицы, круг серебряный и котел [20].

Несмотря на общую отсталость, якутским народом был накоплен богатый запас эмпирических знаний, вынесенных из хозяйственной деятельности и постоянных наблюдений над природой.

В старину якуты на основе правильных наблюдений над изменениями фаз луны научились делить год на 12 лунных месяцев. Название большинства этих месяцев было связано с производственными моментами. Так, например, март — *кулун тутар* — месяц привязывания жеребят (в этом месяце начинали доиться кобылы и жеребят приходилось привязывать, чтобы они не высасывали молоко маток). Июнь назывался *бэс ыйа* — месяц заболони, так как в этом месяце запасались сосновой заболонью, являвшейся большим подспорьем в питании мало обеспеченного якутского населения. Каждый из этих месяцев в свою очередь делили на три части: время до полнолуния *(ый сангата)*, время полнолуния *(ый туолуута)* и время ущербления луны *(ый эргэтэ)*. Год начинался с середины мая по

[19] «Якутия в XVII веке», стр. 178.
[20] Там же, стр. 177.

нашему счету; это было связано с концом зимы и переходом якутов с зимников на летники. Началом зимних месяцев считался первый снегопад, который приходился на начало октября.

Меры времени и пространства были связаны с хозяйственными работами и частями тела человека. Время дня делилось на части, названия которых соответствовали четырехкратной дойке коров летом (*сарсыардаангы ыам* — утренняя дойка, *кюнюскю ыам* — первая дневная дойка, *тёртюр ыам* — вторая дневная дойка, *киэһээнги ыам* — вечерняя дойка). Мелкие отрезки времени назывались: *кёс быстынга* — время, равное развариванию пищи в горшке (приблизительно час), *табаах быстынга* — время, равное раскуриванию трубки табака (примерно 10—15 минут). Мерами длины служили *кюннюк сир* — расстояние, которое проезжали в один день, *кёс* — приблизительно 10 км, *кёс ангаара* — половина, *кёс, былас* — маховая сажень, т. е. расстояние между концами вытянутых в сторону рук, *былас ангаара* — половина быласа, *харыс* — расстояние от конца оттопыренного большого пальца до конца среднего, *сюём* — четверть, *тутум* — кулак, *тарбах* — толщина пальца, *быһах энчёго* — толщина спинки ножа и т. д.

Наблюдение за жизнью животных и птиц, ростом растений, положением небесных светил позволили якутам выработать ряд примет, по которым они определяли время наступления зимы или лета, погоду и т. п., какое будет лето — засушливое или дождливое, какая вырастет трава, удачная ли будет охота или рыбная ловля. Эти приметы были выражением векового опыта народа, весь быт и хозяйство которого зависели от природных условий.

Якуты хорошо разбирались в анатомии, в первую очередь домашних животных и промысловой дичи. Они пользовались средствами народной ветеринарии и медицины, базировавшихся главным образом на опыте, хотя и переплетавшихся с различными суевериями. В качестве лекарей, помимо шаманов, выступали знатоки лечебных трав и примитивных хирургических приемов, например костоправы. «Если кто разобьет себе череп,— писал Линденау,— то на месте повреждения удаляют кожу, кости вынимают и рану перевязывают; если она начинает гноиться, к ней прикладывают бересту, меняя ее до тех пор, пока рана не заживет.

Перелом ноги лечат так: берут тонкие дощечки, обкладывают ими место перелома и перебинтовывают; больной должен непременно лежать в тепле и пить теплый юрюмэ (род сливок) и теплый умдаан (молочный напиток).

Если кого сильно изобьют и есть опасение, что он может от побоев умереть, берут какую-нибудь скотину, вспарывают ей брюхо, вырывают сердце и тот час же дают избитому сосать из него кровь» [21].

Изменения, которые происходили в якутском обществе после присоединения Якутии к Русскому государству, не могли не отразиться и на мировоззрении этого общества, на его идеологии, на его культуре.

В XVII в. царское правительство из фискальных соображений препятствовало распространению христианства среди якутов. Крещение тогда сопровождалось выходом из ясачного сословия, а главная цель правительства в Якутии как раз и состояла в максимальном взимании ясака. Священники, церкви и монастыри обслуживали только русское население Якутии. На протяжении всего века наблюдались лишь отдельные случаи крещения, преимущественно женщин или бедняков, неспособных вносить ясак. Крещеные якуты обычно отрывались от своей среды, жили среди русских, воспринимали их обычаи и занятия. Они могли «сесть на пашню»

---

[21] Я. Линденау. Указ. рукопись.

или поступить на «государеву службу». В список служилых людей 1681 г. было включено 26 таких новокрещенов. Часть крещеных делалась холопами русской служилой верхушки.

Со времен Петра I эта политика резко меняется: администрация уже не препятствует, а, напротив, поощряет крещение. С одной стороны, окрепшая царская администрация уже не опасалась, что она не сможет заставить крещеных якутов платить ясак, с другой — она надеялась, что именно церковь и миссионеры помогут ей в дальнейшем укреплении ее позиций. Более того, правительство рассчитывало, что «просвещение» поможет увеличить доходы казны: «Когда оной народ бога истинного познает, то и мерское свое бедное житие переменят и будут жить домами, тогда доходнее государству может быть, и хотя не самые те, кто крестятся, коих дети и внучаты в том утвердятся» [22].

С учреждением в 1731 г. Иркутской епархии христианизация якутского населения пошла особенно быстро. На первых порах для привлечения большего числа якутов к крещению населения соблазняли подарками и разными льготами. Указом Петра I от 1 сентября 1720 г. повелено было для «лучшей охоты» в вознаграждение при крещении давать каждому «по кресту тельному, что на персях носят, весом каждый по пять золотников, да по одной рубахе с порты и по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы, обуви чирки с чулками, а кто знатнее, тем давать кресты серебрянные по 4 золотника, кафтан из сукна крашеный, какого цвета кто захочет, ценою по 50 коп. аршин, а вместо чирков сапоги ценою по 45 коп... да денег мужеска пола выше 15 лет по 1 р. 50 к., с 10 лет до 15 лет по 1 р. ниже 10 лет по 50 коп., кто же примет крещение целым семейством, тем в домы давать по иконе». Ясачные якуты, крестившись, освобождались на пять лет от ясака.

Началось массовое крещение якутов. В улусах стали строить церкви, среди якутов разъезжали миссионеры. Нередко князцы крестились сразу со всем своим родом. Так крестился мегинский тойон Мелбестюров вместе со своими 156 сородичами.

С развитием классовых отношений старые религиозные представления больше не удовлетворяли складывающуюся верхушку якутского общества. Поэтому в XVIII в. тойоны, которые на первых порах были ярыми противниками всего русского, охотно стали перенимать религию развитого классового общества — христианство. Православие давало тойонам новое орудие идейного обоснования своего господства над трудовыми массами, более веское, чем шаманизм: оно проповедовало покорность и повиновение властям предержащим.

Насаждаемая сверху православная религия воспринималась по преимуществу формально. Якуты в душе оставались верными старой религии, продолжали верить в духов и приносить им жертвы. Из-за разбросанности населения на громадной территории попы навещали вверенную им «паству» иногда раз в 5—10 лет. Шаманы стояли гораздо ближе к повседневному быту населения. Поэтому христианство у якутов тесно переплеталось с шаманистскими верованиями. Однако мало-помалу, по мере перестройки хозяйственного и общественного уклада, по мере сближения с русскими поселенцами, христианство делало успехи в сознании якутов; оно постепенно подрывало основы языческих верований, хотя и не искоренило их совсем. Это было прогрессом: христианская религия как религия классового общества была неизмеримо выше шаманизма.

---

[22] Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области..., стр. 177.

Рис. 19. Надгробие типа «чардаат» крещеного якута XVIII в.

Общность религии влекла за собой более тесное общение между самими народами. Крещеные якуты скорее осваивались с русскими обычаями, русским образом жизни. Христианизация подрывала устои родового строя, служила дополнительным рычагом в разрушении прежних экономических, общественных и идеологических устоев.

Вхождение в состав Русского государства и общение с русским народом вывели народы Якутии из состояния вековой изолированности. Русские люди шаг за шагом прошли всю необъятную территорию Якутии, изучили природу и освоили богатства края, неся всюду свою культуру. А. И. Герцен говорил об этом процессе: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли за свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки, в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана» [23].

В многочисленных отписках землепроходцев, сохранившихся до наших дней, содержатся разнообразные сведения о местных народах, о почвенных и ботанических богатствах края. «Землицы» и реки, открытые ими, ими же самими наносились на карту («чертеж»), к которой прилагалась подробная «роспись» [24]. Все эти сведения, постепенно накапливаясь, являлись вкладом в развивавшуюся молодую русскую науку.

Доставленные в Москву в 1633 г. мангазейским воеводой А. Палициным «роспись» и «чертеж» основаны не только на устных рассказах, но и на набросках и описаниях служилых людей. Они уже содержат ценные географические и этнографические сведения о пути к Лене и о верхнем ее течении [25].

---

[23] А. И. Герцен. Полное собр. соч. и писем, под ред. Лемке, т. IX. Пг., 1919, стр. 458.

[24] ДАИ, т. II, № 95.

[25] См. ДАИ, т. II, № 89; РИБ, т. I, док. 213.

В 1667 и 1673 гг. на основании данных, почерпнутых из «чертежей» и «росписей», были составлены первые карты Сибири, где учтены открытия Стадухина, Дежнева, Пояркова, Хабарова и др. В 1675 или 1676 г. в Якутске была составлена подробная «Якутского уезда роспись дальным и ближним ясачным острожкам и зимовьям», очень интересная для исторической географии края [26]. Еще более полное понятие об Якутии дала географическая карта Сибири, составленная не позже 1689 г. в Москве переводчиком Посольского приказа Андреем Виниусом [27].

Замечательной сводкой всех географических знаний о Сибири и в том числе об Якутии явилась «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова (1698—1700 гг.), занявшая особое место в мировой географической науке. Из русских картографических работ в течение XVII—XVIII вв. черпали сведения европейские авторы — Витзен, Мессершмидт, Страленберг и др. В иностранной литературе и географических картах того времени широко использованы материалы русских землепроходцев о населении Сибири и Якутии, о природных особенностях края.

Были открыты и частично разрабатывались природные богатства Якутии — соль, сера, селитра, слюда, железо, драгоценные камни и металлы.

Все эти собранные русскими людьми географические и иные сведения о Якутии только положили начало знакомству с этим отдаленным краем; составленные на их основе карты не могли удовлетворить все возраставшие потребности русской науки.

Быстро развивавшаяся в XVIII в. русская прогрессивная наука выдвинула ряд выдающихся ученых во главе с гениальным самородком М. В. Ломоносовым. Основание в 1725 г. Академии наук, в 1755 г. Московского университета положило прочное начало развитию отечественной науки. Многие передовые ученые того времени прославили себя трудами по изучению северо-восточных окраин России и в их числе Якутии. До того как написать эти труды, они, участвуя в специальных экспедициях, всесторонне исследовали страну и ее население. Уровень русской науки того времени делал возможной организацию больших комплексных экспедиций, а политико-экономическая обстановка диктовала дальнейшие исследования на северо-востоке. Петр I, придавая большое значение выходам России к Тихому океану, поощрял исследования новых земель на его берегах.

Ученых Европы начала XVIII в. занимал вопрос, соединяется ли Азия с Америкой перешейком или же отделяется проливом: им не были известны открытия Семена Дежнева и других землепроходцев. Незадолго до своей смерти Петр I дал указание о дальнейших исследованиях на востоке Азии, поручив руководство экспедицией опытному мореплавателю Витусу Берингу. Петр I собственноручно написал инструкцию для этой экспедиции, дав ей задание выстроить на Камчатке суда и отправиться на них на север искать, где Азия «сошлась с Америкой». Петр рассчитывал найти северо-восточный проход — путь из Северного Ледовитого океана в Индию.

Экспедиция Витуса Беринга, или так называемая Первая камчатская экспедиция, в которой, наряду с Берингом, большую работу вел русский моряк А. И. Чириков, начала свою деятельность в 1725 г. и кончила в в 1730 г. Она охватила и территорию Якутии. Однако цель, которую поставил перед экспедицией Петр I, не была достигнута, хотя ей принадлежит целая серия географических открытий и исследований на северо-востоке Азии. Поэтому сразу по возвращении Беринга в Петербург встал вопрос

[26] А. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 12.

[27] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, XVII в. Л., 1939, стр. 24 и сл.

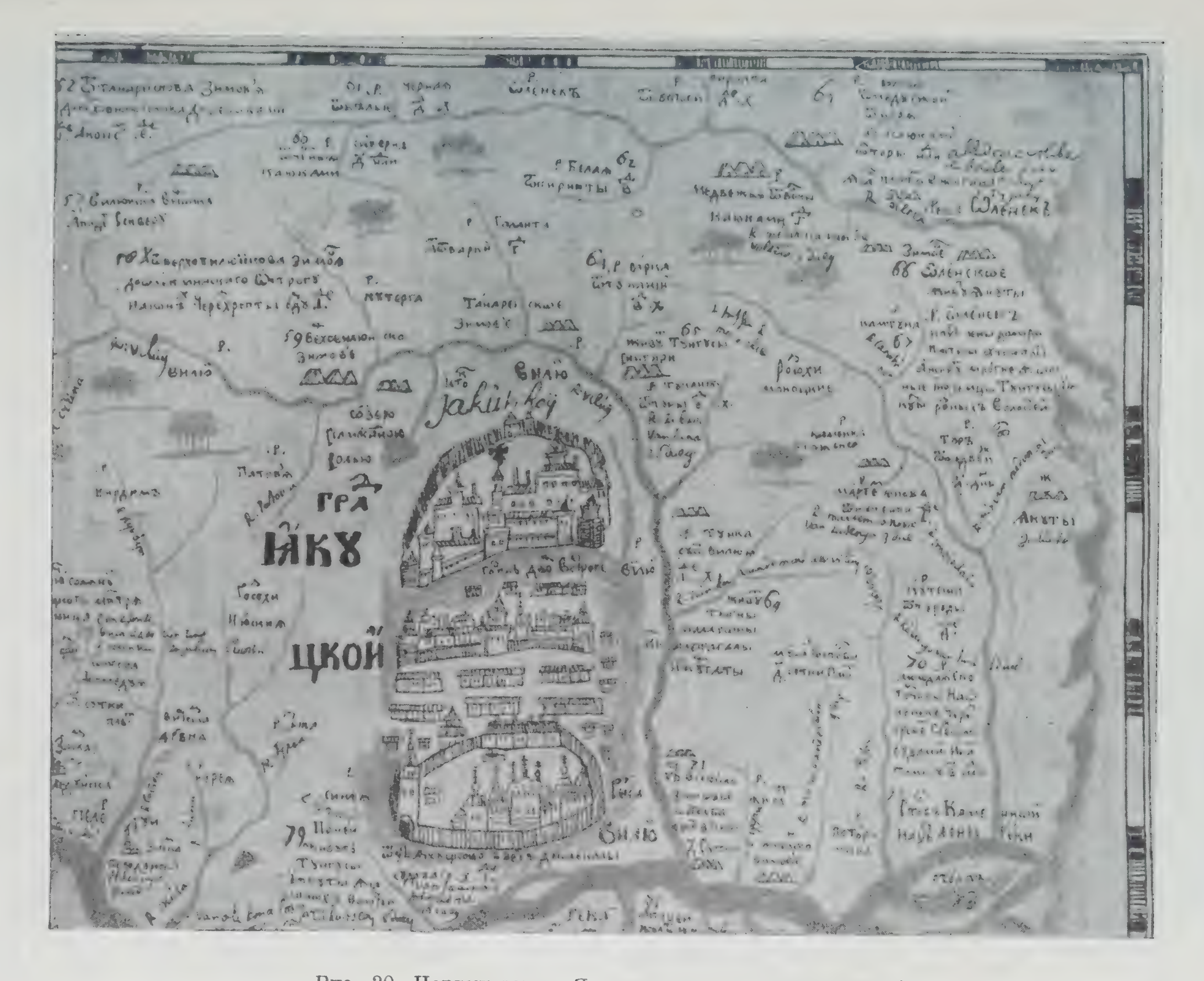

Рис. 20. Чертеж земли Якутского города (части листа).

Чертежная книга Сибири, составленная Семеном Ремезовым в 1701 г.

об организации новой экспедиции. Эту Вторую камчатскую экспедицию, длившуюся 11 лет (1733—1743), организовала вновь открытая Академия наук. Перед экспедицией ставились разносторонние задачи географического, естественно-научного и культурно-исторического исследования северо-востока Сибири и ее связей с Америкой. В экспедиции принимали участие крупнейшие ученые. Морская часть экспедиции находилась в ведении Беринга. Его первым помощником был тот же Чириков. Естественно научными наблюдениями занимался проф. Гмелин, сбором исторических материалов руководил академик Г. Миллер, много ценных материалов собрал и на основании их составил первое научное описание Камчатки студент С. Крашенинников, ставший впоследствии академиком.

Центром для работ экспедиции, в которой участвовало много местных людей — русских и якутов, был Якутск. В экспедиции насчитывалось свыше 600 человек, не считая проводников, чернорабочих и возчиков. Такое значительное количество людей, среди которых были крупные ученые разных отраслей знаний, само по себе было фактором культурного воздействия на местное население.

Заслуги участников экспедиции были очень велики. Братья Дмитрий и Харитон Лаптевы, Челюскин, Овцын, супруги Прончищевы, Красильников и др., проявляя беспримерный героизм, впервые описали морское побережье Якутии от Таймыра до Баранова камня на Чукотке. Оставленные ими чертежи, описания, геодезические материалы обращали на себя внимание картографов в течение двух веков. Экспедиция впервые провела астрономические и магнитные наблюдения в Якутии. Под руководством историка Миллера в Якутском архиве были сняты копии с важнейших исторических документов, освещающих историю края. Ввиду гибели подлинников многих документов копии Миллера являются ценнейшим историческим источником по истории Якутии XVII—XVIII вв. Часть их была издана в XIX в. Археографической комиссией Академии наук.

Интересные записи своих личных наблюдений по быту населения и данных по языку и фольклору оставили отдельные участники экспедиции. Таковы, например, материалы Якова Линденау. Натуралист Гмелин, наряду с капитальным исследованием флоры, опубликовал сведения о быте якутов и эвенков, их праздниках, религиозных обрядах и пр. Труды участников Второй камчатской экспедиции и по настоящее время ценны для изучения Якутии.

Кроме специалистов-ученых, в изучении края принимали участие и некоторые чиновники, которые за время своего продолжительного пребывания в Якутии изучали историю, быт и язык якутов и других народов, а также климат и природу. Таковы, например, судья Эверст и коллежский асессор Горловский [29], коллежский асессор Осип Матушевский и другие, оставившие важные материалы о якутах, в том числе «О достопамятностях, происшествии, равномерно вере, законе их, обрядах и о протчем» [30].

В составлении подобных описаний большую роль сыграли специальные вопросники, которые составили В. Н. Татищев по истории, археологии и этнографии, а Миллер — по географии, экономике, статистике и истории Сибири. Подобные опыты предпринимались и в позднейшее время, и упомянутые выше «описания» являлись ответами на запросы из центра. Авторы «описаний» до тонкости знали быт описываемых ими народностей, их работы насыщены ценными фактами и остро подмеченными деталями.

---

[28] ДАИ, т. II, III, IV, VI, VII, VIII, X.

[29] См. Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 43—46.

[30] См. «Сборник материалов по этнографии якутов», Якутск, 1948, стр. 38—46.

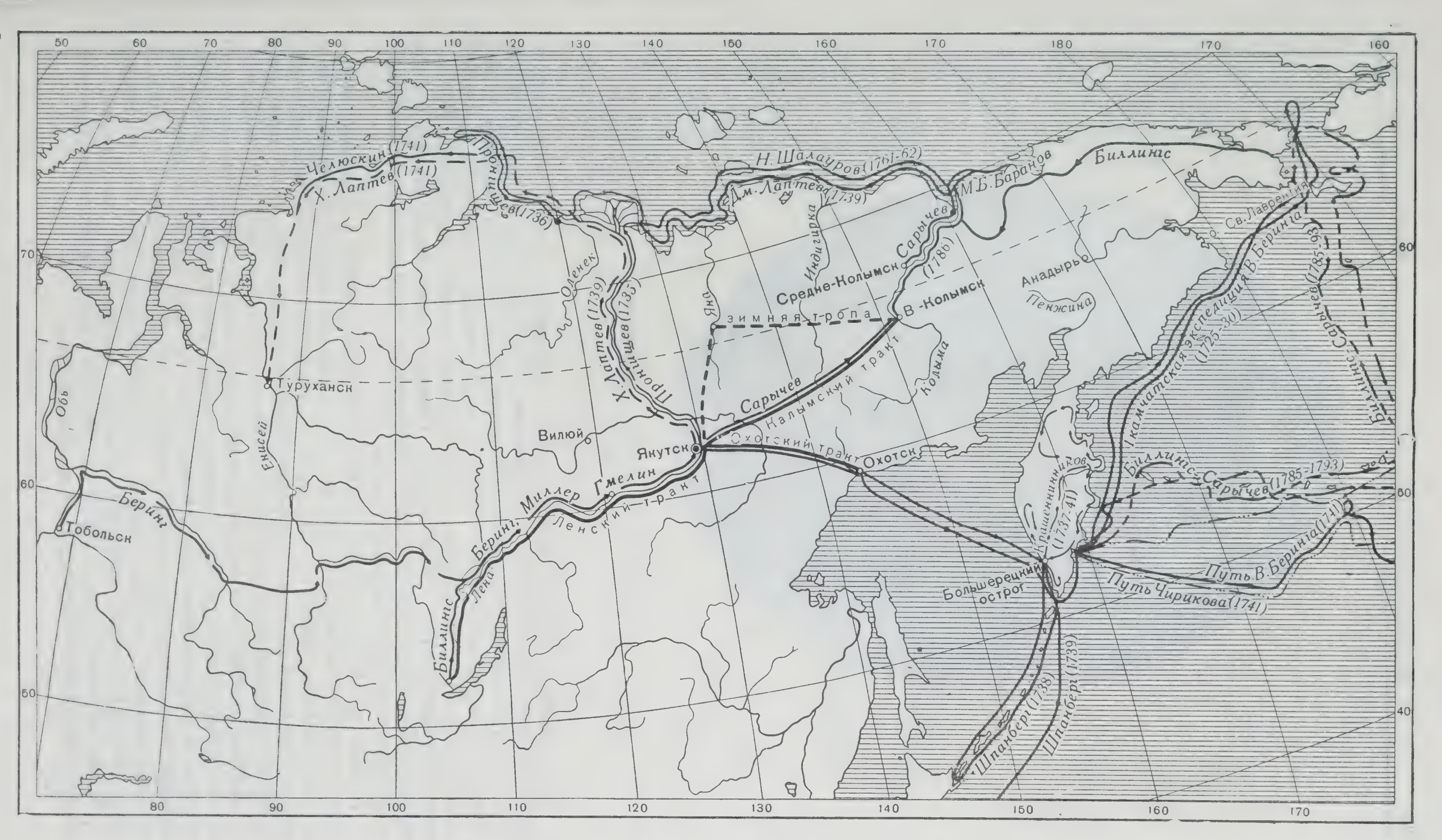

Рис. 21. Карта экспедиций в Восточную Сибирь XVIII в.

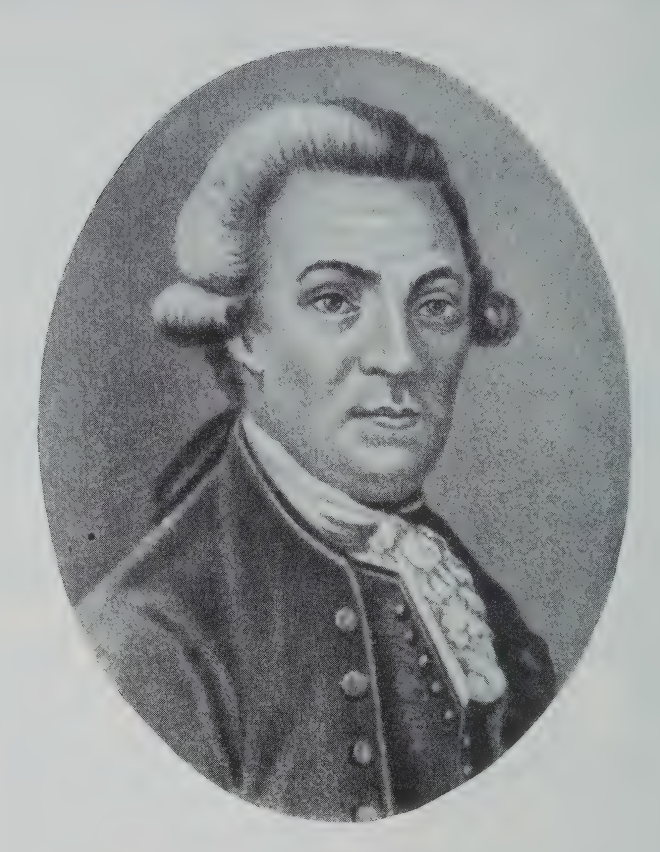

Рис. 22. С. П. Крашенинников.

Не меньшую ценность представляют рукописи, оставленные невольными обитателями Якутии — ссыльными. Особенно интересна рукопись 1747 г., адресованная Елизавете Петровне и написанная бывшим президентом Коммерц-коллегии Г. Фиком, пробывшим в ссылке в Якутском уезде 11 лет. Она характеризует чрезвычайно тяжелое положение Жиганского зимовья в 1730—1740-х годах. Наряду с описанием жизни и быта местного населения там показан сложившийся союз местного тойонства с различными чинами царской власти.

Ученые и путешественники внесли большой вклад в развитие экономики и культуры народов Якутии. Исследуя природные богатства края, его историческое прошлое, быт, язык и культуру его населения, представители передовой русской науки способствовали экономическому прогрессу Якутии. Деятельность видных ученых была тесно связана с Якутским краем. Значительный, хотя и кратковременный, приток культурных сил не мог не оказать благотворного влияния на местных людей, с которыми они входили в соприкосновение. А таких было немало. Все экспедиции и отдельные исследователи встречали самое активное содействие и помощь со стороны простых местных людей: русских, якутов, эвенков, юкагиров, жертвовавших жизнью ради, казалось бы, далеких целей экспедиции.

Таким образом, уже с XVIII в. русская наука оказывала ощутимое влияние на развитие культуры народов Якутии.

ЯКУТИЯ
В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ
(1760-1860 гг.)

ГЛАВА X

ЯСАЧНЫЕ РЕФОРМЫ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯКУТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В середине XVIII в. ясачное обложение в Якутии находилось в хаотическом состоянии. Ясак собирался по окладам, установленным в 1732—1734 гг. Попытки отдельных воевод произвести учет населения успеха не имели, начатые переписи не были завершены.

В 1760-х годах в Сенат поступило несколько донесений из Якутии о неурядицах в сборе ясака. Особое внимание привлекли донесение и проект камчатского чиновника, впоследствии якутского воеводы Ф. Чередова (1660 г.), указавшего на «прекрайние разорения» ясачных людей Якутского и Охотского ведомств от непорядков при сборе ясака и неуравнительности ясачного сбора. «В какой ясашный платеж, по переписи воеводы Елчина, которая была назад тому лет пятьдесят, ясачные плательщики положены были,— писал Чередов,— в таком они и ныне находятца, а во время сих пятидесяти лет многие в роде их ясашныя плательщики примерли, а иные размножились, отчего происходит, что ясашные плательщики платят ясак неравной: в одном ясаке соболином человека по 4, по 8, по 10-ти и 15-ти, а иной один принужден против них всех платить ясаков по пяти» [1]. Действительно, за многими волостями накопилась значительная ясачная недоимка. Пользуясь запутанностью документации, воеводы и ясачные сборщики расхищали ясачную пушнину, а князцы уклонялись от взноса собранной пушнины, ссылаясь на большое число больных, старых, беглых и умерших. Чередов показал в своем проекте, что устарела сама форма обложения. «Тягость ясачные плательщики в платеже ясака несут от следующего: обоброчены в оклады соболиные и лисьи, где тех зверей в промыслу не бывает» [2]. В связи с этим для уплаты ясака соболями население вынуждено было направлять партии охотников к Охотску или покупать соболей. Обычно продавцами выступали сами ясачные сборщики. В Якутске они скупали низкосортные шкурки соболей по 2 р. 50 к.— 3 руб. за штуку и перепродавали этих соболей в ясачных волостях по 8 руб. за штуку, но брали не деньгами, а белкой или горностаем по местной низкой цене. Приобретенную пушнину они сбывали в Якутске в два раза дороже [3].

В своем проекте Чередов предложил провести перепись и расположить ясак по достаткам, ввести новые ясачные оклады, т. е. в ясак принимать не только соболей и лисиц, но и белок, песцов, оленью замшу, мамонтовую кость, деньги. Для пресечения злоупотреблений со стороны ясачных сборщиков Чередов предложил возложить сбор ясака на князцов, а также производить суд по обыкновению ясачных людей, привлекая к разбирательству тяжеб тех же князцов.

[1] ЦГАДА, ф. 263, оп. 1, кн. 19, л. 42.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 43.

Предложения Чередова были переданы Сенатом на рассмотрение известного участника Второй камчатской экспедиции контр-адмирала Дмитрия Лаптева. Поддержав проект, Лаптев предложил все же сохранить объезды дальних зимовий ясачными сборщиками, но накладывать на сборщиков штрафы за обиды ясачным людям и запретить писать векселя на ясачных людей [4].

В 1763 г. о злоупотреблениях при сборе ясака в Якутии писал в своем рапорте сибирский губернатор Соймонов: «Верноподданным ясашным народам и камчадалам,— сообщалось в рапорте,— несносные обиды грабителства и раззорении не токмо не прекращаютца, но еще час от часу возрастают» [5].

Самый порядок сбора ясака открывал широкие возможности для вымогательств и произвольных поборов. «Ясачные сборщики да и з женами ездючи по ясашным жилищам,— писал Соймонов,— не принимая наперед в казну ясаку, приносимые в ясак звери, берут прежде себе во взяток, называемый по тамошнему обыкновению беляки (белях — подарок.— *Ред.*), и потом уже збирают ясак, да и то с великими приметками, принуждая, у кого нет в платеж ясаку мяхкой рухляди, платить оную, а за иных кладут и своими соболми, обирая за то с тех ясашных другим зверем на немалую цену, да сверх того берут за воск, имут же за печатание с соболя по 12, с лисицы и з денежных окладов по 5 копеек» [6]. Якутские воеводы торговали правом сбора ясака, предоставляя его тем, кто давал наиболее крупную взятку [7]. В рапорте Соймонова отмечалось, что все якутские служилые люди без изъятия оказались повинными «в похищениях высочайшего ея императорского величества интереса», что все они находятся под следствием и «к определению в 762 г. к збору ясака ни одного чистого не явилось» [8].

Для пресечения непорядков Соймонов приказал главному командиру Анадырской крепости подполковнику Плениснеру, следовавшему через Якутск, собирать жалобы ясачных людей и передавать их в Якутскую воеводскую канцелярию. Эти жалобы были собраны и поступили в суд. Как отметил сам же Соймонов, «иноверцы никакого себе удовольствия... не получили потому, что они никаких канцелярских обрядов и письменных производств не разумеют» [9]. В связи с этим Соймонов предложил не чинить якутам «суд по форме». Для следствия по делам о злоупотреблениях при сборе ясака им был направлен в Якутск прапорщик Дуреев с правом производства упрощенного суда. Однако заменить взяточников и казнокрадов в Якутской воеводской канцелярии было некем, и ясачные сборщики остались на своих должностях.

Но с начала 1760-х годов общее положение в стране, в том числе и в Сибири, начало несколько меняться. Правительство Екатерины II, пытавшееся реформировать налоговое обложение и государственное управление, обратило внимание на упадок ясачных поступлений из Сибири. Злоупотребления губернаторов, воевод, ясачных сборщиков достигли таких размеров, что стали серьезно угрожать интересам казны.

6 февраля 1763 г. Екатерина II подписала указ о направлении в Сибирь «Комиссии о расположении ясака» во главе с лейб-гвардии секунд-майором Щербачевым [10]. В указе отмечалось, что «по всей Сибирской губернии и

---

[4] ЦГАДА, ф. 263, оп. 1, кн. 19, лл. 59—64.
[5] Там же, л. 232.
[6] Там же, лл. 233.
[7] Там же, ф. 199, оп. 1, д. 500, л. 39; ф. 263, оп. 1, кн. 19, л. 234.
[8] Там же, ф. 263, оп. 1, кн. 19, л. 235.
[9] Там же, лл. 232—233.
[10] ПСЗ, т. XVI, № 11749.

Иркутской провинции положенный ясак с тамошних жителей с крайним отягощением и беспорядком собирают», а ясачные сборщики грабят и разоряют «беззащитных ясачных». Комиссии предлагалось «вновь в оклад всех ясачных по состоянию каждого места переложить» [11].

Попытки упорядочить ясачное дело предпринимались и раньше. В Сибирь посылались следственные комиссии, нарочные ревизоры, облеченные большими полномочиями. Комиссии и ревизоры вскрывали чудовищные злоупотребления, массовые случаи казнокрадства; виновных смещали, наказывали, но их преемники продолжали обогащаться за счет казны и коренного населения. В отличие от предыдущих комиссий, комиссия Щербачева была снабжена особой инструкцией императрицы, из которой видно, что предполагалась не простая ревизия, а коренная перестройка ясачной системы — передача сбора ясака князцам и старшинам и устранение от сбора ясака низовой русской администрации. «...Призвавши одних только их князцов и старшин, увещевать, чтобы они для собственного своего облегчения от чинимых им при выезде в их улусы и кочевья от сборщиков обид и раззорения приняли полагаемый на них по числу действительных плательщиков оклад платить повсегодно в казну нашу зверем или деньгами, не с каждого плательщика порознь, но суммою со всего улуса» [12]. Предполагаемая реформа представляла собой попытку правительства с фискальными целями опереться на местные полуфеодальные элементы и при этом перейти от индивидуального обложения ясаком к обложению целых волостей.

Щербачев пробыл на посту главы комиссии недолго. В 1764 г. «Комиссией о расположении ясака» было поручено руководить вновь назначенному сибирскому губернатору И. Д. Чичерину [13], так как права и полномочия губернаторов после издания «Наставления губернаторам» были резко расширены. Для проведения ревизии и переобложения Чичерин учредил «Тобольскую главную о расположении в Сибирской губернии вновь ясака Комиссию». В воеводских городах Сибири, в том числе и в Якутске, были созданы особые «комиссии о расположении ясака», подчинявшиеся Тобольской комиссии. Во главе Якутской ясачной комиссии был поставлен якутский воевода Мирон Черкашенинов, освобожденный в связи с этим от обязанностей воеводы [14].

В новосозданную ясачную комиссию Сенат особым решением передал разбор донесений Чередова и Соймонова. Предложения их были комиссией учтены.

Свою деятельность Якутская ясачная комиссия начала в 1766 г. Согласно инструкции, данной Щербачеву (ею пользовались все местные ясачные комиссии), из Якутской воеводской канцелярии были вытребованы старые переписные и окладные книги. Руководствуясь ими, комиссия начала перепись населения. Сведения о численности населения (учитывались только лица мужского пола), данные об экономическом состоянии, образе жизни, местах обитания и размерах ясачных платежей комиссия получала от князцов и старшин. Для этой цели они вызывались из центральных и вилюйских волостей в Якутск, где давали свои показания. В дальние зимовья были отправлены члены комиссии для производства ревизии на месте. Показания князцов комиссия излагала в стереотипных выражениях

---

[11] ПСЗ, т. XVI, № 11749.

[12] И. Булычев. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856, стр. 254—255.

[13] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 234.

[14] Там же.

в виде подписок князцов. Менялись лишь цифры и данные о местожительстве. Тем не менее эти показания в целом достаточно ярко рисуют хозяйство и образ жизни якутов второй половины XVIII в.

Вот один из образцов этих подписок-показаний:

«1767 года октября 29 дня в находящейся в городе Якутске о расположении ясака Комиссии в присутствии коллежского советника Черкашенинова Якутского ведомства Мегинского улусу Тулагинского роду князец Хачал Балыков с ниже подписавшимися старшинами сею подпискою объявил в том, что они с родниками своими жительство имеют Якутского ведомства по полям и подле озер и по островам в расстоянии от города Якутска в двадцати верстах своими юртами. Скотоводство конное и рогатое. Для прокормления оного, сенных покосов посредственно имеют и для езды употребляют лошадей, а в работы поблизости быков. Питаются скотоводные молоком и разным зверем и рыбою, а неимущие скота — сосновою корою сваря с таром, сделанным из кислого молока, кореньями, по якутскому званию сарана. В их жилищах местами леса имеются листвяк, сосняк, березняк, ельник, чернотал, в них звери бывают годом набеглые лисицы красные, горностали, белки и зайцы и то самое малое число, а соболей в их местах, как они и старожилы запомнят, нет, и они (как прочие тонгусы) для промыслу оных по непривычке не ходят. Для бития зверей употребляют луки со стрелами, а огненного ружья не имеют и им оное и пороху не потребно» [15].

Надо сказать, что большинство якутов по-прежнему сочетало разведение скота с охотой и рыболовством. В «Описании якутской провинции», составленном неизвестным автором в 1794 г., так описан хозяйственный календарь якутов. «С 20-го числа июня здирая с дерев сосновую кору и суша оную запасаются для пищи на зиму, потом косят сено, по прошедствии же осени отлучаются в леса для промыслу зверей.., возвращаются с промысла из ближних мест в декабре, а из дальных в марте и апреле» [16]. «Промысел якутов,— отмечалось в «Описании»,— состоит единственно в улове зверей и в промене их на хлеб, на потребные для них железные вещи... ловят также для пищи и рыбу» [17].

Отдельные хозяйства амгинских якутов, соприкасавшихся с русскими крестьянами, пытались заниматься хлебопашеством. В 1762 г. некий Данилов, производивший по указанию воеводы поиски мест, пригодных к хлебопашеству, отметил в своем рапорте, что видел «огурод» бологурского новокрещенного якута Екима Борисова на речке Колюче и пашню бывшего князца Чекырской волости Намлыма Кусегеева. Амгинские и татинские якуты, по свидетельству Данилова, сеяли ячмень и ярицу [18].

Особое внимание воеводская администрация уделяла пушному промыслу, пытаясь восстановить эту отрасль хозяйства якутов.

Как отмечалось выше, в центральных улусах соболи и лисицы были в значительной мере выбиты. В связи с этим для промысла соболей богатые князцы организовывали далекие экспедиции. «На соболиной [промысел] посылают князцы сродников своих и дают им по одной лошади, да на пищу каждому по три кобылы, по две ноги мяса кобылья, да по три пуда масла. За сим промыслом выходят с 1-го сентября, а возвращаются обыкновенно

---

[15] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 2. Аналогичные подписки опубликованы С. А. Токаревым (Очерк истории якутского народа, стр. 118) и Г. П. Башариным (История аграрных отношений в Якутии. М., 1956, стр. 367—368).

[16] Рукоп. фонд Гос. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 238, тетр. 6, л. 15.

[17] Там же, л. 17.

[18] ЦГАДА, ф. 263, оп. 1, кн. 19, лл. 221—223.

не прежде исхода апреля месяца, приносят каждый от 2 до 10 соболей, которых ловят в весьма отдаленных по рекам около Амура протекающим местам, в ковымских зимовьях и около Зашиверска»[19]. Партии якутов-охотников отправлялись охотиться даже на побережье Охотского моря[20].

В подписках-показаниях сообщалось также, каким образом платит каждая волость ясак: «За неуловом же зверя и по неимению в их местах соболей,— говорится в подписке Мегуренского рода,— покупают в городе Якутске у купцов, а особливо лисицы красныя ис привезенных сверху Лены реки, и с таких, которые и прежде от них в ясак положены были до сего сродниками своими, платили они в казну ее императорского величества ясаку соболей семь, лисиц красных сорок три, денег восемьдесят восемь рублей». Заканчивается цитированное показание мегуренцев так: «Чувствуя высочайшее ее императорского величества к ним милость и защищение, желают они с родниками своими добровольно без всякого принуждения и себе с родниками без отягощения к тому прежнему платежу прибавить соболей два, лисиц красных пять, да за деньги за восемьдесят за два рубли за пятьдесят копеек лисиц красных сорок две, и токо быть имеет соболей семь, лисиц красных восемьдесят семь, не с каждого порознь, но суммою, кои оклады они по общему с родниками согласию располагать должны»[21].

Хотя подписки составлены по стандарту, из них видно, что размер ясачного платежа для каждой волости определялся в зависимости от прежних платежей, от размеров сенокосных угодий, состояния скотоводства и промыслов. Увеличение ясачного оклада, было, очевидно, основной целью, к которой стремилась комиссия. Хотя оно и мотивировано в подписках личным согласием родоначальников, в действительности же производилось комиссией, по-видимому, на основании переписных данных.

К подпискам прилагались ведомости о числе мужских душ в каждом наслеге с указанием возраста. В конце ведомости показывалось число родовичей от 18 до 50 лет, стариков свыше 50 лет, детей и подростков. Так в 3-й Тагуйской волости князца Женокова был выявлен 71 человек мужского пола, в том числе 31 человек в возрасте от 18 до 50 лет. Судя по этим расчетам, приложенным к каждой ведомости, можно полагать, что основным для определения общего размера ясака были численность и возрастной состав населения. Об этом же свидетельствуют и приписки о размерах ясака, наложенного на волость. «На оную волость (3-ю Тагуйскую.— *Ред.)* ныне наложено ясака платить в каждый год в городе Якутске в Якутскую воеводскую канцелярию в июне месяце по неимению в их жилищах зверей деньгами за четырнадцать соболей, за каждого по семи рублев за шестьдесят лисиц красных за каждую ж по два рубли, итого двести восемнадцать рублей. Итако на выше писанное число душ для одного только исчисления ис показанной положенной суммы обойдется по три рубля по семь копеек с долями на каждого человека»[22].

Комиссия стремилась насколько возможно обеспечить платеж ясака мехами. В связи с этим она формально сохранила традиционные оклады — соболиный и лисий, уничтожив менее распространенные горностаевый и беличий[23]. В случае неулова зверей комиссия разрешила выплачивать ясак «неокладным зверем», т. е. горностаями, белками, песцами или деньгами.

---

[19] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, д. 2, л. 120.

[20] Рукоп. фонд. Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 238 тетр. 6, л. 45.

[21] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 23, л. 1—2.

[22] Там же, д. 99, лл. 94—97.

[23] Ср. Г. П. Б а ш а р и н. История аграрных отношений в Якутии, стр. 79—100.

Платежи, приходившиеся на одну мужскую душу, колебались по волостям. Очевидно, комиссия принимала во внимание и такие обстоятельства, как месторасположение наслега и обеспеченность скотом. В большинстве волостей на мужскую душу приходилось 1—2 руб. ясака.

Во всем Якутском ведомстве было выявлено переписью 37 782 души мужского пола, тогда как по прежней переписи, проведенной в 1730-х годах, их значилось лишь 14 868. Следовательно, мужское население в Якутии увеличилось на 22 218 душ [24]. В Сибирской (Тобольской) губернии за этот период коренное население выросло на 2559 мужских душ, а по всей Сибири, включая Якутию и Камчатку,— на 33 488 душ. [25].

В связи с резким ростом населения Якутии был увеличен и ясачный сбор. По новому переобложению со всех улусов и зимовий Якутской области причиталось 45 544 руб.[26] Сумма ясачного сбора в Якутии возросла на 29 218 руб., т. е. больше чем в два раза, тогда как в Мангазейском уезде — лишь на 656 руб., по Енисейскому уезду — на 415 руб., а по всей Сибири вместе с Якутией — только на 33 525 руб. [27]. По отдельным якутским волостям ясачный сбор увеличился в два с половиной раза (например, в Мегинском улусе — с 1139 руб. до 2871 руб.).

Таким образом, одним из результатов работы ясачной комиссии было резкое увеличение ясачного сбора.

С целью урегулирования отдельных вопросов, связанных со сбором ясака, комиссия издала несколько указов. Так, был издан особый указ о том, чтобы не писать в ведомостях и книгах языческие имена крещеных якутов. Так как новокрещеные пользовались трехлетней льготой по уплате ясака, то некоторые якуты, если их христианские имена с годами забывались или же не упоминались в книгах, крестились вновь и опять получали льготу [28]. Опасаясь, что русские крестьяне, мещане и купцы скупят в якутских волостях пушнину и подорвут ясачный сбор, комиссия подтвердила запрещение русским людям жить в ясачных волостях и ездить туда без специальных письменных разрешений. Был также подтвержден запрет торговать пушниной до окончания ясачного сбора [29].

С целью увеличения натуральных поступлений пушнины в ясак комиссия предупредила ясачных людей, чтобы при отсутствии соболей и лисиц они в ясак вносили горностаями и белками, «а деньги платили бы тогда, когда уже всего промыслу зверей не будет» [30].

Передав сбор ясака князцам и старшинам и отменив объезды якутских волостей ясачными сборщиками, комиссия в 1769 г. упразднила аманатство. Фактически заложников с большинства якутских волостей перестали брать уже во второй половине XVII в. В 1768 г. в Якутском остроге было всего 14 аманатов, по-видимому, тунгусов, которые, согласно этому указу, были освобождены. «Как возможно,— говорилось в особом указе,— приводить, штоб ясак платили ясашные сами собою без аманатов; разве которая волость или улус явное на себя в чем подозрение подаст, с таковых брать аманатов и содержать на их коште, какой от них определен будет, объявляя им, што то учинено им в штраф и перед другими верными во стыд» [31].

---

[24] ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, л. 139.
[25] Там же.
[26] Там же, л. 136; Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области..., стр. 137 (в обоих документах имеются незначительные расхождения).
[27] Там же, л. 139.
[28] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 234.
[29] ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 366, лл. 122—127.
[30] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 238.
[31] Там же, стр. 240.

Комиссия постановила всех «празднопатающихся в городе Якутске без письменных от наслежных князцов и старшин видов ясашных, сыскав, наказывать и отсылать к их князцам со старшинами под караулом» [32]. Жителям Якутска было запрещено держать ясачных в работах без «канцелярского разрешения» [33].

Наконец, некоторые указы были прямо направлены на поддержание платежеспособности ясачных людей. Комиссия предупредила князцов и старшин: «А с родников своих, не только штоб для себя, но и другим на росходы, а особливо при платеже в казну ясака, никаких поборов и отягощения им не чинить под жесточайшим же наказанием» [34]. Во многих наслегах князцы были сменены, а в некоторых отобраны подписки в том, что родовичи довольны своими князцами. Особым указом комиссия в 1767 г. воспретила якутским должностным лицам самовольно взыскивать свои «частные» и «ложные» долги [35]. Эти мероприятия, разумеется, не могли ограничить произвол князцов.Как отмечалось в «Описании якутской провинции 1794 г.», обиженным родовичам предоставлялось право жаловаться на князцов в Якутскую канцелярию, однако этим правом никто не пользовался «по причине страха» [36].

С целью прекращения разорительных тяжб, «вследствие которых ясачные приходят в разорение и к платежу ясака не в состоянии», комиссия ввела в 1766 г. некоторые правила, связанные с выплатой калыма: возвращать калым обиженным, если невеста бежала с другим, наказывать бежавших и подговоривших плетьми, извещать князцов и старшин о сговоре и т. д.[37].

В связи с тем, что в Олекминском комиссарстве началась в 1768 г. эпидемия, комиссия, отметив, что мертвых «по своему зловерию кладут на столбах, сделавши лобаз» и «упалой от поветрия скот употребляют себе в пищу», издала указ, «чтобы впредь мертвые тела загребали, а скот закапывали в ямы, не снимая с них кож». При этом было предложено «доводить их до исполнения законов увещеванием, добровольно, а не строгостью» [38].

Чтобы заинтересовать князцов в сборе ясака, комиссия Черкашенинова, основываясь на инструкции Екатерины II, предложила за исправный платеж ясака давать им подарки «цветным сукном и добрым табаком». Сибирская комиссия Чичерина утвердила это предложение Якутской ясачной комиссии, указав: «Сии подарки должно производить им князцам тогда, ежели они исправно и бездоимочно в другой гоп ясак собирая, куда следует отдавать будут, и то не более, как от каждой тысячи на двадцать рублев, а ежели меньше тово — по расчету што причтетца» [39].

Отчисляя 2% ясачного сбора в пользу князцов и старшин, правительство пыталось материально поощрить новых сборщиков ясака. Таким образом, князцы и старшины стали официально, хотя и в незначительной степени, участвовать в дележе доходов, получаемых государством с ясачных людей. В конце XVIII в. князцов и старшин за исправный сбор ясака

---

32 ААН, ф. 161, оп. 1, д. 8, л. 5.
33 Там же.
34 Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 231—233.
35 ААН, ф. 161, оп. 1, д. 8, л. 14.
36 Рукоп. фонд. Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 238, тетр. 6, л. 72.
37 ААН, ф. 161, оп. 1, д. 8, лл. 8—11.
38 Там же, лл. 3—6.
39 Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 235—236.

одаривали не только сукном, табаком и огнивами [40], но и кортиками с монограммами и медалями. Такие знаки отличия поднимали их авторитет среди коренного населения [41].

Своими установлениями первая Ясачная комиссия фактически подтвердила, что ясак потерял свое былое значение и превратился в полунатуральный и полуденежный сбор. После работы комиссии население Якутии стало вносить ясак в значительной части деньгами. Так, например, из Олекминского комиссарства князцу Кангаласской волости Бясяню была в 1780 г. дана квитанция в уплате ясака: «Объявленный от тебя збору твоего сродников на сей 780 год за непромыслицею зверя деньгами за тридцать за три соболя по 7 руб.— 231 руб., за лисицы за исключением с крестившихся семнадцати человек частей их 16 руб. 49 коп.— 167 руб. 51 коп., всего 398 руб. 51 коп. в казну приняты и в приход по окладу сего года книгу записаны марта 12 дня 1780 г.» [42]. Таким образом, из целой волости не поступило ни одной шкурки.

Не только из центральных, но и из дальних волостей и улусов ясак поступал главным образом в денежной форме. В 1793 г. по Жиганскому округу с 14 волостей в счет уплаты ясака было собрано мехов на 47 руб., а деньгами 1888 р. 50 к.[43]. В 1795 г. по этому округу было внесено деньгами 1790 р. 84 к. и мехами на сумму 135 р. 50 к., сложено по билетам с новокрещенов 136 р. 15 к. [44]. В 1801 г. по Жиганскому округу было собрано в ясак деньгами 1200 руб. и мехами 147 руб [45].

Разрешение заменять при сдаче ясака пушнину деньгами привело к оживлению торговли в Якутской области. Еще до мероприятий Ясачной комиссии 25 июля 1765 г. сенатским указом в Якутске была учреждена ярмарка, открывавшаяся зимой с 1 декабря по 1 января и летом — с 1 июля по 1 августа [46].

Князцы и старшины широко использовали право выплачивать ясак деньгами и извлекли из этой льготы немалую выгоду для себя, что отметила в одном из указов первая Ясачная комиссия: «Те князьки для своей корысти вздумали и принимают намерение, а особливо в тех волостях, в коих издревле соболей не было, взносить за те соболи по достатку своему собственные деньги, а после збирать себе белку ценою не свыше двух копеек, и так за семь рублев или за соболя можно получить триста белок и потому от семи рублей прибыли достанетца три рубли пятьдесят копеек, таким образом и от лисиц корыставаца будут, сверх того збирать на себе, яко за проезд и другие издержки и за провоз мяхкой рухляди деньгами и белкою» [47]. Таким образом, тойоны использовали сбор налогов для собственного обогащения.

Все же мероприятия, проведенные первой Якутской ясачной комиссией, в целом способствовали тому, что ясак из Якутии стал поступать более регулярно и недоимки сократились [48].

---

[40] В 1769 г. из Иркутской губернской канцелярии на подарки князцам было выслано в Якутск 400 огнив ценой по 2 рубля. Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 241.
[41] Якутский республ. музей, экспонаты № 11.863, 11.865, 11.866, 12.207.
[42] ЦГА ЯАССР, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 22.
[43] Там же, ф. 453, оп. 1, д. 83.
[44] Там же, д. 122, л. 15.
[45] Там же, д. 195.
[46] ПСЗ, т. XVIII, № 13139.
[47] Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 237—238.
[48] Ясачные реформы, проведенные первой Ясачной комиссией, совпали с рядом административных реформ в Сибири. В 1764 г. Сибирь была разделена на две губернии — Тобольскую и Иркутскую. Якутское воеводство вошло в состав Иркутской

Рис. 23. Оттиски печатей якутских князцов.

Деятельность первой Ясачной комиссии привлекла к себе внимание историков не столько благодаря произведенному ею ясачному переобложению (пересмотры ставок ясака производились и раньше), сколько потому, что в результате действий комиссии ясачное обложение было связано с землепользованием.

В целях прекращения потока жалоб и просьб Черкашенинов, еще будучи воеводой, в 1765 г. издал указ о запрещении продавать и покупать землю [49]. Этот запрет был затем подтвержден комиссией, издавшей указ «О бытии сенным покосам в владении за теми, за кем они состояли, и о невступании никого в посторонние покосы и угодья» [50]. Подобные указы рассылались по улусам в связи с поступлением оттуда жалоб и просьб. В указе, данном первой Ясачной комиссией князцам Батурусского улуса 27 августа 1766 г. говорилось: «Велеть, штоб никто из ясашных и русских в посторонние покосы и угодья не вступали и тем сами себя не разоряли, а особливо других улусов на чюжих местах кроме своих природных не жительствовали» [51]. В этом указе подтверждался запрет русским людям разных чинов пользоваться сенокосными угодьями якутов. При этом предлагалось, «штоб и якуты ни под каким видом своих сенокосных мест и других угодий не только русским людям, но и никому не продавали и в заклады не укрепляли и кроме того разве кому случитца для своих необходимых нужд, имея излишнее отдать в ка[зб]у (косьбу.— *Ред.*), или в кортом (аренду.— *Ред.*), и то не более на два или три года и тож запискою по канцелярскому обряду и с ведома своих князков» [52].

Запрет покупать и продавать землю, захватывать новые земельные участки, наложенный Якутской воеводской канцелярией и первой Ясачной комиссией, были, очевидно, прямым следствием мероприятий царизма по ограничению земельных прав непривилегированных сословий и некоторому упорядочению земельных вопросов. В марте 1765 г. правительством была учреждена Комиссия о государственном межевании «для пресечения беспрестанных между владельцами споров, тяжб и драк» [53]. В сентябре 1765 г. был издан манифест о генеральном межевании [54], в котором

губернии. В 1775 г. Иркутская губерния, согласно докладу губернатора Бриля, была разделена на провинции. Якутск стал провинциальным городом; Якутская провинция была разделена на комиссарства. В 1783 г., когда в Сибири были введены наместничества, Якутская провинция вошла в состав Иркутского наместничества.

[49] С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа, стр. 117.
[50] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 98, л. 11.
[51] ЦГА ЯАССР, ф. 29, оп. 2, д. 1, л. 28.
[52] Там же, л. 28.
[53] ПСЗ, т. XVII, № 12347.
[54] Там же, № 12474.

указывалось: «Никому, как владельцам и городам, так дворцовым, однодворческим и прочим всякого без изъятия казеного ведомства селам, слободам и деревням отнюдь не распространять отныне владения земель своих за те границы, в которых публикация сего манифеста каждого застанет»[55].

Указы первой Ясачной комиссии о запрещении покупать и продавать землю были истолкованы некоторыми историками как отмена частной собственности. Так, по мнению Левенталя и Виташевского, сельская община у якутов ко второй половине XVIII в. уже исчезла, а комиссия, отменив частную собственность, вновь восстановила сельскую общину[56]. С. А. Токарев обратил внимание на это «историческое недоразумение», указав, что получается впечатление, что якуты проделали обратную эволюцию от частной к общественной земельной собственности. На самом деле было иначе: во второй половине XVIII в. родо-племенные традиции еще продолжали существовать[57]. В общинном пользовании находились не только пастбищные и промысловые угодья, но и большая часть сенокосных угодий.

Характерно и то обстоятельство, что указы Черкашенинова о запрете продавать и покупать землю и, более того, об отчуждении участков некоторых крупных тойонов не вызвали столь частых в Якутии жалоб и протестов. Очевидно, частное землевладение в Якутии далеко еще не укрепилось, хотя дело шло к этому; общинное землепользование не только не исчезло, но считалось обычным и традиционным. Таким образом, указы Ясачной комиссии следует рассматривать как мероприятия, подтвердившие общинные порядки и в какой-то степени их законсервировавшие.

Раскладка платежей внутри волостей, согласно инструкции, передавалась на усмотрение самих общин, а фактически на усмотрение князцов, старшин и зажиточной части якутов. Так, в указе первой Ясачной комиссии, данном 8 января 1768 г. князцу Угулятского рода Охоче Лыткину по поводу утверждения его в этой должности, предлагалось: «Поборы между собою тем князцам и старшинам собрав всех богатых и убогих в купе и заблаговременно раскладывая друт на друга порядочно смотря всякого по достатку и пожиткам по их возможности и единственно на богатого з большою прибавкою, а на небогатых и неимущих против богатых же [з] большим уменьшением, дабы неимуший и сходной (скудный.— *Ред.)* пр[е]д богатым излишнего в платеже разорения не имел и чрез то в совершенную нищету и бедность не приходил, чего для со всяким смотрением друт друга уравнивать»[58]. Не менее важно и то, что комиссия прямо предписала князцу: «Зборщиков до раскладки между собой отнюдь недопущать и в том их не слушать»[59].

Указание комиссии о том, что ясак должен раскладываться согласно достатку, было слишком общим и неопределенным. Во многих волостях в связи с раскладкой возникли споры, и воеводская администрация вынуждена была вмешиваться в качестве арбитра не только в раскладку ясака, но и в распределение покосов. Очевидно, воеводской канцелярией была установлена определенная связь между тем и другим.

В центральных и вилюйских улусах в 1770—1782 гг. при участии представителей Якутской воеводской канцелярии были составлены именные ведомости по распределению сенных покосов. Одновременно были описаны

---

[55] ПСЗ, т. XVII, № 12474.

[56] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 270, 274.

[57] С. А. Токарев. Происхождение сельской общины у якутов. «Исторические записки», т. 14, стр. 171.

[58] ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 366, лл. 122—127.

[59] Там же.

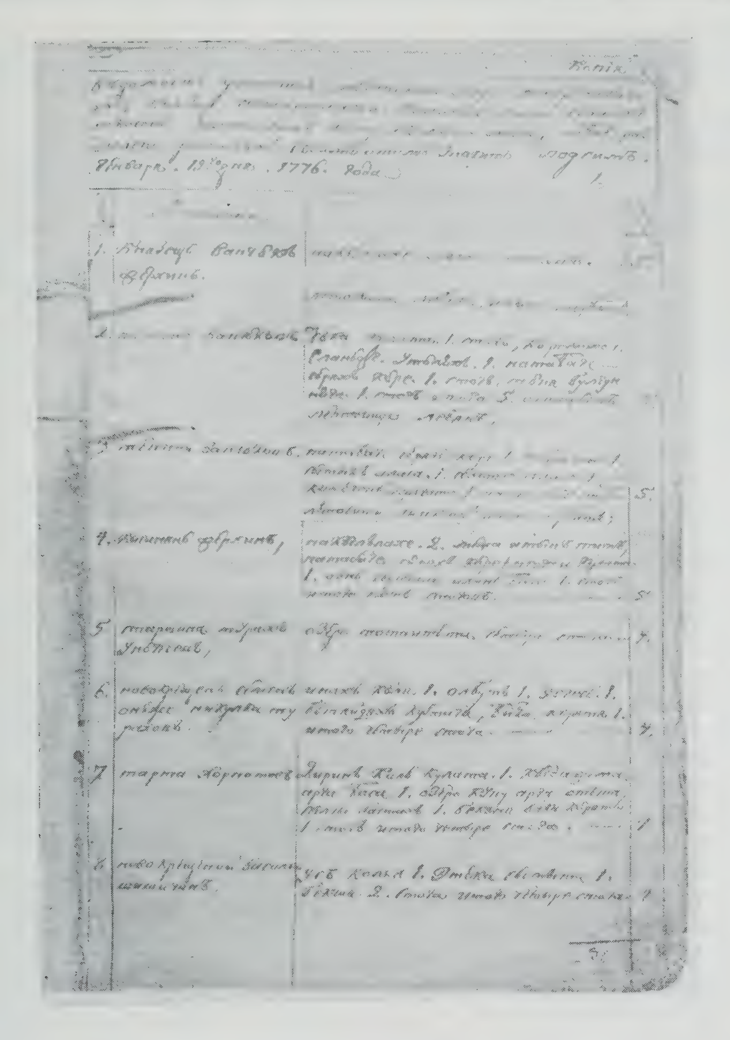

Января 19 дня 1776 года

Рис. 24. Образец земельной ведомости XVIII в.

границы наслегов, а в некоторых улусах уравнены покосные места между обществами [60]. Некоторые из этих ведомостей дошли до нас, так как при земельных тяжбах между наслегами спорящие стороны старались сослаться на земельные ведомости, составленные после деятельности первой Ясачной комиссии, где впервые перечислялись сенокосные участки, находившиеся в пользовании того или иного наслега. Хотя при составлении ведомостей множество сенокосных участков было скрыто, эти документы представляют собой все же несомненный интерес, так как показывают соотношение между выплатой ясака и землепользованием и в известной степени отражают социальные отношения среди якутов. Вот образец такой ведомости:

[60] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 277—278.

Ведомость учиненная Мегинского улусу Майрутского роду князца со старшинами, каликое число сенных покосов и летовищ кому сколько между собой разделено родникам своим, о том значит под сим генваря 19-го дня 1776 года.

№ А именно		Число стогов
1. Князец Ванчюк Жерхин	На Кылдыхе пять стогов. Летовища Лебек и Кист Тербит	5
2. Телген Ванчюков	Река Кулата 1 стог, Керелях 1, Елань же Утелях 1, на Табаге сюрах кюре 1 стог, Тюка булгун 1 стог, итого 5 остожьев. Летовище Лебях	5
3. Тенней Ванчюков		5
4. Кигинян Жерхин		5
5. Старшина Турах Унюгесев		4
. . . .		
64. Илпяе Бажину		3
. . . .		
86. Симичану Ойунаву		2
. . . .		
157. Тойтоху Бырчалину		2,5

Всего в ведомости перечислен 201 человек и распределено 667,5 стога. В конце ведомости приписка: «Всего соболиных 80 человек, лисичных 120 человек, всего 200 человек» [61].

Таким образом, наделение сенокосными участками было непосредственно связано с ясачным обложением. По ведомости можно установить следующие группы плательщиков ясака: 1-я группа получила земельные участки, на которых ставилось пять остожий сена, 2-я группа — участки, дававшие четыре остожья, 3-я — три остожья, 4-я два с половиной остожья и 5-я — два остожья. Очевидно, соответствующим образом раскладывался и ясак, хотя в ведомости об этом ничего не говорится.

Такая же ведомость была составлена в 1772 г. в Оспетской волости Борогонского улуса представителем Якутской воеводской канцелярии, сыном боярским Львом Кривошапкиным. Распределение сенных покосов производилось с согласия населения волости. При распределении сенных покосов родовичи Оспетской волости дали Кривошапкину следующую подписку: «Хотя по данному тебе из Якутской воеводской канцелярии указу велено по желанию нашему сенные места разделить нам по расчленению наших мест против соболиного окладу на лисичный вполы, а мы нижеподписавшиеся обще согласились на соболиный оклад по расчленении наших мест дать по 12, а на лисичный по три места стогов» [62]. Иначе, говоря, воеводская администрация хотела установить соотношение покосных наделов на один соболиный и на один лисий оклад 2 : 1, но князцы Оспетской волости изменили эту пропорцию на 4 : 1. Несколько иная пропорция была принята в той же волости родниками князца Налтанова, определившими соболиный оклад в 10 стогов и лисий — в три стога [63]. Значит, соболиный надел в Оспетской волости в три-четыре раза превышал лисий.

«Состоявшим в соболином окладе» князцу Маппыю Турчекову было выделено 12 стогов в трех местах, старшине новокрещену Кирилле Стрекальцеву — четыре стога в двух местах, а «состоявшим в лисичном окладе»: Мочалу Мачисову — три стога в двух местах; Мачосу Идугаеву —

[61] ЦГА ЯАССР, ф. 43 оп. 1, д. 2154, лл. 1—9; Г. П. Б а ш а р и н. История аграрных отношений в Якутии, стр. 383—384.

[62] ИВАН, ф. 11, оп. 372, д. 4, л. 63; Н. С. Р о м а н о в. Указ. соч., стр. 86—87; Г. П. Б а ш а р и н. История аграрных отношений в Якутии, стр. 80—83, 382—383.

[63] ИВАН, ф. 11, оп. 372, д. 4, л. 64.

три стога в двух местах; Кысалге Сетечаеву («платит пол-лисицы») — два стога в одном месте; «Матигневу да сообщеннику его Макиту Кысылову» — три стога в трех местах и т. д. В наслеге было восемь соболиных и 93 лисьих оклада. Соболиные оклады были разбиты между 21 человеком; все, кроме князца, платившего целого соболя, получили по четыре стога. В лисьих и полулисьих состояло 96 человек.

Если сопоставить число ясачно-возрастных лиц в данной волости с числом лиц, наделенных земельными участками, то становится вполне очевидным, что наделялись землей все лица мужского пола, достигшие ясачного возраста, а также часть престарелых и малолетних. Так, в Мойрутском наслеге по переписи, проведенной первой Ясачной комиссией, было 342 души мужского пола, из них ясачного возраста — 154, малолетних и престарелых — 188, наделено же землей было 200 душ [64]. Таким же образом распределялись покосы и в других центральных улусах.

В 1770—1790-х годах земельные ведомости были составлены также по Вилюйскому и Олекминскому округам. Дошедшая до нас раздельная покосная ведомость Кангаласской волости Вилюйского округа князца Моехина свидетельствует о том, что землей были наделены все члены волости. Они были разбиты на несколько групп. «В соболях состоящие» (106 человек) платили по 2—3 руб.; они наделялись участками, дававшими два стога (остожья), и скотским выпуском, т. е. обособленным выгоном. Вторая группа — в «лисицах состоящие» (176 человек) — платила в ясак 1 руб.; они наделялись участками, дававшими два стога без отдельных выгонов. Третья группа — «раскладку и мирские расходы платящие» (92 человека) — наделялась участками, дававшими один стог сена. Четвертая группа состояла из «престарелых и неплатящих ясака» (28 человек) и получила участки, дававшие один стог сена. Наконец, пятая группа — «сиротствующие с детьми женки» (11 человек) — наделялись такими же участками [65]. Таким образом, и в Вилюйском округе земля распределялась в зависимости от платежей.

Согласно установлениям первой Ясачной комиссии, якутские общины должны были наделять сенокосами лиц, достигших 18 лет и привлекавшихся к ясачному платежу, и изымать сенокосы у престарелых, исключавшихся по возрасту из ясачных списков. Периодическое перераспределение сенокосов, по-видимому, проводилось в центральных и вилюйских улусах уже в конце XVIII в., однако документы об этих переделах до нас не дошли.

В северо-восточной части Якутской области, очевидно, в связи с большим количеством пустолежащих земель, разделения сенных покосов между ясачными плательщиками и даже между волостями вообще не производилось. В 1808 г. в Зашиверском комиссарстве по указанию иркутского гражданского губернатора собирались сведения «о правах населения на земли, их кочевьями занимаемые». Рапорты князцов и других должностных лиц показывают, что никаких земельных ведомостей ни в Верхоянском улусе, ни тем более в Момской части этого улуса, ни в Усть-Янском улусе не было. Голова Верхоянского улуса Михаил Попов в своем рапорте заявлял: «С начала заселения здешних якутов никогда обмежевания не было. Почему никаких на владение земель письменных видов и приличных документов

---

[64] Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии, стр. 85—87. Из этих цифровых данных Г. П. Башарин делает ответственный вывод, что землю в Мойрудском наслеге и в других якутских волостях получали только плательщики ясака и их дети, а прочие родовичи лишались сенокосов. Однако никаких документальных подтверждений этого положения автор не приводит.

[65] ЦГА ЯАССР, ф. 22, оп. 1, д. 1255, лл. 16—28.

не имеют, кроме как помнят то, что была о ясаках Комиссия, от которой и позволено жить на природных наших пред тем занимаемых местах, на коих жительствуя, иногда и кочуя с места на другое, стараются упромышливаемых зверей взносить в казну» [66]. Такие же сведения мы находим и в рапорте Зашиверского частного комиссара Ефимова, который сообщал, что верхоянские и момские якуты «жительствуют и не всегда на одном месте и не в великом числе народа, а более в упражнениях и переходах по временам в летнее кочуя с места на другое по урожаю сенокосных мест для козбы оного к пропитанию обзаведенного ими скота, в зимнее же жительствуют на одном месте и ездят за промыслами зверей». И далее: «Между ими к владению населенных мест никакого разделу не имели и межевания никогда не было, почему на владение оных ниоткол никаких документов не имеют, и кто где отыскал пустопорожне незанятое удобное к пребыванию место, тут и селится по желанию и почитает уже принадлежащим ему местом, поелику в здешних краях отдаль по сторонам довольно имеется незаселенных мест» [67].

Наличие пустолежащих, пригодных для скотоводства земель в Верхоянском, Колымском и Вилюйском округах, а также на окраинах центральных якутских улусов в значительной мере разряжало обстановку, способствовало (в особенности на окраинах) консервации патриархальных форм эксплуатации, прикрытых родовой взаимопомощью. Средние хозяйства, испытывавшие недостаток в сенокосах, искали выход в переселении в дальние улусы. Полукочевое хозяйство якутов облегчало такие передвижения. Поэтому на протяжении XVIII в. районы якутского скотоводства непрестанно расширялись за счет потоков переселенцев-скотоводов, направлявшихся главным образом в районы Вилюя, Яны, Индигирки и Колымы.

В результате установления связи между ясаком и землепользованием в центральных и вилюйских улусах сложилась своеобразная система распределения платежей и земли, получившая впоследствии название «классной системы» [68].

Так, в Оспетском наслеге, по ведомости 1772 г., князец Маппый Турчеков вносил в ясак целого соболя (7 руб.) и пользовался участками, дававшими 12 остожий, остальные плательщики соболиного оклада вносили плату за третью часть соболя (2 р. 33 к.) и пользовались участками, дававшими всего четыре остожья; далее шли плательщики целого лисьего оклада (2 руб.), наделявшиеся участками в три остожья, и плательщики полулисьего оклада (1 руб.), наделявшиеся участками в два остожья. Отсюда видно, что как соболиные, так и лисьи оклады стали дробиться на части.

Сущность системы распределения земли и ясака, сложившейся к концу XVIII в. и существовавшей в XIX в., четко сформулировал один из исследователей земельных отношений в Якутии — А. Белевский.

«Весь причитающийся на долю каждого рода ясак делится на оклады неравной величины: в целого соболя, половину его и т. д., целую лисицу, пол, четверть ее — или, по переводу на деньги,— на оклады в 7, $3^1/_2$ р., 2, 1 и $^1/_2$ рубля. Вся покосная земля делится соответственно этому тоже на части (причем единицей меры у якутов является не площадь известной

---

[66] ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 35, л. 70.

[67] Там же, лл. 65—66.

[68] Г. П. Башарин (История аграрных отношений в Якутии, стр. 286—287) предложил называть систему распределения покосов, установившуюся после деятельности первой Ясачной комиссии, соболино-лисьей или двуокладной, но не привел существенных аргументов для введения этого нового термина.

величины, а определенное количество травы — стог). Если на каждый первоклассный оклад придется, скажем, 12 остожьев, то на второклассный — 6, на 3-й класс — $3^1/_2$, на 4-й — $1^3/_4$ и т. д.» [69].

Установившаяся после деятельности первой Ясачной комиссии система землепользования, юридически строго общинная, не нарушала интересов якутских полуфеодальных элементов и не означала введения твердого поземельного принципа обложения. Наоборот, эта система давала тойонам возможность «на законном основании» пользоваться самыми крупными и самыми лучшими земельными участками. Как видно из приведенных выше ведомостей, князцы наделялись участками, в два раза превосходившими участки богатых и в пять-десять раз — участки рядовых общинников. Так, например, князец Кангаласской волости Вилюйского округа Колчека Моехин получил участок, дававший 10 остожий сена, тогда как остальные плательщики части соболиного оклада получили участки, дававшие только два остожья [70].

Но князцы и богатая скотом верхушка якутских общин не довольствовались присвоением крупных и лучших участков земли. Им было важно получить покосы, сконцентрированные в одном месте, а не разбросанные мелкими клочками в тайге. Зажиточные родовичи наделяли сенокосными угодьями своих малолетних сыновей и наемных работников, за которых выплачивали ясак по установленному окладу, что для них не представляло никакой трудности. Благодаря этому в их руках сосредоточивались крупные земельные участки.

В правилах первой Ясачной комиссии, поставившей ясачное обложение в связь с землепользованием, князцы и наслежные богачи получили юридическое оправдание своих земельных захватов. Принадлежность к высшему разряду и платеж в ясак несколько более высокой суммы, хотя для них отнюдь не обременительной, служили предлогом для получения крупных сенокосных участков. В своей общине князцы и старшины пользовались правом суда и расправы по долговым делам, по делам о краже скота, в спорах о покосных местах и рыбных ловлях, в мелких ссорах.

Телесные наказания применялись крайне редко. «По обыкновению их давнишнему обвиняемые по большей части наказываются способами делающими стыд и поношение и платежом похищенного: пример непросвещенного народа для просвещенных»,— отмечалось в «Описании» 1794 г. [71]. Кроме того, телесные наказания приводились в исполнение только после того, как они утверждались русской администрацией. Тем не менее и эти ограниченные права давали возможность князцам проявлять свою власть в наслегах.

Якутские полуфеодальные элементы в известной степени распоряжались земельными угодьями общин. Под предлогом освобождения несостоятельных от ясака князцы или старшины с согласия зажиточной части общинников отбирали у обедневших семей земельные участки для себя и для раздачи своим родственникам. Поводом для лишения бедняков земельных участков или части их служил выход главы хозяйства из ясачного возраста [72]. Иногда, наоборот, князцы не выключали зажиточных из ясака, хотя по возрасту они выходили из ясачного оклада, и сохраняли за ними

---

[69] А. Белевский. Аграрный вопрос в Якутской обл. «Русское богатство», 1902, № 11, стр. 101.

[70] ЦГА ЯАССР, ф. 22, оп. 1, д. 1255, л. 16.

[71] Рукоп. фонд Гос. публ. биб-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмитажное собрание, д. 238, л. 72.

[72] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 283.

крупный надел. В связи с жалобами на эти нарушения и по запросу оспетского князца, как поступать в таких случаях, Иркутская казенная палата в 1794 г. ответила, что все эти дела находятся в распоряжении самих родовых князцов и старшин [73].

Численное соотношение отдельных социальных групп в якутских общинах видно из ведомости 1770 г., содержащей сведения о числе крещеных и их имущественном состоянии в Жарханской волости Верхне-Вилюйского зимовья. Например, «Иван Данилов, крещен в 1766 г.; 30 лет; женат, жительство имеет в Жарханской волости при урочище Жарин Тебютя, от Сунтарской церкви в 9 верстах. Сенные покосы ставит пятьдесят копен, имеет скот (4 головы), пропитание имеет от скота и рыбы». Всего в ведомости перечислено 183 человека мужского пола. Из этих лиц к неимущим можно отнести 32 человека; 17 из них имели покосы, но не имели скота и жили, как указано в ведомости, за счет косьбы сена и рыболовства; вероятно, они выпасали также чужой скот. 15 человек не имели ни покосов, ни скота. За исключением семи человек все неимущие были старики в возрасте от 67 до 90 лет [74]. Большинство неимущих жило «между родниками».

Таким образом, покосами наделялись все члены общины за исключением стариков и малолетних. Неимущие, занятые косьбой сена и жившие самостоятельно, по-видимому, брали скот на выпас и на удой (в хасаас) у богатых. Классовое расслоение в якутской общине, судя по ведомости, к этому времени зашло далеко. Средством эксплуатации преимущественно служил скот, который богатые владельцы раздавали своим родникам на кабальных условиях. Земля — это главное условие производства — считалась собственностью государства, которому и бедняки и зажиточная полуфеодальная прослойка выплачивали подать — ясак.

Население Якутской области не только вносило в казну ясак, но и несло весьма обременительные натуральные повинности, значительно более тяжелые, чем ясачный сбор.

Якуты были обязаны перевозить казенные грузы — хлеб и другое продовольствие и снаряжение на тысячи верст в Охотск, на Камчатку и в другие отдаленные места северо-востока. Кроме того, они должны были содержать часть почтовых станций между Якутском и Иркутском, а также на дорогах, ведущих к острогам и зимовьям Якутской области. Охотский тракт обслуживали главным образом подгородные якуты; верхоянские якуты обслуживали тракт, соединявший Якутск с Зашиверском; вилюйские и олекминские якуты — Якутско-Иркутский тракт. В середине XVIII в. для перевозки грузов в Охотск ежегодно требовалось 4—5 тыс. лошадей, а во второй половине XVIII в., в связи с ростом грузоперевозок по всем направлениям, число требуемых лошадей доходило до 6—10 тыс. Сверх того, приходилось выделять до 1200—1600 проводников. Грузы по большинству трактов перевозили вьюком. Нередки были случаи, когда значительная часть выставляемых лошадей гибла от эпизоотий, недостатка кормов и трудностей дороги.

В 1763 г. после докладной записки Соймонова (см. стр. 134) правительство ввело прогонную плату за доставку клади в Охотск. За провоз 1 пуда груза до Охотска стали выплачивать 63 коп. или 3 р. 15 к. за одну лошадь [75]. Но до якутов-возчиков не доходила даже эта, не окупавшая расходов мизерная плата, так как прогонные деньги разворовывали чиновники и подрядчики-тойоны. Во все другие пункты, кроме Охотска, грузы отправ-

[73] ИВАН, ф. 11, оп. 372, д. 3, л. 170.

[74] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 39, лл. 1—20.

[75] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 309.

лялись на якутских лошадях бесплатно. Только в 1773 г. правительство начало выплачивать прогонные и за доставку грузов в верховья Колымы.

Для грузоперевозок по указанию Якутской воеводской канцелярии с каждого улуса собиралось определенное число лошадей. В 1773 г. одну лошадь требовали с каждых четырех человек, в 1774 г.— с каждых шести человек [76]. Число лошадей для каждого наслега определялось количеством населения, учтенного первой Ясачной комиссией. Жалобы якутов на разорительность для них грузоперевозок, нехватку лошадей, а также крайне медленное продвижение грузов, побудили первую Ясачную комиссию передать доставку грузов подрядчикам. В 1774 г. грузоперевозки на четыре года взяли на себя иркутские купцы Сибиряков и Киселев по цене 1 р. 25 к. за пуд [77]. Однако контракт с купцами оказался невыгодным для казны, и перевозка грузов в 80-х годах была вновь возложена на якутские общества. Воспользовавшись этим, тойоны, превратившиеся в своеобразных посредников-подрядчиков, стали требовать повышения прогонной платы. В 1784 г. они добились того, что грузоперевозки стали оплачиваться по всем направлениям [78]. В следующем году, когда в связи с увеличением грузоперевозок в Охотск предстояло отправить 44 тыс. пуд., тойоны затребовали плату по 10 руб. с лошади [79]. При отправлении экспедиции Биллингса (1785—1793 гг.), когда необходимо было перевезти 60 тыс. пуд., тойоны трех улусов потребовали по 30 руб. за лошадь, но согласились выставить лошадей по цене 20 руб. за голову.

Грузоперевозки оказались крайне выгодным для тойонов делом. Нанимая от себя за ничтожную плату проводников, указывая, кто сколько должен поставить лошадей, они присваивали выплачиваемые казной суммы за грузоперевозки. Показывая фантастические суммы, якобы истраченные ими на организацию грузоперевозок (за объезд станков, за упряжь, за вьючные сумы и т. д.), якутские родоначальники путем мирской раскладки собирали с подчиненных им сородичей недостающие суммы для покрытия разницы между казенной платой и вымышленными цифрами издержек. Так, в Баягантайском улусе в 1798 г. общество приплачивало к казенной цене за каждую лошадь по 26 руб. В 1800 г. в некоторых улусах приплата на одну лошадь колебалась от 40 до 55 руб.[80].

Подводная повинность, таким образом, в денежном выражении в 20—25 раз превышала ясачный сбор, и перевозки клади в значительной степени способствовали экономическому укреплению тойонов и разорению мелких якутских хозяйств. Последнему обстоятельству способствовало и то, что в конце XVIII в. число всевозможных сборов возросло. В 1796 г. был введен 26-копеечный сбор на полковых подъемных лошадей с каждой ревизской души. Обществам приходилось содержать канцелярии при инородных управах, наслежных и улусных писарей, церковных старост, сторожей и т. д. О величине сборов можно судить по данным за 1799 г., относящимся к Намскому улусу [81].

Помимо ясака и 26-копеечного сбора, с этого улуса собирали на следующие статьи:

---

[76] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 138, лл. 5—7.

[77] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 309.

[78] С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа, стр. 127.

[79] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 311.

[80] С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа, стр. 128.

[81] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 323.

Содержание наслежных князцов во время их пребывания в Якутске — от 31 до 400 руб. и выше каждому	— 1 679 руб
Жалованье улусному письмоводителю и на канцелярские припасы	— 500 »
То же 14 наслежным писарям — каждому от 30 до 100 руб.	— 744 »
Содержание улусного рассыльного	— 80 »
Плата церковному старосте	— 58 »
Посланным для расчистки дорог и мостов по Охотскому тракту — каждому от 69 до 300 руб.	— 1 789 »
Содержание междудворной гоньбы в 13 наслегах	— 2 691 »
На отправку в Охотск и Колымск казенной клади и людей сверх данных из казны прогонов	— 35 590 »
Содержание почтовой гоньбы	— 5 839 »
Итого:	48 970 руб.

Укрепление экономического положения зажиточной верхушки якутов, в первую очередь князцов и старшин, породило среди крупных тойонов стремление завоевать также и политические привилегии.

Как раз в период работы первой Ясачной комиссии был издан указ об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Необходимость нового уложения мотивировалась «недостатком узаконений». Согласно указу, в комиссию избирались депутаты от всех сословий с тем, чтобы они рассказали о нуждах и недостатках «каждого места» [82]. Депутаты должны были быть посланы и «от некочующих разных в области нашей живущих народов, какого б они закона ни были, крещеные или некрещеные, от каждого народа, с каждой Провинции по одному депутату» [83].

Иркутская губернская канцелярия первоначально не предполагала производить выборы депутатов в Якутии, так как считала якутов кочевым народом. Инициатива избрания депутатов от якутов принадлежала якутским тойонам, получившим поддержку со стороны председателя Ясачной комиссии Мирона Черкашенинова [84].

От якутов, вернее, от выборщиков-князцов, был послан кангаласский князец Софрон Сыранов. Он добился разрешения участвовать в работе комиссии, доказав, что якуты — полукочевой народ. В Петербурге Сыранов обратился с прошением в Сенат, предложив передать сбор ясака князцам и разрешить им чинить разбирательство во всех «малых делах» (кроме дел об убийствах). Эти предложения были переданы Сенатом первой Ясачной комиссии в 1769 г. [85], и, как мы видели, частично осуществлены. Согласно указу, депутаты в случае каких-либо провинностей освобождались от смертной казни, пыток и телесных наказаний. Получение этих привилегий и звания депутата сделало Сыранова недосягаемым для всяких жалоб и он, по выражению современников, стал «ужасом якутов» [86].

Избрание депутата в екатерининскую комиссию привело к появлению в Якутии важного института — улусных голов. Это звание было присвоено кандидатам в комиссию, выборщикам Сыранова. Улусные головы, ведавшие раскладкой платежей по улусу, стояли над волостными (наслежными)

[82] ПСЗ, т. XVII, № 12801.

[83] Там же.

[84] М. Н. Мартынов. Якутия по наказам в Комиссию 1767 года о сочинении проекта нового Уложения. «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР», вып. 3, Якутск, 1955, стр. 23.

[85] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 8, л. 15.

[86] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ соч., стр. 44.

князцами и избирались из самых богатых и влиятельных родоначальников сроком на два года. Однако были и «вечные», т. е. постоянно переизбиравшиеся, головы. Так, в Борогонском улусе длительное время головой был Аржаков, в Кангаласском — Сыранов, оба — самые знатные и богатые князцы.

Вернувшись из Москвы, Сыранов не ограничился полученным званием. Он стал домогаться учреждения должности областного головы и ходатайствовал перед иркутским губернатором, чтобы его утвердили в этой должности. Еще большие требования выдвинул голова Борогонского улуса Алексей Аржаков, совершивший специальную поездку в Петербург для того, чтобы подать там свою «записку». Эта записка, известная под названием «План о якутах», была подана Екатерине II в 1789 г. Автор записки напоминал, что якуты «со времен вечно славной памяти государя императора Петра Великого на одобрение и утверждение верноподданства многие отличаемы были почестью дворянства по московскому списку с жалованием, на что и поныне сохраняются у некоторых грамоты» [87], и просил, ссылаясь на жалованную грамоту дворянству, для приведения области в наилучшее состояние учредить должность якутского областного головы или областного якутского предводителя с наделением его судебными правами. Выбор областного головы Аржаков связал с вопросом о предоставлении князцам дворянских прав. «Не сомневаюсь,— писал он,— чтобы ваше императорское величество неблаговолило удостоить князцов и голов якутских в соравнение дворянству» [88]. Аржаков предложил назначать исправников только из лиц, знающих якутские обычаи и якутский язык, т. е. фактически из якутов, учредить школу для якутских детей на казенный счет, наконец, отменить земельные переделы и закрепить земельные участки навечно за теми, кто ими владеет. Эти требования в случае их осуществления привели бы к превращению крупных тойонов в настоящих помещиков.

Записка Аржакова не осталась без последствий. В 1790 г. в специальном рескрипте на имя иркутского генерал-губернатора Пиля Екатерина II указала, что выбор якутского предводителя может быть дозволен, так же как открытие училища, заведение словесного суда и назначение исправников, если это можно, из лиц, знающих якутский язык [89].

Но дворянских прав якутские князцы не получили.

Прошения Сыранова и Аржакова очень симптоматичны. Они ярко рисуют новые политические требования богатых тойонов, их стремление к уравнению в правах с русским дворянством. Якутская полуфеодальная верхушка в конце XVIII в. настолько усилилась, что не довольствовалась традиционными формами господства и требовала юридического закрепления своих прав.

Усиление власти родовой аристократии над населением, открытые требования тойонов, направленные на усиление и оформление этой власти, свидетельствуют о том, что в конце XVIII в. в Якутии вполне сложилась система двойной эксплуатации трудового населения: с одной стороны, царизмом, с другой — тойонами.

Своеобразные исторические условия, в которых находилась Якутия, привели к тому, что патриархальные отношения в якутском обществе тесно переплетались с элементами феодальных отношений. В Якутии применялись русские феодальные нормы судопроизводства, во главе Якутского

[87] ИВАН, ф. 11, оп. 372, д. 16, л. 34.

[88] Там же, л. 40. В плане предлагались и частные мероприятия, в том числе освобождение якутов от содержания 36 станков и от подводной повинности.

[89] Там же, л. 30.

воеводства стояли русские чиновники-крепостники, с якутского народа собиралась феодальная подать — ясак. В якутских улусах существовало резко выраженное социальное неравенство: тойоны, владевшие крупными стадами рогатого скота и табунами лошадей, получавшие огромные сенокосные угодья, подчиняли себе непосредственных производителей материальных благ — рядовых улусных якутов. Представление о родственных связях между однонаслежниками и родовая взаимопомощь нередко лишь прикрывали классовое угнетение. Однако патриархальные отношения были еще очень сильны. Они проявлялись в территориально-административном разделении на улусы, наслеги, роды, в общинном землепользовании, семейно-брачных отношениях и шаманском культе. Основная масса улусных якутов не превратилась в крепостных, которых можно было продать или купить. Большая часть рядовых якутских хозяйств была формально самостоятельной. В этих условиях процветали специфические формы эксплуатации — кредитование скотом и деньгами за проценты и отработки.

ГЛАВА XI

ЯКУТИЯ В НАЧАЛЕ XIX в.

В начале XIX в. правительство Александра I предприняло ряд мер по централизации управления Сибирью. В 1801 г. в Сибирь был направлен генерал Селифонтов. Ему было поручено выяснить, как лучше разделить Сибирь в административном отношении [1]. В 1803 г. было учреждено Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске; во главе его встал Селифонтов, которому были даны широчайшие полномочия: отстранять от должности своих подчиненных, предавать их суду и даже ссылать нерадивых чиновников [2]. Особым указом Селифонтову поручалось разделить Сибирь на крупные уезды. В уездах учреждались комиссарства [3].

Административная перестройка коснулась и Якутии.

Якутский округ, входивший в состав Иркутской губернии, в 1805 г. был преобразован в связи с отдаленностью в Якутскую область. Якутск стал областным городом, Олекминск, Вилюйск, Верхоянск и Средне-Колымск — окружными, а Жиганск и Зашиверск превратились в заштатные города. Фактически на город походил только Якутск, в котором было несколько сотен жилых домов, семь церквей, монастырь, лавки [4]. Окружные и заштатные города Якутской области представляли собой незначительные поселения. На деревню был похож даже Олекминск, в котором тогда было около 50 домов и юрт. В Верхоянске было всего пять юрт, в том числе юрты комиссара, купца и питейный дом; эти пять юрт отстояли друг от друга на несколько верст каждая. В Зашиверске насчитывалось 10 юрт и одна церковь, из нескольких юрт состояли Жиганск и Вилюйск [5].

Областное правление, сосредоточенное в Якутске, состояло из полицейской, судебной и казенной частей. Во главе области стоял областной начальник. В его подчинении находились не только чиновники, но и якутская казачья команда [6]. Округами (комиссарствами) управляли частные земские комиссары, ведавшие сбором податей и исполнявшие полицейские функции [7]. Таких комиссарств в Якутии было семь: Удское, Амгинское, Олекминское, Верхне-Вилюйское, Жиганское, Зашиверское и Средне-Колымское.

---

[1] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 2, л. 1 об.

[2] В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г., т. I. СПб., стр. 5.

[3] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 1, л. 7.

[4] «Новейшее землеописание Российской империи, сочиненное Зябловским», СПб., 1807, ч. II, стр. 176.

[5] М. М. Геденштром. Отрывки о Сибири. СПб., 1830, стр. 84 и сл.

[6] В. К. Андриевич. Сибирь в XIX столетии, ч. I. СПб., 1889, стр. 113.

[7] Семивский. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. Иркутск, 1817, стр. 73.

Коренное население объединялось в административные волости (их с конца XVIII в. стали называть «наслегами»), подразделявшиеся в Якутском, Вилюйском и Олекминском округах на более мелкие единицы — административные роды. В каждую волость (наслег) входило от 25 до 1000 ревизских душ. Объединение соседних наслегов составляло более крупную административную единицу — улус. В улусе значилось от 500 до 6500 ревизских душ. В 1797 г. Сенат утвердил положение об управлении сельскими инородческими волостями [8], которое в Якутии стало применяться с начала XIX в. Согласно положению, во главе улуса должны были стоять голова и двое выборных, составлявших инородческую управу. В их обязанности входили раскладка внутренних сборов между сельскими общинами, распределение нарядов на подводную повинность, на содержание почтовых станков, наблюдение за распределением земель, а также разбирательство тяжб и ссор между наслегами, родами и отдельными жителями улуса. Голова избирался из князцов на два года. При управе содержался писарь. На общества была возложена обязанность выстроить дома для инородных управ; строительство их в Якутском округе началось в 1806—1807 гг. [9].

Стоявшие во главе наслегов князцы подчинялись головам, а последние — непосредственно комиссарам. Таким образом, в фискальных целях была создана последовательная административная иерархия. С ростом налогов роль административного аппарата усилилась.

В начале XIX в. к ясаку, этому основному правительственному налогу на коренное население Якутии, добавился ряд весьма тяжелых податей. В отличие от ясака, они накладывались не на целые общества, а поровну на каждую ревизскую душу, т. е. на каждого человека мужского пола старше 8 лет. Первым таким налогом был введенный еще в 1796 г. «сбор на полковых и подъемных лошадей» — по 26 коп. с ревизской души. В 1806 г. был установлен сбор на содержание присутственных мест — по 18 коп. [10] В 1810 г. с ревизской души уже взималось по 2 руб. В 1812 г. этот сбор сократился до 44 коп., но в 1816 г. добавился сбор на содержание больших государственных дорог,— по 25 коп. с души, а в 1818 г. 5-копеечный сбор на устройство водных сообщений. Всего с ревизской души взималось по 75 коп. В 1813 г. был введен крайне обременительный сбор на земские нужды — 1 р. 70 к. Этот сбор год от года возрастал. В 1819—1822 гг. на земские повинности собирали уже по 2 р. 3 к., в 1825—1828 гг.— по 3 р. 52 к. [11]. Таким образом, якутским общинам пришлось выплачивать, помимо ясака, раскладывавшегося между работниками, т. е. лицами от 18 до 50 лет, и общественных расходов, весьма значительные подушные подати.

В начале XIX в. резко увеличились также и общественные расходы. Для прокладки и поправки дорог, сожжения трупов павших на дорогах лошадей, сопровождения и поимки беглых ссыльных и т. п. ежегодно выделялось 350—400 человек. Росла и приплата наслегов к подводной повинности, так как денег, выделяемых казной, не хватало. В 1818 г. на тракте погибли 3692 лошади стоимостью в 295 тыс. руб., в 1819 г.— 4312 лошадей, стоимость которых исчислялась в 350 тыс. руб. [12]. Приплата на одну лошадь в Намском улусе в 1801 г. дошла до 15 р. 3 к. на ревизскую

---

[8] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 8, л. 24.
[9] ИВАН, ф. 11, оп. 372, д. 4, л. 406.
[10] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 301.
[11] Там же, стр. 302.
[12] В. Вагин. Указ. соч., т. II, стр. 5.

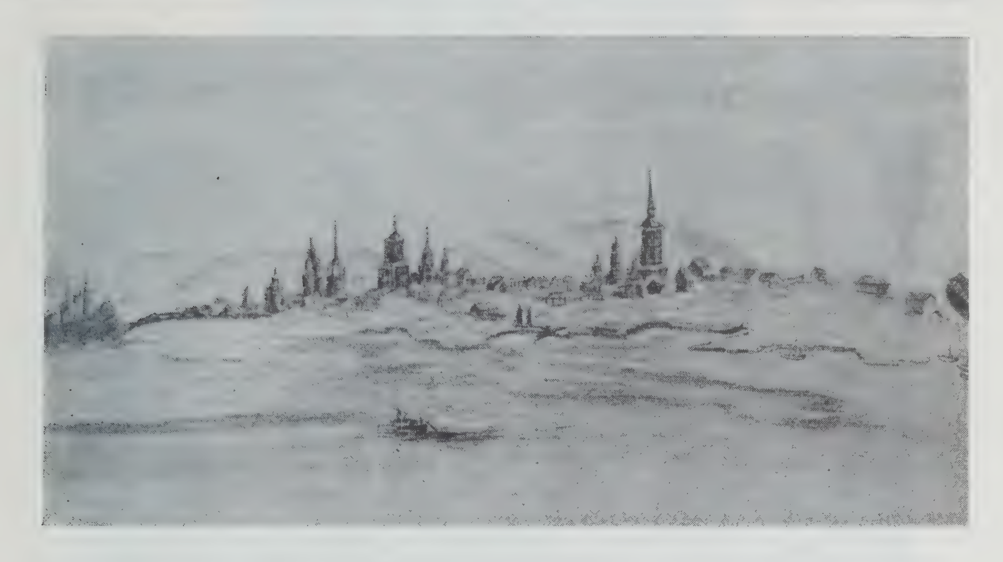

Рис. 25. Вид г. Якутска
(1820 г., рисунок Матюшкина).

душу [13]. Хотя следует принять во внимание, что сумма общественных расходов обычно преувеличивалась (князцы жаловались на особую тяжесть налогов, ложившихся будто бы именно на их общество, для того, чтобы потребовать затем помощи от других наслегов и улусов), тем не менее нельзя не видеть общего роста сборов на внутренние расходы.

Росту внутренних налогов способствовали правила, введенные якутской администрацией. В конце XVIII в. стал распространяться подушный принцип распределения повинностей. В связи с этим в 1800-х годах якутская областная администрация установила правило, согласно которому лошадей для подводной повинности должны были поставлять ближайшие улусы; затем этот подряд выражался в деньгах, и сумма раскладывалась между всеми якутскими обществами пропорционально числу ревизских душ. Естественно, что князцы, старшины и предприимчивые «лучшие люди» стремились заполучить подряды, показывали якобы понесенные ими огромные убытки и затем требовали возмещения. В качестве подрядчиков обычно выступали улусные головы. Некоторые из них переуступали подряды другим, оставляя себе изрядные суммы в качестве вознаграждения за хлопоты. Средства для оплаты раздутых и в значительной степени фиктивных счетов, представляемых головами, князцами и старшинами, собирались путем мирской раскладки на всех членов улуса. Насколько выгодна была эта система якутским должностным лицам, можно судить по сохранившимся счетам. Князец Винокуров, например, представил Намскому улусу счет на 100 руб. за то, что семь лет назад от его наслега пошли не в очередь две лошади, которые не вернулись. Старшина Попов представил Игидейскому обществу в 1813 г. счет за квартиру в Якутске — 10 руб., за пищу — 30 руб., за прокорм коня — 14 руб., за наем писаря — 10 руб., за другие неведомые издержки — 104 руб. и далее на подарки казакам, за отвоз рапорта и т. д. [14]. Представляя счета за

[13] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 317.
[14] Там же, стр. 339.

Рис. 26. Вид г. Зашиверска (центр города)
(Рисунок Луки Воронина 1785—1792 гг.).

Рис. 27. Вид Средне-Колымского острога
(Атлас к путешествию капитана Сарычева, 1802).

якобы выставленных на почтовые станки лошадей, князцы нередко недодавали лошадей, и почта застревала на год.

Князцы, старшины и поверенные наслегов пользовались каждым случаем, чтобы занять от имени наслега деньги, якобы на общественные нужды, и охотно выдавали от имени наслега долговые обязательства. Эти средства затем взыскивались со всего наслега. Так, поверенный Хоринского наслега Старостин для содержания почты нанял витимского крестьянина Иванова, выдав ему в 1801 г. долговое обязательство на 238 руб. Из этой суммы Иванову было выплачено только 115 руб., остальные деньги были, очевидно, присвоены членами инородной управы. Спустя 13 лет по просьбе Иванова и по требованию олекминского исправника деньги должны были быть взысканы с наслега [15].

Быстрый рост внутренних расходов вызвал беспокойство местной администрации. В 1814 г. было введено правило, что сметы и отчеты о всех внутренних расходах должны представляться на утверждение в земский суд [16]. Но князцы всемерно уклонялись от надзора.

В 1817 г. для проверки правильности сборов на внутренние расходы производился объезд улусов дворянскими заседателями. Все эти мероприятия не дали существенных результатов, и в 1823—1824 гг. Совет главного управления Восточной Сибири был вынужден специально заняться вопросом о внутренних сборах, разорявших ясачных людей. Совет признал незаконными сборы на поездки родоначальников в город, на вознаграждение родоначальников за исполнение общественных дел, на по-

---

[15] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 91, л. 10.

[16] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 349.

стройку станционных юрт, а также сборы на оплату наслежных писцов и переводчиков [17].

Рост подушных податей привел к несколько иной системе раскладки налогов в якутских общинах.

Деньги на подушные налоги, натуральные повинности и ясак, поступавшие не в одно и то же ведомство, собирались с разных категорий населения и раскладывались между плательщиками по-разному. Подушные должны были платить все лица мужского пола. Каждое хозяйство платило подушные за своих умерших и нетрудоспособных — малолетних и престарелых. Подушные за умерших, не имевших близких родственников, а также за нетрудоспособных бедняков раскладывались между состоятельными лицами, плательщиками лисьего и соболиного оклада ясака. Натуральные повинности раскладывались по особым группам или категориям населения, получившим название «классов».

Термин «класс» был введен в 1817 г. иркутским губернатором, обратившим внимание якутского областного начальства на порядок раскладки сборов с русских государственных крестьян. В своем письме губернатор сослался на пример некоторых губерний, где «крестьяне разделяются на 4 класса, самых богатых, зажиточных, небогатых и совсем бедных, так что богатые платят двойную раскладку, достаточные ординарную, небогатые только настоящие подати, а неимущие вовсе от подати освобождаются» [18]. В связи с этим в Мегинском улусе, в наслеге князца Попова, на 1818 г. улусные и наслежные повинности были разложены следующим образом: «1-й класс», состоявший из 53 человек, платил за человека 10 руб., «2-й класс» (41 человек) — 5 р. 96 к., «3-й класс» (111 человек) — 3 руб. [19].

С 1819 г. разбивка плательщиков на классы стала практиковаться не только в центральных скотоводческих улусах, но и в северных, где население занималось промысловым хозяйством [20]. Так, в Батулинской волости Жиганского улуса в 1820 г. был составлен регистр для раскладки ясака, подушных и общественных повинностей. Все плательщики были разбиты на три класса: «1-й класс» (16 человек) платил ясака от 7 до 2 р. 50 к., подушных — 2 р. 15 к., общественных (мирских) расходов по 5 руб.; «2-й класс» (20 человек) вносил в ясак по 2 р. 50 к. подушных — 2 р. 15 к., на общественные расходы — 2 р. 37 к.; «3-й класс» (19 человек) вносил в ясак от 2 р. 50 к. до 1 рубля, подушных — 2 р. 15 к., в общественных расходах не участвовал [21]. В «4-й класс» заносились умершие, бедные и малолетние (47 человек); за них платили 1-й и 2-й классы [22].

Сенокосные участки в первом десятилетии XIX в. распределялись в большинстве якутских волостей по ясаку, все еще считавшемуся основным налогом. Но ясачные оклады дробились, и число ясачных плательщиков постепенно увеличивалось. В связи с ростом населения, изменением имущественного положения отдельных семей, а также изменением урожайности тех или иных участков в якутских волостях после работы первой Ясачной комиссии время от времени производились коренные земельные переделы.

Так, в Оспетской волости князца Маппея Турчекова в 1808 г. был произведен земельный передел. По ведомости, составленной в 1808 г.,

---

[17] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 360.

[18] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 67, тетр. 4, л. 52.

[19] Там же, д. 44, л. 31.

[20] ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 352, л. 43.

[21] Там же, д. 366, л. 1.

[22] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 352, л. 8.

все плательщики в этой волости были разбиты на пять групп. В первую группу вошли богачи, платившие третью часть соболя (2 р. 33 к.), и князец, плативший за целого соболя (7 руб.); во вторую — платившие целую лисицу (2 руб.); в третью — платившие за две трети лисицы (1 р. 33 к.); в четвертую — платившие за пол-лисицы (1 рубль); в пятую — платившие за третью часть лисицы (66 коп.). Соответственно каждый плательщик из первой группы наделялся участком, на котором ставились четыре остожья, а плательщик пятой группы — участком в одно остожье. Некоторые плательщики объединились и платили один оклад; они получали один общий участок. Так, в пятой группе было шесть человек, на каждого из которых приходилось по три четверти остожья [23].

Число окладов в 1808 г. в Оспетской волости по сравнению с 1772 г. увеличилось на 43. Однако участки богатых, входивших в первую группу, не уменьшились и число плательщиков этих окладов не возросло. В связи с естественным ростом населения происходило дробление участков и окладов мало обеспеченных плательщиков. Как показал Левенталь, крупные богачи из этого наслега сумели вытеснить менее обеспеченных в другие оклады и сосредоточить в своих руках лучшие участки.

В 1817 г. был произведен коренной передел земель в Игидейском наслеге Боягантайского улуса. Передел был мотивирован «недостаточностью покосных мест у некоторых родовичей против их ясачных окладов». И в данном случае переделом воспользовались для получения лучших участков недавно разбогатевшие жители наслега, в том числе старшина. Нескольким членам наслега, отставленным от ясака по старости, были даны мелкие наделы, по-видимому, за платеж других повинностей.

Очевидно, в 1810—1818 гг. во многих наслегах в связи с ростом подушных податей земля стала распределяться не только по ясаку. Если в конце XVIII в. подушные налоги, по свидетельству Левенталя, рассматривались как прибавочные налоги к ясаку и выплачивались ясачными плательщиками (то же самое было с налогом, введенным в 1806 г.), то впоследствии, когда эти налоги возросли и стали раскладываться по ревизским душам, принцип «земля по ясаку» стал отступать, и земельными участками стали наделяться плательщики не только ясака, но и других повинностей и податей.

Следует отметить, что в Якутии конца XVIII — начала XIX в. распределялись только крупные участки земли: мелкие сенокосные участки в ведомости не включались. Для богачей они не представляли интереса, так как незначительное количество сена, достаточное для прокорма одной или двух коров, было невыгодно возить на далекое расстояние, туда, где помещалась основная масса скота. «Не только в этом Игидейском наслеге, но и вообще в той стороне покосное место на 2—3 воза сена и теперь считается столь незначительным, что ни в ведомости не значится, но даже покосом не именуется»,— писал Левенталь [24]. Этими мелкими сенокосными участками и пользовались бедняки для прокорма своего немногочисленного скота.

В 1809 г. князец Намской волости Ефим Докторов со старшинами и товарищами представили показания свидетелей о спорных сенных покосах. Из этих показаний можно видеть, что некоторые бедняки, не наделявшиеся покосами, выкашивали сено для своего скота на пустолежащих местах: «декабря 21-го дня тунгус Кут Болчуяров, от роду имеет 46 лет,

---

[23] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ соч., стр. 368.

[24] Там же, стр. 373.

у исповеди сего года, а у святого причастия при крещении был, в пороках и наказаниях не бывал, на намских покосах не косил, а по бедности его, как он, равно и брат его Биюх, выкашивает в тех толко местах, где никто не косит и остается трава тунно, и показал истину и ничего не утаил» [25].

В этих условиях продолжала господствовать типичная форма эксплуатации бедняков через скот. Тойоны и зажиточные скотовладельцы раздавали скот своим бедным соулусникам «на выпас», «в пользование». Получая незначительную часть молочных продуктов, бедняк, взявший скот, должен был ухаживать за ним и вернуть хозяину определенное количество масла.

Отдача скота на выпас практиковалась не только тойонами. Русские чиновники, проживавшие в Якутске, также пользовались этим способом эксплуатации населения. В 1808 г. в Иркутское губернское правление, подтвердив запрет русским жить в якутских волостях, разрешило им отдавать свой скот на выпас якутам с согласия их родоначальников [26]. В 1812 г. князец Слепцов из Борогонского улуса объяснял незаконное проживание в его наслеге «отставного сибирского дворянина» Сивцева тем, что он «живет у скотников своих» [27].

Основой существования большинства якутских хозяйств в центральных и вилюйских улусах в начале XIX в. продолжало оставаться скотоводство, дополняемое рыболовством и охотой. К этим отраслям хозяйства в начале XIX в. стало добавляться в центральных якутских и олекминских улусах хлебопашество.

В начале XIX в. побуждаемые указом от 11 августа 1803 г. о развитии земледелия в Тобольской и Иркутской губерниях, якутская областная администрация и частные комиссары стали рассылать по якутским волостям распоряжения, чтобы князцы и старшины склоняли своих родников к хлебопашеству и выращиванию картофеля. Отдельные якутские хозяйства, как упоминалось выше, имели запашку не только в XVIII, но и в XVII в., однако в большинстве якутских улусов земледелие было мало известно. В 1805 г. в приказе по поводу хлебопашества, адресованном Батурусскому улусу, частный комиссар Михаил Неустроев предлагал выковать по имеющимся образцам земледельческие орудия, а в связи с неимением в улусах знакомых с хлебопашеством людей на первый раз в каждый наслег «отрядить одного человека из крестьян» [28].

Несмотря на старания администрации, посевы якутов в начале XIX в., насколько позволяют судить наши источники, были крайне незначительными. В некоторых наслегах опытные посевы ячменя завели князцы, соблазненные не столько обрисованной комиссарами отдаленной перспективой, что они «с лучшим удовольствием будут пропитываться хлебом», чем заболонью, сколько обещанием, что они получат монаршую милость и награждения [29]. Желая выслужиться, князцы представляли дутые ведомости о посевах.

И все же земледельческие опыты давали себя знать. Учителями якутов-земледельцев явились русские крестьяне. Не случайно хлебопашеством занялись прежде всего те якуты, которые жили по соседству с русскими крестьянами и имели возможность перенять от них земледельческие навыки. В пяти наслегах Батурусского улуса, расположенных около Амгинской слободы, отдельные хозяйства якутов занимались земледелием

[25] ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 366, лл. 29—33.
[26] Там же, ф. 8, оп. 1, д. 28, л. 1.
[27] ИВАН, ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 218.
[28] ЦГА ЯАССР, ф. 29, оп. 2, д. 3, л. 24.
[29] Там же, лл. 24—25.

уже в 1800 г.[30]. Олекминские якуты, жившие по соседству с русскими крестьянами, в начале XIX в. засевали 400—600 пуд. ячменя и ярицы в год[31]. В 1814 г. в большинстве юрт Олекминского округа имелись ручные мельницы[32].

Однако ведущую роль продолжало играть скотоводство. Поэтому большое значение для якутов имели сенокосы и пастбища.

Возросшие налоги разоряли рядовые якутские хозяйства, способствовали усилению ростовщической эксплуатации. Должая, бедняки в течение многих лет отрабатывали свой долг, принимая скот кредитора на выпас, заготовляя в счет долга сено и т. д. Для судьбы многих якутских хозяйств характерна история борогонца Конона Бочкарева. Однофамилец Конона, бывший наслежный князец возбудил против него судебное дело, предъявив Конону иск на 122 руб. Из этой суммы 77 руб. истцу будто бы должен был покойный отец Конона. Следствие по этому делу показало, что отец Конона имел 15 голов рогатого скота. Оставшись без отца, Конон, которому было 10—15 лет, перешел в наслег матери. Когда он вернулся обратно, у него оставалось семь голов рогатого скота, а ко времени возникновения дела всего две коровы. О долге отца Конон ничего не знал, но, по словам князца, работал у него в счет уплаты долга два года скотником. За это время (1810—1812 гг.) князец уплатил за Конона ясак и другие налоги. Долг Конона не только не уменьшился, но возрос[33].

Примитивно-ростовщические, по существу, способы эксплуатации, применявшиеся в Якутии, принимали порой весьма жестокие формы. Ревизия 1819 и 1820 гг. обнаружила, что якутские родовичи закладывали своих детей. Как сообщает Д. М. Павлинов, заимодавцы даже приносили земскому начальству жалобы, если родители отбирали у них заложенных детей, и начальство возвращало последних заимодавцам[34].

Тяжелым и бесправным было положение женщин. Родители или родственники продавали их за калым, нередко старикам. В 1804 г. в Борогонском улусе проводилось следствие «об удавившейся женке Елене Поповой». Из следствия видно, что причиной самоубийства была выдача замуж за старика, имевшего взрослого женатого сына[35]. С целью приобретения бесплатной работницы нередко женили малолетного сына на взрослой девушке. Часты были браки несовершеннолетних. Эти патриархальные обычаи приводили иногда к кровавым драмам. В 1813 г. Якутское духовное правление рассматривало «дело о поколот[ии] якутской женою Матреною Гавриловой мужа своего Николая Иванова в ночное время спящего в один бок ножем». Следствие установило, что «они сочетались браком в такие лета, когда еще не могли располагать по надлежащему своими склонностями», так как мужу было 13 лет, а жене 12[36].

В то время как масса мелких якутских хозяйств нищала, а некоторые из них разорялись и теряли свою самостоятельность, хозяйства тойонов экономически укреплялись и богатели на подрядах и ростовщических операциях. Исправник Геденштром, совершивший в 1809—1811 гг. поездку по северу Якутии, отметил, что «многие якуты имеют до 1000 и более ло-

---

30 Давыдов. О начале и развитии хлебопашества в Якутской обл. «Записки Сиб. отдела РГО», кн. V, СПб., 1858, стр. 19—20.

31 ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 47, лл. 17—18.

32 Там же, д. 85, л. 8.

33 ИВАН, ф. 11, оп. 372, д. 4, л. 197.

34 Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 28.

35 ИВАН, ф. 11, оп. 372, д. 3, л. 189.

36 Там же, д. 16, л. 99.

шадей и столько же рогатого скота» [37]. В руках тойонов сосредоточились крупные состояния. Об этом можно судить по размерам пожертвований тойонов на разные благотворительные цели. В 1818 г. голова Батурусского улуса Старостин пожертвовал 780 руб. в пользу поселенцев Охотского тракта, а голова Мегинского улуса Попов пожертвовал в 1819 г. голодающим Удского края скота на 2400 руб. [38]. Крупные размеры пожертвований объясняются, очевидно, тем, что жертвователи надеялись укрепить свое положение и получить за свои «добродетельные поступки» награды и медали.

Дошедшие до нас рапорты улусных голов и управляющих комиссарствами позволяют видеть, что не только в подгородных якутских волостях, но и в других округах остро ощущалась имущественная дифференциация. В 1819 г. голова Средне-Вилюйского улуса в своем рапорте сообщал, что в этом году «голодовки не имелось», озерной рыбы и сосны, а также сена для скота заготовлено было достаточно. При этом в рапорте говорилось: «Неимущие бедные родники пропитывались от своих собратьев, а другие могущие работою и промыслами рыбными, а прочие достаточные от скотоводства своего» [39]. В рапорте управляющего Верхне-Вилюйским комиссарством рисовалась несколько иная картина: «Находится весьма небольшое число в достаточном состоянии, а большая часть в посредственном, прочие же, имея весьма малое скотоводство, а другие и вовсе не имея оного, пропитываются различными средствами, т. е. промыслом рыбным, пособием своих сородцев или же находятся в работах получаемой за то платой» [40].

Якутия не знала крепостного права. Общинники прикреплялись не к феодалам-помещикам, а к наслегам. К наслегам прикреплялись и полуфеодальные элементы — князцы и старшины. Но само прикрепление к наслегам было в значительной степени условным. В связи с наличием в других наслегах родственников, какими-либо ссорами, малоземельем и т. д. отдельные хозяйства якутов переходили из наслега в наслег. В чужих наслегах они поселялись у богатых родственников, нанимались на работу или арендовали сенокосные участки. В отдаленных улусах переселенцы просто селились на пустолежащих землях. Приживаясь в новом наслеге, переселенцы добивались согласия общества на официальное перечисление.

В 1813 г. Борогонской инородной управе было дано якутским земским судом распоряжение «об учинении выправок, не находится ли в наслегах родников, кои уволены будут на причисление в Охотск и Удское, ежели не будут уволены, то о вывозке их на кочт наслегов». По ведомости оказалось, что в этих отдаленных краях проживали 72 мужчины и 33 женщины из Борогонского улуса. Из них 16 человек жили по р. Уде, несколько человек — на Шантарских островах, часть — по почтовым станциям и по рекам Бырас, Ине и др. Большинство переселенцев изъявило согласие остаться в новых местах навсегда. Два человека, очевидно, должники, были затребованы обратно, и за ними были посланы люди [41].

Во избежание недоимок якутские общества были связаны круговой порукой, и для ухода из наслега на длительный срок родовичи должны были получать разрешение у общества или князца. Нередко общество само отдавало несостоятельного члена в работники в другой наслег или

---

[37] М. М. Геденшторм. Указ. соч., стр. 93.
[38] В. Вагин. Указ. соч., т. I, стр. 388—389.
[39] ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 351, лл. 14—15.
[40] Там же, д. 356, лл. 10—12.
[41] ИВАН, ф. 11, оп. 1, д. 4, лл. 186—187.

купцам за выплату его налогов. Так, в 1812 г. игидейцу Боллоехову был дан билет на уход в Оймякон в работники к казаку Чирикову, который заплатил за него подушные подати, ясак и земские повинности [42].

Князцы и старшины широко пользовались своим правом выдачи билетов на временный уход из наслега. Наслежные власти не разрешали отлучаться закабаленным ими родовичам. В 1815 г. голова Баягантайского улуса обратился в Якутский земский суд с просьбой начать розыск отлучившегося в Якутск и скрывшегося родовича Попова. Из заявления головы видно, что он поручился за Попова перед купцом и был лично заинтересован в его поимке [43].

Произвол князцов и старшин, пользовавшихся поддержкой местной русской администрации, зачастую принимал особенно безобразные формы. В 1801 г. якут Прудецкий подал прошение в Зашиверский уездный суд о защите его от князца и заседателя. Мстя Прудецкому за изобличение его в незаконных сборах по 15—20 руб. с души, князец пытался подвергнуть его телесному наказанию и захватил у него 14 лошадей. Подчиненный ему старшина избил Прудецкого, а когда последний обратился в суд, то заседатель Старостин посадил его под караул на четыре дня [44].

В начале XIX в. в Якутии было много беглых. Рост налогов, притеснения тойонов вынуждали отдельные семьи покидать родные места и переселяться в необжитые районы. В северных районах беглецы обычно переходили к промысловому хозяйству. Так как общества вынуждены были платить за беглецов налоги, их разыскивали через Якутский земский суд. В 1813 г. был объявлен розыск 39 ясачных душ из Орготской волости Верхне-Вилюйского ведомства, покинувших свой наслег [45].

В начале XIX в. заметно усилились якутские торговцы. Посреднической торговлей занимались как князцы и старшины, так и зажиточные общинники. Выменивая и скупая в своих наслегах пушнину, якутские купцы перепродавали ее по повышенной цене на ярмарке в Якутске. Несмотря на строгие запреты, якуты — скупщики пушнины совершали далекие поездки в тунгусские и ламутские стойбища. В 1811 г. баягантайский князец Сафронов объявил розыск якута Лучикасова с сыном, «отлучившихся в тунгусские волости для чинения торговли водкой и порохом» [46]. Тем не менее в следующем году некоему Нестерову (очевидно, скупщику пушнины) был дан билет на право поездки до урочища Учур к тунгусам на семь месяцев под видом свиданья со своей мачехой [47].

Предприимчивые якутские купцы опутывали неоплатными долгами не только тунгусов, ламутов и юкагиров, но и русских мещан. Исправник Геденштром в 1810 г. описал такой поразивший его случай: «Индигирский мещанин просил якутского торгаша заказать ему серебряную ризу с позолотой... Риза привезена и стоила 70 рублей, мещанин заплатил тогда же 56 песцов или по местной цене 56 рублей и остался должным 14 песцов. По прошествии семи лет, в продолжении коих мещанин в разное время заплатил еще 86 песцов, торгаш взял у него обратно ризу и сверх вексель на 1200 рублей за то, что он в первый год не доплатил ему 14 песцов. Эта неимоверная лихва, слишком обыкновенная в отдаленных местах Якутской области, основывалась на расчете: торгаш покупал на месте

---

[42] ИВАН, ф. 11, оп. 1, д. 4, л. 161.
[43] Там же, д. 3, л. 64.
[44] ЦГА ЯАССР, ф. 49, оп. 1, д. 19, лл. 4—5.
[45] ИВАН, ф. 11, оп. 377, д. 16, л. 60.
[46] Там же, оп. 372, д. 4, л. 142.
[47] Там же, л. 156.

песца в 1 рубль и расчитывал, что он тогда же в городе стоил 2 р. 50 к., следовательно 14 песцов составят 35 руб. На сии деньги он мог бы в городе купить товар и продать на Индигирке с обыкновенным барышем 150%, по возвращении опять купить товар» [48], и т. д. Очевидно, только вмешательство начальства привело к тому, что на этот раз вексель был аннулирован и дело закончилось мировой.

В 1810 г. Иркутское губернское управление подтвердило запрещение торговать с ясачными людьми вне ярмарочных пунктов. Ограничением и регламентацией торговли оно думало увеличить поступление мехов в казну. В связи с этим в 1812 г. «для уничтожения незаконной торговли в развоз под рухлядь» была издана особая инструкция «Об учреждении иноверческих ярмарок». В инструкции предлагалось учредить ярмарки, на которые могли бы собираться от 2 до 5 тыс. и больше душ для торга «излишней рухлядью». Ярмарки разрешалось открывать лишь после полного взноса ясака. Путь каждого купца на ярмарку оговаривался в проездных документах. Купцам запрещалось оставаться на месте ярмарок после их закрытия. Торговля в долг запрещалась [49]. Однако попытки Якутского областного правления учредить ярмарки даже в часто посещаемых купцами низовьях Лены не привели к желаемым результатам. Купцы, выезжавшие на ярмарки, разъезжались по наслегам, где вели торговлю в долг. Не появлялись на ярмарках и якуты — скупщики пушнины. В 1812 г. жиганскому улусному голове Кривошапкину был дан приказ немедленно пресечь торговлю якутов — скупщиков пушнины. В приказе говорилось: «Из многих предписаний начальства небезызвестно всем родоначальникам, что якутам, не имеющим ни малого права, строжайше возпрещено производить каким бы то ни было оборотом торговлю — но несмотря на все оное наслежные родоначальники явное чинят в понаровку таковым торгашам прикрывательство, которое делается гласным, тогда когда уже выбывают таковые из их ведомств» [50].

Усилению якутских предпринимателей способствовали голодовки в северных округах. В начале XIX в. голодовки по случаю неулова рыбы и откочевки диких оленей постигли Колымский и Верхоянский округа. В особенности пострадало население Колымского округа и Жиганского комиссарства. В связи с неуловом рыбы в северных округах были учреждены рыбозапасные магазины. В 1817 г. населению Жиганского комиссарства было предложено сдавать в магазины осенью десятую часть улова. В случае голодовки населению выдавались из магазинов ссуды. Взявшие весной 10 пуд. рыбы по положению должны были осенью вернуть 11 пудов [51]. Однако магазины лишь в незначительной степени облегчали положение голодающего населения. В голодные годы рыбы не хватало, а в годы, когда улов рыбы был успешен, рыбу из запасных магазинов не брали, и она портилась. В 1819 г. в Жиганском комиссарстве рыбы в магазинах не оказалось, и голодающим пришлось выдавать из запасных магазинов хлеб. Все население было разделено комиссаром на четыре класса. В первый были внесены «имеющие состояние на покупку хлеба», во второй — «не имеющие платить более половины части за хлеб цены», в третий класс — «не имеющие платить более $^1/_3$ части за хлеб цены» и в четвертый — «совершенно неимущие» [52].

---

[48] М. М. Геденштром. Указ. соч., стр. 101.
[49] ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 239, лл. 10—16.
[50] Там же, д. 245, л. 1.
[51] Там же, д. 37, лл. 32, 43—51.
[52] Там же, д. 1, лл. 573—576.

Обнищавшее население северных наслегов не могло своевременно платить ясак и другие подати. Этим пользовались купцы. Они вносили недоимки с условием поступления в дальнейшем платежей с процентами в виде мехов не в ясак, а им, в счет уплаты долга.

Таким образом, первые два десятилетия XIX в. в Якутии отличались резким ростом налогов, ухудшением положения рядовых хозяйств и усилением якутской верхушки — торговцев, должностных лиц, богатых скотовладельцев.

ГЛАВА XII

РЕФОРМЫ СПЕРАНСКОГО И УСИЛЕНИЕ ТОЙОНСКОГО ГНЕТА

1820-е годы в истории Сибири отмечены так называемой реформой Сперанского.

22 марта 1819 г. опальный государственный деятель, известный своими либеральными проектами государственных преобразований, бывший в это время пензенским губернатором, М. М. Сперанский рескриптом Александра I был назначен генерал-губернатором Сибири и наделен обширными полномочиями. В царском рескрипте указывалось: «Нашел я полезнейшим, облеча вас в звание генерал-губернатора, препоручить вам сделать осмотр сибирских губерний и существовавшего до сего времени в оных управления, в виде начальника и со всеми правами и властью, присвоенными генерал-губернатору. Исправя сею властью все то, что будет в возможности, облича лица, предающиеся злоупотреблениям, предав кого нужно законному осуждению, важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края; и сделав оному начертание на бумаге, по окончании занятий ваших самим привезти ко мне оные в Петербург» [1].

Правительство было вынуждено в это время заняться сибирскими делами. Из Сибири непрерывно поступали жалобы на генерал-губернатора Пестеля и его помощника Трескина. Жаловались купцы, мелкие чиновники, крестьяне; подали жалобы генерал Куткин и архиепископ Михаил. В 1818 г. иркутский мещанин Саламатов, через Китай, степи и сибирские леса тайно добравшись до Петербурга, просил Александра I «приказать его убить, чтобы избавить от тиранства Пестеля». Противниками Пестеля и Трескина были и тогдашние сибирские интеллигенты, среди которых можно назвать востоковеда Игумнова, историка Словцова, писателя Калашникова и инженера Батенькова (будущего помощника Сперанского по реформе в Сибири и будущего декабриста). В Петербург поступали сведения о злоупотреблениях и беспорядках в Сибири, об острой нехватке продовольствия, о систематических голодовках «инородцев». Но больше всего правительство беспокоили упадок государственных доходов и рост недоимок.

В правительственных кругах в связи с этим намечалась тенденция к проведению реформы административного устройства и управления Сибири. Был учрежден особый комитет по сибирским делам, подчиненный Комитету министров. В 1814 г. предполагалось дать новую инструкцию сибирскому генерал-губернатору. Министр внутренних дел Козодавлев представил проект о реформах в Сибири, где указал, что «необходимо начертать

[1] М. Корф. Жизнь графа Сперанского, т. II. СПб., 1861, стр. 175—176.

более сообразное с местными условиями управление». Проект Козодавлева предусматривал ограничение произвола единоличной власти генерал-губернатора Сибири путем учреждения Верховного Сибирской губернии правления или совета из чиновников, назначаемых правительством или избираемых.

В Сибирь был послан Сперанский, проведший здесь почти два года, ревизуя административный аппарат. Во время ревизии выяснились чудовищные злоупотребления. Многие чиновники были отрешены от должности, некоторые из них, в том числе и сам Трескин, за лихоимство преданы суду.

Ревизия подтвердила необходимость административных реформ и дала материал для преобразования управления Сибирью. Одновременно с подготовкой общих административных реформ была начата работа по изучению обычного права сибирских народов. Уже в 1819 г. по распоряжению Сперанского повсюду в Сибири были образованы комиссии для выяснения обычаев и верований каждого народа. Сведения в комиссии должны были доставлять «сами инородцы на собственном их языке». Практически такие сведения доставляли «родоначальники», т. е. патриархально-феодальная знать, которая воспользовалась подачей этих сведений в своих интересах. Для рассмотрения отчета и проектов Сперанского в 1821 г. в Петербурге был создан особый Сибирский комитет, через который и прошли все реформы Сперанского. Эти реформы были обнародованы в 1822 г. Указом от 26 января 1822 г. Сибирь была разделена на Западную и Восточную; были учреждены Тобольское и Иркутское генерал-губернаторства. Якутская область по-прежнему оставалась в ведении Иркутска. 22 июня 1822 г. было издано «Учреждение для управления Сибирских губерний» с «уставами»: 1) об управлении инородцев, 2) об управлении киргиз-кайсаков, 3) о ссыльных, 4) об этапах, 5) о сухопутных сообщениях, 6) о городовых казаках, а также «положениями»: 7) о земских повинностях, 8) о хлебных запасах и 9) о долговых обязательствах между крестьянами и инородцами.

«Учреждение для управления Сибирских губерний» устанавливало новую структуру административных органов в Сибири. В Тобольске и Иркутске учреждались главные управления (для Западной и Восточной Сибири), в которые входил генерал-губернатор и при нем совет, являвшийся совещательным органом. В случае несогласия с генерал-губернатором совет имел право представить свои соображения в Сенат, которому непосредственно подчинялось Главное управление. В губерниях создавались губернские управления из губернатора и губернского совета, в округах и городах — окружные и городские управления. В селах были образованы сельские управления, состоявшие из сельских старшин и десятников.

В «Учреждении для управления сибирских губерний» заметна тенденция ограничить личную власть администраторов путем создания советов при генерал-губернаторах, губернаторах и окружных начальниках. Фактически, правда, это не осуществилось, так как все эти советы превратились в обычные бюрократические правления, а не органы «публичного мнения», как думал Сперанский.

На Якутию ревизия Сперанского не распространялась. Он утвердил лишь распоряжение иркутского губернатора об отрешении от должности верхневилюйского комиссара Ефимова и предал его суду за злоупотребления. Якутская область в это время находилась в ведении иркутского губернского начальства и управлялась областным начальником и областным правлением. Сперанский писал министру внутренних дел графу В. П. Кочубею: «Якутская область есть настоящая губерния не только по пространству, но и по значительной торговле. Число жителей до 80 тысяч, что по

сибирскому счету составляет уже важное население; для нее нужен человек твердый; желательно бы моряка, так как он должен быть в сношениях с Охотским краем и помогать ему». В 1821 г. якутским областным начальником был назначен статский советник Рудаков, в прошлом моряк.

«Учреждение для управления сибирских губерний» уточняло положение Якутской области в общей административной системе в Сибири. В «Учреждении» указывалось, что области создаются в тех частях Восточной и Западной Сибири, «кои по малому их населению и по роду обывателей не могут составить губерний, а по обширности их и удалению одного окружного управления было бы для них недостаточно». Область разделялась на округи: Якутскую, Олекминскую, Вилюйскую, Верхне-Янскую и Средне-Колымскую (это деление сохранилось вплоть до первых годов советской власти). Областную администрацию составляли областной начальник и областное правление. Как на главную задачу управления указывалось на «побуждение к скорому и законному производству дел и взыскание недоимок в окружных управлениях».

Важнейшее значение для жизни народов Якутии, так же как и других народов Сибири, имел «Устав об управлении инородцев», утвержденный тогда же, 22 июля 1822 г. [2].

По «Уставу» «все обитающие в Сибири инородные племена» разделялись на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. В первый разряд включались «живущие в городах и селениях», во второй «кочующие земледельцы» (буряты, качинцы), «южные скотоводы и промышленники» (сагайцы, те же буряты, некоторые группы южных тунгусов) и «северные скотоводцы и промышленники». Якуты были тоже отнесены к группе «кочевых инородцев». Признаков, определяющих «бродячих инородцев», Устав не давал. В числе народов, отнесенных к этой группе, были ненцы, «инородцы Охотские, Гижигинские и Камчатские» и «инородцы Якутской области, то-есть: Коряки, Юкагиры, Ламуты и проч.».

Правовое положение «кочевых инородцев» по Уставу 1822 г. определялось следующим образом. Они составляли «особенное сословие», приравненное к крестьянскому, но отличное от него «в образе управления». «Кочевые инородцы» управлялись по «степным законам и обычаям, каждому племени свойственным». Только по уголовным преступлениям они должны были судиться в общем порядке. За ними сохранялись свобода в вероисповедании и богослужении, освобождение от рекрутской повинности. Подати они платили «по особому положению» с числа душ, которое определялось общей переписью, а также участвовали в «общих по губернии повинностях».

Устав 1822 г. определял и экономическое положение «кочевых инородцев». «Кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли». Распределение этих земель по участкам «зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям». Русским запрещалось самовольно селиться на землях, отведенных «кочевым инородцам», но разрешалось брать эти земли «в оброчное содержание». Наем на работу к частным лицам разрешался только с ведома родового начальства. Разрешалась свободная торговля во всякое время «всеми припасами и изделиями», кроме вина. Чиновникам торговля с «кочевыми инородцами» категорически запрещалась. Для удобства ведения торговли «инородцам» назначались особые места для ярмарок и время их, в соответствии «с временем взноса податей и сообразно с нуждами инородцев».

---

[2] ПСЗ, т. XXXVIII, № 29126.

Правовое положение «бродячих инородцев» по Уставу 1822 г. мало чем отличалось от положения «кочевых». Устав указывал, что «права бродячих инородцев или ловцов, живущих в отдалении и рассеянными, вообще состоят в применении правил, для кочующих постановленных». Отличие заключалось лишь в том, что «назначение земель по племенам» и распределение их по участкам не распространялось на «бродячих инородцев». Им назначались «по удобности целые полосы земли», в пределах которых им разрешалось свободно переходить для промыслов из уезда в уезд и из губернии в губернию. Кроме того, «бродячие инородцы» не участвовали в земских губернских денежных повинностях.

Подробно регламентировал Устав 1822 г. систему управления у «кочевых» и «бродячих инородцев». «Состояние инородцев, кочующих и бродячих,— гласил Устав,— отличается: 1) непостоянством их жительства; 2) степенью гражданского образования; 3) простотою нравов; 4) особыми обычаями; 5) образом пропитания; 6) трудностью взаимных сообщений; 7) недостатком монеты в обращении; 8) недостатком способов к сбыванию на месте лова и произведений». Отсюда — следующие правила. Каждое стойбище или улус, в котором считалось не менее 15 семейств, должно было иметь собственное родовое управление, а стойбища или улусы, имевшие менее 15 семейств,— причисляться к ближайшим стойбищам. Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников из «почетных» и «лучших» родовичей. Староста в соответствии с обычаем избирался или наследовал свое звание. Между своими родовичами он мог носить «именование князца, зайсана и проч.», но в сношениях с правительством всегда назывался старостой. Помощники старосты выбирались родовичами на определенное или неопределенное время. Несколько стойбищ или улусов одного рода подчинялись «инородной управе», состоявшей из головы, двух выборных и письмоводителя. Голова получал свое звание наследственно или по выбору, сообразно «с степными обычаями каждого племени». «Бродячие инородцы», или «ловцы», как иначе их называет Устав 1822 г., инородных управ не имели, родовое управление у них ограничивалось одним старостой, которым становились «нынешние князцы и других наименований почетные люди, ловцами управляющие».

Права и обязанности родовых управлений и инородных управ подробно регламентировались. Родовое управление как первичная ячейка административной организации имело «ближайший надзор за порядком во вверенном ему роде или наслеге». За маловажные проступки оно могло наказывать «по обычаям каждого племени и в качестве домашнего исправления». Через родовые управления приводились в исполнение все распоряжения правительства. Непосредственно на них же возлагался сбор податей «за весь род, как с одного нераздельного лица». На инородные управы возлагались надзор за родовыми управлениями и «местные распоряжения». Последние заключались: 1) в точном исполнении всех предписаний начальства; 2) в понуждении к сбору податей; 3) в сохранении благочиния и порядка; 4) в сохранении прав инородцев от всякого постороннего стеснения; 5) в розысканиях, по особенным случаям нужных». Инородная управа имела непосредственные сношения с земской полицией и исполняла все полученные от нее предписания. Наконец, родовое управление и инородная управа несли и судебные функции. Родовое управление в исковых делах имело право «словесных судов». В делах между людьми разных стойбищ или «по неудовольствию на разбирательство» родового управления второй степенью «расправы словесной» была инородная управа; в делах между людьми, подчиненными разным управам, или в качестве третьей и последней степени «словесной расправы» в случае «неудоволь-

ствия» на разбирательство инородной управы выступала местная земская полиция. Главной задачей «словесной расправы» являлось прекращение несогласий между «инородцами» и примирение спорящих на основании «степных законов и обычаев». В ее функции входил также разбор долговых исков и дел о пенях по свадебным договорам.

Высшим органом управления у «кочевых инородцев» являлась степная дума, которая состояла из главного родоначальника и выборных заседателей, число которых зависело от обычая или надобности. Обязанности степной думы состояли: «1) в народоисчислении; 2) в раскладке сборов; 3) в правильном учете всех сумм и общественного имущества; 4) в распространении земледелия и народной промышленности; 5) в ходатайстве у высшего начальства о пользах родовичей». По всем этим вопросам степная дума отдавала распоряжения инородным управам и в свою очередь подчинялась окружному управлению.

Старосты родовых управлений, главы инородных управ и заседатели степных дум, вступавшие в должность «преемничеством» или по выбору, утверждались губернатором или областным начальником. Главный родоначальник степной думы утверждался генерал-губернатором.

Вопрос о бюджете «степного управления» в Уставе 1822 г. был изложен неясно и допускал различные толкования. С одной стороны, указывалось, что все старосты, головы и прочие должностные лица не получают от родовичей никакого жалования и «исправляют должности по сим званиям как общественную службу». С другой стороны, Устав подчеркивал, что «содержание степного управления составляет внутреннюю повинность кочующих», и отмечал законность привилегированного экономического положения верхушки «степного управления»: «доходы, какие званию их присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и владеемых земель, остаются в прежнем положении... в собрании степных законов имеет быть об них положительно означено».

В Уставе 1822 г. подробно определен порядок сбора податей и повинностей с «инородцев». Подати и повинности определялись троякого рода: 1) казенные подати, 2) земские повинности и 3) повинности внутренние, на содержание степного управления. О порядке назначения казенных податей (ясак) как податей, утверждаемых в центре, Устав 1822 г. ничего не говорит. Объем земских повинностей для «инородцев» устанавливало местное Главное управление. Сборы на внутренние повинности определялись степной думой, а там, где ее не было,— «общественным приговором инородцев». Губернатор или областной начальник составлял подробный расчет сборов на каждый год, в том числе сколько с каждого рода и со всех «инородцев» в губернии или области «причитается порознь каждого наименования», а также сколько всех сборов с души для каждого рода. Степные думы, получив такое «расписание», делали «раскладки» на родовые управления, последние в свою очередь распределяли, «сколько именно каждое семейство взнести обязано звериными шкурами или деньгами, смотря по успеху промыслов и состоянию каждого». Сбор податей лежал на обязанности родовых управлений и производился на ярмарках или сугланах («мирское собрание инородцев»), но «бродячие инородцы», «по уважению дальних их отлучек для промыслов», могли сдавать подати в других местах и даже в других уездах и губерниях.

Особый раздел в Уставе 1822 г. посвящен «казенным продажам». Казенная торговля преследовала двоякую цель: «1) доставление необходимого пособия по продовольствию и промыслам кочующих; 2) умерение вольных цен на необходимые потребности». В крайних случаях (угроза голода) Устав проектировал продажу казенных товаров по пониженной

цене и в долг («если необходимость в том надлежащим образом будет доказана») и под ответственность представителей местного управления.

Таковы главные положения «Устава об инородцах» 1822 г.

Устав 1822 г. являлся основным юридическим документом, определявшим жизнь «инородцев» в XIX в. и действовавшим почти до Октябрьской революции. Когда в 1852 г. Анненковым, после ревизии Западной Сибири, была представлена во II Сибирский комитет специальная записка о несостоятельности Устава 1822 г., она не нашла отклика в правительстве, и Сибирский комитет дал указание сибирским генерал-губернаторам «иметь строгое наблюдение за точным исполнением правил Учреждения 1822 г.».

Однако записка Анненкова о несостоятельности Устава 1822 г. весьма показательна. Стройная система регламентаций Устава во многом оказалась нежизненной и неосуществимой.

Исследователи неоднократно отмечали надуманность Устава в некоторых его частях. Совершенно случайным, не основанным на изучении жизни народов Сибири, было разделение их на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Искусственной являлась сама рубрика «бродячие», так как бродячих народов, передвигавшихся без определенного порядка, в России вообще не было. Искусственной была и конструкция родовых управлений, требовавшая наличия стойбища в 15 семейств. При этой конструкции живая ткань родовой организации — у народов, у которых она вообще сохранялась,— разрывалась, более крупные роды раздроблялись, более мелкие присоединялись к другим. Прямым следствием этого являлось создание так называемых «административных родов». Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что Устав 1822 г.— единственный в своем роде законодательный документ, не имеющий аналогий в законодательствах Западной Европы и Америки. Устав обобщал и систематизировал то, что сложилось в административной практике управления народностями Сибири; составители Устава Сперанский и Батеньков не отбрасывали обычное право народов Сибири, считались с ним и стремились ограничить вмешательство чиновников в «степное управление», ограничить их злоупотребления. Фактически, правда, последнее осталось на бумаге.

Во многом Устав 1822 г. был непоследователен. В нем заметна тенденция поддержать экономику народов Сибири: запрещалось насильственно захватывать угодья «инородцев» и принудительно использовать их рабочую силу, чиновникам запрещалось торговать с ними; а целью казенной торговли ставилось «умерение вольных цен», т. е. известное ограждение от торговой эксплуатации. Появление всех этих статей вполне понятно. Хозяйство основной массы «инородцев», особенно народов Севера, катастрофически разрушалось. Грозным признаком этого явились голодные годы — 1810, 1811, 1814, 1816 и 1817. Росли недоимки, фискальная политика правительства трещала по швам. Для того чтобы обеспечить поступление податей с «инородцев», нужно было как-то оградить их от торговой кабалы, которая процветала в Сибири, и обеспечить им пользование их вековыми угодьями.

Но вместе с тем, в Уставе 1822 г. все это звучало декларативно. Никаких гарантий Устав не содержал. Говоря о казенной торговле, Устав подчеркивал, что она не должна оказывать «ни малейшего стеснения промышленности частных людей». Дальнейшая практика показала, что вахтеры казенных магазинов входили в сделку с купцами, вместе с ними вздували цены на продаваемые товары и беспощадно грабили так опекаемых в Уставе 1822 г. «инородцев». Устав не содержал гарантий и по линии охраны промысловых угодий коренного населения. Во-первых, не было прове-

дено никакого землеустройства (оно и не предполагалось Уставом), которое одно лишь могло гарантировать сохранение за «инородцами» их земель, так как владение и пользование ими не было оформлено документами. Во-вторых, сам Устав в этом отношении открывал лазейку, разрешая брать у инородцев угодья «в оброчное содержание». В-третьих, никаких реальных мер против самовольного захвата угодий Устав не предусматривал. Все это привело к тому, что и после введения Устава 1822 г., который торжественно провозгласил, что «инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли», в широких масштабах продолжалось обезземеление коренного населения Сибири, в том числе в Якутии. Обезземеление проходило различными путями: через «оброчное содержание» и аренду, часто бессрочную, через куплю-продажу (характерно, что в Уставе 1822 г. об этом ничего не говорится), через самовольный захват.

Обнаженно и открыто выступают в Уставе 1822 г. фискальные цели, которые Устав и стремился обеспечить в первую очередь. Сбором податей и повинностей занимались все инстанции «степного управления» под прямым контролем областного управления. Сам областной начальник устанавливал, сколько с каждого рода и даже с каждой души причитается сборов.

Устав 1822 г. не вмешивался во внутреннюю жизнь «инородцев», в их быт и традиции. «Кочующие инородцы остаются вообще на прежних их правах», «кочующие управляются по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным»,— подчеркивал устав. Устав предоставлял им свободу в вероисповедании и богослужении (что, впрочем, не приостанавливало активной политики христианизации, проводившейся в XIX в. царизмом и церковью), право судопроизводства по мелким гражданским делам. Но вместе с тем Устав 1822 г. настойчиво выдвигал и поддерживал верхушку «инородцев» — патриархально-феодальную знать: «Инородцы управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из коих составляется их степное управление».

Таким образом, именно в Уставе 1822 г. получил законодательное оформление наметившийся еще в XVII в. союз правительства с патриархально-феодальной знатью народов Сибири. Поддерживая патриархально-феодальную знать, укрепляя ее привилегированное положение, Устав превращал ее в свою агентуру, проводника своей политики. Вместе с тем, он, не вполне доверяя и ей, ставил ее под строгий контроль административного и судебного имперского аппарата.

Особенно в этом отношении подчеркивалось значение земской полиции, на которую возлагаются «надзор за инородными управами и родовыми управлениями».

Одновременно с выработкой Устава 1822 г. шла работа по сбору сведений об обычаях и верованиях народов Сибири. Полученные сведения поступали во II Отделение императорской канцелярии; на основании всех этих материалов предполагалось составить свод местных законов и обычаев сибирских «инородцев». Работа эта была поручена управляющему делами Сибирского комитета А. П. Величко. К началу 40-х годов II Отделение подготовило проект инородческого кодекса, который был опубликован в 1841 г., но законодательного утверждения не получил. Кодекс был озаглавлен «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и заключал в себе 802 статьи, объединенные в шесть разделов: I — «О правах и обязанностях семейственных», II — «О праве инородцев на имущество», III — «О обязательствах по договорам», IV — «О благочинии в инородческих стойбищах», V — «О взысканиях и наказаниях» и VI — «О судоустройстве». Почти все статьи средактированы в общей форме как относящиеся ко всем «инородцам», и лишь иногда какая-либо народность

отмечалась в тексте особо. 11 статей «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» были посвящены специально якутам («Об отдаче на содержание скота у якутов»).

Материалы по обычному праву якутов собирались и независимо от подготовки «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири», но все же в связи с Уставом 1822 г. В 1823 г. иркутский губернатор для приведения в исполнение Устава 1822 г. затребовал от якутского областного начальника сведения об оседлых, кочующих и бродячих «инородцах» и «в особенности об образе управления». Сохранились сведения, поданные по Олекминской, Верхоянской и Якутской округам. По Олекминской округе сведения подавались «князцами и лучшими родовичами», по Верхоянской — «улусными головами и старостами родовых управлений и лучшими родовичами», по Якутской — «головами улусов и волостей». Таким образом, и здесь, как и при представлении сведений для составления «Свода степных законов», информаторами являлись представители патриархально-феодальной знати. Это обстоятельство давно обратило на себя внимание исследователей якутского обычного права, которые высказали правильное предположение, что многие сведения отражали «не всегда действительно укоренившийся туземный обычай, а местами скорее пожелания» информаторов [3].

Якутский тойонат, пользуясь благоприятным случаем, стремился оформить свои требования в законодательном порядке. В силу этого представленные тойонами нормы обычного права ярко отражали картину классовой борьбы в якутском улусе. Так, в сведения, поданные для комиссии Сперанского, были введены особые разделы: VII — «Об ослушниках» и VIII — «Об якутах беспокойных и нетерпимых в роде». В VII разделе имеются статьи: «1. Если якут по трем повесткам... родоначальников, имеющих над ним власть, не придет, без законных причин, из одного неповиновения и упрямства, то... если не простой человек, наказывается почетным содержанием под караулом, с надетой на ноги колодой, а если простой,— лозами...,» и «2. Равномерному наказанию подвергаются те, кои не исполняют приказания родоначальников по делам казенным и общественным тоже без законных причин». Еще показательнее статья, отражающая пожелания якутских тойонов: «4. Якуты, по личным неудовольствиям, маловажным, жалуясь на родоначальников, т. е. старшин, князцов и голов, начальству, оказывают тем родоначальникам, не только по частным, но и по казенным и общественным делам, неповиновение под предлогом ссоры, что разрушает порядок подчиненности и служит к расстройству благоуправления; к пресечению сего беспорядка правил не постановлено, что необходимо». Не менее выразителен и раздел VIII, где говорится: «Беспокойными и нетерпимыми в родах почитаются те из якутов, которые: а) по обличении в троекратных воровствах, учинении платежа и наказании их, не воздерживаясь от того, продолжают делать кражи и обличатся в том в четвертый раз; б) которые обманными и другими мошенническими изворотами, навлекая на себя неоплатные долги и другие неудовольствия, привлекают просителей в наслег, к тому распутные пьяницы, не платят государственных податей и общественных повинностей, так что вместо пользы обществу приносят ему убытки и беспокойства; в) которые затейны, наглы, дерзки, не оказывают родоначальникам должного повиновения, входят в затейные и несправедливо-ябеднические жалобы на родников своих и сторонних, а также на самих себя навлекая многие жалобы, отбы-

[3] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. VI.

вают от должного взыскания хитростями и через то обществу причиняют беспокойство; все таковые с точным и ясным показанием их вины, по приговорам наслежных обществ, представляются начальству для отсылки в Охотск и в Камчатку на поселение; право сие необходимо сохранить и для будущего времени, для воздержания продерзостных».

Весьма характерны и сведения, поданные головами улусов и волостей по Якутской округе в 1823 г. Здесь якутские тойоны выставили требование называть их не «князцами», а «князьями». Устав 1822 г. указывал, что старосты и головы, выходившие из числа почетных родовичей, могли между своими родовичами называться «князцами», но в сношениях с правительством должны были именоваться «старостами» и «головами». Устав, таким образом, не закреплял за ними официального титула «князцов» и тем более «князей». Но якутским тойонам было мало именоваться «князцами» в быту, они требовали уравнения их с русским титулованным дворянством. Они писали: «С самой глубокой древности якутские старшие родоначальники назывались князьями, как речь сия есть природная по происхождению нашему от татар, а не князцами, ибо в якутской речи слова князец нет и выговаривать оного не могут, а говорят князь. А из чего выходит, что сие звание есть у нас природное». Якутские тойоны явно грешили здесь и против якутского языка и против якутской истории. В якутском языке слова «князь» нет; употребляемое якутами слово «кинес» восходит к русским документам XVII в., где оно всегда встречается лишь в форме «князец».

В том же документе 1823 г. якутские тойоны вновь выставили свое требование, содержавшееся еще в «Плане» Аржакова 1789 г.,— иметь своего выборного «областного голову».

20 октября 1825 г. Иркутское губернское правление утвердило правила по применению Устава 1822 г. в Якутии. По этим правилам у якутов в качестве высшего органа «степного управления» была введена Степная дума. 27 января 1827 г. было объявлено об учреждении Степной думы и инородных управ, в феврале состоялись выборы главного родоначальника и временных заседателей, а 11 марта 1827 г. Степная дума была объявлена открытой. Выборы членов инородных управ производились на улусных собраниях всех полноправных якутов, выборы членов родовых управлений — на наслежных собраниях якутов. На выборах якутские тойоны сумели путем давления на избирателей провести угодных им лиц. В выборах членов Степной думы участвовали только тойоны-«родоначальники» и то только одной Якутской округи.

Показателен первый состав Якутской степной думы. Главным родоначальником был избран борогонский голова Иван Мигалкин, временными заседателями — кангаласский старшина Василий Павлов, батурусский староста Иван Артемьев, намский староста Кузьма Прокопьев, дюпсюнский староста Петр Васильев, баягантайский староста Алексей Калининский и мегинский староста Яков Березин. Все они были представителями старинных тойонских родов.

Короткая и бесславная история Якутской степной думы, закрытой уже в 1838 г., крайне показательна для выяснения как позиций тойоната, так и отношения правительства к «степному управлению», торжественно провозглашенному в Уставе 1822 г.

Пытаясь использовать Якутскую степную думу как удобное орудие для проведения своей фискальной политики, правительство в лице генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского и якутского областного начальника Мягкого поставило перед ней задачу проведения среди якутов более уравнительного распределения земли. Концентрация земли в руках той-

онов, которой в прошлом не в малой мере способствовало само правительство, была не в интересах казны и несла ей немалый материальный ущерб.

Требуя перераспределения земли среди якутов, правительство в 1827 г. предписало заново перераспределить все якутское население по различным платежным категориям (классам). В первых двух классах должны были состоять все плательщики соболиных и лисьих окладов ясака, в третьем — все мастера и промышленники, в четвертом — служившие в работниках и в пятом — дряхлые, калеки и нищие. Первые два класса платили ясак и подати и участвовали во всех повинностях, третий и четвертый классы не платили ясака, участвуя в уплате других податей и несении повинностей, пятый класс не нес повинностей и не платил податей.

Под давлением русской администрации Якутская степная дума предписала, чтобы на весенних собраниях 1827 г. с общего согласия владельцев земли и плательщиков ясака было произведено новое распределение ясака и земли и чтобы в том же году в Степную думу были представлены новые списки с распределением по пяти классам. Но списки в 1827 г. в думу представлены не были, и дума отписала в Якутское областное управление, что «хотя разосланы табели и формы с назначением сроков для представления земельных и иных ведомостей, но ни одной управой почти ничего не доставляется» [4]. Понадобился новый нажим со стороны прибывшей в Якутск второй Ясачной комиссии для того, чтобы в 1828 г. были представлены новые списки.

Эти новые списки привели в восторг якутского областного начальника Мягкого, который, по словам Л. Г. Левенталя, проявил необычайную «доверчивость и податливость... ко всему, что представляла и чего желала Степная дума» [5]. Мягкий доносил в Иркутск, что благодаря его стараниям и особым попечениям Степной думы якутские общества произвели новое распределение земли и повинностей и по новому распределению «владеемые ими 34 341 покосных остожья, которыми до 1825 г. наделены были всего 14 341 д., теперь перераспределены между 30 808 душами» [6]. Однако тот же Левенталь, изучив эти новые списки, пришел к выводу, что якутский тойонат не поступился ничем или почти ничем из своих прав. Почти везде часть родовичей третьего и четвертого классов была введена в ясак и наделена землей, но главным образом за счет второго класса. «Иначе говоря, в большинстве обществ первый класс и на этот раз ничем не поступился из своих земель, и в лучшем случае отделался лишь небольшой прибавкой к своим платежам» [7].

Несколько лет совместной работы Якутского областного управления и Якутской степной думы хорошо показывают союз между правительством и патриархально-феодальной знатью, который лежал в основе Устава 1822 г. Якутская степная дума ревностно выполняла предписания начальства об увеличении налогов, повышая их за счет основной массы населения; Якутское областное управление закрывало на это глаза, обнаруживая необыкновенные «податливость и доверчивость», т. е. поддерживало якутский тойонат. Обе стороны были довольны друг другом. Мягкий писал в Иркутск, что «Степная дума, инородные управы и родовые управления исполняют свои обязанности вполне исправно, тщательно и усердно; что способности инородцев и их образованность вполне достаточны для само-

---

[4] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 407.
[5] Там же, стр. 408.
[6] Там же.
[7] Там же, стр. 409.

управления и для самого судебного порядка (т. е. для правильности и беспристрастия суда родоначальника); что их нравственность ощутительно улучшается и благосостояние повышается и что они чувствуют в полной мере попечительство о них высшего начальства и благодетельность Устава 1822 г.» [8].

Пользуясь поддержкой русской администрации, Якутская степная дума разрешила в выгодном для себя духе такие важные дела, как урегулирование земельных споров между якутами и тунгусами, выработка форм контрактов для сдачи в аренду земель русским и прокормления их скота и составление новых правил по провозу казенной клади.

Между якутами и тунгусами в XIX в. все еще были часты споры и недоразумения из-за охотничьих угодий. Для устранения их Якутской степной думе было предоставлено право установить границы между землями тунгусов и якутов, т. е. фактически дано право разрешать спорные вопросы в пользу якутского тойоната. Столь же выгодны для якутских тойонов были условия аренды земель и отдачи в прокорм скота. Что же касается новых правил по провозу казенной клади, то в итоге их применения этот провоз стал еще более прибыльным для тойонов, сосредоточивших в своих руках лошадей. Это наглядно показывают наслежные раскладки 1829—1830 гг. и постановления Якутской степной думы 1830 г. Так, по наслежным раскладкам в 1829 г. за старостами, старшинами, головами и заседателями было закреплено по две, три и четыре лошади для провоза казенной клади; остальные лошади делились между всеми другими плательщиками повинностей, так что на хозяйства в среднем падало от $^3/_4$ до $^1/_4$ лошади. В раскладке Игидейского наслега было постановлено: «Кроме того, собравшиеся родовичи без всякого спору и прекословия отделили старосте своему Гавриле Слепцову 11 лошадей из числа следующих в Охотск и Верхоянск (за казенную плату). А сына его Михаила Слепцова постановили назначить транспортным капралом с вознаграждением в 50 руб., и проводником 13 лошадей с платой по 3 руб. за каждую» [9]. Не менее выразительно постановление Якутской степной думы от 18 января 1830 г., в котором указывалось, что кангаласскому старосте и бывшему голове Николаю Рыкунову «в воздаяние его трудов по делам общественным, дабы он мог посильнее себе приобресть приобретение... положить 30 лошадей из числа следующих в Колымск» [10].

Якутская степная дума беззастенчиво обманывала и грабила население. Особенно показательны в этом отношении два дела: о недозволенной торговле в тунгусских стойбищах и о посылке якутской делегации в Петербург.

Главный родоначальник Якутской степной думы Мигалкин, получив разрешение Якутского областного управления на розыски новых земель, не заселенных и пригодных для расселения якутов, в 1828 г. поручил это дело своему сыну и бывшему борогонскому старшине с «пристойном числом слуг». А в начале декабря того же года охотскому исправнику стало известно, что какие-то якуты разъезжают по стойбищам охотских тунгусов и производят незаконный торг спиртом, табаком, картами, порохом и свинцом в обмен на пушнину. Дальнейшее расследование показало, что Мигалкин под предлогом розыска новых земель послал своих доверенных лиц с товарами на многих вьючных лошадях в такие тунгусские стойбища,

---

[8] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 410.
[9] Там же, стр. 416.
[10] Там же.

куда раньше не ездили якутские торговцы. Барыши предвиделись крупные: в оборот было пущено до пяти пудов пороха, до шести ведер спирта и т. д. Тауйскому смотрителю было отправлено письмо с просьбой содействовать этой незаконной торговле. Войдя в сделку с тауйским смотрителем, доверенные Мигалкина не только обирали тунгусов мошенническими торговыми сделками, но и бесплатно брали у них оленей для своего продовольствия и проезда, а также вымогали пожертвования «на расселение якутов». Уголовные действия Мигалкина и его подручных нельзя было покрыть. Мигалкин был отрешен от должности и подвергнут аресту на семь суток с запрещением впредь занимать общественные должности: его доверенные были наказаны 20 ударами плетьми и отданы под надзор земской полиции. Сверх того, Охотский окружной суд, где слушалось дело, постановил взыскать с Мигалкина суммы на вознаграждение пострадавшим тунгусам.

Еще более скандальным оказалось второе дело, которое затронуло почти всю якутскую аристократию и послужило причиной падения Якутской степной думы. Еще в 1822 г. якутские родоначальники просили разрешить им послать своих представителей в Иркутск, а если потребуется, и в Петербург для изложения их нужд и пожеланий. Тогда этот вопрос не был решен, и в 1829 г. Якутская степная дума вновь просила, чтобы «по случаю составления свода степных законов» было разрешено послать двух доверенных в Петербург «для представления о нуждах и ходатайствах своих сородичей». В декабре 1829 г. высочайшим указом посылка такой делегации была разрешена. В Якутской степной думе срочно составили две докладные записки для представления в Петербург. В одной перечислялись благодетельные результаты действия Устава 1822 г., в другой выдвигался ряд новых требований, как то:

1. Позволить учредить уездную школу с пособием от казны.

2. Позволить якутам отлучаться далее 500 верст от своих жилищ по билетам родовых управлений или инородных управ, а не по разрешению земского суда.

3. Третьей степенью словесного суда признать Степную думу вместо земского суда.

4. Утвердить степные законы в том виде, как они были выработаны в Иркутском комитете при участии якутских представителей.

5. Навсегда утвердить за якутами отвозку казенных кладей и предоставить им самим содержать станки.

6. Установить, чтобы для ревизии дел в инородных управах выезжали не чины земского суда раз в два месяца, а чиновники, командируемые от областного правления, и только раз в год.

7. Излишние у г. Якутска земли передать якутам.

За этими пунктами следовало ходатайство о всяких льготах и отличиях для родоначальников. По существу этими требованиями Якутская степная дума пыталась расширить права тойоната и свои собственные — как политической организации того же тойоната.

Для посылки делегации в Петербург Якутская степная дума устроила сбор средств по наслегам. Номинально деньги принимались от тех, «кои, будучи движимы соревнованием к пользе народной, добровольно согласятся участвовать в подписке»; в действительности деньги собирались под нажимом, путем раскладки. К 1831 г. было собрано более 20 тыс. руб., из которых только 8 тыс. с небольшим поступили в думу, а остальные застряли в руках сборщиков. Однако и из этих 8 тыс. при проверке в думе оказалось лишь 180 р. 50 к.; остальные деньги были присвоены членами думы. В итоге посылка якутской делегации в Петерберг не состоялась, а

присланная из Иркутска следственная комиссия вынесла решение об отстранении от должности всех без исключения якутских родоначальников, что и было исполнено по предписанию иркутского генерал-губернатора. Дело же «О злоупотреблениях якутских родоначальников с 1827 по 1831 г.» тянулось еще почти 20 лет и было закончено только в 1850 г., когда большей части виновных родоначальников уже не было в живых.

Вообще следственные комиссии с 1831 г. не покидали Якутию. В 1832 г. следственная комиссия разбирала дела о притеснении якутских обществ со стороны их наслежных старост. В 1836 г. в Якутск приехал иркутский генерал-губернатор, по предписанию которого была произведена ревизия инородных управ. В том же году новая следственная комиссия отстранила главного родоначальника Якутской степной думы Пономарева от всех его должностей — наслежного старосты, улусного головы и главного родоначальника. В 1837 г. по представлению иркутского генерал-губернатора состоялось решение Сибирского комитета о том, чтобы Якутскую область ревизовать не реже чем через каждые два года.

Дни Якутской степной думы были сочтены. Формальным основанием для ее закрытия послужило то, что якуты никогда не были подчинены одному главному родоначальнику и что выбор его посеял вражду между якутскими тойонами, что действительно имело место; указывалось также на незаконность учреждения Степной думы в многолюдном городе. В 1838 г. Якутская степная дума по распоряжению иркутского генерал-губернатора была закрыта.

Ликвидация Якутской степной думы не подорвала власти тойонов в якутских улусах. Она, правда, нанесла сильный удар по политическим устремлениям тойоната. Тойоны утратили свой организационный центр, а с ним и надежды в ближайшем времени уравняться в правах с русским дворянством. Но экономические преимущества и права тойонов остались неприкосновенными. Оставались незатронутыми и родовые управления и инородные управы — гнезда тех же тойонов.

Несколько ярких наблюдений об якутском улусе этих лет запечатлел иркутский чиновник Н. Щукин в своей книге «Поездка в Якутск», изданной в 1833 г. Плутни старшин, писал он, довели якутов до крайности. Бедных содержат в совершенном рабстве, не дают им возможности уходить в город на заработки и таким путем делают их вечными своими работниками. Беднота обслуживала тойонский скот: «...а как для прокормления телят зимою нужно много корму, то бедные, за бездельную плату, все лето занимаются приготовлением сена» [11]. Беднота не только заготовляла сено для тойонского скота, но и брала скот на прокорм. Хасаас был типичной формой эксплуатации в Якутском улусе. Тойонат всячески стремился сохранить и развить хасаас — эту «святую святых» якутской экономики — как необходимое условие существования якутского общества и чуть ли не благодеяние для якутской бедноты. В сведениях, которые подавали тойоны в 1823 г. в связи с внедрением в жизнь «Устава об инородцах», они писали: «1. В числе заемных обязательств якутов есть главнейшее, общее и необходимо нужное, как для богатых, так и для бедных, содержание скота, потому что средство сие дает способы первым умножать скотоводство, последним на пропитание и оплачивание податей и повинностей. И так, богатые... отдают бедным и посредственного состояния якутам определенное количество скота, а именно: от 10 до 40 штук одному семейству, на один год с мая до мая же месяца другого года, за уплату, условленную и взаимно соглашенную; ... за сию... плату содержатель, именуемый скотни-

[11] Н. Щукин. Поездка в Якутск. Изд. 2, СПБ., 1844, стр. 302.

ком, обязан летом скот пасти, зимой кормить сеном, заготовленным на своих местах, к весне вывести тучным и здоровым; удой с тельных коров, исключая отданных ему на пропитание, скопя в масле и кислом молоке, доставить хозяину скота осенью в октябре месяце, скот сберегать от всякой гибели и траты, а в противном случае, за утерянную, украденную или иным каким образом погибшую скотину платит в натуре или по цене деньгами...» [12]. Условия хасааса были кабальными, а в случае их невыполнения сопровождались унизительными наказаниями и вели к пожизненной зависимости. Это со всей очевидностью раскрывается дальнейшими пунктами. «2. Если содержатель самовольно и без дозволения хозяина употребит на свою надобность скотину, то платит за одну штуку одну же, а за самоволие наказывается лозами. 3. Если, сам издержав скотину, скажет, что оная утерялась или украдена, или же умышленно уморив, что нередко случается, для того, дабы мясо оной употребить в пищу, скажет, что погибла каким-нибудь образом, а ложь его откроется, тогда наказывается и платит как вор. 4. Если скотник или пастух, имея в содержании и пастьбе скот, будет без позволения хозяина сам ездить или возить что-нибудь на лошади или быке или для того отдаст сторонним людям, то платит годовое тело, в какой цене оное в том околодке существует; а если ездя или впрягая наджабит спину или повредит какую часть, платит в натуре скот или цену. 5. По окончании срока содержания, хозяин скот свой принимает или оставляет у того же скотника, на прежних или на новых условиях, но не иначе как по учинении с ним за прошедший год расчета, но если по оному причтется за скотником что либо, как-то скота недоставленного, удоя и денег, то тогда на счет сей получается в то же время или заменяется в новую плату, или же остается долгом на скотнике по воле и согласию обеих сторон, с тем однакож, что на скот, оставшийся в долгу, если не будет в условии ограничено, считается приплод и удой, как выше о долгах сказано» [13].

Царская администрация не посягала на хасаас. Больше того, она укрепила эту форму эксплуатации.

---

[12] «Сборник обычного права сибирских инородцев», Варшава, 1876, стр. 237—238.
[13] Там же, стр. 238.

ГЛАВА XIII

ВТОРАЯ ЯСАЧНАЯ КОМИССИЯ И ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯКУТИИ В 30—50-х ГОДАХ XIX в.

Введение в действие «Устава об управлении инородцами Сибири», разделение коренного населения на разряды «оседлых», «кочевых» и «бродячих» вызвали необходимость произвести общее переобложение народов Сибири ясаком.

В марте — мае 1826 г. Сибирский комитет, созданный в 1821 г. для рассмотрения отчета Сперанского по обозрению Сибири и превратившийся в дальнейшем в учреждение для предварительного изучения законопроектов по Сибири, занялся изучением вопроса о податях с сибирских «инородцев». Члены комитета пришли к выводу, что ясак стал «неуравнительным», а цены на пушнину изменились по сравнению с ценами 1763 г. Они нашли, что резко повышаются поступления налогов от переводимых в разряд «оседлых», тогда как налог на «кочевых» не увеличен. С 28 тыс. душ, поступавших в разряд «оседлых», предполагалось собирать в год 317 тыс. руб., в то время как со всех «кочевых» и «бродячих» народов взимали в ясак 165 тыс. руб. Сибирский комитет предложил создать комиссию для переобложения ясачных народов новым окладом ясака с целью увеличения этой подати [1].

В 1826 г. было утверждено положение о второй Ясачной комиссии [2], в 1827 г.— две главные комиссии — одна для Западной, другая для Восточной Сибири. В подробном «Общем наставлении Комиссиям Западной и Восточной Сибири по составлению для кочевых и бродячих инородцев окладных ясачных книг», утвержденном в декабре 1827 г. Николаем I, также указывалось, что ясак по окладу 1763 г. стал неуравнительным, так как «в одних родах или улусах от разных причин значительно уменьшилось наличное число работников, но и вообще число людей, в других напротив число людей возросло, иные же роды совсем или большею частью оставили прежние их промыслы и приняли другие» [3].

В связи с этим комиссиям предлагалось произвести учет «кочевых и бродячих инородцев», получить экономические сведения о каждой волости, разобраться в причинах недоимок, собрать жалобы на местные власти, проверить правильность разделения населения на разряды «кочевых» и «бродячих» и с согласия родоначальников переобложить население новым окладом ясака. Для этой цели в каждую область были направлены местные комиссии. В Якутскую область в июле 1828 г. была послана комиссия из трех чиновников под председательством горного инженера Злобина.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 194/1339, д. 7, лл. 13—18.

[2] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенский. Указ. соч., стр. 444.

[3] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 13, л. 1 об.; Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии, стр. 236—251.

Переобложение было начато с Якутского округа. В 109 родах «кочевых» и 21 роде «бродячих» комиссия выявила 49 480 ревизских душ. Ориентировочный подсчет доходов населения от скотоводства, охоты, рыболовства, извоза по Якутскому округу показал, что в год на одного работника из разряда «кочевых» приходится 20 р. 81 к. доходов, а на одного работника из разряда «бродячих» — 23 р. 89 к. По расчетам комиссии, один работник платил в год 12 р. 90 к. всевозможных налогов [4]. «Приняв в соображение по каждому роду особо: число работников, угодья, промышленность, удобность сбыта произведений, количество оплачиваемых повинностей и изъявленное добровольное согласие инородцев», комиссия определила общую сумму ясака для населения Якутского округа в 70 470 руб., увеличив тем самым ясачный сбор на 43 675 руб. [5].

В Вилюйском округе в 35 родах «кочевых» и восьми родах «бродячих» было выявлено 21 398 ревизских душ — на 13 071 душу больше, чем было обнаружено переписью, проведенной при первой Ясачной комиссии в 1763 г. [6]. В соответствии с численностью и доходами вторая Ясачная комиссия наложила на население Вилюйского округа ясак в сумме 34 372 руб., увеличив сбор на 23 383 руб.[7].

Итоги работы комиссии по Якутской области можно представить в виде следующей таблицы:

Округ	Кочевых родов	Бродячих родов	Ревизских душ	Увеличение населения по сравнению с переписью 1763 г.	Сумма ясака, наложенного второй Ясачной комиссией, руб.
Якутский	109	21	49 480	5 080 (только якуты)	70 470
Вилюйский . . .	35	8	21 398	13 071	34 372
Олекминский . .	5	4	4 715	2 049	9 266
Верхоянский . .	35	10	5 168	2 638	9 793
Колымский . . .	11	19	2 390	—	4 535
Итого	195	62	83 151		128 436

Таким образом, сумма ясака по Якутской области увеличилась с 46 051 до 128 436 руб., т. е. почти втрое.

На одного работника из разряда «кочевых» по области приходилось по новому обложению ясака 3 р. 39 к. По округам эта сумма колебалась в зависимости от определенных комиссией «доходов»: в Якутском округе на одного работника — 2 р. 96 к., в Вилюйском — 3 р. 45 к., в Верхоянском — 3 р. 63 к., в Олекминском — 4 руб., в Колымском — 3 р. 30 к.

На одного работника из разряда «бродячих» по области приходилось 5 р. 40 к., в Якутском округе — 7 р. 42 к. Более высокие ставки обложения «бродячих» были установлены в связи с тем, что «бродячие инородцы», в отличие от якутов-скотоводов, отнесенных к «кочевым», согласно «Уставу» освобождались от всех податей и повинностей, кроме ясака.

Комиссия разрешила большей части «кочевых» и части «бродячих» родов платить ясак деньгами. Как и при предыдущем переобложении, ясак

---

[4] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1339, д. 8, лл. 37—39.
[5] Там же, лл. 28—29, 41.
[6] Там же, д. 9, лл. 3, 7.
[7] Там же, л. 8.

был наложен на целые общества, и раскладку по числу душ должны были производить они сами. Комиссия подтвердила правильность произведенного якутской областной администрацией разделения коренного населения на разряды «кочевых» и «бродячих».

В 1830 г. комиссия закончила свою работу в Якутской области [8]. В 1835 г. новый оклад ясака был утвержден Николаем I [9].

Ясак, поступавший из Якутии, шел непосредственно императорскому кабинету. Ясак взимался в этот период преимущественно в денежной форме, хотя вторая Ясачная комиссия старалась обеспечить поступление части ясака натурой. Некоторые волости и роды по требованию комиссии взяли на себя обязательство платить ясак мехами. Цены на меха пересматривались каждые три года и утверждались кабинетом. Полученные в ясак меха сортировались. Малоценные сорта реализовались на ярмарке в Иркутске, более ценные распродавались с аукциона в Петербурге [10] и Лондоне [11]. Лучшие меха шли на нужды царской фамилии. В описи дел кабинета сохранились следующие записи: «О приготовлении мехов палантинов, галстуков и опушей в приданое ее императорскому высочеству великой княжне Марии Николаевне» [12] (1838 г.). «О приготовлении меховых вещей для невесты великого князя Константина Николаевича и для гувернантки ее светлости Гримерштейн» [13] (1847 г.), «О записке в расход собольего якутского меха и соболей, употребленных на сделанье салопа для принцессы Ольденбургской» [14] (1849 г.) и т. д.

Экономические материалы, собранные второй Ясачной комиссией, дают некоторое представление о направлении хозяйства якутов по отдельным округам. Это хозяйство не было однотипным. Скотоводство было ведущей отраслью производства только в центральных округах. В северных округах рыболовство и охота имели для якутов по-прежнему большее значение, чем разведение крупного рогатого скота и лошадей. По данным второй Ясачной комиссии в Якутском округе на одного человека приходилась одна лошадь и две головы рогатого скота [15]. В других округах на одну душу приходилось еще меньше. При такой недостаточной обеспеченности скотом и при крайне низкой продуктивности якутского скота население даже центральных скотоводческих округов не могло существовать за счет одного только скотоводства.

За счет молочных продуктов и мяса, получаемого при убое скота, существовали лишь богатые хозяйства. Для рядовых якутских хозяйств не менее важным источником пищи были рыболовство и охота. Исключительно промыслами жила беднота, балыксыты — рыболовы. К сожалению, комиссия не собрала данных о промыслах, не имевших товарного значения,— добыче лосей, диких оленей, зайцев, мелкой озерной рыбы, сборе сосновой заболони и т. д.

Для многих групп якутов, владевших сравнительно незначительным поголовьем скота, например верхоянской, момской, колымской, охота и рыболовство играли более важную роль, чем скотоводство. Так, по данным второй Ясачной комиссии, в 1830 г. в Верхоянском округе в воло-

---

[8] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1339, д. 9, л. 472.

[9] ПСЗ, т. X, № 7917.

[10] ЦГИАЛ, ф. 468, инв. оп. 9, камеральное отделение, 2-й стол, № 126/300, л. 47 об.

[11] Там же, № 125/299, л. 38 об.

[12] Там же, № 119/293, л. 3 об.

[13] Там же, № 119/292, л. 5 об.

[14] Там же, № 123/297, л. 28.

[15] Там же, № 1339, д. 8, лл. 32—34.

Рис. 28. Якутские лошади на зимнем пастбище.

стях, занимавшихся скотоводством, было 6335 человек обоего пола. В этих волостях имелось 3831 голова рогатого скота и 7114 лошадей. Таким образом, на одну душу приходилось около 0,5 коровы и 1,1 лошади, По тем же данным, в 11 якутских волостях Колымского округа было 2267 человек обоего пола. В этом округе имелись 2993 лошади и 357 голов рогатого скота; на одну душу приходилось 0,1 коровы и 1,3 лошади [16]. На севере, в Жиганском и Усть-Янском улусах и Нижне-Колымском ведомстве значительные группы якутов, так же как и «бродячие» роды, жили промысловым хозяйством, а скотоводством не занимались.

Разными путями шло и развитие хозяйства в отдельных округах Якутской области. В Колымском и Верхоянском округах постепенно укреплялось скотоводство, в центральных улусах и Олекминском округе к традиционным отраслям хозяйства в этот период стало добавляться хлебопашество.

В 1830—1840 годах хлебопашество получило заметное распространение в центральных якутских улусах. В отчете 1849 г. сенатора Толстого по материалам его ревизии 1842 г. отмечалось, например, что в Кангаласском улусе почти у каждой юрты видно засеянное поле [17].

В 1844 г. в Якутию было доставлено 2 тыс. пудов ячменя для раздачи на семена якутам, желавшим заняться земледелием [18]. Хлебопашество стало постепенно проникать в глубинные якутские наслеги: в 1846 г. в Батурусском улусе было засеяно ячменем и ярицей 275 дес. Однако посевы большинства якутов были еще крайне незначительны. Так, в Эмисском роде Батурусского улуса засевали от 5 до 15 фунтов ячменя на хозяйство, а урожай колебался в пределах сам-двух и сам-четырех [19].

---

[16] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 164—166, 308—312.
[17] Там же, оп. 1138, д. 16, л. 176.
[18] ЦГА ЯАССР, ф. 36, оп. 1, д. 261, лл. 1—4.
[19] Там же, ф. 29, оп. 1, д. 160, лл. 123—124.

В 1850—1860-х годах начало распространяться и огородничество. В 1858 г. отдельные зажиточные якуты в центральных улусах выращивали картофель, капусту, репу [20].

Однако для большинства якутских хозяйств центральных улусов основой существования по-прежнему было скотоводство, дополняемое рыболовством и охотой. В связи с этим большое значение имело сенокошение, и неурожаи трав тяжело сказывались на положении населения. В 1840-х годах центральные улусы были поражены неурожаем трав. В 1842 г. вследствие неурожая якутский земский исправник предложил Баягантайской инородной управе заблаговременно забить излишний скот, оставшийся скот кормить тальником и березняком, а также убедить зажиточных снабдить сеном бедных, обещая за это соответствующие награды [21]. В поданном министру государственных имуществ прошении об отсрочке платежа недоимок шесть улусных голов Якутского округа сообщали, что вследствие неурожая трав в 1842 г. пало около трети скота [22]. Очевидно, бедствие приняло настолько значительные размеры, что кабинет вынужден был рассрочить одному из наслегов Борогонского улуса платеж недоимок (4260 руб.) на 10 лет, а на ближайшее трехлетие зачислить этот наслег по платежу земских повинностей в низший разряд [23]. Другие наслеги, видимо, тоже получили льготы. В 1848 г. неурожай трав достиг Дюпсинский улус; скотоводы перекочевали в Намский улус, надеясь здесь взять в аренду сенокосы. Но неурожай захватил также Батурусский и Борогонский улусы, откуда скотоводы также перекочевали в Намский. В связи с этим покосных мест для сдачи в аренду оказалось недостаточно и цены возросли. Тогда дюпсинцы стали рубить тальник и кормить им скот. Намцы потребовали за это плату. Дюпсинцы отвечали, что тальник — не трава, и обратились в земский суд с жалобой на намцев. Земский суд постановил убедить намцев дать дюпсинцам тальник бесплатно [24].

Последствием неурожайных лет было разорение многих мелких скотоводческих хозяйств, обострение борьбы за лучшие сенокосные угодья и пастбища.

Еще со времени первой Ясачной комиссии в якутских улусах было узаконено весьма неравномерное распределение земли. Богатые, входившие в первые классы, пользовались значительно более крупными и лучшими по качеству угодьями, чем рядовые общинники. Концентрация сенокосных участков в руках зажиточной верхушки якутов привела к тому, что в центральных улусах стала чувствоваться земельная теснота. Вторая Ясачная комиссия в 1828 г. в отчете о переобложении ясаком населения Якутского округа отметила: «Удобной земли для скотоводства было бы не недостаточно инородцам сего округа, если бы они имели уравнительное разделение в оной» [25]. Касаясь остальных улусов Якутского округа, комиссия указала, что во владении их земель достаточно и лишь отдельным родам не хватает земельных угодий. Недостаток хлебопахотных и сенокосных угодий комиссия нашла в Олекминском округе [26]. В отношении Вилюйского округа комиссия прямо указала, что «инородцы сего округа при изобилии скота не чувствуют в оных (сенокосах и пастбищах.— *Ред.*) особенного недостатка, кроме некоторых родов, которые в сравнении

[20] ЦГА ЯАССР, ф. 36, оп. 1, д. 634, л. 24.
[21] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 51, лл. 50—51, 53—54.
[22] Там же, д. 4, лл. 1—2.
[23] ЦГИАЛ, ф. 468, инв. оп. 9, № 119/294, л. 25.
[24] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 68, л. 207.
[25] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1339, д. 8, л. 34.
[26] Там же, д. 9, л. 415.

с другими имеют оных меньше»[27]. Не обнаружила комиссия земельной тесноты и в северо-восточных округах[28].

Таким образом, по обеспеченности сенокосными угодьями округа Якутской области резко различались. Это не могло не сказаться на земельных отношениях в якутских улусах.

Земельная теснота, отмечавшаяся в ряде центральных улусов, смягчалась не только возможностью существовать за счет подсобных промыслов — рыболовства и охоты, но и наличием на окраинах значительных пустолежащих земельных пространств, пригодных для скотоводства. Смягчалась она также возможностью в некоторых улусах при небольшой затрате сил увеличить сенокосные участки путем спуска озер, а пастбищные — путем палов. «Для наделения землями тех родов, которые встречают истинный в оных недостаток,— отмечалось в отчете второй Ясачной комиссии,— открыты Комиссией довольно в значительном количестве земли впусте лежащие, способные для поселения, по рекам Амге, Ноторе и многим другим речкам, впадающим в Алдан, уступленные Майскими тонгусами»[29]. Далее комиссия сообщала, что ею открыты земли по Верхоянскому и Оймяконскому трактам. Разумеется якуты, совершавшие в поисках соболя далекие поездки в Охотский край, возившие грузы по трактам на Колыму и в Охотск, не могли не знать об этих пригодных для скотоводства местах. Неуклонный рост численности населения в Колымском, Верхоянском и Вилюйском округах показывает, что якуты-скотоводы, выходцы из центральных улусов, постепенно осваивали эти районы. Наличие пустолежащих мест, возможность для рядового хозяйства уйти от притеснений в далекие края и укрыться на время от угнетателей-тойонов — все это способствовало консервации примитивных патриархальных форм эксплуатации.

Вторая Ясачная комиссия в 1828 г. указала на неравномерное распределение земельных участков по Якутскому округу. «В большей части родов ныне лежит ясак на почетных и достаточных инородцах первых двух классов, остальные же, третий, а особливо четвертый и пятый не имеют оного на себе, не участвуют и в полном праве на владение землями... Кроме обложенных ясаком, прочие пользуются ныне небольшими только наделами земель, а некоторые и совсем оных не имеют и работою у своих сородцев должны приобретать прокормление для небольшого числа скота своего»[30]. И далее комиссия отметила, что, «не могши сносить всегдашней скудности в своем роде, они (бедняки.— *Ред.*) ищут перехода в другой, а вместе с удовлетворением в том нередко подвергаются еще в большие недостатки»[31].

Вторая Ясачная комиссия предложила ряд мер по более равномерному распределению сенокосов и пастбищ в якутских общинах. «В настоящее время каждый родович,— отмечалось в отчете комиссии,— имеет особый для себя летник (место для выгона скота.— *Ред.*) и зимник (сенокос и усадьба.— *Ред.*), от сего при продовольствии его скотоводства нередко остаются излишки бесполезные для него и общества»[32]. Комиссия рекомендовала соединить несколько хозяйств в один летник. Совет Главного управления Восточной Сибири поддержал предложение комиссии[33], и этот порядок был принят якутскими общинами. Чтобы из-

[27] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1339, д. 8, л. 4.
[28] Там же, л. 165.
[29] Там же, л. 55.
[30] Там же, лл. 57—58.
[31] Там же.
[32] Там же, л. 59.
[33] Там же, лл. 450—470.

бежать захватов со стороны старост и старшин угодий у других членов общины, комиссия предложила выделить в каждом наслеге особые постоянные старшинские угодья [34]. В целях увеличения числа покосов комиссия рекомендовала обществам производить расчистки новой земли из-под леса.

Очевидно, в связи с работой второй Ясачной комиссии на Восточную Сибирь, в том числе и на Якутию, в 1828 г. был распространен указ от 20 декабря 1820 г. «О поощрении казенных крестьян Архангельской губернии к распространению хлебопашества — дозволением расчищать земли из под лесов при их волостях находящиеся и утверждать таковые вновь расчищенные земли на 40 лет во владении за теми, кто расчистил оные» [35]. В связи с этим в 1828 г. были введены следующие правила: «1) Расчистку земель в Восточной Сибири из-под лесов позволить каждому крестьянину. 2) Крестьянин, желающий произвести расчистку, должен предварительно испросить о том от местного начальства позволение. 3) Кто по сему дозволению приведет землю в совершенное удобрение, тот расчищенным участком пользуется 40 лет неотъемлемо» [36]. По истечении 40 лет расчищенные места должны были делиться на всю волость; поэтому их запрещалось продавать, но разрешалось сдавать в аренду.

Воспользовавшись этим указом, тойоны стали требовать от общин согласия на предоставление им прав на пустолежащие участки, ссылаясь на то, что они произвели их удобрение, т. е. выжгли и расчистили от тальника. В отчете по переобложению ясаком населения Якутского округа вторая Ясачная комиссия отмечала, что выжигание кустарников производится «почетными родовичами», чтобы под благовидным предлогом завладеть каким-либо участком [37]. Указ привел к тому, что крупные скотовладельцы и целые наслеги стали увеличивать свои сенокосные угодья за счет расчисток. В первой половине XIX в. производились расчистка тальников на заливаемых берегах рек и на островах, спуск и осушение мелководных озер. Урожаи трав на таких угодья были значительно выше, чем на обычных лугах. Расчистки и спуск озер производились не только тойонами. Крупные озера спускались обычно сообща наслегом, родом или группой родовичей. В 1820 г. жители Мархинского улуса начали рыть канаву для спуска озера Нюрба протяженностью 25 км. Работы по прокладке канавы продолжались четыре лета. В 1824 г. озеро было спущено. Из-под воды освободилась ровная площадь около 20 тыс. га, которая в последующие годы стала давать хорошие урожаи трав [38].

Спуск озер, поощрявшийся иркутскими губернскими властями и Якутским областным правлением, практиковался во всех округах Якутской области, но главным образом в Вилюйском округе, Эльгетском и Средне-Колымском улусах. Озера располагались на древних террасах рек, ступенеобразно, и спуск их не требовал больших затрат труда. Для спуска озера обычно рыли лишь небольшую канаву. Поэтому общество отдавало спустившему озеро не всю площадь, а часть ее. Спуск озер дозволялся и не членам общины. В 1851 г. якутский мещанин Седалищев добился разрешения на спуск озера Кюрень в Верхне-Вилюйском улусе с условием, что четверть освободившейся площади будет передана обществу, а остальная поступит к нему во владение на 40 лет [39].

[34] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1339, ф. 8, л. 60.
[35] ЦГА ЯАССР, ф. 36, оп. 1, д. 82, л. 21.
[36] Там же.
[37] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1339, д. 8, л. 59.
[38] Г. В. Наумов. К истории хозяйственного освоения бассейна р. Вилюя. «Ученые записки Ин-та языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР», 1954, вып. 2, стр. 14.
[39] Там же, стр. 15.

Ввиду постепенного обнищания якутов вопросы распределения сенокосов в Якутии время от времени привлекали внимание и Главного управления Восточной Сибири. Иркутское губернское правление и якутское областное начальство еще до учреждения второй Ясачной комиссии с беспокойством отмечали в Якутии большое количество лиц, неспособных нести все возраставшее бремя податей и повинностей.

Высшие местные власти не могли не видеть, что при неуклонном росте численности ревизских душ количество ясачных плательщиков (работников) не увеличивалось, а в некоторых улусах и сокращалось; так было, например, в Мегинском, Намском и Баягантайском улусах.

В 1824 г. в семи центральных улусах из 40 437 ревизских душ числилось только 14 341 плательщик ясака [40]. Таким образом, процент способных нести повинности был крайне низок. Однако следует иметь в виду, что якутские родоначальники иногда умышленно преуменьшали число работников, чтобы представить свои улусы и наслеги маломощными и переложить часть общественных повинностей на другие улусы. В 1826 г., когда у якутских родоначальников потребовали более точных данных, выяснилось, что ясак платят не 14 341, а 17 529 человек [41].

Как известно, не платившие ясака официально не наделялись и сенокосными угодьями. Следовательно, в якутских улусах числилось много «безземельных». Однако из приведенных данных не следует делать встречающегося в литературе ошибочного вывода о том, что 60—65% населения Якутии было лишено земли или что «землей пользовались только тойоны и зажиточные элементы» [42]. Приведенные данные показывают не число хозяйств, а число ревизских душ, т. е. общее число лиц мужского пола всех возрастов. Для того чтобы определить действительное число безземельных хозяйств, нужно учесть, что среди ревизских душ, как показали переписи первой и второй Ясачных комиссий, 50—60% составляли члены семей — малолетние, престарелые и нетрудоспособные [43]. Исключив их, можно полагать, что сенокосами не наделялись 10—15%, а в некоторых улусах до 20% взрослого самодеятельного населения.

Беспокоили администрацию и значительные недоимки. В 1824 г. по Зашиверскому комиссарству значилась недоимка 13 918 руб., по Колымскому — 6033 руб., по Вилюйскому — 810 руб., по Олекминскому — 382 руб., по Якутскому — 5529 руб. [44].

Причину обнищания якутов местная высшая администрация видела в огромных внутренних сборах и неравномерном распределении земель в якутских наслегах. Она пыталась провести те же мероприятия, которые были введены на землях государственных крестьян. Согласно межевым инструкциям, размеры наделов государственных крестьян были поставлены в соответствие с размерами подушных податей, а в конце XVIII в. был издан ряд указов об уравнительном распределении земель. Охраняя свое монопольное право на эксплуатацию государственных крестьян, царизм ограничивал кулацкую верхушку в ее попытках закабалить рядовых

---

[40] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 391.

[41] Там же, стр. 409.

[42] Г. П. Башарин. Происхождение соболино-лисьей или двухокладной системы землепользования в улусах бассейна средней Лены и Амгино-Ленского плоскогорья, стр. 87; его же. Земельные отношения в Якутии в конце XVIII — первой трети XIX в. «Исторические записки», т. 35, стр. 127—169; его же. История аграрных отношений в Якутии, стр. 283, 288.

[43] ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, л. 136.

[44] ЦГА ЯАССР, ф. 13, оп. 1, д. 5, л. 3.

членов общины, обложить их поборами в свою пользу. Пытаясь предотвратить разорение и закабаление мелкого самостоятельного производителя в Якутии, иркутский губернатор Зеркалеев в 1824 г. распорядился в целях уменьшения внутренних расходов сократить делопроизводство в наслегах, запретить сборы на содержание родоначальников, на их поездки в Якутск, прекратить сдачу сенокосов в аренду отдельными членами общества, а сдавать свободные земли в аренду только с согласия всего общества и обращать полученные средства на общественные, внутренние расходы [45]. На некоторых нарушителей этих правил были наложены взыскания [46]. В 1826 г. староста Эргитского рода Кангаласского улуса был смещен за незаконный сбор с родовичей 431 руб., которые он отчасти употребил на внутренние расходы, а отчасти присвоил [47].

В связи с ростом налогов администрация вынуждена была обратить внимание на систему раскладки налогов и повинностей, а вместе с тем и на распределение земель внутри якутских общин.

После работы второй Ясачной комиссии, вследствие настоятельных требований местной администрации произвести уравнительное распределение, во многих наслегах были сделаны некоторые изменения в распределении сенокосов. В Жабыльском роде Мегинского улуса в 1831 г. была составлена ведомость о разделе покосных мест на три разряда. В примечаниях к ведомости сообщалось: «В сем Жабыльском роде по 8-ой народной переписи считается мужска полу 499 душ, из оных ясак, земских и других повинностей платящих 240 душ. И особо одне земские повинности платящие 157 душ оные наделены покосными местами; затем по особому списку остаются по совершенным бедным состоянием без уделению покосами 28 душ равно умерших 74 души. За все оные повинности раскладкою платят ясачные общественники и сим разделением покосными местами и летними выгонами для скота все между собою безобидно и уравнительно остаемся довольными, в чем и утверждаем нашим подписанием» [48]. По трем классам земля разверстывалась и в некоторых других наслегах. В некоторых наслегах в результате указаний об уравнительном распределении земли были лишь несколько увеличены первые два класса за счет перечисления в них некоторых родовичей из третьего, но этот последний класс так и не был наделен землей.

Жехсогонский наслег Батурусского улуса был разделен в 1835 г. на пять классов: I класс (111 человек) и II класс (199 человек) были наделены землей, в отношении же III класса (92 человека) в ведомости прямо указывалось: «несостоящие в окладе и не имеющие земель». Не наделялся землей и IV класс (17 человек), плативший только подушную подать [49]. В V класс записывали умерших, не выключенных из ревизских списков. В примечаниях к ведомости составители пытались следующим образом оправдать лишение земли III класса: «В 3 классе родовичи не имеют во владении земель по той причине, что они по малоимению не причислены ни в какие повинности, а только оплачивают одни подати и земские повинности, и есть ли возлагать на таковых оклады со отводами земель не включением повинности, то нести оные бывают совершенно не в силах, почему и оставляют оные на свободное пребывание как в работах, так и в услуже-

---

[45] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 392—393.

[46] Там же.

[47] Там же, стр. 396.

[48] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 2, д. 5701, лл. 128—133; Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии, стр. 344.

[49] ЦГА ЯАССР, ф. 29, оп. 1, д. 72, лл. 5—12.

ние, и имеющие из них малый скот в летнее время прикармливают без всякого стеснения на общественных землях, в зимнее же время прикармливают на приготовленном летом в взятых от родственников или окортомленных местах сих родовичей»[50]. Составители ведомости также сообщали, что в случае обнищания родовичи первых двух классов переводятся в III или IV класс, а на их место поступают родовичи из III класса. В Жехсогонском наслеге не имело земельных наделов около 25% взрослых мужчин.

Таким же образом земля была разделена в Бологурском наслеге Батурусского улуса. Сенокосными угодьями были наделены I класс (184 человека) — по два остожья и II класс (136 человек) — по одному остожью[51]. III класс (153 человека) не был наделен сенокосными участками[52]. Всего в этом наслеге, по данным второй Ясачной комиссии, насчитывалось 452 человека мужского пола. Следовательно, наделено землей было более 60% всех мужчин. Остальные были формально безземельны, но в это число входили не только взрослые (около 26%), но и несамостоятельные члены семей — малолетние и престарелые.

В 1835 г. ведомости «о местах владеемых якутами за платеж ясака и о количестве людей, не имеющих земель», были составлены и в Кангаласском улусе. В Богородском наслеге землей наделялись первые два класса. 39 родовичей I класса наделялись участками, дававшими два 12-саженных стога; 168 родовичей II класса — участками, дававшими один стог такого же размера. Родовичи III класса (44 человека, включая несамостоятельных членов семей), платившие все налоги, кроме ясака, а также IV (15 человек) и V (42 человека) классов землей не наделялись. IV и V классы (калеки и умершие, не выключенные из списков) не платили никаких податей[53].

Так же распределялась земля и раскладывались налоги в Хоринском, Орсудском, Кильдемском и других наслегах этого улуса.

Таким образом, к 1835 г. указания о полном уравнительном распределении земли не были выполнены.

В 1835 г. в связи с окончательным утверждением итогов работы второй Ясачной комиссии и введением нового оклада ясака генерал-губернатор Восточной Сибири, основываясь на отчетах комиссии, вновь обратил внимание якутского областного начальника на неуравнительное распределение земельных угодий в Якутской области, указав, что только богатые владеют землями, «под предлогом взноса ими ясака и повинностей за бедных, отчего сии последние остаются вечными рабами богатых и никак выйти из сего состояния не могут». Значительным числом безземельных губернатор объяснял и распространившееся в округе «воровство»[54]. Ввиду этого Якутский земский суд потребовал от инородных управ сведений о том, как разделяются земли, и именных списков с указанием, кому сколько отведено покосных мест.

В 1836 г. по Жабыльскому наслегу была составлена подробная разделительная ведомость. В I класс входили 53 человека, получившие участки, дававшие по два 10-саженных стога сена, во II класс — 187 человек, получивший по одному 10-саженному стогу, в III класс — 159 человек, из которых 71 получил по одному 7-саженному стогу, а остальные группировались по два-три человека, имея по одному 10-саженному стогу

---

50 ЦГА ЯАССР, ф. 29, оп. 1, д. 72, л. 12.
51 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 3, лл. 2—17.
52 Там же, л. 17.
53 ИВАН, ф. 11, д. 6/372, лл. 94, 102, 104.
54 ЦГА ЯАССР, ф. 29, оп. 1, д. 72, лл. 1—2.

(вместе)[55]. Таким образом, землей наделялись все три класса, но наделялись неравномерно. Крупные земельные участки по-прежнему сосредоточивались в I классе. В 1-м Оспетском роде Дюпсинского улуса по ведомости 1836 г. землей были наделены I класс (51 человек), II класс (70 человек) и III класс (104 человека). Родовичи I класса платили в ясак по 5 р. 63 к., II — по 2 р. 82 к., III — по 1 р. 41 к.[56]

В некоторых наслегах, как, например, во 2-м Хаяхсытском Батурусского улуса, в ответ на требование уравнительного распределения земель наслежные богатеи наделили землей всех «работников», т. е. лиц от 18 до 50 лет, из первых двух классов (118 человек), а родовичей, входивших в III класс (35 человек), оставили без наделов, освободив их от всех натуральных повинностей и обязав платить только земские повинности (по 3 р. 4 к. в год)[57].

В мае 1836 г. якутский областной начальник Рудаков вновь предписал Степной думе произвести разделение родовичей в каждом наслеге на четыре класса и соответственно наделить всех землей. В IV класс было предложено записать бедных, наделив «для уменьшения числа нищих» каждое такое бедняцкое хозяйство одной головой скота за счет общества[58].

Распоряжение якутского областного начальника, очевидно, вызвало недовольство тойонов. В связи с этим в 1837 г. оно было передано на рассмотрение Иркутской казенной палаты и Иркутского губернского совета. Согласившись с Рудаковым в том, что «бедных родовичей следует оградить от самовольства зажиточных якутов», захватывающих лучшие угодья, а также исходя из необходимости провести единообразное разделение на классы, казенная палата указала на право инородных управ производить самостоятельную раскладку сборов и распределение земель. Палата предложила не вводить новые правила, а наблюдать за соблюдением законов и ограждать бедных от стеснения со стороны богатых[59].

Решение казенной палаты было утверждено Иркутским губернским советом. Основываясь на этом постановлении, Якутский земский суд в 1839—1840 гг. требовал от инородных управ единообразного разделения плательщиков на пять классов и соответственно единообразной уравнительности в распределении покосов, предупредив родоначальников, что они будут привлечены к ответственности, если во вверенных им управлениях будет много нищих и бродяг[60]. Очевидно, предписания земского суда оказали в какой-то мере воздействие на улусные и наслежные власти. К середине XIX в. в большинстве наслегов земли стали распределяться между всеми несущими повинности, т. е. между тремя классами плательщиков; IV и V классы (нищие, калеки и не вычеркнутые из списков умершие) землей не наделялись. Указание об уравнительном подушном распределении покосов между тремя классами не было выполнено.

В 1852 г. в 1-м Чакырском наслеге Батурусского улуса земля была разделена по родам, а в родах — между плательщиками I, II и III классов. Так, в Амгинском роде 1-го Чакырского наслега в I классе значился 21 плательщик, во II — 16, в III — 14. На одного плательщика в I классе приходился участок, дававший 1,5 остожья, во II классе — 0,75 остожья, в III — участок, измерявшийся не остожьями, а копнами[61].

---

[55] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 2, д. 5701, лл. 119—123.
[56] Там же, ф. 36, оп. 1, д. 174, лл. 16—21.
[57] Там же, ф. 29, оп. 2, д. 82, лл. 2—4.
[58] Там же, ф. 36, оп. 1, д. 174, л. 4.
[59] Там же, ф. 43, оп. 1, д. 383, лл. 9—10.
[60] Там же, ф. 44, оп. 1, д. 3, л. 11.
[61] Там же, ф. 29, оп. 2, д. 197, лл. 1—17.

Таким же образом были разделены земли в Жулейском наслеге Батурусского улуса, но плательщик I класса наделялся здесь участком, на котором ставилось два остожья сена, плательщик II класса — участком, дававшим одно остожье, на плательщика же из III класса приходилось одно остожье или пол-остожья [62]. Большинству плательщиков здесь выделялись отдельные летники — выгоны.

Аналогично разделены были в 1856 г. покосы и летники в Мегинском улусе. В Мойрудском наслеге этого улуса родовичи I класса наделялись участками, дававшими два остожья, II класса — одно остожье, III — пол-остожья. В I классе было 68, во II — 221, в III — 35 человек.

Рис. 29. Старуха кумаланка

(рисунок художника Носова по фотографии).

Новое распределение покосов и летников не подорвало экономической мощи зажиточной верхушки и не могло остановить процесс постепенного обеднения и разорения самостоятельных мелких производителей. Зажиточные тойонские хозяйства сохранили лучшие сенокосные угодья и под видом расчисток и удобрений усилили захват пустолежащих мест. В то же время тойоны всегда могли за ничтожную плату «арендовать» покосы бедняков. Именно этот последний — скрытый — способ расширения сенокосных угодий и получил широкое распространение во второй половине XIX в. Многолетняя бюрократическая возня вокруг уравнительного перераспределения сенокосов не привела к демократизации якутской сельской общины. Тойонские хозяйства продолжали крепнуть и расширяться.

В середине XIX в. заметно укрепились и позиции якутских торговцев. Как и в начале XIX в., якутские купцы наживали капиталы главным образом на торговле с тунгусами и ламутами. Вторая Ясачная комиссия в своем отчете отметила, что «некоторые из зажиточных якутов с немаловажной для себя выгодою сбывают купцам соболей, лисиц и белку партиями, откупая сих зверей у бродячих тунгусов» [63]. Попытки администрации подорвать эту торговлю путем открытия ярмарок ни к чему не привели. Сенатор И. Толстой, ревизовавший Сибирь в 1840-х годах, отметил, что «якуты приезжают на Учурскую ярмарку (700 верст от Якутска)..., преследуют тунгусов по звероловным местам и обирают всю их промышленность» [64]. То же наблюдалось и под Нельканом [65]. Правительству хорошо были известны и хищнические приемы, применявшиеся якутами-скупщиками пушнины. «Якут при посредстве вина,— писал И. Толстой,— перебирает у тунгуса весь улов, назначая произвольную цену своим товарам» [66].

На это жаловались и сами тунгусы. В 1842 г. князцы шести Кангаласских тунгусских родов подали жалобу на качикатских якутов, выезжавших к их родовичам с различными российскими и китайскими товарами и скупивших всю ясачную пушнину за полцены. Тунгусские князцы жаловались, что из-за этого их родовичи не подходят к ярмарочному дому

[62] ЦГА ЯАССР, оп. 1, д. 196, лл. 1—8.
[63] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1139, д. 8, л. 94.
[64] Там же, д. 16, л. 132.
[65] Там же.
[66] Там же, ф. 468, оп. 1138, д. 16, лл. 178—179.

и не платят ясак[67]. Обманы не всегда кончались для якутских купцов благополучно. Иннокентий Слепцов из 1-го Жехсогонского наслега жаловался в 1841 г. на тунгусского старшину Котуканского рода, который высек его за то, что Слепцов потребовал с него долг его отца. Якутское правление оставило жалобу без последствий[68].

В 1844 г. путешественник Миддендорф встретил на северном склоне Станового хребта 25 якутских купцов с 80 приказчиками. Они доставили товары на 700 оленях и сбывали их тунгусам в обмен на пушнину[69]. Об ассортименте этих товаров можно судить по отчету сенатора И. Толстого. Якутские купцы доставляли в северные округи табак, дабу, китайку, холст, дешевые сукна, коноплю, конский волос, котлы, топоры, косы, пальмы, ножи, огнива, иглы и ружья[70]. Разъездная торговля в долг процветала в Верхоянском, Эльгетском и Колымском улусах.

Обширная торговля мехами велась в Якутске. Цены на пушнину, существовавшие на Якутской ярмарке, учитывались местным начальством, принимавшим их в расчет при сборе ясака. В 1819—1829 гг. цены эти были таковы: соболь олекминский первого сорта — 59 руб., колымский — 19 руб., вилюйский — 12 руб., жиганский — 9 руб., алданский — 39 руб., лисица чернобурая — 341 руб., лисица сиводушка — 27 руб., лисица красная — 12 руб., выдра — 33 руб., песец белый — 4 руб., белка черная — 60 коп., горностай — 20 коп.[71].

На всех ярмарках Якутской области, в Якутском, Олекминском и Колымском округах основным предметом сбыта была пушнина. Бóльшая часть ярмарок представляла собой пункты обмена между зверопромышленниками и купцами-посредниками. Несколько более заметная торговля велась в самом Якутске и на острове Кыллахе, где останавливались суда, следовавшие с грузом с верховий Лены в Якутск. Введение Устава 1822 г. и отмена ряда ограничений для купцов способствовали некоторому оживлению местной торговли. В 1834 г. в Якутске был выстроен деревянный рынок, а в 1836 г.— каменный гостиный двор[72]. По данным второй Ясачной комиссии, в Якутском округе продавался и скот, примерно на сумму 139 тыс. руб. в год. Однако комиссия отметила крайне незначительные размеры этой торговли: «Сбыт скота ограничивается только потребностями одного г. Якутска и округи онной». В небольших количествах сбывалась в Якутске и рыба — до 1000 пуд., на сумму 3 тыс. руб. в год[73].

В то время как тойонские хозяйства богатели, нажизаясь на торговле и эксплуатации своих одноулусников, рядовые якутские хозяйства нищали и попадали в кабальную зависимость к своим богатым сородичам.

Рост налогов, обнищание, тойонский гнет вызывали со стороны трудящихся якутов законный протест, но этот протест по-прежнему принимал главным образом пассивные формы. Разоренные и обиженные семьи покидали родные наслеги, бежали в необжитые места, где укрывались от уплаты долгов и налогов, или переселялись к тунгусам и ламутам и переходили к промысловому хозяйству. Отсталая, забитая масса якутов не могла подняться до сознательного, организованного движения против своих угнетателей.

---

[67] ААН, ф. 161, оп. 1, д. 51, л. 34.
[68] Там же, л. 42.
[69] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. 2. СПб., 1869, стр. 723.
[70] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 1138, д. 16, л. 145.
[71] Там же, оп. 1139, д. 8, л. 440.
[72] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год».
[73] ЦГИАЛ, ф. 468. оп. 1139, д. 8, лл. 34—36.

Бывало, что протест трудящихся якутов против тойонского гнета и административного произвола выливался в бунтарские выступления одиночек. Так, в 1832 г. якут Василий Манчары совершил 18 смелых ограблений тойонских юрт и амбаров [74]. По преданиям, Манчары по происками и наветам своего дяди, богатого князца Василия Слободчикова (Чочо), попал в тюрьму, а затем в ссылку на Охотский солеваренный завод, откуда он бежал. Во время своих нападений Манчары избивал богачей: наказал розгами тарагайского тойона Слепцова, высек дочь своего обидчика Слободчикова и отнял у нее 3 пуда масла, побил пальмой богача Захарова. У батагайского богача Слепцова Манчары похитил его дочь.

Манчары похищал скот, грабил амбары, но не убивал тойонов. Действовал он один или с помощью двух-трех товарищей. Впоследствии к делу Манчары было привлечено 34 человека. Однако следствие показало, что только шесть человек участвовали вместе с Манчары в разных налетах; из них пятеро показали, что были принуждены к этому силой; двое обвинялись в получении от Манчары похищенных вещей, 11 — в том, что давали ему пищу или знали, где он скрывается, и не донесли [75]. Всего вместе с Манчары было осуждено 13 человек. Согласно приговору Сената от 18 января 1838 г., Манчары был наказан тридцатью ударами кнута, один из его товарищей — пятнадцатью, пять человек — десятью, пять человек — пятью, все «с поставлением штемпельных знаков на лице» [76]. Семь человек были подвергнуты недельному аресту при инородных управах.

В литературе были сделаны попытки представить действия Манчары как «аграрное движение» [77]. Никаких оснований для этого нет. Манчары и его немногочисленные сообщники не предъявляли земельных требований к тойонам, не пытались захватить покосы или произвести перераспределение земли. На следствии не подтвердилось даже обвинение в том, что Манчары сжег 51 стог сена у тойона Слободчикова [78].

Налеты Манчары на тойонов, его побеги из тюрем и романтические похождения произвели сильное впечатление на современников. Ненависть к угнетателям породила фольклорный образ Манчары. О нем возникли легенды, песни, в которых Манчары рисуется как смелый борец против угнетателей-тойонов. Прогрессивно настроенные русские интеллигенты — чиновники Якутска с интересом относились к Манчары. Поэт Александров посвятил его похождениям поэму [79].

Чистым разбойничеством, напротив, были действия якута Немюгинского наслега Кангаласского улуса Амоса Данилова, по прозвищу Омоча. В 1838 г. по приговору однонаслежников он был сослан на поселение [80]. Виновником ссылки был богач Гермогенов, обвинявший Данилова в кражах. В этом же году Данилов бежал из острога вместе с тремя другими арестантами-якутами. Раздобыв оружие, он нападал на жителей, отнимал

---

[74] ЦГАДА, ф. 264, оп. 6, д. 21369, лл. 334—339.

[75] Там же.

[76] Там же, лл. 760—763.

[77] Г. П. Башарин. Опыт периодизации истории классового общества в Якутии. Якутск, 1950, стр. 38—39, 76. В книге «История аграрных отношений в Якутии» Г. П. Башарин попытался исправить свое «преувеличенное представление о действиях Манчары и его товарищей» (стр. 331), однако здесь он также бездоказательно связывает действия Манчары и Амоса Данилова с борьбой за землю и утверждает, что эти выступления явились одной из причин активного вмешательства администрации во внутренний порядок распределения земли в улусах (стр. 332).

[78] ЦГАДА, ф. 264, оп. 6, д. 21369, лл. 760—763.

[79] О. В. Ионова. Василий Манчары. Якутск, 1946, стр. 14.

[80] ЦГАДА, ф. 264, оп. 6, д. 25957, л. 5.

у них ценности. После поимки Омоча был наказан 45 ударами кнута с «поставлением на лице штемпельных знаков» и сослан на каторгу [81].

Борьба в улусах иногда принимала форму кровопролития. В 1842 г. зажиточный родович Немюгинского наслега Кангаласского улуса Ефим Гермогенов на сходке нанес рану ножом своему старосте Афанасию Гермогенову за то, что тот не выплатил ему вознаграждения за провоз казенных грузов, угрожал его высечь и при обыске отнял большую сумму денег [82]. На следствии Ефим Гермогенов объяснял свой поступок тем, что хотел привлечь внимание начальства к злоупотреблениям старосты и избавить наслег от притеснителя.

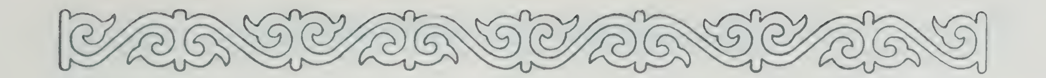
Незрелые еще формы классовой борьбы трудящихся якутов соответствовали строю якутского общества, отличительной чертой которого было своеобразное переплетение патриархальных отношений с элементами феодализма.

Царизмом в Якутии была установлена система обложения и управления отчасти подобная той, которая сложилась на землях государственных крестьян. Якуты, как и другие ясачные народы, были обязаны вносить феодальную ренту в виде мехов или денег. Местная верхушка — богатые скотовладельцы, улусные головы, князцы и старшины, так и не добившиеся дворянских привилегий, присваивали при помощи разнообразных традиционных, преимущественно ростовщических форм эксплуатации прибавочный труд непосредственных производителей, прикрывая свои действия родовой взаимопомощью и родственными связями, выставляя себя благодетелями и защитниками своих сородичей.

---

[81] О. В. Ионова. Указ. соч., стр. 44.
[82] ЦГА ЯАССР, ф. 192, оп. 1, д. 314, лл. 21—24

ГЛАВА XIV

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЯКУТИИ В XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

С течением времени все более важную экономическую роль начинало играть в Якутии земледелие. Если в XVII — первой половине XVIII в. развитие земледелия в Сибири рассматривалось правительством лишь как мера для снабжения служилых людей и предметом забот государства являлась не «собинная» крестьянская, а «государева» десятиная пашня, то начиная с середины XVIII в. цели и задачи земледельческой колонизации Сибири значительно расширяются. Всевозможные проекты «о приведении земледелия в лучшее состояние» стали составляться уже не только для пополнения государевых хлебных запасов, но и для прокормления всего растущего русского населения — крестьян, заводских рабочих, поселенцев, горожан, духовенства. Предметом «неусыпного попечения» становится и вопрос о «поощрении живущих в Сибири народов к размножению всякого рода жита и протчих известных овощей», чтобы они употребляли в пищу «здоровые припасы, которые европейскими жителями везде употребляются». Постепенно в развитии земледелия правительство стало видеть важнейшее средство общего подъема экономической жизни Сибири. Поэтому местные власти все время продолжали получать циркулярные напоминания, предписания и внушения «в пристойных местах размножить хлебопашество» и привести «оное в совершенный порядок» [1].

Однако по многим причинам проекты о развитии земледелия в Якутии в течение второй половины XVIII и первой половины XIX в. имели слабый успех. Даже в тех немногих очагах земледелия в бассейне Средней Лены, которые возникли еще во второй половине XVII в., крестьянское население росло медленно, хотя хлебопашество в них никогда не прекращалось. В самом старом на Средней Лене районе земледелия — окрестностях Олекминского острожка [2], где в начале XVIII в. хлебопашеством занимались 13 крестьянских семей [3], ровно столько же (13) дворов крестьян мы видим спустя более чем полвека. В 1765 г. они получили урожай ржи в 20 пуд. (от 33 пуд. 20 ф. посева), ярицы — в 168 пуд. 30 ф. (от 99 пуд. 20 ф. посева), ячменя — в 446 пуд. 10 ф. (от 251 пуда посева) и овса — в 70 пуд. 10 ф. (от 76 пуд. посева). Незначительность урожая объяснялась «весьма студеными утренниками и холодными з дожжем и снегом ветрами», от которых хлебам «воспоследовало немалое повреждение» [4].

---

[1] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 5, лл. 81—83; д. 21, лл. 183—186, 256—265; ф. 6, оп. 1, д. 61, лл. 97—104; д. 81, лл. 7—21; ф. 12, оп. 1, д. 13195, лл. 19—20.

[2] Район Чечуйского острожка, где жило многолюдное крестьянское население, еще в первой трети XVIII в. был отрезан от Якутска и передан в ведение г. Илимска (Iohann Georg Gmelin. Reise durch Sibirien. Zweiter Theil, Göttingen, 1752, S. 2961).

[3] ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 465, л. 237.

[4] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 161, 169—173.

Во второй половине XVIII в. в район Олекминского острожка было определено несколько партий ссыльных. Поэтому в конце XVIII в. здесь в двух деревнях (Олекминской и Амгинской) жило уже 450 душ крестьян мужского и женского пола, из которых «пахотными» являлись 72 души. В 1797 г. они засеяли $124^1/_4$ дес. рожью (34 восьмипудовых четверти), ярицей (42 четв.), пшеницей (3 четв.), ячменем (53 четв.) и овсом (12 четв.). Урожая сняли 115 четв. ржи, 191 четв. ярицы, 10 четв. пшеницы, 123 четв. ячменя, 30 четв. овса, т. е. немногим более чем сам-три. Недород хлеба произошел от «бездожия и жаров и местами выбития кобылкою» [5]. По данным ведомости о посеве и урожае хлебов от 1818 г., в Олекминской крестьянской волости проживало 549 крестьян обоего пола. Однако посев их в этом году по размерам значительно уступал посеву 1797 г. ($6^1/_2$ четв. ржи, $23^1/_2$ четв. ярицы, 79 четв. ячменя и 9 четв. овса) [6]. Крестьянское население Олекминской и Амгинской деревень значительно возросло к середине XIX в. В 107 дворах проживало тогда около 750 хлеборобов обоего пола [7]. Соответственно расширилась и площадь обрабатываемой земли.

Другим очагом земледелия в районе Средней Лены являлась Витимско-Пеледуйская слобода, расположенная значительно выше Олекминска, в устье притоков Лены — Витима и Пеледуя. В 1702 г. здесь проживало своими дворами 17 крестьянских семей, занимавшихся земледелием [8]. За счет той же слободы в связи с ростом крестьянского населения возникали новые деревни. Так, в течение XVIII в. здесь возникли деревни Тупицкая, Шелагинская, Серкинская. В 1797 г. в них проживали 367 крестьян обоего пола, из которых «пахотными» были 78 душ. В этом году они засеяли $76^1/_2$ дес. земли 131 четв. разного хлеба, но урожай в связи с большой засухой был плохим и едва превышал сам-два [9].

К 1803 г. число крестьян возросло здесь до 593. Посеянные 137 четв. разных хлебов (ржи, пшеницы, ярицы, ячменя, овса) дали хороший урожай — сам-семь [10]. В течение всей первой половины XIX в. в районе Витимско-Пеледуйской слободы продолжало расти крестьянское население и осваивались новые земли. В связи с этим выше и ниже слободы по берегам Лены возникали новые поселения хлебопашцев. К началу 1840-х годов Витимская слобода являлась центром Витимской волости, в которой имелось до 20 поселений русских крестьян и ямщиков с общим населением около 1400 человек. В то время волость эта входила в состав Киренского округа, так как район Витима был отрезан от Якутска еще в первой четверти XIX в. [11].

В 1702 г. 27 семейств крестьян насчитывалось на р. Амге — притоке Алдана. Маленькая колония земледельцев росла медленно. Земледелие поддерживалось с трудом. Хлеб часто погибал «от падающих ранних инеев и от великих тамо ветров». В связи с этим в 1765 г. якутский воевода распорядился амгинских крестьян «всех без изъятия з женами и детьми и со скотом» перевести в Олекминское ведомство «по изобильному урожаю хлебу» [12]. На Олекму переехали 17 семейств. Однако обосноваться на новом месте они не смогли и в конце 70-х годов вернулись на Амгу, где за это время уже поселилась новая партия крестьян из ссыльных.

5 ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 3, л. 14.
6 Там же, д. 99, л. 65.
7 Там же, ф. 12, оп. 1, д. 1005, л. 11.
8 ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 465, лл. 234—235.
9 ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 3, л. 14.
10 Там же, д. 37, л. 24.
11 Н. Щукин. Поездка в Якутск. СПб., 1844, стр. 314.
12 ЦГАДА, ф. Сиб. прик., кн. 465, л. 240.

В 1780 г. здесь было 34 двора крестьян [13], а в 1840-х годах на Амге жило уже 457 крестьян, причем «разведение зернового хлеба было производимо на землях амгинских с постоянным успехом». В 1843 г. амгинцы получили богатый урожай — сам-десять [14].

Амгинская слобода, разбросанная «на двух-трех верстах», произвела хорошее впечатление на И. А. Гончарова, в 1854 г. проезжавшего через Амгу во время своего возвращения из дипломатической миссии адмирала Путятина. Наблюдательный путешественник писал: «Не веришь, что едешь по Якутской области, куда, бывало, ворон костей не занашивал,— так оживлены поля хлебами, ячменем, и даже мы видели вершок пшеницы, но ржи нет» [15].

Опыты хлебопашества в XVII в. проводились и под самим Якутским острогом. Но они не давали желательных результатов и надолго были оставлены. Еще в конце 1730-х годов считалось, что «около г. Якутска под пашню годной пахотной земли не имеетца» [16]. Только с конца 1760-х годов возобновились опытные посевы. На этот раз успех был переменным, и иногда урожай получался хороший. Посевы хлебов и разведение овощей, включая огурцы, продолжались здесь в течение всей первой половины XIX в. Среди немногочисленных земледельцев, преимущественно из купцов и чиновников, были отдельные предприниматели. Так, например, в 1840 г. купец Леонтьев имел 17 дес. озимых и 33 дес. яровых посевов, купец Жилов — соответственно 7 и 17 дес., почетная гражданка Колесова — 15 дес. яровых и озимых [17].

Такова общая картина развития земледелия в тех районах, где оно существовало еще в XVII в.

Во второй половине XVIII и первой половине XIX в. в земледелие постепенно втягивались и другие районы Якутии, прежде всего приленский район между Витимом и Якутском. В 1773 г. здесь был устроен Иркутский тракт, на котором было размещено около 30 станций (станков). Станции заселялись главным образом ссыльными — выходцами из русских и сибирских городов [18]. Таким образом, по берегам Лены на расстоянии 25—30 верст друг от друга появились маленькие русские поселения, число жителей которых постепенно росло. По данным 1802 г., при 23 станциях Олекминского округа числился 251 посельщик [19]. В 1856 г. при 19 станциях того же округа жило 394 души мужского пола, т. е. всего около 800 человек [20]. Быстро росло и ямщицкое население Якутского округа. Уже в 1816 г. при 12 станциях числилось 199 мужчин и 183 женщины [21].

Вначале поселенцы-ямщики пахотных и сенокосных мест не имели и земледелием не занимались. Основным занятием, доставлявшим им средства к существованию, являлась подводная гоньба. За нее они полу-

---

[13] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 95, 100, 183—186, 190—199.

[14] И. Соколов. О земледелии в Якутском округе. «Сибирский сборник», 1897, вып. III, стр. 289.

[15] И. А. Гончаров. Фрегат Паллада. М., 1951, стр. 610.

[16] Н. Бакай. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во II четверти XVIII в. Извлечение из «Известий Вост.-Сиб. отдела РГО», т. XXV, № 4 и 5, 1895, стр. 5.

[17] Н. Щукин. Указ. соч., стр. 245—246; Давыдов. О начале и развитии хлебопашества в Якутской области. «Записки Сиб. отдела РГО», кн. V, СПб., 1858, стр. 18—20; И. Соколов. Указ. соч., стр. 291.

[18] И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912, стр. 8—9.

[19] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 3, л. 21.

[20] Там же, д. 1005, лл. 11—12.

[21] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 11.

чали от якутов по 24 пуда провианта и по 10 руб. денег в год (содержание станций и ямщиков раньше считалось повинностью местного населения). С начала XIX в. ямская повинность с якутов была сложена и расходы по содержанию станков приняло на себя государство; станки стали сдаваться с торгов[22]. В то же время власти, стремясь к установлению прочной «русской оседлости» в станках, с 1820-х годов начали наделять ямщиков пахотными и сенокосными угодьями. В связи с этим поселенцы, наряду с отбыванием подводной повинности, стали заниматься и земледелием. Некоторые из них добивались значительных успехов. Так, в 1830-х годах крестьянин Березовской станции Олекминского округа Леонтий Яныгин ежегодно сеял до 50 пуд. хлеба, выращивал капусту, морковь, редьку, горох и картофель[23]. По данным от 1856 г., земледельцы имелись на каждом станке, хотя, конечно, в хлебопашество были втянуты далеко не все ямщики[24].

Еще быстрее приленское земледелие развивается во второй половине XIX в. Усилиями поселенцев-ямщиков оно распространилось на весь обширный притрактовый район между Витимом и Якутском.

К концу первой половины XIX в. земледелие утвердилось и в таком отдаленном районе, как берега Вилюя. Отдельные неудачные попытки освоения здешних мест были предприняты еще в середине XVIII в. В 1763 г. в районе Верхне-Вилюйского зимовья административным путем были посажены на пашню три человека: капрал, разночинец и переведенный из Витима крестьянин. В первый год они засеяли для «опробации» ячменя 30 пуд., ярицы 18 пуд., овса 13 пуд. и ржи 10 пуд.; однако хлеб «позяб без остатку» «за долго стоящею студеностию, а в лете за ранно падущими студеными инеи». Повторенный в 1764 г. посев (4 пуда ярицы, 8 пуд. ячменя, 27½ пуда овса и 3 пуда пшеницы) был «благополучен» только местами. Несмотря на это. Якутская воеводская канцелярия в 1764 г. прислала сюда еще 10 ссыльных. Однако и в 1765 г. посев был ничтожным, а урожай едва достигал сам-три. Эти неудачные опыты показали, что «прибыточного в хлебе урожаю кроме убыли и людям напрасного задолжения» ожидать трудно. Поэтому Якутская воеводская канцелярия уже в 1765 г. отдала распоряжение о переводе всех верхневилюйских хлебопашцев с семенами и инвентарем в Олекминский район[25].

После этого производство опытных посевов на Вилюе прекратилось. Поселившиеся здесь впоследствии русские люди не возобновляли хлебопашества. В первом десятилетии XIX в. их было 100 ревизских душ[26], а по данным 1823 г. государственных крестьян Вилюйского округа насчитывали 204 души[27]. Хлебопашеством «по неопытности» не занимались, жили преимущественно в наслегах среди якутов, обзаведясь домами и семьями. Как и якуты, они разводили лошадей и рогатый скот, ловили рыбу, охотились[28]. Разбросанность и бедность их создавали для властей «величайшие затруднения» в сборе податей и повинностей. Интересы государства требовали устроения крестьян, обеспечения их не только сенокосными, но и пахотными землями, расселения деревнями и возобновления хлебопашества. Поэтому после 20-летней переписки большинство государственных крестьян в 1848 г. было переселено в Нюрбу. Здесь возникло компактное крестьянское общество, члены которого занимались земледелием, ското-

---

[22] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 9—10, 13—14.
[23] Н. Щукин. Указ. соч., стр. 125—127.
[24] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 1005, л. 11.
[25] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 81—83, 91—93, 121—124, 127—130, 184.
[26] Там же, ф. 7, оп. 1, д. 172, л. 17.
[27] Там же, д. 428, лл. 8, 40.
[28] Там же, д. 356, л. 43.

водством и мелкими промыслами. С самого начала к обществу стали причисляться поселенцы, присылаемые из Якутска[29]. По данным 1856 г., в нюрбинском крестьянском обществе состояло около 250 крестьян, живших 57 дворами. В их распоряжении находилось 925 дес. пахотной и сенокосной земли[30].

С начала второй половины XIX в. образуются новые центры русского крестьянского земледелия (г. Вилюйск, с. Сунтар)[31]. Возникают новые форпосты земледелия, сыгравшие огромную роль в распространении хлебопашества в районе Вилюйского бассейна.

Со второй половины XVIII в. начались попытки земледельческой колонизации земель к востоку от Лены и Алдана. Обслуживание перевозок по Охотскому тракту требовало его заселения. В 1783 г. администрация решила поставить здесь на расстоянии 20—25 верст одна от другой станции, причислив к каждой из них по 10 сосланных крестьянских семей. Однако проект этот был осуществлен только в 1807—1817 гг., когда станции были основаны на Алдане, Аллах-Юне, Мундукане, Мети и при Медвежьей Голове и когда по этим станциям было расселено 64 русских и якутских семейств. Начались опыты хлебопашества, но ожидаемых результатов они не дали. Поселенцы влачили жалкое существование и через некоторое время разбрелись в разные стороны[32]. В дальнейшем перевозки казенных грузов по Охотскому тракту по-прежнему обслуживались жителями якутских улусов.

В первой половине XIX в. выяснилось, что порт Охотск менее удобен, чем лежащий значительно южнее Аян, и поэтому в 1851—1852 гг. взамен Охотского был проложен новый Аянский тракт (Якутск — Аян). Решено было заселить его русскими крестьянами — добровольцами из Иркутской губернии, Забайкальской области и других местностей Сибири. Большие размеры материального пособия и льготы способствовали тому, что уже осенью 1852 г. по станциям было расселено 102 семейства русских крестьян (589 человек обоего пола)[33]. Большинство станций (31) располагалось по берегам р. Маи на расстоянии 35—40 верст друг от друга. Обитатели их сразу же принялись за опытное хлебопашество и не безуспешно. Проезжавший в 1854 г. через эти места И. А. Гончаров писал: «...На самых свежих и новых поселениях, на р. Мае, при выходе нашем из лодки на станции, нам впервые бросались в глаза огороды и снопы хлеба, на первый раз ячменя и конопли. Местами поселенцы не нахвалятся урожаем»[34].

Некоторые группы русских крестьян обосновывались и в северной тундре. В 1812 г. в Зашиверском комиссарстве числилось 17 ревизских душ, в Средне-Колымском — 68, в Жиганском — 33[35]. В 1821 г. при устье Оленека жило 36 ревизских душ[36]. Население здесь росло медленно. По данным 1855 г., в Колымском округе жило около 120 государственных крестьян, в Верхоянском округе — около 140[37]. «По неудобству к хлебопашеству» крестьяне здесь земледелием не занимались. В донесении Верхоянского окружного управления от 1856 г. дано подробное описание их

[29] В. С. Ефремов. Вилюйские крестьяне. «Сибирский сборник», 1904, вып. 1, стр. 177—184, 209—217.
[30] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 1005, л. 8.
[31] Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области, ч. III. СПб., 1887, стр. 54—58, 158—166.
[32] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 3—4.
[33] Там же, стр. 5—7.
[34] И. А. Гончаров. Указ. соч., стр. 632.
[35] ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 172, л. 33.
[36] Там же, ф. 8, оп. 1, д. 42, л. 47.
[37] Там же, д. 12, оп. 1, д. 1005, лл. 18—19.

быта и занятий: «В образе жизни одинаковы с кочевыми инородцами... Жительство имеют при берегах Ледовитого моря, а потому не имеют они рогатого скота, кроме оленей и собак, на которых и совершают проезды свои за промыслами или же за своими надобностями. Постоялых дворов кроме юрт не имеют... Промышленность производимая ими заключается в улове разных родов зверей, например диких оленей, лисиц, песцов, волков, горносталей, рыбы разных же родов и, в летнее время, ленных (линных.— *Ред.*) птиц и в приискe мамонтовых клыков» [38].

Хотя, таким образом, русские крестьяне оседали на берегах не только Лены и Вилюя, но и других, более северных рек, общая численность крестьянского населения Якутии оставалась незначительной. Это было связано с истреблением ценного зверя и уменьшением притока промышленных людей, из среды которых в XVII в. рекрутировалась основная масса крестьян бассейна Лены. В то же время из-за феодально-крепостнических порядков в русской деревне и чрезвычайной отдаленности Якутии вольные крестьяне-переселенцы отсутствовали; пополнение производилось лишь за счет ссыльных.

Лишь некоторым русским крестьянам в Якутии удавалось создать крепкое хозяйство. Так, в первой половине XIX в. крестьянин Олекминского округа Леонтий Яныгин имел 100 лошадей, около 50 коров и 20 овец. Он обрабатывал до 20 дес. земли и имел до 15 дес. покоса, ежегодно высевал до 50 пуд. разного хлеба, успешно выращивал овощи. Яныгин содержал почтовую станцию, занимался торговлей с тунгусами, перепродавая купленных у них соболей, лисиц и белок русским купцам [39]. Зажиточно жил и крестьянин одной из майских станций Сорокин, занимавшийся земледелием и скотоводством [40].

Однако большинство русских земледельцев Якутии составляли не эти «исправные крестьяне», а люди «бедные» и «скудные», с трудом добывавшие себе пропитание. «Великое неравенство» наблюдалось во владении не только землями, но и скотом. Часть бедноты вынуждена была наниматься к состоятельным хозяевам в «скотники» или же на охотничьи промыслы. Часто бывали «неизобильные урожаи», а значит, и голодовки крестьянской бедноты. Крестьяне северной тундры часто голодали «от неупромыслицы рыбы и зверя».

Тяжелым бременем ложились на плечи крестьян государственные подати и повинности. До 1790-х годов крестьяне платили подушных денег с каждой ревизской души по 1 р. 70 к. (семигривенных, шестигривенных и четырехгривенных денег), оброчных денег по 1 рублю и накладных по 2 коп. с рубля [41]. Размеры податей, собираемых с государственных крестьян, с течением времени все возрастали. Уже в конце XVIII в. каждая ревизская душа платила государству по 4 р. 85 к. в год [42], а в первой четверти XIX в. к прежним подушным оброчным и накладным прибавились новые сборы на полковых подъемных лошадей, на содержание присутственных мест, на устройство дорог сухопутных и водных, на земские нужды. Соответственно с этим увеличились ставки налогов. Крестьяне платили с каждой ревизской души: в 1809 г.—около 5 руб., в 1813 г.— по 7 р. 50 к., в 1821 г.— по 10 р. 30 к. [43] Большинство крестьян не могло своевременно уплатить подати и переходило в разряд недоимков.

---

[38] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 1005, лл. 26—27.
[39] Н. Щукин. Указ. соч., стр. 125—127.
[40] И. А. Гончаров. Указ. соч., стр. 633.
[41] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 89, лл. 1—2, 251—260; д. 15, лл. 4—5.
[42] Там же, ф. 6, оп. 1, д. 3, лл. 20—21.
[43] Там же, ф. 8, оп. 1, д. 42, лл. 47—48; ф. 7, оп. 1, д. 180, лл. 1—4; д. 206, лл. 1—4.

К концу 1798 г. «счислимые недоимки» на одних только посельщиков олекминских станций равнялись 829 р. 98 к. [44]

Крестьяне привлекались и к несению разнообразных трудовых повинностей. В 1806 г. крестьяне Ленского тракта, так же как крестьяне Забайкалья и Иркутской области, наряжались «во время прохождения рекрутских и колоднических партий под извоз вещей, провианта и пр.», посылались «для снятия с мелей казенных барок с провиантом», «для поимки беглых», «для поправления мостов и дорог» [45]. Крестьяне рубили и вывозили лес, строили хлебные магазины, судные избы, казенные дворы и пр.[46]. За провинности их подвергали телесному наказанию: «стегали батожьем нещадно».

Некоторые управители занимались «грабительством», «насильным отъемом». В 1766 г. олекминские крестьяне доносили в Якутск на своего управителя дворянина Алексея Данилова: «Взято им Даниловым с нас во взяток с 11 дворов сена с каждого двора по 6 возов — итого 66, да кормлено нами ж его лошадей собственных 7 недель 22 лошади, да он же Данилов взял у Григория Шараборина сверх оного стог сена, с Алексея Шалагина сена стог..., да со всех нас крестьян побором взял на убой 1 корову, с Киприяна взял лошадь» [47].

Указ Сибирской губернской канцелярии от 1727 г. о ликвидации «за неурождением хлеба» десятинной пашни в Якутии мало изменил положение крестьян. За право обрабатывать землю только для себя крестьяне должны были теперь платить государству с каждой ревизской души семигривенные и четырехгривенные деньги [48]. Однако временами и этот указ грубо нарушался властями. Так, в 1750-х годах крестьяне Олекмы, Амги и Верхне-Вилюйска, засевавшие свои земли казенными семенами, сдавали государству весь урожай, а на свое пропитание получали от казны хлеб лишь в ссуду [49].

Так как посельщики присылались почти «наги и босы», местные власти должны были давать им «подлежащия до хлебопашества» семена, скот, орудия труда. В качестве ссуды с условием возврата в казну «по исправе» крестьяне обычно получали семена, по коню, корове, быку и сельскохозяйственный инвентарь (сохи с сошниками, бороны, топоры, серпы), т. е. то, «без чего крестьяне у хлебопашества пробыть никак не могли» [50]. Однако бывали случаи, когда поселенцы вовсе не получали казенной ссуды. Так, 10 ссыльным, присланным в 1764 г. в Верхне-Вилюйск, Якутской воеводской канцелярией было «ничего не дано как на пропитание, также и чем хлебопашество производить» [51].

Тяжелые условия жизни и административный произвол вызывали со стороны крестьян «противности и ослушания». Крестьяне бежали иногда в самые глухие уголки Якутии, так что сыскать их было трудно. Те, кто не бежал, по свидетельству администрации, не имели «в хлебопашестве к распространению никакого радения» и порой совершали «великия воровства» [52]. «Великие споры и непримиримые распри» происходили между самими крестьянами — беднотой и зажиточными [53].

---

[44] ЦГА ЯАССР, ф. 6, оп. 1, д. 3, л. 22.
[45] Там же, д. 61, л. 98.
[46] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 96—97.
[47] Там же, лл. 229—230.
[48] И. Бакай. Указ. соч., стр. 6, 7.
[49] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 161—165, 184—185.
[50] Там же, лл. 89, 185, 186; д. 5, лл. 19—20, 30—38; ф. 6, оп. 1, д. 61, лл. 99—108.
[51] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 21, л. 123.
[52] Там же, лл. 87, 100, 112, 114, 123, 246, 286.
[53] Там же, л. 99.

Крестьянское земледелие, основанное на отсталой технике с использованием «паровой» и «залежной» земель [54], далеко не обеспечивало потребности края в хлебе. Поэтому городское население по-прежнему в значительной мере жило за счет привозного хлеба [55]. Иркутские и киренские купцы, верхнеленские крестьяне ежегодно привозили в Якутию на барках и паузках десятки тысяч пудов зерна и продавали его городским жителям, крестьянам, поселенцам-ямщикам, якутам, местным купцам и казне [56].

И все же развитие земледелия в Якутии, несмотря на его медленные темпы, имело огромное прогрессивное значение. Постепенно в него втягивались местные жители, научившиеся у русских крестьян способам расчистки леса, употреблению земледельческих орудий и обработке земли. Под влиянием русских крестьян уже в начале XIX в. хлебопашеством занимались якуты всех волостей Олекминского уезда [57]. Правда, размеры посевов были здесь незначительными: каждая семья ежегодно высевала в среднем до 5—6, редко до 10—12 пуд. хлеба [58]. К этому же времени относится развитие земледелия в наслегах Батурусского улуса Якутского округа [59].

Русское население, жившее в якутских улусах, состояло не только из государственных крестьян. В наслегах среди якутов постоянно проживали мещане, только юридически, по происхождению, принадлежавшие к городскому сословию. Так, в 1862 г. в улусах Якутского округа мещан числилось 93, Вилюйского округа — 47, Верхоянского округа — 450, Колымского округа — 194 [60]. Все они по своему положению почти не отличались от государственных крестьян. Мещане северных улусов занимались рыболовством и охотой, а южных улусов — скотоводством и земледелием [61].

Обосновывались в улусах и отставленные от службы казаки. Таких «отставных чинов», формально принадлежавших к военному сословию, в 1862 г. по области числилось около 300 человек [62]. Основная их часть проживала в Колымском округе и также занималась промыслами. Представителей других сословий и категорий русского населения (дворян, купцов, чиновников в отставке, разночинцев) в сельских местностях почти не было.

Городская жизнь получила в Якутии слабое развитие. Административный и экономический центр огромного края — г. Якутск рос медленно. В 1730-х годах из 346 жилых зданий посадским людям принадлежало всего 49. В 1775 г. в городе было 1932 жителя, в том числе 330 посадских. К концу первой четверти XIX в. число жителей города дошло до 2458 человек. В дальнейшем рост городского населения ускорился: в 1862 г. в черте города проживало 5649 человек, из них якутов — 2081, русских — 3568. Среди русского населения города были дворяне, духовенство, купцы, мещане, «почетные граждане», крестьяне.

Самым многочисленным слоем были мещане (1032). Большинство их занималось мелкой торговлей и ремеслами. Около 1850 г. в городе было

---

[54] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 186, 190; ф. 5, оп. 5, д. 20, лл. 1—2.
[55] Там же, ф. 6, оп. 1, д. 58, лл. 46—47, 89—90, 127, 231, 272—274, 314—315.
[56] Там же, д. 59, лл. 5—15.
[57] Там же, д. 58, лл. 46—47, 89—90, 127, 231, 272—273.
[58] Там же, лл. 200—206, 255—260.
[59] Давыдов. Указ. соч., стр. 20.
[60] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», табл. 1.
[61] ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 202, лл. 1—11; ф. 7, оп. 1, д. 356, лл. 43; ф. 6, оп. 1, д. 130, лл. 1—15.
[62] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», табл. 1.

298 ремесленников, из них 79 хлебников, булочников, пряничников, мясников, 19 портных и сапожников, 170 печников, столяров, медников, шорников, кузнецов, плотников и т. п.; были, наконец, извозчики, коновалы, часовщики, папиросники (всего около 30 человек). Немногочисленное купеческое население города (около 100 мужчин и женщин) торговало преимущественно привозными товарами. В течение июня и июля в городе устраивалась большая ярмарка, на которую собирались якуты соседних улусов, местные и приезжие купцы, русское население. Привозные товары (хлеб, разнообразные железные изделия, домашняя утварь, ткани, предметы галантереи, табачные изделия) выменивались на скот, масло, сало, рыбу, пушнину и т. д.

Район деятельности приезжих и местных купцов не ограничивался Якутском. Со своими товарами они разъезжались во все стороны и завязывали торговые связи с якутами и другими народами северо-востока Азии [63].

Другие города Якутии — окружные центры Олекминск, Вилюйск, Верхоянск и Средне-Колымск — мало отличались от обычных деревень. Основная масса русского населения здесь состояла из военных. Мещан было мало; местного купечества в Олекминске, Вилюйске, в Верхоянске не было совсем, а в Средне-Колымске — лишь несколько семей. Экономическое развитие этих городов было поэтому весьма слабым. В 1862 г. в Олекминске числилось семь ремесленников, в Вилюйске — один, в Верхоянске — три, в Средне-Колымске — один. Снабжение северных городов, как и других отдаленных поселков и якутских улусов, необходимыми товарами производилось купцами из Якутска, которые ежегодно приезжали сюда со своими товарами, увозя пушнину, мамонтовую кость и моржовый зуб [64].

Сравнительно много было в Якутии духовенства. Якуты к середине XIX в. были все крещены. В связи с этим в городах и улусах появилось много церквей и часовен. В 1862 г. в Якутии числилось лиц духовного звания: в Якутском округе — 367, в Олекминском — 35, в Вилюйском — 35 [65].

Духовенство, призванное упрочить в иноверческом крае положение православия как идеологической основы колониального господства царизма, жило за счет государства. Оно получало ругу, которая первое время выдавалась деньгами и хлебом, а впоследствии — целиком деньгами. Однако годовые оклады причта были небольшими: в начале 1860-х годов годовой оклад священников в округах равнялся 68 руб., дьячков — 38 руб., пономарей — 30 руб., просвирен — 10 руб. [66]. Поэтому сельские священно- и церковнослужители, как правило, жили небогато и в качестве подспорья занимались скотоводством, а местами и земледелием.

Важной опорой царизма в Якутии по-прежнему являлись казаки. Правда, обязанности их по сравнению с XVII в. несколько сократились. Отпала обязанность «проведыванья» и приведения в покорность «немирных неясачных землиц», так как в XIX в. их уже не было: северо-восток Азии прочно вошел в состав Русского государства. Улучшались постепенно и пути сообщения, что значительно облегчило разъезды. Тем не менее круг

---

[63] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии, стр. 297; «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», табл. 1, 10, 11.

[64] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», табл. 1, 10, 11; Н. Щукин. Указ. соч., стр. 206—214.

[65] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», табл. 1, 7.

[66] ЦГА ЯАССР, ф. 241, оп. 4, д. 3, лл. 1—17.

обязанностей служилых людей оставался достаточно обширным. Казаки определялись в службу «для исправления всех встречающихся служб». Главными из них были сбор ясака и подушных денег с местного и пришлого населения и отвоз ясачной казны в Москву. Кроме того, казаки возили в отдаленные пункты края «казенный провиант», сплавляли хлеб по Лене и другим рекам, выполняли различные разъездные поручения. Им поручались такие важные работы, как переписи ясачного и неясачного населения, описание отдельных местностей и рек, осмотры и поиски пахотных земель и сенокосных угодий. Из казаков назначались управители в крестьянские селения и общества с целью принуждения крестьян к хлебопашеству. Наконец, важнейшей обязанностью служилых людей являлись гарнизонная служба в городах и острогах, несение караулов у различных общественных учреждений и складов, поимка беглых крестьян [67]. Конные казаки, обязанные иметь собственных лошадей со сбруей, служили ординарцами начальника области, городничего, начальника команды. Впрочем, число их было невелико (всегда менее сотни), а в 1822 г. категория конных казаков была совсем ликвидирована.

Казаки рассылались по городам, острогам и зимовьям. Постоянными пунктами расположения казачьих отрядов были Якутск, Олекминск, зимовья Верхне-, Средне- и Нижне-Колымское, Верхне- и Нижне-Янское, Индигирское, Зашиверское, Алазейское, Усть-Майское, Жиганское, Уяндинское, Верхне- и Нижне-Вилюйское. В кажд м из этих пунктов стояли казачьи команды, насчитывавшие, в зависимости от размеров района, от 5 до 20 человек [68].

До середины 1730-х годов штатное число служилых людей в Якутии все более увеличивалось. В 1733 г. вышел даже указ Сената, согласно которому численность Якутского полка была доведена до 1500 человек. Но вскоре положение изменилось и штатное число якутских казаков стало постепенно сокращаться. В 1753 г. в Якутской казачьей команде должно было состоять 1426 человек, а спустя 20 лет, в 1772 г., Якутск должен был иметь по штату уже только 1337 человек. Сокращение штата, продолжавшееся и в дальнейшем, объяснялось, с одной стороны, уже отмечавшимся «замирением» местного населения, с другой — отходом от Якутской области Верхне-, Средне- и Нижне-Камчатского, Большерецкого и Анадырского зимовий, а также Охотского порта с образованием из них самостоятельного Охотского правления. Как правило, наличное число казаков, состоявших на действительной службе, бывало намного меньше полагавшегося: в том же 1772 г., при штате 1337 человек, по списку числилось лишь 437; в 1862 г., при общей численности «военного сословия» в области 1878 человек обоего пола, на действительной службе состояло 618 [69].

Еще начиная с 1707 г. казачье звание считалось наследственным: указ царя устанавливал обязательное зачисление на службу казачьих детей и родственников. Только при недостатке последних разрешалось «брать в казацкую службу... из посада, а что недостает, то пополнить из доимочных рекрут и гулящих людей». Однако в Якутии казачьих детей было мало из-за немногочисленности гарнизона, а пополнение штатов со сторо-

---

[67] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 21, лл. 88, 114—115, 121—122; ф. 5, оп. 1, д. 15, лл. 26—30.

[68] Там же, ф. 6, оп. 1, д. 85, л. 25; ф. 7, оп. 1, д. 428, л. 18; ф. 11, оп. 1, д. 10, лл. 2, 11.

[69] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», табл. 1; «Памятная книжка Якутской области за 1871 год», стр. 175—176; С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 295; ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 62, лл. 1—2.

ны в условиях отдаленности края было еще более затруднительно. Из сенатского доклада, утвержденного Павлом I 28 сентября 1796 г., видно, что в Иркутской губернии было учреждено иррегулярное войско из податных сословий [70].

Внутренняя организация казачьих войск в XVIII и XIX вв. неоднократно подвергалась изменениям. В 1701 г. по указу Петра I якутские казаки составили полк под командой головы, подчиненного якутскому воеводе. В 1767 г. по указу Иркутской губернской канцелярии полк был переименован в команду во главе с сотником, подчиненным иркутскому обер-коменданту. В 1805 г., в связи с образованием области, казачья команда была подчинена якутскому областному начальнику. Наконец, в 1823 г. команда была вновь преобразована в полк с подчинением иркутскому гражданскому губернатору [71]. К начальствующему составу, кроме голов и сотников, относились также пятидесятники, десятники, старшие и младшие урядники, капралы.

За свою службу казаки, как и раньше, получали денежное и хлебное жалованье, о размерах которого сохранились лишь отрывочные данные. С 1795 по 1822 г. рядовые казаки ежегодно, кроме хлеба и фуражных, получали деньгами: пешие — по 4 р. 40 к., конные — по 6 р. 16 к. Начиная со второй четверти XIX в. казаки стали носить форменную одежду, в связи с чем получали от казны амуничные деньги (от 2 р. 86 к. до 3 р. 43 к. в год в зависимости от чина). К концу 1860-х годов чины Якутского полка, помимо пайка натурой, получали следующие денежные оклады (включая жалованье, амуничные и приварочные): атаман и сотники соответственно по 132 р. 40 к. и 98 р. 25 к., хорунжие и зауряд-хорунжие — по 86 р. 05 к. и 52 р. 60 к., пятидесятники — по 29 р. 35 к., урядники — по 22 р. 60 к. и рядовые казаки — по 20 р. 38 к.

Еще в 1733 г. для облегчения материального положения казаков был издан указ о наделении их землей, однако выполняться он стал только с 1822 г., когда казакам, где это требовалось, стали отводить по 15 дес. земли, главным образом сенокосной, так как хлебопашеством они занимались очень редко [72].

Тем не менее положение рядовых казаков, по свидетельству современников, было тяжелым. Они не имели права выйти из военного сословия и тянули казачью лямку до самой смерти. Постоянно находясь на службе, они часто переезжали с места на место, из-за чего занятия скотоводством и земледелием для них было крайне затруднительно. Ничтожное жалованье, получаемое казаками, являлось для большей их части единственным источником существования. Казаки жили бедно, часто голодали, бывали случаи, когда их дети жили милостыней. Внешний вид самих казаков был жалок: в 1861 г. якутские казаки явились на смотр в оборванной кожаной одежде и в большинстве без обуви. После введения форменной одежды многие казаки не могли завести ее по бедности. Случалось, что некоторые казаки искали выход из положения в побегах, увеличивая список «убылых».

---

[70] «Памятная книжка Якутской области за 1871 год», стр. 174; «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 68.

[71] «Памятная книжка Якутской области за 1871 год», стр. 170—171; «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 67.

[72] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 14, лл. 1—2; ф. 5, оп. 1, д. 19, лл. 1—2; д. 20, лл. 1—2; ф. 10, оп. 1, д. 15, л. 1; ф. 11, оп. 1, д. 10, лл. 1, 11; д. 264, лл. 3—4; «Памятная книжка Якутской области за 1871 год», стр. 173—177, 182; «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 68.

ГЛАВА XV

МАЛЫЕ НАРОДЫ ЯКУТИИ СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ДО 60-х ГОДОВ XIX в.

За период со времени появления русских в Ленском крае и до учреждения первой Ясачной комиссии этнографическая карта Якутии резко изменилась. Якуты проникли в «тунгусские земли» — бассейны Вилюя и Олекмы — и даже заселили некоторые из этих районов. Пришельцы-якуты, занимавшиеся преимущественно скотоводством, и коренные обитатели тунгусы — оленеводы и охотники — мирно уживались в одних и тех же районах, так как якуты использовали главным образом сенокосные участки, а тунгусы — промысловые таежные угодья.

По данным первой Ясачной комиссии, тунгусы жили в пределах разных ведомств Якутского воеводства: Верхне-Вилюйскому зимовью подчинялись Брагатский, Угулятский и Шелогонский роды (524 муж. души), Средне-Вилюйскому — Кильтяцкий и Жегунский роды (214 муж. душ), Тонторскому и Бутальскому — Эжанский и Жохутский роды (228 муж. душ), Жиганскому — Эжанский, Купский и Бетинский роды (130 муж. душ), Верхоянскому — Мямяльский род (145 муж. душ), Алазейскому — Бетильский род (50 муж. душ); шесть родов тунгусов (Эжанские и Купский, 433 муж. души) вносили ясак в Майское зимовье; семь родов (Бельдецкие и Шелогонские, 316 муж. душ), кочевавшие между Вилюйском и Олекминском, числились особо. Всего в тунгусских родах насчитывалось 2200 муж. душ.

На запад от Лены, в пределах Зашиверского и Колымского комиссарств, кочевали ламуты. Здесь Устьянскому зимовью подчинялся Ламунхинский род (44 муж. души), Верхоянскому — Тюгясирский род (44 муж. души), Зашиверскому острогу — шесть родов (Кункугурские, Дельянские, Тюгясирский, 268 муж. душ), Верхне-Колымскому зимовью — четыре рода (Дельянские и Уяганские, 164 муж. души). Всего в ламутских родах значилось 520 муж. душ[1].

Если считать, что количество «мужских душ» составляло до половины общей численности населения, то можно полагать, что ко времени переписи, проведенной первой Ясачной комиссией, в Якутии было около 5 тыс. тунгусов и около тысячи ламутов. Значительные группы тунгусов и ламутов кочевали за пределами Якутского воеводства: тунгусы — в бассейне Енисея, ламуты — в Охотском крае и на Камчатке. Первая Ясачная комиссия произвела перепись тунгусов и ламутов в пределах Якутского воеводства и изменила порядок сбора ясака с этих кочевых племен.

Как уже отмечалось, до 60-х годов XVIII в. местная якутская администрация содержала в зимовьях заложников от наиболее подвижных или в чем-либо провинившихся тунгусских и ламутских родов. На содержание

[1] Рукоп. фонд ЯФАН, отдел истории, оп. 25/2, д. 6, лл. 7—15.

одного аманата отпускалось 15 руб. в год. По представлению комиссии в 1769 г. эта система была упразднена и самый институт заложников отменен.

Для каждого тунгусского и ламутского рода первая Ясачная комиссия установила твердый оклад ясака. Руководствуясь прежними ясачными ведомостями, комиссия наложила на каждый род несколько повышенный против прежнего ясак, по действительному числу ясачных плательщиков, и разрешила заменять пушнину деньгами. Соболь оценивался в 7 руб., лисица красная — в 2 рубля. В Зашиверском, Устьянском и Колымских зимовьях лисицы красные второго сорта оценивались по 1 р. 50 к., песцы белые — по 40 коп.

Ставки ясака для тунгусов и ламутов были установлены более высокие, чем для якутов, так как основным занятием тунгусов и ламутов в XVIII—XIX вв., так же как и в XVII в., оставалась охота на диких оленей, лосей и добыча пушного зверя. В горных районах и верховьях Индигирки тунгусы охотились на диких баранов [2]. Рыболовство носило характер подсобного промысла. Оно имело значительный удельный вес лишь в хозяйственной деятельности отдельных родов, кочевавших в низовьях Лены, Яны и Индигирки. Тунгусо-ламутское оленеводство имело ярко выраженное транспортное направление. Как на промысле, так и при перекочевках употреблялись главным образом верховые олени. Хозяйства тунгусов и ламутов, утерявшие оленей, вынуждены были присоединяться к поселениям якутов или русских, иначе их ждало жалкое существование. Экспедиция Ф. П. Врангеля (1820 г.) встретила на берегу Яны престарелого тунгуса с дочерью: лишившись оленей, старик вынужден был отделиться от своих соплеменников и заняться пешей охотой [3].

По указу первой Ясачной комиссии Шелогонский род Верхне-Вилюйского зимовья (235 муж. душ) должен был ежегодно платить в ясак 37 соболей и 41 лисицу красную или 341 рубль деньгами, Кюпский род Жиганского зимовья (58 муж. душ) — 3 соболя, 21 лисицу или 63 руб., Бетильский род Алазейского зимовья (50 муж. душ) — 37 лисиц или 58 руб., Устьянский ламунхинский (ламутский) род (44 муж. души) — 15 лисиц, 90 песцов или 66 руб. [4]. На одного плательщика приходилось от 1 до $1^1/_2$ руб. За своевременный и полный взнос ясака тунгусские и ламутские князцы, по распоряжению первой Ясачной комиссии, одаривались цветными сукнами и табаком: стоимость подарков должна была составлять 2% от суммы внесенного ясака. Уже в конце XVIII в., несмотря на указание из различных учреждений, ведавших сбором ясака, «как возможно стараца ясак приискивать натурой, рухлядью, а не деньгами» [5], ясак от большинства тунгусских и ламутских родов поступал в денежной форме.

После окончания работы первой Ясачной комиссии к ясачному сбору стали добавляться другие, которые вскоре намного превысили размер ясака. В начале XIX в. тунгусы и ламуты платили подушный сбор по 44 коп. с души, на содержание государственных дорог — по 25 коп., на водные сообщения — по 5 коп., на подъемных лошадей — по 25 коп., в земскую «повинность» (на содержание областных учреждений) — от 1 р. 75 к. до 3 р. 50 к., в «общественную мирскую повинность» (содержание волостного писаря, соляного сидельца, церковного старосты, на гоньбу

---

[2] Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, стр. 64.

[3] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, стр. 123.

[4] Рукоп. фонд ЯФАН, отдел истории, оп. 25/2, д. 6.

[5] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 82, л. 51.

почты, на канцелярские материалы) — от 2 р. 50 к. до 3 руб.[6]. Ко всему этому добавлялась необходимость платить за умерших, так как внесенные в списки плательщиков в случае смерти не выключались до новой ревизии. Например, с Кюпского рода Жиганского улуса (150 душ) в 1817 г. было взыскано в земскую повинность 262 р. 50 к., подушных — 66 руб., в дорожную — 37 р. 50 к, в общественные повинности — 272 р. 47 к., всего — 638 р. 47 к.[7], тогда как в ясак Кюпский род вносил всего 63 руб. В 1824 г. с Брагатского рода Олекминского округа (263 ревизские души) по указу первой Ясачной комиссии собиралось в ясак 218 руб., а на прочие сборы: подушные — 118 руб., содержание дорог — 67 руб., на водные пути — 13 руб., в земскую повинность 796 руб., всего — 995 руб.[8]. Таким образом, общая сумма сборов в четыре-пять, а иногда и в 10 раз превышала сумму ясака, выплачивавшегося каждым родом.

Такие платежи были часто непосильны для охотничьих хозяйств. В начале XIX в. за некоторыми тунгусскими родами стали накапливаться недоимки. Из окладной книги Вилюйского уездного казначейства за 1802 г. видно, что за Фугляцким (Угуляцким) родом числилось 96 руб. недоимок, а с Шелогонского рода причитался 341 рубль[9]. В 1806 г. за Шелогонским родом числилось уже 720 руб. недоимок[10]. За тунгусами Бетильского рода в 1830 г. числилась недоимка в 1137 руб., накопившаяся из-за непромыслицы зверя[11].

Этими причинами отчасти и объясняется относящийся именно к тому времени (конец XVIII и первые два десятилетия XIX в.) массовый переход тунгусов и ламутов в христианство. Крещеные получали от священников билеты, по которым на три года освобождались от уплаты ясака и других повинностей[12]. После этого срока билеты отбирались и новокрещенные привлекались ко всем платежам наравне с некрещеными. С 30-х годов XIX в. языческие имена тунгусов и ламутов исчезают из официальных документов. Уже в 1819 г. поверенный Кюпского тунгусского рода Жиганского улуса писал: «По спискам и ведомостям, посылаемым ежегодно в начальство обоего пола людей, все уже приведены в христианскую веру, а в идолопоклонничестве нигде и никого не имеется»[13].

Обращение в христианство было в значительной степени лишь формальным актом. Хотя теперь шаманские мистерии стали скрываться от глаз начальства, население продолжало верить шаманам. Ряд судебных дел, возбужденных духовенством в Жиганском и Вилюйском комиссарствах[14], свидетельствует о том, что шаманство продолжало жить. И все же усвоение основ христианства подрывало языческие представления. Вместе с христианством к тунгусам проникли и некоторые новые термины, русские и якутские (богослужение среди олекминских, жиганских и вилюйских тунгусов обычно совершалось на якутском языке).

Но надежда населения выйти из материальной нужды путем перехода в новую веру не оправдалась. Принятие христианства, которое лишь в самые первые годы давало некоторые льготы, оказалось весьма невыгодным. К налогам, платимым тунгусами и ламутами, теперь добавились

---

[6] ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 323, лл. 1—13; д. 327, л. 50.
[7] Там же, д. 295, лл. 4—5.
[8] И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск. 1898, стр. 12.
[9] ЦГА ЯАССР, ф. 350, оп. 1, д. 1, лл. 15—16.
[10] Там же, ф. 7, оп. 1, д. 50, л. 1.
[11] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 351/1335, д. 9, л. 1.
[12] ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 98, л. 3.
[13] Там же, д. 27, л. 14.
[14] Там же, д. 133, л. 1.

поборы попов и всевозможные сборы на содержание и строительство церквей. За неявку к исповеди новокрещенные (например, в Жиганском комиссарстве) подвергались 5-копеечному штрафу [15]. Разъезды служителей культа ложились тяжелым бременем на население. Многие из них производили незаконные поборы: в 1785 г. якутский комендант Маркловский предписал Жиганскому нижнему земскому суду «не давать священнику за крещение и прочее сверх положенного числа» [16].

Возраставшие налоги привели к тому, что за первые два десятилетия некоторые тунгусские и ламутские роды попали в кабалу к купцам — скупщикам пушнины. В своих донесениях князцы сообщали, что подати и ясак «выплачиваются через задолжание» [17]. Отвечая на запрос зашиверского частного комиссара «об образе жизни, пропитании обывателей и способах промышленности», жиганский улусный голова в 1818 г. отмечал, что все девять родов на уплату земской «общественной повинности заимствуют от коммерческих людей деньгами» и настолько обнищали, что «по крайней необходимости дела[ют] себе одежду из упромышляемых рыб, налимов и тайменей, снимая с оных кожи» [18].

Рассылавшиеся из Иркутска и Якутска в конце XVIII — начале XIX в. во все комиссарства и ведомства указы о высылке из наслегов скупщиков пушнины [19], о конфискации у них товаров [20], об аннулировании всех ростовщических сделок, не зарегистрированных в уездных судах [21], не достигали цели. Купцы не только торговали в долг, но и платили подати за целые тунгусские роды с тем, чтобы затем присвоить себе всю пушнину, добытую тунгусами. Скупщики пушнины, несмотря на запреты, проникали в самые отдаленные районы, выменивая за бесценок первосортную пушнину. Попытки администрации регламентировать эту торговлю путем учреждения ярмарок и введения строгих сроков торговли не дали результатов. Не остановило торговлю в долг и «Положение по предметам иноверческого и сельского управления», утвержденное в 1806 г. иркутским гражданским губернатором. Все правила о торговле остались на бумаге. Как русские купцы, так и их более изворотливые, хотя экономически еще не окрепшие, якутские конкуренты проникали в тунгусские и ламутские стойбища в любое время, опутывая население долгами, спаивая и нещадно обирая его. В 1825 г. старшины кангаласских тунгусов подали жалобу на якутских купцов, которые объезжали места кочевий их родовичей и всякими «недозволенными» способами выменивали и выманивали у тунгусов пушнину, добытую для уплаты ясака. В деле сообщалось, что «большие стеснения от торговли коммерческих людей», подобно кангаласским тунгусам, терпят и момские тунгусы [22].

Отягощенные налогами и опутанные долгами тунгусы и ламуты в случаях откочевки диких оленей из районов их обитания или неулова рыбы жестоко голодали. В 1812 г. князец Эжанского рода Жиганского комиссарства обратился к комиссару с просьбой выдать 21 пуд муки для его рода, сообщив, что родовичи от неулова рыбы голодают [23]. Голодовки среди тунгусов в низовьях Лены отмечались в 1816 и 1817 гг. Неудачный промысел подрывал платежеспособность жиганских тунгусов. В 1814 г. сильнейший

---

[15] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 80, лл. 26—27.
[16] Там же, лл. 3—5.
[17] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 266, л. 29.
[18] Там же, д. 344, л. 2.
[19] Там же, д. 75, л. 12.
[20] Там же, д. 64, л. 9.
[21] Там же, д. 23, лл. 39—40; д. 75, л. 23.
[22] Там же, ф. 11, д. 71, л. 13.
[23] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 72, лл. 19—20.

голод охватил ламутов Эльгетского улуса. Погибавших от беспромыслицы ламутов поддержали якуты Эльгетского улуса [24], распределив семьи голодавших по отдельным хозяйствам на прокорм. Беспромыслица продолжалась несколько лет. В 1817 г. голодавших ламутов вновь пришлось распределить по якутским наслегам и выдать им ссуды провиантом из запасных магазинов [25]. Голодовки среди ламутов возникали ежегодно вплоть до 1824 г. На поддержку голодавших якуты одного лишь Эльгетского улуса затратили продовольствия на 2130 руб. [26]; из этой суммы Иркутское губернское правление согласилось возместить только 204 р. 95½ к. и то за счет ламутов [27]. Зашиверские ламуты не могли расплатиться с накопившимися долгами и в 1830-х годах. В Колымском округе сокращение поголовья диких оленей болезненно отозвалось на анюйских ламутах, которые особенно сильно голодали в 1830-х годах.

Отдельные семьи ламутов и тунгусов терпели во время своих скитаний голод и в те годы, когда основная масса их сородичей его не испытывала. В 1820 г. ламут Дельянского рода Николай Антонов показал: «С прошлого 1818 г. обращаясь он Антонов с братом своим, также дочерью и матерью их, по р. Хендыной кочевьем и по случившейся тогда непромыслице зверя, употребя в пищу всех бывших у них езжалых оленей, коих было 14, и остались пешими и по неимению вблизи жительства от неупотребления... пищи пришли в крайнее от голода изнурение и бессилие. Потом, он, Антонов, сидя в юрте, увидел идущих оленей, то с нуждою мог зарядить ружье убить одного оленя, от коего поевши немного умерла маленькая дочь брата его Антонова и жена, а он тем подкрепил силы свои, после убил одного оленя, которого также поевши немного... мать их также умерла, почему он, Антонов, оставшись в живых с сестрою своей Ульяною и не имея от изнурения голода сил и возможности заположить их в землю, оставя под парусом сам с тою сестрою своей едва спасая себя, употребляя в пищу платье и прочее вышел на р. Омолон на урочище Широкой» [28]. Показания Антонова были подтверждены его сестрой [29].

Бедственное состояние тунгусов и ламутов было лишь частично облегчено после введения «Устава об управлении инородцами Сибири». На основе этого Устава тунгусы и ламуты Якутской области были перечислены в разряд «бродячих» и освобождены от всех сборов, кроме ясака. Но ставки для них были установлены значительно более высокие, чем для якутов, плативших, помимо ясака, и другие налоги. Так, в Олекминском ведомстве оклад ясака на одного плательщика-якута колебался от 4 руб. до 4 р. 50 к., а на плательщика-тунгуса доходил до 6 р. 69 к.— 10 р. 67 к. [30].

Положение тунгусов и ламутов и после деятельности второй Ясачной комиссии оставалось крайне тяжелым. В 1831 г. по случаю неулова зверей тунгусов Олекминского округа постигла очередная голодовка, во время которой помощь им оказали витимские крестьяне. В 1839 г. значительная часть оленей кангаласских тунгусов пала «от заразы» [31], и вплоть до 1843 г. они не могли оправиться от этого несчастья. К 1852 г. за 1-м Бельдетским родом числилась недоимка 500 р. 50 к., за 2-м Бельдетским — 334 руб., за 3-м Бельдетским — 219 руб., за Шелогонским —

---

[24] ЦГА ЯАССР, ф. 51, оп. 1, д. 52, л. 4.
[25] Там же, л. 9.
[26] Там же, д. 78, лл. 62, 63, 65, 66.
[27] Там же, д. 208, л. 14.
[28] Там же, ф. 11, д. 155, л. 2.
[29] Там же.
[30] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 14.
[31] ЦГА ЯАССР, ф. Як. земского суда, д. 2362.

824 руб.; всего за олекминскими тунгусами значилось на этот год 2340 руб. недоимок [32].

В результате всего этого отдельные группы тунгусов нередко откочевывали из центральных районов Якутии к Амуру и Нелькану, а из Вилюйского округа уходили в Туруханский округ. В Колымском округе часть ламутов в начале XIX в. откочевала на запад, а часть ушла на восток. В 1809 г. состоялось перечисление из Колымского комиссарства в Зашиверское девяти тунгусских родов. В 1837 г. Колымское окружное правление перечислило в Верхоянское управление Кункугурский ламутский род [33]. В 1861 г. военный губернатор Приморской области доносил, что на Камчатку перекочевали какие-то ламуты из Колымского округа, из которых он составил особый род: «При проверке и пересоставлении мною ревизских сказок по 10 переписи о камчатских инородцах оказались нигде не причисленными зашедшие сюда с давних времен ламуты Колымского округа, которые даже не знают, к какому роду Колымских ламутов они принадлежали» [34]. В 1864 г. нижне-колымское начальство сообщало, что эти камчатские ламуты, по данным проверки списков, принадлежат к Нижне-Колымскому роду старосты Саввы Балаганчикова и что этот род платит ясак за ушедших [35].

В рассматриваемый период среди тунгусов и ламутов имелась уже ясно выраженная имущественная дифференциация. В руках некоторых богатеев сосредоточивались крупные стада оленей. У князцов и старшин накапливались средства, позволявшие им вести меновую посредническую торговлю и экономически прижимать своих сородичей. Еще в конце XVIII в. воеводская администрация наделяла тунгусских и ламутских князцов весьма значительными полномочиями. В 1764 г. вновь избранному князцу Эжанского рода Жиганского комиссарства предлагалось «собирать ясак без всякого упущения неослабно», производить раскладку ясака «по достатку, но так, чтобы богатые в бедность не приходили». Князцам предоставлялось право «наказывать непослушных». Сначала предлагалось «уговаривать», затем «с общего согласия пристойными и умеренными побоями пристращивать», «умеренно бить плетьми или другими пристойными побоями». Наделяя князца такими правами, воеводская канцелярия приказывала ему «неумеренных побоев да каждому князцу без старшины и без согласия лучших людей отнюдь не чинить» [36]. В 1790-х годах права князцов были несколько ограничены. Князцам и старшинам было запрещено подвергать телесным наказаниям своих сородичей без согласия земского суда и рассматривать дела о воровстве на сумму свыше 20 руб. [37].

Обязанность собирать ясак и прочие поступления, производить раскладку налогов князцы и старшины нередко использовали для собственного обогащения. В 1796 г. Жиганский земский суд установил, что «некоторые родовые начальники собирают песцов по 50 коп., а оценивают по 60 коп. и в приходе и расходе не показывают разницы» [38]. Еще в 1770-х годах жиганскому комиссару поступали жалобы, что князцы, собирая ясак «оленьими и бычьими кожами, а также песцами, продают партикулярным людям и для своей корысти по дорогой цене».

---

[32] ЦГА ЯАССР, ф. Як. земского суда, д. 2362.
[33] Там же, ф. 16, д. 808, л. 268.
[34] Там же, ф. 11, д. 1683, л. 30.
[35] Там же, л. 42.
[36] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 1, лл. 1—8.
[37] Там же, дд. 41, 57, 58.
[38] Там же, д. 97, л. 35.

Тунгусские и ламутские родоначальники нередко выступали в качестве торговцев. Так, в 1799 г. в Жиганске кюпский князец и старшина Эжанского рода уплатили «штрафные деньги», т. е. налог за провоз товаров по Лене [39]. Из ламутов выделилась зажиточная верхушка, занимавшаяся в 1850—1860 гг. грузоперевозками по Якутско-Аянскому тракту.

Князцам и старшинам за полный и своевременный сбор ясака доставалось «подарочное жалованье» — сукна, табак. Согласно «Положению по предметам иноверческого и сельского управления», князцы и старшины должны были «поступать в звании сии по наследству и занимать оных по смерти». Таким образом, царская администрация пыталась создать в среде коренного населения аристократическую верхушку. Но это не всегда удавалось. Попытки администрации выявить знатных наследственных князцов у жиганских тунгусов не дали результатов. Хотя в Майском воеводстве тунгусы братья Захаровы подали прошение о передаче им князцовского звания, ссылаясь на свое «знатное» происхождение,— резкой грани между «рядовыми» и аристократами в среде тунгусов не было. Поэтому при выборе и назначении князцов руководствовались не столько происхождением, сколько имущественным положением претендентов. Так, в Кункугурском роде старостой был назначен в 1860-х годах богач Алексей Старков, во время голодовки 1861 г. пожертвовавший своим сородичам 100 оленей, а затем внесший ясак за 25 беднейших сородичей [40]. О принадлежности князцов и старшин к наиболее зажиточным слоям населения свидетельствуют и списки по раскладке ясака и других сборов.

Согласно распоряжениям из Якутска, в тунгусских родах, как и в якутских наслегах, плательщики ясака в 1818—1822 гг. были разбиты на «классы». Основные подати и повинности несли плательщики I и II классов, часть — плательщики III класса. Для раскладки платежей, например, в Жиганском улусе в каждом наслеге и роде составлялись особые регистры. В Кюпском роде по регистру 1822 г. принадлежавшие к I классу платили в ясак 1 р. 50 к., подушный сбор — 2 р. 94 к., прочих сборов — 4 р. 79½ к., всего — 9 р. 23½ к. Приписанные ко II классу в ясак вносили по 50 коп., подушный сбор — 2 р. 94 к., прочие сборы — 3 р. 25½ к., всего — 6 р. 69½ к. III класс выплачивал только подушные 2 р. 94 к. Бедные и умершие (не выключенные из списков) причислялись к IV классу [41]. Хотя «классная» система просуществовала у тунгусов недолго, тем не менее сама разбивка на классы может служить подтверждением наличия среди них некоторой имущественной дифференциации, правда, выраженной гораздо менее отчетливо, чем среди якутов. Угнетателями охотничьих народов были не столько свои богатеи, сколько приезжие скупщики пушнины, опутывавшие тунгусов и ламутов неоплатными долгами.

Принуждаемые как купцами, так и администрацией, тунгусы и ламуты усердно занимались пушной охотой. В 1820-х годах в связи с распространением огнестрельного оружия тунгусские и ламутские князцы неоднократно обращались к областному начальству с ходатайствами о снабжении их родников порохом и свинцом по твердой цене из казенных запасов. Эти ходатайства обычно удовлетворялись местной русской администрацией, надеявшейся таким образом ликвидировать ясачную недоимку. Фунт пороха стоил по казенной цене 98 коп., фунт свинца — 28 коп. [42], тогда как у купцов порох стоил 3—4 руб., а свинец — 50 коп. за фунт [43].

[39] ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 182.
[40] Там же, ф. 51, оп. 1, д. 541, лл. 1—4.
[41] Там же, ф. 37, оп. 1, д. 394, лл. 1—4.
[42] Там же, ф. 51, оп. 1, д. 161, л. 21.
[43] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 26.

Нерегулярность снабжения боеприпасами из казны вынуждала охотников все же обращаться к купцам. В 30—40-х годах потребление боеприпасов тунгусами и ламутами, судя по заявкам, возросло. В 1849 г. майским тунгусам было выдано из якутского порохового погреба 13 пуд. 20 ф. пороха и 27 пуд. свинца. Так как майские тунгусы в это время голодали, боеприпасы были выданы им в долг [44].

Во время своих кочевок тунгусы и ламуты нередко подкочевывали к якутским и русским селениям, связывались со своими соседями, роднились с ними путем браков, в случаях голодовок поселялись в юртах якутов. Сближение с соседями, главным образом якутами, привело к глубоким изменениям в хозяйстве, образе жизни и общественном строе тунгусов.

Так, второй Ясачной комиссией в 1830 г. среди вилюйских тунгусов были выделены «бродячие» и «кочевые» группы. В Кэлтятском роде («кэлтээки») из 119 муж. душ 29 были причислены к «кочевым»: они имели 42 лошади и 63 головы рогатого скота. В Угулятском роде из 263 муж. душ 102 души были также причислены к «кочевым»: они имели 474 лошади и 595 голов крупного рогатого скота [45]. По-видимому, отдельные группы тунгусов кэлтяков, угулятов и шелогонов, сблизившись с переселенцами-якутами, восприняли их образ жизни и хозяйство. Под влиянием якутов к скотоводству перешла и бо́льшая часть олекминских тунгусов. В то же время, если на Вилюе значительные группы тунгусов перешли к скотоводству, то в низовьях Лены, на Оленеке и Анабаре переселенцы — якуты и русские, напротив, перенимали у тунгусов охотничий промысел.

Важным событием был переход части майских тунгусов к земледелию. К середине XIX в. тунгусы достигли в этой новой для них отрасли хозяйства значительных успехов. Из представленной тунгусским головой Майского зимовья в Якутский земский суд ведомости 1849 г. о посеве и урожае хлеба и картофеля можно видеть, что земледелием занимались уже три тунгусских рода.

Наслеги	Посеяно			Собрано		
	ржи	ячменя	картофеля	ржи	ячменя	картофеля
Кюпский	— —	5 п. —	— —	— —	70 п. —	— —
1-й Эжанский . .	— —	1 п. 30 ф.	— —	— —	17 п. —	— —
2-й Эжанский . .	1 п. 20 ф.	6 п. 30 ф.	2 п. 39 ф.	18 п. —	57 п. —	23 п. —
Итого	1 п. 20 ф.	13 п. 20 ф.	2 п. 39 ф.	18 п. —	144 п. —	23 п. —

Всего тунгусами этих родов в 1849 г. было получено 162 пуда зерна и 23 пуда картофеля [46].

Учителями тунгусов в области земледелия были русские крестьяне. Потомок одного из первых земледельцев-тунгусов Яков Трубачев, отстаивая свои права на землю, расчищенную им и его отцом, заявил, что его отец «из тунгусов первый последовал доброму примеру» русских крестьян-земледельцев и научился искусству расчистки земельных участков у ссыльного крестьянина Алексея Сорокина, «который указал все способы

[44] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 1836, лл. 18—28.
[45] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 351/1335, д. 9, табели №№ 17, 27, 33.
[46] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 1, д. 1761, л. 115.

и приемы по расчистке леса и употреблению земледельческих орудий» [47].

В рассматриваемый период значительные изменения произошли и в жизни юкагиров. В результате неудачи русских походов против немирных чукчей союзники русских — юкагиры оказались в тяжелом положении. После разгрома в 1747 г. чукчами отряда майора Павлуцкого русская администрация не могла оказать им военной помощи, а своими силами они не могли противостоять чукчам. Отдельные группы юкагиров стали подвергаться набегам чукчей и коряков. Так, в 1754 г. чукчами были разгромлены анадырские юкагиры Чуванского и Ходынского (Хатыгинского) родов; у них было захвачено имущество на 8113 руб. и несколько семейств были уведены в плен [48]. Оказавшись в окружении чукчей и коряков, анадырские юкагиры Чуванского рода впоследствии частью слились с ними, а частью поселились около бывшей Анадырской крепости среди русских мещан. Колымские юкагиры менее пострадали от набегов чукчей. Устьянские, индигирские и алазейские юкагиры в столкновениях с чукчами и коряками вообще не участвовали.

В 60-х годах XVIII в. царское правительство отказалось от попыток вооруженного покорения чукчей. К этому же времени прекратились и военные столкновения между чукчами и юкагирами.

Первой Ясачной комиссией в 1769 г. при проведении переписи были выявлены следующие юкагирские роды в пределах Якутии. При Устьянском зимовье значился Омолонский юкагирский род (82 ясачных плательщика), при Зашиверском остроге — Каменный юкагирский род (33 плательщика), при Алазейском зимовье — Юкагирский род (31 плательщик). В Верхне-Колымское зимовье вносили ясак три юкагирских рода: Коркодонский (29 плательщиков), Рыбников (12 плательщиков) и Ушканский (23 плательщика). В Нижне-Колымское зимовье ясак вносили пять юкагирских родов, различавшихся в документах по именам своих старшин: Омолонский старосты Никулина (23 ясачных души), Омолонский старосты Федорова (16 душ), Юкагирский старосты Вострякова (22 души), Юкагирский старосты Рупачева (18 душ) и Юкагирский старосты Щербакова (16 душ). По данным первой Ясачной комиссии, в юкагирских родах насчитывалось 306 ясачных плательщиков, следовательно, можно полагать, что всего юкагиров было свыше 1200 человек [49].

Первая Ясачная комиссия установила для каждого юкагирского рода твердые ставки ясака. Так, на кочевавший в тундре Омолонский юкагирский род (82 ясачных плательщика) комиссия наложила ясак в размере 13 лисиц красных и 250 песцов. Лисицы оценивались по 2 руб., песцы — по 40 коп. за штуку; всего в пересчете на деньги юкагиры Омолонского рода должны были вносить в год 126 руб. (1 р. 50 к. на одного плательщика). Для Алазейского юкагирского рода (31 плательщик) ясак был установлен в размере 66 руб., следовательно, на одного человека приходилось 2 р. 10 к.

Ставки ясака для юкагиров, считавшихся звероловами, так же как для тунгусов и ламутов, были установлены более высокие, чем для якутов. Однако хозяйство большей части юкагирских родов отличалось от хозяйства тунгусов и ламутов. Верхнеколымские юкагиры занимались рыболовством и охотой. В отличие от ламутов они употребляли в качестве транспортных животных собак. Основной промысел верхнеколымских юкагиров заключался в охоте на лосей. «Главный промысел есть сохатые, которых юкагиры обыкновенно гоняют на лыжах собаками,— писал по-

[47] ЦГА ЯАССР, ф. 12, д. 13 195, л. 8.
[48] Там же, оп. 9, д. 8, лл. 1—13.
[49] Рукоп. фонд ЯФАН, отдел истории, оп. 25/2, д. 6, лл. 13—14.

сетивший их в 1786 г. лейтенант Сарычев.— Охотники мучат их до тех пор, пока не выбьются они совсем из сил и не остановятся, чему способствуют чрезвычайно глубокие снега и бываемый в сие время наст, который подымает только на лыжах охотников и собак, а сохатого по его тягости не держит, следственно, ни один почти из этих зверей уйти не может»[50]. Юкагиры, жившие в низовьях рек Колымы, Омолона, по Большому и Малому Анюям, занимались главным образом рыболовством.

Рис. 30. Чум юкагиров

Мясо и шкуры юкагиры добывали при массовых поколках диких оленей, переплывавших через реки во время ежегодных весенних и осенних миграций с севера на юг. Эту охоту, имевшую для тундровых юкагиров особо важное значение, наблюдал и описал мичман Ф. Ф. Матюшкин, участник экспедиции Ф. П. Врангеля, исследовавшей берега северо-востока Сибири в 1820—1824 гг. «Время переправы оленей через Анюй составляет здесь важнейшую эпоху в году, и юкагиры с таким же боязненным нетерпением ожидают появление сего животного, с каким земледельцы других стран ожидают времени жатвы или собирания винограда». «Олени,— отмечал далее Матюшкин,— два раза в году переправляются здесь через реки — весной и осенью. Первый промысел оленей бывает в конце мая, когда бесчисленными табунами оставляют они леса и тянутся в северные тундры. Майский промысел не столь прибылен для охотников: олени часто переходят через реку по льду, и тогда только в ущельях гор можно их бить из ружей и луков или ловить петлями. Гораздо важнее и изобильнее второй промысел в августе и сентябре месяцах, когда олени из приморских тундр возвращаются в леса». Матюшкину, очевидно, пришлось наблюдать эту охоту. «Переходы оленей достойны замечаний,— писал он.— В счастливые годы число их простирается до многих тысяч и нередко занимают они пространство от 50 до 100 верст. Дорога оленей почти всегда одна и та же, т. е. между верховьями Сухого Анюя и Плотбищем. Для переправы обыкновенно спускаются олени к реке по руслу высохшего или маловодного протока, выбирая место, где противоположный берег отлог. Уверившись в безопасности, передние скачут в воду; за ними кидается весь табун, и в несколько минут вся поверхность реки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на них охотники, скрывавшиеся на

[50] Г. А. Сарычев. Указ. соч., стр. 66—67.

своих лодках за камнями... Между тем двое или трое опытнейших промышленников, вооруженные длинными копьями и поколюгами, врываются в табун и колют с невероятной скоростью плывущих оленей». В своем описании Матюшкин подчеркивает, что поколка оленей была сопряжена для охотников с большой опасностью. «Маленькая лодка их ежеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться среди густой беспорядочной толпы оленей, всячески защищающихся от преследователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами в лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если им удастся опрокинуть лодку, погибель охотника почти неизбежна...» «Оленья охота в воде представляет нечто необыкновенное. Шум нескольких сот плывущих оленей, болезненное харканье раненых и издыхающих, глухой стук сталкивающихся рогов, обрызганные кровью покольщики, прорезывающие с невероятной быстротой густые ряды животных, крики и восклицания других охотников, старающихся удержать табун, обагренная кровью поверхность реки,— все вместе составляет картину, которую трудно себе вообразить» [51].

При охоте у юкагиров существовало определенное распределение труда. Одни охотники только кололи оленей, другие вытаскивали из воды убитых животных. После раздела добычи убитых оленей опускали в воду, где они хранились, пока хозяева разделывали мясо. Мясо сушили на воздухе или замораживали, запасая его в таком количестве, что хватало на значительную часть года.

Подсобное значение для юкагиров имела охота на гусей во время линьки. Зимой анюйские юкагиры ездили к верховьям Баранихи для охоты на диких баранов. На пушных зверей юкагиры охотились для уплаты ясака и приобретения русских товаров: чая, табака, тканей, ножей, топоров, котлов. «Берега обоих Анюев обставлены бесчисленным множеством ловушек, силков, кляпцов и пастников всякого рода для соболей, росомах, лисиц, белок и горностаев,— писал в 1821 г. Ф. Ф. Матюшкин. — Обыкновенно каждую осень ловят здесь от 200 до 300 соболей и соразмерное с тем количество пушных зверей низшей доброты. Каждый трудолюбивый юкагир ежегодно выставляет с первым снегом в разных местах до 500 ловушек и в продолжении зимы осматривает их по пяти и по шести раз» [52].

Несмотря на высокие ставки ясака, установленные первой Ясачной комиссией, юкагиры до начала XIX в. вносили его весьма аккуратно. Юкагирские князцы неоднократно получали награды в виде табака и сукна за регулярный и полный взнос ясака. Но в начале XIX в. положение изменилось. Юкагиров постиг голод. Большим бедствием, обрушившимся на них, было прекращение миграций диких оленей через реки, занятые юкагирами. По мнению В. Г. Богораза, это явилось следствием приближения огромных стад домашних оленей чукчей к верховьям Анюя и Омолона. На беду это совпало и с годами неулова рыбы.

В 1810 г. юкагиры Нартянского и Ушканского родов, жившие по р. Нелемной около Верхне-Колымской крепости, жаловались через своего князца Прокопьева начальнику крепости Данилову, что «за совершенною сего года непромыслицею... дошли до самокрайнейшей к пропитанию безнадежности» [53]. Юкагиры подкочевали к Верхне-Колымску и, сообщив, что они лишились своих собак, обратились к начальству с просьбой воз-

---

[51] Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 220—222.
[52] Там же, стр. 225.
[53] ЦГА ЯАССР, ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 5.

действовать на живших поблизости якутов, чтобы те дали им в долг хотя бы две коровы ввиду угрожавшей гибели от голода. В своем рапорте начальству Данилов подтвердил тяжелое положение юкагиров, отметив, что они «претерпевают великий голод». Для оказания помощи голодавшим в Средне-Колымске был устроен сбор пожертвований продовольствием, что спасло юкагиров Нартянского рода от голодной смерти [54].

В конце 1811 г. голодовка началась среди юкагиров Омолонского рода князца Василия Пенкова. Бедствовавшие юкагиры этого рода с большим трудом перебрались для прокормления к юкагирам Омокского рода. Осенью 1812 г. на неудачный промысел, отсутствие диких оленей и рыбы жаловались три колымских юкагирских рода [55]. Омолонский юкагирский род князца Василия Пенкова опять был вынужден покинуть р. Омолон и перебраться на р. Большой Анюй для прокормления подле русских и якутов [56]. Но в 1813 г. местная казачья команда оказалась не в силах помочь голодавшим. В своем рапорте верхнеколымский урядник Дьячков доносил, что казаки «сами с нуждой и изнурением могут пропитать свои семейства». Пропитание юкагиров и ламутов было поручено якутам с последующим взысканием с голодавших «умеренной платы» [57]. Колымский окружной исправник в донесении о бедствиях юкагиров попытался переложить всю ответственность на самих юкагиров, обвинив их в несоблюдении чистоты и правил охоты на местах, где караулят переплывающих через Анюй оленей [58]. К 1820-м годам после 10 лет голодовки за населением Колымского края, главным образом за юкагирами, накопилось свыше 30 тыс. руб. долга [59]. Между тем бедствия в Колымском округе продолжались. В 1821—1822 гг. по округу «зараза на собак истребила весьма большую часть их»,— доносил чиновник Якутского областного управления Лебедев [60]. В 1821 г. свидетелем бедствий юкагиров на Анюе оказался Ф. Ф. Матюшкин. «Трудно себе представить, до какой степени достигает голод среди здешних народов, существование которых зависит единственно от случая,— писал он.— Часто с половины лета люди питаются уже древесной корой и шкурами, до того служившими им постелями и одеждой» [61]. В 1824 г., несмотря на сравнительно хороший ход рыбы, добыто ее было немного, так как многие семьи юкагиров лишились сетей и мереж: они были у них описаны и конфискованы в уплату за хлеб, взятый из запасных магазинов [62]. Правда, в сентябре 1824 г. по Большому и Малому Анюям возобновился ход диких оленей и жителям удалось запастись мясом и шкурами [63], но уже в следующем году в сообщении управляющему Якутской областью упоминалось о том, что «в горах оленних промыслов почти совсем не было» [64]. В 1826 г. частный комиссар жаловался, что по «рекам же Анюям и Омолону поколка вешнего зверя была крайне скудная» [65].

В 1829 г. в связи с неуловом рыбы по обоим Анюям и Омолону юкагиры со своими семействами пришли для пропитания в Нижне-Колымск

---

[54] ЦГА ЯАССР, ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 2.
[55] Там же, л. 32.
[56] Там же, лл. 51—52.
[57] Там же, л. 68.
[58] Там же, ф. 11, оп. 1, д. 68, лл. 6—7.
[59] Там же, д. 71, л. 18.
[60] Там же.
[61] Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 227.
[62] ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 71, л. 18.
[63] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 4.
[64] Там же, л. 8.
[65] Там же, л. 22.

к русским [66]. Не улучшилось положение юкагиров и в следующем году, так как улов рыбы был незначительным. В 1830 г. юкагиры с обоих Анюев были вынуждены опять переселиться для пропитания в Нижне-Колымскую крепость и жили там до апреля на ссуды из экономического магазина и подаяния [67]. В феврале 1831 г. анюйские юкагиры вновь прибыли по случаю голода в Нижне-Колымск [68]. Голод испытывали также омолонские юкагиры. В 1832 г. переход оленей через р. Анюй возобновился и положение анюйских юкагиров улучшилось [69], но теперь недостаток в продовольствии испытывали юкагиры по р. Ясачной. В 1835 г. голодал Омокский юкагирский род Василия Коркина [70]. Сильный голод поразил юкагиров в 1838 г., когда голод испытывали и русские, жившие по Колыме. «По настоящей сего года неупромыслице,— доносили крестьянский и станичный старшины Нижне-Колымска,— общественники и сородцы пришли до совершенной крайности..., теперь не имеют решительно ни одного куска к спасению своей жизни» [71]. В марте 1838 г. юкагирский староста Рупачев обратился к местному начальству с просьбой выдать его сородичам хлебную ссуду из запасного магазина, сообщая, что уже в ноябре прошлого года среди юкагиров начался голод и они «для спасения своей жизни» покинули родные места и живы только благодаря «человеколюбию здешних жителей» [72].

Голодовки и переселения в русские поселки способствовали сближению юкагиров с русскими старожилами. Еще в конце XVIII в. Сарычев отметил сближение верхнеколымских юкагиров с верхнеколымскими казаками: «Частое обращение юкагиров с здешними казаками нечувствительно ввело между ними как обычай их, так и платье» [73]. В 1821 г. Матюшкин, посетив анюйских юкагиров, обратил внимание на то, что «юкагиры утрачивают свою народность, нравы и обычаи». «Господствующий язык у них русский»,— писал он. «Дома здешних юкагиров построены довольно прочно, из бревен, и состоят по большей части из одной просторной комнаты... Одежда юкагиров совершенно сходна с одеждой живущих здесь русских... В очерке лица юкагиры почти совершенно сходны с здешними русскими, или здешние русские, может быть, похожи на юкагиров» [74].

Массовые голодовки среди юкагиров повторились в 1844—1845 гг.[45]. Весной 1844 г. частный комиссар приказал юкагирскому старосте Леонтию Рупачеву похоронить умерших от голода по Б. Анюю людей [76]. Голод окончательно разорил юкагиров, многие из них, как сообщал Рупачев, лишились даже одежды и не могли выйти на зимний промысел [77]. Скудный улов рыбы по Колыме отмечался и в документах 1850, 1851, 1852, 1853, 1854 гг. Попытки местных властей организовать нерпичий промысел на морском побережье в устье Колымы ни к чему не привели. Ссуды из запасных магазинов, выдававшиеся населению, не избавляли его от голода. К тому же все возраставшая задолженность не давала населению оправиться и в более благоприятные годы.

---

[66] ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 71, лл. 30—31.
[67] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 33.
[68] Там же.
[69] Там же, л. 35.
[70] Там же, ф. 11, оп. 1, д. 63, лл. 94—95.
[71] Там же, д. 115, л. 1.
[72] Там же, д. 204, лл. 13—15, 19, 40—43.
[73] Г. А. Сарычев. Указ. соч., стр. 66.
[74] Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 218—219.
[75] ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 204, лл. 6—18, 19—40.
[76] Там же, л. 44.
[77] Там же, л 50.

Некоторую, но, конечно, далеко не бескорыстную помощь оказывали юкагирам купцы. В 1850 г. купец Барамыгин пожертвовал 100 пуд. хлеба и 100 оленей нижнеколымским мещанам, крестьянам и юкагирам, а в 1858 г.— 150 пуд. мяса голодавшим юкагирам и ламутам. Иногда поддержку голодавшим юкагирам оказывали ламуты. В 1868 г. 3-му Омокскому роду 50 оленей пожертвовал ламут Дельянского рода Дьячков [78].

Систематическое недоедание и длительные голодовки создали в Колымском крае почву для распространения всевозможных эпидемий. Распознать эти болезни местные власти не могли и давали им произвольные названия. В 1826—1827 гг. в Колымском округе от «гнилой горячки» погибли 48 юкагиров и местных русских [79]. Весной 1837 г. в Нижне-Колымском ведомстве от эпидемического заболевания, именовавшегося в отчетах «нервной горячкой», умерли 37 человек [80]. Эпидемия захватила и юкагиров, причем, помимо медицинской помощи, больным пришлось оказывать и продовольственную помощь, так как они лишились возможности добывать пропитание. В 1838 г. среди жителей Колымского округа свирепствовала болезнь, называемая в документах «воспалительным катаром» [81]. В 1843 г. от какой-то эпидемии погибли 24 человека, среди них несколько юкагиров [82].

В довершение бедствий в Колымском округе стал распространяться сифилис. В 1882 г. медицинский инспектор штаб-лекарь Сокольский, командированный в Колымский округ «по случаю открытия в г. Средне-Колымске и по округе венерической болезни», обнаружил в Нижне-Колымске и соседних селениях 54 больных «любострастной болезнью», среди них пять якутов, четырех юкагиров и одного ламута [83]. В бродячем Юкагирском роде старосты Вострякова, Каменно-ламутском роде старосты Гарулина, Юкагирском роде старосты Щербакова, по донесениям старост, был 21 венерический больной [84]. В 1847 г. колымский окружной врач доносил, что случаи венерических заболеваний обнаружены им в Омолонском, Юкагирских и 1-м Дельянском ламутском родах [85]. Все это, впрочем, не мешало колымским чиновникам успокоительно писать в ежегодных отчетах: «Между народом на сей год... не было никаких особых болезней, кроме венерической, да в сородцах проказы» [86].

Главной же причиной тяжелого положения юкагиров было то, что торговцы — скупщики пушнины продолжали грабить их, спаивая, обирая и опутывая долгами. В приказе нижнеколымскому сотнику Солдатову частный комиссар Уваровский в 1820 г. отмечал, что «обращающиеся в Нижне-Колымске по коммерческой части разного звания люди, неизвестно мне по какому поводу и послаблению самовольно объезжая по обоим Анюям и Омолону, производят там с пребывающими жительством юкагирами разными товарами и горячими напитками торговлю» [87]. По свидетельству частного комиссара, купцы, спаивая юкагиров, забирали у них не только всю пушнину, добытую для уплаты ясака и прочих повинностей, шкуры, заготовленные для их собственной одежды, но и запасы продовольствия, обрекая их на голод. Комиссар предложил прекратить недо-

[78] ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 204, лл. 71—72.
[79] Там же, д. 67, лл. 1—9.
[80] Там же, д. 89, лл. 13—17.
[81] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 757, лл. 77—78.
[82] Там же, ф. 11, д. 232, л. 8.
[83] Там же, д. 192, лл. 21, 27, 27а.
[84] Там же, л. 44.
[85] Там же, л. 51.
[86] Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, лл. 35—36.
[87] Там же, ф. 11, д. 27, л. 3.

зволенный торг, но этот приказ, по-видимому, остался невыполненным, так как в 1822 г. было вновь подтверждено запрещение пропускать торговцев к юкагирам на реки Анюй и Омолон.

Пользуясь отдаленностью Колымского округа, купцы продавали здесь свои товары по вздутым ценам. Высокие цены на коноплю и конский волос не позволяли юкагирам обзавестись необходимым промысловым инвентарем: фунт конопли в 1830-х годах стоил на Колыме от 40 до 45 коп., фунт конского волоса — от 85 коп. до 1 рубля серебром [88]. Немало притеснений чинили юкагирам купеческие промысловые артели. В августе 1833 г. поверенный Чуванского и Ходынского родов бывший староста Алин подал колымскому окружному исправнику жалобу на то, что его сородичей притесняют артельщики купца Баранова, отнявшие у них звериные угодья и рыболовные пески с промысловым инвентарем [89]. Жалоба была передана на усмотрение Якутского областного правления, и в декабре 1838 г. из Якутска поступило распоряжение «о воспрещении служителям купцов присваивать себе места, принадлежавшие с давнего времени инородцам». Но только после вторичной жалобы юкагиров и вторичного обращения колымского исправника в Якутск гижигинскому исправнику было дано предписание выселить артельщиков купца Баранова [90].

Бедственное положение юкагиров усугублялось тяжелыми налогами. Кроме ясака, юкагиры в начале XIX в. платили подушную подать — по 65 коп. с человека, сборы на содержание полковых лошадей, больших государственных дорог, водных путей, гербовый сбор и т. д. В 1818 г. юкагиры, распродав для уплаты налогов пушнину, вынуждены были продать для покрытия недостающей суммы предназначенные для себя оленьи шкуры, а затем и «имевшееся на себе платье, как-то парки и камлеи» [91]. Некоторое представление о налогах, выплачивавшихся юкагирами Колымского округа в начале XIX в. (1811 г.), и о соотношении размера ясака с прочими сборами дает следующая таблица, выкопированная из «реестра, учиненного среднеколымским частным комиссаром; какие именно общества, волости и роды иноверческих князцов здешнего комиссарства с какого числа душ должны платить в казну ясак и подати» [92].

Таблица на стр. 221 показывает, что на одного плательщика приходилось от 2 р. 90 к. до 5 руб. разных сборов. Кроме того, с юкагиров производились другие сборы (на содержание писца, на разъезды старшин и т. д.), которые в общих налоговых ведомостях обычно не отражались.

Согласно «Уставу об управлении инородцев Сибири», юкагиры были отнесены Якутским областным правлением к разряду бродячих инородцев. Вторая Ясачная комиссия в 1830 г. переобложила юкагирские роды ясаком, несколько увеличив ясачный сбор для каждого рода в связи с тем, что юкагиры, как «бродячие», были освобождены от несения других повинностей. Но и один ясачный сбор юкагиры платили с большим трудом. Во 2-м Омокском роде, по данным обследования, проведенного в 1840 г. чиновником Якутского областного правления Меликовым, значились 21 муж. душа и только восемь «работников», т. е. лиц от 18 до 50 лет; на каждого «работника» приходилось по 6 р. 25 к. платежей. В Нартянском юкагирском роде значились 17 муж. душ, но было только девять работников, на которых падал сбор по 5 р. 33 к.[93].

---

[88] ЦГА ЯАССР, ф. 11, д. 27, л. 7.
[89] Там же, ф. 16, д. 356, лл. 1—9.
[90] Там же, лл. 10—11.
[91] Там же, ф. 10, д. 98, лл. 97—101.
[92] Там же, д. 56, лл. 98—99.
[93] Там же, ф. 434, оп. 1, д. 15, лл. 1—9.

№ п/п	Названия родов, имена князцов, места обитания	Число душ	Подушные и прочие сборы, руб.	Ясак, руб.
	В ведомстве Нижне-Колымской крепости			
1	Юкагирский род (Рупачев), р. Б. Анюй .	19	38	43,0
2	Юкагирский род (Никулин), р. М. Анюй .	44	88	40,0
3	Юкагирский род (Лыткин), там же . . .	12	24	38,0
4	Омолонский род (Чаин), р. Омолон . . .	16	32	28,5
5	Юкагирский род (Пенков), там же	43	86	49,5
	В ведомстве Средне-Колымской крепости			
6	Юкагирский род (Слепцов)	17	34	42,0
7	Юкагирский род (Трифонов) р. Алазея . .	43	86	68,5
	В ведомстве Верхне-Колымской крепости			
8	Нартянский юкагирский род (Прокопьев), р. Нелемная	16	32	52,5
9	Рыбниковский юкагирский род (Аланчин)	11	22	28,5
10	Ушканский юкагирский род (Спиридонов)	21	42	37,5

Сопоставление данных переписи юкагиров 1769 г. с данными переписи второй Ясачной комиссии (1830 г.) показывает, что численность юкагиров в родах, не затронутых голодом, за этот период увеличилась; например, в Алазейском юкагирском роде — с 31 муж. душ до 54, в Индигирском омолонском юкагирском роде — с 82 муж. душ до 113, тогда как в верхнеколымских юкагирских родах, испытавших жестокие голодовки, население сократилось: в Коркодонском (Нартянском) — с 29 муж. душ до 17, в Рыбниковском с 12 до семи, в Ушканском — с 23 до 22. Незначительно увеличилось количество нижнеколымских юкагиров во 2-м Омокском (на пять человек) и в 3-м Омокском роде (на шесть человек) [94].

Уменьшившиеся в численности верхнеколымские юкагирские роды стали объединяться. В 1837 г. по указу Якутского областного правления юкагиры Рыбниковского рода были причислены к 1-му Омолонскому роду. В Рыбниковском роде к этому времени осталось семь душ обоего пола, из них всего три работника, каждый из которых платил по 7 руб. ясака [95]. Отдельные юкагирские семьи стали перечисляться в другие ведомства [96]. Наконец, некоторые семьи юкагиров выселились из Колымского округа. В 1830 г. какая-то группа юкагиров откочевала с Анюя на Анадырь, в 1838 г. юкагирский староста Алексей Слепцов переселился на р. Индигирку.

Неудачная экспедиция майора Павлуцкого (1747 г.) была последним крупным военным походом на чукчей [97].

Отсутствие в Чукотской земле ценной пушнины, большие расходы по содержанию крепостей и гарнизонов, не говоря уже об издержках по сна-

[94] ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 351/1335, д. 9, лл. 340—399.
[95] ЦГА ЯАССР, ф. 11, д. 63, л. 135.
[96] Там же, д. 1683, лл. 36.
[97] Походы капитана Шатилова не преследовали широких целей. См. «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», стр. 174—179.

ряжению военных экспедиций, заставили царизм отказаться от дальнейших попыток привести чукчей силой оружия «под высокосамодержавную ее императорского величества руку» [98]. В 1764 г. была оставлена Анадырская крепость. За время своего существования (1710—1764 гг.) эта крепость стоила казне 539 246 руб.; огромные убытки понесли также якуты, перевозившие казенные грузы. В то же время за все 55 лет из крепости поступило в приход всего 29 152 рубля [99]. В 1769 г. была отозвана также бóльшая часть гарнизона Нижне-Колымской крепости, население которой, по данным 1762 г., состояло из 585 мужчин, 236 женщин и 53 детей [100].

Следует отметить, что Нижне-Колымская и Анадырская крепости служили не только военным целям. Товары, доставлявшиеся в них как администрацией, так и купцами, приобретались коренным населением в обмен на пушнину. Топоры, ножи, наконечники копий, медные котлы, инструменты, табак приобретались чукчами путем меновой торговли с ясачными юкагирами, коряками и ламутами.

Русские товары попадали к чукчам также при их набегах на юкагирские стойбища и во время столкновений с русскими отрядами. В 1754 г. при разгроме юкагиров Чуванского рода чукчи захватили различного имущества на 8113 руб. Наряду с оленями, одеждой, нартами упоминаются кожи, топоры, копья, железные стрелы, клещи, пилы, пальмы, колокольцы, наигольники, бисер, листовой табак, китайский чай и т. д. [101]

После эвакуации русских форпостов чукчи стали ощущать недостаток в русских товарах, к которым они уже успели привыкнуть. Поэтому они сами стремились к установлению дружеских взаимоотношений с русскими. Этому способствовало также и изменение правительственной политики по отношению к чукчам. Было установлено, что чукчи, как народ «не вполне покоренный», «платят ясак количеством и качеством какой сами пожелают» [102]. Местная администрация перешла к новым, мирным методам привлечения чукчей к платежу ясака. Платившие ясак чукчи в зависимости от количества и качества вносимой пушнины одаривались подарками. Для привлечения чукчей к уплате ясака с 1770-х годов к востоку от р. Колымы на берегу Сухого Анюя ежегодно весной стали устраиваться ярмарки. В 1773 г. был официально восстановлен Нижне-Колымск (на новом месте, против устья Анюя). В 1784 г. было восстановлено Анадырское поселение на урочище Марково. Но как Анадырь, так и Нижне-Колымск теперь уже не являлись военными укреплениями. Зашиверскому исправнику выдавались особые суммы на подарки чукчам (от 85 до 500 руб. в год). В 1791 г. для подарков ясачным чукчам зашиверский земский исправник Баннер затребовал 20 арш. красного сукна для кафтанов и 5 пуд. табака, мотивируя это тем, чтобы «им на первый случай поваднее было вносить казенную подать» [103].

Сами чукчи, видимо, рассматривали уплату ясака как меновую торговлю, в которой они нуждались. В 1792 г. чукотские «тойоны» Мучигинского и Улючинского селений подали капитану Биллингсу прошение о восстановлении Анадырской крепости. В прошении указывалось, что при посредстве чукчей, плативших ясак в крепость, прочие «получали через

---

[98] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», стр. 174.
[99] Там же, стр. 191.
[100] В. Г. Богораз. Чукчи. Л., 1934, т. I, стр. 52.
[101] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 8, д. 9, лл. 1—13.
[102] В. Г. Богораз. Указ. соч., стр. 55.
[103] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», стр. 189.

мену разные нужные нам вещи: котлы, топоры, корольки, бисер и прочее, чем были довольны» и сообщалось, что в связи с закрытием крепости этой группе чукчей приходится с большим трудом пробираться в Гижигинскую крепость для приобретения необходимых вещей [104].

К концу XVIII в. отношения между чукчами и якутской администрацией настолько улучшились, что чукчи не только не оказали сопротивления экспедиции капитана Биллингса, описывавшей берега Чукотского полуострова, но даже помогли ей. Экспедиционный отряд Биллингса был перевезен чукчами из залива Св. Лаврентия до р. Анюя. Биллингс дал за эту услугу главе стойбища чукче Имлерату 5 пуд. табака, 3 пуда стеклянных пронизок, $2^1/_2$ пуда железа, наковальню, топоры, напильники, ножи, ножницы, зеркала, иглы, ружье, дробь, порох, листовую медь [105]. Сопровождавшие Биллингса главы чукотских стойбищ отвергли предложение некоторых молодых чукчей перебить отряд и завладеть его имуществом не только из боязни отмщения, но и опасаясь, что прекратится торговля с русскими и негде будет доставать нужные им вещи [106].

В начале XIX в. одаривание чукчей фактически превратилось в официальную меновую торговлю. В 1806 г. среднеколымский частный комиссар доносил якутскому областному начальству, что во время посещения им крепости Ангарской явилось к нему 22 человека беломорских и чаунских чукчей и после уговоров уплатить ясак и стать «верноподданными его величества» внесли 10 красных лисиц и были одарены 27 фунтами табака. Шестеро чукчей согласились принять крещение, за что получили еще 20 ф. табака [107]. Уплата ясака, так же как и принятие христианства, были для этих чукчей (по-видимому, торговцев-поворотчиков) простой торговой сделкой.

В 1811 г. иркутский гражданский губернатор Трескин сделал попытку регламентировать торговые отношения с чукчами. Были введены твердые цены на пушнину и русские товары. Казакам и рядовым гражданам торговля, кроме мелочной, была воспрещена. Купцам было запрещено торговать с чукчами в долг [108].

В начале XIX в. чукотские ярмарки устраивались весной на Малом Анюе, в местности Островное, или на Большом Анюе, на устье его притока — р. Ангарки. Небольшие ярмарки существовали в Гижиге, с. Каменском на Охотском море и в селении Марково, но они, как и ряд других, еще более мелких, не играли заметной роли. Оборот ярмарки на Сухом Анюе во втором десятилетии XIX в. достиг 200 тыс. руб. В 1837 г. здесь было продано 100 бобров, 395 куниц, 30 рысей, 31 комплект куньих одежд, 13 комплектов выхухолевых одежд, 580 красных лисиц, 80 сиводушек, 13 черных лисиц, 268 песцов, 8 голубых песцов, 1563 моржовых клыка и т. д. [109]. Меха бобров, куниц и рысей шли на чукотскую ярмарку с Аляски; чукчи в этой торговле выступали как посредники между русскими и жителями Аляски.

Подробное описание чукотской ярмарки в местности Островное привел в своем отчете Ф. Ф. Матюшкин. Он отметил, что «чукчи составляют по-настоящему только посредников в торговле между русскими и американцами; собственных своих произведений, кроме разве оленьих шкур,

---

[104] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», стр. 189—190.
[105] Г. А. Сарычев. Указ. соч., стр. 239.
[106] Там же, стр. 254.
[107] ЦГА ЯАССР, ф. 10, оп. 1, д. 23, л. 7.
[108] Там же, ф. 11, д. 322, л. 1.
[109] В. Г Богораз. Указ. соч., стр. 81.

пускают они в оборот немного». «Путь сего народа в Островное довольно замечателен,— писал Матюшкин.— Сначала чукчи переезжают с Чукотского Носа в Америку и, наменяв там мехов и моржовых костей, отправляются в Островное со своими женами, детьми, оружием, товарами, оленями и домами — настоящее переселение народов в малом виде... На берегах Чаунской губы чукчи переменяют своих утомленных оленей у кочующих там племен и следуют далее. Посещая по дороге ярмарки в Анадырске и Каменном на реке Ижиге (Гижиге), чукчи приходят в Островное обыкновенно в конце января или начале февраля. Здесь пребывают они девять или десять дней и отправляются обратно прежним путем. Обыкновенно караван их состоит из трехсот человек, в том числе 100 или 150 воинов. Так проводят жизнь свою чукчи в беспрерывных переходах со всем имуществом и семействами. Каждый караван приходит в Островное однажды в два года» [110].

В XIX в. в расселении чукчей произошли большие изменения. После прекращения военных действий против чукчей,— отметил колымский исправник Майдель,— чукчи оленеводы начали медленно продвигаться на запад и юг [111]. На западе их привлекали как богатые ягельные угодья, так и возможность торговать с русскими. Если в середине XVIII в. западная граница расселения чукчей проходила от р. Чауна к верховьям обоих Анюев, то в 1830-х годах чукотские стойбища простирались уже до р. Б. Баранихи. На юге в середине XIX в. чукотские стойбища находились около р. Омолона. В 1850 г. чукчи подошли также к низовьям Колымы. Торговый старшина Нижне-Колымска в одном из своих донесений сообщал, что с 1850 г. чукчи стали являться в Нижне-Колымск во всякое время года для торговли с русскими и что их стойбища расположены неподалеку от русских селений на Колыме [112]. В 1852 г. нижнеколымский частный комиссар доносил, что к местности Сухарная (в низовьях Колымы) подкочевала группа чукчей-оленеводов (27 взрослых мужчин) и занялась рыболовством, купив у русских сети [113]. В 1859 г., по данным В. Г. Богораза, чукчи переправились через Колыму. Действительно, в 1866 г. якутский гражданский губернатор подтвердил разрешение какой-то группе чукчей постоянно кочевать в Большой тундре между Колымой и Индигиркой [114].

Приближение чукчей к колымским административным центрам помогло привлечь их к ясачному платежу. С той же целью колымский исправник Майдель ввел правило, по которому с чукчей ясак начали взимать не красными лисицами, а выделанными оленьими шкурами (в безлесной тундре красных лисиц добыть было трудно). Вскоре ясак с чукчей стал взиматься в денежном выражении — по рублю с человека. Однако вся сумма, выплачивавшаяся чукчами, равнялась 247 рублям [115].

Распространение чукчей на запад, в Колымский округ привело к значительным изменениям в их хозяйстве. Чукчи улучшили свои стада за счет покупки лесных ламутских оленей, научились употреблять летом оленей под седлами. В хозяйственной деятельности колымских чукчей большое место заняло рыболовство по озерам и осеннее рыболовство в низовьях рек. По сравнению с остальными обитателями Колымского округа чукчи представляли собой наиболее обеспеченную группу, не испы-

---

[110] Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 175.
[111] «Сборник трудов исслед. об-ва «Саха кэскилэ», вып. 1, Якутск, 1925, стр. 26.
[112] ЦГА ЯАССР, ф. 16, д. 1732, л. 1.
[113] Там же, ф. 11, оп. 1, д. 321, л. 9.
[114] Там же, д. 398, л. 58.
[115] В. Г. Богораз. Указ соч., стр. 59.

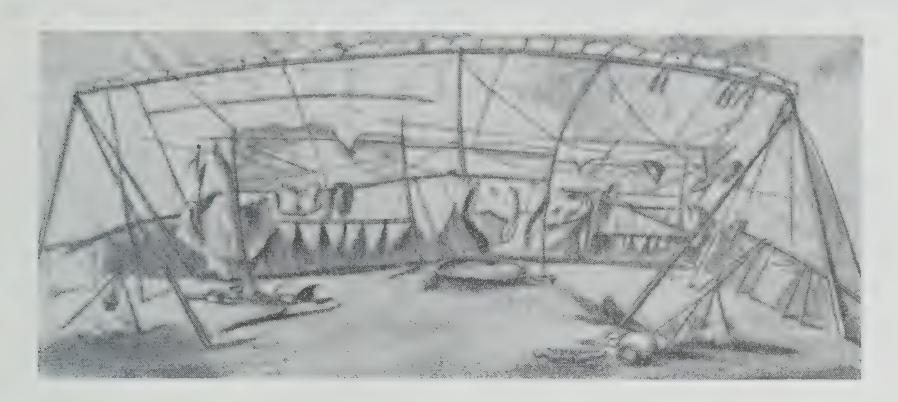

Рис. 31. Яранги оленных чукчей
(рис. Луки Воронина 1785—1792)

тывавшую периодических весенних голодовок. Это способствовало заключению браков между чукчами и женщинами из местных племен. В середине XIX в. колымские чукчи стали смешиваться с местным ламутским, юкагирским и отчасти русским населением.

Еще более обособилась колымская группа чукчей от восточных чукчей после того, как в 60—70-х годах XIX в. чукотская Анюйская ярмарка потеряла свое значение. Во второй половине XIX в. оборот чукотских ярмарок стал сокращаться. Причиной этого была торговая деятельность американцев. После продажи Аляски (1867 г.) усилилось проникновение на Чукотку американских спиртовозов, китобоев, торговцев. Спаивая население, американцы увозили лучшую пушнину, распугивали на лежбищах моржей, за китовые отбросы заставляли чукчей работать на своих судах. В этих условиях чукотские торговцы-поворотчики перестали посещать Анюйскую ярмарку, сюда приезжали лишь колымские чукчи.

Во второй половине XVIII в. в подчинении якутской администрации находились также пешие и оленные коряки Гижигинской округи (32 рода, 823 ревизские души), гижигинские ламуты (шесть родов, 282 души) и охотские ламуты (26 родов, 1420 душ) [116]. Однако эти народности были весьма слабо связаны с якутами и к Якутской области были приписаны лишь формально.

Таким образом, малые народы Якутии в конце XVIII — первой половине XIX в. находились в неодинаковых условиях. Особенно тяжелым в связи с непромыслицей диких оленей было положение колымских юкагиров и ламутов. Примитивное промысловое хозяйство не позволяло большинству родов юкагиров, ламутов и тунгусов создать себе самые необходимые запасы на случай непромыслицы. Представителей администрации малые народы Якутии интересовали только как плательщики ясака. Не получая почти никакой помощи, подвергаясь жестокой эксплуатации со стороны купцов, они должны были отдавать еще свои силы тяжелой борьбе с суровой природой Крайнего Севера.

---

[116] «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», стр. 150.

ГЛАВА XVI

РАННИЙ ПЕРИОД ЯКУТСКОЙ ССЫЛКИ

Ссылка в отдаленный Ленский край началась еще с 1640-х годов, т. е. сразу после создания Якутского воеводства. Имея карательное значение, она в то же время преследовала еще две цели: «освобождение» центральных районов страны от бунтарских, опасных для господствующих классов элементов и попутно — заселение русскими людьми только что присоединенного обширного и слабо населенного края. Поэтому большинство ссылалось «в пашню», «в службу», «в посад» и т. д.; только наиболее «великоважные преступники» приговаривались к отбыванию наказания в темницах.

Ссылка как официальная мера наказания была узаконена Соборным уложением 1649 г., причем в числе мест ссылки за некоторые виды преступлений прямо указывалась р. Лена. Но фактически ссылать стали еще до Уложения. Уже в 1645 г. из Енисейска на Лену были сосланы «за измену» Д. И. Квашнин, которого предлагалось «устроить в пашню», и казак Максим Гриняев с его отчимом Степановым, которых должны были «поверстать в службу» [1]. В том же году якутский воевода Пушкин писал о намеченной высылке на Лену «гулящих людей», названных в другом месте «колодниками»: М. Семенова с шестью другими лицами и нескольких крестьян Костромского уезда «за воровство». Их было указано «на Ленском волоку или где пригож устроить в пашню против иных таких же ссыльных людей» [2]. В дальнейшем сосланных «за измену», «воровство» и «гулящих людей» можно было встретить во многих острогах.

К 1646 г. относится появление в Ленском крае первой группы ссыльных «черкасов» (украинцев). На реки Куту и Тутуру в верховьях Лены было доставлено 10 семей «черкасов», которые привели с собой лошадей, привезли немудреный сельскохозяйственный инвентарь: сошники, косы-горбуши и серпы, а также семена в количестве, достаточном для засева 50 дес. В первый же год они удачно справились с «мякотной пахотой», обрабатывавшейся до них пашенным крестьянином Елизарьевым. Обрадованный этим успехом якутский воевода предписал, чтобы в 1647 г. «черкасы» засеяли по 5 дес., а в 1648 г. уже по 8 дес. на человека [3].

Еще более значительная группа «черкасов» (188 человек с семьями) была выслана «на великую реку Лену» в 1647 г., также с предложением устроить их в пашенные крестьяне [4]. Это были выходцы из Чугуева, Кур-

---

[1] «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», стр. 156.
[2] Там же, стр. 157.
[3] Там же, стр. 49—50.
[4] Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. III. М., 1900, стр. 61.

ска и Воронежа. По сведениям С. Максимова, они положили основание Подкаменской волости, которая состоит из десятков деревень, «носящих старые названия, завещанные на память о родине: Чугуевка, Гребенская и проч.» [5], и стали пионерами развития хлебопашества на Лене.

Вместе с рядовыми казаками, вовлекавшимися в смуты властолюбивой и богатой атаманской верхушкой, недовольной воссоединением Украины с Россией, не миновали ленской ссылки и некоторые из этих главарей. В 1674 г. в Якутск привезли бывшего гетмана Левобережной Украины Демьяна Многогрешного, намеревавшегося отделиться от Руси и перейти на службу к турецкому султану, и его племянника Михаила Зиновьева [6], в 1686 г.— украинского гетмана Ивана Самойловича с сыном, а несколько позднее — полковников Конюховского, Децена, С. Третьяка, Маляша, десятки казацких голов и сотников [7]. При высылке в Сибирь Демьяна Многогрешного и его единомышленников было предписано держать некоторых из них в тюрьмах «за крепкими караулы скованных», так же как всех «черкасов» [8]. Тюрьмы эти наводили ужас: «Выкопана яма, а в яму вставлен русский сруб, а сверху накладены толстые бревна; оставлено маленькое окошечко»,— так описывается темница в одном из преданий, бытовавших среди якутов в конце прошлого столетия [9].

В дальнейшем на Лену были сосланы участники Московского восстания 1662 г., поднятого малоимущими посадскими людьми и частью стрельцов. В конце XVII в. сюда были доставлены после жестоких пыток стрельцы, участвовавшие в бунтах, организованных против Петра I царевной Софьей, Шакловитым и Циклером. Большинство их разослали по дальним острогам: «...не стало без ссыльных стрельцов ни одной крепости, ни одного острога, даже таких неудобных и далеких, как Удский, Анадырский..., Охотский...» [10]. Была приговорена к ссылке на Лену также часть участников антифеодальных крестьянских восстаний — Разинского и Булавинского, основное ядро которых составляли беглые крестьяне, казацкая беднота и раскольники [11].

Нередко в Якутск ссылались бунтари из других городов Сибири. Так, например, в 1654 г. сюда были высланы десятки участников восстания служилых людей и крестьян в Томске (1649—1650 гг.) [12]. В 1690 г. в Якутск привезли из Мангазеи стрельцов Андрея и Никиту Балакиревых, которые «хотели учинить возмущение во всем народе», поносили воеводу и «иные затейные многие слова воровски говорили».

Ссылка раскольников, т. е. старообрядцев, началась с 1670-х годов, когда якутским воеводой был князь Волконский; последний якобы даже был смещен с этого поста «за снисходительное обращение с этими фанатиками» [13]. Одна из отписок воеводы Кровкова от 1684 г. упоминает о двух «раскольниках и мятежниках» — Г. Алексееве и И. Новгородцеве, сидевших в якутской тюрьме с 1679 г. Их велено было, как и других важных государственных преступников, «держать в земляной тюрьме ско-

[5] С. Максимов. Сибирь и каторга, ч. III. Политические и государственные преступники. СПб., 1871, стр. 115.

[6] ДАИ, т. VI, № 95; В. К. Андриевич. История Сибири, ч. II. СПб., 1886, стр. 141—143.

[7] С. Максимов. Указ. соч., стр. 113.

[8] ПСЗ, т. I, № 562.

[9] В. Л. Серошевский. Якуты, т. I, СПб., 1896. стр. 203.

[10] С. Максимов. Указ. соч., стр. 116.

[11] И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883, стр. 141, 154, 157.

[12] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», стр. 476.

[13] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 171.

ванных, за крепким караулом, чтобы к ним никто не приходил и злого учения у них не принимал» [14].

Количество ссыльных раскольников и других лиц, отпавших от господствовавшей православной церкви, особенно увеличилось в царствование Петра I. Тех старообрядцев, которые выступали против проводимых им преобразований, Петр I жестоко преследовал, массами ссылая в Сибирь, в частности в Охотск и Якутск. В 1722 г. сам же Петр издал указ о прекращении ссылки раскольников в Сибирь: «И впредь,— говорилось в этом указе,— расколщиков в Сибирь отнюдь не посылать, ибо тамо без них расколщиков много» [15]. Тем не менее немало сектантов попадало в якутскую ссылку и в последующие годы [16].

Наконец, еще одну своеобразную группу ссыльных составили пленные иностранцы: сперва поляки (1650-е годы), позднее — шведы, попавшие на Лену после поражения под Полтавой. Одну группу пленных шведов отправили в Охотск. Вместе со шведами был поселен в Якутске Андрей Войнаровский, который по поручению гетмана Мазепы, своего дяди, ездил к крымскому хану и турецкому султану, с изменнической целью вовлечь их в войну против России.

Самой привилегированной группой среди ссыльных были пленные поляки, которые после заключения мира с Польшей (Андрусовское перемирие 1667 г.) добровольно остались в Сибири. Таким был, например, ленский сын боярский Иван Крыжановский, который в 1655 г. был взят в плен под Борисовом и в 1662 г. сослан в Якутск; ему было «велено служить в детях боярских с ево братьею шляхтою» с годовым жалованием в «10 руб. по 8 четей ржи и овса и 3 пуда соли». Когда в 1668 г. была получена в Якутске грамота с «милостивым словом» всем «вязням», т. е. пленникам, и предложением, чтобы желающие «вечно служить» государю в сибирских городах подавали о том челобитные, он в числе других был принят на службу, а с течением времени добился и назначения двух сыновей своих в дети боярские. В Якутске он исполнял ответственные поручения, неоднократно посылался в ясачные земли для сбора ясака [17].

Количество ссыльных, отправленных на Лену в XVII и начале XVIII в., исчислялось многими сотнями, но установить их число более точно невозможно. Во всяком случае они составляли заметную прослойку среди населения г. Якутска. Это видно из того, что воевода Бибиков (1678—1681 гг.), разделив город на четыре посада, два из них отвел специально для размещения ссыльных. «Третий посад занимал... всю юго-восточную часть до самой реки Лены и принадлежал раскольникам. Четвертый посад, между крепостью и монастырем, занимали поляки и другие пленные... также казаки и люди, менее виновные в преступлениях» [18].

Пребывание большого числа ссыльных не прошло бесследно для Якутского края. Одни из них ввели земледелие по Куте, Ичере, Тутуре, Киренге и в других районах Верхней Лены. Другие, поселенные в Якутском и других острогах, активно участвовали в общественной жизни. В значительной своей части принадлежа к бунтарским элементам, восстававшим против феодально-крепостнического строя, они и здесь, в Якутии, не раз поднимались — вместе с другими недовольными — против местных воевод. Так, например, ссыльные упоминаются в числе тех 50 служилых и

---

[14] В. Л. Приклонский. Летопись Якутского края. Красноярск, 1896, стр. 22; ДАИ, т. XI, стр. 125—126.

[15] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. II, СПб., 1885, стр. 415.

[16] См. В. К. Андриевич. Указ. соч.

[17] См. «Якутия в XVII веке», стр. 314.

[18] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 174.

промышленных людей, возглавленных пятидесятником Иваном Реткиным и десятником Василием Бугром, которые, взбунтовавшись 1 июля 1647 г., бежали из Якутска «на дальние реки» [19].

При воеводе Барнешлеве (конец 1670-х годов) Якутск видел почти «каждодневные... казни... над раскольниками... за набеги и заговоры». По тем же данным, не подтвержденным пока архивными документами, в одном из восстаний якутов (1682 г.) «участвовали раскольники и казаки» [20]. Участие раскольников в мятежах и бунтах вполне вероятно: они всегда проявляли недовольство властями, ибо раскол, как и всякое сектантство, представлял собой «выступление политического протеста под религиозной оболочкой» [21]. Организаторами и наиболее активными участниками мятежа, произошедшего в 1690 г. в Якутске, явились высланные ранее за «томский бунт» пятидесятники Щербаков и Паломошный, казачий атаман Полуехтов и другие, а также высланные из Москвы казаки Софрон Ильин и Николай Кармалин. По официальной версии воеводы Зиновьева, бунтари намеревались «пороховую и свинцовую казну пограбить и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градцких жителей побить... на гостином дворе торговых и промышленных людей животы ж их пограбить и бежать за нос на Анадырь и на Камчатку реки» [22].

Организаторы восстания Щербаков и Паломошный умерли под пытками, Кармалина и Полуехтова с женами и детьми отправили в Иркутский острог, Ильина (после битья «на козле кнутом и в проводку нещадно») — в Нерчинский острог, а одного из «бунтовщиков» — в ссылку «на заморские реки в Омолонское зимовье на вечное житье».

Очевидно, не без влияния ссыльных старообрядцев — этих фанатичных приверженцев допетровской старины, не скрывавших своей ненависти ко всяким властям,— происходили случаи отпадения от православной церкви и в Якутске. В 1720-х годах служилый человек Андрей Сургучев подал приходскому священнику записку, которая содержала «многую противность и мудрование правилам святых отец и святой церкви». В 1727 г., после жестоких «розысков», сопровождавшихся двукратной огневой пыткой, Сургучев был отправлен в тюрьму Соловецкого монастыря, где его должны были держать до тех пор, «пока он от той своей противности обратится и принесет покаяние» [23].

С 1730-х годов массовая ссылка в Якутский край прекратилась. Здесь стали появляться лишь редкие одиночки-дворяне: поверженные царедворцы, жертвы временщиков, участники неудачных дворцовых заговоров. Их рассылали в самые далекие зимовья и остроги, обычно обрекая на одиночное заключение, и они оставались там до смерти или помилования, если о них вспоминали после новых дворцовых переворотов, столь частых после смерти Петра I.

Александр Меншиков, ставший при Петре II (1727—30 гг.) почти неограниченным диктатором, жестоко расправлялся с теми придворными, которые пытались умалить его власть и ослабить влияние на молодого царя. В числе их оказались его зять, петербургский генерал-полицмейстер Антон Девиер и генерал-поручик Скорняков-Писарев, сосланные в Жи-

---

[19] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», стр. 229—230.

[20] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 171, 175.

[21] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 223.

[22] «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии», стр. 476—477.

[23] В. К. Андриевич. Указ. соч., стр. 348; И. В. Щеглов. Указ. соч., стр. 189; в обоих случаях ссылка на ПСЗ, т. VII, № 5051.

ганск, граф де Санти, привезенный сперва в Якутск, затем в Верхоленск и, наконец, заточенный в заброшенное Усть-Вилюйское зимовье, и др.

В годы бироновщины в Якутию попал президент Коммерц-коллегии Генрих Фик — один из деятельных помощников Петра I, открытый сторонник республиканской формы правления, вольнодумец в вопросах религии [24]. Ссылку ему пришлось отбывать сперва в Зашиверском, затем в Средне-Вилюйском зимовье, где он в течение 10 лет «лишон был свободы, выдерживался в одиночном заточении..., окруженный приставниками, озлобляемыми его несчастьем и живучестью» [25]. Другой жертвой Бирона сделался смоленский губернатор князь А. Черкасский, который будто бы говорил, что «теперь в России честным людям жить нельзя,— кто получше, те пропадают очень скоро» [26]. При отправлении его в Жиганск предписывалось «содержать под самым крепким надзором, не допуская к нему никого». Незадолго до своего падения Бирон — по делу кабинет-министра Волынского, возмущавшегося немецким засилием и приниженным положением русского дворянства,— сослал в Охотск вице-президента Адмиралтейств-коллегии Ф. И. Соймонова.

17 сентября 1742 г. последовал сенатский указ: Елизавета Петровна, стремившаяся на первых порах царствования завоевать больше симпатий в придворных кругах и привлечь на свою сторону государственных деятелей, пострадавших при ее предшественниках, возвратила из ссылки А. Девиера, де Санти, Фика, Черкасского, Соймонова и др. Однако сама же Елизавета, чтобы отделаться от группы недовольных ею царедворцев, разослала их по далеким городам Якутии: вице-канцлера графа Головкина в Ярманг (Средне-Колымск) и барона Менгдона — в Нижне-Колымск, ставшие местом их могилы, а тайного советника Темирязева — в Якутск. Фамилия последнего в числе других ссыльных упоминается в одном из документов за 1764 г. [27]. В 1743 г. по делу полковника Лопухина в Якутск, после пыток и с отрезанным языком, сослали сестру Головкина графиню А. Г. Бестужеву-Рюмину [28].

По некоторым данным, при Екатерине II в Якутский край было сослано несколько участников восстания Пугачева, которые и явились строителями г. Оленска (Вилюйска) [29]. Наконец, после третьего раздела Польши, по указу от 20 июня 1795 г., Сибирь увидела поляков, часть которых попала в Якутск [30].

Яркой и интересной бунтарской фигурой является некий Васильев, сосланный в 1818 г. за «раскол» на Охотский солеваренный завод — страшную каторжную тюрьму тех времен. Его «раскол» носил особый характер. Уже спустя год начальник завода доносил, что Васильев «снова начал рассевать свое лжеучение, состоящее, сверх отвержения разных догматов христианской веры, в опасном мнении о равенстве всех людей». Вскоре у Васильева нашлись последователи — рабочие Пименов и Пономарев. Они стали отказываться от выполнения работ, заявляя, что «все люди созданы не рабами; что всякий должен делать то, что хочет по собственным желаниям, но отнюдь не по повелениям других». Получив донесение об этом, Кабинет министров объявил Васильева сумасшедшим. Между

---

[24] П. Милюков. Верховники и шляхетство. Ростов н/Д, 1905, стр. 28—30.

[25] С. Максимов. Указ. соч., стр. 142.

[26] С. М Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1851—1879, т. XX, стр. 1599.

[27] Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области..., стр. 222.

[28] В. Л. Приклонский. Указ. соч., стр. 135; П. Явловский. Указ. рукопись, стр. 207; С. Максимов. Указ. соч., стр. 141.

[29] Г. Попов. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924, стр. 54.

[30] В. Л. Приклонский. Указ. соч., стр. 83.

тем идеи Васильева получили дальнейшее распространение. В конце 1819 г., по сообщению начальника Охотского завода, Васильев успел «совратить» не только рабочих, но и некоторых из приставленных к нему солдат. Бывший тогда генерал-губернатором Сибири Сперанский распорядился наказать Васильева «немедленно и по всей строгости законов, какой не токмо род его преступления, но наипаче опасный пример его заслуживает» [31], а впредь до окончания следствия посылать Васильева и его единомышленников лишь на самые тяжелые работы и чаще наказывать, заковывая на ночь в кандалы. Выступление Васильева явилось открытым резким протестом представителя низов против самодержавно-крепостнического строя, сводившего людей на положение бесправных рабов.

Особое место в истории якутской политической ссылки занимают декабристы.

Большинство декабристов — этих первых дворянских революционеров, которые, по выражению В. И. Ленина, «помогли разбудить народ», Николай I отправил на долгие годы в каторжные норы Забайкалья и лишь для немногих декабристов заменил каторгу ссылкой в разные города Сибири. Как и в других местах сибирской ссылки — Тобольске, Таре, Иркутске, Чите, Минусинске,— население Якутска, Олекминска, Вилюйска и Средне-Колымска встретило декабристов сочувственно.

Появление первых декабристов в Якутской области относится к 16 сентября 1826 г., когда в Якутск под жандармским конвоем доставили А. Н. Андреева (2-го), Ап. В. Веденяпина и Н. Ф. Заикина. Всего в Якутии в разное время побывало 14 декабристов, из них в Якутске — активный участник восстания 14 декабря 1825 г. штабс-капитан А. А. Бестужев, член Северного общества З. С. Чернышев и член Южного общества обер-прокурор Сената С. Г. Краснокутский; в Олекминске — члены Северного общества подпоручик А. Н. Андреев и лейтенант флота Н. А. Чижов; в Вилюйске — член Южного общества, участник восстания Черниговского полка отставной подполковник М. И. Муравьев-Апостол; в Средне-Колымске — штабс-капитан М. А. Назимов и поручик Н. С. Бобрищев-Пушкин (1-й). Много лет спустя, в 1857 г. в Якутию попал декабрист П. Ф. Выгодовский.

Наиболее крупной фигурой из числа декабристов в якутской ссылке был друг Грибоедова, издатель альманаха «Полярная звезда», писатель-романтик и критик А. А. Бестужев (Марлинский). В Якутске, куда его привезли 24 декабря 1827 г., Бестужев оказался не одинок. Здесь в разное время жили его товарищи по общему делу — Краснокутский и З. Г. Чернышев. Сообщая о приезде Чернышева, которого он хорошо знал еще в Петербурге, Бестужев писал матери: «Мы живем... в одном дому, хозяйство общее... Теперь есть с кем потолковать о старине, о Петербурге, о словесности, тем более, что и он страстный до нее охотник: много читал и теперь только этим и занимается» [32].

Местное общество чиновников, возглавлявшееся областным начальником Н. Мягким, гостеприимно открыло перед декабристами двери своих домов и наперебой приглашало их в качестве самых желанных и почетных гостей. Об этом известно из доноса, посланного иркутскому генерал-губернатору городничим Слежановским, который сообщал, что «на случающиеся у Мягкова балы, где быв они (декабристы.— *Ред.*) в полной мере г. Мягким в виде знаменитых особ уважаемы, и играя они недозво-

---

[31] В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г., т. II, стр. 124 и сл.

[32] Сб. «Памяти декабристов», т. II, Л., 1926, стр. 208.

ленную ролю, занимали первые места и танцовали с приглашенными на бал дамами» [33].

Иркутский губернатор Цейдлер разработал подробную инструкцию, в которой предлагал местным властям «внушить преступникам, чтобы вели себя тихо и скромно, двухсмысленных речей и разговоров не имели, также никаких связей ни с кем не заводили, у себя или в другом месте сборищ и собраний не имели, из места пребывания не отлучались и непременно каждую ночь ночевали в квартире» [34]. Однако нигде, кроме Средне-Колымска, эта инструкция не выполнялась. Несмотря на строгое запрещение заниматься педагогической деятельностью, Бестужев-Марлинский имел двух учеников. В Вилюйске обучал детей грамоте и арифметике М. И. Муравьев-Апостол. Сохранилась любопытная подробность о его занятиях с детьми: «По неимению в этой глуши часов,— писал Муравьев-Апостол в своих воспоминаниях,— пришлось придумать забавный способ для определения классного времени. Я над своей юртой выкидывал флаг, служивший знаком, что я жду своих учеников, и они на этот немой зов немедля являлись с своей книгой» [35].

Циркуляр Цейдлера запрещал отлучки за городскую черту, но Бестужев-Марлинский в любое время уезжал далеко за город. «Сибиряки и якуты,— писал бывший в Якутске в 1828 г. начальник магнитологической экспедиции доктор Эрман,— не стеснялись выказывать свою симпатию к этому новому их согражданину. Они ему давали лошадей, чтобы он мог ездить на охоту или в соседние леса к близлежащим юртам» [36]. Совершенно свободно выезжал в окрестности Вилюйска и Муравьев-Апостол.

Вольно жили декабристы и в Олекминске. Одному из них, Андрееву, олекминский исправник Федоров разрешил даже принять участие в качестве переводчика в экспедиции лейтенанта Дуэ, занимавшегося магнитологическими и астрономическими наблюдениями. Андреев уехал с ним по р. Олекме до Крестов (в 150 верстах от Олекминска), но поездка прервалась из-за доноса. Доносчиками были пятидесятник Габышев, обидевшийся, что переводчиком пригласили не его, а «государственного преступника», и почтмейстер Кривошапкин. Приехавший из Иркутска жандармский капитан отстранил Федорова от должности. За этим последовало новое категорическое запрещение декабристам отлучаться из города.

«Надеясь покинуть рано или поздно неприглядный Вилюйск, — писал в своих воспоминаниях М. И. Муравьев-Апостол,— я вздумал воспользоваться пребыванием моим в этой глуши, чтобы принести ему какую-нибудь пользу» [37]. Он собрал среди горожан по подписке деньги и устроил прочную изгородь вокруг кладбища; занимался медицинской практикой, однажды, по его словам, излечив даже гангрену пальцев; помогал прокаженным; «отважился садить картофель», причем эта попытка «увенчалась полным успехом» [38]. Муравьев-Апостол относился к якутам с большой симпатией; называя их тружениками, он отмечал, что якуты «крайне правдивы и честны, лукавства в них нет и воровства они не знают» [39].

Старались быть полезными Олекминску и Андреев с Чижовым. Они построили здесь первую мельницу и даже устраивали общественные

---

33 Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки. Иркутск, 1925, стр. 51.
34 Там же, стр. 44.
35 М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922, стр. 64.
36 Н. Котляревский. Декабристы. Князь А. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский. СПб., 1907, стр. 160.
37 М. И. Муравьев-Апостол. Указ. соч., стр. 65.
38 Там же, стр. 63.
39 Там же, стр. 62.

гулянья[40]. Вскоре после своего приезда декабристы создали небольшой кружок, в который вошли лица, не удовлетворявшиеся скучной жизнью в провинциальной глуши: доктор Орлеанский, купцы Подьяков и Дудников, исправник Федоров и др. Они проводили вечера в беседах по поводу прочитанных книг и журналов, а Чижов иногда читал собственные стихи.

А. А. Бестужев-Марлинский близко сошелся с Эрманом и его помощником Дуэ, помогал им в научной работе, составил таблицу для сравнения высот мест, вел по их просьбе метеорологические наблюдения[41]. Он, как и Муравьев-Апостол, в первую же весну занялся цветоводством и огородничеством. 10 июня 1828 г. он писал в Петербург матери: «Несколько дней стояли жары. Зато за 3 дня перед сим холод по знакомой тропе посетил окрестности, и я крепко боюсь за свою гряду с огурцами»[42]. Много времени Бестужев-Марлинский отдавал книгам, которые он получал в большом количестве от матери, сестер и некоторых друзей. Тут были латинские классики, Байрон, Шиллер и Гете, все «словесные новинки», включая только что вышедшие 3, 4 и 5-ю главы «Евгения Онегина», иностранные словари, учебник по агрономии и руководства по физиологии, терапии и хирургии, которые он, по его словам, «пристально» читал «не для практики, конечно, а для науки». Книги составляли для Бестужева-Марлинского «первейшее утешение в бедствии, равно как лучшее занятие в щастье».

С осени 1828 г. писатель возобновил свои литературные занятия и немногим больше чем за полгода написал до 30 стихотворений: «Шебетуй», «Осень», «Облако», «Оживление», «Тост», «Сон», «Череп» и другие, небольшую балладу «Саатырь» на сюжет одной из якутских сказок и два очерка — «Сибирские нравы» и «Рассказы о Сибири». «Перо есть единственное средство к моему существованию»[43],— писал он 25 января 1829 г., отправляя для печати некоторые свои стихотворения.

В 1830—1840-х годах Бестужев-Марлинский был одним из наиболее популярных русских писателей. Читающая публика с нетерпением ожидала каждое его новое произведение, и многие тысячи людей впервые получили представление о Якутии по увлекательным очеркам «Рассказы о Сибири», «Сибирские нравы» и балладе «Саатырь». Писатель выступал в них как передовой человек своего времени; он с дальновидностью предсказал будущее того далекого, сурового, но богатого естественными ресурсами края, в который сослал его Николай I. «Сама природа,— писал он в «Рассказах о Сибири»,— указала средства существования и ключи промышленности. Схороня в горах ее множество металлов и цветных камней, дав ей обилие вод и лесов, она явно дает знать, что Сибирь должна быть страной фабрик и заводов». Кстати, глубокая вера в прекрасную будущность Сибири объединяла Бестужева-Марлинского с другими декабристами. Басаргин, например, писал: «Сибирь на своем огромном пространстве представляет так много разнообразного, так много любопытного, ее ожидает блестящая будущность»; Розен выразился так: «Сибирь... с увеличением народонаселения, с посеянными в ней семенами обещает... счастливую и славную будущность»[44].

В тяжелом положении находились декабристы на Колыме. Отправленным на Колыму М. Назимову и Н. Бобрищеву-Пушкину 1-му местные

[40] Б. Кубалов. Указ. соч., стр. 48.

[41] Марлинский (А. А. Бестужев). Полн. собр. соч. в двух томах, т. II, СПб., 1838, стр. 307.

[42] Сб. «Памяти декабристов», т. II, стр. 203.

[43] Там же, стр. 218.

[44] Л. Чуковская. Декабристы — исследователи Сибири. М., 1951, стр. 133—134.

власти превратили ссылку в одиночное тюремное заключение. Исправник Тарабукин отвел Бобрищеву-Пушкину комнату в одном из частных домов, приказав «порядочно закрыть досками кругом,... из двух одно окно заглушить крепко, внутри... оставить столик, один стул и кровать». Два казака, приставленные для постоянного караула, обязаны были не допускать никого в дом «к личному с ними свиданию без позволения, не допускать ходить в дом жителям, а тем паче к письменному с кем-либо сношению» [45]. Даже посещение церкви разрешалось лишь в сопровождении казака.

Зима 1826/27 г. на Колыме выдалась голодной. Декабристам полагалось выдавать в день по $17^1/_2$ коп. кормовых, что обрекало их на полуголодное существование. 26 декабря 1826 г. Тарабукин доносил, что «сверх дачи кормовых им... по внушению моему на первый раз жителями и сородцами снабжены из человеколюбия припасами рыбными». К счастью вскоре же обоих колымских декабристов перевели на новые места, и 29 января 1827 г. они снова уже были в Якутске, откуда Назимова перевели в Витим на Лене, а Бобрищева-Пушкина — в Туруханский край.

В начале 1857 г., когда многих декабристов уже не было в живых, в Якутскую область доставили П. Ф. Выгодовского, более 25 лет отбывавшего ссылку в Нарыме. В продолжении всего этого времени администрация одобрительно отзывалась о его поведении. Но вдруг в 1854 г. он был арестован и отдан под суд за «дерзкие выражения», допущенные в одном из писем по адресу начальства. При обыске у Выгодовского нашли 3588 листов рукописей, исполненных «дерзкими и сумасбродными идеями». После наказания плетьми Выгодовского отправили в Якутию в бессрочную ссылку под гласный надзор полиции. Он прожил в Вилюйске по крайней мере до 1866 г., занимаясь перепиской бумаг у частных лиц. Это был последний декабрист, живший в Якутии спустя 40 лет после восстания 14 декабря 1825 г.[46].

В. И. Ленин писал о декабристах: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» [47]. Далекими от народа оставались они и в якутской ссылке. Все же многие из них старались по мере сил делать полезное и для простых людей (Муравьев-Апостол, Чижов, Андреев).

---

[45] «Сборник трудов общества изучения ЯАССР», вып. 1, Якутск, 1936, стр. 58.

[46] Сб. «100 лет якутской ссылки», М., 1934, стр. 98; «Каторга и ссылка», 1926, № 6, стр. 58; 1932, № 5, стр. 178—181.

[47] В И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14.

ГЛАВА XVII

КУЛЬТУРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Переселение русских крестьян в гущу якутского населения, расширение торговли, привлечение якутов к транспортным подрядам и строительству в городах оказали большое влияние на все стороны материальной и духовной культуры якутского народа. Этим, в частности, был дан толчок развитию ремесла среди коренных жителей.

Якуты участвовали в строительстве церквей в улусах и домов в городах. Как было отмечено современниками, большинство плотников в Якутске и других городах области состояло из якутов [1]. Среди них выделялись настоящие мастера-строители.

Знакомство с архитектурой капитальных построек, с внешним и внутренним их оформлением расширяло технические знания и навыки якутских мастеров и убеждало их в преимуществе русских типов жилищ над примитивными балаганами и другими, нередко дорогостоящими, как ураса, якутскими постройками. Изменению подверглись сначала летние жилища [2]. С начала XIX в. ураса больше уже не сооружалась, старые сохранялись лишь у богачей [3]. Ураса, покрытая дерном — *холомо* сохранялась только на севере, у рыбаков и охотников.

По преданиям, в XVIII в. в центральных улусах стали строить шестигранные или восьмигранные жилища с горизонтальной кладкой стен и рублеными «в обло» углами. Сначала такие дома имели коническую наподобие урасы форму и открытое отверстие наверху для выхода дыма. Вдоль стен пристраивались *ороны* (широкие лавки или нары). У богатых в оконные рамы вставлялись слюда или стекло, у бедных окна затягивались рыбьим или бычьим пузырем. В середине XIX в. у якутов появилась четырехстенная плосковерхая русская изба. Тесовые двускатные крыши на якутских домах были редки. Распиливать бревна на тес якуты еще не умели.

Якутские рубленые дома по традиции строились дверью на восток; с северной стороны к ним примыкал *хотон* (хлев). Внутри дома вдоль стен были оборудованы ороны с характерными закраинами (*сынгаhа*), разделенные невысокими перегородками (*баhык уhук* — «изголовье») на

---

[1] Р. Маак. Вилюйский округ Якутской области, ч. III. СПб., 1887, стр. 86; А. Ф. Миддендорф («Путешествие на Север и Восток Сибири», ч. II, отд. VI, СПб., 1878, стр. 777) пишет: «В 1859 г. в одном Кангаласском улусе насчитывалось 64 плотника, 90 кузнецов и 3 столяра».

[2] См. О. В. Ионова. Жилые и хозяйственные постройки якутов (историко-этнографический очерк). «Сибирский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XVIII, 1952.

[3] Р. Маак. Указ. соч., стр. 44; А. Ф. Миддендорф. Указ. соч., стр. 780; В. Л. Серошевский. Указ. соч., стр. 346—363.

Рис. 32. Разрез холомо охотников-якутов
(фото Якутского республиканского музея им. Емельяна Ярославского)

отдельные лежанки. Посредине дома стоял глинобитный камелек, который обогревал и освещал дом и служил для приготовления пищи.

Вместе с домами русского типа (*нуучча дьиэтэ*) к якутам стала проникать русская мебель — четырехугольные большие столы, табуреты, стулья со спинкой и т. д. [4].

Рис. 33. Шестигранная юрта с конической крышей
(по О. В. Ионовой)

Якутские мастера стали изготовлять нарядные столы, буфеты, стулья по русским образцам. У них появились токарные станки и другие инструменты русского происхождения — струги, рубанки, наугольники и пр. Стала применяться округлая токарная выточка ножек столов, стульев и т. п.

Изготовление таких вещей побуждало якутских мастеров к созданию собственных художественных форм декорировки, к развитию цветной орнаментации и новых узоров на основе национальных мотивов. Якутские мастера употребляли привозные масляные краски, а также красящие вещества своего изготовления. Черную краску получали из *хоруончаха* — болезненного нароста у основания хвоста лошади, *ыт тумса* — черных наростов на березе, из

[4] Р. Маак. Указ. соч. стр. 44—46.

Рис. 34. Якутская юрта

угля горной кустовой ольхи. Для окрашивания в красный цвет употребляли *соhо* — красную охру и кору ольхи; в оранжевый *сиhик* — отвар красного тальника; в желтый — охру, в светлокоричневый — отвар лиственничной коры. Краской покрывали дорогую мебель, иногда также внутренние двери, косяки окон, рамы, надгробные памятники, выездные санки.

В этот же период в быт якутов вошли и мелкие деревянные поделки: коробки, которые снаружи украшались линейной резьбой по черненому фону, шкатулки, табакерки.

До конца XVIII в. в Якутии преобладала одежда из местных материалов. Об этом говорят описания путешественников, побывавших в Якутии, и их рисунки. По описанию Г. А. Сарычева, участника экспедиции 1785—1793 гг., якуты носили платья из кож, богатые — из выделанной оленьей, бедные — из конской. Большинство якутов надевало на голое тело нагрудники и род полушубка из кожи. Как пишет Сарычев, «штаны у них короткие, на четверть выше колен. К ним привязываются ремешками наколенники, опускающиеся немного пониже икр. Потом на ноги надеваются носки, а на них сапоги, называемые этэрбэсы (мягкая обувь из кожи.— *Ред.*). Достаточные якуты сверх всего платья носят привязанные к поясу два набедренника, состоящие из двух четверосторонних лоскутов красного или синего сукна». «Женское якутское будничное платье,— пишет далее Сарычев,— почти такое же, как и мужское, но нарядное — длиннее и полнее обыкновенного, покрыто цветным сукном, фанзою или китайкою, унизано серебряными и медными бляшками разных фигур и обложено кругом широкою опушкою из мехов бобровых или выдреных. К сему платью шапки надевают особого роду с тремя кверху хохлами из птичьих перьев. В ушах носят серебряные большие кольца, волосы завязывают назади в косу» [5]. Эти сведения подтверждаются рисунками в книге Георги [6].

[5] Г. А. Сарычев. Указ. соч., стр. 42—43.

[6] И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1799.

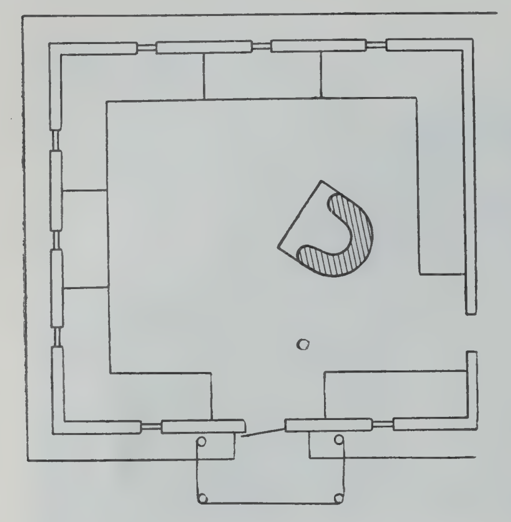

Рис. 35. План юрты-балагана
(по О. В. Ионовой)

Через 60—70 лет после описания Сарычева в одежде и нарядах якутов произошли существенные изменения, которые были отмечены путешественниками середины XIX в. А. Ф. Миддендорфом и Р. К. Мааком. Эти изменения объясняются общим прогрессом в экономике, быту и художественных вкусах населения. В Якутскую область привозили различные ткани, материалы для рукоделия, серебро в монетах, листовое («польское» серебро) и в разных изделиях. Привоз дешевых материалов — дабы, ситца, сарпинки, плиса, бумажного трико, а также вельвета и различных сукон способствовал тому, что одежду стали шить из тканей. Появление новых материалов вело и к приближению фасона новой одежды к русским образцам. В это время уже вошли в употребление рубахи из дабы или сарпинки, сходные по покрою у мужчин и женщин и отличавшиеся только длиной. Якуты стали носить длинные штаны, бедняки — из коровьей кожи или выделанной оленьей замши *сарыы* (местное русское название — «ровдуга»), а зажиточные — из плиса или сукна.

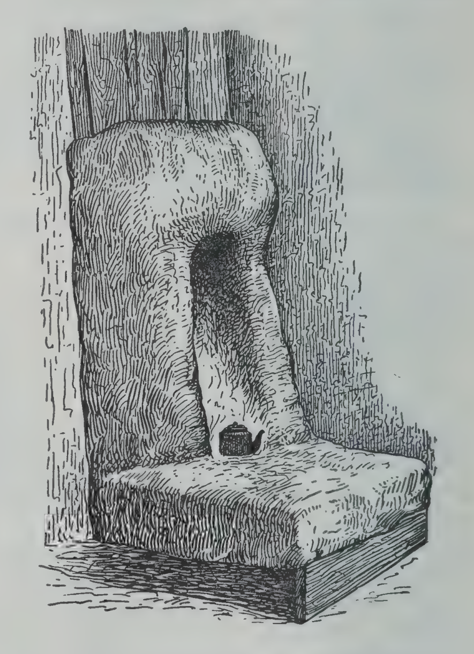

Рис. 36. Якутский камелек

В это же время вместо старинного сангыйаха стал преобладать новый тип шубы — сон. Фасон сона значительно отличался от сангыйаха и, повидимому, представлял видоизменение старинных якутских кафтанов. Сон шили всегда однобортным, с отложным воротником, с буфами на плечах и вставками из клиньев вроде фалд, начинающихся у талии. Полы сона, доходившие до середины бедер или до колен, покрывались ровдугой или плисом, подбивались мехом — заячьим, беличьим, лисьим или песцовым, смотря по достатку хозяина. Летний сон шили из тонкой материи. В этот период стал входить в обиход и нарядный мужской сон (*кытыылалаах сон*), крытый темным сукном, а по бортам и полам окаймленный цветной материей. Бедняки носили сон из телячьей или лошадиной шкуры мехом внутрь.

В первой половине XIX в. и в центральных и в вилюйских улусах сохранялись еще женские нарядные шубы старинного покроя. Такие шубы

шили шерстью наружу из дорогих бобровых и рысьих мехов с оторочкой из разноцветных сукон. На некоторых шубах на спине около лопаток делали украшения в виде крыльев из более темного меха (росомахи, соболя). Такие шубы были зарисованы Мааком [7], о них и теперь рассказывают старики, называя их *хотойдоох сон*, т. е. шубы с орлом. В подгородных улусах в это время произошли некоторые изменения в фасоне и покрое шуб типа сангыйах: стали шить так называемый *буuктаах сон*; здесь над мехами преобладали яркие сукна, а рукава делались с большими буфами. К такой шубе надевали высокие конусообразные шапки *дьабака*, отороченные мехом, верх которых украшался серебряными нитками или бисерной лирообразной вышивкой и круглой серебряной пластинкой с гравировкой *туоһахта*. Расширяющийся низ шапки плотно облегал шею и плечи и завязывался под подбородком. Нарядные рукавицы шились из лисьих или песцовых лап с отворотами из бобра и с такой же накладкой на конце пальцев.

Обувь якутов за это время не претерпела существенных изменений. И мужчины и женщины по-прежнему носили *этэрбэсы*, летом из дымленой коровьей и из черненой конской кожи или из оленьей ровдуги. Кожи обкуривались дымом в особых ямах (*ыыс иинэ*). Дымление придавало коже практичный желтый или светлокоричневый оттенок и делало ее водонепроницаемой. Чернили конскую кожу путем втирания в нее сажи, смешанной со сметаной. Зимой якуты носили меховые этэрбэсы из оленьих или конских камусов (кожи, снятой с лап). На обуви делались отвороты из цветного сукна; у женщин эти отвороты украшались вышивкой из бисера и маленькими серебряными бляшками разной формы.

Ткани стали употреблять и на постельные принадлежности. На покрышку подушек и меховых одеял шли преимущественно цветные ситцы, а у богатых — шелка.

Стремление якутских тойонов к роскоши выразилось и в том, что получила распространение отделка серебром одежды, сбруи и различных бытовых вещей. Спрос на серебряные предметы в начале XIX в. увеличился и в более широких слоях народа [8].

Серебро было известно якутам до XIX в., но употребление его ограничивалось лишь пластинками для поясов и женских шапок, кольцами и сережками. Теперь наиболее искусные кузнецы научились обрабатывать привозное серебро и медь. Плавка серебра с примесью меди и олова производилась самым примитивным способом в небольших тиглях, раздуваемых ручным мехом. Отделка серебряных предметов — женских украшений, седел, ножен — велась простыми самодельными инструментами. Тем не менее изделия якутских мастеров отличались чистотой отделки и оригинальностью орнамента.

В большом ходу были мужские и женские пояса, обложенные четырехугольными и круглыми серебряными пластинками. На этих пластинках преобладал растительный орнамент в сочетании с геометрическим. Богатые женщины носили серебряные пояса, к которым подвешивали уховертки, щипчики для вытаскивания заноз, трутники, вышитые бисером и серебряными кружочками; носили также небольшие сумочки (*хаппар*) на боку. Серебро широко использовалось и в других женских украшениях, в частности в нагрудном украшении, состоявшем из трех частей: серебряного обруча в мизинец толщиной (*кылдьыы*), надеваемого на шею, двух рядов ажурных пластинок (*илин кэбиһэр*), спадавших с обруча на грудь,

---

[7] Р. Маак. Указ. соч., стр. 67; В. Л. Серошевский. Указ. соч., стр. 329—345.
[8] В. Л. Серошевский. Указ. соч., стр. 329—345, 364—414.

Рис. 37. Женская якутская одежда с бисерной вышивкой. Середина XVIII в. (*по раскопкам Е. Д. Стрелова*)

и одного широкого ряда пластинок (*кэлин кэбиһэр*), свисавшего сзади до талии. Ажурные пластинки через несколько звеньев соединялись гравированной пластинкой или звеном из цветных бус. Женщины носили трубчатые гравированные браслеты (*бёгёх*), большие серьги с привесками в виде треугольника и различной формы колечек. Девушки к концам кос приплетали накосники (*суһуох киистэтэ*), состоявшие из одной или несколько трапециевидных пластинок.

Раньше почти весь вышивочный материал составляли цветные бусы и цветные бумажные нитки; в XIX в. появились стеклярус, металлические блестки, мишурные нитки. Излюбленным объектом вышивки были чепраки, нарядные женские камзолы, голенища женских этэрбэсов и берестяная посуда.

Образцы народной поэзии, записанные в первой половине XIX в. и несколько позднее, показывают, что устное творчество якутов развивалось и обогащалось новыми произведениями. Продолжали бытовать *олонхо*, о чем свидетельствуют записи текстов олонхо «Эр Соготох», «Эриэдэл Бэргэн», «Кёнгюл Бёгё», «Олонхолоон Обургу», и народные песни. Народ пел и сказывал о своей жизни, радостях и горестях, о своих мечтах и чаяниях, об окружающей его природе.

В XIX в. кумысный праздник якутов (*ысыах*) значительно упростился, заклинания духов-небожителей стали забываться. В этом, по-видимому, сказывались изменения в экономике и мировоззрении народа: лошадей у якутов стало меньше, рогатого скота больше, сами якуты были обращены в христианство и начали забывать старые верования.

На ысыахе исполняли хороводные танцы с песнями. Запевала произ-

Рис. 38. Женская одежда, богато украшенная нашивками из кожи. Середина XVIII в.
(по Е. Д. Стрелову)

носил песню по фразам, а хор повторял ее. Пели обычно об оживлении природы после долгой холодной зимы, о прилете птиц, о поправке скота на привольных пастбищах. Одна из песен, записанная Миддендорфом, начиналась так:

Эгей, ну-те [начнем, что ли]!
Синие горы, яркая зелень!
Новый год направился,
Добрый год надвинулся,
Знойные [дни] заиграли,
Зеленая листва в полном расцвете,
В синей дымке жара [настала];
Мотки шелковой хвои распустились,
На холмистых местах трава высоко выросла,
Мятлик-трава подросла
Трава возвышенных мест дружно взошла!...[9]

По-прежнему на ысыахе выступали народные певцы и олонхосуты с исполнением традиционных произведений и своих песен-импровизаций.

В народе бытовали и развивались и другие песни, например о временах года («Дьыл ырыата»), о животных (орле, вороне, коне), о деревьях и травах. Воспевались различные местности, где обитали якуты, например р. Вилюй, Татта. Суровость северной природы отражалась и в трудовых и бытовых песнях, рассказывавших о тяжелой жизни бедняков-скотоводов.

Сохранялась и обрядовая поэзия — *алгыс*. Поэтическими алгысами сопровождались охотничьи обряды в честь духа — хозяина леса и покро-

---

[9] А. Ф. Миддендорф. Указ. соч., стр. 799. Перевод Г. Эргиса.

Рис. 39. Короткая одежда из ровдуги. Середина XVIII в.
(по Е. Д. Стрелову)

вителя охотников Баай-Байаная [10]. В старину охотники совершали эти обряды в тайге. Из обрубка дерева делали изображение Байаная (*хойгуо*), ставили его перед костром и мазали ему рот жиром или маслом. Старший охотник (иногда шаман), сняв шапку и преклонив колено, речитативом произносил алгыс, в начале которого всячески восхвалял Байаная за щедрые благодеяния охотникам, а потом просил его содействовать удачной охоте:

Щедро одаривающий,
Удачу нам устраивающий,
Богатый Барыылаах...

От вилокопытных своих и
От ветвисторогих дай поесть...
От теплодышащих своих и
От мягкожирных дай попробовать... [11]

При этом делали возлияние топленым маслом или бросали лучшие куски кушаний в огонь для угощения духа — хозяина леса. После окончания алгыса охотники обычно хохотали и плясали, так как Байанай представлялся им веселым стариком.

Обрядовыми песнями и заклинаниями по-прежнему сопровождались различные хозяйственные работы, родовые и семейные праздники. Глав-

---

[10] В. М. Ионов. Дух — хозяин леса у якутов. Пг., 1916, стр. 1—43. Некоторые исследователи предполагали, что культ Байаная заимствован якутами у соседей тунгусов, таежных охотников (см. Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 64). Однако у алтайских племен, также занимавшихся охотой, дух-хозяин называется Пай-Пайянай (или Тотой-Паяна).

[11] А. Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов. Якутск, 1923, стр. 36. Перевод Г. Эргиса.

Рис. 40. Якутская доха сангыях

нейшими из них были *уруу сиэрдэрэ, дуомнара* — драматизированные свадебные обряды и песни [12].

Большое место в устном творчестве Якутов занимала сказка. В сказках, пожалуй, больше, чем в других произведениях устного творчества, якутский народ выражал протест против социальной несправедливости, идею борьбы со злом и мораль трудового народа. В сказках это часто облекалось в фантастическую форму, художественный вымысел преобладал над непосредственным изображением действительности. Но вместе с тем здесь хорошо показан труд и быт народа, даны яркие образы представителей трудящихся и эксплуататоров.

Мораль трудового народа ярко отразилась в сказках о животных [13]. Народная фантазия наделила образы животных качествами и характерами людей. В сказках о животных высмеиваются лень и легкомыслие, чванство и трусость, обман и злоба; в них есть призыв к взаимопомощи и дружбе простых людей. Таковы сказки о несправедливой водяной крысе

[13] Образцы старинных свадебных алгысов и песнопений см. в сб. «Саха народун айымньыта» («Творчество якутского народа»), Якутск, 1942, стр. 168—188.

[13] Тексты сказок о животных см. в хрестоматии С А. Новгородова «Аагар Кинигэ», Пг., 1923 и в Рукоп. фонде научной библиотеки ЯФАН.

и наивной, беспомощной птичке («Кютэр чычаах икки»), которые не могли зимовать в одной норке, или о хвастливой лягушке, о недогадливом простодушном медведе, хитрой лисе, грубой росомахе, жадном волке, трусливом и хвастливом зайце и т. д. В этих сказках несправедливость наказывается.

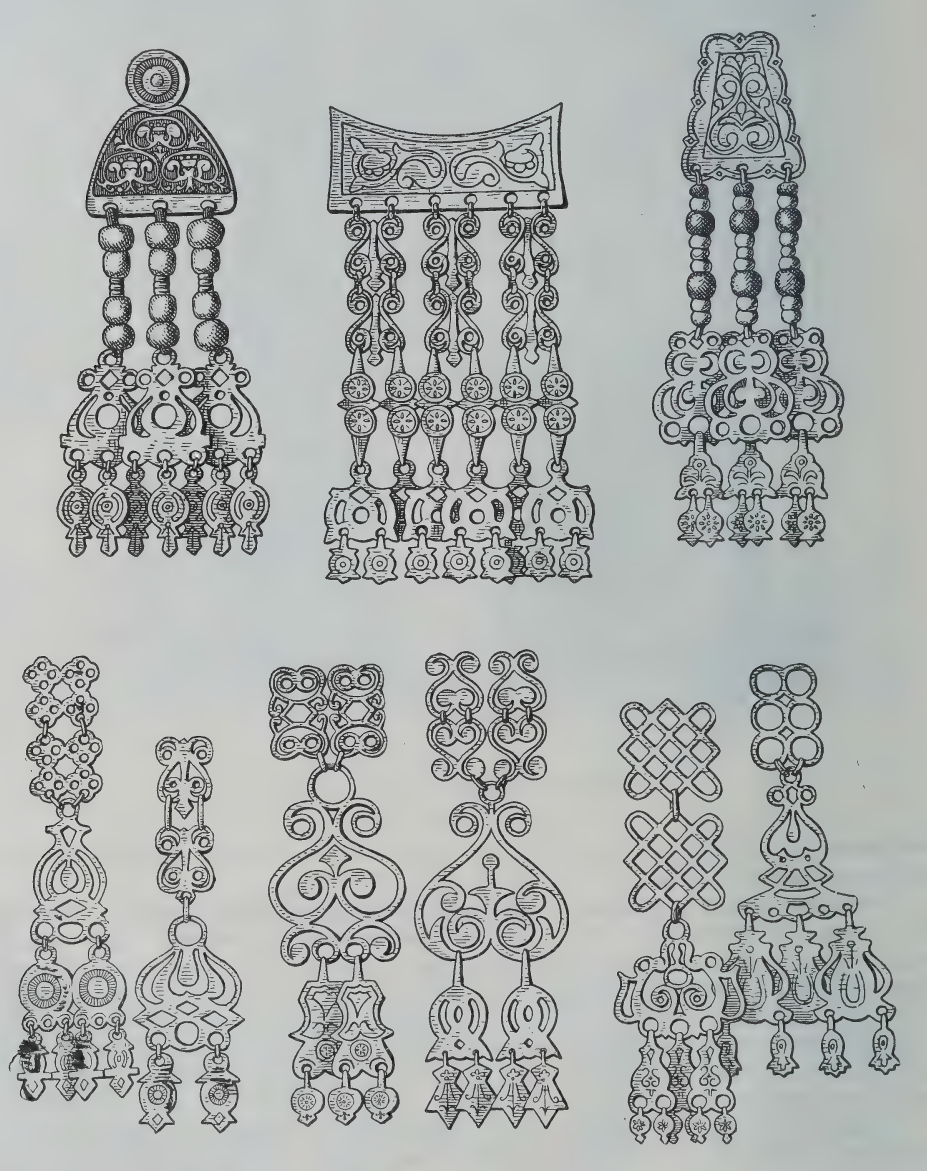

Рис. 41. Якутские серьги

Тема борьбы с социальным злом развивается в сюжетах о похождениях людей из народа, ловкостью или хитростью побеждающих эксплуататоров — тойонов и богачей. Положительные герои сказок, например Чарчахаан, Оногостоон-Чуокаан или Чурумчуку [14], наделены находчивостью,

[14] Рукоп. фонд ЯФАН.

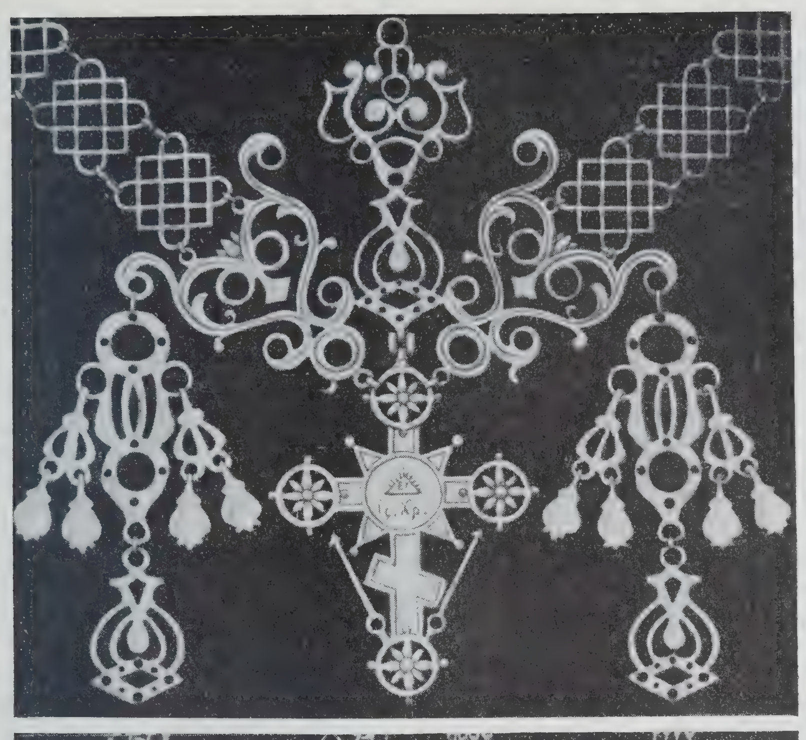

Рис. 42. Якутские кресты

терпением и стойкостью. Отрицательные персонажи в сказках рисуются страшными, злобными. Часто противником людей выступает *абаасы* — злой дух, поедающий людей. Распространены были сказки об Ала-Монгус (Пестрый обжора), который сначала пожирает скот и пищу у своих соседей-бедняков, затем их детей и, наконец, пытается сожрать их самих. Однако бедные и слабые люди хитростью и ловкостью справляются с обжорой-людоедом и освобождают из его утробы проглоченных им детей.

Богачи в сказках рисуются тупыми и недалекими, как, например, сказочный богач Хара-Хаан и др. Особенно показательна в этом отношении сказка о богаче Байылыате и бедняке богатыре Бэрт Эр [15]. Бедняк Бордо из-за голода в рабство продает жестокому богачу Байылыату своих сыновей. Байылыат заставлял своих рабов делать невыполнимую работу, а когда они с ней не справлялись, их предавали мучительной казни. После того, как от истязаний погибли два сына Бордо, а затем и сам старик умер с горя, оставшийся в живых младший сын Бэрт Эр наказывает насильника-богача, предварительно выполнив все трудные задачи. Подобный же характер имеет сказка о бедняке Соргой, освободившего своего отца от рабства у князца Махсагара [16].

Мотивы ненависти народа к эксплуататорам и борьбы с ними звучат и в других сказках на бытовые темы. Однако в некоторых произведениях сказывается ограниченность сознания забитых и темных якутских крестьян. Героями зачастую являются различные ловкачи и хитрецы вроде Суут Албын.

Ряд сказочных произведений якуты заимствовали от русских. Путешественники первой половины XIX в. отмечали, что русское население Якутской области — крестьяне по Лене, Амге и Вилюю, казаки и мещане местных городов, даже чиновники и духовенство г. Якутска — хорошо владели якутским языком. Трудовая часть старожилов общалась с окружающим якутским населением, роднилась с якутами. Они-то и передали якутам русские сказки, получившие название *остуоруйа* («история»). Были распространены сказки об Иване — крестьянском сыне, о бедном и богатом братьях, об обманщике-просмешнике, ловком и хитром мужике, о Бове-Королевиче, Еруслане Лазаревиче и др. В качестве сказок рассказывались русские былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, легенды о Соломоне Мудром, Александре Македонском. Заимствованные сказки значительно переработаны в духе и стиле оригинальных якутских сказок, в них внесены детали из якутского быта, черты окружающей природы; заимствованная сказка обычно длиннее и подробнее оригинала, обрастает подробностями в повествовании [17]. Заимствованные русские сказки расширили и обогатили сказочный фонд якутского фольклора.

Социальная действительность отразилась и в исторических преданиях. Превращение якутских родоначальников в жестоких угнетателей народа, усиление гнета и эксплуатации трудящихся нашли яркое отражение в народном творчестве. В народе были распространены рассказы и предания о тойонах и богачах XVIII и XIX вв. В них сатирически рисуется быт и самодурство тойонов, дикость их нравов и забав, показываются

---

[15] Впервые опубликована Г. Н. Потаниным в «Очерках Северо-западной Монголии», вып. IV, СПб., 1883, стр. 641—647.

[16] Рукоп. фонд ЯФАН.

[17] О сказках, заимствованных якутами от русских, см. В. Л. Серошевский. Якуты. Гл. «Народное словесное творчество»; Э. К. Пекарский. Якутская сказка. Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934. Записи текстов заимствованных сказок имеются в Рукоп. фонде ЯФАН.

Рис. 43. Луки седел, отделанные серебром

их издевательства над народом. Существуют предания о депутате Софроне Сыранове, одном из последних видных отпрысков Тыгынова рода. По преданиям, он участвовал в работах второй Ясачной комиссии по размежеванию земель якутских улусов и наслегов, разъезжал с черной доской и треххвостой плетью для наказания ослушников. Рассказывают о диких

выходках нахарского князца Додора (Михаила Кардашевского, конец XVIII в.) и головы Батурусского улуса, члена Якутской степной думы «грозного» Старостина (Уордаах Ыстаарыһын) [18]. Образы Додора и Старостина выступают в преданиях особенно омерзительными, в них обобщены черты дикости и самодурства якутских тойонов. Так, по преданию,

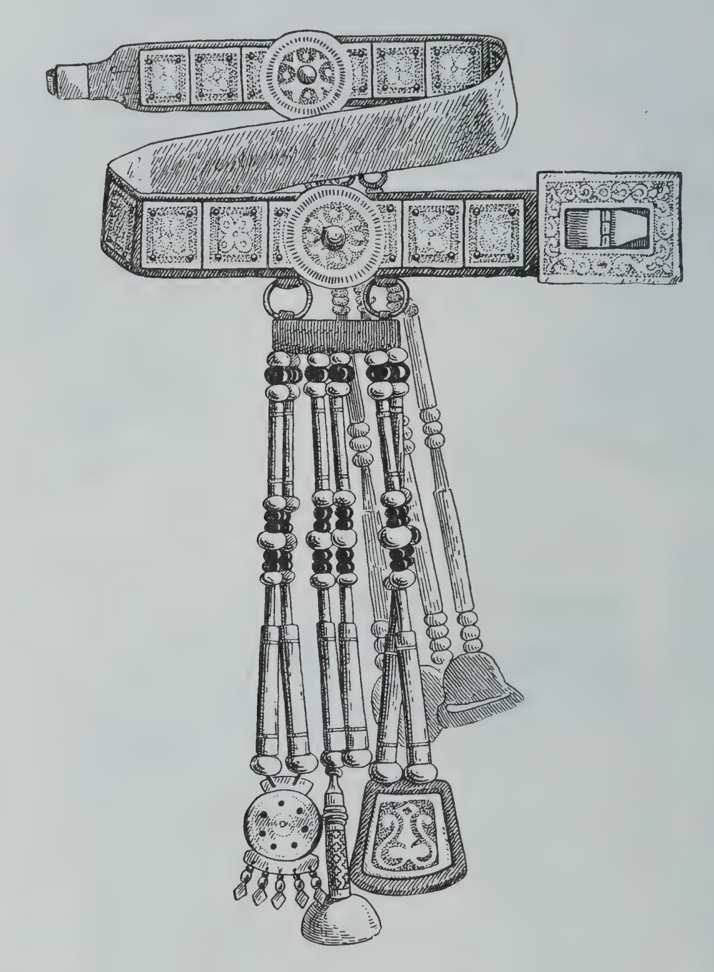

Рис. 44. Якутский серебряный пояс

Старостин нещадно порол всех подчиненных ему улусников, многие из которых бесплатно на него работали. Когда Старостина как улусного голову просили рассудить спорное дело, он приказывал сечь обоих — и челобитчика и ответчика.

Но те же предания свидетельствуют, что народ не всегда безропотно переносил издевательства своих мучителей. Образам «грозного» Старостина и других тойонов народ противопоставлял светлые образы своих сынов — смелого ямщика М. Аржакова — Харбыала, юного косаря Самсона Лыах, одолевшего насильника, и др.

[18] Рукоп. фонд ЯФАН.

Особый цикл составляют предания о Василии Манчары (Федорове), действовавшем в первой половине XIX в. [19]

Похождения Федорова произвели сильнейшее впечатление на якутов. В результате родился собирательный и несколько идеализированный образ благородного бунтаря Манчары. По преданиям, Манчары открыто выражал свое возмущение несправедливыми поступками богачей. Поэтому его родной дядя, коварный бай Чоочо (Слободчиков) решил избавиться от племянника. Он подкупил царских чиновников и добился того, что Манчары за незначительный проступок посадили в тюрьму. В предании рассказывается, что Манчары убежал из тюрьмы и, скрываясь в тайге, стал мстить Чоочо, поджигал его запасы сена, уничтожал скот и т. д. Вскоре нашлись у него товарищи и сообщники. Они стали нападать на тойонов, отнимать у них вещи и съестные припасы, наиболее ненавистных им тойонов пороли. Впрочем, Манчары никого не убивал. В романтически окрашенных преданиях рисуется образ благородного разбойника, раздававшего беднякам отнятое у богачей имущество и выступавшего против несправедливостей в жизни. Образ Манчары наделен непреклонной волей, непримиримостью к тойонам. По преданиям, тойоны и баи очень боялись Манчары. Они окружали себя многочисленной охраной, строили высокие двухэтажные амбары с бойницами, чтобы укрыться в них во время нападения Манчары. Но это их не спасало, Манчары часто делал налеты на имения богачей. Охрана, набранная из простых крестьян, при появлении Манчары будто бы разбегалась. Простые якуты, по преданиям, сочувствовали Манчары, скрывали его от преследовавших тойонов и царских чиновников.

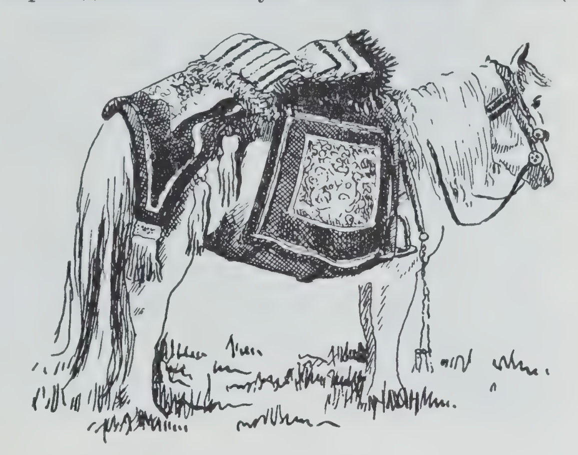

Рис. 45. Якутская праздничная упряжь

Предания о Манчары бытуют в народе до сих пор.

Судьба якута — стихийного бунтаря привлекала сочувственное внимание передовых представителей русской интеллигенции. Близкий к декабристам М. Александров, бывший в 1830-х годах стряпчим в Якутске, написал романтическую поэму «Якут Манчара» [20]. В. Г. Короленко в амгинской ссылке (1882—1884 гг.) написал интересный очерк «Манчары и Омоча». Содержание очерка во многом совпадает с народными преданиями [21].

В середине XVIII в. в Якутии более быстрыми темпами стало распространяться христианство. Правительство по-прежнему предоставляло новокрещеным большие льготы, миссионеры развили энергичную деятельность. В 1764 г. в Якутию был назначен особый «веропроповедник» для распространения христианства среди коренного населения. Первый веро-

[19] Опубликованных преданий о Манчары мало. См. «Манчары», Якутск, 1945. Записи бытующих в настоящее время преданий о Манчары имеются в Рукоп. фонде ЯФАН.

[20] Копия имеется в Рукоп. фонде ЯФАН.

[21] В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, ч. II. М., 1946, стр. 400.

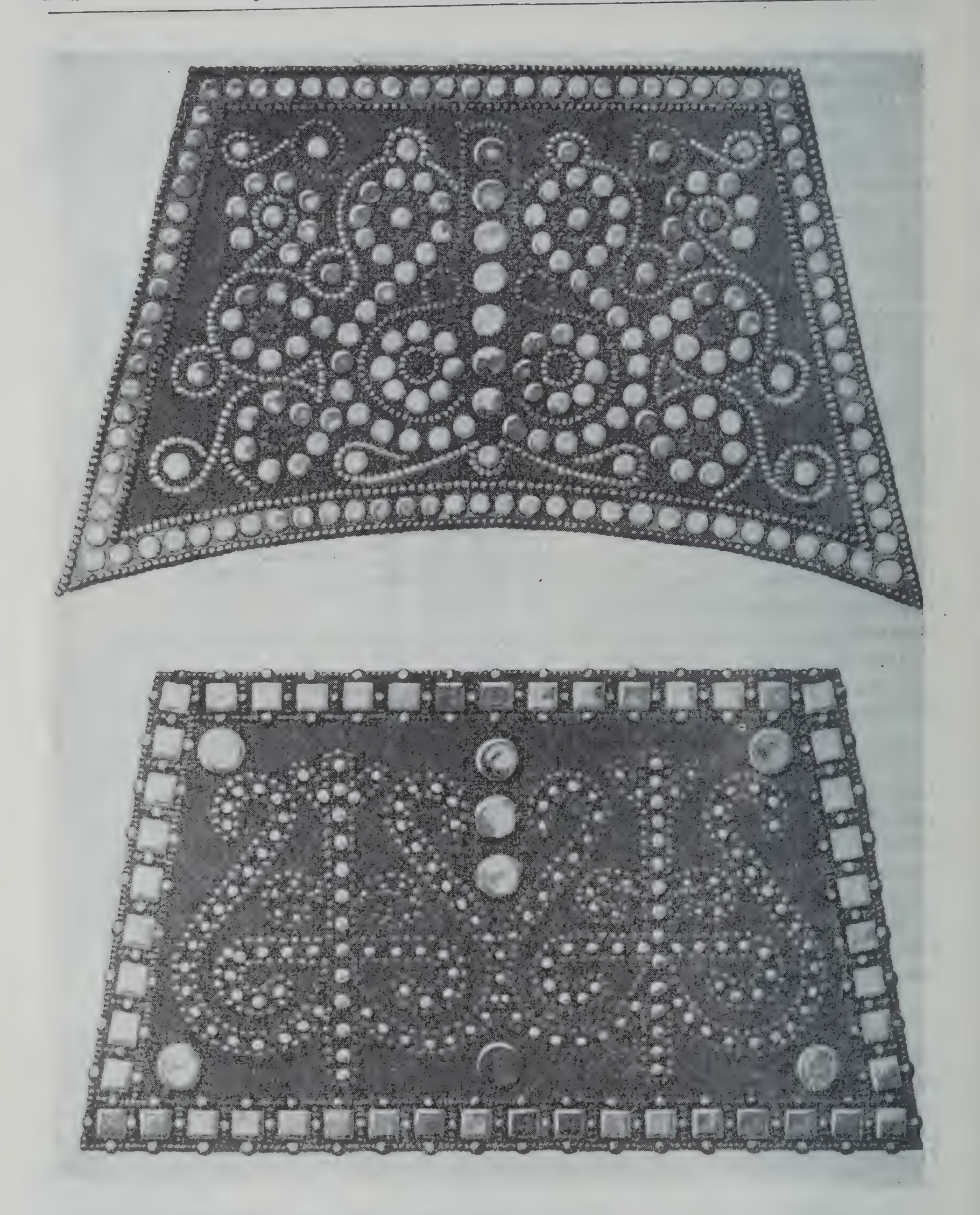

Рис. 46. Якутские чепраки

проповедник Григорий Ноговицын в 1765—1766 гг. крестил 247 человек, другой — Гавриил Ноговицын — за два года крестил 838 человек по Алдану и в Баягантайской волости. В Верхне-Вилюйском зимовье за шесть лет (1768—1773) принял крещение 1831 человек [22]. К концу XVIII в. более половины населения Якутии было крещено.

[22] «Журнал Иркутской духовной консистории», 1773, стр. 91.

Рис. 47. Каменный собор в г. Якутске

Распространению христианства среди якутов, как говорилось выше, способствовали льготы, дававшиеся новокрещеным. До 1763 г. практиковались подарки новокрещеным деньгами, после долго сохранялись льготы по всем повинностям сроком на три года. Каждый новокрещенный получал от священника квитанцию с правом передавать ее другому, если он сам не был плательщиком ясака. Этим правом остроумно пользовались многие якуты: они крестились сами, а потом крестили своих жен, детей по одному человеку и за каждого получали льготу на три года по всем повинностям. Чем больше было таких крещеных, тем большая тяжесть повинностей ложилась на плечи некрещеных. Неравенство вызывало между якутами ссоры и столкновения. Так, в 1761 г. выяснилось, что олекминские некрещеные якуты грабили и избивали своих сородичей за принятие православия. В 1772 г. князец Жарханской волости Верхне-Вилюйского ведомства Мохсогол Осипов собирал с новокрещеных деньги на ямскую повинность, отбирал лошадей и скот и еще брал с каждого из них себе в «кредиты» по 50 копен сена [23]. Таких случаев было, видимо, много. Кроме того, администрация сама стала испытывать нежелательные последствия своих методов крещения: стало не хватать лошадей для ямской гоньбы, а потребность в возчиках и лошадях тогда как раз выросла в связи с перевозками из Якутска в Охотск и обслуживанием больших научных экспедиций. В 1767 г. перечисленные выше льготы были значительно сокращены, а в конце XVIII в. полностью отменены.

С середины XVIII в. в улусах начали строиться церкви. Так, в 1764 г. была сооружена церковь в с. Сунтар Вилюйского округа, в 1775 г.— в Нижне-Колымске, в 1787 г.— в с. Покровске Кангаласского улуса Якутского округа, где еще в начале XVIII в. духовные власти, хотя безуспешно, пытались учредить монастырь. В первой половине XIX в. количество

[23] «Журнал Иркутской духовной консистории», 1773, стр. 90.

Рис. 48. Якутский шаман

церквей в Якутской области еще больше выросло, а вместе с ними увеличилось и число принявших христианство. В 1805 г. была построена церковь в Борогонском улусе, в 1808 г. — в Охотске, в 1817 г.—в Верхоянске, в 1822 г.— в Средне-Колымске, в 1823 г.— в Мегинском улусе и т. д. Для обращения в христианство жителей отдаленных окраин в 1844 г. были созданы две походные церкви. В 1861—1862 гг. в Якутской области было уже 40 церквей, 77 часовен и монастырь и насчитывалось 267 лиц духовного звания. К середине XIX в. почти все население края считалось православным за исключением отдельных групп бродячих тунгусов и юкагиров.

Для укрепления христианства в крае Русское миссионерское общество по почину ученого-миссионера архиепископа Камчатского Иннокентия (Вениаминова) организовало перевод и издание священного писания и церковно-служебной литературы на якутский язык. В 1855 г. в Якутске был создан специальный переводческий комитет. В его состав вошли священники Д. Д. Хитров, Д. Д. Попов и другие, достаточно знакомые с якутским языком [24]. Под наблюдением Хитрова в Москве были изданы на якутском языке церковнославянским алфавитом «Священное евангелие» (1859 г.), «Псалтырь» (1858 г.), «Каноник». В Якутской духовной семинарии преподавали якутский язык.

19 июня 1859 г. в Якутске было совершено первое богослужение на якутском языке. Впоследствии на якутском языке стали служить во многих улусных церквах [25].

Среди миссионеров встречались серьезные знатоки якутского языка и люди, хорошо владевшие искусством перевода. Протоиерей Дмитрий Хитров (впоследствии якутский епископ Дионисий) в 1858 г. издал «Краткую грамматику якутского языка» — неплохое пособие для практического изучения языка. Д. Д. Попов впоследствии помогал Э. К. Пекарскому в собирании материалов для большого «Словаря якутского языка». Но эти

[24] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 29.
[25] Там же, стр. 126—128.

Рис. 49. Плащ якутского шамана

отдельные имена тонули в общей массе невежественного и корыстного духовенства Якутского края.

Успехи миссионеров были чисто внешними. Крещеные якуты христианами были только формально. Хотя они и стали выполнять христианские требы и изредка посещать церкви, в душе они сохранили верность прежним представлениям. Якуты по-прежнему чтили свои божества, совершали старинные обряды, в случае болезни обращались к шаманам, чтобы умилостивить злых духов. Путешественники конца XVIII в. довольно точно описали камлание шамана над больным [26]. Это обращение к помощи шаманов вызывалось еще и тем, что больше якутам не к кому было обратиться за врачебной помощью. Врачей и лекарских помощников в улусах не было, единственная больница в Якутске, открытая в 1843 г., обслуживала лишь городское население.

Улусные и наслежные родоначальники, хотя давно уже принявшие христианство, также старались оберегать шаманство от русских властей и духовенства [27].

---

[26] См., например, Г. А. Сарычев. Указ. соч., стр. 46—47.
[27] «Сборник обычного права сибирских инородцев», стр. 218—220.

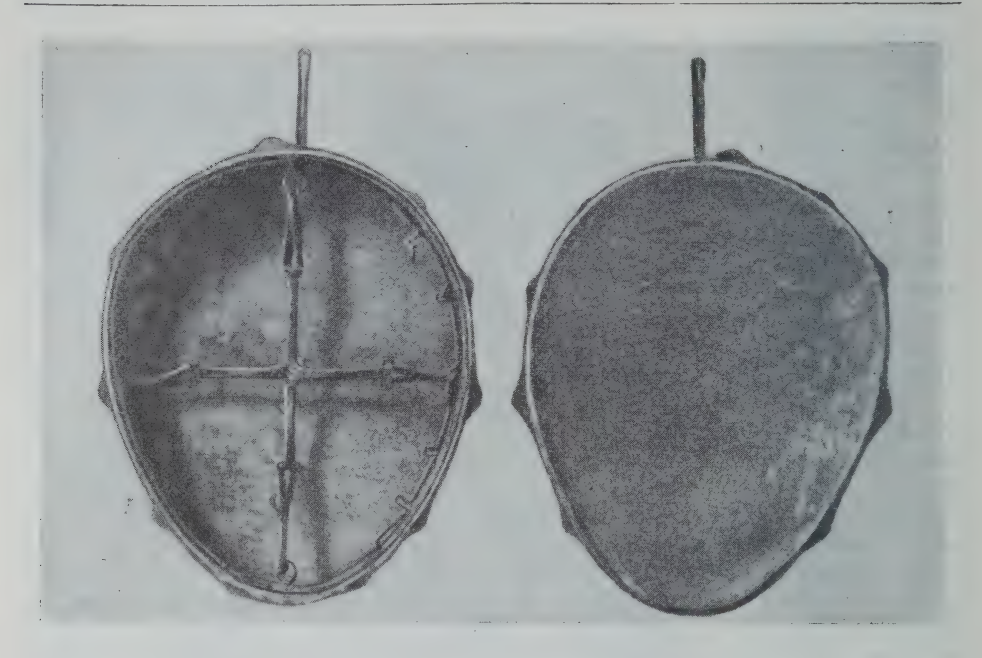

Рис. 50. Бубен якутского шамана

Но все же проповедь христианства внесла некоторые изменения в религиозные представления и обычаи народа. С середины XVIII в. постепенно стало исчезать «белое шаманство»; дольше сохранялось оно лишь в северо-восточных окраинах, смешавшись отчасти с «черным шаманством». Произошли некоторые изменения в мифологии. Так, якутское верховное божество Юрюнг Айыы Тойон приняло некоторые черты христианского бога-отца. Злые духи — абаасы в религиозном сознании якутов стали сливаться с христианскими бесами, образ главы нижних абаасы Арсана Дуолая слился с образом Сатаны. Появились представления о *нэриэтинньик* или *дэриэтинньик* (ср. русск. «наредник», злой дух), сходные с якутским понятием юёр — душами покойников, превратившихся в злых духов; возникли образы *лиэhэй* (ср. русск. «леший»), *сюллюкююн* (у русских сибиряков «шиликун», «шилюкан») и т. д. В XIX в. в якутскую среду стали проникать библейские легенды. Распространению их способствовало, по-видимому, общение с русскими казаками и сосланными в Якутию старообрядцами.

Во второй половине XVIII в. в России отмечается большое оживление просветительской мысли. Передовые педагогические идеи высказывали Ломоносов, Бецкий, Новиков, Янкович, Радищев. С именами этих видных деятелей культуры связаны почти все крупные начинания в области просвещения того времени: основание Московского университета (1755 г.), начало среднего женского образования (Смольный институт, 1764 г.), введение светского начального образования (Общий школьный устав 1786 г.) и т. д.

Всюду, не исключая далекой Якутии, передовые люди стремились вести народ к просвещению и вопреки всяким препятствиям, чинимым царской администрацией, открывали школы, распространяли грамоту и не давали затухать ранее созданным очагам народного образования.

Первые школы в Якутии возникли еще в начале 1730-х годов. Это были так называемые гарнизонные школы, открытые в Якутске и Охот-

ске для обучения цифирным наукам детей казаков и других служилых людей. По настоянию руководителей Второй камчатской экспедиции Академии наук они вскоре были преобразованы в навигацкие школы.

Якутская навигацкая школа была открыта в 1739 г., а Охотская, вероятно, несколькими годами раньше. По своему замыслу эти школы должны были готовить младший технический персонал экспедиций: «подштурманов и штурманов дельных», т. е. людей, способных нести морскую службу и выполнять такие поручения, как съемка планов, описание берегов, земель и т. п. В связи с окончанием работ экспедиции Якутская навигацкая школа в 1744 г. была временно закрыта. Возобновление ее деятельности во второй половине XVIII в. явилось заметным событием в культурной жизни Якутска.

После долгой бюрократической переписки якутских властей 18 сентября 1765 г. по настоянию городских жителей последовало распоряжение: «Хотя в Иркутске и есть школа, но по весьма неближнему оттоль расстоянию тамошние (якутские) дети боярские и казачьи могут безвременно, не имеючи должного к себе призрения, пропадать напрасно, ради того немедленного там школу завести»[28]. Для этой цели в 1766 г. была восстановлена навигацкая школа; в том же году в Якутск прибыл учитель, поступили книги и инструменты. В первый год было набрано 40 учащихся.

Кроме русской грамоты, в школе обучали арифметике, геометрии, тригонометрии, артиллерии, геодезии, астрономии и навигации. Однако навигационное дело преподавалось очень плохо, так как учитель, штурманский ученик Турчанинов, сам знал его лишь «до ведения судовых журналов». Имеются, впрочем, сведения о том, что школа выпускала сержантов геодезии и лиц, годных к замещению канцелярских должностей. В 1783 г. в связи с реорганизацией по случаю учреждения Сибирского наместничества губернские власти отказались финансировать Якутскую навигацкую школу. Школа была передана на попечение Приказа общественного призрения, что ухудшило ее материальное положение и в конце концов привело к ее закрытию (1792 г.).

В 1780-х годах в Якутске было открыто еще одно светское начальное училище, но сведений о его работе не сохранилось[29]. По-видимому, это было так называемое народное училище с двухгодичным курсом обучения. Открытие подобного рода училищ в уездных городах предусматривалось первым Общим школьным уставом 1786 г.

Существование навигацкой школы в Охотске поддерживалось с небольшими перерывами свыше 130 лет. До 1790 г. она не имела определенных средств и содержалась за счет взносов торгово-промысловых и казенных экспедиций. Состояние школы было малоудовлетворительным. Не вывело школу из прозябания и принятие ее в 1790 г. на казенный счет. В начале 1801 г. в школе обучалось только шесть учеников, в 1803 г. она вовсе не работала из-за отсутствия учащихся; но в 1809 г. в школе было уже 27 учеников. Замечательно, что в ней обучались без сословных разграничений дети матросов, «казачьи, мещанские и якутские дети», а также дети гражданских чиновников из дворян[30]. В связи с таким широким составом учащихся были допущены к преподаванию, кроме специальных предметов, и «словесные науки». Школа в основном готовила штурманских учеников «для морской купеческой промышленности». «Полезность школы,— пишет историк Сибири Словцов,— удостоверялась и тем, что

[28] А. Сгибнев. Навигацкие школы в Сибири. «Морской сборник», 1866, т. 87, № 11, отд. 3, стр. 8.

[29] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии, стр. 315.

[30] В. Вагин. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. II, стр. 134—135.

хозяева судов, из Охотска выходивших на промыслы, записывали пай для учащихся там сирот» [31]. Позже школа потеряла свое значение в связи с упадком г. Охотска как торгового порта; это было последствием ликвидации Российско-Американской компании и роста других, более южных портов Приморья. В 1870 г. она закрылась.

Как бы малочисленны ни были эти школы, уже в XVIII в. из жителей области появились первые грамотные люди, в том числе якуты; впервые был пробужден интерес к просвещению не только среди местного русского населения, но и среди коренных жителей края. Преподавание в этих немногих школах XVIII в. общеобразовательных предметов, дававших необходимые для практической деятельности знания, способствовало поднятию авторитета школы среди населения.

Несколько увеличилось число школ в Якутской области в начале XIX в. в связи с реформой школьного дела в России. Правительство учредило Министерство народного просвещения и обнародовало в 1804 г. план организации единой системы школ, преемственно связанных между собой (приходские училища, уездные училища, гимназии и университеты). Школьная реформа 1804 г. учреждала шесть учебных округов вокруг университетов, получивших довольно широкую автономию и учебно-административные права. Реформа носила либерально-показной характер, уступки требованиям эпохи были лицемерны. Правящая верхушка стремилась в средних школах усилить религиозные предметы, а общеобразовательные реальные предметы заменить словесными.

Якутия по уставу 1804 г. была подчинена учебному округу Казанского университета. В 1808 г. в Якутске открылось уездное училище, в 1812 г. в Олекминске и с. Витиме были открыты приходские училища [32]. К числу гражданских школ должны быть отнесены также казачьи начальные школы, учрежденные в городах Якутске (1825 г.), Вилюйске (1829 г.), Средне-Колымске (1830 г.) и Охотске (1839 г.)

Реакция, воцарившаяся в России после разгрома движения декабристов, не замедлила сказаться и в деле просвещения. По уставу учебных заведений 1828 г. были введены, взамен прежней, две новые системы образования, построенные по сословному принципу: первая — элементарное образование в приходских и уездных училищах для «низших сословий», вторая — среднее и высшее образование (сперва домашнее воспитание, затем гимназия и университет) преимущественно для дворян. Якутия в первой половине XIX в. не имела средних школ для дворянского сословия. Все существовавшие низшие школы стали элементарными школами для обучения детей казачества и городских жителей. Реальные предметы из этих школ были изгнаны и заменены религиозно-нравственными. Воспитательная работа велась «в соединенном духе православия, самодержавия и народности», широко применялись телесные наказания.

Почти все школы того времени находились в стесненных денежных и жилищных условиях. Они содержались на капиталы, составленные из частных пожертвований или благотворительных взносов тойонов и богачей. Помещениями для школ служили жилые избы или юрты. Олекминская школа около 20 лет помещалась под одной крышей с больницей; вилюйская казачья школа неоднократно закрывалась из-за отсутствия помещения; особое здание для нее было приобретено лишь в 1854 г. Учителями, за редким исключением, были малограмотные люди, преимущественно из казаков и священников.

---

[31] П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. 2, стр. 31.

[32] М. Кохрисин. Сведения об училищах по Иркутской губернии и Якутской области. «Северный архив», 1820, ч. XXIII, № 5, отд. 3, стр. 127.

Еще хуже обстояло дело с двумя школами ведомства православного исповедания. Первая низшая духовная школа была создана в 1735 г. при Якутском Спасском монастыре. По предписанию иркутского епископа Иннокентия Неруновича школа должна была готовить к миссионерской деятельности детей местного духовенства и новокрещеных якутов. В первый год в нее были приняты 10 мальчиков, в том числе шесть якутов. Не имея средств и нормальных условий для работы, школа работала с перерывами девять лет и закрылась в 1744 г. В 1801 г. в Якутске открылась низшая духовная школа, в которой преподавались «русская грамматика, чтение, писание, катехизис, священная история и краткое нравственное наставление о должностях верноподанных». В 1819 г. эта школа была реорганизована в приходское духовное училище, на базе которого позднее (в 1823 г.) было создано уездное духовное училище, призванное готовить миссионерские кадры. Плачевное состояние этих школ описывает в своих «Путевых записках» иркутский епископ Нил, посетивший Якутск в 1843 г.: «В соседстве с монастырем находятся якутское уездное и приходское училища. Учащихся в том и другом всего 40 человек. Занимаемый училищами дом угрюм и мрачен, но сух и тепел, как мне говорили. Содержание их (учеников.— *Ред.*) до крайности убого. Некоторые из них оказались полунагими... На предложенные вопросы ученики высших классов изрядно отвечали по заученному; но к объяснению своими словами не приобрели навыка. Паче же всего удивляло меня незнание русского языка учениками приходскими» [33]. Эти школы готовили церковнослужителей, почти всегда безграмотных. Духовенство обязывалось под страхом наказания обучать своих детей в якутских духовных училищах, но последние всегда оставались полупустыми. В 1853 г. учащихся в приходском училище было 17, а в уездном — 20, в 1854 г. в приходском — 22, а в уездном — 16. В 1852 г., когда по области числилось 134 священника, среди членов их семей было подсчитано 64 необучающихся мальчика [34]. Стремление улучшить подготовку духовно-миссионерских кадров побудило царское правительство организовать в Якутской области среднее духовное учебное заведение: в 1858 г. с о. Ситхи (в российско-американских владениях) в Якутск перевели духовную семинарию. Якутская духовная семинария должна была стать очагом распространения православия. Однако не все воспитанники семинарии становились служителями культа. Часть их поступала в чиновники и учителя или превращалась в полуинтеллигентных обывателей края.

Во второй половине XVIII и первой половине XIX в. постепенно углублялось и расширялось географическое и этнографическое изучение Якутии людьми русской науки, продолжались открытия новых земель и островов, описания их и съемка морских берегов Якутии.

В 1768—1774 гг. в восточных и северных областях страны работала крупная экспедиция Академии наук под руководством академика Петра Палласа. Экспедиция не затронула непосредственно территории Якутии, однако обобщила и подытожила собранный ее предшественниками обширный научный материал о якутах. Это позволило одному из участников экспедиции, академику И. Георги, включить народы Якутии в свой большой сводный труд «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (1776 г.).

---

[33] Архиепископ Нил. Путевые записки. Ярославль, 1874, стр. 305—306.

[34] Ст. Парышев. Краткие сведения о якутских духовных училищах. «Якутские епархиальные ведомости», 1908, № 12, стр. 179.

В 1760-х годах по инициативе М. В. Ломоносова были предприняты поиски пути из Атлантического океана в Тихий через Полярный бассейн (экспедиция В. Чичагова 1765—1766 гг.). В это же время в Якутии предприимчивые простые люди старались восстановить морской путь, проложенный за столетие до них Ребровым, Дежневым и др. Продолжались плавания к Алеутским островам и берегам Америки. Эти плавания, приносившие большую выгоду купцам-судовладельцам, также доставляли богатый научный материал.

В 1761—1762 гг. отважными путешественниками купцом Никитой Шалауровым и мореходом Иваном Баховым было обследовано побережье Ледовитого океана от устья Лены до Колымы. Ими были открыты Медвежьи острова. Н. П. Шалауров, будучи богатым человеком, все свое состояние посвятил делу обследования Ледовитого океана. В 1764 г., продвигаясь к мысу Шелагскому, он трагически погиб вместе со всем экипажем. Двумя годами раньше умер во время трудной зимовки в устье Колымы его спутник Бахов [35]. Открытия Шалаурова и Бахова обратили на себя внимание ученых и правительства.

Для описания новооткрытых Медвежьих островов в 1763 г. был командирован геодезии сержант С. Андреев, который пробрался туда на собаках. Более подробно эти острова были описаны в 1769—1771 гг. геодезии прапорщиками Иваном Леонтьевым, Иваном Лысовым и Алексеем Пушкаревым. Они ездили по распоряжению губернатора Сибири для описания «большой американской земли», находившейся, по слухам, у азиатских берегов. Не найдя такой земли, они описали Медвежьи острова.

В 1768—1769 гг. в Якутске действовала первая в Якутии обсерватория для астрономических и метеорологических наблюдений. В ней работали астроном И. Исленьев и геодезист Ф. Черный, командированные для наблюдений по случаю прохождения Венеры через диск Солнца.

В 1771 г. местный купец Иван Ляхов открыл Большой и Малый Ляховские острова, а летом 1773 г. он же с другим купцом Протодьяконовым на лодке при пяти гребцах добрался до о. Котельного. В том же году Большой Ляховский остров был описан землемером Хвойновым.

В 1805 г. передовщиком промысловой артели Яковом Санниковым были открыты несколько островов Ново-Сибирского архипелага (Фаддеевский, Столбовой). В следующем 1806 г. хозяин артели Санникова купец Сыроватский открыл о. Новую Сибирь. В 1808—1811 гг. экспедицию для описания Ново-Сибирских островов возглавил М. Геденштром. В 1808 г. к западу от о. Котельного был открыт о. Бельковский, названный по имени своего открывателя Белькова. В 1815 г. якут Максим Ляхов там же случайно открыл два небольших острова — Васильевский и Семеновский.

Интерес, проявляемый к северо-восточному побережью России иностранцами, особенно англичанами, их деятельность вблизи русских границ, в частности посещение в 1778 г. Берингова пролива Куком, побудили русское правительство послать в 1785 г. на северо-восток Сибири экспедицию с широкими исследовательскими задачами. Экспедиция, возглавляемая капитаном Биллингсом, должна была уточнить карты и произвести гидрографические работы для развития судоходства в восточной части Ледовитого моря и Тихого океана. Основной целью экспедиции, согласно инструкции, являлось описание Чукотского берега от Колымы до Берингова пролива. Между прочим экспедиции поручалось обследовать землю,

---

[35] В. Н. Николаев. Якутский край и его исследователи, вып. 1. Краткий исторический очерк экспедиций в Якутскую область с 1632 по 1913 г. Якутск, 1913, стр. 9.

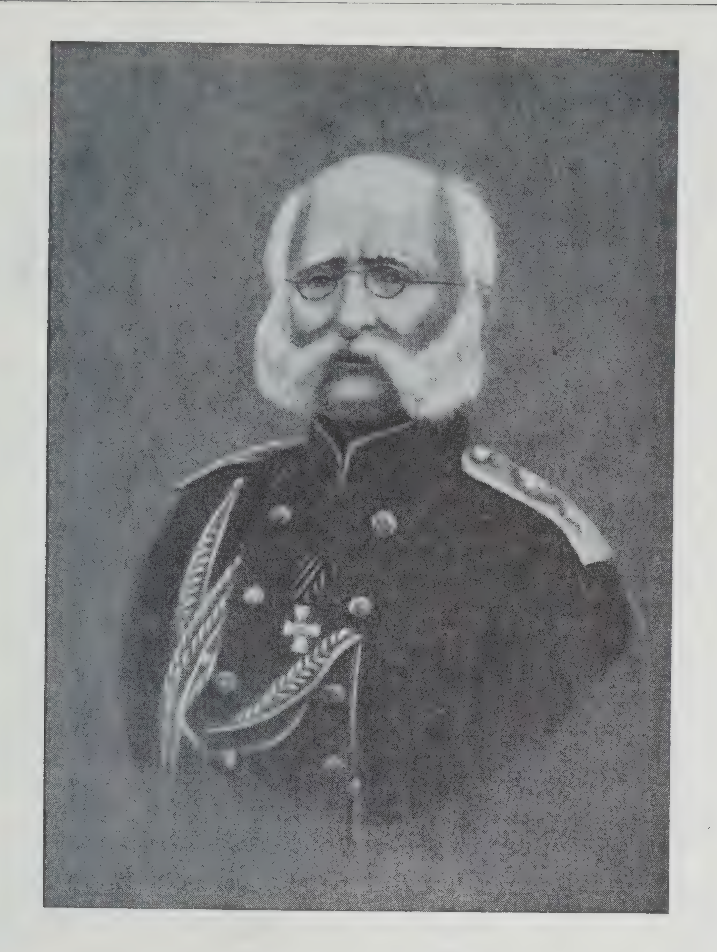

Рис. 51. Ф. П. Врангель

будто бы усмотренную сержантом Андреевым к северу от Медвежьих островов.

Экспедиция была по тому времени хорошо оснащена и укомплектована опытными моряками. В числе морских офицеров, привлеченных для участия в экспедиции, был молодой талантливый лейтенант Г. А. Сарычев. Он возглавил всю исследовательскую и организационную работу, а затем опубликовал результаты экспедиции. Сам руководитель экспедиции Биллингс не справился с возложенными на него заданиями.

Около Верхне-Колымского острога, на р. Ясачной для экспедиции были построены два судна: «Паллас» и «Ясашная». Летом 1787 г. они вышли в море, но, встретив у мыса Б. Баранов камень непроходимые льды, вернулись в Колыму. Судно экспедиции — «Слава России», шедшее со стороны Берингова моря, не смогло пройти на север дальше губы Св. Лаврентия на Чукотке. Неудача морской части экспедиции была компенсирована энергией и талантом ее участников, продолжавших работу на сухопутье. Лейтенант Гаврила Сарычев и сержант Гилев в 1786—1788 гг. произвели съемку рек бассейна Колымы и картографировали морское побережье от устья Колымы до Баранова камня. Дальше на восток эту работу выполнил другой отряд экспедиции. В своем отчете

«Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от берегов пролива до Нижне-Колымского острога» Сарычев сообщает ценные сведения о чукчах, тунгусах, якутах, юкагирах. Научные работы Сарычева не потеряли своего значения и до сего времени [36].

В начале XIX в. продолжалось изучение природы Якутского края. Первую ботаническую экспедицию (1805—1806 гг.) совершил адъюнкт Академии наук М. И. Адамс. Из Якутии он доставил в Петербург остатки мамонта, обнаруженного охотниками на берегу Ледовитого океана недалеко от Быкова мыса. Вторая ботаническая экспедиция Академии наук во главе с И. И. Редовским ездила по маршруту Иркутск — Якутск — Охотск — Гижигинск.

Большую работу по изучению северного побережья и отысканию новых земель на Ледовитом океане провела экспедиция Ф. П. Врангеля и П. Ф. Анжу в 1820—1824 гг. В этой экспедиции участвовали штурман П. Т. Козьмин, мичман Ф. Ф. Матюшкин (лицейский товарищ и друг Пушкина), офицеры И. А. Бережных, П. И. Ильин, хирург А. Е. Фигурин и др. Экспедицией было описано побережье Ледовитого океана от устья Колымы на востоке до мыса Козьмина на западе. Врангель сделал несколько безуспешных выездов по льду на север для проверки слухов о нахождении «неизвестной земли». Впоследствии в указанном Врангелем и Матюшкиным месте был обнаружен остров, названный именем Врангеля. Матюшкин вместе с доктором Кибером объехал и описал реки Большой и Малый Анюй, впадающие с правой стороны в Колыму. В 1822—1823 гг. штурман Козьмин описал берег Ледовитого океана от Колымы до Индигирки, Крестовый остров и сопровождал Врангеля в его проездах по побережью и в глубь Ледовитого океана. Описание побережья экспедиция Врангеля довела на востоке до о. Колючина, определив на этом пути многие астрономические точки.

Отряд, возглавляемый лейтенантом Анжу, имел поручение описать побережье по обе стороны устья р. Яны и отыскать «неизвестную» землю. В 1820—1821 гг. отряд описал о. Столбовой, восточные и северные берега о. Котельного и северные берега островов Фаддеевского и Новой Сибири. Помощник Анжу штурман Ильин описал 10 рукавов дельты Лены и продолжал описание берега к западу до устья Оленека. Сам Анжу три раза пытался выехать в море искать «неизвестную землю», но из-за плохой погоды тоже неудачно. Весной 1822 г. во время последней поездки им был открыт о. Фигурный.

Экспедиция Врангеля — Анжу тщательно описала и нанесла на карту побережье Ледовитого моря от Оленека до Колючинской губы и часть Медвежьих островов, провела ценные гидрографические и климатические наблюдения. Очень важными оказались данные о том, что полярные моря даже в сильные морозы не покрываются сплошным льдом. Попутно экспедиция собрала сведения о природных богатствах и народностях северного побережья [37].

Одно из почетных мест в изучении Якутии в XIX в. заслуженно занимает знаменитая научная экспедиция Академии наук во главе с А. Ф. Миддендорфом, предпринятая в 1843—1844 гг. Путешественники обследовали Таймыр (1843 г.), а затем прошли огромный маршрут через

---

[36] См. Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

[37] Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М., 1948; Архив Ф. П. Врангеля. «Известия Всесоюзн. геогр. об-ва», 1943, т. 75, вып. 5.

Рис. 52. Ф. Ф. Матюшкин

Якутск, Амгу и Учур до побережья Охотского моря. В Якутске Миддендорф производил геотермические наблюдения в Шергинской шахте [38].

Экспедиция Миддендорфа обогатила русскую науку замечательным многотомным трудом «Путешествие на север и восток Сибири», изданным в 1867—1878 гг. и затрагивающим различные проблемы географии, геологии, геоморфологии и ботаники Восточной Сибири и Якутии. В последнем отделе второго тома, названном «Коренные жители Сибири» (1878 г.), имеется обстоятельное этнографическое описание якутов и тунгусов, как и ряда других народностей Сибири.

Заинтересовавшись якутскими текстами, привезенными А. Ф. Миддендорфом, языковед академик О. Н. Бётлингк занялся изучением якутского языка. К своей работе он привлек русского уроженца Якутии А. Я. Уваровского, владевшего якутским языком, как родным. В результате Бётлингк создал капитальное исследование «О языке якутов» (Über die Sprache der Jacuten», СПб., 1851). В грамматической части своего труда он подробно исследовал фонетику и морфологию якутского языка и менее подробно синтаксис. В этом же труде Бётлингк впервые опубли-

[38] Якутский купец Федор Шергин в 1838 г. начал рыть колодец в поисках питьевой воды. Достигнув 117 м глубины, он перестал рыть дальше из-за продолжающейся вечной мерзлоты. Шергинская шахта неоднократно служила для производства наблюдений над вечной мерзлотой.

ковал солидные по объему якутские тексты: «Воспоминания» А. Я. Уваровского и запись одной из распространенных в народе поэм богатырского эпоса «Эрэйдээх Буруйдаах Эр Соготох («Многострадальный, многогрешный муж Одинокий»). Для печатания этих текстов и транскрипции якутских примеров в своем труде Бётлингк разработал на русской основе особый якутский алфавит. Впоследствии этим алфавитом печатались образцы устного творчества якутов и первые якутские газеты и журналы. Так трудом Бётлингка было положено начало изучению якутского языка и созданию якутской письменности.

Приложенные к работе Бётлингка «Воспоминания» Уваровского являются первым литературным произведением на якутском языке. Кроме воспоминаний автобиографического характера, автор широко и правдиво описал в них природные богатства края, быт и нравы якутов и эвенков. Литературная и познавательная ценность «Воспоминаний» высоко оценивалась современниками, отводившими им видное место среди произведений якутоведческой литературы. Ими пользовались такие крупные дореволюционные исследователи Якутии, как академик Миддендорф, академик Бётлингк, академик Пекарский, Левенталь.

Сам автор «Воспоминаний» Афанасий Яковлевич Уваровский родился в 1800 г. в Жиганском округе Якутской области. Уваровский долгое время жил в Якутске, работал в канцелярии Областного управления в качестве рядового чиновника. По роду своей деятельности ему приходилось побывать во многих районах родной Якутии (в Вилюйске, Сунтаре, Олекминске, Жиганске, на Учуре и т. д.). Уваровский был прекрасным знатоком языка, этнографии и фольклора местного населения. Записанные им памятники якутского фольклора, изданные О. Н. Бётлингком, положили начало публикации устного народного творчества якутов.

Р. К. Маак, посетивший в 1853—1854 гг. вилюйские районы во главе экспедиции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, опубликовал выдающегося значения трехтомную работу «Вилюйский округ Якутской области», изданную в Петербурге в 1863—1877 гг.

Как и в предыдущий период, во второй половине XVIII и первой половине XIX в. в Якутии продолжались поиски полезных ископаемых. В этой работе большую помощь людям науки оказывало местное население. В 1765 г. якутским разночинцем Кычкиным были обнаружены серебро-свинцовые руды в долине речки Эндыбал Верхоянского округа (в 1870-х годах там была организована неудачная попытка казенной добычи свинца и серебра). В 1766 г. по указу Берг-коллегии с заданием исследовать эти руды из Петербурга в Якутию приезжал шихтмейстер Метенев. Попутно ему было поручено выяснить на месте возможность восстановления Тамгинского железоплавильного завода. Метенев подтвердил наличие на р. Ботоме железной руды и выплавил в пробных печах 75 пуд. кричного железа [39]. К концу 1780-х годов относятся обнаружение кангаласских углей и первая попытка их добычи для экспедиции Биллингса и Сарычева, которая, однако, не воспользовалась добытым углем [40].

В общении местных жителей с культурными и образованными пред-

---

[39] См. В. Райский. Исторический очерк Якутского Тамгинского железоделательного завода и Эндыбальского серебряного рудника в Верхоянском округе. «Записки СПб. отдела РГО», 1863, кн. IV, отд. 1; М. П. Соколов. Якутия по переписи 1917 г. Иркутск, 1925; В. А. Протопопов. Ботомское месторождение железной руды. «Горные богатства Якутии», 1928, № 2.

[40] См. М. П. Соколов. Указ. соч.; М. Г. Чудинов. Из истории якутской промышленности. Сб. «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа». Якутск, 1951, стр. 136.

ставителями русского народа, с учеными — участниками экспедиций складывались зачатки истинной дружбы между народами. Одновременно пробуждался интерес коренных жителей к родному краю. Многие местные жители — русские старожилы, якуты, эвенки и юкагиры — еще в XVIII — начале XIX в. занимались полезной для науки деятельностью: одни по заданиям экспедиций вели метеорологические, фенологические и другие наблюдения, другие содействовали успешной работе экспедиций личным участием, советами и помощью, служили проводниками, переводчиками. Так, ценная находка трупа шерстистого сибирского носорога впервые была сделана группой якутов-промышленников 1771 г. на берегу Вилюя, а знаменитый мамонт Адамса был найден в 1799 г. охотником-эвенком Осипом Шумаховым, который сообщил о нем купцу Болтунову. Последний продал добытые им клыки мамонта в Якутске адъюнкту Адамсу и служил ему проводником к месту находки. Особенно интересны были материалы старожила Якутска Неверова, который в течение 25 лет (1829—1854) по собственной инициативе трижды в день записывал свои метеорологические наблюдения; этими данными ученые широко пользовались до последнего времени.

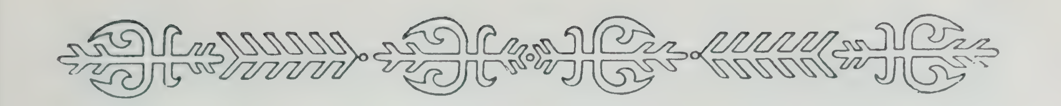
Таким образом, в течение второй половины XVIII — начала XIX в. обследование и изучение Якутии деятелями передовой русской науки продолжало углябляться и расширяться. В общении с ними местные жители хотя и медленно, но чем дальше, тем больше приобщались к цивилизации и прогрессу.

ЯКУТИЯ
В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА
В РОССИИ
(1861-1917 г.г.)

ГЛАВА XVIII

НОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ЯКУТИИ В 60—80-х ГОДАХ XIX в.

Отмена крепостного права ускорила развитие капитализма и формирование промышленного пролетариата в России. Несмотря на задерживающее влияние остатков крепостничества, капиталистические отношения стали проникать в деревню и на окраины Российской империи. Развитие капитализма, как показал В. И. Ленин, шло не только вглубь, т. е. происходил рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности, но и вширь, т. е. капиталистические отношения распространялись на новые территории [1].

Во второй половине XIX в. элементы капиталистических отношений стали зарождаться и в Якутской области — этой далекой окраине России.

Сильное влияние на развитие капиталистического предпринимательства в Якутии оказали Ленские золотые россыпи, открытые в 1840-х годах по притокам Олекмы, а затем и по Витиму. В 1869—1870 гг. в Олекминском и Киренском горных округах имелось уже 38 приисков. Размеры крупнейших из них, как, например, приисков Сибирякова, Базанова и Немчинова, доходили до 100 кв. км, тогда как прииски мелких золотопромышленников занимали всего лишь 1—2 кв. км. В такой же степени различна была и золотодобыча. В 1869—1870 гг. на Благовещенском прииске Прибрежно-Витимского товарищества было добыто 156 пуд. золота, в то время как на Ильинском и Иннокентьевском приисках, принадлежавших наследникам купца Маркова, было добыто 1 пуд 67 золотников, а на приисках Хаминова — всего 64 золотника. Если на крупных приисках работало по нескольку сот рабочих (на Благовещенском, например, было 630 человек), то на мелких приисках числилось всего по 15—20 рабочих, а иногда и того меньше.

В 70—90-х годах на Ленских приисках применялось немало передовой для того времени техники и всевозможных технических новшеств. В 1879 г. на р. Ныгри впервые начала применяться паровая оттайка мерзлоты. В 1880 г. на Благовещенском прииске была построена конно-железная дорога для откатки пустой породы [2]. В 1895 г., почти одновременно со строительством Сибирской железнодорожной магистрали, началось строительство Бодайбинской железной дороги [3]. В 1896 г. на Ленских приисках была построена гидроэлектростанция мощностью 300 квт. Это была первая высоковольтная электростанция в России. Но в целом золотопромышлен-

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

[2] И. П. Шарапов. Очерки по истории Ленских золотых приисков. Иркутск, 1949, стр. 25.

[3] Там же, стр. 48.

ные компании не спешили с введением технических усовершенствований, довольствуясь сравнительно дешевой рабочей силой.

В 1870 г. на приисках Олекминской и Витимской системы работали 4920 рабочих [4]. В 1887 г. на приисках числилось 9853 рабочих-мужчины и 1403 женщины, в 1889 г.— 12 005 мужчин и 1161 женщина [5]. Значительный процент рабочих составляли отходники из различных областей Сибири. Среди них были и выходцы из Олекминского округа Якутской области, в том числе якуты и эвенки, которых ежегодно работало на приисках от 130 до 600 человек. В 1880 г. якуты и эвенки составляли 1,3% приисковых рабочих, в 1883 г.—5,8%, в 1887 г.—1,9% [6]. Это показывает, что отходничество не получило в Якутии широкого размаха. Якуты и эвенки работали обычно в качестве возчиков, так как на приисках в значительном количестве использовались лошади и олени для подвозки шахтовой крепи и леса [7].

Попадая на прииски, выходцы из медвежьих углов и захолустий Якутии сталкивались с рабочими и крестьянами из промышленных сибирских уездов, расширяли свой кругозор, развивались политически.

Рабочий день на Ленских приисках в среднем длился 12 часов, а летом доходил до 14—16 часов. Никакой охраны труда не существовало. Потерявшие трудоспособность в результате несчастных случаев в шахтах оставлялись на произвол судьбы [8]. Около половины заработка рабочих шло на питание — покупку провизии в приисковых лавках. 10—15% заработка уходило на приобретение одежды, 10—20% — на дорогу домой после окончания контракта. Чистый заработок составлял всего лишь 20—30% номинальной заработной платы. Этот заработок шел на содержание семьи рабочего.

Как только законтрактовавшийся рабочий получал задаток на приобретение необходимой одежды и снаряжения, он поступал в распоряжение золотопромышленника или золотопромышленной компании и до окончания промышленного сезона не мог покинуть прииск. Если рабочие, не выдержав зверской эксплуатации, бежали с приисков, их ловили особые «летучие кордоны»; пойманных возвращали на прииск, часто при этом избивая до полусмерти. Большой процент беглецов составляли якуты и ленские крестьяне, которые благодаря знанию местности и привычке к таежной жизни имели больше шансов успешно скрыться.

В 60-х годах на Лене возникло несколько десятков золотопромышленных компаний. В конце 70-х годов в процессе концентрации капитала здесь выделились семь крупных золотопромышленных предприятий, поглотивших десятки мелких. Среди этих мощных компаний одной из наиболее значительных было Ленское золотопромышленное товарищество, фактическим хозяином которого был петербургский банкир Гинцбург.

Условия, в которых работали золотоискатели на предприятиях Ленского товарищества, были очень тяжелы. Избегая излишних затрат, администрация приисков обычно строила для рабочих бараки с нарами вдоль стен. Особых помещений для сушки одежды и обуви не было. Многие рабочие ютились в «юртишках» с окнами, затянутыми летом тряпками, а зимой пластинами льда. Питались рабочие ржаным хлебом с солониной, изредка получая полугнилую рыбу. Администрация обирала их с помощью приисковых лавок, штрафов, обсчитывала и обманывала при расчетах [9].

---

[4] «Памятная книжка Якутской области за 1871 год» (ведомость о добыче и промывке песков).

[5] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 115.

[6] И. П. Шарапов. Указ. соч., стр. 88.

[7] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 119.

[8] Там же, стр. 108.

[9] Ф. Кудрявцев. Ленские события 1912 года. Иркутск, 1942, стр. 14.

Мясо для приисков закупалось главным образом в Олекминском и Вилюйском округах и доставлялось зимним путем в тушах. Летом на прииски привозили скот на баржах. Из Олекминского и Якутского округов шло масло, с низовий Лены — рыба. В 1887—1889 гг. на прииски ежегодно доставлялось на 4 млн. руб. предметов потребления, причем приблизительно на 1 млн.— из якутских округов [10].

Поставка на прииски съестных припасов превратилась в новый источник обогащения тойонов. Огромные суммы наживали якутские тойоны и на посреднических операциях в извозном промысле. В первые десятилетия после открытия приисков тойоны старались большую часть подряда выполнять на собственных лошадях, нанимая для отправки обозов возчиков из своих одноулусников, так как цены на провоз груза стояли высокие [11]. Однако уже в 70-х годах в связи с понижением цен тойоны отказались от практики доставки грузов на своих лошадях и переложили все тяготы на мелких возчиков, сохранив за собой лишь функции посредников. При этом они ухитрялись получать 20—25% дохода от номинальной суммы подряда. Преднамеренно опутывая долгами мелких возчиков, тойоны-подрядчики создавали вокруг себя своего рода клиентов, не имевших возможности отказаться от обременительного и невыгодного для них извозного дела. Обычно у каждого подрядчика было 20—30 возчиков.

Развитие горной промышленности по Олекме и Витиму способствовало росту цен на продукты сельского хозяйства в Иркутской губернии и особенно в Якутской области. В этих условиях русские крестьяне начали увеличивать запашку.

В 70—80-х годах русские крестьяне составляли лишь около 4% населения Якутии, однако в экономике края они играли важную роль. 93% русских крестьян Якутии жило в трех южных округах.

Очень незначительная по численности группа русских крестьян и мещан жила в северных округах — Колымском и Верхоянском. Среди этого населения было немало потомков первых русских землепроходцев. Старожильческое русское население в северных округах сосредоточивалось в устьях Колымы, Индигирки, Яны. В отличие от своих собратьев, живших в южных округах Якутии, они занимались не земледелием, а рыболовством и охотой.

Русские крестьяне в южных округах разделялись на три группы: пашенных, ямщиков и ссыльных.

Наиболее многочисленны были ямщики. Хозяйственное положение отдельных групп ямщиков было не одинаково. Русские крестьяне Аянского тракта, положение которых в 50-х годах было крайне тяжелым, стали выращивать здесь озимую и яровую рожь, ячмень, овес, пшеницу, коноплю, картофель, овощи. В 1864 г. посевы 102 хозяйств крестьян этого тракта составляли 775 пуд. зерновых, а сбор —3570 пуд.[12]. К 1870 г. посевы аянских ямщиков увеличились более чем в два раза и дошли до 310 дес. пашни и огородов; 280 дес. было расчищено под сенокосы [13]. Всего в 1870 г. было собрано 11 022 пуда ярового и озимого хлеба и 2672 пуда картофеля [14]. Хотя поселенные по Аянскому тракту числились ямщиками, но в действительности ямским промыслом занимались не все и основной доход аянские ямщики получали от хлебопашества.

Поселения аянских ямщиков просуществовали недолго. В связи с открытием судоходства по Амуру, а затем продажей Аляски, тракт в 1867 г.

[10] И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской обл., стр. 284.
[11] «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. III, стр. 3.
[12] ЦГА ЯАССР, ф. 180, оп. 2, д. 449, л. 74.
[13] Там же, ф. 343, оп. 1, д. 167, лл. 53—56.
[14] Там же, ф. 180. оп. 2, д. 449, л. 76.

был закрыт и бóльшая часть ямщиков в 70-х годах переселилась на Амур. Оставшиеся образовали два селения — Петропавловское (в устье правого притока Алдана — р. Маи) и Новопокровское (на р. Амге). В 1872 г. восемь семейств крестьян из этих двух деревень уехали и основали в 26 верстах от Якутска, на правом берегу Лены, селение Павловское, прославившееся позднее огородничеством. Якуты соседних наслегов согласились дать павловцам из своих владений по 3 дес. пашни и по десятине сенокоса. К концу столетия это селение разрослось и составило Павловскую волость.

Иным было положение ямщиков Ленского тракта. У них ямской промысел был главным занятием, хлебопашество же имело небольшие размеры. Архивы старост 20 станций Ленского тракта Якутского округа за 1820—30-е годы показывают, что посевная площадь здесь колебалась от $^1/_4$ до $^1/_2$ дес. на хозяйство. Заработок, получаемый от ямского — почтового и обывательского — промысла (в среднем от 90 до 140 руб. в год на каждую семью), покрывал основные хозяйственные расходы семьи крестьянина. Но во второй половине XIX в. в хозяйстве ленских ямщиков произошли заметные изменения. Об этом свидетельствует следующая ведомость о состоянии хлебопашества на 20 станциях Ленского тракта Якутского округа [15]:

Годы	Станций	Дворов	Жителей	Всей пашни, дес.	Посев, дес.	Сбор, пуд.	Рабочих лошадей	Рогатого скота	Накошено сена, пуд.
1865	15	180	1 232	1 454	305	7 789	373	1 536	99 325
1875	20	257	1 509	1 862	666	22 435	648	2 200	147 516

Сдвиги в развитии хлебопашества были связаны здесь с дальнейшим ростом капиталистических отношений, прежде всего с усилившимся спросом на продукты сельского хозяйства на соседних золотых приисках. Увеличилось и поголовье скота; но тем более остро чувствовался недостаток сенокосов, которыми приленские селения обеспечивались только наполовину. Вместо средней нормы в 116 пуд. сена на каждую голову крупного рогатого скота приходилось лишь по 58,5 пуда. Недостающее сено ямщикам приходилось покупать.

Большинство крестьян (особенно пашенные и ямщики) страдало от малоземелья. Несмотря на увеличение во многих селениях числа земледельцев, количество надельной земли (отведенной еще в давнее время) у каждого селения оставалось прежним и к концу столетия. Многочисленные просьбы крестьян о дополнительной прирезке пашен и сенокосов, по количеству прибавившихся земледельцев, оставались без ответа.

В 1893 г. на 20 станциях Ленского тракта Якутского округа на 1828 крестьянских душ и 537 ссыльно-поселенцев, приписанных к этим станциям, приходилось 1105 дес. пашни и 2693 дес. сенокоса [16], т. е. на каждого жителя — в среднем только по 0,44 дес. пашни и по 1 дес. сенокоса вместо законного для сибирского поселенца 15-десятинного душевого надела. Вви-

[15] ЦГА ЯАССР, ф. 120, оп. 1, д. 6, лл. 21, 23.
[16] Там же, д. 18, л. 2.

ду малоземелья почти все селения арендовали у соседних якутских наслегов сенокосы, имевшиеся там в избытке и находившиеся обычно в руках наслежной знати. Пользуясь этим, тойоны всячески препятствовали отводу или прирезке земли русским крестьянам и ссыльно-поселенцам. Ямской промысел в 70—80-х годах уже не мог удовлетворить потребности хозяйства ленских «станочников». Главным занятием их стало хлебопашество. Но по своему уровню оно еще очень отставало от земледельческого хозяйства пашенных крестьян. Так, например, земледелие пашенных крестьян Амгинской и Олекминской деревень (182 хозяйства —840 душ) стояло гораздо выше, чем у ямщицких хозяйств [17]. В 1894 г. валовой сбор хлеба в этих двух селениях составил половину сбора хлеба всех 43 трактовых ямских селений. Валовой сбор хлеба на каждого жителя у ямщиков составлял 14 пуд., в то время как у пашенных — 34 пуда, т. е. в два с половиной раза больше.

С расширением земледельческого хозяйства увеличивалась и его товарность. Большинство хозяйств пашенных деревень продавало хлеб, чтобы покрыть необходимые хозяйственные расходы, уплатить казенные сборы и подати. Ямщики же вели земледельческое хозяйство главным образом для продовольственных потребностей. Хозяйственные расходы их покрывались ямским заработком и работой по найму.

В 70—80-е годы значительное место в хлебопашестве Якутии стали занимать ссыльные поселенцы — сектанты («скопцы»). До 60-х годов сектантов в Якутию ссылали мало. Однако в целях развития здесь хлебопашества генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев ходатайствовал перед Сенатом и получил в 1859 г. «высочайшее разрешение» переселить сектантов из Туруханского края на Лену и в дальнейшем ссылать их в Якутскую область. Первые партии сектантов (595 человек) прибыли в Якутию в 1861 г. и поселились близ Олекминска (селения Спасское и Троицкое) и Якутска (с. Марха). Прибывавшие в последующие годы сектанты также поселялись особыми деревнями.

На первые три года сектанты, как и все административно-сосланные, освобождались от податей и повинностей. В последующие семь лет они платили половинный оклад всех податей, после чего зачислялись в крестьяне из ссыльных и платили все подати (кроме ружного сбора на содержание церкви и духовенства). Эта группа крестьян находилась в более благоприятных условиях для развития хлебопашества, чем пашенные и ямщики. Сектанты освобождались от содержания ссыльных, земельные наделы их были гораздо больше. Средний надел земли на каждого жителя в сектантских деревнях составлял 9,7 дес. пахотной и сенокосной земли, в остальных же русских селениях количество пашни и сенокосов колебалось от 1 до 2 дес. на жителя. В некоторых сектантских деревнях, как Троицкое и Усть-Чаринское Олекминского округа, средний надел доходил до 15 дес. Большинство крупных сектантских селений было расположено вблизи городов и трактов. Близость рынка для сбыта земледельческих продуктов, удобная земля и имевшиеся у многих свободные капиталы — все это способствовало росту товарности хозяйств сектантов.

Сектантами практиковалась бесплатная аренда у якутов нерасчищенной земли с условием, чтобы по истечении шести лет вернуть арендованные участки прежним владельцам уже расчищенными. Еще более распространена была аренда богатыми сектантами обширных лесных массивов сроком на 40 лет с уплатой сразу всех арендных денег [18]. При этом стои-

[17] «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. I, стр. 44.
[18] Там же, вып. III, стр. 46.

мость десятины арендованной земли обходилась от 50 коп. до 1 р. 50 коп., а затраты на расчистку вполне окупались последующими урожаями. Крупные хлеботорговцы из сектантов, например Исаков и Кирьянов в Олекминском, Кугаевский, Солдатов и др. в Якутском округах, арендовали участки от 17 до 40 и более десятин, производя расчистку силами батраков и увеличивая производство хлеба на продажу.

Типичным торгово-земледельческим селением была Марха. Новоселы Мархи, люди зажиточные, в первые же 12 лет расчистили с помощью наемного труда 895 дес. земли [19] и создали земледелие торгово-предпринимательского типа. В 1879 г. посев мархинцев составлял 6,5% к общему посеву всех земледельцев Якутской области, а урожай — 17,9% ко всему сбору хлеба [20]. Зажиточные крестьяне Мархи, как и других сектантских деревень, специализировались на производстве яровой ржи и пшеницы на рынок. Урожайность их полей в полтора-два раза превышала урожайность в селениях Ленского тракта. Это объяснялось применением капиталистических методов ведения хозяйства — наемного труда, машин, усовершенствованных орудий и некоторых передовых приемов земледелия (удобрение полей, задержание влаги, улучшение семян путем отбора, выделение семенных участков).

Хлебопашество сектантских селений занимало большое место в земледелии Якутии. Достаточно отметить, что сбор хлеба в шести сектантских селениях Якутского округа в 1889 г. составил третью часть сбора хлеба всех русских земледельцев округа [21].

По мере повышения товарности сельского хозяйства и усиления его связей с рынками сбыта в кулацких хозяйствах увеличивалось применение наемной рабочей силы. В 70-х годах в Якутской области уже установились средние цены на определенные сельскохозяйственные работы. В Олекминском округе годовая заработная плата батрака доходила до 100 руб., батрачки — до 60 руб.; в Вилюйском округе — соответственно до 95—80 руб. В глубинных районах, где сельское хозяйство было сравнительно мало развито, батраку платили в год 20—30 руб.[22]

Развитие горнодобывающей промышленности в Иркутской губернии на границе с Якутской областью вызвало значительный спрос на сельскохозяйственные продукты.

Резко повысились цены на мясо, масло, хлеб. Все это повлекло за собой расширение хлебопашества и переход большей части населения центральных улусов Якутии к земледелию.

Покупка вздорожавшего в полтора-два раза хлеба стала для якутов, привыкших к его употреблению, крайне обременительной, в то время как хлебопашество давало большие выгоды. В связи с этим в 70—80-х годах большинство якутов стало сеять хлеб, тогда как в первой половине XIX в., кроме олекминских якутов, хлебопашеством занимались в центральной Якутии очень немногие, преимущественно старосты наслегов, улусные головы и зажиточные хозяева — не больше трех-четырех человек в каждом наслеге. В 1889 г. на якутские хозяйства пришлось около 50% валового сбора зерновых [23].

Много для развития якутского земледелия значил пример русских земледельцев — ленских пашенных крестьян, ссыльных, которые акклиматизировали и распространили здесь многие зерновые культуры, а также картофель, овощи.

---

[19] «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. I, стр. 82.
[20] ЦГИАЛ, Кабинет министров, ф. 1263 (1880 г.), оп. 113, д. 4105, л. 429.
[21] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 152.
[22] ЦГА ЯАССР, ф. 343, оп. 7, д. 3, л. 12.
[23] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 152.

В 1889 г. в Якутском округе было собрано 338 208 пуд. хлеба, в Олекминском — 264 632 пуда, в Вилюйском — 61 152 пуда [24]. По валовому сбору на первом месте стоял Якутский округ, хотя наибольшее количество товарного хлеба давал Олекминский округ, из которого в 1870 г. было вывезено на прииски около 50 тыс. пуд. хлеба [25]. В Вилюйском округе в связи с малочисленностью русского населения землепашество было развито слабо. Переход в 70—90-х годах основной массы якутов центральных улусов к земледелию (большинство олекминских якутов, живших в близком соседстве с русскими крестьянами, стало хлебопашцами уже в середине этого столетия) имел большое значение для повышения экономического уровня хозяйства якутов, упрочения оседлого образа жизни и усиления экономической связи между отдельными улусами и округами.

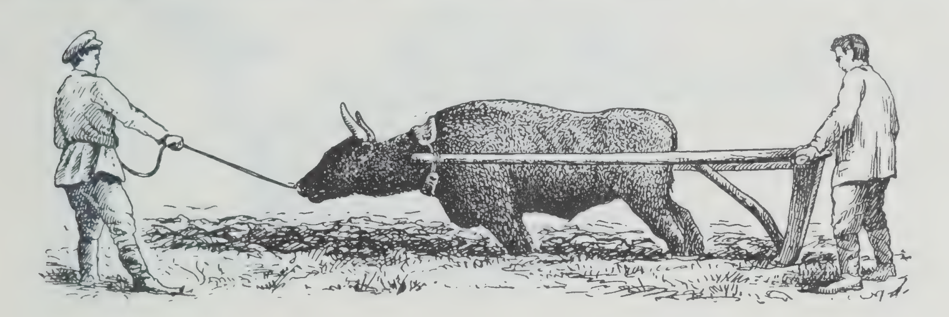

Рис. 53. Пахота на быке

В 70—80-х годах в Якутской области ежегодно собирался урожай от 350 тыс. до 650 тыс. пуд. Однако своего хлеба все еще не хватало, и ежегодно в Якутию ввозилось из Иркутской губернии 150—200 тыс. пуд. хлеба [26]. Задержки же с доставкой, неурожаи в Иркутской губернии и т. п. использовались олекминскими хлеботорговцами, главным образом сектантами, в спекулятивных целях.

В конце 70-х и начале 80-х годов в Якутской области резко выросли посевы картофеля. Главным поставщиком картофеля был Олекминский округ. В 1878 г. посевы картофеля у русских крестьян Якутского и Олекминского округов составляли 59 392, а сбор — 306 584 пуда [27]. На каждого жителя русских деревень собирали, таким образом, по 20—40 пуд. картофеля [28]. Многие крестьяне (особенно в Олекминском округе) и сектанты занимались торговым огородничеством, приносившим доход не меньший, чем от полеводства.

Несмотря на повышение роли земледелия и расширение посевов, в 80—90-х годах техника земледелия у ленских крестьян оставалась низкой. Земля не удобрялась. Отчасти это объясняется тем, что в Якутской области господствовала примитивная переложная система; кое-где удерживалось двухполье. Для обработки почвы применялась сибирская соха. Пахота производилась вглубь на 10—15 см. Сеяли и убирали хлеб вручную. При низкой технике земледелия и суровом климате урожаи в Якутской области колебались в пределах сам-один — сам-пять, даже урожаи сам-восемь, не

[24] Там же.
[25] «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. III, стр. 65.
[26] Там же, стр. 90—91.
[27] ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 113, д. 3150, л. 430.
[28] Там же.

говоря уже о бо́льших, бывали крайне редки. Тем не менее в это время можно отметить отдельные улучшения и новшества в технике земледелия. Так, частые засухи вынуждали олекминских крестьян устраивать орошение: рыли каналы, устраивали желобы, с помощью которых из ближайших водоемов на пашню или огороды обыкновенным насосом подавалась вода. В 90-х годах в этом округе было около 1000 дес. поливной пашни и сенокосов. Но разрозненные крестьянские хозяйства, предоставленные самим

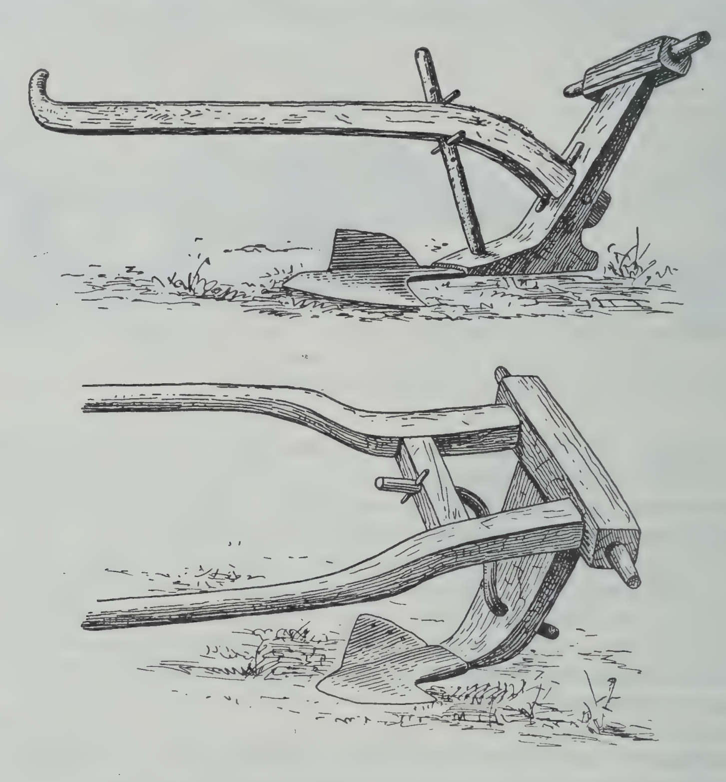

Рис. 54. Якутские плуги с железными лемехами

себе, не в состоянии были ввести рациональную систему орошения. В 90-х годах в Якутской области начали распространяться покупные сельскохозяйственные орудия и машины: жнейки, железные плуги, железные бороны, молотилки и сноповязалки. Первыми стали обзаводиться машинами сектанты [29]. Однако машины проникали и в зажиточные хозяйства якутов. Так, в 1892 г. отмечен случай выписки одним из якутских богатеев в Батурусском улусе сенокосилки и конных грабель из Иркутского казенного склада [30]. Приобретение машин и усовершенствованных орудий требовало значительных средств и хлопот. Нужно было отправиться в Иркутск, чтобы выбрать на складе модель машины, а затем сделать заказ на заводе с единовременным внесением полной стоимости заказа. Все это было доступно только богатым хозяйствам.

Что касается роли царской администрации в развитии якутского земледелия, то из документов архива иркутского генерал-губернатора и Якутского областного правления видно, что правительственные мероприятия

[29] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 283.

[30] «Общее обозрение Якутской области за 1892—1902 гг.», стр. 19.

в этом отношении были ничтожны. На нужды сельского хозяйства иногда отпускалось по 200—300 руб. в год. На эти средства областная администрация изредка производила выписку семян зерновых и овощей, которые обычно раздавались по нескольку фунтов или золотников наслежным старостам и тойонам. В 1861 г., в целях распространения сельскохозяйственных знаний, в 40 верстах от Якутска была открыта сельскохозяйственная ферма. Ферма должна была организовать образцовое полеводческое хозяйство

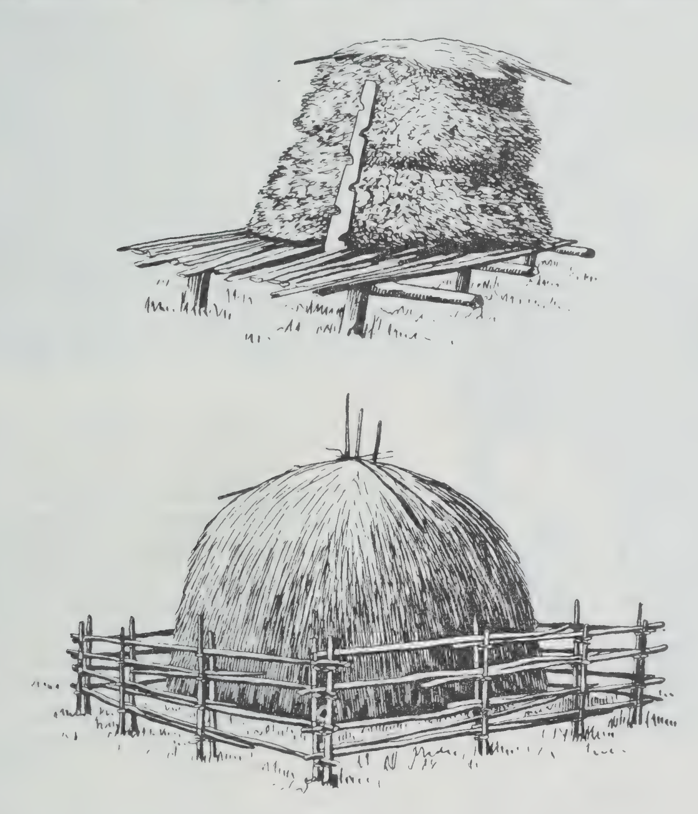

Рис. 55. Скирд хлеба и стог сена

и снабжать население хорошими семенами. Но за отсутствием средств и специалистов по агрономии ферма вскоре была закрыта. Через 30 лет, в 1891 г., по настоянию ученых из политических ссыльных, ферма была открыта вновь, но уже через три года опять прекратила существование.

Вместе с общим оживлением предпринимательской деятельности в Якутии во второй половине XIX в. увеличился оборот якутских ярмарок (Якутской, Олекминской, Кыллахской, Учурской, Усть-Майской и Анюйской). В 1862 г. на эти ярмарки было завезено товаров на 1 228 980 руб. и продано на 590 025 руб. [31]. Через 27 лет, в 1889 г., товарооборот ярмарок вырос более чем в два раза [32]. Таким образом, за этот период значительно укрепились связи сельского хозяйства Якутии с общероссийским рынком.

---

[31] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год» (ведомость об оборотах ярмарок).

[32] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год» (ведомость об оборотах ярмарок)

Рыночные связи способствовали усилению дифференциации якутского крестьянства. Разорившиеся крестьяне-бедняки становились батраками. На почве торговли и всевозможных ростовщических операций в якутских улусах рядом со старой патриархально-феодальной тойонской верхушкой, приспособлявшей свое хозяйство к потребностям внутренного рынка, стали появляться также и крупные кулацкие хозяйства, широко применявшие наемную рабочую силу. Тойоны и кулаки сколачивали себе крупные состояния.

Рис. 56. Старуха-беднячка (кумаланка)

(с фотографии)

В начале 70-х годов широкую известность в Якутской области приобрел голова Западно-Кангаласского улуса А. Н. Гермогенов, унаследовавший от отца около 100 тыс. руб. наличными деньгами и до 1000 голов лошадей и рогатого скота. Гермогенов имел обширные связи среди местной администрации и умел извлечь из этого немалую пользу. Другой якутский богач, голова Восточно-Кангаласского улуса Лепчиков, оставил своим наследникам 600 тыс. руб. [33].

Но, несмотря на появление в Якутской области в последней четверти XIX в. отдельных капиталистических тойонско-кулацких хозяйств, сбывавших свою продукцию на прииски, в целом в Якутии по-прежнему преобладали мелкие полунатуральные хозяйства и патриархально-феодальные отношения.

Городское население отдаленной Якутской области оставалось малочисленным. В 1889 г. во всех пяти городах Якутии проживало лишь 8324 человека, т. е. 3,2% от всего населения области [34]; из них 3297 якутов. 79% всех горожан жило в Якутске, который по внешнему виду напоминал заштатный или уездный город. Якутск и во второй половине XIX в. был не промышленным, а лишь административно-торговым центром, несмотря на то, что население его в эпоху капитализма стало расти быстрее: если в 1862 г. в Якутске насчитывалось 2963 человека [35], то в 1889 г. его население возросло до 6499 человек [36] (среди них 2854 якутов [37]). Город Олекминск с его 611 жителями скорее напоминал большое село, а Вилюйск (475 жителей), Верхоянск (244 жителя) и Средне-Колымск (495 жителей) были и того меньше.

По сословиям городское население Якутской области в 1889 г. распределялось следующим образом: 1499 человек (мелкие ремесленники, городская беднота) принадлежали к мещанскому сословию, 1267— к каза-

[33] «Якутская жизнь», 1908, 6—7.
[34] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год» (ведомость о населении).
[35] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год» (ведомость о населении).
[36] «Памятная книжка Якутской области за 1889 год» (ведомость о населении)
[37] Там же.

Рис. 57. Вид г. Якутска в 1880-х годах

кам, 517— к дворянам, 209— к духовенству, 211— к купечеству, 210— к крестьянам; 1030 человек были ссыльными. Значительная часть горожан трех южных округов занималась сельским хозяйством (хлебопашеством и огородничеством).

Полунатуральный характер мелких хозяйств не способствовал развитию ремесла. Большинство предметов домашнего обихода и орудий производства в таких хозяйствах изготовлялось своими руками. Улусные ремесленники (кузнецы, ювелиры и др.) также занимались главным образом сельским хозяйством и обращались к ремеслу только при наличии заказов. На городские рынки доставлялись лишь случайные излишки ремесленных изделий. Якутские ювелиры, резчики по серебру выполняли работы по заказу северных торговцев — скупщиков пушнины. В заречных наслегах под Якутском якуты пилили лес на тес с расчетом на сбыт его скупщикам. Под Якутском и Вилюйском на продажу изготовлялись деревянная и берестяная посуда, мебель, бочки, сани, телеги, меховые изделия, половики из конского волоса, ковры из конских и коровьих шкур.

Кустарные предприятия Якутской области располагались преимущественно в городах. В 70-х годах в Якутске насчитывалось всего шесть предприятий: три папиросные мастерские с 22 рабочими и три кирпичных завода с 30 рабочими. Годовая валовая продукция этих предприятий оценивалась в 9320 руб. В Олекминске имелся кирпичный завод, на котором работали 12 человек [38].

В 70—80-х годах укрепились связи Якутска с северными округами. Связи между Якутском и низовьями Лены в 70—90-х годах поддерживались главным образом пароходом «Лена». Этот пароход был построен в Швеции по заказу Сибирякова и попал на Лену в 1878 г.[39]. Значительная часть товаров в Якутск и в низовья Лены сплавлялась на парусно-весель-

---

[38] «Памятная книжка Якутской области за 1877 год».

[39] А. Бычков. Очерки Якутской области. Томск, 1899, стр. 6.

ных каюках, паузках и карбазах. Обычно эти небольшие сплавные суда служили только один рейс: в Якутске карбазы разбирали на дрова, на доски для заборов, тротуаров. Было дешевле построить в верховьях Лены новый карбаз, чем тянуть старый туда вверх по течению. Однако товары, шедшие с низовьев Лены в Якутск, а также вверх по Витиму на прииски, приходилось везти на каюках и карбазах, которые тянули против течения бечевой. Так вывозились с якутского севера рыба, оленьи шкуры, мамонтовая кость, бо́льшую часть которых каючники выменивали у населения на спирт, чай,

Рис. 58. Сплав торговых паузков по Лене

табак. Команда каюка и сама ловила рыбу на арендованных песках. Много рыбы, выловленной в низовьях Лены, поставлялось на прииски.

Экономическое развитие страны, усиление торговых связей Якутии с Центральной Россией и сибирскими центрами настоятельно требовали улучшения путей сообщения. Главным трактом был Якутско-Иркутский (Ленский), вдоль которого жила основная масса русских земледельцев. Немалое значение имело и водное сообщение. Когда в 1867 г., после продажи Аляски США и прекращения деятельности Российско-Американской компании, был упразднен Якутско-Аянский тракт, Аянский порт продолжал существовать. В Аянскую бухту в навигационный период заходили американские китобойные суда. На смену Российско-Американской компании явилась американская фирма Холм Вольт и К^0, агент которой Филиппеус, в 70-х годах развил в приморском районе активную деятельность по вывозу пушнины, снабжая Аяно-Нельканский район хлебом и боеприпасами. В 80-х годах Аянский порт и Якутско-Аянский тракт вновь начали использоваться якутскими купцами. В 1880 г. купец Силин выписал из Одессы и Владивостока $3^1/_2$ тыс. пудов разных товаров, которые были доставлены в Якутск через Аян и Нелькан. В 1885 г. якутские купцы ввезли через Аян 10 тыс. пуд. груза.

С возобновлением Якутско-Аянского тракта укрепились связи якутской буржуазии с иностранным капиталом. Крупные местные купеческие фирмы в погоне за дешевыми товарами стремились установить личный контакт с иностранными фирмами. В сборнике Якутского статистического комитета отмечалось: «Особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что, несмотря на существующие неустроенность и запущенность Аянского тракта, местное купечество вошло в сношение с некоторыми заграничь-

ными чайными фирмами и уже получает кирпичный и фамильный чай чрез Аян, куда они доставляются на пароходах» [40].

Так как порт Аян пользовался правом беспошлинного ввоза товаров, через него в Якутскую область завозился весь чай, шедший из Ханькоу, Тяньцзина и Шанхая. Якутские фирмы посылали в Китай своих представителей для закупки чая. Через Аян поступали и некоторые американские товары. Грузы из Аяна шли по вьючной тропе, затем на карбазах сплавлялись по рекам Мае и Алдану, а от устья Алдана паузки подтягивались вверх по Лене пароходами.

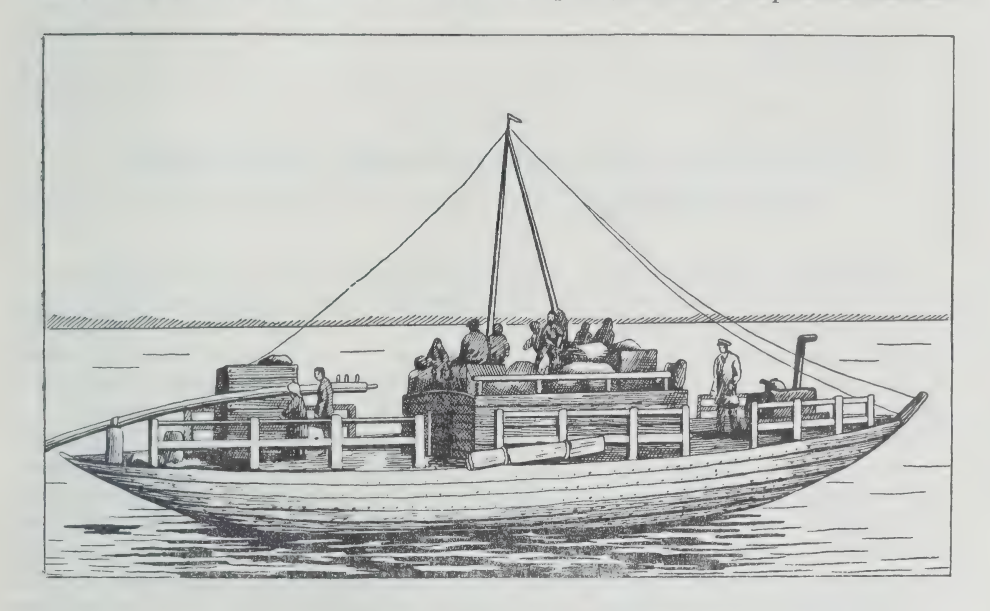

Рис. 59. Рыболовное судно

Развитие золотых разработок, рост хлебопашества, оживление торговли, улучшение путей сообщения, дальнейшее проникновение товарно-денежных отношений в якутские улусы и быстрое расслоение якутского крестьянства показывают, что элементы капитализма во второй половине XIX в. стали заметны и в далекой Якутии.

[40] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 91.

ГЛАВА XIX

СКОТОВОДСТВО И ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯКУТСКИХ УЛУСАХ в 60—80-х ГОДАХ XIX в.

Во второй половине XIX в. якутское скотоводческое хозяйство и система распределения покосов и пастбищ привлекли к себе внимание исследователей, преимущественно из политических ссыльных. Большой фактический материал, собранный ими, в сочетании с архивными источниками и статистическими данными, позволяет обрисовать особенности якутского хозяйства и земельные отношения в якутских улусах в этот период.

Основой якутского хозяйства во второй половине XIX в. в Якутском, Олекминском и Вилюйском округах продолжало оставаться скотоводство, а центральным вопросом землепользования — распределение сенокосов.

Нужда в сенокосных угодьях увеличилась в связи с поставками сена на прииски и ростом грузоперевозок. Ценность сенокосных участков значительно возросла. Во многих наслегах стали приобретать крупные наделы за платеж податей торговцы, спекулянты, владевшие весьма ограниченным количеством скота. В этих условиях стремление зажиточных элементов якутского общества к расширению своих сенокосных владений усилилось. Богачи и тойоны различными путями захватывали участки бедноты, старались оттягать выгодные сенокосы друг у друга; резко участились случаи тяжб из-за сенокосных угодий.

По данным Якутского статистического комитета, в Якутской области количество крупного рогатого скота колебалось от 240 тыс. до 260 тыс. голов, лошадей было 120—140 тыс. голов. Основная масса скота была сосредоточена в Якутском и Вилюйском округах. Таблица показывает движение поголовья по округам[1] (см. таблицу на стр. 281).

Материалы Якутского статистического комитета, основанные на сведениях, доставлявшихся инородческими управами, далеко не точны, но в целом они позволяют утверждать, что в трех южных округах разведение рогатого скота преобладало над коневодством. Лишь в Верхоянском и Колымском округах, где скота было мало, соотношение обеих отраслей было обратным.

Материалы Якутского статистического комитета дают представление и о том, как распределялся скот между отдельными группами якутских хозяйств. В 1892 г. комитет провел перепись во 2-м Игидейском наслеге Баягантайского улуса. В 165 хозяйствах (731 человек) этого наслега содержалось 1969 голов рогатого скота и 321 лошадь. По обеспеченности скотом эти хозяйства делились на следующие группы: первая (65 хозяйств) — от

---

[1] Данные за 1863 г. см. «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», табл. VIII; за 1867 г.— «Памятная книжка Якутской области за 1867 год», за 1870 г.— «Памятная книжка Якутской области за 1871 год», табл. VIII; за 1882 и 1890 гг.— В. Л. Серошевский. Указ. соч., стр. 266.

Округа	1862 г.		1866 г.		1870 г.		1882 г.		1890 г.	
	коров	лошадей	коров	лошадей	коров	лошадей	коров	лошадей	коров	лошадей
Якутский	150 081	59 831	135 538	61 047	153 138	77 534	168 037	64 615	146 639	68 761
Вилюйский	81 486	46 369	89 803	48 013	87 572	46 332	73 547	46 442	55 838	40 808
Олекминский	11 665	8 429	12 016	8 608	12 460	8 779	11 605	9 582	13 789	7 520
Верхоянский	5 280	5 230	4 351	6 036	4 343	4 864	5 657	5 676	3249	5 158
Колымский	1 660	3 464	1 770	3 713	2 008	4 069	755	1 118	650	826
Всего по округам	250 172	123 323	243 473	127 417	259 521	141 578	259 601	127 433	220 165	122 073

0 до 5 голов, вторая (58 хозяйств) — от 6 до 12 голов, третья (47 хозяйств) — от 13 до 20 голов и четвертая (22 хозяйства) — от 21 головы и выше [2].

В Тарагайском наслеге Мегинского улуса, по данным подворной переписи 1892 г., скот распределялся следующим образом: 118 хозяйств имели от 0 до 5 голов рогатого скота, 95 хозяйств — от 6 до 12 голов, 21 хозяйство — от 13 до 20 голов и 12 хозяйств — свыше 20 голов [3].

Голодной нормой существования средней семьи при низкой продуктивности якутского скота считалось 10 голов рогатого скота, или не менее двух голов на душу. Для сносной жизни требовалось значительно больше скота. Так, по закону, при описи имущества кочевого хозяйства в случае гражданского иска 17 голов рогатого скота и 12 лошадей считались неприкосновенной нормой и не подлежали описи [4]. Таким бразом, к обеспеченным можно было отнести только третью и четвертую группы, т. е. 40% хозяйств в Игидейском наслеге и 13% — в Тарагайском. Особенно трудно приходилось малообеспеченным хозяйствам зимой и весной. По подсчетам В. М. Ионова, дойные коровы зимой составляли лишь 14% по отношению ко всему поголовью, так как зимой бо́льшая часть коров из-за плохого корма переставала доиться. Во второй группе хозяйств зимой приходилось на семью 0,5 дойной коровы, в третьей — 1—2 [5].

Якутское скотоводство отличалось весьма примитивной техникой. Лето с мая или с первых чисел июня скот проводил на выгонах (летниках). В первых числах сентября его перегоняли на покосные места (зимники). Недойный крупный скот содержали на подножном корму и часть зимы до больших снегов. Зимой скот помещали в хотоне — хлеве, отделявшемся от жилого помещения перегородкой. Для сохранения тепла хотоны строили низкими и тесными. Сырость, духота и грязь нередко вызывали у скота накожные заболевания. Кормили скот, за исключением молодняка, вне хлева, а на водопой гоняли к проруби. Так как запасы сена бывали обычно

[2] В. М. Ионов. К вопросу о скотоводстве у якутов Якутского округа. «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. I, стр. 7.
[3] В. Л. Серошевский. Указ. соч., стр. 432.
[4] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 139.
[5] В. М. Ионов. Указ. соч., стр. 15—16.

очень ограниченны, расходовали их скупо, и всю длинную, трудную зиму скот голодал. На стельную корову расходовали от 60 до 80 пуд. сена, на стародойку — 90—120 пуд., на рабочего быка — 100—180 пуд., что составляет лишь $^1/_2$ — $^3/_4$ научно обоснованных кормовых норм.

Вследствие недоедания к весне скот настолько тощал и слабел, что нередко коров буквально выносили на пастбище. Характерно, что сдававшие свой скот на прокорм ставили условие, чтобы он мог весной сам выйти на пастбище, так как большего требования они предъявить не могли. Тощие стельные коровы естественно давали слабое потомство. Около 70% телят погибало. В таких условиях продуктивность скота была крайне низкой. Вес коровы колебался от 100 до 120 кг, удой от каждой коровы составлял не более 60 ведер молока в год.

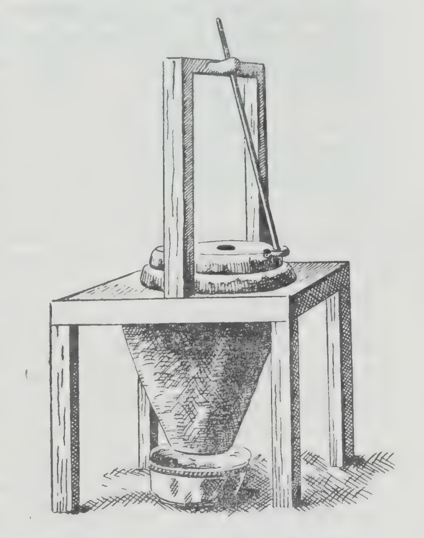
Рис. 60. Обмолот снопов

Лошади круглый год находились на подножном корму. Сеном подкармливали только слабых жеребят и рабочих лошадей. В случаях бескормицы в марте — апреле на корм лошадям рубили тальник по берегам рек.

Чтобы обеспечить скот сеном на долгую зиму, якуты с июля до сентября усердно занимались сенокошением. Нередко косили траву и осенью. Косили железными косами-горбушами, которые выделывались якутскими кузнецами. В неурожайные годы запасали для скота камыш, веники из веток. Лишь в 80-х годах в центральных улусах распространилась стальная коса-литовка, позволившая значительно увеличить количество запасаемого сена. Стараясь накосить сена как можно больше, якуты принимались за стогование лишь осенью, и часть сена теряла свои полезные качества. Сеновалы якутам вообще были неизвестны.

Неблагоприятно отражалась на якутском скотоводстве и установившаяся еще с конца XVIII в. «классная система» общинного землепользования, по которой покосные угодья распределялись крайне неравномерно и наиболее урожайные участки сосредоточивались в руках зажиточной верхушки общества. Во второй половине XIX в. в большинстве наслегов господствовала трех-четырехклассная система. Все хозяйства в зависимости от размеров платежей разделялись на три-четыре класса и соответственно наделялись земельными паями. Хозяйства, причисленные к I классу (богатеи, тойоны), обычно получали участок, в четыре раза превышавший размер участка плательщика III класса. Но тойоны не довольствовались этим и, пользуясь своей властью и богатством, захватывали еще больше сенокосов, чем им полагалось по классной системе. Возможность для этого им давал самый способ измерения сенокосных угодий: не единицами площади, а количеством сена. Во второй половине XIX в. сенокосы начали измеряться относительно более точно, так как урожаи стали выражаться не в крупных

единицах—остожьях, как в XVIII в., а в мелких—возах, копнах. Измерение участков количеством получаемого сена сохранялось в связи с тем, что урожайность резко колебалась по годам. По данным Э. К. Пекарского, в 1884 г. на его опытном участке после наводнения было 800 копен, а в 1889 г.— 55 копен [6]. В связи с этим в центральных улусах ежегодно производилось поравнение участков. От каждого рода избирали по два присяжных депутата, которые в начале лета объезжали все участки и на глаз определяли урожайность. На основании данных, собранных депутатами, наслежное собрание производило поравнение. Те, у кого на участках сена было мало, получали право выкосить часть сена на участках тех, у кого оно уродилось хорошо. За свой труд депутаты получали вознаграждение от 5 до 15 руб. После сенокоса по требованию недокосивших сена производилась дополнительная проверка урожайности. Те, кто накосил сена больше, чем им полагалось, принуждались уступить часть сена недокосившим, с условием, что последние оплатят их труд по заготовке сена. Столь уравнительная, демократическая на первый взгляд система в действительности давала возможность богатым скотовладельцам всегда поправить свои дела в случае неурожая за счет бедноты, косившей на мелких участках. Депутаты, избиравшиеся из почетных, зажиточных родовичей, как правило, определяли урожайность богатых значительно ниже действительной, а урожайность участков бедноты — значительно выше. В результате богатые скотовладельцы получали больше сена, а беднота не могла накосить даже того, что ей выделяло наслежное собрание.

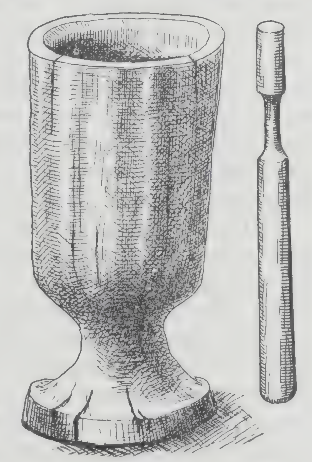

Рис. 61. Ручной жернов и ступа (*рис. М. М. Носова*)

Яркий пример пристрастной деятельности депутатов привел Н. А. Виташевский: расследование в одном из наслегов показало, что урожай сена на наделах зажиточных сородичей депутаты определили в полтора-два раза ниже действительного, а у бедноты, напротив,— выше действительного. Так, урожай на участках 30 зажиточных родовичей был определен депутатами в 723 воза, сняли же они 1256 возов сена. Урожай на участке старосты был определен в пять раз ниже действительного. Урожай же 16 родовичей бедняков и середняков был определен в 262 воза, а сняли они 165 возов сена. Таким образом, богачи получили значительно больше сена, чем им полагалось, а рядовые общинники — меньше [7].

[6] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 99.
[7] Там же, стр. 102

Махинации депутатов нередко вызывали жалобы. Так, например, родович Мойрудского наслега Шишигин в 1870 г. обратился в Якутское областное полицейское управление с жалобой, что депутат от наслега Ларионов отобрал часть его покоса и вспахал его хлебопахотный участок [8].

Во второй половине XIX в. в разделительных ведомостях стали упоминаться не только сенокосные и пастбищные участки, но и пашни. Так, в 1873 г. в Тулагинском наслеге Мегинского улуса был произведен земельный передел сроком на семь лет. В связи с этим родовичам были выданы письменные «виды», подобные следующему: «На беспрепятственное владение предоставлено родовичу Николаю Михайлову Николаеву по ведомости о разделе земель 25 июня сего 1873 года под № 7 на сенокошение в первом классе Отех кюре 7 сажен, Бютей ися 7 саж., итого могущей выйти выкашиваемой травы 14 саженей, и на потомственное хлебопашество Арылахка Томтор, Огохтарынь, Кення и Мохсоголорка, для скотского выпуска Арылахка и на жительство в летнее время Арылахка и Мохсоголорка» [9].

В северных округах — Колымском, Верхоянском — сложилась иная система землепользования. Там тоже было принято деление на классы; зажиточные и хозяйства с большим числом наличных работников-промышленников причислялись к первым классам по платежу налогов. Но покосы и иные угодья по классной системе на севере не распределялись, ибо там недостатка в этих землях не было.

В Колымском и Эльгетском улусах сенокосы около усадьбы считались не подлежащими переделу, по жребию здесь распределялись сенокосы между владениями (клинья, полосы) и удобные, но несколько отдаленные луга, далекие же угодья считались вольными покосами, которые мог косить любой родович. В некоторых наслегах Колымского улуса, где было много пустолежащих мест, пригодных для сенокошения, переделы производились редко. В Колымском улусе, как отмечал в 1883 г. Серошевский, не сложилось самое понятие частной собственности на участки, не находившиеся в непосредственном пользовании [10], а в Усть-Янском улусе якуты не могли даже описать границы своего улуса [11].

В Олекминском округе в связи с развитием хлебопашества якуты в 1891 г. были по их просьбе перечислены из разряда кочевых в разряд оседлых и уравнены в правах с крестьянами [12].

В конце XIX в. в ряде улусов наметилось стремление тойонов прекратить ежегодные поравнения и ограничиться общими переделами на 7—10 лет. В 1895 г. наслежное собрание Хоринского наслега Верхне-Вилюйского улуса постановило: «1-е. Раздел покосных мест, как у нас учиняется каждолетно через осмотры депутатов вознаграждением им от общества большой суммы денег, находим для нас обременительным и невыгодным и во 2-х исправление покосных земель по случаю каждолетнего нашего раздела идет не непрерывно» [13]. Ввиду этого в наслеге была составлена раздельная ведомость сроком на 10 лет. Плательщики были разделены на два класса: в I класс вошло 227, во II — 54 человека [14].

Общие переделы сенокосов вызывались не только окончанием срока действия разделительных ведомостей, но и отводом земель поселенцам, церковному причту, а также стихийными бедствиями. В 1891 г. наводне-

[8] ЦГА ЯАССР, ф. 43, оп. 1, д. 1025.
[9] Там же, д. 1313, лл. 4—5.
[10] В. Л. Серошевский. Указ. соч., стр. 487.
[11] Там же, стр. 481.
[12] И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской обл., стр. 96.
[13] ЦГА ЯАССР, ф. 34, оп. 1, д. 875, л. 2.
[14] Там же, лл. 4—12.

нием было затоплено и испорчено значительное количество сенных угодий в Мойрудском наслеге Мегинского улуса. Вследствие этого наслежный сход решил произвести общий передел угодий на три класса: «на 1-й класс — 1,5 пая, на 2 класс — 1 пай и на 3 класс — 0,5 пая». В каждый пай было решено отводить удобные и неудобные земли, а вновь получавших сенокосы (молодежь) — «наделять с уменьшением сенокоса и некоторых наделить из-под выпуска вод и из образовавшихся покосов» [15]. Раздел был произведен сроком на 10 лет, но в случае частичных неурожаев производились уравнения покосов.

Общинная форма землепользования, как уже отмечалось выше, не означала равенства членов общины в наделении землей. В 1892 г., как показала подворная перепись, в Батаринском наслеге Мегинского улуса земли распределялись таким образом: три хозяйства имели наделы, на которых ставилось от 10 до 40 остожий сена; 36 хозяйств — от двух до пяти; пять хозяйств — 1,5; 99 хозяйств — одно и 90 хозяйств — 0,5 остожья. Пятнадцать хозяйств не наделялось землей совсем. В Тарагайском наслеге того же улуса не было таких крупных владений, как в Батаринском, но земля распределялась также весьма неравномерно: 47 хозяйств владели участками, на которых ставилось от двух до четырех остожий сена; 64 хозяйства — 1,5; 119 хозяйств — одно и 65 хозяйств — 0,5. Без наделов оставались 39 хозяйств.

Классная система землепользования оставляла богачам многочисленные лазейки и для приобретения покосов сверх официальных наделов. В большинстве наслегов в земельных ведомостях на одно лицо записывался лишь один земельный пай того или иного класса, но обладатели больших стад записывали первоклассные наделы также на своих малолетних сыновей и работников. В некоторых наслегах богач попросту заносился сразу в I, II и III классы и получал три надела. За отдельными богатыми семьями сохранялись и наследственные участки: так, например, крупное заброшенное усадебное место (*ётёх*) обычно эксплуатировалось на правах частной собственности. В ряде наслегов старшинам и старостам предоставлялись за службу крупные участки, освобожденные от каких-либо обложений. Такие участки назывались *укаас кюрюё* (указной участок).

Нередко богачи на сходе требовали от наслега льготной передачи им сверхнадельных паев (*угаайы*), мотивируя это наличием у них большого количества скота. Обычно община соглашалась на наделение богача добавочным участком. В этом случае участок земли I класса записывался на имя какого-нибудь бедняка и передавался богачу в качестве угайы. Богач в свою очередь давал обещание помогать бедняку. В целях получения больших добавочных наделов богачи нередко прибегали к спаиванию сходов.

Как отмечалось выше, с разрешения наслежного схода многими якутскими хозяйствами производились «расчистки» и спуск озер с правом известное число лет пользоваться новыми сенокосами как своей собственностью. Таким путем богачи присваивали значительные пространства земли, сводя расчистки к пуску пала или даже к постройке юрты около облюбованного участка. Так, богач Слепцов из Намского улуса под предлогом расчисток закрепил за собой 100 дес. покосов. Нередко богачи присваивали себе расчистки, произведенные сообща всем наслегом. В 70-х годах староста Алагарского наслега Батурусского улуса Шеломов захватил в свое пользование расчистку, произведенную наслегом. Этот участок давал ежегодно до 500 возов сена.

Под предлогом постройки изгороди на пастбище для выпаса стреножен-

---

[15] ЦГА ЯАССР, ф. 43, оп. 1, д. 2180, л. 1.

ных лошадей или загона для телят тойонам также удавалось выкроить себе за счет общинных земель крупные сенокосы. В конце XIX в. были зарегистрированы случаи, когда в таких изгородях выкашивалось до 200 возов сена [16].

Кроме земель, подлежащих переделам, в каждом наслеге были естественные запасные сенокосы — отдаленные речки, озера, не удобные для жительства ни зимой, ни летом (из-за промерзания водоемов и невозможности добыть воду, отсутствия рыбы и т. п.). Такие места именовались *худой сир* — плохая земля, *апасынай сир* — опасная земля или *ойогос сир* — отдаленные участки. Пользование ими не налагало обязанности платить подати, что привлекало сюда бедноту. Но и богачи иногда находили для себя выгодным пользоваться такими участками, когда им не хватало выделенных покосов или в случаях неурожая трав. Нередко такие участки использовались для спекуляции: в урожайные годы богачи запасали на них сено и сбывали его в годы неурожая.

Хотя «классная система» землепользования давала улусным богачам возможность приобрести в пользование лучшие сенокосные угодья, обычно и эти угодья не удовлетворяли богачей. В таких случаях они прибегали к аренде покосов, получившей широкое распространение во второй половине XIX в. Богачи арендовали покосы, как правило, у зависимой бедноты и на самых выгодных для себя условиях. В 1892 г. родович Одунинского наслега Степан Корякин в своем прошении сообщал: «В 1886 году у сородца своего Захария Афанасьева (ныне покойного) по документу, засвидетельствованному установленным порядком, взял в кортом на 20 лет за цену 70 рублей покосное место, состоящее на озере Тукахаччи, где в июле сего года было скошено 70 копен сена» [17]. Таким образом, за участок, на котором ставилось 70 копен сена, богач платил всего 3 р. 50 к. в год.

По своим личным наблюдениям условия аренды описал в конце прошлого века В. Ф. Трощанский: «Обыкновенно осенью богачи дают нуждающимся якутам деньги, а те обязаны либо отдать известное количество своих покосов, либо поставить на будущий год определенное число возов со своего покоса, либо уплатить маслом. Всякий берущий деньги на таких условиях называется подрядчиком. За одно остожье, взятое в кортом, платят от 3 до 6 рублей, смотря по покосу, степени нужды и разным иным обстоятельствам. Под сено дают обыкновенно от 15 до 18 рублей за 30 возов, которые подрядчик должен поставить на своем покосе» [18].

Аренда сенокосов была своеобразным источником для ростовщических операций и обогащения. Дав подряд на 18 руб., т. е. заказав 30 возов сена, тойон получал его осенью, но сохранял до весны, когда цены на сено поднимались в два-три, а в неурожайные годы и в пять раз. Припасенное сено тойон продавал тем же беднякам зимой или весной, но за масло, которое они обязаны были ему поставить к августу. Таким образом, в пересчете на деньги, 30 возов сена, за которые было заплачено 18 руб., через полтора года превращались в 75 руб. [19]

Тойоны наживались также на ростовщических кредитах. И. И. Майнов приводит два примера, показывающие, как иногда мелкие долги через несколько лет превращались в огромные суммы. Родович Борогонского улуса занял у богача один воз сена с условием уплатить через год. Через

---

[16] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 109.

[17] ЦГА ЯАССР, ф. 41, оп. 1, д. 1392, л. 1.

[18] В. Ф. Трощанский. Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911, стр. 51.

[19] Там же, стр. 52.

Рис. 62. Тойон в князцовской форме с женой

пять лет за ним числился долг 15 возов сена, хотя он в разные сроки поставил кредитору 5 возов сена. В другом случае 2,5 ф. масла через 12 лет обросли такими процентами, что превратились в 162 пуда [20].

Зажиточные скотоводы всячески стремились увеличить число своих должников, так как за счет их наделов они увеличивали свои сенокосные угодья. В кабальной задолженности находились две трети населения Якутии. Несостоятельных должников тойоны заставляли работать в своем хозяйстве. Кроме того, зависимые хозяйства, формально сохранявшие самостоятельность, в счет долга поставляли своим патронам масло, мясо, сено. Такие поставки за долги приближались к натуральной ренте-оброку.

Наряду с кабальными займами богачи-тойоны широко практиковали традиционные способы эксплуатации: раздачу скота беднякам на летний выпас (*хасаас*), на зимний прокорм (*уостур*). Во второй половине XIX в. выработались определенные твердые нормы поставки продуктов за скот, взятый на выпас, для бедняков крайне невыгодные.

Тойоны использовали в своих хозяйствах труд инвалидов — *кумаланов*, нищих, передававшихся им на прокорм наслежным собранием. Кумаланов принуждали молоть зерно, доставлять дрова, сено, лед, обрабатывать шку-

[20] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 114.

ры и т. д. Многие богачи брали в дом сирот или детей бедняков «на воспитание» и нещадно их эксплуатировали. Положение воспитанников обычно было столь тяжелым, что напоминало рабство; показательно, что нередко детей отдавали «на воспитание» не даром, а продавали за деньги. В некоторых случаях в домах тойонов эксплуатировались и бедные соседи — дюккахи, переселявшиеся на зиму в обширную юрту богача. За право проживания они несли все тяготы по содержанию жилища — доставляли дрова, лед, чистили хотоны и т. д. На летних сенокосных работах тойоны обычно применяли наемный труд. Батраками — *хамначитами* чаще всего оказывались задолжавшие и зависимые однонаслежники тойона.

Концентрация земель в руках богачей подрывала благосостояние рядовых якутских хозяйств. В засушливые годы эти хозяйства нередко оставались без сена, должны были откочевывать в восточные округа или лишались своего скота. Обнищание народных масс усилилось, а с ним участились и случаи протеста бедноты против несправедливого раздела покосов. Чаще всего борьба за землю проявлялась в форме бесконечных жалоб на земельные неурядицы, но не редкостью были и острые конфликты из-за земли на наслежных сходах. «Есть наслеги,— писал по своим наблюдениям 90-х годов Н. А. Виташевский,— боевой характер жизни которых известен далеко за пределами улуса. Смело, решительно, без всякой боязни за завтрашний день выступает там низший класс общины на борьбу с наслежными «авторитетами» из-за наделения землею безземельных и более равномерного распределения поземельного владения вообще» [21].

Обычно недовольная своими мизерными наделами беднота требовала уравнительного перераспределения покосов. Богачи, желая направить недовольство в безопасное русло, сохранить свои наделы, а вместе с тем и поживиться за счет соседей, обычно уговаривали сородичей требовать прирезки земель за счет соседних наслегов. Так, например, в 1886 г. староста Мегюренского наслега Мегинского улуса подал иркутскому губернатору Игнатьеву прошение о наделении его наслега землями за счет соседних наслегов, мотивировав свою просьбу тем, что Мегюренский наслег пострадал от наводнения. Однако собрание родоначальников Мегинского улуса в 1890 г. отказалось выполнить распоряжение губернатора о наделении Мегюренского наслега землей, указав, что все наслеги находятся почти в таком же бедственном положении [22].

Многочисленные тяжбы между наслегами за пограничные участки тянулись десятками лет. Около 20 лет продолжалась тяжба между Алтанским и Эмисским наслегами из-за покосов возле озера Куду. В 1864 г. родовичи Эмисского наслега спустили это озеро, находившееся на границе с Алтанским наслегом. Родовичи Алтанского наслега подали жалобу, что спуск озера нанес им ущерб. В 1867 г. между Алтанским и Эмисским наслегами было заключено соглашение, по которому эмиссцы уступили третью часть образовавшихся после спуска озера покосов алтанцам. Но через несколько лет, когда озеро Куду еще больше высохло, из-под воды появились новые покосы. Алтанцы потребовали прирезки, эмиссцы не соглашались. Спор тянулся до 1893 г. и был решен в пользу эмиссцев [23].

Тяжбы велись и между целыми улусами. Дюпсинский улус в течение ряда лет требовал прирезать к нему от Намского улуса остров Бакчa на Лене и урочище Тарахана. Дюпсинцы мотивировали свое требование тем,

---

[21] Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Указ. соч., стр. 126.
[22] ЦГА ЯАССР, ф. 43, оп. 1, д. 2179
[23] Там же, д. 2176, лл. 106—108.

что намцы постоянно сдают им в аренду эти участки, а также тем, что у намцев сена много и они его продают. Иногда подобные споры приводили к некоторому изменению границ улусов: так, от Баягантайского улуса были отрезаны земли в пользу Борогонского улуса [24].

Нередко влиятельные тойоны, опасаясь урезки своих владений членами других родов данного наслега, возбуждали ходатайство о выделении их с группой близких хозяйств в отдельный наслег. В связи с этим дробление наслегов в начале XX в. усилилось. Так, например, к 1912 г. Мойрудский наслег Мегинского улуса распался на шесть наслегов. Дело началось с того, что глава одного из родов, тойон Сергеев, чтобы закрепить за собой право на хороший сенокосный участок, добился выдела своего рода в отдельный наслег; богачи остальных родов этого наслега, спасая свои владения, добились того же [25].

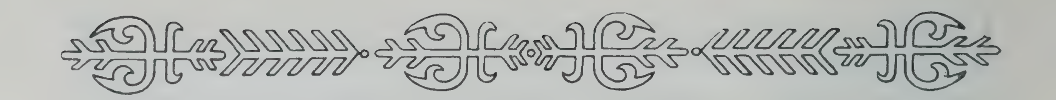
Таким образом, несмотря на возникновение приисков и развитие элементов капиталистических отношений в Якутской области, хозяйство основной массы якутских крестьян оставалось на низкой ступени развития, и в якутских улусах и наслегах по-прежнему процветали традиционные полупатриархальные-полуфеодальные формы эксплуатации.

---

[24] В. Л. Серошевский. Указ. соч., стр. 485.

[25] С. А. Токарев. Очерк истории якутского народа, стр. 186—187

ГЛАВА XX

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

После непродолжительного пребывания в Якутской области на рубеже 1820—1830-х годов небольшой группы декабристов ссылка за государственные преступления в этот далекий край прерывается на три десятилетия. К середине 60-х годов здесь было лишь трое ссыльных: поручик лейбгвардии Григорьев, высланный по суду на поселение в Якутскую область за революционную агитацию среди солдат; Иосиф Ольшевский, выданный в Гамбурге царскому правительству с «возмутительными прокламациями к русским солдатам и другими преступными сочинениями, напечатанными в Лондоне», и доживавший свою почти 40-летнюю ссылку декабрист П. Ф. Выгодовский.

Но вот в 1863 г. в Польше вздымается грозная волна национально-освободительного движения, и в ближайшие вслед за тем годы в Сибирь ссылаются тысячи участников этого движения (по некоторым данным, 18 623 человека, включая членов семей) [1]. Главная масса их была сослана в Томскую, Иркутскую, Тобольскую и Енисейскую губернии, но небольшая группа и в Якутскую область. Ссыльных этой категории в официальных документах того времени именовали политическими преступниками. В 1869 г. к Якутскому округу было приписано 140 ссыльных поляков [2]; в 1881 г. по всей области их числилось 95 человек: 47 человек — в Якутском округе, 24 — в Олекминском, четыре — в Вилюйском, один — в Верхоянском и 19 — в г. Якутске [3].

Небольшую часть польских повстанцев, сосланных в Якутию, составляли видные участники событий 1863 г.: Ян Франковский, один из основателей тайной повстанческой организации «Комитет движения», Фаддей Россиновский, командир вооруженного отряда, Юлиан Выремб овский, участник одной из революционных организаций Варшавы, Иосафат Огрызко, один из идейных вдохновителей и организаторов восстания, приговоренный к смертной казни, которая была заменена ему пожизненной каторгой. Вместе с небольшой группой других активных участников движения 1863 г. Огрызко после каторги был поселен в Вилюйском тюремном замке, специально выстроенном для них в 1866 г.

Большинство же ссыльных поляков относилось к категории рядовых повстанцев и военнослужащих, осужденных за дезертирство, неподчинение командирам, содействие побегу из-под ареста участников восстания и т. п. Почти все они были сосланы после перенесенного по приговору военных и военнополевых судов телесного наказания. Это были типичные предста-

---

[1] С. Максимов. Сибирь и каторга. Политические и государственные преступники, ч. III. СПб., 1871, стр. 80.

[2] ЦГА ЯАССР, ф. 15, д. 1, л. 179.

[3] ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 2220, лл. 138, 162, 183—185.

вители низов, простого народа, составлявшие основное ядро участников национально-освободительного движения 1863 г. Говоря о последнем, Энгельс писал: «Отпадает всякая вздорная болтовня об аристократическом по существу характере польского движения. В польской эмиграции найдется немало людей с аристократическими поползновениями; но как только в движение вступает сама Польша, оно становится насквозь революционным, как мы видели в 1846 и 1863 годах. Эти движения были не только национальными, они были в то же время прямо направлены к освобождению крестьян и к передаче земли в их собственность» [4].

Руководствуясь полученными из департамента полиции указаниями, в Якутской области поляков тщательно разобщали, расселяя обычно по одному человеку в наслег, главным образом в Борогонском, Батурусском, Восточно-Кангаласском и Намском улусах. Лишь 15—20 поляков постоянно жили в Якутске.

Положение ссыльных, особенно в первые годы, было тяжелым: они не знали языка местного населения, а многие даже и русского языка, попали здесь в непривычные бытовые условия, в суровую северную обстановку. Один из ссыльных спустя много лет вспоминал: «Нас расселили по такому громадному пространству, что иногда по целым годам не было сведений о товарищах... здесь впервые каждый самостоятельно выступил на борьбу за существование — трудную, ужасную борьбу... Чужбина... Кругом незнакомые... Многие с трудом объяснялись по-русски... Сколько погибло в этой борьбе!» [5].

Наслежные родоначальники и улусные головы ежемесячно докладывали о поведении, образе мыслей и отношении к царскому правительству своих поднадзорных «политических преступников». Так, Дюпинский улусный голова, ведший наблюдение за тремя ссыльными, ухитрился установить, что все они «поведения неблагонадежного и вредного образа мыслей». Однако чаще всего поведению ссыльных давалась положительная характеристика, примерно в таких выражениях: «со времени причисления образа жизни и мыслей... скромные..., ведут себя честно..., никаким развращением и святотатством не занимаются».

Главной заботой ссыльных поляков, в большинстве выходцев из городской и сельской мелкой буржуазии, были поиски средств к существованию. Казенное пособие выдавалось лишь единовременно, в немногих случаях и только тем лицам, которые, по определению улусных управ, относились к самому «бедному состоянию». В 1867 г. пособие получили 10 человек, в 1868 г.— семь и т. д., притом иногда только по 2—3 рубля [6]. Порой материальную помощь оказывали якутские наслежные общества. Так, в 1868 г. в течение нескольких месяцев получал от Намской управы по 2 пуда муки А. Старжинский.

Некоторые заработки, чаще всего случайные, имели поляки, жившие в Якутске. Здесь они занимались перепиской бумаг у частных лиц, кузнечным, слесарным и переплетным ремеслом, «деланием папирос» и т. п. Среди них попадались часовщики, иконописцы, портные. Но все они встречали сильную конкуренцию со стороны местных кустарей и ремесленников. Все же положение ссыльных поляков, оставленных в Якутске или Олекминске, было значительно легче, чем положение тех, которые были расселены по якутским наслегам.

В окружении разбросанных по тайге полунищих якутских хозяйств, в условиях чрезвычайно редкого населения найти заработки было почти не-

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 222.
[5] «Каторга и ссылка», 1928, № 12, стр. 93.
[6] ЦГА ЯАССР, ф. 15, д. 24, л. 11.

возможно. Поэтому в донесениях из улусов преобладали сообщения о том, что поляки «ничем не занимаются». В 1867 г. из 40 ссыльных четырех центральных улусов Якутского округа только двое выполняли какие-то «мелочные домашние работы» у зажиточных якутов, а остальные никаких определенных занятий не имели. Такие лица обычно стремились на Витимско-Олекминские прииски, поглощавшие много рабочей силы. И хотя рабочих там ждала жестокая эксплуатация со стороны золотопромышленников, другого выхода из положения не было. К 1 января 1869 г. из 140 поляков, сосланных в Якутскую область, в золотопромышленности работало 37 человек; в 1880 г. из 48 человек, причисленных к Якутскому округу, на приисках работали 35 человек.

Небольшая часть ссыльных занималась сельским хозяйством. Некоторые из них, став пионерами хлебопашества в своем наслеге, достигали порядочных успехов, подавая хороший пример скотоводам-якутам и в какой-то степени способствуя внедрению земледельческой культуры в крае. Так, например, в 1868—1880 гг. земледелием занимались: в Борогонском улусе — Барщевский, в Намском — Громадзицкий и Шильтовский, в Жулейском наслеге Батурусского улуса — Вовоженец, в Амге — Щавинский, Вырембовский и Пекарский, в с. Добром — Острога и др. В отдельных случаях хозяйства ссыльных достигали значительных размеров, но только благодаря наемному труду. Таково было хозяйство поселенного в 1871 г. в 3-м Бологурском наслеге Батурусского улуса Витковского, женившегося на зажиточной амгинской крестьянке. В 1883 г. в девяти кладях у него было сложено 3 тыс. снопов, давших около 500 пуд. зерна; в следующем году он получил до 4 тыс. снопов хлеба и поставил 300 копен сена, достаточных для прокорма 35 голов скота [7]. Но такие крупные, кулацкого типа хозяйства составляли редкое исключение.

Имена некоторых ссыльных поляков связаны с историей геолого-географического изучения севера и северо-востока Якутии: это — участники движения 1863 г. А. Л. Чекановский, С. И. Венгловский и И. Д. Черский, которые до своего появления в Якутском крае отбывали ссылку в Иркутской губернии [8].

Следующую после польских повстанцев группу политических ссыльных в Якутии составляли участники покушения Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.). Сам Каракозов был повешен, а из членов его кружка шесть человек — И. Худяков, Н. Странден, П. Юрасов, В. Шаганов, П. Ермолов и М. Загибалов — сосланы в Якутию и расселены по разным улусам.

Тяжелее всех из этой группы оказалась участь И. А. Худякова — молодого талантливого фольклориста и этнографа. Сослали его в Верхоянск — один из самых отдаленных и глухих углов Якутии. На место ссылки Худяков был доставлен совершенно больным и разбитым.

В своей незаконченной автобиографии Худяков с горечью писал о жизни в ссылке: «Людям, относящимся ко всему, кроме жвачки, с равнодушием коровы, трудно понять всю тяжесть агонии человека, находящегося в моем положении. Жить вместе с телятами, по целым дням голодать, при невозможности работать что-нибудь дельное, среди общества самых пошлых ябедников, среди людей, все мысли которых и поступки возмущают душу, не иметь более года никаких известий от самых близких и дорогих людей, ждать их по целым дням и снова ничего не получать; наконец, видеть ужасные бедствия родной страны...» [9]. Положение усугубляли

---

[7] ЦГА ЯАССР, ф. 12, д. 7395, оп. 1, л. 34.
[8] См. ниже, стр. 356 и сл.
[9] «Каторга и ссылка», 1926, № 7—8, стр 177.

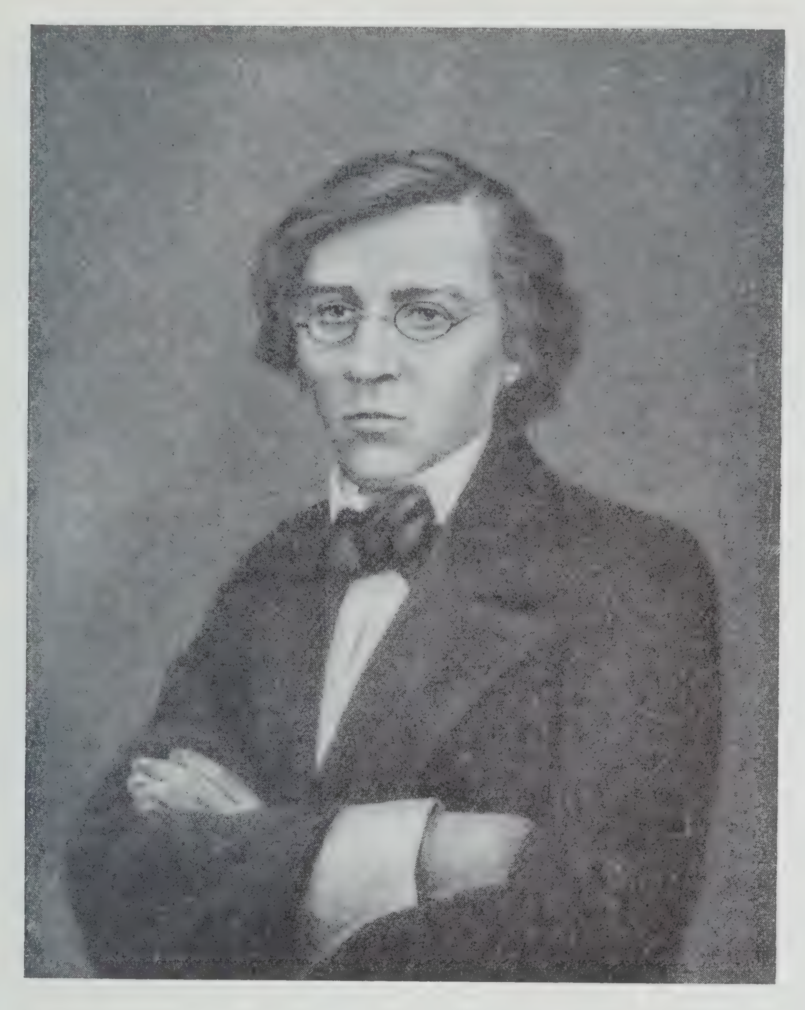

Рис. 63. Н. Г. Чернышевский

частые, хотя и всегда бесплодные, обыски, производившиеся полицией в поисках запрещенных книг и рукописей.

Первое время Худякова отвлекала от мрачных мыслей научная деятельность, которой он отдался со всем пылом, но сил его хватило ненадолго. Постепенно он лишился сна и аппетита, появились бредовые идеи. В минуты просветления Худяков посылал матери душераздирающие письма. Три года хлопотала мать Худякова о переводе сына в иркутскую больницу для душевнобольных, но с трудом добилась только его отправки в Якутск. Здесь, после четырехлетнего медицинского наблюдения, врач Бриллиантов, наконец, решился дать осторожное заключение о том, что «умственные способности Худякова не в порядке», на основании чего Худякова перевели в иркутскую психиатрическую больницу, где он и умер 19 сентября 1876 г. [10].

Особое место среди якутских ссыльных принадлежит одному из великих людей России — Н. Г. Чернышевскому. Чернышевский был беззакон-

[10] Там же, стр. 188 и др.

но осужден на каторгу по указанию Александра II. После отбытия Чернышевским срока каторжных работ в Забайкалье царь распорядился перевести его в Вилюйскую тюрьму, а не на поселение в один из городов Сибири, как предусматривал судебный приговор. Чернышевского поселили в Вилюйском тюремном замке, где перед тем томились польские революционеры Огрызко и др. Здесь Чернышевский провел почти 12 лет: с 11 января 1872 г. по 2 сентября 1883 г.

Условия его жизни были крайне тяжелые: однообразная пища, болезни, неотступное наблюдение жандарма и т. д. Но Чернышевский не падал духом. Для поддержания здоровья он занимался физическим трудом, гулял, иногда удаляясь в близлежащие леса. Он охотно заводил знакомство с жителями Вилюйска и приезжими якутами.

Входя в общение с местным населением, Чернышевский старался приносить ему посильную пользу. «Я даю мудрые советы относительно земледелия, ухода за лошадьми; я, не умеющий отличать соху от плуга, старую лошадь от жеребенка,— писал он шутливо жене 1 ноября 1873 г.,— и все-таки мои советы действительно мудры» [11]. Познакомившись с сосланными в Вилюйск старообрядцами Чистоплюевым и Головачевой и пораженный произволом властей и вопиющей судебной несправедливостью в их деле, Чернышевский написал об этом пространную записку на имя шефа жандармов.

Отношение Чернышевского к якутам было глубоко человечным. Его трогала их тяжелая, полунищенская жизнь. За грязной, рваной одеждой он сумел разглядеть прекрасные сердца и способности простых людей. «Люди здесь добры,— отзывался он о местных жителях,— почти все честны; некоторые, при всей своей темной дикости, положительно благородные люди. Но видеть, как они живут, бедняжки..., видеть их нищую — даже и при деньгах нищую — жизнь, видеть это — мутит душу» [12]. Присматриваясь к якутам, Чернышевский пришел к заключению, что эти люди «и добрые, и не глупые; даже, может быть, даровитее европейцев (говорят, что якутские дети учатся в школах лучше русских)» [13].

Большим утешением для Чернышевского, обреченного на вынужденное безделие в вилюйской глуши, являлись книги, которых много посылали ему жена и двоюродный брат, А. Н. Пыпин. «Все читаю, читаю и читаю. Только в этом и проходит все время, за исключением двух, трех получасов, которые — по получасу за один прием — употребляю на прогулку»,— писал он 1 ноября 1873 г. [14], а через три года повторял: «Мои глаза до сих пор не знают усталости ни от чтения, ни от письма по 16, 17 часов в сутки сплошь» [15].

Действительно, Чернышевский не только много читал, получая книжные и журнальные новинки, но и писал, о чем сохранился ряд свидетельств очевидцев и что видно из его писем. Но, опасаясь обысков, почти все написанное он сразу же сжигал и из его рукописей уцелело очень немногое. Наиболее значительным из произведений, написанных в вилюйский период его жизни, является повесть «Отблески сияния», случайно уцелевшая и опубликованная лишь после Октябрьской революции, в 1928 г. Огромную ценность представляют многочисленные письма Н. Г. Чернышевского к жене и детям. Только в этих письмах имел он возможность высказывать свои убеждения, мысли и взгляды. В этой пе-

---

[11] «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», вып. I, СПб., 1912, стр. 74.
[12] Там же, стр. 43.
[13] Там же, стр. 40.
[14] Там же, стр. 73.
[15] Там же. вып. II, СПб., 1913, стр. 40.

реписке он затрагивал множество самых разнообразных серьезных и острых вопросов, касавшихся различных отраслей знаний — от истории, философии и литературы до математики, проявляя при этом поразительную широту взглядов и интересов, глубину и оригинальность научного мышления, необыкновенную память и блестящую эрудицию. Письма Чернышевского содержат немало интересных замечаний о том далеком крае, куда его забросило царское правительство, и о будущем этого края. В то время как существовало ходячее мнение, идущее еще от XVII в., что главную роль в экономике Якутской области играют пушной промысел и связанные с ним торговые обороты, Чернышевский в 1873 г. высказал иную точку зрения: «Главные обороты — не пушная торговля, конечно; о ней много толкуют в России, в Европе; но она — мелкая торговля; несравненно важнее для здешней и собственно якутской части Якутской области — поставка мяса на золотые прииски» [16]. Так Чернышевский первый сумел правильно понять и оценить влияние ленской золотопромышленности на развитие экономики якутского животноводческого хозяйства.

Чернышевский верил в лучшее будущее якутского народа и его страны: «Через несколько времени будут жить и якуты по-человечески»,— уверенно предсказывал он, убежденный в неизбежности победы нового социально-экономического строя.

Даже заточив Чернышевского в далекую Вилюйскую тюрьму, изолировав его от народа, Александр II и шеф жандармов не обрели покоя. Они понимали, что имя их жертвы дорого тысячам людей, особенно революционерам-народникам, которые считали Чернышевского своим идейным вождем, и молодежи, смотревшей на Чернышевского как на своего лучшего учителя. Опасаясь, что найдется немало революционеров, которые пойдут на все ради освобождения Чернышевского, власти беспрерывно требовали от вилюйского исправника усиления надзора за узником. Они подозревали то какого-то швейцарского революционного деятеля Бенгара, который якобы отправился специально для этой цели из Америки в Сибирь; то эмигрантов Утина и Бакунина: то бывшего ссыльного, участника польского восстания 1863 г. геолога Чекановского, отправившегося с экспедицией в Якутию. Перепуганный постоянными грозными предупреждениями исправник стал просить перевода Чернышевского в другое место или присылки для надзора за ним 70 солдат и офицера; иначе он не брал на себя ответственности за его охрану [17].

И действительно, была предпринята необычайно смелая попытка освобождения Чернышевского. 12 июля 1875 г. в Вилюйск неожиданно приехал жандармский поручик, назвавший себя Мещериновым, и предъявил документы, обязывавшие исправника выдать ему «государственного преступника» Чернышевского для сопровождения в новое место ссылки — г. Благовещенск. Но исправник имел строгое предписание никому не выдавать Чернышевского без особого на то разрешения якутского губернатора. К тому же Мещеринов приехал без подорожной и сопровождающих жандармов и не обычной дорогой через Якутск, а редко кем используемым путем через Сунтар; он проявил излишнюю поспешность и горячность, не желая, несмотря на проделанный им огромный и тяжелый путь от Иркутска, задерживаться в Вилюйске ни на один час. И, наконец, в его форме было обнаружено странное упущение — аксельбант был

---

[16] «Чернышевский в Сибири. Переписка с родными», вып. I, стр. 77.

[17] М. Я. Струминский. Н. Г. Чернышевский в вилюйской ссылке. Якутск, 1939, стр. 61.

надет не на то плечо. Поэтому, несмотря на крайнюю настойчивость энергичного жандармского поручика, исправник отказался выдать ему Чернышевского и даже не допустил Мещеринова в тюрьму, предложив поехать в Якутск и привезти оттуда разрешение губернатора. Мещеринов вынужден был согласиться. Сопровождаемый казаками, он отправился в Якутск, но на полпути пытался бежать, ранив одного из своих конвоиров. Была снаряжена погоня; мнимый поручик Мещеринов был пойман и отправлен в Иркутск, где следствие признало в нем известного революционера Ипполита Ивановича Мышкина.

Каторга и годы, проведенные Н. Г. Чернышевским в Вилюйске, подточили его здоровье, ослабили физические силы, но не сломили революционного духа и ненависти к самодержавию. Он оставался таким же стойким в своих революционных убеждениях, каким был и в юношеские годы. В 1875 г. Чернышевскому представился случай вырваться из Вилюйской тюрьмы, вернуться на родину, к дорогим и близким ему людям. Из Иркутска был послан к нему со специальным поручением адъютант генерал-губернатора Восточной Сибири Винников. Стоило Чернышевскому подписать заранее заготовленную от его имени просьбу о помиловании, и он мог получить свободу. Но, прочтя прошение, он вернул его Винникову и, не задумываясь, спокойно и решительно сказал: «Благодарю. Но, видите ли, в чем же я должен просить помилования? Это вопрос. Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроена на разный манер,— а об этом разве можно просить помилования? Благодарю вас. От подачи прошения я положительно отказываюсь»,— и сделал на бумаге подтверждающую эти его слова надпись [18].

Освобождение Н. Г. Чернышевского последовало только в 1883 г. под сильным давлением общественного мнения и революционных организаций. После 20-летнего пребывания в крепости, на каторге и в Вилюйской тюрьме Чернышевский был вывезен из Вилюйска под именем «секретного преступника № 2». Переезд был совершен в обстановке глубокой тайны, о нем не знал даже якутский прокурор.

Однако на свободе Н. Г. Чернышевский прожил недолго: в 1889 г. умер этот, по выражению Энгельса, «великий мыслитель, которому Россия бесконечно обязана столь многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя» [19].

Конец 1870-х годов и особенно 1880-е годы ознаменовались в истории Якутии появлением здесь уже многочисленных представителей второго поколения русских революционеров — революционеров-разночинцев.

В истории революционного движения в России 70-е годы известны как эпоха «хождения в народ». Но крестьянство, на которое народники делали свою единственную ставку, за ними не пошло, и их движение потерпело полный провал. В 1873—1874 гг. было арестовано и брошено в тюрьмы около 2 тыс. народников; спустя некоторое время, после суда, многие из них попали в Якутию.

Из 313 «политических преступников», сосланных в Якутию с 1863 по 1890 г., 298 человек, т. е. 95,2%, являлись народниками и народовольцами [20].

По социальной принадлежности, общественному положению, роду занятий и образованию состав ссыльных 1870—1880 гг. характеризуют

---

[18] «Русское богатство», 1905, № 11—12, стр. 173.
[19] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 389.
[20] «100 лет якутской ссылки». М., 1934, стр. 175—176.

следующие цифры. В числе 313 ссыльных этого периода 174 человека, или 56%, имели высшее и среднее образование и принадлежали к числу студентов или людей интеллигентных профессий (врачи, учителя, адвокаты, агрономы и т. п.). Среди ссыльных было еще по крайней мере 30% дворян. Все эти данные подтверждают характеристику, которую В. И. Ленин давал «эпохе разночинца или буржуазно-либеральной».

Партийный состав якутской ссылки меняется лишь с 90-х годов, когда на историческую сцену выступает новая сила — социал-демократия, вождь и руководитель быстро растущего рабочего класса. С 1891 по 1900 г. в Якутскую область было выслано за «государственные преступления» 153 человека, в их числе 66 представителей народничества и 53 социал-демократа (партийная принадлежность остальных ссыльных не выяснена). Соотношение между ними быстро менялось: если за 1891—1895 гг. прибыло 28 народников и только пять социал-демократов, то за 1896—1900 гг. на 38 народников приходилось уже 48 социал-демократов.

До 1878 г. ссылка революционеров в Якутию носила случайный характер. Со времени появления здесь первого — не считая поляков — политического ссыльного (1863 г., Н. Григорьев) и по 1878 г. сюда был сослан только 21 человек.

Однако 8 августа 1878 г. встревоженный ростом революционного движения Александр II утвердил специальное «Положение», узаконившее массовую административную высылку революционеров под надзор полиции в Восточную Сибирь. При этом ее крайняя северо-восточная часть, Якутская область, предназначалась для тех ссыльных, ранее водворенных в разные губернии Европейской России, которые были «уличены в покушении на побег» [21]. «Положение» об административной ссылке в Якутскую область, без замедления введенное в жизнь, резко усилило приток ссыльных революционеров: в 1879 г. их прибыло 15, в 1880 г.— 31, в 1882 г.— 22 человека.

В 1882 г. последовало распоряжение о поселении в Якутскую область «государственных преступников каторжного разряда», отбывших срок наказания в Карийской тюрьме (Забайкалье). 18 апреля того же года в № 82 «Правительственного вестника» было опубликовано «Положение о полицейском надзоре», всецело отдававшее сотни и тысячи «вредных для общественного спокойствия лиц» во власть губернаторов. С нескрываемым цинизмом авторы «Положения» писали: «Административная ссылка, как мера предупредительная, применялась обыкновенно в тех случаях, когда рассмотрение дела судебным порядком, по различным соображениям, было невозможным, и, следовательно, имелась в виду лишь одна цель: устранить человека из сферы его деятельности, поставить его в такие условия, где бы он не мог распространять на окружающих своего вредного влияния, и вместе с тем, сам находился вне влияния той среды, которая сделала его личностью опасною. Стремясь к осуществлению этой цели, правительство избрало Сибирь местом водворения административно-ссыльных» [22].

Правом высылки в административном порядке, без суда и при отсутствии каких-либо улик, только по одному подозрению в революционной деятельности, политической неблагонадежности и т. п. царское правительство пользовалось в очень широких размерах. «...За всякое открытое и честное слово в России могут схватить человека по простому приказу

---

[21] М. Кротов. Якутская ссылка 70—80-х годов. М., 1925, стр. 11.
[22] Там же, стр. 13.

полиции, бросить его, без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь» [23],— писал В. И. Ленин в 1889 г. В качестве мотивов для административной ссылки в Якутскую область часто встречаются такие формулировки: «политическая неблагонадежность» (В. Бать, высланный в 1880 г., А. Орлов — 1881 г., Я. Аренков — 1887 г., типичный либерал врач Я. Белый — 1880 г. и многие другие), «легкомыслие и безнравственность» (А. Головачев — 1880 г.), «несносный и дерзкий характер» (В. Кизер — 1882 г., М. Гуревич — 1888 г.), «крайне враждебные убеждения» (Ф. Долинин — 1882 г.), «как личность безусловно вредная» (А. Дорошенко — 1880 г.) и т. д. Десятки лиц были сосланы в Якутию только за «дерзкие слова» по адресу царя или членов его фамилии [24]. 22 мая 1886 г. Министерство внутренних дел договорилось с Министерством юстиции об административной ссылке революционеров из числа евреев преимущественно в самые отдаленные округа области — Верхоянский и Средне-Колымский.

В результате широко практиковавшейся царизмом ссылки в Якутскую область всех категорий «государственных преступников» (по окончании срока каторжных работ в Забайкалье, на поселение по суду, в ссылку по суду и главным образом в административном порядке) здесь за последние три десятилетия XIX в. перебывали представители всех революционных партий, групп и кружков России.

Почетное место среди политических ссыльных Якутии принадлежит первым рабочим-революционерам. Из них особенной известностью пользовался ткач Петр Алексеев, герой «процесса 50-ти» (1877 г.), проводивший активную революционную пропаганду среди московских рабочих и наряду с Халтуриным занимавший виднейшее место среди революционных деятелей 60—70-х годов [25].

Другими рабочими-революционерами, сосланными в Якутию, были петербургские ткачи Д. Александров, Д. Герасимов и В. Павлов, осужденные в 1875 г. за распространение революционной народнической литературы и прокламаций на фабриках Чешера и Торнтона, член «Южнороссийского союза рабочих» И. Ребицкий, члены «Северного союза русских рабочих» слесари А. Гусев и А. Павлов.

Среди народников в якутской ссылке выделялись видные организаторы «хождения в народ» и главные фигуры процесса «193-х» (1878 г.) мировой судья П. И. Войнаральский и кандидат математики С. Ф. Ковалик, организатор «Чигиринского бунта» (1877 г.) Я. Стефанович, создатели организации «Земля и воля» М. Натансон и О. Аптекман, судившиеся в 1877 г. за пропаганду среди петербургских рабочих — членов «Общества друзей» металлисты А. Петерсон и В. Шкалов, учитель Н. Хазов и студент Н. Кузнецов.

Наконец, 90-е годы знаменуются появлением в якутской ссылке третьего поколения русских революционеров: революционных социал-демократов, марксистов. В числе первых русских марксистов в якутской ссылке периода 1890 — начала 1900-х гг. были организаторы и активные участники I съезда РСДРП (Б. Л. Эйдельман), одного из первых социал-демократических кружков Петербурга (М. И. Бруснев) и Москвы (С. И. Мицкевич), Петербургского, Московского и Киевского союзов борьбы за освобождение рабочего класса (М. Лурье, В. Перазич-Солодухо, А. Полак), польского рабочего движения (А. Шерлих, В. Веселовский, Р. Ратынский), пер-

---

[23] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 285.

[24] См. М. Кротов. Указ. соч., Приложение: «Материалы к биографическому словарю якутской политической ссылки 70—80-х годов», стр. 161—242.

[25] См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

вых социал-демократических кружков Одессы (И. Калашников, Г. Цыперович, Ю. Стеклов) и др.

Отправляя революционеров в якутскую ссылку, царское правительство создавало для них здесь, как и в других местах, самые тяжелые условия жизни. Многочисленные циркуляры крайне сужали возможность подыскания каких-либо занятий и заработков. Всем категориям ссыльных запрещалось обучение детей, участие в театральных представлениях, государственная и общественная служба, торговля книгами и многое другое. Лишь в виде исключения их могли допускать к канцелярской работе и медицинской практике. Почти единственными незапрещенными занятиями были для ссыльных сельское хозяйство и ремесла, но и тут были большие трудности. Ссыльно-поселенцы и ссыльно-каторжане имели перед административно-ссыльными то преимущество, что им должны были выделять землю для занятия сельским хозяйством в пределах до 15 дес. Но в Якутской области все лучшие земли — пахотные, луга и пастбища — издавна были захвачены кулацко-тойонской верхушкой. Периодическое перераспределение земель, проводимое наслежными обществами, не меняло этого положения. Князцы и тойоны, владея лучшими участками земли и в то же время занимая почти все должностные посты в наслегах и улусах, решительно противились выделению земли ссыльным. Архивные документы сохранили немало жалоб ссыльных на многолетнюю волокиту с отводом земли и даже на категорические отказы в отводе, несмотря на положительное решение наслежных сходов, или же на отвод заведомо негодных заболоченных или засоленных земель.

Освоение земли и налаживание хозяйства, особенно в первые годы, было для ссыльных трудным делом не только из-за суровых природных условий, но и нередко из-за сопротивления местных богатеев. Когда в 1870 г. каракозовец П. Д. Ермолов, живший в Намском улусе, впервые вспахал целину, то на другое утро следов пахоты он уже не обнаружил: оказалось, что по приказу матери местного тойона Афанасьева ее батраки за ночь перевернули вверх травой поднятые им пласты земли [26].

Совершенно противоположным было отношение к ссыльным со стороны трудящихся якутов, которые часто оказывали земледельцам из ссыльных большую помощь, выручая в тяжелые времена. Живший в 80-х годах в Баягантайском улусе К. Ф. Казакевич в одном из заявлений губернатору писал: «Благодаря помощи якутов я завел кой-какое хозяйство, но в первый же год засухи и морозы погубили все результаты моих трудов и, если бы не якуты, я бы голодал уже и в прошлом году, но они опять помогли мне и, хотя я жил нищенски, все же таки мне удалось койчто припасти для летних работ» [27].

Однако трудящиеся якуты, сами вечно полуголодные, мало могли помочь ссыльным. Находить заработки было очень трудно. На материальную поддержку родных и друзей большинство ссыльных, принадлежа к малоимущим слоям, также не могло рассчитывать, а казенное пособие было таким незначительным (в разное время от 4 р. 50 к. до 15 руб. в месяц), что при отсутствии других средств к существованию обрекало на полуголодное существование.

Привезенный в 1879 г. в Верхоянск Ф. Лунг, не получая первое время пособия от казны и не находя никаких заработков, решился на убийство исправника, считая, что тюрьма и каторга лучше, чем его положение в ссылке [28]. Г. Новоселов в Средне-Колымске (1880 г.) был «поставлен

[26] Н. С. Тютчев. В ссылке и другие воспоминания. М., 1925, стр. 81.
[27] М. Кротов. Указ. соч., стр. 52.
[28] Там же, стр. 74.

в положение человека, которого ожидает смерть от голода»[29]. С. Геллер писал из Баягантайского улуса исправнику: «В мае и июне (1882 г.— *Ред.*) я совместно с Петерсоном положительно-таки голодал, когда же в августе остатки незатопленного наводнением ячменя начали дозревать, мы питались исключительно колосьями, перетирая их в руках... Мы голодаем и будем голодать всю зиму и будущее лето, если не получим никакой помощи»[30]. Архивы хранят множество подобных документов, ярко иллюстрирующих ужасные материальные и бытовые условия, умышленно созданные царизмом для якутских ссыльных.

Немало ссыльных преждевременно сошло в могилу: одни предпочли такой жизни самоубийство, другие погибли от рук царских властей. Так, 16 августа 1891 г. в Жулейском наслеге Батурусского улуса был зверски убит Петр Алексеев. Его убийцы наслежный старшина Е. Абрамов и Ф. Сидоров, оба местные богачи, питали к Алексееву ненависть за разоблачение их плутней и постоянное заступничество за бедных[31]. Самоубийством покончили В. Васильев (1888 г.), Т. Пашковский (1893 г.), К. Багряновский (1896 г.), П. Швецов (1896 г.), член группы «Освобождение труда» Г. Гуковский (1899 г.), социал-демократы И. Калашников (1900 г.) и Л. Янович (1902 г.). Калашников был доведен до этого избиением, которому он беспричинно подвергся со стороны полицейского надзирателя, а Янович в предсмертном письме объяснял: «Причиной моего самоубийства является нервное расстройство и усталость как результат долголетнего тюремного заключения (в общей сложности 18 лет) в чрезвычайно тяжелых условиях. В сущности говоря, меня убивает русское правительство, так пусть же на него падет ответственность за мою смерть, как равно за гибель бесчисленного множества моих товарищей»[32]. Умирая и заочно прощаясь с товарищами, Янович пожелал им увидеть красное знамя на Зимнем дворце.

Сохранились имена и тех ссыльных, которые, не выдержав ужасных условий жизни, кончили психическим расстройством. О трагической гибели талантливого исследователя Худякова уже говорилось выше. За ним последовали другие жертвы: уже известный нам ткач В. П. Павлов: прожив в Якутске два года (1880—1882), он был увезен в казанскую психиатрическую больницу, провел там 17 лет и умер в 1889 г.; И. Клушин (1881 г.), А. Сиряков (1883 г.), И. Родионов (1887 г.), К. Янковский (начало 90-х годов), Л. Цукерман (1887 г.), И. Эдельман (1895 г.), И. Ф. Зубржицкий (90-е годы) и др.

Всего из 464 революционеров, сосланных за последние три десятилетия XIX в. в Якутию, 11 человек кончили жизнь самоубийством, 16 были убиты и погибли от несчастных случаев, 14 умерли от болезней и восемь сошли с ума[33].

Но в числе ссыльных было много таких, которые не мирились со своим положением, не поддавались и апатии, не складывали оружия. Несмотря на многие тысячи верст, отделяющие Якутскую область от России, ссыльные — то одиночками, то группами — не раз пытались бе-

---

[29] М. Кротов. Указ. соч., стр. 74.

[30] Там же, стр. 78.

[31] В 1945 г. в доме, где жил когда-то этот выдающийся рабочий-революционер, речь которого на процессе «193-х» получила широкую известность и воспламеняла на борьбу с царизмом последующие поколения революционеров, был устроен музей и установлена мемориальная доска. См. «Социалистическая Якутия» от 25 апреля 1945 г.

[32] «В якутской неволе». М., 1925, стр. 31.

[33] В. Бик. Мартиролог якутской политической ссылки. По материалам Якутского Центрархива. Рукопись, ф. Як. обл. музея им. Ем. Ярославского.

жать из якутской неволи. Об этом помышлял даже такой мирно настроенный человек, как В. Г. Короленко. Одно время, совместно с М. Ромасем и А. Павловым, он горячо обсуждал план побега из Амги на восток, в направлении к Охотскому морю, но, всесторонне обдумав свой замысел, они пришли к заключению, что невозможно пройти тысячу верст по безлюдной тайге без карт, оружия и продовольствия [34].

В 1883 г. группа ссыльных в г. Якутске намеревалась захватить пароход «Лена», спуститься на нем вниз по реке и затем морем уплыть на восток [35]. В середине 90-х годов другая группа ссыльных (в том числе одесские социал-демократы Цыперович и штурман дальнего плавания Калашников), построив большую килевую лодку, совершили две попытки к бегству. В первый раз они проплыли только 150 верст и засели в полусухой протоке, из которой с трудом выбрались; во второй раз они добрались до Нижне-Колымска, проделав путь в 500 верст, но плыть дальше, по открытому морю, не рискнули и с большим трудом вернулись обратно [36].

Огромную энергию развила группа ссыльных в г. Верхоянске: В. Серошевский, С. Лион, В. Арцыбушев, Е. Александрова и другие, всего семь человек; они пытались в конце мая 1882 г., сразу после ледохода, спуститься по Яне до устья и, держась береговой линии, как это делали когда-то русские полярные мореходы XVII в., плыть на восток, к Берингову проливу. Приготовления к побегу прошли незамеченными полицией, но, быстро достигнув устья Яны, беглецы попали там в ледовую ловушку, так как море было еще сковано льдом. Вскоре их настигла посланная из Верхоянска погоня.

Через девять лет по еще более длинному маршруту, начинавшемуся в Намском улусе (в среднем течении Лены), бежали К. Багряновский и Ф. Цобель. Их смелое плавание продолжалось успешно до сентября 1891 г., когда они достигли устья Яны, проделав сюда трудный морской путь от устья Лены. Но уже наступала зима; в безлюдной приморской тундре перед ними возникла страшная перспектива гибели от голода и холода, заставившая измученных людей искать ближайшее жилье и сдаться властям [37].

Активными помощниками полиции в поимке бежавших ссыльных всегда были местные власти в лице улусных голов, наслежных князцов, старшин и т. п. Они неизменно проявляли огромное рвение, с одной стороны, питая личное нерасположение, а порой и прямую вражду к «сударским» (как называли якуты «государственных преступников»), в которых богатеи видели своих политических противников, с другой — желая выслужиться перед начальством. Иногда тойоны и полиция распускали слух, что бежали не политические, а уголовные преступники, умышленно вводя в заблуждение население, которое не стало бы добровольно преследовать политических ссыльных. Так было, например, в 1887 г., когда бежали И. Майнов, С. Михалевич и С. Терешенков. Еще печальнее закончилась в 1886 г. попытка к бегству из Намского улуса И. Щепанского и И. Рубинка: задержанные ночью в Амгинском улусе около одного из хлебозапасных магазинов, они были избиты до потери сознания. Этот случай вызвал энергичные коллективные протесты ссыльных Батурусского, Восточно-Кангаласского и других улусов, которые обвиняли поли-

---

[34] «В якутской неволе», стр. 87.

[35] Н. С. Тютчев. Указ соч., стр. 68.

[36] Г. Цыперович. За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске. СПб., 1907, стр. 83—88.

[37] «Каторга и ссылка», 1926, № 7—8, стр. 297—301.

цейские власти в том, что они провоцируют местное население и подстрекают его к избиению беглецов.

Всего за 1880—1890 гг. с мест ссылки бежало 18 человек, но выбраться из пределов области удалось только пяти.

Многие ссыльные, сохраняя верность революционным традициям, пытались продолжать борьбу с самодержавием всеми доступными им способами. Когда в 1881 г. ссыльных, наравне с прочим населением, пытались привести к присяге на верность вступившему на престол Александру III, почти все они, кроме нескольких либералов (Я. Белый и др.), от присяги решительно отказались. В 1889 г. две колонии ссыльных — вилюйская и якутская — подготовили приветственные адреса французскому народу в связи со столетием революции 1789 г., но оба текста во время обысков были захвачены полицией и стали достоянием гласности лишь в 1925 г. [38]

Изредка отдельные группы ссыльных сообразно своим возможностям отмечали 1 мая; например, в Верхоянске в начале 90-х годов — тем, что «выходили на луг и гуляли почти целый день, ведя между собой приличные случаю беседы» [39]. В Средне-Колымске примерно в те же годы над одной из своих юрт ссыльные 1 мая вывешивали красный флаг.

Несколько раньше, в начале 1889 г. в Якутске разыгралась кровавая, так называемая «монастыревская» трагедия. В это время в городе скопилось несколько десятков народовольцев, предназначенных к дальнейшей отправке в Верхоянский и Колымский округа.

Когда после неудавшегося покушения народовольцев на Александра III (1887 г.) преследования революционеров повсеместно усилились, вице-губернатором Осташкиным 16 марта 1889 г. были установлены для якутских ссыльных драконовские правила отправки в северные округа, обрекавшие их на новые тяжелые лишения. Возмущенные этим ссыльные решили добиваться отмены осташкинских правил. 19 марта, после совещания в доме Монастырева на главной улице Якутска, где помещалась библиотека ссыльных, служившая местом их постоянных встреч и собраний, к вице-губернатору был направлен уполномоченный для переговоров об отмене правил. Осташкин потребовал безусловного выполнения его распоряжения; одновременно полиция произвела обыск в помещении библиотеки. 21 марта каждый из ссыльных подал заявление о невозможности выезда на север на новых условиях. Тогда вице-губернатор, расценив эту просьбу как «антиправительственное выступление», решил подавить сопротивление ссыльных вооруженной силой.

Утром 22 марта к дому Монастырева, где еще с вечера собралось более 30 мужчин и женщин, предназначенных к отправке на север, подъехал полицейский надзиратель Олесов и потребовал явки всех в полицейское управление. Ссыльные ответили решительным отказом. Вскоре явились полицмейстер Сухачев и 30 солдат под командой двух офицеров. Но и на этот раз ссыльные не подчинились требованию полиции. Один из офицеров приказал солдатам брать ссыльных поодиночке и выводить. Солдаты стали наступать на сгрудившихся людей, пуская в ход приклады и штыки и ранив несколько человек. Защищаясь, ссыльный Зотов и кто-то из его товарищей дважды выстрелили из револьвера, ранив офицера и одного из солдат. Встретив неожиданный отпор, нападающие выбежали на двор и дали по дому несколько залпов. По городу разнесся пущенный полицией слух: «Социалисты бунтуют!». Прибывший вице-губернатор Осташ-

---

[38] М. Кротов. Указ. соч., стр. 141—143.

[39] С. Ковалик. Революционное движение 70-х годов и процесс 193-х. М., 1927, стр. 181.

кин был встречен револьверной пулей одного из ссыльных. Вслед за тем новые ружейные залпы изрешетили дом Монастырева. Потеряв пять человек убитыми и 10 ранеными, ссыльные сдались.

В донесении иркутскому генерал-губернатору Осташкин изобразил эту кровавую расправу над ссыльными как подавление «общего заговора» государственных ссыльных против правительства [40]. Все оставшиеся в живых «монастыревцы» были преданы военному суду. Вынесенный им жестокий приговор был предопределен резолюцией Александра III на докладе об этом событии: «Необходимо примерно наказать и надеюсь, что подобные безобразия более не повторятся».

Прибывшая из Иркутска в мае 1889 г. военносудная комиссия, опираясь только на показания лжесвидетелей, приговорила Н. Зотова, А. Гаусмана и Л. Коган-Бернштейна к смертной казни через повешение, 23 других подсудимых — к каторжным работам на разные сроки и двоих — к лишению прав и ссылке в отдаленнейшие места Якутской области. Казнь состоялась 7 августа. В конце декабря приговоренных к каторге отправили в Вилюйскую тюрьму, переименовав ее в каторжную, но через два с половиной года режим в этой тюрьме был найден слишком мягким и «монастыревцев» перевели в одну из каторжных тюрем Забайкалья.

Перед казнью Зотов, Гаусман и Коган-Бернштейн вели себя с редким мужеством. Их предсмертные письма дышат бодростью, сознанием правоты того дела, за которое они отдали жизнь, горячей верой в победу революции. Зотов просил остающихся в живых товарищей как можно шире использовать «монастыревскую трагедию» в качестве материала для революционной пропаганды. Предсмертный завет его был выполнен. О якутских событиях 22 марта узнали и в России и за ее пределами. С резким протестом против бесчеловечной расправы над «монастыревцами» выступили ссыльные Балаганского уезда, Киренской тюрьмы, некоторых городов Сибири и т. д., поплатившиеся за это пересылкой в самые отдаленные места Якутии. О якутской бойне говорилось в десятках брошюр и листовок, изданных революционными организациями в Петербурге, Москве, Одессе, Костроме и за границей — в Лондоне и плехановской группой «Освобождения труда» в Женеве [41]. Сообщения о ней появились в европейских и американских газетах, вызвав протест прогрессивной части населения против жестокости и произвола царского правительства.

Население Якутии проявило самое живое участие в судьбе «монастыревцев». В декабре 1889 г. Осташкин писал: «Сочувствуя участи заключенных в местной тюрьме, многие жители г. Якутска и области с целью улучшения их быта передают в распоряжение тюремного комитета, кроме денег, значительное количество разных продуктов...» [42]. В числе жертвователей он упоминал якутку Баягантайского улуса Матрену Неустроеву, мархинского крестьянина Шепелева и др.

Большинство политических ссыльных старалось приспособиться к тяжелым условиям и даже в ссылке принести непосредственную пользу народу. Энергично преодолевая трудности, многие ссыльные сумели постепенно создать небольшие, но довольно устойчивые хозяйства и тем благотворно воздействовать на хозяйство коренных жителей края.

Первыми земледельцами из числа политических ссыльных стали каракозовцы В. Шаганов и М. Загибалов в Батурусском улусе, П. Ермолов

---

[40] М. Кротов. Указ. соч., стр. 131.
[41] «Каторга и ссылка», 1929, № 3, стр. 33 и др.
[42] ЦГА ЯАССР, ф. Як. тюремного комитета, д. 57.

в Намском улусе, Н. Странден и П. Юрасов в Дюпсинском улусе. По их примеру некоторые якутские хозяйства заметно увеличили площадь посева и несколько улучшили технику земледелия [43].

Особенных успехов в развитии устойчивого земледельческого хозяйства добился Н. Странден, к которому позднее присоединился П. Юрасов. В 1873 г. Странден первым в наслеге посеял $1\frac{1}{2}$ четв. зерновых культур, в 1874 г.— $6\frac{1}{2}$ четв., а в 1880—1885 гг. вместе с Юрасовым они уже продавали ежегодно «в интендантское и другие ведомства» от 1500 до 3000 пуд. хлеба. Кроме лошадей, они держали крупный рогатый скот, впервые в улусе развели свиней, овец, коз и кур, построили мельницу на два постава, занялись рыбоводством, запустив в одно из озер большое количество карасей.

Хороший пример в ведении культурного хозяйства показал окружающему населению Степан Феохари, живший в 1883—1890 гг. в Мегинском улусе. Помимо посева ячменена, пшеницы и овса, он завел хороший огород, поставив на нем украинский «журавель», названный его друзьями-якутами «Ыстапаан масыыната» («Степанова машина»). По воспоминаниям одного из местных жителей, Феохари, «живя среди темного люда, принес им много добра своими советами, материальной помощью, а главное, показал на деле, как надо вести сельское хозяйство. На его примере якуты учились, как пахать и сеять, как убирать сено, как сажать овощи» [44].

В отдаленном Сысольском наслеге Баягантайского улуса пионером земледелия стал Петр Алексеев. «Хозяйство находится в самом цветущем состоянии и ведется по всем правилам агрономического искусства,— писал он из ссылки неизвестному товарищу.— Лишь просохла земля, я орудием, каким еще от сотворения мира никто не работал, раскопал маленькую долину черноземной земли и сделал две превосходные грядки, на которых теперь растет у меня 70 превосходных вилков капусты. Этого мало; я расчистил и другую долину, которую засеял горохом» [45]. Переведясь в Жулейский наслег Батурусского улуса, П. Алексеев обзавелся здесь лошадью и стал сеять зерновые культуры.

Сравнительно крупных размеров достигло хлебопашество у А. Сиповича (1883—1894 гг.) и Э. Студзинского (1888—1895 гг.) в Намском улусе, у В. Кизера, А. Доллера, М. Попова, Э. Казачковского и др. в Западно-Кангаласском улусе, В. Малеванного в Мегинском улусе. Они засевали по 5 и более десятин земли и часто имели избыток товарного хлеба. В. Г. Короленко, живя в 1882—1884 гг. в Амге, вел хозяйство совместно с И. Папиным и И. Ванштейном. Они обрабатывали по 2 дес. земли, имели лошадей, огород, сенокос, приобрели плуг — в то время еще очень редкое орудие в Якутии. Избытки хлеба, как это делали ссыльные и в других улусах, возили на продажу в Якутск или сбывали окрестному населению. Впоследствии Короленко называл годы, когда он занимался земледелием, «самым здоровым периодом» своей жизни.

Количество ссыльных-земледельцев в Якутском округе было довольно значительным: в 1881 г. из 32 человек хлебопашеством занимались 11, или 34%; в 1891 г. из 55 человек — 32, или 58%.

Некоторые ссыльные делали интересные опыты продвижения земледелия на далекий север, в Верхоянский и Колымский округа. В 1890 г. в Средне-Колымске сажал овощи Д. Ардасенов, агроном по специальности. Там же в 90-х годах с увлечением занимался огородничеством

[43] «Каторга и ссылка», 1924, № 5, стр. 153—157.
[44] Там же, № 6/13, стр. 176.
[45] Там же, 1932, № 5, стр. 183.

Д. Суровцев, повлиявший своим примером на других ссыльных — Мицкевича, Цыперовича, Акимову, Строжецкого и Циммермана [46]. Они выращивали морковь, свеклу, петрушку, редьку, капусту; сажали также картофель. Сняв урожай, Суровцев устраивал небольшую сельскохозяйственную выставку, демонстрировавшую достижения за год. Больших успехов добился Д. Суровцев в 1901—1904 гг. в пос. Родчево (в 370 км южнее Средне-Колымска), где у него, кроме овощей, вызревал ячмень. В районе «мирового полюса холода», каким считался тогда Верхоянск, в конце 70-х годов завел огород М. Морозов, а в 90-х годах — уже целая группа ссыльных: Бруснев, Басов, Долинин, Капгер и др., передавшие свой опыт десяткам местных жителей.

Систематические, широких масштабов земледельческие опыты, сопровождавшиеся научными наблюдениями, в 80-х годах проводил П. И. Войнаральский, сперва во 2-м Юсальском наслеге Верхоянского округа, затем на границе с ним, на станции Тандинская Дюпсюнского улуса. Результаты его наблюдений были опубликованы в статьях «Из полярного края» («Сибирский сборник», 1886) и «Приполярное земледелие» («Сельское хозяйство и лесоводство», 1897, июнь). Ссылаясь на свой опыт, Войнаральский решительно утверждал, что вблизи Верхоянска «вполне осуществимо если на первое время не хлебное хозяйство, то земледелие, ограниченное хотя бы такими продуктами, как картофель, капуста, репа, лен, конопля» [47], и выступал в печати решительным поборником внедрения земледелия в хозяйство коренного населения Верхоянского округа.

Политическим ссыльным строжайшим образом запрещалась педагогическая деятельность, даже репетиторство. Но тяга населения к грамоте была огромна, а сеть школ очень редка; видя такое положение, десятки ссыльных, преодолевая всевозможные полицейские рогатки, бескорыстно занимались обучением детей якутов. Иногда они даже создавали небольшие школы, пользовавшиеся широкой популярностью среди местного населения, составляли буквари и т. д. Добровольными учителями стали каракозовцы (в частности, И. А. Худяков), врач Я. Белый в Верхоянске, В. Г. Короленко в Амге, М. Поляков, В. Богораз и И. Шкловский в Средне-Колымске, П. И. Грабовский (впоследствии известный украинский писатель), М. Ромась и М. Шебалин в Вилюйске, А. Клюге в Олекминске, В. Зубрилов в Якутске и многие другие. Целые группы учеников и даже небольшие школы имели в разное время: в Мегинском улусе — П. Подбельский, один из учеников которого, Сокольников, первым из якутов получил высшее медицинское образование; в Батурусском улусе — В. М. Ионов, создавший «прекрасную школу, которая выпустила не одно поколение грамотных якутов, обучавшихся по букварю, им же самим составленному для якутских ребят» [48]; в начале 1900-х годов он же имел трехклассную частную школу в Якутске; в Чурапче — И. Т. Цыценко, устроивший у себя в доме также и небольшое общежитие для детей; в Амге — Н. Надеев; в Олекминском округе — С. Жебунев и Л. Беркович, которые, переезжая по временам из наслега в наслег, устраивали там небольшие «летучие школы». Школы эти пользовались у якутских мальчиков такой любовью, что «они ночью прибегали, стучали в окно и кричали: «учитель, я решил [задачу]» [49].

Большую, притом совершенно бескорыстную помощь оказывали окрестному населению политические ссыльные из числа врачей, фельдше-

[46] «Каторга и ссылка», 1928, № 3—4, стр. 96.
[47] М. Кротов. Указ соч., стр. 56.
[48] «100 лет якутской ссылки», стр. 159.
[49] «Каторга и ссылка», 1928, № 3, стр. 138.

ров и студентов-медиков. В 80-х годах вся официальная медицина в области — в условиях массового распространения туберкулеза, трахомы, глистных заболеваний — была представлена четырьмя врачами, десятью фельдшерами и тремя повивальными бабками. На одного медицинского работника приходилось в среднем 15 тыс. человек населения и 200 тыс. кв. км площади, а в Колымском округе единственный фельдшер должен был обслуживать 6296 жителей, разбросанных на площади в 670 тыс. кв. км. Острый недостаток медицинских работников вынуждал администрацию разрешать ссыльным врачам работу в немногочисленных больницах того времени.

Со своей стороны политические ссыльные, заброшенные в якутские наслеги, не могли оставаться безучастными к страданиям народа и делали все возможное, чтобы оказывать ему медицинскую помощь. Они самоотверженно боролись с эпидемиями, заботливо ухаживали за больными; многие из них получили широкую известность и пользовались огромным авторитетом.

На десятки лет оставил по себе память врач С. И. Мицкевич, социал-демократ, вступивший в революционное движение в начале 90-х годов и лично знакомый с В. И. Лениным. Первоначально назначенный отбывать ссылку в южной части Якутии, в Олекминске, он охотно принял предложение перевестись в далекий Средне-Колымск и занять должность врача, остававшуюся вакантной в течение восьми лет. Приехав сюда, Мицкевич нашел себе прекрасных помощников в лице товарищей по ссылке — фельдшера Борейшо и акушерки Т. Акимовой. Быстро была оборудована больница, начались выезды к больным в наслеги. В 1901 г. в Колымском округе случилась очередная голодовка, а затем прокатилась эпидемия кори, осложненная массовым крупозным воспалением легких. Смертность была колоссальная. По данным Мицкевича, «в городе умерло 6,6% всего населения, или 9% заболевших, а среди взрослых женщин, больных корью, смертельных случаев было 27%» [50]. Эпидемия была такой сильной, что во многих домах болели поголовно все, некому даже было приносить дрова, воду, готовить пищу. Выручали политические ссыльные: они самоотверженно ухаживали за больными, организовали помощь голодающим путем сбора пожертвований и за счет собственных скудных средств и тем многих спасли от смерти. Часто разъезжая по наслегам, за один только первый год врачебной деятельности Мицкевич проделал маршрут в 5 тыс. верст и открыл первые медицинские пункты в Нижне-Колымске и Верхне-Колымске. Крепко сроднившись с местным обездоленным населением, он добровольно остался здесь еще на год по окончании срока ссылки. Когда Мицкевич покидал Средне-Колымск, жители вручили ему благодарственный адрес, особенно оценив то, что больным оказывалась не только медицинская, но и материальная помощь [51].

Почти 11 лет прожил в Намском улусе студент-медик А. Сипович. Уже вскоре после приезда он «развернул такую успешную медицинскую практику, что его имя как искусного и бескорыстного врача стало известно среди якутских масс далеко за пределами его улуса. За ним часто посылали из мест, отстоявших от его жилища на 100—200 верст. Якутская беднота... окружила его глубоким уважением и любовью» [52]. При

[50] С. И. Мицкевич. Мэнэрик и эмиряченье — формы истерии в Колымском крае. Л., 1929, стр. 4.
[51] С. И. Мицкевич. Записки врача общественника, 1888—1918. М., 1941, стр. 93.
[52] «100 лет якутской ссылки», стр. 159.

отъезде Сиповича на родину жители наслега в знак благодарности подарили ему старинный национальный костюм.

Жители Олекминска долго вспоминали доктора Э. А. Абрамовича, одного из ранних социал-демократов, занимавшихся революционной пропагандой среди минских и киевских рабочих в начале 80-х годов. Назначенный на вакантную должность врача, он часто выезжал в наслеги и проявил большую энергию при ликвидации вспышки тифа в 1894—1895 гг. Прощаясь с Абрамовичем, 21 мая 1896 г. жители Олекминска преподнесли ему золотые часы с надписью: «От признательных олекминцев врачу Абрамовичу» и адрес, в котором говорилось: «В эти годы вы работали для нас, не покладая рук... Деятельность ваша не ограничивалась только городом: редкий день, бывало, не видишь вас скачущим куда-нибудь верхом или припрыгивающим на тряской самодельной двуколке... Мы никогда не забудем страшную эпидемию брюшного тифа, когда в редком только доме не было больных и когда, в довершение бед, оказались мы без медикаментов... Тотчас, по вашей инициативе, были собраны деньги, выписаны медикаменты... И вы начали упорную борьбу с ней не только как врач, но и как сиделка, до тех пор, пока сами не слегли, сраженный болезнью» [53].

В лице политических ссыльных Якутия получила значительный отряд передовых, образованных людей, охотно отдававших свои силы и знания изучению Якутского края. Не менее 75 человек, начиная с 70-х годов, занималось научной деятельностью. Наблюдения на метеорологических станциях, организация областного музея и пополнение его коллекций, активное участие в экспедициях и самостоятельное изучение отдельных научных проблем, составление десятков монографий, имевших крупное научное значение,— таковы основные результаты научно-исследовательской деятельности ссыльных. Некоторые из них, продолжая специализироваться на темах, избранных за годы ссылки, стали впоследствии известными учеными.

Феликс Кон — виднейший участник польского социалистического движения, впоследствии коммунист, отбывавший ссылку в начале 90-х годов,— рассказывает, как втягивались ссыльные в работу по изучению Якутии: «Большинство начинало либо с составления жалоб от имени якутов, либо с изобличающих корреспонденций. И только потом, пораженные своеобразными формами жизни якутов, своеобразными отношениями, верованиями этих «православных», сочетающих христианство с шаманизмом, ссыльные переходили к более глубокому изучению и страны и ее обитателей. А так как это изучение проводилось стационарно, изо дня в день, то вполне естественно, что дилетанты-ссыльные могли дать гораздо более, чем заправские ученые, приезжающие ненадолго, записывающие в дневники то, что им удалось заметить, но не имеющие времени изучить условия, вызывающие записываемые ими явления» [54].

Следует учитывать, что научная деятельность многих ссыльных протекала в обстановке постоянного противодействия со стороны полицейского надзора. Это ощутили на себе студент С. Лион и кандидат прав С. Борисов в Верхоянске, П. Янковский и П. Ширяев в Средне-Колымске и многие другие ссыльные. Не будь этого противодействия со стороны царской администрации, особенно сильного в 80-х годах, политические ссыльные сделали бы для изучения Якутии еще больше. Однако и в этих условиях ссыльные 80—90-х годов дали в общей сложности более 300 печатных книг, брошюр и журнальных статей, составивших целую библио-

---

[53] «Каторга и ссылка», 1928, № 3, стр. 141.
[54] Там же, 1929, № 2, стр. 97.

теку, преимущественно в области гуманитарных наук. Часть этих работ, содержащих богатый фактический материал, представляет интерес и поныне, хотя и требует критического отношения к выводам, где нередко сказываются народнические взгляды авторов [55].

Большинство ссыльных 70—80-х годов до конца своих дней не изжили народнической идеологии. Они упорно хранили веру в силу крестьянской общины, не понимали классового антагонизма внутри крестьянства, не признавали очевидного разложения натурального якутского хозяйства и проникновения в него капиталистических отношений, прежде всего под влиянием быстро развивавшейся ленской золотопромышленности. Отсюда идеализация якутской сельской общины, искаженное изображение роли царской администрации как «защитника» угнетенных масс в их борьбе с эксплуататорскими классами (работы Левенталя, Пекарского) и т. д.

Некоторые народники под впечатлением тяжелой обстановки якутской жизни приходили даже к совершенно чуждым передовой русской интеллигенции расистским взглядам. Так, В. Трощанский заявлял, что якуты «принадлежат к низшей расе и находятся в зоологическом периоде» [56], и потому пессимистически смотрел на возможность внедрения среди якутских животноводов новых, более интенсивных отраслей хозяйства, в частности огородничества. Но такие взгляды были редки. Большинство ссыльных высказывало открытую симпатию к якутскому трудовому народу и малым народностям Якутии и не сомневалось, что в иных общественно-политических условиях они сумеют проявить и развить свои дарования и способности.

Не подлежит сомнению то большое прогрессивное влияние, которое оказали политические ссыльные 70—80-х годов на культурное и отчасти экономическое развитие якутского народа. Обучение грамоте, создание библиотек, медицинская помощь, передача земледельческих навыков, изучение края, в которое была вовлечена и часть немногочисленной местной интеллигенции,— все это является крупной заслугой ссыльных. Они же нередко выступали в сибирской и центральной печати в защиту угнетаемого населения, разоблачали произвол царской администрации и тойонства.

Но, отдавая немало сил культурной деятельности и изучению Якутии, народники 70—80-х годов почти не вели никакой революционной работы среди населения. Протекло много лет с тех пор, как большинство их «ходило в народ» или вообще занималось революционной деятельностью. Россия быстро двигалась по пути капиталистического развития, на глазах рос и все смелее поднимал голову рабочий класс, усиливалось рабочее движение, возглавляемое революционной социал-демократией. На смену народникам шло новое поколение — подлинных революционеров-марксистов. Народники же, равно как и народовольцы, еще в 70-х годах разочаровавшись в революционности крестьянства, в ссылке даже не пытались заняться революционной пропагандой в массах. Часть их опустилась до уровня либерально настроенных обывателей, служивших в частных торговых фирмах, открывавших кустарные мастерские и даже сотрудничавших с администрацией. Вот почему вплоть до начала XX в., пока преобладающее большинство ссыльных состояло из народников, в Якутии не произошло ни одного революционного выступления с участием местного населения.

---

[55] О научной деятельности политических ссыльных в Якутии см. в гл. XXIII.

[56] В. Трощанский. Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911 стр. 98.

Среди народников велись иногда диспуты между «мирными пропагандистами» старого типа и сторонниками террора, между «чернопередельцами» и народовольцами. Такие диспуты происходили в Якутске, Средне-Колымске, Верхоянске, Чурапче, Амге. Результатами этих дискуссий, а также размышлений и воспоминаний о пережитом явились некоторые работы ссыльных, преимущественно историко-революционного и в единичных случаях идеалистически-философского характера. Так, О. Аптекман написал воспоминания об обществе «Земля и воля», С. Ковалик — о революционном движении 70-х годов, Р. Стеблин-Каменский — о декабристах, Н. Г. Чернышевском, 1881 годе и др., П. Подбельский, увлекавшийся философией,— статью «Евангелие перед судом здравого смысла» и объемистый трактат, в котором излагал «новую систему миросозерцания, построенную на идеалистических основаниях» [57].

Народническое движение 70-х годов захватило одного из сынов якутского народа, Константина Гавриловича Неустроева, павшего жертвой свирепой реакции времен Александра III.

Неустроев был сыном русского чиновника, женатого на якутке. Родился он в 1858 г. По окончании Якутской прогимназии он получил возможность продолжать образование в Иркутской гимназии и Петербургском университете. В 1881 г., с дипломом кандидата естественных наук, Неустроев возвратился в Иркутск и начал работать в мужской и женской прогимназиях. По воспоминаниям одной из его учениц, записанным в 1944 г., «он быстро завоевал симпатии и любовь учащихся, буквально боготворивших его» [58].

Уже в студенческие годы Неустроев увлекся революционными идеями того времени — идеями народовольцев. На пути из Петербурга в Иркутск он завязал связи с ссыльными народовольцами И. Калюжным и Ю. Богдановичем, договорившись об организации пункта «Красного креста», специально для устройства побега ссыльных. Прибыв в Иркутск, Неустроев вскоре же организовал народовольческий кружок, в который вовлек несколько человек, в том числе двух своих земляков, оказавшихся тогда в Иркутске: якута Борогонского улуса И. П. Бурнашова и сына мещанина г. Якутска Ф. Губкина, ученика гимназии, у которого при аресте был найден документ, свидетельствовавший о единомыслии с народовольцами. Не ограничиваясь революционной пропагандой в кружке и среди учащейся молодежи, в апреле 1882 г. Неустроев помог побегу из тюрьмы двух политических заключенных — Е. Н. Ковальской и Богомолец.

В октябре 1882 г. Неустроева, членов его кружка и лиц, помогавших организации нового побега политических ссыльных из тюрем, арестовали. Следствие длилось целый год, но прямых улик, изобличавших Неустроева в революционной деятельности, не нашлось; ему грозила только административная ссылка. Однако суровый тюремный режим, частые столкновения с надзирателями, допросы — все это тяжело подействовало на нервную систему заключенного, толкало его на необдуманные поступки. Когда 26 октября 1883 г. тюрьму посетил генерал-губернатор Анучин, известный введением сурового режима в каторжных тюрьмах Забайкалья, и, явившись в камеру Неустроева, стал укорять его за «неблагодарность», Неустроев ударил его по лицу, крикнув при этом: «Убирайтесь вон! Вы не за тем должны являться в тюрьму, чтобы оскорблять людей» [59]. По распоряжению взбешенного Анучина Неустроева заковали в ручные и нож-

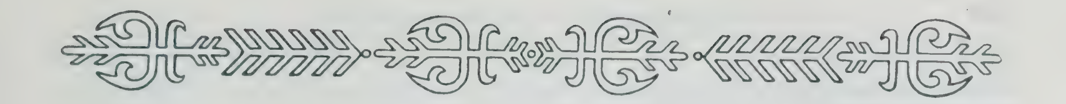
---

[57] «100 лет якутской ссылки», стр. 186—187.
[58] «По ленинскому пути», 1945, № 6—7, стр. 54.
[59] «Былое». 1907, июнь.

ные кандалы, при малейшем сопротивлении избивали и вскоре предали военно-полевому суду. Суд приговорил его к смертной казни, приведенной в исполнение 9 ноября 1883 г.

Неустроев умирал с верой в неизбежность победы революции. «Я был простой работник, но не изменил святыне знамени. Я верю ему, знаю — победоносно водрузится оно»,— писал он в ночь перед казнью. С пожеланием родине: «Цвети, красуйся» мужественно погиб первый якут-революционер К. Г. Неустроев.

ГЛАВА XXI

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЯКУТИИ в 1890—1900-х годах

На рубеже XIX и XX вв. капитализм в России вступил в новую фазу своего развития — фазу империализма. В России выросли монополии, всесильными руководителями в промышленности стали крупные банки. Подобно другим империалистическим государствам царская Россия приняла участие в борьбе за господство на Тихом океане, в разделе Китая. Однако в России господствовал военно-феодальный империализм и продолжали сохраняться многие крепостнические пережитки. Общему положению дел в России в этот период соответствовало положение на Ленских золотых приисках.

Еще в 1870-х годах на Лене выделились семь крупных предприятий, поглотивших десятки более мелких [1]. Глубокие перемены на Ленских приисках произошли в 90-х годах в результате концентрации капитала. Из семи крупных золотопромышленных компаний выделилось Ленское товарищество, реорганизованное в 90-х годах в акционерное общество и добившееся кредитов от Государственного банка. Делами товарищества начали распоряжаться банковские воротилы, ставшие новыми хозяевами приисков.

Пользуясь отсталостью России, командные высоты в ведущих отраслях русской промышленности захватили иностранные капиталисты. Иностранный капитал проник и на Ленские золотые прииски. В 1908 г. английское общество «Лена-Голдфилдс» с капиталом в 14 млн. руб. приобрело 70% акций Ленского товарищества.

Превратившись в предприятие мирового значения с огромным, преимущественно английским капиталом, Ленское золотопромышленное товарищество («Лензото») в 1910 г. стало монопольной организацией в Витимо-Олекминском районе. В 1909 г. оно приобрело Бодайбинскую железную дорогу, в 1910 г.— все пароходы Прибрежно-Витимской компании; в том же году товариществом «Лензото» на средства общества «Лена-Голдфилдс» было куплено 122 прииска. Помимо пароходов и железной дороги товарищество имело свое лесное хозяйство, свои магазины. В 1911 г. на его приисках было добыто 818 пуд. золота [2]. Ежегодно на Лене добывали золота на 18—20 млн. руб.

В числе крупных держателей акций Ленского товарищества были императрица Мария Федоровна, царские министры и представители крупнейших банков. Путем жесточайшей эксплуатации рабочих акционеры Ленского товарищества получали неслыханные прибыли. В 1910—1911 гг.

---

[1] И. П. Шарапов. Очерки по истории Ленских золотых приисков, стр. 48.

[2] «Ленские прииски», М., 1937, стр. 31.

они получили чистой прибыли свыше 5 млн. руб., в 1914—1915 гг. чистая прибыль поднялась почти до 9 млн. [3].

Сконцентрировав в своих руках прииски, Ленское товарищество на большинстве их продолжало разрабатывать золото крайне примитивным способом, без применения каких-либо механизмов. В 1900—1910 гг. на золоторазработках было занято около 25—30 тыс. рабочих [4]. Бесчеловечная эксплуатация, чрезвычайно тяжелые условия жизни, полицейский произвол послужили причиной знаменитой Ленской забастовки, расстрел безоружных участников которой вызвал массовый подъем рабочего революционного движения в России (см. ниже, стр. 394—395).

События на Лене породили у иностранных магнатов капитала стремление еще прочнее взять в свои руки золотые разработки. Была выдвинута идея создания крупного англо-американского синдиката для эксплуатации Ленских приисков. Авторы проекта предлагали передать синдикату для управления все предприятия Ленского товарищества. Командные места при реорганизации должны были занять иностранные инженеры. Опасаясь революционного настроения русских рабочих, ставленники синдиката предлагали заменить «белый» труд «цветным», т. е. использовать на приисках в качестве рабочих до 90% китайцев или корейцев. За русскими управляющими приисков синдикат предполагал оставить только функции связи с властями [5]. Однако Октябрьская революция помешала иностранным капиталистам осуществить эти планы и превратить Ленские прииски и Якутскую область в свою фактическую колонию.

Рост золотодобывающей промышленности в Ленском бассейне способствовал дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в якутских улусах.

Хотя с 1898 г. прииски Витимской системы в административном отношении были причислены к Иркутской губернии, золоторазработки, являясь близким и выгодным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции, продолжали оказывать сильнейшее воздействие на экономику Якутской области. Южные окраины Якутской области остались поставщиками сельскохозяйственных продуктов на Ленские прииски. В 1894 г. на прииски из Якутской области было поставлено 150 965 пуд. мяса, 2 687 пуд. рыбы и более чем на 1 млн. руб. других припасов [6]. В 1894—1895 гг. 26 олекминских тойонов-подрядчиков доставили на прииски 114 650 пуд. груза. Почти все они одновременно были и поставщиками. Так, например, из 9900 пуд. груза, доставленного подрядчиком-тойоном А. В. Габышевым, ему самому принадлежало 2400 пуд. сена и 300 пуд. мяса. Тойоны-подрядчики превратились в капиталистов, наживавшихся за счет посреднической торговли между улусной массой и золотопромышленниками.

Особенно сильное влияние оказали прииски на Олекминский округ. «Главным виновником хозяйственно-экономического переворота в округе являются прииски,— отмечалось в «Памятной книжке Якутской области за 1896 год».— Они перевели натуральное хозяйство в денежное и скотоводческий округ обратили в земледельческий» [7]. Развитие внутреннего рынка и расширение золоторазработок в бассейне Витима побуждали крестьян Якутской области и в 1890—1900-х годах расчищать из-под

---

[3] И. П. Шарапов. Указ. соч., стр. 63.
[4] «Памятная книжка Якутской области за 1891 год», стр. 106.
[5] «Ленские прииски», стр. 38—40.
[6] И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской обл., стр. 284.
[7] «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. III, стр. 65.

леса новые пахотные земли. Во многих русских селениях Олекминского округа расчистки под пашню уже в 90-х годах превышали надельную пахотную землю в полтора раза [8]. Так как на поставках хлеба наживались преимущественно зажиточные слои деревни, то именно они и прибирали к рукам все большее количество земель — и не только за счет новых расчисток, но и за счет наделов бедноты. Половина общинных земель фактически перешла в наследственное владение кулацких и зажиточных хозяйств, продолжавших расширять запашку за счет арендуемой и вновь расчищенной земли для производства хлеба на продажу.

В 90-х годах процесс расслоения крестьянства усилился. Из 824 дворов ленских пашенных крестьян и ямщиков 403 имели менее 3 дес. посевной площади, а 16 хозяйств совсем не имели посевов; наряду с ними 132 хозяйства засевали свыше 5 дес., 273 хозяйства занимали среднее положение, имея посевы от 3 до 5 дес.; такие хозяйства производили хлеб и другие продукты для себя, продавая лишь незначительное количество хлеба для покрытия хозяйственных расходов. Малоимущей части крестьянства приходилось продавать необходимый для своего продовольствия хлеб, чтобы удовлетворить хозяйственные нужды и уплатить подати и повинности. Но главным средством к этому стала работа по найму.

Богатые крестьянские хозяйства (особенно в сектантских селениях) вели широкую коммерческую деятельность. Они продавали не только хлеб, производимый в их хозяйстве, но и занимались скупкой хлеба у своих малоимущих односельчан, продававших хлеб из нужды по дешевой цене осенью, а также скупали хлеб, привозимый в Якутию из верхнеленских деревень, чтобы весной продать этот же хлеб подороже. Никакие административные запреты не могли помешать спекулянтским операциям хлеботорговцев, стремившихся искусственно удержать хлебные цены на высоком уровне.

Крупные крестьянские хозяйства широко применяли наемный труд. В 1894 г. в Мархинском селении одна треть хозяйств не применяла наемной рабочей силы, члены этих хозяйств нанимались в батраки, зажиточные хозяйства затрачивали на наем рабочих от 100 до 500 руб., крупные хозяйства держали по нескольку постоянных батраков и, кроме того, нанимали по 20—30 сезонных рабочих, производя на это ежегодно затраты от 500 до 1000 и более рублей [9]. В 1894 г. в 472 хозяйствах русских крестьян трактовых селений Олекминского округа Майновым было учтено 142 годовых батрака, работавших преимущественно в крупных хозяйствах. Распространенной формой найма у приленских крестьян оставалась сезонная, с оплатой труда в 15—20 руб. за летний месяц и 7 руб. за зимний (на хозяйских харчах) [10].

Основу якутского хозяйства в конце XIX — начале XX в. продолжало составлять скотоводство. Земля и скот были распределены по-прежнему крайне неравномерно. К 1917 г. бедняцко-середняцкая часть якутского крестьянства, составлявшая около 73%, владела лишь 45% земли. Из всех якутских хозяйств только 19% было обеспечено скотом в размерах, достаточных для собственного прокормления и нормального воспроизводства.

В этих условиях земледелие у якутов стало сильно расширяться. В 1893 г. посев якутских хозяйств составлял 60% всех посевов в Якутской области. В Олекминском округе якутские посевы зерновых составляли 75,8% по отношению ко всем посевам в этом округе, в Вилюйском —

[8] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 230.
[9] Там же, стр. 332—333.
[10] Там же, стр. 277.

85% [11]. Олекминские якуты в 90-х годах ежегодно получали от 4215 до 5709 четв. хлеба. В 1894 г. олекминские якуты вывезли на прииски ржи и овса на 91 тыс. руб. [12]

«Хлебопашеством в настоящее время занимаются почти все якуты — богатые и бедные,— писал в 1910 г. уроженец Вилюйского округа Г. М. Попов.— По примеру недавних соседей — ссыльных скопцов Нюрбинского селения, а также жителей р. Лены, многие якуты стали вести здесь правильное хлебопашество. Они начинают делать теперь расчистки, удобрять почву скотским навозом. И, конечно, чем больше они прилагают старания и усердия в подготовке почвы для посева, тем больше получают пользы от хлебопашества. Многие якуты сеют хлеб даже в таком большом количестве, что избыток его продают другим» [13].

В 90-х годах в якутских хозяйствах наряду с сохами появляются железные плуги и бороны. Русская коса-литовка в большинстве центральных улусов вытеснила местную косу-горбушу. К якутам начал проникать колесный транспорт. У олекминских якутов переложная система стала уступать место двупольной. Но в то же время размеры посевов в большинстве якутских хозяйств оставались крайне незначительными. Средний посев на один двор в Якутском округе определялся в 1 пуд, в Вилюйском округе он измерялся фунтами. Урожай на душу населения в Якутском округе колебался от 13 до 30 ф. Сеяли якуты главным образом ячмень, занимавший около 80% всей площади якутских посевов [14].

В конце XIX в. в Якутском, Вилюйском и Олекминском округах большой вес приобрели кулацко-тойонские хозяйства капиталистического типа, тесно связанные с рынком. Так, в Чалгинском роде Мойрудского наслега Мегинского улуса выделилось хозяйство Сергеевых. Глава его Иван Сергеев разбогател на спекуляции сеном. Разбогатев, Сергеевы добились отделения своего административного рода в Сергеево-Чалгинский наслег (1911 г.). Сергеевы специализировались на поставках сена и зерна в Якутск. Пользуясь своим влиянием в наслеге, они ежегодно получали около 220 дес. лучших сенокосов из общественных владений. Около 30 дес. земли из общинных сенокосов Сергеевы огородили и превратили в свое владение; огораживание было проведено под видом устройства загонов для рогатого скота вблизи зимников, а также загонов для рабочих лошадей и кумысных кобылиц. На выделенных и своих собственных землях Сергеевы ежегодно ставили около 3 тыс. копен, т. е. около 48 тыс. пуд. сена. Во владении Сергеевых находилось также около 30 пахотных участков общей площадью около 30 дес. Из получаемого урожая они ежегодно сбывали 5—6 т. хлеба. В качестве сезонных батраков и временных рабочих на Сергеевых трудились почти все их однонаслежники [15].

Крупные хозяйства вели в пригородных наслегах и якутские торговцы. Так, Афанасий Лепчиков, разбогатевший на пушной торговле, имел в родном наслеге около 30 дес. сенокосов и около 40 дес. пашни. На землях Лепчиковых работали сезонные батраки. Своеобразно использовал свою связь с родным наслегом богач-торговец Никифоров, занимавшийся крупными поставками на Ленские прииски. В своем наслеге он огородил крупный участок сенокосов для содержания и откорма ско-

[11] «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. III, стр. 36.
[12] «Памятная книжка Якутской области за 1902 год», стр. 51.
[13] Г. М. Попов. В якутской глуши. Иркутск, 1910, стр. 99.
[14] А. А. Избекова. Русские крестьяне — проводники земледельческой культуры у якутов. Сб. «Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии», Якутск, 1955, стр. 78—79.
[15] Рукоп. фонд ЯФАН, оп. 38, д. 1, лл. 1—12.

та, перегоняемого в Бодайбо. Здесь ежегодно выпасалось 300—400 быков [16].

В некоторых якутских хозяйствах применялись машины и новейшая для того времени техника. Семен Барашков из Качикатского наслега Западно-Кангалакского улуса, разбогатевший на поставках съестных припасов и скота на прииски, а также всяких аферах, в 1912 г. решил обратиться к сельскому хозяйству. Вложив крупный капитал, он произвел значительные расчистки земель под пашню и стал высевать ежегодно до 700 пуд. хлеба. В хозяйстве Барашкова применялись железные плуги, бороны «зигзаг», конная молотилка. Не довольствуясь этим, Барашков приобрел паровую молотилку, провел электрический свет в свой дом и хотоны. Для поставки мяса на прииски Барашков разводил свиней, породистых коров. За незначительные подачки он принуждал работать на себя бедняков-однонаслежников. Желая прослыть просвещенным человеком и благодетелем, он собирал пожертвования и на собранные средства открыл в своем наслеге школу и больницу [17].

Кулацко-тойонские хозяйства Сергеевых, Лепчиковых, Никифоровых и др. широко использовали пережитки патриархальных отношений. Под видом родовой помощи они эксплуатировали в своих хозяйствах бедных родственников, соседей, однонаслежников.

Рост товарно-денежных и капиталистических отношений в якутских улусах в 90-х годах вновь вызвал к жизни вопрос об урегулировании земельных отношений. Администрацию побуждал к этому рост недоимок, а также постоянные земельные неурядицы и тяжбы между якутами.

В 1890 г. иркутский генерал-губернатор предложил якутской областной администрации добиваться более уравнительного распределения земель. В 1892 г. якутский губернатор В. Н. Скрипицын приступил к подготовке земельной реформы. На Якутский статистический комитет был возложен сбор необходимых сведений о якутском хозяйстве и землепользовании, причем к работе были привлечены и политические ссыльные — народники Майнов, Виташевский, Левенталь и др. Они горячо принялись за эту работу, надеясь применить на практике свои народнические идеи о передельной крестьянской общине.

Обследование землепользования в центральных улусах убедило Статистический комитет, что оно носило здесь «привилегированный захватный характер, что платеж податей не соответствовал действительной доходности надела» [18]. Обследование Вилюйского округа в 1898 г. показало, что и здесь неравномерность наделения покосами пагубно сказывалась на благосостоянии даже «средних хозяйств»; в одном из наслегов до 1000 душ муж. пола совсем не было наделено землей [19].

К 1899 г. была, наконец, разработана «Инструкция о порядке уравнительного распределения в наслеге (селении) земель между общественниками в соответствии с податными и повинностными платежами». Согласно «Инструкции», земля через каждые пять лет должна была распределяться строго уравнительно по душам, независимо от пола и возраста. Одиноким и бессемейным хозяевам давалось право на получение добавочных паев, но не более трех. Таким уравнительным распределением земель авторы «Инструкции» рассчитывали предотвратить дальнейшее обнищание улусной массы. «Инструкция» допускала и крупное землевладение. «Лица, ведущие хозяйство в большем сравнительно с другими размере», могли

[16] Там же, лл. 12—25.
[17] Рукоп. фонд. ЯФАН, оп. 1184, д. 17/2.
[18] «Общее обозрение Якутской области за 1892—1902 гг.», Якутск, 1902, стр. 36.
[19] Там же, стр 39.

увеличивать свои владения путем приобретения с торгов «мирских оброчных статей» [20].

В 1900 г. был издан циркуляр о передаче «Инструкции» на обсуждение обществ [21]. Богатые скотоводы всеми мерами добивались ее провала на наслежных сходах. Крупные тойоны стали обращаться с жалобами к иркутскому генерал-губернатору и в Сенат, указывая, что «Инструкция» несовместима с Уставом 1822 г. В связи с этим к 1902 г. «Инструкция» была переработана и дополнена. Женщины по новому варианту не наделялись землей, а лишь «принимались в расчет» при распределении. Чтобы устранить давление тойонов на общества, в новом варианте «Инструкции» предлагалось применять тайное голосование при решении земельных дел, а паи распределять по жребию. Но когда «Инструкция» вновь поступила на обсуждение наслежных сходов, она была вторично провалена. Не одобрил ее и иркутский генерал-губернатор, а Сенат в 1903 г. совсем ее отменил, указав, что власти впредь до окончательного поземельного устройства «инородцев» не вправе вмешиваться в земельные дела и споры наслежных обществ.

Господствующая верхушка якутов отстояла свои интересы. Классная система землепользования была сохранена. Лишь в некоторых подгородных наслегах, где богачи были заняты в основном торговлей, было введено формально уравнительное распределение покосов. Каждый мужчина — член общины получал равный с прочими земельный пай. Но и это не привело к уравнению в землепользовании. Богачи в тех случаях, когда они были заинтересованы в приобретении больших сенокосных участков, попросту перекупали паи у бедноты.

Однако необходимость реформы земельных отношений не отпала. Недоимки продолжали расти. В 1907 г. за населением Якутской области числилось 267 471 руб. недоимок по податям, так что по ходатайству областной администрации платеж недоимок пришлось рассрочить на пять лет [22]. Выяснение причин роста недоимок показало их связь с классной системой распределения покосов: значительная часть недоимок, как показал в своем отчете якутский губернатор Крафт, числилась за старостами, старшинами и местными кулаками, «обязавшимися из личных выгод платить подати за безденежную часть общества».

Якутская областная администрация в своих отчетах и донесениях продолжала настаивать на реформе системы землепользования. «Землепользование инородцев,— писал Крафт,— совсем не упорядочено и главным образом потому, что земли их не приведены в известность путем межевания и не определена норма душевого надела. Существующий порядок землепользования якутов представляет крайне неравномерное распределение земли как между целыми обществами, так и отдельными членами их, способствующее при несовершенстве классной системы деления покосов сосредоточению лучших и обширных земель в руках наиболее богатых и влиятельных общественников в ущерб менее состоятельной части населения» [23].

В 1909 г. местная газета сообщала, что в Сунтарском улусе тойоны (около 7% населения) захватили половину всех земель [24]. Земля, несмотря на все указания о равномерном распределении ее, продолжала концентрироваться в руках зажиточной верхушки якутских общин.

[20] «Общее обозрение Якутской области за 1892—1902 гг.», стр. 39.

[21] Там же, стр. 40.

[22] Отчет якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907—1908 гг.). СПб., 1908, стр. 79.

[23] Там же, стр. 67.

[24] «Якутская мысль», 1909, № 15—16.

Рис. 64. Электростанция в г. Якутске в 1914 г.

Земельная перепись, проведенная в 1917 г. на территории трех южных округов Якутии — Якутского, Вилюйского и Олекминского, показала, что «классная система» землепользования продолжала существовать и покосы распределялись крайне неуравнительно. Подавляющее большинство (более 80%) всех якутских хозяйств имело до 10 дес. удобной земли на хозяйство, обладая в общей сложности 60% всех удобных земель (в том числе 42% всех хозяйств имело до 5 дес.). В то же время 2,5% кулацких хозяйств имели свыше 30 дес. на хозяйство, а в общей сложности — около 10% общего фонда используемых земель [25]. Помимо надельных земель тойоны пользовались и землями своих бедных сородичей и другими участками.

Развитие внутреннего рынка в Якутии оказало влияние и на рост ремесленных предприятий. В 1900-х годах количество их сильно увеличилось, но заводская промышленность по-прежнему оставалась в зачаточном состоянии. В 1910 г. в Якутской области было 97 кустарных предприятий, в том числе 12 паровых и 65 конных мельниц, две лесопильные мастерские, 14 кирпичных предприятий, пивоваренный, мыловаренный и три кожевенных «завода». На всех «заводах» Якутской области было занято всего 169 человек, а годовая продукция их выражалась в сумме 116 127 руб. Паровые двигатели имелись только на 12 мельницах, одном кирпичном и одном лесопильном заводе [26]. Кустарный характер носила в Якутской области и добыча соли. В 1900-х годах на Кемпендяйском и Багинском солеисточниках добывалось до 50 тыс. пуд. соли в год. В 1913 г. здесь работало около 50 рабочих.

В 1910-х годах в Якутске были введены некоторые технические новшества. В 1911 г. была открыта телефонная, а в 1914 г.— электрическая

[25] «Итоги земельной переписи в Якутии». М., 1924, стр. 5—7.
[26] «Обзор Якутской области за 1911 г.», стр. 180.

станция. В 1915 г. Якутская городская управа заказала оборудование для лесопилки и мельницы в расчете на использование электроэнергии. Все эти технические новшества, так же как и предприятия обрабатывающей промышленности, были рассчитаны на удовлетворение нужд зажиточных слоев городского населения.

Отсутствие в Якутии промышленных предприятий объяснялось, с одной стороны, полунатуральным характером производства коренного населения, с другой — невозможностью для мелких кустарных предприятий конкурировать с крупными центральными промышленными компаниями и фирмами, забрасывавшими в Якутскую область товары по более дешевым ценам и лучшего качества.

Слабое развитие промышленности наложило отпечаток на местную торговлю. Из области вывозилось только сырье, а ввозились обработанные продукты. Первое место в вывозе из Якутской области занимала пушнина, прежде всего белка, затем песец и лисица. Помимо пушнины, из Якутии вывозили мамонтовую кость, а на прииски — продовольствие. Ввозили муку, чай, табак, ткани, металлические изделия, бакалейные товары, керосин, свечи, стекло и т. п. Между отдельными округами Якутии обменные отношения не поддерживались.

В связи с ростом приисков и общим оживлением предпринимательской деятельности товарооборот в Якутии уже в конце XIX в. резко увеличился. Наиболее значительными оборотами отличалась Якутская ярмарка. В 1892 г. ее оборот составлял 2 192 450 руб. В Вилюйский округ, где ярмарки отсутствовали, в 1899 г. было ввезено разных товаров на 213 086 руб. и вывезено мяса и масла на 206 тыс. руб.

Из Иркутской губернии в Якутскую область поступали только продукты хлебопашества и соль. Остальные товары завозились с европейских и сибирских рынков. Размеры ввоза отдельных товаров в сопоставлении с количеством населения показывают, что бóльшая часть их предназначалась не для коренных жителей, а для удовлетворения потребностей зажиточных горожан и верхушки крестьянства.

Доставкой и продажей припасов на ярмарках, а также вывозом с ярмарок товаров и распродажей их занимались так называемые «городчики». При огромных расстояниях и разбросанности населения рядовые якуты не имели возможности посещать ярмарки и поручали это за известную плату своим зажиточным сородичам, мелким торговцам-городчикам, богатевшим на посреднических операциях. Городчество было одним из путей возникновения в Якутской области торгового капитала. Так, в «Общем обозрении Якутской области за 1892—1902 гг.» отмечалось: «По улусам Якутского и Вилюйского округов торговля носит довольно своеобразный характер. Лавок очень мало, но почти каждый состоятельный якут (тойон) имеет у себя необходимые для местных жителей товары» [27]. Постепенно городчики превращались в мелких купцов. В 1910-х годах в ряде улусов Якутского округа отмечался рост числа лавок. В Батурусском улусе в 1910 г. было две лавки, а в 1913 г.— уже четыре, в Таттинском соответственно — одна лавка и девять лавок. Из 18 лавок, насчитывавшихся в Батурусском, Таттинском и Баягантайском улусах, 11 принадлежали якутам [28]. В большинстве улусных лавок товары не продавались на деньги, а обменивались на масло и мясо.

В северных округах, отдаленных от торговых центров, действовали мелкие торговцы-посредники, раздававшие товары по повышенным ценам

---

[27] «Общее обозрение Якутской области за 1892—1902 гг.», стр. 52.
[28] «Якутская окраина», 1913, № 209.

в долг и собиравшие затем долги пушниной с огромными процентами. Так, в Булунском округе в 1890-х годах мука, стоившая в лавках 2 р. 60 к. за пуд, продавалась развозными торговцами по 3 р. 20 к.; кирпич чая, стоивший в лавках 70—80 коп.,— по 2—3 рубля [29]. Огромные барыши доставляла купцам запрещенная торговля спиртными напитками. В Колымском округе в 90-х годах ежегодно сбывалось 750 ведер спирта [30]. Одновременно со сбытом привозных товаров производилась скупка пушнины.

В конце XIX в. якутские купцы в значительной мере вытеснили русских купцов из крайне прибыльной торговли с тунгусами, ламутами и своими северными сородичами. В 1888 г. русские купцы — колымчане Соловьев, Кононыхин и братья Бережновы жаловались на незаконную торговлю в пределах Колымского округа якутов — скупщиков пушнины [31]. О характере этой торговли в наслегах можно судить по сведениям, представленным Эльгетским улусом Верхоянского округа в 1894 г.: «Весьма немногие из улуса инородцы занимаются незначительной торговлей, берут от приезжающих верхоянских купцов чай, табак, дабу, сбывают онные местным жителям, приобретают на онный разного рода пушнину и мамонтовую кость. За год доходит оборот их от 500 до 700 рублей. Некоторые из них имеют свидетельства на развозный торг» [32]. В 1900—1910-х годах торговые дела улусных скупщиков пушнины значительно расширились. Известно, что якут Эльгетского улуса Дмитрий Слепцов в одном лишь 1911 г. вывез в Булун на 110 тыс. руб. [33] скупленной им пушнины. Таким образом, и в северных районах на посреднической торговле вырастали крупные капиталы.

В своем стремлении приобрести побольше и повыгоднее пушнины скупщики на севере Якутской области не останавливались ни перед чем. Широко применяли обмеривание, обвешивание, обсчитывание; использовались карты и «угощение». Один из скупщиков в случае встречи с несговорчивым охотником надевал устрашающую маску и являлся к нему ночью в виде «духа тундры» с горящими глазами, приказывая продавать пушнину дешевле. Другой купец возил с собой детский «фокусный ящик» и выдавал себя за волшебника, пользуясь этим для скупки пушнины [34].

В 1916 г. купцы Жиганского улуса заключили между собой соглашение продавать свои товары не ниже определенной цены и скупать пушнину не выше установленных ими ставок, а должникам, просрочившим платежи, начислять проценты из расчета 12—14 годовых. В карман якутских купцов возвращалось в среднем в четыре с половиной раза больше, чем затрачивалось [35].

Солидные торговые фирмы долго ограничивались отдачей своих товаров в кредит крупным северным посредникам. Это обеспечивало сбыт товаров, оборот капитала и получение пушнины. Но в 1913—1914 гг. пушные фирмы поглотили крупных скупщиков пушнины (посредников), организовав свой скупочный аппарат, т. е. начав действовать непосредственно через мелких агентов. Крупные фирмы разделяли Якутию на «сферы влияния». Фирма Коковина и Басова скупала пушнину главным

---

[29] А. Бычков. Очерки Якутской области. Томск, 1899, стр. 55.

[30] В. И. Иохельсон. Очерки зверопромышленности и торговли мехами. СПб., 1898, стр. 148.

[31] ЦГА ЯАССР, ф. 25, д. 7, л. 174.

[32] ЦГА ЯАССР, ф. 62, д. 1975, л. 118.

[33] И. И. Агафонов. Индигирская экспедиция. М.—Л., 1933, стр. 102.

[34] М. Константинов. Пушной промысел и пушная торговля в Якутском крае. Иркутск, 1921, стр. 44—45.

[35] Там же, стр. 75—80.

образом на крайнем северо-востоке — на Колыме и Чукотском полуострове, фирма Швецова — в средней части Якутского края, фирмы Кушнарева и Громовой — преимущественно в Якутске и, кроме того, кредитовали крупных скупщиков пушнины. В 1914 г. наследники Кушнарева организовали для северной торговли и скупки пушнины «Северное торговое промышленное товарищество». Почти одновременно было создано «Устьянское отделение наследников А. И. Громовой». Каждое из этих предприятий вложило в дело на Севере от 200 тыс. до 300 тыс. руб.

Несмотря на отдаленность Якутской области, она испытывала на себе давление рыночных цен. В 1895 г. Иркутская ярмарка предъявила усиленный спрос на песца. Даже в Колымском округе песца скупали по 4 руб. за штуку, тогда как обычно платили 1 рубль [36]. Большое значение для развития пушной торговли имел телеграф, проведенный в начале 1900-х годов до Якутска, а затем связавший Якутск с Вилюйском. Благодаря телеграфу якутские фирмы получали возможность совершать сделки заочно, переправляя затем пушнину по почте.

Вывоз пушнины из Якутской области производился только крупными фирмами, скупавшими ее главным образом на Якутской ярмарке. Перед революцией крупные торговые фирмы доставляли пушнину прямо в Москву, Кяхту или Лондон. Ежегодный вывоз пушнины из Якутской области определялся суммой от 1,5 млн. до 2 млн. руб. [37]. На центральных и иностранных рынках стоимость якутской пушнины перед войной равнялась 3—3,7 млн. руб. [38]

Таким образом, капиталистические отношения в Якутской области развивались преимущественно в сфере торговли.

В связи с деятельностью крупных торговых фирм известное развитие в Якутской области получило кредитное дело. Фактически все банковское дело в Якутии сосредоточивалось в руках Русско-Азиатского банка, который втягивал в себя более мелкие капиталы. Бóльшую часть привлеченных средств Якутское отделение Русско-Азиатского банка, вместо использования их для развития края, передавало своему центральному правлению, выкачивая тем самым далеко не излишние для Якутской области капиталы. Отделения Государственного банка в Якутской области не было, функции его исполняло казначейство. В 1916 г. в Якутской области было 19 сберегательных касс с общей суммой вкладов 950 тыс. руб. Однако ни одно из кредитных учреждений не служило рычагом для подъема экономики самой Якутии. Кредитные учреждения исполняли здесь роль каналов, направлявших свободные средства за пределы области и даже России.

Золоторазработки на Лене способствовали дальнейшему развитию судоходства. Между Якутском и Витимом в 1890-х годах курсировали пять пароходов Ленско-Витимской пароходной компании. Ей принадлежали также 13 барж общей грузоподъемностью в 5 тыс. т. В 1895 г. фирма Громовой установила пароходное сообщение между Якутском и Вилюйском. Накануне Октябрьской революции в Ленском бассейне курсировали 33 парохода. Из них 23 плавали в пределах Якутской области, причем 10 обслуживали исключительно Бодайбинские прииски. Барж на Лене было мало. Каждое пароходное товарищество имело свои затоны и карликовые ремонтные мастерские.

---

[36] В. И. Иохельсон. Указ. соч., стр. 130.

[37] Г. Г. Доппельмайер. Пушной и охотничий промысел Якутии. Сб. «Якутия», стр. 449.

[38] С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии, стр. 38.

Принимались меры к улучшению сухопутных дорог. В 1894 г. для исследования Аяно-Нельканского тракта иркутским генерал-губернатором была снаряжена специальная экспедиция. В 1894—1896 гг. обследовался путь из Охотска в Якутск через р. Юдому. В 1895 г. из Гижиги с побережья Охотского моря сухопутьем были завезены товары в Средне-Колымск. Вскоре был проложен еще более удобный путь для завоза грузов с Охотского побережья на Колыму. По почину торговой компании «Приамурское товарищество» был открыт путь из бухты Олы через Становой хребет на р. Буюнду, правый приток Колымы, и затем на паузках до Средне-Колымска. Стоимость доставки за пуд груза на Колыму снизилась с 10 до 4—5 руб.

Развитие путей сообщения на северо-востоке Якутской области объясняется возросшим интересом торговой буржуазии к этим районам, где можно было ожидать получения крупных колониальных прибылей. Заметным проявлением этого интереса было, в частности, установление пароходного сообщения между Владивостоком и устьем Колымы. Непосредственными причинами, побудившими правительство приступить к этому делу, послужили, с одной стороны, затруднения с доставкой грузов на Колыму, а с другой — угроза захвата природных богатств северо-востока России американцами.

После продажи в 1867 г. царским правительством Аляски американский капитал устремился на захват рынков сбыта и источников сырья на северо-восточных окраинах России. Чукотка, Камчатка были «забытыми окраинами» царской России. Широкие размеры приняло хищничество американских китобоев, истреблявших китов и моржей в русских водах. В заливах и устьях рек Чукотки, Камчатки и Охотского побережья браконьерствовали американские суда, вылавливая большое количество рыбы, преимущественно лососевых, подрывая рыбные промыслы местного населения. Как отмечал русский генеральный консул в Сан-Франциско А. Э. Олоровский, контрабандная торговля американцев наносила большой ущерб населению не только Чукотки, но и Якутской области. «...За последние годы Анадырская губа регулярно посещается судами Маккена и других американцев, успевших организовать там род правильной меновой торговли, в сущности сводящейся к приобретению от туземцев пушного товара взамен рома, виски и других спиртных напитков дурного качества, которыми американцы вдоволь снабжают народ не без предвзятой, конечно, цели. Кроме разрушающего влияния, какое оказывает эта «добровольная мена» на туземное население, она сильно отзывается и на промышленности целого края, так как американцы отбивают значительную часть меновой торговли и от Якутска, захватив все морские промыслы в свои руки. Обращаясь с ними как с своей собственностью, они уже много лет обогащаются в прямой ущерб местному населению, а с тем вместе и государству» [39]. Хозяйничанье американских предпринимателей на Чукотке под флагом русского «Северо-восточного сибирского акционерного общества» привлекло внимание и приамурского генерал-губернатора. В 1910—1912 гг. «Северо-восточное сибирское акционерное общество» было ликвидировано по постановлению Совета министров, признавшего его деятельность вредной с точки зрения государственной безопасности [40].

Чтобы усилить русское влияние на северо-востоке России, правительство стало субсидировать торговые рейсы из Владивостока на Колыму.

---

[39] С. В. Славин. Американская экспансия на северо-востоке России в начале XX века». «Летопись севера». М.— Л., 1949, стр. 137.

[40] С. В. Славин. Указ. соч., стр. 153.

Гидрографическое обследование устья Колымы, проведенное по поручению Морского министерства в 1910 г. Г. Я. Седовым на ледоколах «Вайгач» и «Таймыр», доказало практическую осуществимость морских сношений между Колымой и дальневосточными портами.

В 1911 г. по поручению Министерства торговли и промышленности пароход Добровольного флота «Колыма» под командой контр-адмирала Трояна совершил первый грузо-пассажирский рейс на р. Колыму. Пароход был частично приспособлен к полярному плаванию и имел радиоустановку. Он вез коммерческий груз и паровой катер, предназначенный для курсирования по Колыме. В 1912 и 1913 гг. пароходы уже доставляли в низовья Колымы значительное количество груза.

Таким образом, установились ежегодные торговые рейсы из Владивостока до Нижне-Колымска. Связь между Нижне-Колымском и Средне-Колымском поддерживалась по Колыме двумя катерами [41]. Изредка катерами забрасывались грузы и в Верхне-Колымск [42]. Доставка товаров морским путем удешевила жизнь в низовьях Колымы, однако, как отмечалось в «Якутских областных ведомостях», «ожидавшееся с установлением морских рейсов развитие и оживление Колымского края не получило должного осуществления и край этот продолжает влачить жалкое существование» [43].

Отсталость Якутии, отдаленность ее от крупных промышленных центров порождали в империалистических кругах США и Японии надежды на ее отторжение от России и превращение в их колонию. В 1900-х годах один из американских синдикатов предпринял попытку завладеть огромными территориями Северо-Восточной Азии путем получения железнодорожной концессии. В течение ряда лет представитель синдиката французский инженер Лойк-де-Лобель настойчиво предлагал царскому правительству проект железнодорожной магистрали Нью-Йорк — Париж с тоннелем под Беринговым проливом. Эта магистраль, согласно приложенной к проекту карте, должна была пройти от Чукотки к Иркутску, захватив Средне-Колымск, Верхне-Колымск, Оймякон и Якутск, т. е. пересечь всю Якутскую область.

Предлагая осуществить строительство за счет синдиката без гарантии капитала со стороны русского правительства, синдикат требовал в возмещение затрат не обычную полосу отчуждения, а полосу по 12 верст с каждой стороны дороги и предоставления всех прав на эксплуатацию поверхности и разработку недр этой полосы. Синдикат претендовал также на право скупки земель, проведения новых дорог, организации пароходства, завоза иностранных рабочих и т. д. Из проекта концессии вполне очевидно, что американский синдикат интересовало не проведение железной дороги, расходы на которую, конечно, не могли оправдаться, а именно приобретение земельной полосы, составлявшей пространство около 138 тыс. кв. км. Эта полоса должна была стать первой ступенью на пути к захвату огромных пространств Северной Азии. Предложенный русскому правительству договор по сооружению этой железной дороги подписал среди прочих лиц американский железнодорожный король Эдвард Гарриман, проявлявший тогда особый интерес к России. Проведение железной дороги за пределами США рассматривалось Э. Гарриманом как путь к расширению американских владений [44].

Авантюрный проект американского синдиката вызвал несколько откли-

[41] «Якутские областные ведомости», 1913, № 149.
[42] «Якутская окраина», 1913, № 167.
[43] «Якутские областные ведомости», 1913, № 46.
[44] С. В. Славин. Указ. соч., стр. 142—153.

ков в якутской печати того времени: авторы заметок рисовали розовые перспективы, выражая чувства местной буржуазии, предвкушавшей возможности погреть руки вокруг большого предприятия [45]. Однако, несмотря на широковещательную кампанию, предложения американского синдиката в 1907 г. были правительством отвергнуты. Широкие экспансионистские планы американских дельцов и политиков не удались.

Но пока что американские торговые фирмы не прекращали незаконной торговли спиртом на Чукотском побережье. Хотя снабжение низовий р. Колымы после установления пароходных рейсов из Владивостока улучшилось, американцы продолжали выкачивать через своих агентов колымскую пушнину. Вслед за русским пароходом в устье Колымы появилась американская моторно-парусная шхуна «Китивэк», прибывшая, как отмечала «Якутская окраина», «совершенно случайно» [46]. На обратном пути шхуна погибла (груз удалось спасти). Тем не менее организаторы рейса собирались совершить новое плавание на Колыму. В 1915 г. в Нижне-Колымске зимовала американская «торгово-научная экспедиция» [47].

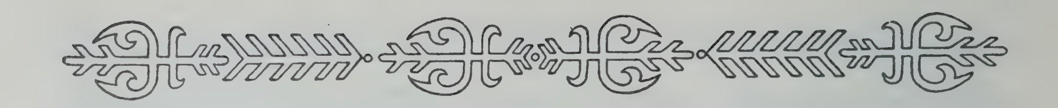
Опасность угрожала Якутской области не только со стороны американского, но и со стороны японского империализма. Сигналы об этом неоднократно проникали в дореволюционную печать. Обследовавший ленские каменноугольные месторождения инженер Либерман получил от одного из японских предпринимателей предложение прислать фиктивные данные о якобы застолбленных для него богатых золотых, платиновых, медных и ртутных площадях для того, чтобы иметь повод создать акционерную компанию и начать разработку богатств Якутской области [48]. Ленские золотые прииски и Якутскую область неоднократно посещали любознательные японские «путешественники» [49].

Несмотря на появление вблизи южных границ Якутии крупных капиталистических предприятий и проникновение капитализма в отдельные отрасли экономики Якутской области, несмотря на рост товарности сельского хозяйства и формирование якутской национальной буржуазии, в большинстве районов Якутии продолжало господствовать натуральное хозяйство. Якутская область не знала стадии промышленного капитализма. Элементы капиталистических отношений переплетались с полупатриархальными-полуфеодальными отношениями. Население подвергалось двойному гнету — со стороны царизма и местных полуфеодальных и капиталистических элементов.

Развитие крупной индустрии у границ Якутской области сочеталось с господством примитивных форм хозяйства в самой Якутии. На рубеже XIX и XX вв. Якутия оставалась отсталой окраиной, колонией русского царизма.

---

[45] «Якутские епархиальные ведомости», 1902, № 6, стр. 92.
[46] «Якутская окраина», 1913, № 249.
[47] Там же, 1915, № 90.
[48] Либерман. Промышленные перспективы Якутской области. «Южный инженер», 1915, № 4, стр. 117.
[49] «Якутская окраина», 1913, № 161.

ГЛАВА XXII

МАЛЫЕ НАРОДЫ ЯКУТИИ В 1861—1917 гг.

Развитие капиталистической экономики затронуло и окраинные области Якутии, населенные тунгусами, ламутами, юкагирами и чукчами.

Во второй половине XIX в. тунгусы Вилюйского округа кочевали в верховьях Вилюя и к северу от него; они промышляли зверя на горных хребтах, тянущихся между Нижней Леной и Вилюем, и по левым притокам последнего. В Якутском округе тунгусы кочевали в юго-западной его части, орошаемой верхним течением Алдана и Амги, Ботомой и их притоками, а также по небольшим речкам, впадающим в Лену с правой и левой стороны, по среднему течению Алдана и Мае. Часть майских тунгусов жила оседло и занималась скотоводством. В Олекминском округе тунгусы кочевали повсюду, за исключением приленских районов на северо-запад и юг от Олекминска, где жили якуты.

В бассейне Колымы, на всем ее правом берегу и верхнем течении, а также по ее крупным правым притокам Омолону и обоим Анюям, Индигирке, Яне и Омолою кочевали ламуты.

По переписи 1897 г. в Якутии насчитывалось 12 201 человек тунгусов и ламутов, в том числе ламутов 2391 [1]. С. Патканов, анализируя данные переписи в своем труде «Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири», увеличивает эту цифру до 13 431 [2]. Десятая ревизия (1850-е годы) дает почти такую же цифру численности тунгусов в Якутии — 12 629. А если к тому же учесть, что данные этой ревизии были неполными, то становится очевидным, что за 40 с лишним лет тунгусское население совсем не увеличилось. Но по отдельным районам численность тунгусского населения значительно менялась, что объясняется спецификой тунгусской экономики в этих районах.

Основным занятием преобладающей части тунгусского и ламутского населения в XIX — начале XX в., как и в XVII — XVIII вв., оставалась охота. Оленеводство имело лишь транспортное значение, обеспечивая перекочевки тунгусов. «Расстояния, которые тунгус проходит во время своих скитаний по тайгам, по падям и узким долинам горных хребтов, по большей части трудно проходимым, поистине изумительны, они нередко превышают 1000 и более верст: тут он бьет соболя, там белку, в такой-то тайге выслеживает крупную дичь, а попав на берег большой реки, временно берется за рыболовство. Многие в самое глухое зимнее время возвращаются в нагорные долины, где им знакомы все ходы кабарги и другого зверя. Здесь тунгус расставляет силки, западни, капканы и роет ямы

---

[1] С. Патканов. Статистические данные, показывающие состав населения Сибири, т. III. СПб., 1912, стр. 710—711.

[2] С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. 1, вып. 1. СПб., 1906, стр. 98.

на зверя и, периодически осматривая их, коротает зиму, не привязываясь однако долго к одному месту» [3].

Уменьшение в Якутии количества пушного и мясного зверя в XIX в. по сравнению с XVII—XVIII вв.— факт, засвидетельствованный многими источниками. С истреблением зверя тунгусское население, естественно, беднело, попадало в неоплатные долги к русским и якутским кулакам и страдало от периодических голодовок, которые во многих местностях длились месяцами. Случаи голодной смерти не были редкостью, а иногда вымирали даже целые семьи и стойбища.

У большинства тунгусов оленные стада не превышали 10—20 голов. Только в северо-западной части Якутского округа, у так называемых ламунхинских, а также части майских тунгусов встречались хозяева, обладавшие стадами в 500—1000 голов и более.

Частые эпизоотии (копытная болезнь и др.) производили в оленных стадах большие опустошения, особенно разорительные для маломощных хозяйств. Гибель оленей часто заставляла бедняков-тунгусов идти в батраки к своим богатым сородичам или к русским и якутским кулакам.

Известное значение в хозяйстве тунгусов имело и рыболовство. Больше всего занимались им тунгусы, населявшие северную Якутию и берега крупных рек, а также обитатели озерного района верховий Вилюя. Рыбу сушили и отчасти коптили, запасая впрок.

Техника промыслов у тунгусов была отсталой. Правда, уже с конца XVIII в. тунгусы перешли от лука к огнестрельному оружию, но и во второй половине XIX и в начале XX в. у них преобладали устарелые типы ружей (кремневые, шомпольные), а в некоторых районах (Колыма) еще сохранялись лук и стрелы. Бытовали также архаические ловушки. Неразвитой была и техника рыболовства (морды, запоры); сети почти отсутствовали.

Кузнечное дело ограничивалось переделкой в архаическом горне старых ломов, топоров и пр. в ножи, огнива и т. п.

Примитивным оставался у кочевых тунгусов и тип жилища — чум, который, смотря по временам года, крылся или оленьими шкурами (зимой), или берестой (летом).

Большую роль в экономике кочевых тунгусов играли торговые связи с русским и якутским населением. Охотничье хозяйство нуждалось во многих товарах и прежде всего в ружьях, порохе и свинце. Уже в начале XIX в. комиссар Олекминского округа указывал в своем донесении, что «тунгусы, оставляя ныне прежнее их и неудачное в промысле зверя, состоящее из луков и стрел, оружие, с жадностью принялись за огнестрельное» [4]. Широкое распространение у тунгусов получили и такие русские товары, как чай, сахар, соль, табак, ситец, посуда, мука и т. д. У якутов тунгусы приобретали масло, молоко, мясо, муку и т. д. Через тех же якутов шли к тунгусам товары русского городского привоза. Торговые связи с тунгусами находились в руках русских и якутских торговцев и кулаков, опутывавших сетями кабалы тунгусские хозяйства. Еще Миддендорф в середине XIX в. указывал на высокую задолженность тунгусов [5]. Майнов в конце XIX в. писал, что сумма долгов средней тунгусской семьи в Якутии составляет 300—500 руб.[6]

[3] С. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. I, вып. 2, стр. 238.

[4] И. И. Майнов. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск, 1898, стр. 24.

[5] А. Ф. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, отд. IV, стр. 740.

[6] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 183.

Под влиянием якутов около половины майских тунгусов, живших по Алдану и нижнему течению Маи, перешло к скотоводству. Материальное благосостояние этой группы тунгусов было гораздо выше, нежели у кочевых оленеводов. Большим был у них и прирост населения.

Совершенно особый характер приобрела экономика тунгусов Олекминского округа: сказалась близость золотых приисков. В то время как часть тунгусов этого округа продолжала кочевать и охотиться в глухой тайге бассейна Витима, многие местные тунгусы перешли на оседлость, обзавелись домами и занялись дворничеством, т. е. содержанием постоялых дворов для якутов, везших клади на прииски. Одновременно оседлые тунгусы начали разводить скот и в связи с этим взялись за заготовку сена, расширяя естественные луга, расчищая заросли, спуская озера и т. д. В некоторых хозяйствах начали сеять ячмень. Наиболее же значительная группа тунгусов (до 40%) работала непосредственно на приисках.

Хотя еще в XVII в. родовой строй у тунгусов находился в стадии разложения, у них вплоть до начала XX в. сохранялись значительные остатки патриархально-родовых отношений. Сохранялось деление тунгусов на роды. Каждый тунгус хорошо знал свою родовую принадлежность. Соблюдалась экзогамия. Держалась в отдельных местах и родовая собственность на промысловые угодья. По-старому созывались родовые собрания (сугланы), хотя их функции теперь сильно сузились. На собраниях члены рода выбирали на три года родового старосту, который собирал ясак и передавал его русским властям. Другие дела на родовых собраниях почти никогда не решались. К родовым собраниям часто приурочивались обменные операции тунгусов с русскими и якутскими торговцами. На собрания приезжали и представители местной полиции для наблюдения за выборами, а также священник для отправления треб (официально все тунгусы в XIX в. уже считались христианами, сохраняя, однако, свои старые языческие верования).

Все это указывает на то, что род в значительной мере приобрел административный, фискальный характер. При тех экономических условиях, которые складывались в XIX в. в тунгусском обществе, и в условиях ясачной политики правительства это и не могло быть иначе. Распад родового строя приводил к обособлению отдельных входящих в род семей, к перемешиванию семей различных родов, к дроблению родов. В той же Якутии представители одного рода часто встречались в двух-трех и более округах. Тем не менее правительство стремилось использовать распадавшиеся родовые связи, искусственно укрепляя их, так как в сознании самих тунгусов родовые отношения продолжали оставаться важнейшими общественными связями. Эта политика правительства доставляла тунгусам немалые неудобства. Так, для уплаты ясака им приходилось прикочевывать за сотни верст. Огромные затруднения для тунгусов, кочевавших вдали от прежних родовых мест, представляло и отбывание натуральных повинностей. Иной раз им приходилось чинить участок дороги за несколько сот километров от своего местопребывания, в то время как участки дороги, находившиеся вблизи, исправлялись тунгусами, прибывавшими издалека.

При раздроблении родов и территориальной разбросанности отдельных их частей родовая собственность превращалась в простую фикцию: «...В принципе,— отмечал Майнов,— собственником территории считается род и в отдельных случаях допускается обмен или подравниванье ловов в пользу такого родовича, у которого его старое место совершенно оскудело зверем; но чаще одна и та же речка из года в год остается в пользовании того же владельца и даже переходит по наследству» [7].

[7] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 180.

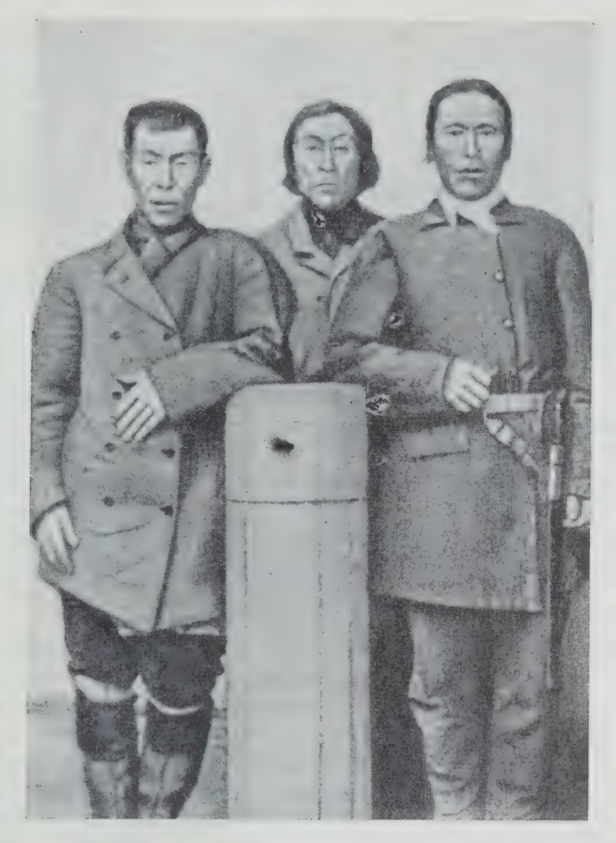

Рис. 65. Олекминские тунгусы

Территориальная перетасовка родов и их дробление создавали предпосылки для объединения по новому — территориальному принципу. Создавались временные, сезонные объединения тунгусов, принадлежавших к различным родам, но живших по соседству друг от друга. Такие тунгусские хозяйства объединялись для коллективного рыболовства, охоты и главным образом для организации совместного выпаса оленей. Необходимость временных объединений вытекала из особенностей комплексного хозяйства тунгусов. Они давали возможность сочетать сезонное летнее рыболовство с организацией выпаса оленей: часть членов объединения ловила рыбу, другая уходила со стадами на летние пастбища. Такие объединения могли включать до 15 и более хозяйств.

Территориальный принцип, лежавший в основе таких объединений, сближал их с соседской общиной у оседлых народов, однако здесь имелась существенная разница: объединения кочевых тунгусов были неустойчивы, временны. Более устойчивый характер носили территориальные объединения у тунгусов, перешедших к оседлости.

Экономической базой классового расслоения в тунгусском обществе являлось оленеводство. Из общей массы выделились немногочисленные богачи. Так, в Майском ведомстве, по данным Я. Стефановича, богатую верхушку составляли четыре тунгусских хозяйства, из которых в одном было 300 оленей, в двух — от 300 до 500 и в одном — 1000. У остальных хозяев оленные стада насчитывали два-три десятка голов, а у многих

оленей не было совсем. У кангаласских тунгусов Майнов смог отметить лишь одно хозяйство, в котором было до 100 оленей; стадо в 30 голов считалось уже «недурным, так как у многих хозяев нет и того» [8]. По данным Иохельсона, в Колымском округе из хозяйств четырех родов ламутов и юкагиров (цифры даны вместе) одно владело стадом в 60 голов, два — в 50, средние хозяйства имели стада в 10—20 голов и, наконец, обедневшие — всего по два-три оленя. Наиболее резко обозначилось расслоение у части майских тунгусов, кочевавших вблизи Охотского тракта.

Имущественное расслоение создавало возможности для классовой эксплуатации. Потерявшие оленей бедняки шли в батраки к богатым оленеводам, получая в виде платы двух-трех оленей за сезон. Богатые оленеводы захватывали также лучшие пастбища. Элементы классового расслоения в тунгусском обществе сочетались со значительными пережитками первобытно-общинного строя. Сохранялись остатки различных форм общинно-родового распределения *(нимат)*, взаимопомощи *(берси, киляда)*, удерживались коллективные навыки в организации охотничьего промысла и рыболовства. Однако в тунгусском обществе развивался процесс индивидуализации производства, хозяйства больших патриархальных семей расщеплялись на хозяйства малых семей, тунгусские роды все больше дробились, имущественная дифференциация и классовая эксплуатация, лишь прикрытая родовыми пережитками, усиливались. Все это указывает на переход тунгусского общества от родового к классовому строю.

Правительственная политика в отношении тунгусов определялась нормами «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Большинство тунгусов Якутии принадлежало к разряду «кочевых инородцев», хотя отдельные местные группы тунгусов сильно различались между собой по своему хозяйственному укладу. Они были обложены тяжелым ясаком и различными натуральными повинностями. О тяжести ясачной политики правительства свидетельствуют огромные недоимки, накопившиеся на тунгусах к концу XIX в. Так, в 1896 г. у кангаласских тунгусов при годовом ясачном окладе в 662 р. 40 к. нодоимки составляли 4696 р. 15 к.

Отсталое хозяйство кочевых, а в немалой степени и оседлых тунгусов ни от кого не получало никакой помощи. Полностью отсутствовало медицинское обслуживание. Страшные эпидемии истребляли тунгусское население. Так, в 1880-х годах в Колымском округе в результате эпидемии оспы некоторые роды тунгусов уменьшились на треть и даже на половину. Тунгусы знали лишь одно средство борьбы с эпидемией — бежать как можно дальше от зараженной местности. Население оставалось сплошь неграмотным. Правительство позаботилось лишь о том, чтобы окрестить всех тунгусов.

При царизме влияние культуры русского народа на культуру тунгусов не могло проявляться в полной мере. Однако и в этих условиях общение с русским народом, связи с экономикой России и самое нахождение тунгусов в составе Русского государства имели для них положительное значение. Длительное общение с русскими привело к тому, что значительная часть тунгусов усвоила русский язык, а это облегчило их дальнейшее сближение с русским населением. Несмотря на усилия царизма натравить русское население на «инородцев», участились случаи браков между русскими и тунгусами. Связи с русской экономикой постепенно разрушали натуральную замкнутость хозяйства тунгусов. Особенно это сказывалось в охотничьем хозяйстве, продукция которого шла на всероссийский рынок. Нако-

---

[8] И. И. Майнов. Указ. соч., стр. 183.

Рис. 66. Ламуты Верхоянского округа

нец, самый распад родовых связей и вызревание классовых отношений, ускоренные вхождением тунгусов в состав России, несмотря на болезненность этого процесса, были прогрессивным явлением в тунгусском обществе.

В XIX в. в результате расселения якутов по всей области большие размеры приняла ассимиляция тунгусов якутами. Вследствие более высокого культурного уровня якутов эта ассимиляция приводила к объякучиванию многих тунгусских групп. Объякутились майские, а еще сильнее — вилюйские тунгусы, которые совершенно забыли свой язык и стали говорить по-якутски.

На северо-востоке Якутии ламуты смешивались с юкагирами, причем в различных местах, в зависимости от условий, получал преобладание тот или другой этнический элемент. Местами ламутские роды объюкагирились, местами юкагиры ассимилировались ламутами. Исторические документы называют одни и те же роды то ламутскими, то юкагирскими. Иохельсон, специально изучавший это смешанное население северо-востока, часто называет его обобщенным термином «ламутско-юкагирские роды», отмечая, что и быт, и обычаи, и верования представляли здесь своеобразную смесь культурных элементов обеих народностей. Сложные этнические процессы, протекавшие на территории Якутии в XIX в.,— смешение и ассимиляция тунгусов и ламутов с якутами и юкагирами, а также экономиче-

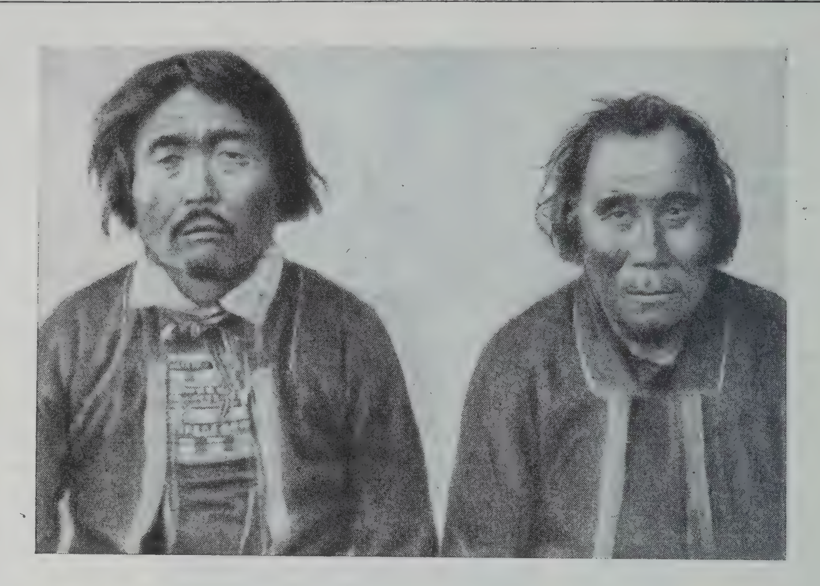

Рис. 67. Юкагиры с р. Ясачной

ские связи тунгусов и ламутов с этими народностями порождали их многоязычие. В местах, где преобладал якутский элемент, родной язык тунгусов часто вытеснялся якутским языком (Вилюйский и Верхоянский округа). В Колымском округе многие ламуты владели юкагирским языком. Наконец, в результате общения с русскими многие тунгусы овладевали русским языком.

Юкагиры в рассматриваемый период постепенно сокращались в своей численности; одновременно уменьшалась и территория их обитания. Десятая ревизия (1859 г.) зарегистрировала в 10 чисто юкагирских родах 1281 человека и в трех смешанных юкагирско-ламутских родах — 967, а всего — 2248 человек. Перепись 1897 г. отметила в первых 10 родах уже только 660 человек и в последних трех родах — 890, а всего 1550 человек. Данные 1904 г. говорят о дальнейшем падении численности юкагиров. Они оставались главным образом на Колыме, по ее притокам Ясачной и Коркодону, между Нижней Колымой и Индигиркой, на Нижней Яне.

Помимо Якутии, юкагиры жили в Анадырском округе Приморской области, преимущественно в с. Маркове и соседних поселках. Перепись 1897 г. зарегистрировала их там в количестве 90 человек. Марковские юкагиры жили оседло, обрусели и обычно считались русскими.

Уменьшение численности юкагиров вызывалось тяжелыми экономическими условиями их жизни, частыми эпидемиями, а также ассимиляцией с соседними ламутами и якутами. От эпидемий оспы и кори вымирали целые поселки. В. Г. Богораз писал: «Когда я спускался вниз по реке Омолону в 1897 г. ..., мы прошли через целую цепь этих вымерших поселков. Наше странствие длилось 17 дней. Мы сделали больше 1000 км и до самого устья Омолона, впадающего в Колыму, не нашли человеческого обитания, кроме этих разрушенных селений, наполненных полуистлевшей утварью и старыми могилами и даже непогребенными скелетами» [9].

По своим занятиям юкагиры делились на две группы. Одна из них — тундровые юкагиры — были оленеводами, другая — верхнеколымские

[9] В. Г. Тан-Богораз. Классовое расслоение у чукоч-оленеводов. «Советская этнография», 1931, № 1—2, стр. 115.

Рис. 68. Девушки-юкагирки

таежные юкагиры — не имели оленей и занимались охотой и рыболовством.

Охотники-рыболовы, кочуя по Колыме и ее притокам, добывали оленя и лося, ловили рыбу в реках, а также собирали съедобные корни, ягоды и т. п. Домашним животным была собака. Охота и рыболовство сохраняли важнейшее значение также и у оленеводов. На охоте применяли самострелы, настораживали петли, охотясь на диких оленей, употребляли оленя-манщика. С конца XVIII в. у юкагиров появились кремневые ружья, наряду с которыми продолжал удерживаться лук. Весной устраивались коллективные охотничьи облавы на дикого оленя. В них участвовало много семей, и сеть для загона состояла из частей, представлявших собственность отдельных семей.

Широкое распространение получила охота на пушного зверя (лисицу, песца, горностая, белку). Охотились также на птицу, применяя древнее оружие: метательный дротик и болас — метательное оружие, состоявшее из ремней с шарами на концах.

Рыболовы ставили в речках «заездки», т. е. перегораживали русла изгородью из кольев и ветвей, оставляя в ней ворота для верш; ловили сетями, обычно получаемыми от якутов; пользовались и старинным орудием лова — удой с костяным крючком; зимой практиковали подледный лов рыбы.

Верхнеколымские юкагиры в поисках охотничьей добычи кочевали по рекам, передвигаясь в лодках или на собаках. Перекочевки были регулярными — сезонными. Зимой верхнеколымские юкагиры жили оседлыми селениями, в постоянных прочных деревянных жилищах. С весны до зимы кочевали и занимались охотой и рыболовством. Ездовых собак в хозяйстве было не больше шести-семи, и при перекочевках несколько хозяйств объединялось для перевозки палаток, одежды, утвари и съестных припасов.

Оленные юкагиры кочевали в тундре между Индигиркой и Колымой. Их образ жизни мало отличался от образа жизни верхнеколымских юкаги-

ров. Хозяйства оленных юкагиров имели в среднем 10—20 оленей; этого, конечно, было недостаточно ни для того, чтобы прокормиться их мясом, ни для перевозок. При перекочевках нескольким хозяйствам приходилось объединяться и по очереди перевозить свое имущество. В обмен на пушнину юкагиры получали от русских и якутских торговцев ножи, топоры, котлы, посуду, сети, чай, табак и т. д. Большинство юкагирских хозяйств находилось в безвыходной торгово-ростовщической кабале.

Уровень материального благосостояния юкагиров был очень низким. Позднее вскрытие реки, слишком раннее ее замерзание, глубокие снега, временное исчезновение диких оленей или лосей — все это приводило к частым и острым голодовкам. Пушнина уходила на ясак и долги торговцам. В. И. Иохельсон в ярких чертах рисует быт коркодонских юкагиров, начиная эту характеристику с быта самого зажиточного человека в их среде: «Шалугин — самый богатый человек в роде, ибо у него много рабочих рук; его сыновья и зять лучшие промышленники, они убивают весной 100 и более оленей, которыми, надо прибавить, кормятся 6—8 домов; они настораживают 100—150 ловушек, из которых добывают 10 лисиц и 1—2 сиводушки. Они ежегодно убивают 200—400 белок. Они каждый год делают несколько стружков, веток и лодок. У Шалугина есть невод, есть сети. У него редкий на Ясачной хозяйственный инвентарь, который я позволю себе перечислить и который состоит из двух медных чайников, 3-х котлов, 2-х топоров, 2-х сковород, 1 эмалированной тарелки и 2-х чайных чашек. У него есть кузнечный инструмент; наконец, у него много долгов. Тем не менее его девушки и маленькие дети (всего в семье было 13 душ) не знают русских рубах, одеваясь только в кожаную одежду; полгода его семья не пьет чая и вместо табаку курит куски табачного кисета и дымленой ровдуги, а весной вместе со всеми живет впроголодь или голодает. Те же семейства, в которых нет промышленников, живут еще жизнью каменного и костяного века. Они ничего не получают. Чай и табак они берут у таких богатых людей, как Шалугин, даром. Русских рубах не знают; чайников нет. Котел, который служит для всяких надобностей, делает для них Шалугин из пороховых банок. Тарелки и чашки заменяются берестяными коробками и коробицами, а их зимняя одежда из оленьих шкур лишена именно того, что должно греть в жестокие морозы,— волос» [10].

Социальные отношения у юкагиров были довольно своеобразны. Юкагиры в XIX в.— это остатки в прошлом многочисленных племен и родов, в значительной мере перемешавшиеся между собой и утратившие черты прежнего родового и племенного единства.

Основной экономической единицей этого времени являлась территориальная группа — стойбище (у оленных) или поселение (у неоленных), состоявшее из нескольких не всегда даже родственных семей. По существу эта территориальная группа была близка к соседской общине. Внутри нее сохранялись многие черты общинно-родовых отношений (коллективная охота «загоном», совместные перекочевки, коллективные черты при распределении добычи и т. д.). В семейно-брачных отношениях ярко выступали пережитки материнского рода. У верхнеколымских юкагиров брак был матрилокален — муж поселялся в семье родителей жены. Однако наследование шло по отцовской линии. У тундровых юкагиров брак был уже патрилокален. Экзогамии, в связи с общей перетасовкой родов, вымиранием целых родовых групп и трудностью заключения браков со-

---

[10] В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Коркодону. «Известия Русск. геогр. об-ва», 1898, вып. III, стр. 273—274.

гласно экзогамным нормам, у юкагиров в XIX — XX вв. уже не существовало. Брак был запрещен лишь между двоюродными; между троюродными браки практиковались часто.

Несмотря на общий низкий уровень экономики юкагиров, у них ясно выступало в XIX — XX вв. имущественное неравенство. В этом отношении показательна вышеприведенная характеристика верхнеколымских юкагиров, сделанная Иохельсоном. Еще более заметно было имущественное неравенство у тундровых (оленных) юкагиров. Если в средних хозяйствах здесь насчитывалось по 10—20 оленей, то наиболее богатые владели 50—60, а беднейшие — лишь двумя-пятью оленями. Налицо были и элементы классовой эксплуатации. Среди юкагиров-оленеводов были кумаланы — лица, не располагавшие никаким имуществом, которые жили и кормились в каком-либо состоятельном хозяйстве и бесплатно в нем работали. Это была настоящая эксплуатация, замаскированная взаимопомощью.

Десять юкагирских родов, фигурирующих в официальных документах XIX — XX вв., представляли собой чисто административные единицы, в которых были перемешаны остатки различных юкагирских родов. Правительство здесь, так же как и у тунгусов, искусственно цементировало распадавшиеся родовые связи, используя родовую организацию в фискальных целях. О характере фискальной политики царизма дают представление следующие факты. В 1911 г. среди нижнеколымских юкагиров числилось 135 ревизских душ юкагиров, между тем как в действительности их было 19 (116 душ были мертвыми, но они значились в ревизских списках), и эти 19 человек были обязаны платить ясак за все 135 душ. Это приводило к тому, что, например, один юкагир должен был не только кормить свою семью, состоявшую из жены и двух стариков-родителей, но и вносить ясак за всех умерших и всех живых, но потерявших работоспособность стариков — в общей сложности за 22 ревизские души.

На бедственное положение юкагиров в конце XIX — начале XX в. обратили внимание печать и общественность. В 1903 г. Министерство внутренних дел отправило на Колыму своего уполномоченного С. А. Бутурлина. Отчет Бутурлина раскрыл потрясающую картину нужды верхнеколымских юкагиров. На три семьи юкагиров приходилось в среднем по одному ружью и одной сети. Не было ни оленей, ни собак. Когда охотники уходили на промысел, им собирали теплую одежду из нескольких семейств [11]. В отчете указывалось, что «жалкое экономическое положение юкагиров могло бы быть несколько улучшено, если бы здесь была организована общественная торговля с кредитом от казны. Тогда они могли бы приобрести в обмен за пушнину волос и коноплю для сетей и неводов, могли бы получить лучшие ружья и дробь, топоры, ножи, посуду» [12]. Но обследование имело лишь те результаты, что якутские губернские власти произвели некоторые «реформы», поставившие юкагиров в еще более полную зависимость от якутской знати и кулаков.

Чукчи, жившие в пределах Якутии, в конце XIX в. распадались на три группы: чукчи Восточной тундры, кочевавшие между Колымой на западе и Чауном на востоке, чукчи Западной или Большой тундры, занимавшие земли между Колымой и Алазеей (небольшая часть их кочевала к западу от Алазеи, по речкам, впадающим в Ледовитый океан, и по притокам Инди-

---

[11] С. А. Бутурлин. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского краев. СПб., 1907, стр. 92.

[12] Там же, стр. 26—29.

гирки) и так называемые Тойоновские чукчи, кочевавшие по правым притокам Омолона.

Перепись 1897 г. зарегистрировала в пределах Якутии 1556 чукчей. В. Г. Богораз определял их численность на 1000 человек больше [13]. Принимая его поправку, можно считать, что в Якутии к концу XIX в. было до 2,5 тыс. чукчей.

Якутские чукчи были оленеводами. Некоторое представление о размерах их оленных стад дают следующие цифры. У индигирских и алазейских чукчей имелись стада до 5 тыс. голов. У сухоанюйских чукчей стада были не так велики (от 300 до 400 голов), но встречались стада и в 2—3 тыс. голов. Большеанюйские чукчи также владели большими стадами оленей; вместе с индигирскими и алазейскими чукчами они снабжали мясом Средне-Колымск и Гижигинск.

Чукчи кочевали небольшими группами. В стойбище, как правило, было две-три семьи, реже четыре-шесть; более шести семей в стойбище не бывало. Осенью чукчи прикочевывали на окраины лесов, чтобы найти здесь убежище от зимних бурь; весной со стадами направлялись в тундру, доходя до берегов океана: здесь не было вредных насекомых и находились лучшие летние пастбища. Часть чукчей уходила летом в горы. Обычно чукчи кочевали на расстоянии 150—200 км, передвигаясь в большинстве случаев из года в год по одной и той же территории.

Большое значение в жизни оленных чукчей имели торговые связи с русским населением, якутами и приморскими чукчами. Одним из центров товарооборота на северо-востоке была Анюйская ярмарка, которая устраивалась весной и продолжалась три дня. На Анюйской ярмарке продавались пушнина, моржовые клыки, оленье мясо и шкуры. Если в первой половине XIX в. на ярмарке преобладала пушнина, то в конце его продукты оленеводческого хозяйства составляли 3/5 всего анюйского оборота. По данным В. Г. Богораза, в начале XX в. на Анюйскую ярмарку собиралось до 600—700 человек (из них четверть — русские и якуты, четверть — колымские ламуты, остальные — чукчи). Ярмарка давала ежегодный оборот в 200—250 тыс. руб., из которых две трети падали на оленных чукчей. Чукотская торговля была исключительно меновой. Деньги были совершенно неизвестны. Единицами обмена в торговле с русскими являлись папуша табака и плитка кирпичного чая; к их стоимости приравнивались остальные товары.

На базе торговли у оленных, а также приморских чукчей выделилась особая группа торговых посредников — «поворотчиков». Хотя во второй половине XIX в. масштаб их деятельности в связи с продажей Аляски резко сократился, тем не менее они совершали регулярные рейсы между Якутией и Чукоткой. «Поворотчики»-оленеводы нанимали работников для сбора на продажу шкур оленьих телят, для погрузки и т. п.; часть товара «поворотчики» брали на комиссию. С товарами они приезжали на побережье, к приморским чукчам и здесь выменивали тюленьи кожи, тюлений жир, всякого рода ремни и американские товары — спирт, ружья, патроны. Такой торговый рейс продолжался год и более. Вернувшись, «поворотчики» расплачивались с дававшими им на комиссию товары, оставляя себе львиную долю барыша от торговых операций. Точно так же с востока приезжали «поворотчики» из приморских чукчей. В начале XX в. каждую весну на восточную границу Якутии прибывало от 10 до 15 торговых караванов. Оживленная меновая торговля продолжалась в течение двух недель, затем приморские чукчи направлялись обратно.

---

[13] С. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, т. I, стр. 120—122.

Социальные отношения у чукчей недостаточно изучены. Основной экономической единицей у оленных чукчей являлось стойбище. Обычно оно, как уже отмечалось, состояло из двух-трех семей, и общая численность его не превышала 10—15 человек. Часто стойбище объединяло родственные семьи: братьев, двоюродных братьев с их женами и детьми, т. е. фактически становилось родственной группой (по-чукотски *варат*). Иногда стойбище составляло часть варата. Зачастую же стойбище объединяло и не родственные семьи: владельцы мелких стад объединялись с людьми равного им достатка, не связанными с ними узами родства. «Бедняки не заботятся о родственных связях»,— говорили чукчи. С другой стороны, и богатые оленеводы часто кочевали с бедняками. Богач не мог пасти многочисленные стада принадлежавших ему оленей силами одной своей семьи. Помощниками его выступали как бедные родственники, так и бедняки, не связанные с ним родством. Стойбище богатого оленевода состояло, таким образом, из семьи хозяина-богача и из нескольких семей, от него зависимых.

Таким образом, наряду со связью территориальной (стойбище) существовали и связи по крови (варат). Варат имел и другое название — «группа участников кровной мести» *(чипйирын)*, что ясно показывает одну из его функций. Обычай кровной мести у чукчей существовал вплоть до установления советской власти. Мстя за кровь, родные и двоюродные братья всегда выступали вместе.

Имущественное расслоение у чукчей было резко выражено. Наряду с богатыми оленеводами, владевшими до 5 тыс. голов, были бедняки, имевшие несколько десятков оленей или же не имевшие их совсем. Богатые оленеводы эксплуатировали бедняков, в том числе и своих родственников, нанимая их в качестве работников и пастухов. Часто пастухами у богатых оленеводов-чукчей бывали тунгусы и ламуты. За сезон пастухи получали от хозяина, кроме мяса, несколько живых телят. В. Г. Богораз определял эти отношения эксплуатации как «зачатки вассальных отношений». Налицо здесь — кулацкая эксплуатация, несколько прикрытая родственными отношениями.

Наряду с эксплуатацией в области производства четко выступала эксплуатация и в сфере торговли. «Поворотчики» получали значительную прибыль от своих торговых поездок.

Более крупных, нежели стойбище, объединений у чукчей не существовало. С этим сразу же столкнулась царская администрация, пытаясь и здесь, как у тунгусов и юкагиров, при проведении своей фискальной политики найти и использовать родовую организацию. Однако у чукчей рода не существовало, и правительство оказалось перед большими трудностями.

Включение чукчей в состав Русского государства оказало прогрессивное влияние на всю их жизнь. Русские принесли чукчам железные орудия, огнестрельное оружие, железные котлы и глиняную посуду, ткани, сахар, чай.

В системе Российской империи чукчи занимали особое по сравнению с другими «инородцами» положение. В «Своде законов Российской империи» содержались особые статьи, относившиеся к народам, «не вполне покоренным» [14]; к числу их относили и чукчей. Статья 1254-я гласила: «Они управляются и судятся по собственным законам и обычаям и русскому закону подлежат только при убийстве и грабеже, совершенных на русской территории». Статья 1256-я указывала: «Чукчи платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают». Правда, в новом издании «Свода за-

---

[14] ПСЗ, т. IX, 1857, ст. 1254—1256.

конов» в 1876 г. эти статьи были исключены, но правительство и во второй половине XIX и в начале XX в. остерегалось обострять отношения с чукчами и не пыталось завинчивать здесь налоговый пресс, как оно делало это по отношению к другим народам Севера. Показателен следующий эпизод, имевший место в 1884 г. У русского торговца Дружинина произошло столкновение с чукчами во время торговли. Дружинин, не получив ожидаемых барышей, пригрозил чукчам, заявив, что якутский губернатор явится на Колыму и что для их усмирения будет привезен порох и свинец в десяти конских вьюках. Угрозы Дружинина стали известны властям, которые пришли в большое смятение. Возникло «дело Дружинина», который был арестован и посажен в тюрьму. Особый курьер был направлен с донесением к якутскому губернатору, другой курьер — к чукчам с формальным торжественным заявлением, что русское правительство к угрозам Дружинина отношения не имеет. Местным русским было указано, что они не должны, под страхом строгого наказания, давать чукчам ни малейшего повода для недовольства.

В первой половине XIX в. чукчи действительно платили ясак, «количеством и качеством какой сами пожелают». Вместе с тем администрация пыталась найти среди чукчей начальников или вождей, чтобы через них установить влияние на всю народность. В 1858 г. правительством был признан «главным начальником и владетелем чукотского народа» тойон Андрей Николаев Амвраургин. Амвраургин принес присягу в Якутске, обязавшись «верно, справедливо служить, во всем повиноваться», «помогать во всем царской власти», «должность начальника, всякую должность, указы... исправлять» [15]. Однако и после назначения Амвраургина взнос ясака увеличился незначительно.

В 60-х годах была предпринята попытка установить обязательный ясак с оленных чукчей. В 1868 г. колымский исправник Майдель был назначен начальником Чукотской экспедиции. Научные итоги работ экспедиции были изложены в его труде «Путешествие по Северо-Восточной Сибири». Секретная политическая задача экспедиции состояла «в собрании сведений о числе чукотского народа, в старании привести их к присяге на верноподданство с платежом ясака и перекочеванием на левый берег р. Колымы» [16].

Майделю удалось установить обязательный ясак только с оленных якутских чукчей, перешедших в 60-х годах на запад от Колымы. Эти чукчи, сознавая, что занятые ими земли не принадлежат им, подчинились новым правилам.

В конце XIX в. вся территория, на которой жили чукчи, была разделена на пять частей, и каждая из этих частей с ее населением получила название «род». Несколько богатых оленеводов были названы «князцами родов». Администрация привлекала их подарками, давая им цветные кафтаны, яркие медали и кортики с серебряной отделкой. Фактически эти князцы не имели никакой власти над своими «родовичами», так как базы для этого — родовой организации — не существовало. Один из таких князцов заявил В. Г. Богоразу в 1895 г.: «Я теперь тоен и имею этот кортик и пачку бумаг как знаки моего достоинства. Но куда же девался мой род? Я не могу отыскать никого».

Новые попытки увеличить ясак и одновременно попытки реформы общественного устройства чукчей относятся к 1910 г. Якутский губернатор

---

[15] Е. Д. Стрелов. Материалы к истории чукоч. Сборник трудов исслед. об-ва «Саха кэскилэ», вып. 1, Якутск, 1925, стр. 18.

[16] Майдель. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской областей. Сборник трудов исслед. об-ва «Саха кэскилэ», вып. 1, Якутск, 1925, стр. 20.

Крафт, посетив Колымский край, отправил в 1908 г. донесение на имя министра внутренних дел Столыпина, в котором предлагал ряд мероприятий. Сущность этих мероприятий сводилась к экономическому и политическому укреплению позиций России на северо-востоке Азии и к борьбе против угрозы американской экспансии. Крафт писал: «Наш северо-восток, считая в том числе Чукотский полуостров и Колымский край, нуждается в прочном нашем влиянии как экономическом, так и политическом. Те слабые силы, которыми представлена наша администрация и торговый элемент в этих местах, совершенно недостаточны. Нужна сильная полномочная власть в лице губернатора Камчатской области с включением в последнюю и Колымского края; необходимо пароходство, обслуживающее все побережье от портов Тихого океана до устьев таких больших рек, впадающих в Ледовитый океан, как Колыма, Индигирка, Яна и Лена. Необходимо устройство факторий, эксплуатация морских, рыбных и звериных промыслов и заселение с этой целью побережья переселенцами из поморов Архангельской губернии. Что же касается чукчей, то правовое положение их должно быть установлено законом твердо и определенно. Следует теперь же издать хотя бы временные правила об управлении инородцев, состоящих в «особенных» разрядах, отменив все архаические правила о платежах ясака по желанию и т. д.» [17]

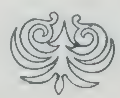
Царское правительство равнодушно отнеслось к программе Крафта.

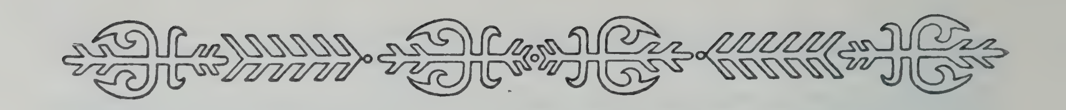
Что касается чукчей, то Министерство внутренних дел предложило иркутскому генерал-губернатору «принять меры к проведению общественного управления и суда среди чукчей... и к обложению их в пользу казны ясаком». Проведение «реформ» было возложено на колымские полицейские власти. Первая попытка была сделана в 1910 г. на Пантелеихской ярмарке, но окончилась полным провалом. Чиновник, пытавшийся проводить «реформы», писал: «По поводу учреждения общественного устройства и суда среди чукчей выражено ими полное непонимание и индифферентизм к такому законному правопорядку... все доводы в пользу общественного управления оказались неприемлемыми» [18].

Как уже отмечалось, в конце XIX в. американские капиталисты развернули на северо-востоке Сибири грабительскую нелегальную торговлю, которая велась в кредит. Обман и ростовщическая кабала были характерными чертами этой торговли. Американские купцы использовали в своих интересах богатую верхушку чукчей. Чукотские «поворотчики» развозили американские товары по побережью и тундре.

Американские товары появились и в Якутии, в частности на Анюйской ярмарке. С начала 90-х годов американские капиталисты приступили к вывозу живых оленей, чтобы завести оленеводческое хозяйство на Аляске. Перевозили оленей суда таможенного флота США. Американским конгрессом был утвержден специальный закон о финансировании дельцов, занимавшихся вывозом оленей. Для закупки оленей американцы использовали долговую кабалу чукчей и вынуждали их отдавать за бесценок своих оленей. Чукчи враждебно относились к этой торговле, подрывавшей основу их благосостояния — оленеводство.

[17] М. А. Кротов. К истории чукчей. Сборник трудов исслед. об-ва «Саха кэскилэ», вып. 4, Якутск, 1927, стр. 54.
[18] Там же, стр. 55.

ГЛАВА XXIII

КУЛЬТУРА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Во второй половине XIX — начале XX в. заметным становится культурный рост якутского населения.

Под влиянием просвещения и тесного соприкосновения с русскими произошли изменения в жилище, утвари и одежде, получили дальнейшее развитие ремесла, обогатилось народное прикладное искусство якутов.

Среди якутов было уже немало искусных плотников и столяров. В городах работали артели плотников; одни из них еще не порвали связи с родным улусом, другие постоянно жили в городе своим профессиональным заработком. В конце прошлого и начале XX в. в Якутске был известен мастер-строитель Федот Романов, хорошими считались плотники из Западно-Кангаласского улуса и нынешнего Горного района. Усвоив русские приемы строительства, они приспосабливали постройки к климатическим условиям и вкусам местного населения. В украшениях наличников окон, карнизов и пилястров домов применялись мотивы якутской орнаментики. Сохранившиеся дома свидетельствуют о высоком мастерстве якутов-строителей.

В городах и улусах все больше распространялась мебель русского образца — стулья со спинкой, четырехугольные столы, шкафы, предметы фабричного производства: самовары, фарфоровая и эмалированная посуда; в более состоятельных домах появились серебряные ложки, чайники, сахарницы, рюмки и пр.

Увеличилось число рубленых домов, хотя еще обычно без крыш. Улусные богачи часто строили себе дома городского типа. В городах якутские купцы усваивали быт русской городской буржуазии. «Представители этой среды,— писал И. И. Майнов,— имеют европейски обставленные дома с зеркалами и венской мебелью; они по праздникам надевают сюртуки и делают визиты исправнику и отцу благочинному, а вечером принимают их у себя и после нескольких роберов крупной игры угощают ужином с коньяком и шампанским высоких марок, с омарами и с заграничным сыром» [1].

По-прежнему богато орнаментировалась деревянная посуда (кумысные *чороны,* чаши — *кытыйа*), а также берестяная. Некоторые виды посуды и утвари (например, водонепроницаемые изделия из кожи) во второй половине XIX в. вышли из употребления. В быт вошли деревянные ушаты, фляги и пр.

Завоз разнообразных тканей и отделочного материала способствовал дальнейшему изменению покроя, фасонов и украшений одежды якутов. В будничной обстановке мужчины носили рубахи из ситца и бумазеи и

[1] И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской обл., стр. 95.

штаны из кожи, ровдуги или лосины, более зажиточные — штаны из плиса или вельвета. Женщины носили платья фасона *халадай* [2] из дешевой бумажной ткани. Зимней одеждой служил *сон*.

Старинный нарядный якутский костюм сохранялся теперь главным образом для праздников. В богатых семьях держались еще старинные *сангыйяхи* из дорогих мехов, а также крытых сукном *буuктаах сон* и *кытыылаах сон*. Сохранилась и женская праздничная шапка *дьабака* с высоким верхом, украшенная вышивками и серебряным кружком *туоһахта*. Мужской и женской обувью по-прежнему служили зимние *камусы* и летние *саары*. С конца XIX в., наряду с зимними меховыми шапками национального фасона, вошли в моду покупные шляпы и картузы.

Привоз в Якутию фабрично-заводских товаров и различных художественных изделий способствовал дальнейшему развитию мастерства якутских ремесленников. Свою продукцию — топоры, пешни, трубки, сбрую, мебель, предметы домашнего обихода — они стали сбывать на городских рынках. Из среды кузнецов выделились мастера, умевшие из серебра и золота лить и чеканить высокохудожественные вещи. Выделывались бляхи для поясов, кольца и серьги с привесками и насечками по мотивам якутского орнамента. Изготовлялись массивные кресты с цепочкой, которые девушки и молодые женщины носили по праздникам поверх платья в виде украшения. Среди богачей получили распространение золотые кольца и браслеты работы местных мастеров.

Со второй половины XIX в. у якутов, наряду с древним орнаментом, появляется сюжетный рисунок на бытовых предметах. Раньше изображения животных встречались только на детских игрушках. Игрушечных лошадок вырезывали из досок или бересты в профиль, коров делали большей частью из тальника; при этом реалистично вырезали только рога, а масть и фигуру обозначали нарезками и соскобами по коре; вырезали также коровок из бересты в весьма условном виде сверху, без ног. Изображения человека, солнца, птиц и других животных встречались лишь на предметах культа, например на принадлежностях шаманского костюма или на берестяных кошелях — *тюктюя*, освещавшихся шаманом и предназначенных для хранения юёр — духов, в которых якобы превращались души некоторых покойников [3]. Пластические изображения людей *(эмэгэт)* употреблялись в некоторых шаманских обрядах.

Появление сюжетного рисунка с изображением человека и животных на бытовых вещах следует приписать русскому влиянию. Таким рисунком украшались теперь деревянные ковши для кумыса, берестяные табакерки, серебряные обкладки седел, поясов и т. п.

Под влиянием русских деревянных изделий якутские мастера еще с середины XIX в. стали изготовлять на продажу небольшие крашеные деревянные шкатулки, орнаментированные наклейками из соломы и цветной бумаги. Изредка на этих предметах делались изображения построек, выложенные из соломы [4]. Встречались ящики и шкатулки с изображением бытовых сцен; обычно они раскрашены масляными красками.

Табакерки для нюхательного табака *(холтуун, табытыарка)* делались из куска бересты и имели вставное деревянное дно и деревянную крышку овальной формы. Устройство их одинаково с русскими табакерками, широко распространенными в Сибири, но изображения носят оригинальный

---

[2] «Халадай» (холодай) — род верхнего женского платья.

[3] См. С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.— Л., 1954, стр. 573—582.

[4] Там же, стр. 535—538.

характер и сохраняют признаки якутского стиля [5]. Изображения на стенках табакерок выполнены тонкими вдавленными линиями. Четко переданы контуры изображаемых предметов, пространство внутри контура нередко заштриховано. Тематика рисунков на табакерках разнообразна. Чаще всего встречаются охотничьи сцены: схватка охотников с медведем, охота с собаками на лосей и диких оленей, охота на уток. Выразительны рисунки, изображающие сенокосные работы, рубку деревьев. Были распространены также изображения шаманского камлания над больным. Рисунки на табакерках обычно очень реалистичны.

Рис. 69. Деревянная посуда конца XIX в.

Реалистична и гравировка по металлу. На обкладках седел, серебряных накладках поясов изображены всадники, езда на санях, такие бытовые сцены, как угощение гостя, обучение детей грамоте и т. д. На серебряных пластинках встречаются изображения львов, единорогов, напоминающие подобные же изображения на изделиях русских мастеров XVI—XVIII вв. [6]

Со второй половины XIX в. стали распространяться изделия из мамонтовой кости, до того производившиеся только на Крайнем Севере, в особенности на Чукотке. Из мамонтовой кости изготовлялись скульптурные фигурки собак и оленей, черенки ножей с инкрустацией из олова, гребенки, мундштуки, курительные трубки с резьбой или инкрустацией, шкатулки и рамы с мастерски выполненным ажурным узором или рисунками бытовых и охотничьих сцен. Делались они по заказу или продавались городским покупателям, как русским, так и якутам. Из среды костерезов выделялись мастера, работы которых высоко оценивались на выставках. Из костерезов начала XX в. известны К. Неустроев и Д. Никифоров, поделки которых хранятся в настоящее время в музеях Якутска. В Якутском музее имеется большая модель Якутской крепости XVII в., очень тонко выполненная неизвестным мастером. Но спрос на подобные изделия был слабый, поэтому и ассортимент ограничивался обычно гребенками, курительными трубками и т. п.

Привлечение якутских мастеров к изготовлению иконостасов и киотов для строившихся и ремонтировавшихся церквей, а также распространение репродукций картин русских художников и лубочных рисунков помогало якутским народным мастерам овладевать техникой живописи. В первых десятилетиях XX в. из среды якутов стали выявляться живописцы-любите-

---

[5] С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 539—549.
[6] Там же, стр. 551—557.

ли и профессионалы. В 1880—1910 гг. было широко известно имя неграмотного якута-живописца Беллеския, выполнявшего заказы на иконы для сельских церквей. Еще до этого был известен якут Анастас Бурнашев — лучший в то время резчик по дереву и хороший маляр, умевший писать лубочные изображения. Любительские занятия живописью политических ссыльных Архарова, Ем. Ярославского, Чайкина и др. послужили примером для многих якутов из учащихся. В качестве крупного мастера живописи из местного населения в 1910—1920 гг. выделился Иван Васильевич Попов. Его картины историко-этнографического содержания («Шаман», «Якутская ураса» и др.) получили высокую оценку со стороны специалистов и вошли, наряду с его работами советского периода, в общенародный фонд произведений искусства.

Рис. 70. Якутка в платье покроя «халадай» сучит нитки.

Существенные события в общественной жизни Якутии второй половины XIX — начала XX в., изменения в экономике края, развитие национального самосознания, проникновение в массы элементов русской культуры — все это оказало влияние на развитие устного народного творчества якутов. Сохранялись старинные предания, сказки, песни, скороговорки и пр., однако содержание и художественная форма их обогатились новыми наслоениями. Создавались произведения и образцы, отражавшие новые явления в жизни народа. Народный язык обогащался новыми словами, выражениями и изобразительными средствами.

Народ с любовью хранил богатырский эпос *олонхо* [7]. Его сюжеты продолжали передаваться от поколения к поколению, но наряду с древними

---

[7] Образцы олонхо до революции печатались во многих изданиях, например: «Верхоянский сборник». Якутские сказки, песни, загадки, пословицы, собранные в Верхоянском крае И. А. Худяковым. «Записки Вост.-Сиб. отдела РГО по этнографии», т. I, вып. 3, Иркутск, 1890 (олонхо о Хаан Дьаргыстай и др.); «Образцы народной литературы якутов», под ред. Э. К. Пекарского, т. I в пяти выпусках. Тексты, собранные Э. К. Пекарским, СПб., 1907—1911; т. II в двух выпусках. Тексты, собранные И. А. Худяковым, СПб., 1913—1918; т. III в одной книге. Тексты, записанные В. Н. Васильевым, СПб., 1916 (опубликовано более 10 полных текстов олонхо и несколько сокращенных записей). Пересказы олонхо по-русски опубликованы В. А. Приклонским в приложении к этнографическим очеркам «Три года в Якутской области», «Живая старина», 1890, вып. 2, стр. 169—176, 1891; вып. 3, стр. 165—179; вып. 4, стр. 139—148, а также М. П. Овчинниковым «Сордохай богатырь (якутская сказка)», Известия Вост.-Сиб. отдела РГО», 1904, т. XXXV, № 2, стр. 1—8. Переводы олонхо, записанные в конце XIX в., опубликованы в книге: С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов. Л., 1925.

идеями (например, борьба доброго начала со злым, защита сородичей и соплеменников) в олонхо теперь несколько усиливаются социальные мотивы — протест против классовой несправедливости. Некоторые сказители осуждали родоначальников-баев за накопление огромных богатств

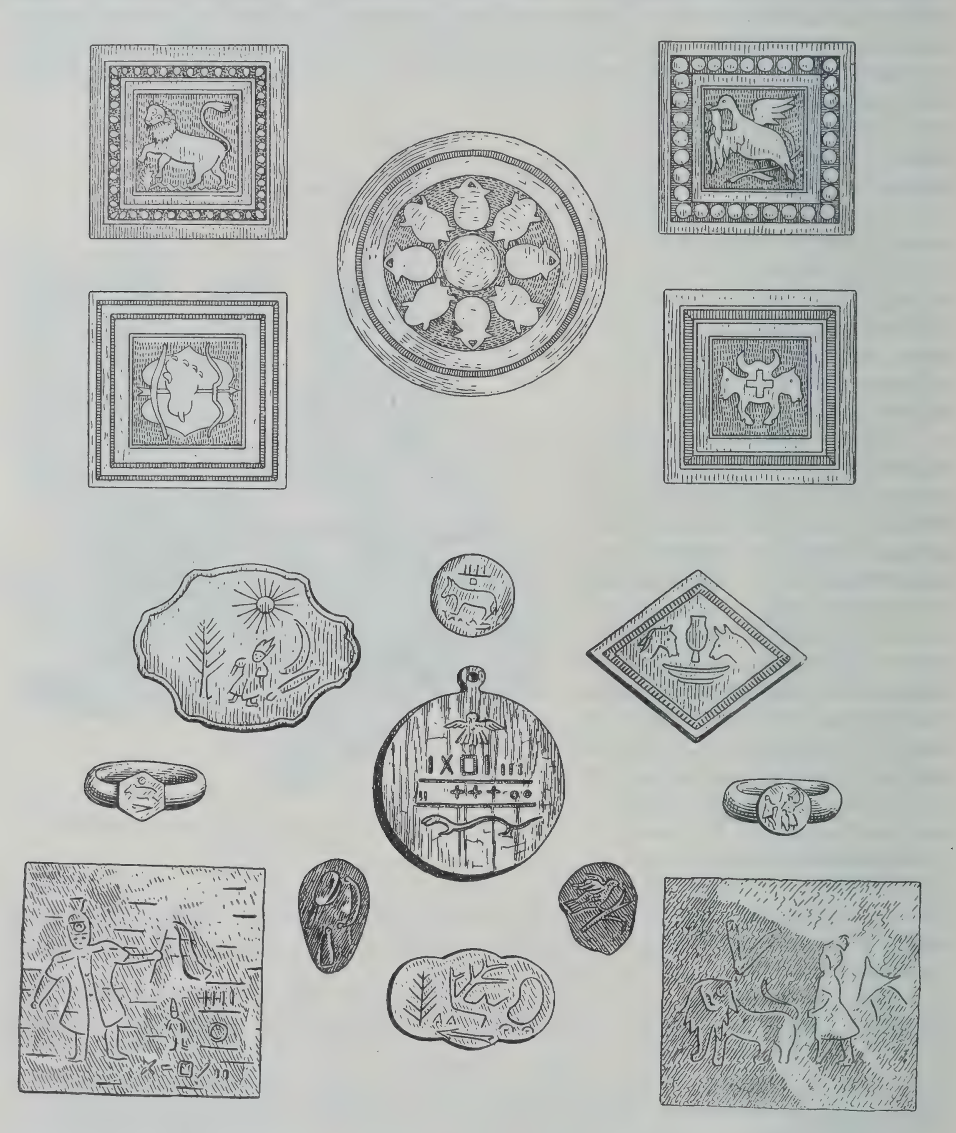

Рис. 71. Якутские изделия из дерева и серебра с сюжетным рисунком

путем грабежа своих соплеменников. Образы родоначальников нередко наделялись чертами характера позднейших эксплуататоров. Богатство родоначальников герои олонхо раздают народу. Несмотря на примитивность и утопичность, этот дележ байского имущества отражает стремление народа к справедливому распределению продуктов труда. Влияние современности проникало и в содержание олонхо. Забытые черты старинного быта иногда заменяются описанием новых явлений. Так, описание небес-

ного суда с его атрибутами, секретарями, десятниками и пр., встречающиеся в некоторых олонхо, напоминает царский суд и администрацию.

Записанные в конце XIX в. былины олонхо представляют собой большие эпические поэмы в 5—12 тыс. строк. Стих олонхо строится на аллитерации и созвучиях, местами прерывается ритмизированной прозой. Это, конечно, результат долгого художественного развития. В олонхо встречаются русские слова, вошедшие в разговорный язык. Некоторые из них употребляются в сравнениях и украшающих эпитетах. Так, например, для усиления эмоционального впечатления черные брови определяются парным русско-якутским словом *чуорунай* (черный) *хара хаастаах*, к силе богатыря прилагается эпитет *сиилинэй* (сильный) *кюютэх*, слезы плачущей женщины сравниваются с русским жемчугом *(икки харагын уута уруускай чёмчюок курдук мёлбюрус гынна* — «из обоих глаз ее покатились крупные слезы, подобные русскому жемчугу»).

Олонхосуты по-прежнему не были профессионалами. В жизни это были обычные крестьяне, и за исполнение олонхо они, как правило, ничего не получали. В начале XX в. в народе были популярны имена выдающихся олонхосутов Н. Абрамова-Кынат из Восточно-Кангаласского улуса, Д. Говорова из Борогонского, Т. Борисова-Ырыа из Таттинского, С. Зверева из Сунтарского (ныне заслуженный деятель искусств ЯАССР), Е. Ивановой из Амгинского (ныне известная певица-импровизаторша) и др. Каждый олонхосут знал по нескольку олонхо, иногда десятки. Кроме того, олонхосуты знали народные песни, исторические легенды и предания.

Новые явления, возникавшие в экономике, быту и общественной жизни, отразились в песенном творчестве якутского народа. Во второй половине XIX в. в Якутской области широко распространилась «Песня о водке» [8]. В ней очень картинно описываются производство и продажа водки и пагубные последствия пьянства. Были распространены песни о картах, в которых изливали свою досаду и горечь люди, проигравшие в карты последнее имущество и деньги, заработанные тяжелым трудом [9].

Появились песни, отражающие протест трудящихся против гнета патриархально-феодальной знати и нарождавшейся буржуазии. Крупным произведением со сложным сюжетом и яркой типизацией персонажей является «Песня о Василии Мачаяре» [10]. В ней выведены представители якутской торговой буржуазии Василий Мачаяр и Суруксут Гаврильев с их женами, одержимые страстью к обогащению. В погоне за наживой они теряют честь и совесть. Они обыгрывают друг друга в карты, стараются различными махинациями разорить друг друга. Напротив, представители народа показаны в песне скромными, честными тружениками, не желающими принимать участие в темных делах своих хозяев.

Приемы исполнения и мелодии якутских песен разнообразны. Песни о природе, многие трудовые и бытовые песни и песни олонхо исполнялись на мотив *дьиэрэтии* («протяжный»). Исполнение их сольное, без аккомпанемента. Пели обычно сидя, заложив ногу на ногу, одну руку прикладывали к уху, другую клали на колено, а в патетические моменты ею подбоченивались или жестикулировали.

Другие бытовые и любовные песни, народные дуэты, созданные по-

---

[8] Много записей этой песни хранится в Рукоп. фонде ЯФАН.

[9] «Саха фольклора» («Якутский фольклор»). Хрестоматия, составленная Д. К. Сивцевым. Якутск, 1948, стр. 247—250.

[10] Альманах «Дабаан», М., 1938, стр. 101 и сл. Перепечатано в хрестоматии «Саха фольклора», стр. 270—290. Записи других вариантов имеются в Рукоп. фонде ЯФАН.

видимому, под влиянием знакомства с русскими песнями, исполняли на мотив *дэгэрэн* («ритмичный» или «быстрый»).

Во время весенних танцев *оһуохай* и летом во время ысыаха исполнялись хороводные песни, воспевавшие весеннюю природу и наступление лета. В каждом районе существуют различные варианты хороводных песен — *юнкюю ырыалара.* Эти песни подразделяются на быстрые — *кютюю юнкюю* и медленные — *хаамыы юнкюю.* В быстрых танцах обычно ограничивались бесконечными повторениями немногосложных припевов, вроде *эһиэкэй-оһуохай!* В медленных танцах хором распевались иногда очень длинные песни, причем запевалы часто импровизировали их тут же по типу традиционных песен. В них подробно описывались оживление природы после долгой зимы, появление зелени на лугах и в лесу, наступление хорошей поры после долгой холодной зимы, радость народа и т. д.

Природе, а нередко и социальным мотивам были посвящены некоторые виды стихотворений-скороговорок *(чабыргах),* например «Билбиткербют» («Виденное и слышанное») [11]. Рассказывалось здесь также о лучших людях из народа — хороших косарях, дровосеках, искусных плотниках, столярах, знаменитых народных певцах, народных спортсменах — бегунах, прыгунах и т. д. Вот одна из скороговорок, прославляющая тружеников:

Подобный сыну Тита
Силачу Баахання
В течение восьми недель
Ежедневно по сто копен сена
Полностью скашивающий
Добрый косарь такой
Едва ли родится на свете [12].

Нередко в скороговорках осмеиваются такие людские пороки, как злословие, страсть к картежной игре и т. д. В сатирическом тоне здесь даны меткие характеристики эксплуататоров и угнетателей народа — тойонов и их приспешников:

Подобного Егору Оросину
Столь разжиревшего
Бесмысленно толстого человека
Не знаю [13].

Народное мировоззрение отражено в пословицах, поговорках и загадках [14]. Среди них много пословиц и загадок, касающихся классовых отношений. Вот, например, загадка: «Важный начальник ходит, подняв вверх свой кортик» (отгадка: собака); или пословица: «Высосавший слезу у кривого, сукровицу у хромого». Ряд пословиц выражает мечту народа о лучшей жизни, о непрочности общественных порядков, основанных на угнетении и эксплуатации («Век повернется, жизнь переменится», «Сидящие на передней наре перейдут на место у входа, стоящие у входа займут место в красном углу»).

---

[11] «Саха народун айымньыта» («Творчество якутского народа»), составили Г. М. Васильев и Х. И. Константинов, под общей ред. В. Н. Чемезова, Якутск, 1942, стр. 191—198.

[12] «Саха народун айымньыта», стр. 194.

[13] Там же, стр. 196.

[14] Якутские пословицы, поговорки и загадки в русском переводе опубликованы в «Верхоянском сборнике» И. А. Худякова, Иркутск, 1890.

К концу XIX в. христианские верования и обряды все еще переплетались в сознании населения с сохранявшимися шаманистическими. В неприкосновенности сохранились охотничьи обряды, многие семейные обычаи и поверья. Однако некоторые другие обряды, как, например, связанные с кумысным праздником *ысыах,* стали постепенно исчезать. Произошло смешение некоторых языческих и христианских обрядов и обычаев. Так, для отпевания покойников якуты теперь приглашали священника и нанимали грамотея для чтения псалтыря, но поминки устраивались по-якутски: особым образом убивали и съедали специально для этого откормленного коня покойника, а череп коня вешали на дерево [15]. Делалось это с той целью, чтобы «покойник отправился на тот свет верхом».

В среде якутов соблюдались такие православные обряды, как крещение, венчание, изредка причастие. Пост почти не соблюдался. Во второй половине XIX в. все якуты были уже крещены; в том числе были крещены и шаманы, которые, как и все другие, молились христианскому богу и выполняли христианские обряды. При крещении якуты получали христианские имена. Фамилии носили тоже русские; фамилии, произведенные от якутских дохристианских имен (Бырдаков, Болчусов, Чичигинаров и т. п.), встречались редко. Однако наряду с официальными именами и фамилиями у якутов сохранялись свои национальные прозвища.

Верхушка якутского общества, соприкасавшаяся с русской администрацией и духовенством, была более привержена к христианству, полнее соблюдала положенные обряды.

Духовенство боролось с шаманством. Шаманов преследовали, им стригли волосы, налагали на них церковное покаяние, отбирали у них предметы культа, облачение и бубен. Однако шаманы и не думали отказываться от своей профессии. Они совершали свои обряды, народ им верил и боялся их [16]. Шаманство проникало и в русскую среду; объякутившиеся мещане и казаки нередко приглашали к себе камлать шамана. Авторитет же духовенства в большинстве случаев был невысок. За редким исключением священники были малограмотны и малокультурны. Известны факты, когда русские священники, заболев, сами прибегали к помощи якутских шаманов.

Правда, миссионеры издавали духовные книги на якутском языке: «Апостольские чтения» (1902 г.), «Как следует веровать, жить и молиться» (1904 г.) и др. Стараясь создать себе круг читателей среди «инородцев», они составляли буквари и самоучители для якутов. Но эти издания служили лишь целям внедрения в народе христианства и укрепления тем самым социального и национального гнета.

В обирании населения духовенство не отставало от шаманов. До начала XX в. сохранялся так называемый ружный сбор в пользу православной церкви. В 1917 г. в Якутской области было 333 церкви с полутора тысячами служителей культа различного звания.

Как и раньше, царская администрация Якутии не принимала необходимых мер для насаждения грамотности среди населения. Наоборот, власти нередко глушили общественную инициативу по открытию новых школ, чинили всякие препятствия развитию просвещения.

По данным на 1863 г., в городах Якутской области было всего несколько школ, находившихся в ведении разных ведомств. В училищах Министерства народного просвещения обучалось 226 учащихся, в училищах

---

[15] В. Ф. Трощанский. Эволюция черной веры у якутов. Казань, 1902, стр. 3 и сл.

[16] В. Л. Серошевский. Указ соч., стр. 614—678.

духовного ведомства — 73. В трех карликовых школах военного ведомства обучалось около 40 казачьих детей [17].

В 1869 г. четырехклассное уездное училище в Якутске было реорганизовано в мужскую классическую прогимназию, но только в 1872 г. в ней появились 5-й и 6-й классы и приготовительное отделение. В 1890 г. эта прогимназия была реорганизована в реальное училище, просуществовавшее до Октябрьской революции. За 13 лет (1879—1892) в прогимназии ежегодно обучалось в среднем 108 учащихся, среди них детей из привилегированных сословий — 23, купцов и мещан — 38, крестьян и поселенцев — 7, казаков — 10, «инородцев» — 30; окончили полный курс обучения за эти 13 лет лишь 32 человека, в том числе только один якут.

В 1882 г. на средства, пожертвованные городскими богачами, была открыта Якутская женская прогимназия, впоследствии реорганизованная в женскую гимназию. За 11 лет (1882—1892) ее окончило всего 38 девушек, из них только одна якутка [18].

Первый толчок к продвижению народного образования в улусы и селения, т. е. в среду коренных жителей и русских крестьян, был сделан в 70-х годах, когда, по опыту Центральной России, сама сельская общественность взяла на себя заботу об открытии и содержании школ. Активное и прямое участие в этом деле приняли политические ссыльные. В 1870 г. начальное училище было открыто в Баягантайском улусе, в 1871 г.— в Амгинской слободе и городах Верхоянске и Колымске, в двух Кангаласских улусах Якутского округа и в 1876 г.— в Верхне-Ви-
в 1872 г.— в Борогонском, Батурусском и Намском улусах, в 1874 г.—
люйском, Мархинском и Сунтарском улусах Вилюйского округа. В том же 1876 г. открылись две частные начальные школы в Олекминском округе: Кыллахское училище и школа на золотых приисках. В 1877 г. по ходатайству крестьян-почтосодержателей 20 станций Иркутского тракта на Лене открылась школа в сел. Синском.

Однако рост сети начальных школ на этом надолго прекратился в связи с наступившей в стране глубокой политической реакцией 70—80-х годов. Более того, в 1883 г. было закрыто Синское училище, а вскоре прекратило свое существование и Кыллахское училище, восстановленное лишь в 1890 г. Министерство народного просвещения нисколько не заботилось о своих школах в Якутской области. Управление ими было возложено по совместительству на директора Якутского реального училища.

С 1879 по 1892 г. во все министерские начальные школы было принято 1040 учащихся, в том числе 698 детей якутов. Окончило же полный курс школы только 336 человек, среди них 180 якутов; остальные отсеялись до окончания курса [19].

Набор учащихся и расходы по содержанию школ производились путем раскладки по наслегам. Работа школ во всем зависела от произвола попечителей или так называемых «блюстителей» школ, избиравшихся, как правило, из крупных тойонов. Попечители школ имели право по своему усмотрению нанимать учителя, заботиться о средствах и хозяйстве школы, следить за поведением учащихся, помещать их в пансион, сдававшийся иногда с торгов в частные руки. Содержателями пансионов часто были недобросовестные люди, которые нещадно эксплуатировали уча-

---

[17] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 81.

[18] Гадзяцкий и Преловский. Деятельность Министерства народного просвещения в далеком Якутском крае. Иркутск, 1893, стр. 16—19.

[19] И. И. Майнов. Зачатки народного образования в Якутской области. «Сибирский сборник», 1897, вып. III, стр. 199; Гадзяцкий и Преловский. Указ. соч., стр. 10—11.

щихся, морили их голодом. Этот порядок, при малограмотности большинства учителей, подрывал авторитет школы в глазах населения. Но и таких школ было очень мало. На пять округов Якутской области с населением около 250 тыс. человек в 1886 г. насчитывалось всего 12 начальных школ, в которых обучалось 152 ученика, т. е. в среднем 12,6 ученика на одну школу[20]. В 1892 г. было всего 16 начальных школ. Даже в центральных округах не каждый улус имел начальную министерскую школу.

Реакция 70—80-х годов сильно отразилась и на качестве учебной и воспитательной работы. В министерских школах увеличились часы религиозных предметов и усилился контроль над преподаванием других предметов со стороны духовенства. Особое внимание царское правительство уделяло развитию церковно-приходских школ и школ грамоты при церквах, противопоставляя их министерским. В 1895 г. в области существовали 13 министерских начальных училищ, в то время как церковно-приходских школ было 33, а школ грамоты при церквах — 24[21]. Прошедшие курс наук под руководством малограмотных священнослужителей Якутской области далеко не всегда умели даже читать и писать.

Уровень грамотности коренного населения Якутии оставался крайне низким. По итогам всеобщей переписи 1897 г., грамотность якутов равнялась 0,7%, а к моменту Октябрьской революции она едва достигала 2%. У эвенков Якутской области в 1897 г. насчитывалось лишь 0,1% грамотных, а у чукчей из 11 795 человек было зарегистрировано только четверо грамотных. Среди чуванцев, ламутов и юкагиров в 1897 г. не оказалось ни одного грамотного. Такое положение сохранялось вплоть до 1917 г.

Попытки местной интеллигенции создавать культурные и общественные организации пресекались царской администрацией в самом начале. Якутский губернатор в 1905 г. писал: «Учреждение школ с преподаванием на якутском языке и искусственное создание якутской грамотности, литературы и библиотек принесет не пользу делу просвещения, а вред»[22]. Преподаватель Якутской духовной семинарии П. М. Соловьев на совещании якутских миссионеров говорил: «К чему создавать искусственную грамоту среди племен, пусть пресмыкаются, если не хотят подлаживаться под русский дух. Стыдно поддерживать варварский язык. Что значит сто тысяч чумазых против одного миллиона и двухсот тысяч россиян»[23]. Этот реакционер в циничной форме сказал то, о чем в иных словах писал губернатор, официальный глава местной власти. Оба они верно выразили сущность руссификаторской политики царизма по отношению к нерусским народностям России.

Огромная заслуга в распространении грамотности и в культурно-просветительной работе в Якутии принадлежала политическим ссыльным. В 1869 г. ссыльный каракозовец Худяков подал жителям Верхоянска первую мысль о необходимости создания в городе школы. Школа открылась в 1871 г. Домашнюю школу для обучения детей якутов и русских крестьян открыл В. Г. Короленко (1881—1884 гг.). Многие другие политические ссыльные, как В. М. Ионов, С. В. Ястремский, Цыценко и др., выступали на педагогическом поприще, прекрасно владея языком якутов и обучая на нем их детей. В 80-х годах зажиточные якуты часто приглашали ссыльных в качестве домашних учителей.

---

[20] Н. Я. Сельское народное образование в Сибири. «Сибирский сборник», вып. I, М., 1891, стр. 144.

[21] «Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. III.

[22] «Якутский край», 1907, № 8.

[23] «Якутская окраина», 1912, № 83.

В 1891 г. политическими ссыльными был создан Якутский музей, в 1898 г. при их активном участии основана бесплатная народная библиотека-читальня. Вскоре такие библиотеки были созданы в Вилюйске и Олекминске. Помимо этого, у политических ссыльных имелось несколько частных библиотек, через которые распространялась нелегальная марксистская литература. В 1911 г. музей и городская библиотека получили новое двухэтажное каменное здание, построенное по инициативе ссыльных на частные пожертвования от населения. Среди читателей якутской городской библиотеки в 1912 г. было 14% якутов, а в 1914 г.— уже 20%.

К 1917 г. в Якутской области насчитывалось всего 173 школы, где обучалось 4660 учащихся и работало 254 учителя. В числе этих школ начальных было 164 с 3625 учащимися, высших начальных — пять с 375 учащимися и средних — четыре.

В средних школах (реальное училище, женская гимназия, женское епархиальное училище и духовная семинария) в 1917 г. училось 660 человек, но якутов среди них было только 10%. Из профессиональных учебных заведений имелись только фельдшерская школа (с 1906 г.) и педагогические курсы (с 1912 г.). Последние в 1914 г. были преобразованы в учительскую семинарию, давшую первый выпуск учителей, главным образом из якутов, лишь в 1917 г.

Но как бы ничтожно ни было количество школ в Якутии, прогрессивные последствия знакомства якутов с просвещением и культурой были огромны. Независимо от реакционных целей и монархических установок преподавания, через такие предметы, как русский язык и литература, в Якутии распространялась передовая русская культура. Наличие хотя и немногих средних школ давало возможность отдельным, преимущественно состоятельным, якутам получить среднее образование, а одиночкам — высшее. В дореволюционной якутской интеллигенции, вышедшей еще в последней четверти XIX в. из среды тойонов и защищавшей интересы якутской национальной буржуазии, была небольшая демократическая прослойка, связанная с революционной политической ссылкой. Из нее выдвинулся первый революционер-якут К. Г. Неустроев, повешенный в 1883 г. царскими палачами в Иркутске. Довольно значительные кадры революционной интеллигенции воспитали в Якутии в более позднее время ссыльные большевики.

Условия дореволюционной Якутии были весьма тяжелы и для развития печати. Царская администрация прилагала все старания, чтобы затормозить развитие печати и литературы, которые могли бы правдиво отражать мрачную действительность, нужды и страдания народа. Поощрялась только печать религиозного и открыто реакционного монархического направления.

С 1863 г. в Якутске издавались «Памятные книжки Якутской области» [24], заполненные справочными и статистическими сведениями. С 1887 г. стали выходить «Епархиальные ведомости» [25], орган местных попов и миссионеров. Редакция этого журнала и отдельные миссионеры печатали на якутском языке молитвенники и христианские проповеди. С 1892 г. издавалась газета «Якутские областные ведомости», где печатались официальные и информационные материалы. Газета была далека от освещения действительного положения в России и в Якутии.

Все названные издания были официальными и выпускались силами

---

[24] Вышло восемь книг за годы 1863, 1867, 1871, 1891, 1896 (увидели свет I и III выпуски), 1902 (в двух выпусках).

[25] Выходили нерегулярно два раза в месяц.

образованной части чиновничества и духовенства. Первые попытки создания неофициальной печати в Якутске были сделаны в 1904 г. По инициативе политического ссыльного В. М. Ионова и учителя В. Жарова стали издаваться на гектографе бюллетени Петербургского телеграфного агентства с добавлениями. Эти бюллетени были признаны начальством нежелательными. Жарова вынудили уехать из Якутска.

Политические ссыльные, изучавшие быт, занятия, материальное положение, общественный строй, воззрения якутов, не имели возможности печатать свои публицистические, художественные и научные работы в Якутской области. Лишь в отдельных номерах «Памятной книжки» с большим трудом, без упоминания имен авторов, помещались научные статьи ссыльных Пекарского, Иохельсона и др., посвященные вопросам истории, экономики и этнографии якутов и других народностей.

Публицистические статьи на актуальные якутские темы политические ссыльные печатали вне Якутии, например в иркутском «Восточном обозрении» или в томской «Сибирской жизни». В этих статьях часто разоблачались угнетатели и эксплуататоры якутского народа.

Политические ссыльные-беллетристы посылали свои произведения в издательства центральной России и Сибири. В якутской ссылке начали свою литературную деятельность многие ставшие потом известными русские писатели. Замечательный русский писатель-гуманист В. Г. Короленко первую свою повесть «Сон Макара», доставившую ему известность, написал в амгинской ссылке. В Якутской области начали писать В. Серошевский, В. Тан-Богораз и др. Зарождение местной общественной печати и якутской художественной литературы связано с первой русской революцией 1905—1907 гг. Попытки создания легальной оппозиционной прессы и литературы в Якутске наталкивались на всяческие препятствия со стороны царской администрации. В 1907—1909 гг. выходила общественно-политическая и литературная газета, руководимая политическими ссыльными. Вначале она называлась «Якутский край»; подвергаясь преследованиям, она меняла название («Якутская жизнь», «Якутская мысль»). В издании газеты принимали участие социал-демократы, старые народовольцы, эсеры, местные интеллигенты. Газета критиковала действия царской администрации, писала о земельном вопросе у якутов, о происхождении и сущности тойоната. В ряде статей газета сумела показать непримиримость классовых противоречий в якутском улусе, разоблачить защитников тойоната, выступавших с заявлениями о бесклассовости якутского общества, и т. д. Наряду с этим печатались статьи, идеализировавшие крестьянскую общину, пропагандировавшие либеральные и националистические идеи.

С 1912 г. с перерывами выходила газета «Якутская окраина». С 1916 г. начала выходить другая газета — «Якутские вопросы», редактором-издателем которой был якутский буржуазный деятель В. В. Никифоров. Направление этой газеты было либеральным. Организаторы обеих газет привлекли к работе национальную интеллигенцию и открыли с ее помощью особые отделы на якутском языке.

В 1912 г. с большим трудом было начато издание ежемесячного журнала на якутском языке «Саха Сангата» («Голос якута»). В нем печатались произведения якутских авторов, переводы из русской литературы, образцы устного народного творчества, статьи разного содержания. Журнал был в руках якутской буржуазной интеллигенции. Через год он прекратил свое существование, выпустив всего семь тоненьких номеров.

В 1913—1915 гг. в Якутске выходил литературно-художественный журнал «Ленские волны». Журнал не имел определенного идейного на-

правления. В нем печатались различные литературные опыты, художественный уровень которых, за редкими исключениями, был невысок.

За короткое время существования газет «Якутский край» и «Якутская жизнь» было выпущено около 70 номеров якутского отдела, выходивших то в виде отдельных листков-приложений, то в виде литературных страниц или уголков. Эти страницы вызвали живой интерес и помогали находить людей, могущих писать на якутском языке. Публиковались различные информационные материалы, корреспонденции с мест, публицистические статьи, художественные произведения первых якутских авторов. С публицистическими статьями выступали буржуазные интеллигенты В. В. Никифоров (помощник присяжного поверенного), И. С. Говоров и др. Они были выразителями интересов нарождавшейся якутской буржуазии, искавшей пути для укрепления своего положения. В печати они выступали под флагом «национальных интересов», «национальной культуры», «родного языка» и т. п., пускали в ход также общие лозунги буржуазно-демократической революции о «свободе», «равенстве» и т. д. В то же время они отрицали наличие классовых противоречий и классовой борьбы в среде якутов, высказывались против наделения землей поселенцев из политических ссыльных, крестьян-переселенцев из Центральной России и уголовных ссыльных. Якутские буржуазные интеллигенты пугали народ переселением из центра русских крестьян и передачей им якутских земель. Поводом к тому послужила работа экспедиции Переселенческого управления под начальством Маркграфа, представившего доклад о возможности переселения в Якутскую область 3 млн. человек. Этот неосуществленный проект всячески раздувался.

В публицистических статьях слышался и голос прогрессивно настроенной части якутской интеллигенции. Примером могут служить произведения анонимных авторов. В форме сказки было опубликовано сатирическое произведение «Остуоруйя» [26], обличавшее паразитические классы, духовенство и чиновничество. Был напечатан фельетон «Доносчик», в котором был высмеян ботурусский тойон — реакционер и монархист М. Шеломов, в годы столыпинской реакции выступавший против революционного движения и пытавшийся создать черносотенную организацию «истинно русских якутов».

Среди писателей демократического направления, усвоивших лучшие традиции якутского устного творчества и передовых русских писателей (Короленко и др.), видное место занял П. Н. Черных-Якутский.

Поэт П. Н. Черных-Якутский (1882—1933 гг.) родился на Охотском побережье, в семье священника. Служил подканцеляристом в Духовной консистории. Вращался в кругу политических ссыльных разных направлений, а впоследствии сблизился со ссыльными большевиками. В печати Черных впервые выступил в 1907 г. В дальнейшем он печатал свои произведения на страницах местных газет и в журнале «Ленские волны», в котором он редактировал отдел поэзии. В 1909 г. стихотворения Черных были изданы отдельной книжкой под названием «Тихие струны». Этот сборник был одним из первых шагов зарождавшейся местной литературы.

В своем дореволюционном творчестве Черных-Якутский выступает как поэт-романтик. Тяжело и болезненно переживал он окружавшую его действительность, но, полный светлых надежд, рвался к счастливым грядущим дням. Характерны в этом отношении стихотворения «Под звуки непогоды» и «В непогоду»; в последнем нарисован образ смелого пловца, борющегося со стихией:

---

[26] «Якутский край», 1907, № 47, 48, 50.

Пусть же волны
В злобе бьются.
Наши челны,
Мощи полны,
В даль несутся.
Берег ждет,
Друг, вперед!

Лучшие стихотворения Черных в те годы воспринимались передовыми читателями как призыв к борьбе, как уверенность в победе над силами реакции. Но в творчестве Черных встречались и упадочные нотки разочарования, потери перспективы — следы влияния символистов. Противоречия в своих настроениях поэт преодолевал постепенно, по мере сближения со ссыльными большевиками.

Перед революцией печатали свои произведения писатели Никифоров, Кулаковский и Софронов. Их произведения в основном отражали интересы нарождавшейся якутской буржуазии. Эти писатели, и значительно позднее Н. Д. Неустроев, дали ряд оригинальных художественных произведений, показывающих дореволюционную жизнь якутского народа. Ими же были переведены на якутский язык некоторые произведения русских классиков, например отрывок из «Демона» М. Ю. Лермонтова, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, басни И. А. Крылова и др.

Известный буржуазный деятель В. В. Никифоров в 1908 г. издал свою драму «Манчары», написанную по сюжету народного предания (она ставилась на частной сцене) [27].

А. Е. Кулаковский (1877—1926 гг.) собирал материал по устному народному творчеству и верованиям якутов [28]. После революции принял участие в работе органов Временного правительства на Севере, затем был колчаковским комиссаром по Верхоянскому округу. В некоторых своих дореволюционных произведениях Кулаковский показывал быт и жизнь трудящихся. Таковы его стихотворения «Сельская женщина» и «Проклятый до рождения». Однако автор не замечал классового гнета. Герой Кулаковского, нарисованный им в стихотворении «Благопожелание среднему поколению», должен сосредоточить в своих руках богатства: земли, скот, деньги, должен быть предприимчивым в торговле, и тогда он сможет стать благотворителем своего народа. С этим стихотворением идейно-тематически связаны и другие произведения Кулаковского. Классовая природа идеологии Кулаковского, его ориентация на кулаков, баев и торговую буржуазию ясно высказана им в «Письме к якутской интеллигенции»: «Богачи-кулаки..., эксплуатируя бедняков,— писал он,— копили капитал внутри ее (т. е. Якутской области.— *Ред.*) и тем преграждали ток его в другие центры, а это в общем смысле благосостояния якутской народности дело важное... посему я думаю, что наших «тойонов» надо оставить в покое... В данное время надежда только на тойонов и интеллигенцию» [29].

Буржуазно-националистические взгляды Кулаковского нашли яркое выражение в его главном произведении — поэме «Сновидение шамана», которое дописывалось им уже после революции. Автор описывает исторические события в мистическом свете. Творец вселенной решил наказать

[27] Имеется в русском переводе М. Николаевой: «Разбойник Манчары», журн. «Ленские волны», 1914, № 5—7.

[28] Фольклорные и этнографические работы А. Е. Кулаковского частью опубликованы в советское время: А. Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов. Якутск, 1923; Якутские пословицы и поговорки, 1-е изд. 1925, 2-е изд. 1945; Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946.

[29] Рукоп. фонд ЯФАН.

человечество за великий грех — чрезмерное размножение и развитие науки и техники, а также за то, что люди отвернулись от своего создателя. Перенаселением земли и божественным предопределением автор объясняет возникновение империалистических войн и революций. К революции он относится со страхом, видя в ней лишь разрушительную стихию, за которой последует голод и переселение народов. Автор устами шамана вещает якутам неизбежную гибель и призывает к борьбе с пришельцами.

В 1912 г. начал свою деятельность писатель А. Н. Софронов (1886—1935 гг.), опубликовавший стихотворение «Тёрёёбют дойдум» («Родной край») и несколько рассказов, изображающих жизнь якутской бедноты. В стихотворении «Родной край» Софронов выразил свою мечту о пробуждении народа, уничтожении гнета и темноты. В 1914 г. он написал свою первую драму «Бедный Яков», в которой показал непримиримость классовых противоречий, протест бедноты против байского гнета. Выход из тяжелого положения главный герой драмы Яков видит в распространении грамотности и просвещения. После «Бедного Якова» Софронов написал драмы «Любовь», «Тина жизни», «Скупой без завещания» и др. В них отражен семейный деспотизм якутских богачей, показаны их дикие нравы, жестокость и невежество, тяжелое положение якутской женщины.

Творчество дореволюционных писателей было противоречивым. Историческое значение их творчества заключается в том, что они впервые создали на якутском языке ряд оригинальных произведений. В лучших из них они правдиво показали образы людей дореволюционной России, их нравы и обычаи, критиковали уродливые и жестокие стороны патриархального быта. Однако наряду с этими положительными сторонами, в их творчестве отразилась националистическая идеология буржуазии.

Таким образом, в зарождающейся якутской литературе и публицистике наметились два идейных направления: демократическое и буржуазное [30].

По-прежнему плохо обстояло в Якутии дело со здравоохранением. По официальным данным, на 1863 г. весь врачебный персонал области состоял из областного медицинского инспектора, ветеринарного врача, городского врача, пяти окружных лекарей, из которых двое исполняли эту должность временно, и одной повивальной бабки в Якутске [31].

Вакансии окружных врачей замещались с трудом, на один-два года. Окружные врачи отсиживались в городах, улусы ими посещались от случая к случаю: при исполнении судебно-медицинских обязанностей и при вспышках эпидемий. Работа врача была сопряжена с огромными трудностями. Он не имел возможности не только предупредить болезнь, но и лечить больного. Амбулаторный прием был возможен лишь в окружных центрах. Больниц не было совсем. Первая небольшая больница в Якутске была открыта лишь в 1843 г. [32].

Лечение сельского населения целиком было предоставлено шаманам, знахарям и попам. Представления якутов о болезнях и зачатки положительных знаний сочетались с суеверием. Считалось, что многие болезни причиняются людям злыми духами, главным образом духами умерших. Вылечивать от этих болезней, по представлениям якутов, могли лишь шаманы и знахари, да, кроме них, и не к кому было обращаться, так как врачей почти не было. Но шаманы и знахари сами отличались крайним невежеством, лишь изредка среди последних бывали искусные костоправы

---

[30] Очерк истории Якутской советской литературы. М., 1955, стр. 33—42.

[31] «Памятная книжка Якутской области за 1863 год», стр. 12—13.

[32] Н. В. Гущин. Медико-санитарное дело в ЯАССР. «Якутские зарницы», 1925, № 1.

и массажисты. При эпидемических болезнях они были совершенно бессильны и отказывались их лечить. Было придумано даже деление болезней на «якутские» и «русские», причем поддерживалось мнение, что «якутскую болезнь русские доктора лечить не могут» и, наоборот, шаманы бессильны лечить от русских болезней.

В результате всего этого дореволюционная Якутия представляла собой край непрекращавшихся эпидемий и массового распространения социальных болезней. Оспа, тиф, детские и другие болезни ежегодно уносили в могилу большое количество людей. Широко были распространены трахома, туберкулез, раковые заболевания. Заболеваемость и смертность были намного выше, чем в других частях России [33]. Так, когда в 70-х годах в Якутии свирепствовала оспа, умирало, по свидетельству В. Серошевского, 90% заболевших. В 1872 г. оспа унесла в могилу половину населения Колымского округа [34].

Среди малочисленных окружных лекарей нередко попадались передовые врачи, самоотверженно отдававшиеся своему делу. Таким был, например, врач Бриллиантов, начавший свою службу в 1859 г. в Верхоянском округе. За время своей более чем 30-летней службы в Заполярье он провел большую лечебно-оздоровительную работу среди местного населения, быстро ликвидировал эпизоотию сибирской язвы, добился без единого смертельного исхода прекращения вспышки эпидемии кори, охватившей в 1880 г. пятую часть населения Верхоянска. Во всем этом ему активно помогало само население. Деятельным помощником Бриллиантова в борьбе с корью был ссыльный врач Я. Белый. В 1882 г. тот же Белый вынес на своих плечах тяжелую борьбу с эпидемией оспы, вновь вспыхнувшей в Верхоянском улусе [35].

Много труда на поприще здравоохранения в Якутской области в середине XIX в. положили русские врачи Неопалимовский и Петухов, прослужившие по многу лет в должности областного медицинского инспектора. Ими были созданы областной и окружные оспенные комитеты, возглавившие героическую борьбу горсточки русских врачей с эпидемиями оспы. При них же в Олекминске, Верхоянске, Вилюйске и Средне-Колымске были построены четыре небольшие больницы, по семь мест каждая, получившие громкое название «окружных больниц», хотя сельское население округов лечилось в них весьма редко. Ими же были заведены так называемые больничные юрты, открывавшиеся в отдаленных селениях, где временами принимали и лечили больных врачи, изредка заезжавшие в глухие улусы.

Наиболее рано обратило на себя внимание администрации такое заболевание, как проказа. Якутское население очень боялось этой болезни. Подозреваемых в проказе якуты удаляли в выселки — в лес или тундру, где им строили специальные жилища и куда в определенное время доставляли пищу. Больных проказой было, правда, не так много: как показывает статистика, численность выявленных в одно время больных всегда была меньше сотни [36]. Известны два очага распространения этой

---

[33] «25 лет ЯАССР». Якутск, 1947, стр. 233.

[34] И. Петухов. Материалы для медицинской истории Якутского края (медико-исторический обзор Колымского округа). «Памятная книжка Якутской области за 1867 год», 1869, стр. 1—61; В. Л. Серошевский. Якуты, стр. 258; «Положение сельской медицины в Якутской области», Якутск, 1905, стр. 16.

[35] И. Петухов. Медико-санитарный обзор Верхоянского округа. «Памятная книжка Якутской области за 1871 год», стр. 5—93; М. А. Кротов. Якутская ссылка XVII—XIX столетий. Рукоп. фонд ЯФАН.

[36] В. Серошевский писал еще в 80-х годах, что проказа «встречается не в таких

болезни: верховья Колымы и низовья Вилюя, где и были построены два лепрозория: Средне-Колымский (1817 г.) и Вилюйский (1893 г.).

Медицинская помощь на селе в Якутской области до 1897 г. отсутствовала даже официально. 3 августа 1897 г. было издано постановление, согласно которому предусматривалось образование в Якутии 10 сельских врачебных участков; они делились по округам в соответствии с численностью населения: в Якутском — пять, в Вилюйском — два, в остальных округах — по одному. Каждый из этих участков имел стационар на 5—10 кроватей, амбулаторию и аптеку.

Строительство и открытие врачебных участков шло медленно. Особенно трудно было с врачебным и средним медицинским персоналом. Не хватало и средств. Многие врачебные участки и фельдшерские пункты строились и частично содержались за счет благотворительных средств. Тем не менее переход на новый, участковый принцип улучшил медицинское обслуживание сельского населения Якутии. В 1903 г. Якутия имела уже семь больниц, 10 фельдшерских пунктов и 17 врачей. Значительно увеличилось число лиц, пользовавшихся медицинской помощью. Если прежде оно «колебалось между 8000—15 000 чел., то со времени введения сельской медицины достигло 45 837 человек в год» [37]. Наладилась, в частности, организация оспопрививания, которое от оспенных комитетов перешло к врачебным участкам; в одном 1900 г. было сделано 10 393 удачных прививок оспы.

С созданием врачебных участков стало возможным изредка созывать совещания врачей, устраивать обмен мнениями. В начале декабря 1897 г. был созван первый съезд врачей Якутии, длившийся 11 дней. В 1899 г. прошел второй съезд врачей, заседавший семь дней. Небольшие совещания врачей временами созывал и областной медицинский инспектор; на одном из таких совещаний было отмечено, что реформа 1897 г. никак не обеспечивает нормальное медицинское обслуживание населения якутского улуса.

Врачи активно включались в общественную работу. В 1898 г. в Якутске открылась бесплатная лечебница Общества Красного Креста, созданная стараниями областного медицинского инспектора В. А. Вонгродского. К работе в лечебнице были привлечены врачи городской больницы и ссыльные студенты-медики Сабунаев, Катин-Ярцев и др. Лечебница организовала серьезную амбулаторную помощь городскому населению: за 1900 г. ею были бесплатно обслужены 7050 больных. При лечебнице впервые были устроены научные чтения. В 1906 г. врачи лечебницы выступили инициаторами создания Общества якутских врачей, в 1907 г. по их же инициативе в Якутске открылась фельдшерская школа, первыми руководителями которой были врачи Н. А. Попов и М. П. Мышкин.

Якутская фельдшерская школа сдвинула с мертвой точки подготовку средних медицинских кадров в Якутии. Из числа фельдшеров-якутов, подготовленных до революции в ее стенах, выделялись Т. Е. Сосин, Е. Г. Федоров и др., впоследствии принявшие активное участие в строительстве социалистического здравоохранения в Якутской АССР. Но вра-

---

размерах, как оглашено» («Якуты», стр. 258); в этом мнении Серошевский не одинок: см. Вл. Чепалов. История борьбы с проказой в Колымском округе Якутской области. «Сибирский врач», № 10; его же. История борьбы с проказой в Вилюйском округе Якутской области, там же, 1916, № 23, 30; «Путешествие мисс Марсден в Якутскую область и посещение ею прокаженных». М. 1892. Литература о проказе в Якутии еще до революции насчитывала 60 названий (включая газетные заметки).

[37] «Общее обозрение Якутской области», стр. 80.

чей из среды якутов по-прежнему почти не было. До Октябрьской революции высшее медицинское образование получили всего три якута; из них Скрябин и Слепцов по окончании университета сразу были призваны в армию, третий же врач-якут, П. Сокольников, прослужил около двух десятков лет сельским врачом в с. Чурапче.

Как уже отмечалось, немало сделали для медицинского обслуживания улусного населения десятки врачей и фельдшеров из политических ссыльных. Все же медицинское обслуживание в Якутии улучшалось крайне медленно. В 1914 г. на огромном пространстве края действовали лишь 10 врачебных участков на 75 больничных коек. Свыше 90% якутского населения по-прежнему было лишено врачебной помощи [38]. Профилактических учреждений не было совсем. Полностью отсутствовала и забота о матери и ребенке: в 1910—1911 гг. на каждые 165 родов приходилось лишь одно больничное родовспоможение. Хотя после революции 1905 г. все чаще слышались голоса отдельных врачей, требовавших принятия действенных мер по улучшению в крае народного здравоохранения (одним из них был амгинский врач-публицист Г. И. Попов, правдиво обрисовавший мрачную картину постановки медицинского дела в Якутии [39]), в последующие годы медицинская сеть еще более сократилась. Во время первой мировой войны усилился отъезд врачей из области, а приток их почти прекратился, больницы и фельдшерские пункты стали закрываться. К 1917 г. число больниц сократилось до шести, а фельдшерских пунктов — до 21; количество врачей уменьшилось до 14.

После февральской революции заботу о народном здравоохранении приняли на себя большевики, оказавшиеся во главе якутского Комитета общественной безопасности. 26 марта 1917 г. открылся первый Объединенный съезд врачей и фельдшеров Якутской области. С трибуны съезда неоднократно выступал Серго Орджоникидзе, работавший фельдшером I врачебного участка в с. Покровске (ныне Орджоникидзевский район). Тов. Орджоникидзе призывал к перестройке всего дела здравоохранения в Якутии, к улучшению деятельности медицинских учреждений, к усилению борьбы с социальными болезнями, указывал на необходимость упрочения научной основы в медицинском строительстве и, в частности, требовал улучшения фельдшерского образования [40]. Съезд принял ряд важных решений, ознаменовавших собой начало борьбы за подлинно народное здравоохранение, осуществленное лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[38] Вл. Чепалов. Народная медицина якутов. «Сибирский врач», 1914, № 24.

[39] Г. И. Попов активно сотрудничал в томской газете «Сибирский врач», где за 1914—1917 гг. им было опубликовано около 20 статей. Важнейшие из них следующие: «Война и медицина в Якутской области» (1915, № 37—38, 39—40); «История медицины Верхоянского округа Якутской области» (1915, № 43—44, 45—46); «К вопросу о больничных зданиях Якутской области» (1917, № 4—8); «К вопросу об особенностях якутской амбулатории» (1917, № 31—32); «К вопросу о больничной прислуге» (1914, № 29); «Условия жизни и деятельность участкового врача Якутской области» (1917, № 29—30); «Гор. Якутск в санитарном отношении» (1917, № 1—2, 3—4); «Медицина в Якутском округе» (1914, № 11); «Якутские пути сообщения и медицинская деятельность» (1915, № 5—6); «Заразные болезни в Якутской области, их распространение и борьба с ними» (1915, № 25—26); «Из улусной якутской врачебной практики» (1915, № 15—16); «Трахома в Якутской области» (1914, № 37); «Мерячены (наброски о психоневрозах среди якутов)» (1914, № 26); «К вопросу о грыже среди якутов» (1915, № 29—30).

[40] Протоколы заседаний Объединенного съезда врачей и фельдшеров Якутской области. Якутск, 1917; резолюция съезда напечатана в газете «Вестник ЯКОБ», 1917, № 63; см. также П. У. Петров. Из истории революционной деятельности большевиков в якутской ссылке. Якутск, 1952, стр. 184—185.

В связи со вступлением России на путь капиталистического развития, бурным ростом золотой промышленности в Витимском и Олекминском округах и прибытием в Якутию ссыльных революционеров — этих лучших сынов русского народа, существенно изменился характер научного изучения Якутии. Помимо Академии наук, в дело изучения Якутии включились Русское географическое общество, политические ссыльные и заинтересованные торгово-промышленные круги. Значительно расширилось изучение природных богатств и путей сообщения. Отдаленный и заброшенный край, превращенный в естественную ледяную «тюрьму без решеток», стал объектом хищнической эксплуатации природных богатств и населения.

Конец XIX и начало XX в. знаменуются усилением научного изучения всего северо-востока России, побережья и островов Ледовитого океана. В 1882—1884 гг. работала Ленская экспедиция Русского географического общества во главе с зоологом А. А. Бунге. Работа экспедиции совпала с проведением первого «Международного полярного года». Бунге выделился своей работой на русской метеостанции в урочище Сагастыр (дельта Лены). В 1885—1886 гг. Бунге руководил экспедицией Академии наук по исследованию Новосибирских островов, где ему помогал геолог Э. В. Толь. Последний весной 1886 г. возглавил отдельный отряд, обследовавший острова Большой Ляховский, Землю Бунге, Фаддеевский и западный берег Новой Сибири. Привезенная экспедицией Бунге-Толя большая коллекция костей млекопитающих четвертичного периода заинтересовала И. Д. Черского, который сделал их описание, составившее большой труд о геологической истории севера Сибири в четвертичное время.

И. Д. Черский, бывший политический ссыльный, участник польского восстания 1863 г., посвятил себя геологическому изучению Сибири. В 1891—1892 гг. Черский направился во главе новой экспедиции Академии наук на Колыму, остававшуюся почти совершенно неизвестной. Снарядив в Якутске караван, Черский прошел по Колымскому тракту через южную часть хребта Верхоянского в Оймякон на р. Индигирке и далее через горные цепи в Верхне-Колымск, где остановился на зимовку. В начале лета 1892 г. он начал спускаться вниз по Колыме, но между Средне- и Нижне-Колымском скончался от воспаления легких. Экспедиция прервалась, однако два предварительных отчета о результатах работ первого года и зимовки, напечатанные после смерти Черского в «Записках Академии наук», составили заметный вклад в геологическую науку. Наблюдения Черского были использованы при новых, более подробных исследованиях в Якутской области, а его имя присвоено, по постановлению Геграфического общества, открытой им горной системе на северо-востоке Якутии (хребет Черского).

Другой польский повстанец, тоже геолог, А. Л. Чекановский, после отбытия срока ссылки поселился в Иркутске, где принял самое активное участие в работе ВСОРГО. В 1874—1875 гг. Чекановский дважды совершил смелые экспедиции по Оленеку и Лене и собрал ценные материалы по геологии бассейнов этих рек. Имя Чекановского носит хребет к западу от устья Лены, впервые нанесенный им на карту.

К числу видных геологических работ на территории Якутии конца XIX в. относится путешествие в 1890—1891 гг. по Витимо-Олекминской тайге инженера Иркутского горного управления В. А. Обручева, впоследствии известного советского геолога-академика. Результатом поездки явилась серия работ по геологии и о золотых россыпях Витимо-Олекминской

горной системы; наиболее крупной из них была книга В. А. Обручева «Древнепалеозойские осадочные породы долины р. Лены» (Иркутск, 1892).

Мужественным исследователем севера Якутии был геолог Э. В. Толь (1858—1902 гг.). Участвуя в академической экспедиции А. Бунге на Новосибирские острова весной 1886 г., он объехал на нартах весь остров Котельный и увидел к северу от него «контуры четырех гор, которые на востоке соединялись с низменной землей». Толь и его спутник приняли эти острова за «Землю Санникова». В 1893 г. Толь был послан Академией наук продолжить геологические изыскания, начатые И. Д. Черским. На этот раз он обследовал морское побережье к западу от устья Лены. Снова посетив о. Котельный, Толь опять увидел «Землю Санникова».

Для открытия и обследования этой неведомой земли Академия наук в 1900—1902 гг. организовала так называемую Русскую полярную экспедицию на шхуне «Заря». Инициатором и начальником ее был опять Э. В. Толь. После зимовки на западном берегу п-ва Таймыр «Заря» прошла в море Лаптевых, но «Земли Санникова» не нашла. Вторую зимовку «Заря» провела в одной из бухт о. Котельного, и в июне 1902 г. Толь с тремя спутниками отправился по льду на о. Беннета. 8 ноября 1902 г. они двинулись на юг от него и пропали без вести.

Участниками Русской полярной экспедиции были выдающиеся исследователи Якутии Ф. А. Матиссен, А. А. Бялыницкий-Бируля, К. А. Воллосович. Гидрограф Ф. А. Матиссен известен как исследователь моря Лаптевых и бухты Тикси. Он командовал в северных водах Якутии гидрографическими суднами «Заря» и «Таймыр». В 1920 г. Матиссен возглавил первую советскую гидрографическую экспедицию для исследования устья Лены, во время которой, в 1921 г., он умер. Зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля весной 1902 г. с двумя спутниками исследовал о. Новую Сибирь, а затем на собаках пробрался к устью Яны. Геолог К. А. Воллосович дал ряд работ по геологическому строению Новосибирских островов, куда он еще раз съездил вместе с политическим ссыльным геологом М. М. Бруслевым на поиски Толя. В 1908 г. Воллосович был командирован Академией наук для раскопок сангаюряхского мамонта, а в 1909 г. вместе с астрономом Скворцовым и топографом Юдиным производил исследования побережья Ледовитого океана между Леной и Колымой [41]. Такую же работу к востоку от Колымы выполнил геолог И. П. Толмачев со своими спутниками Кожевниковым и Вебером [42]. Еще раньше, в 1905 г., Толмачев возглавлял Хатангскую экспедицию Географического общества и доставил богатый материал по геологии и географии Хатанго-Анабарского края.

В 1909 г. в устье Колымы работал выдающийся русский полярный исследователь Г. Я. Седов. Он тщательно обследовал вход в Колыму с устья с целью открытия этой реки для морских пароходов. Хотя в состав экспедиции Седова, кроме начальника, входили всего один матрос и семь рабочих-якутов [43], экспедиция успешно справилась с заданием, и с 1911 г. на Колыме началось торговое судоходство.

В 1912—1914 гг. на побережье и островах моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря крупные гидрографические работы велись экспедицией на ледорезных судах «Таймыр» и «Вайгач».

---

[41] К. А. Воллосович. Мамонт о-ва Большого Ляховского. «Записки Минералогического об-ва», 1915, т. 50; Е. Ф. Скворцов. Лено-Колымская экспедиция 1909. «Известия Русск. геогр. об-ва», 1914.

[42] И. П. Толмачев. По чукотскому побережью Ледовитого океана. СПб., 1911.

[43] В. Ю. Визе. Георгий Яковлевич Седов. В кн. «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 318.

Силами главным образом политических ссыльных серьезно велись метеорологические наблюдения. Десятки ссыльных стали не только рядовыми метеорологами, но и организаторами некоторых северных метеостанций, представлявших особенный интерес для климатологии, например Верхоянской, Абыйской, Аллаиховской и др. Первым метеорологом из ссыльных был каракозовец И. А. Худяков. До него климатическими наблюдениями в Верхоянске никто не занимался, и самым холодным местом на земном шаре считался Якутск. В 1869 г. через Верхоянск к колымским чукчам приезжал Г. Майдель. Проявляя интерес к климату Севера, он снабдил Худякова термометрами и нашел в его лице замечательно добросовестного помощника. В течение 14 месяцев ссыльный записывал наблюдения не три раза в сутки, как полагалось для таких станций, а ежечасно, летом же измерял температуру каждые четверть часа. Это было своего рода научным подвигом. «Очень добросовестные труды Худякова,— писал Майдель,— имеют необыкновенно важное значение, так как только на основании их академик Вильд мог вычислить температуру Верхоянска» [44].

В последующем, до 1917 г., добровольными метеорологами на Верхоянской станции работали еще девять ссыльных. Одному из них, Р. А. Протасу, в 1896 г. на Нижегородской выставке был присужден диплом «за ряд прекрасных метеорологических наблюдений при весьма тяжелых и трудных климатических условиях» [45].

Заслуга политических ссыльных в отношении накопления материалов для изучения Якутии не осталась незамеченной. По мнению проф. А. А. Каминского, «поддержание наблюдательной сети в Якутии до 1917 года на том уровне, какого она достигла к 1892 г., в особенности же правильная работа 10—14 станций в период с 1895 г. по 1903 г., были возможны лишь благодаря приливу в Якутию политических ссыльных», в лице которых метеорологическая наука нашла «добровольных наблюдателей, безвозмездно несших нелегкий труд по производству наблюдений и относившихся к этим занятиям чрезвычайно добросовестно» [46]. И действительно, за полстолетие, предшествовавшее революции 1917 г., почти 60 ссыльных работали наблюдателями на 12 метеорологических станциях Якутской области, включая расположенные за Полярным кругом станции в Устьянске, Абые, Русском устье и Нижне-Колымске [47].

В конце XIX — начале XX в. оживились также исследования, связанные с эксплуатацией Ленских золотых приисков, вилюйских соляных разработок, поисками торгового пути из Якутска в Охотское море, на Амур и в Колымский край. За это время Якутию прошли десятки больших и малых экспедиций, поисковых партий и т. п.; один только район Аян-Нельканского тракта посетило до 38 экспедиций и исследователей [48]. Наиболее крупными из них были экспедиции П. А. Сикорского с участием политических ссыльных Я. Ф. Стефановича и В. Е. Гориновича (1894 г.) [49] и В. Е. Попова, тоже при участии ссыльных Э. К. Пекарского, В. М. Ионова, А. А. Говорина, И. М. Щеголева, В. С. Панкратова и др. (1903 г.). Экспедиция В. Е. Попова впервые дала подробное этнографическое описание приаянских тунгусов [50]. Пути на Амур наиболее успешно

---

[44] Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870-х годах. СПб., 1894, стр. 43—44.

[45] «Каторга и ссылка», 1928, № 7, стр. 236.

[46] «Географические проблемы Якутии». Л., 1928, стр. 37 и 39.

[47] Там же, стр. 41.

[48] «Сибирская советская энциклопедия», т. I. «Аян-Нельканский тракт».

[49] П. Сикорский. Отчет по экспедиции. «Горный журнал», 1900, т. I, № 3.

[50] Э. К. Пекарский. Поездка к приаянским тунгусам. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», 1904, т. XX, вып. 4—5, стр. 175—

изыскивались экспедициями Кропоткина и Полякова (1866 г.) и Любатовича и Панкратова (1908 г.). Большим вниманием пользовались Колымско-Ольский и Колымско-Гижигинский тракты, по которым неоднократно совершались исследовательские путешествия на средства правительства и частных предпринимателей (Н. П. Калинкин в 1893 г., Г. Херсонский в 1894 г. [51] и др.). В 1907 г. организованная Якутским статистическим комитетом Сунтарская экспедиция политических ссыльных П. Драверта и П. Оленина исследовала Кемпендяйский соляной источник и собрала большую минералогическую коллекцию, переданную впоследствии в Якутский краеведческий музей. Организованная при Управлении внутренних водных путей и шоссейных дорог в Петрограде партия по исследованию рек Ленского бассейна с 1912 по 1917 г. провела несколько рекогносцировочных исследований и отдельных съемочных работ на Лене и ее притоках Витиме и Вилюе [52]. В 1912 г. подполковник Н. Неелов совершил экспедицию для обследования дельты Лены [53].

В области изучения жизни якутов, эвенков, чукчей и других народов Якутии главная роль принадлежала политическим ссыльным, оставившим после себя огромную научную и мемуарную литературу по самым разнообразным вопросам истории, этнографии, фольклора, языка, географии и медицины Якутии.

Одним из первых исследователей в этой области был каракозовец И. А. Худяков.

Выше рассказывалось о нечеловечески трудных условиях жизни Худякова в ссылке. Тем сильнее поражает огромная и плодотворная работа, выполненная Худяковым в таких условиях. В Верхоянск он прибыл в 1866 г., уже будучи автором десятка научных работ по русскому фольклору, изданных в 1860—1864 гг.; за одну из них Русское географичесоке общество присудило ему серебряную медаль. Еще больше было опубликовано им научно-популярных работ, преимущественно исторического содержания, причем часть их была изъята и запрещена к распространению, так как в них были усмотрены «самые зловредные мысли с целью разврата молодого поколения» [54]. За короткий период с апреля 1867 по 1870 г., пока Худяков не заболел сильнейшим нервным расстройством, он почти в совершенстве изучил якутский язык, подготовил якутско-русский словарь в 5 тыс. слов, принялся за составление грамматики якутского языка, дал обстоятельное (на 311 листах) «Описание Верхоянского округа» и написал ряд статей, в том числе «Материалы для характеристики местного (якутского) языка». Почти все эти рукописи были посланы в Иркутск Восточно-Сибирскому отделу Русского географического общества, но публиковать их не разрешили. Главным же и наиболее ценным трудом Худякова был составленный им «Верхоянский сборник», увидевший свет лишь в 1890 г., через 14 лет после смерти

191; Пекарский и Цветков. Очерки быта приаянских тунгусов. Сб. МАЭ, 1913, т. II, вып. 1; И. Щеголев. Через Становой хребет. Изыскания Нелькан-Аянского тракта. Экспедиция 1903 г. «Землеведение», 1906, I—II, стр. 68—140.

[51] «Сибирский торгово-промышленный календарь на 1898 г.», стр. 405—416, 449—55.

[52] В. Д. Колпаков. Общий краткий отчет о работах партии по исследованию рек Ленского бассейна в 1911—1918 гг. Иркутск, 1919.

[53] Н. Неелов. Отчет по исследованию устья реки Лены в 1912 г. «Записки по гидрографии», 1914, вып. 1.

[54] Н. Н. Грибановский. Библиографический указатель научно-литературных работ И. А. Худякова и литературы о нем. Рукоп. фонд ЯФАН. См. также Л. Н. Пушкарев. Из истории революционно-демократической этнографии И. А. Худякова. «Советская этнография», 1949, № 3.

автора. Сборник содержит в русском переводе образцы якутского устного творчества: 12 сказок, олонхо, 123 пословицы и загадки, а также 10 русских сказок. «Верхоянский сборник», впервые раскрыв богатство изобразительных приемов и средств якутского языка, содержательность сложных и занимательных сюжетов якутских сказок, остроумие и меткость пословиц и поговорок, возбудил во многих русских читателях живой интерес к неизвестному им до того времени якутскому фольклору. Сборник получил высокую оценку со стороны специалистов.

С определенными литературными планами ехал в начале зимы 1881 г. в якутскую ссылку В. Г. Короленко. «Займусь кой-какими публицистическими темами,— писал он из Иркутска брату Иллариону,— которые уже выяснились для меня, трудно только будет доставать источники» [55]. После ссылки Короленко стал широко известен как прогрессивный писатель, талантливый художник слова, вся жизнь которого «была борьбой за справедливость, одним беспрерывным противлением злу российского бесправия» [56]. В 1882—1884 гг., находясь в Амге, он написал несколько рассказов из жизни якутов и приленских крестьян («Сон Макара», «Убивец», «Соколинец»), повесть «В дурном обществе» и задумал ряд художественных произведений из сибирской жизни, написанных уже по возвращении из ссылки («Марусина заимка», «Государевы ямщики», «Черкес», «Феодалы», «Ат-Даван»). Проникнутые живым сочувствием к обездоленным жителям Ленского края, они разоблачают самодурство, произвол и беззаконие властей и нарождавшихся капиталистических хищников.

Повседневно общаясь с местным населением, Короленко заинтересовался якутским фольклором и за короткое время записал песни и предания о происхождении 2-го Чакырского наслега, об Омолоне, о Баягантайском улусе, подготовил заметки о религии якутов, составил «Программу для очерков Якутского края», сделал набросок статьи о Батурусском улусе, который свидетельствует о его интересе к важнейшему для Якутии вопросу — о земельных отношениях, наконец, изучил немало литературы о Якутии — от академических трудов А. Миддендорфа до заметок в «Сибирской газете» за 1884 г. Однако замыслы Короленко в части изучения Якутии остались неосуществленными [57].

В числе ссыльных, отдавших много лет изучению края и оставивших капитальные труды о нем, выделяется В. Серошевский, который за 12 лет (1880—1892 гг.) вольно и невольно отмерил тысячи верст по Якутскому, Верхоянскому и Колымскому округам, хорошо изучил язык, быт и культуру якутов. Он приобрел известность своим этнографическим исследованием «Якуты» (1896 г.), появлению которого предшествовал ряд его статей в «Живой старине», «Сибирском сборнике» и «Известиях Восточно-Сибирского географического общества». Географическое общество взяло на себя и публикацию его главного труда [58]. Серошевский, кроме того, был автором ряда повестей и рассказов из жизни политических ссыльных и якутского населения («Предел скорби», «На краю лесов», «Хайлах», «Побег» и др.).

Ценное описание экономики и быта верхоянских и олекминских якутов дал народник С. Ф. Ковалик, занимавшийся, в частности, изучением

---

[55] В. Г. Короленко. Письма из тюрем и ссылок. Горький, 1935, стр. 164.

[56] «Правда» от 25 декабря 1936 г. (передовая).

[57] «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа», вып. 1, Якутск, 1951, стр. 207—211.

[58] В. Л. Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб., 1896.

Рис. 72. Участники Сибиряковской экспедиции

влияния золотой промышленности на быт якутов и тунгусов Олекминского округа [59]. Другой народник, В. Ф. Трощанский, занимался земледелием и собирал материалы по исследованию верований якутов. Его работы «Эволюция черной веры у якутов» и «Наброски о якутах Якутского округа» посмертно изданы под редакцией и с примечаниями Э. К. Пекарского [60].

Выдающееся место в исследовании Якутии принадлежит народнику Э. К. Пекарскому, сосланному на поселение в Якутскую область за участие в «беспорядках» студентов Харьковского ветеринарного института в 1879 г. В 90-х годах им было предпринято при ближайшем участии Д. Д. Попова и В. М. Ионова составление капитального «Словаря якутского языка», издание которого, начатое по частям в 1899 г., было завершено лишь при советской власти (1930 г.). Словарь содержит 25 тыс. слов, сопровождающихся обстоятельным толкованием, фразеологическим материалом и лексическими параллелями из тюркских, монгольских, тунгусских и других языков. Всего издано 13 выпусков, составляющих три тома [61]. В XII и XIII выпусках дан перечень источников «Словаря» и указан состав сотрудников Пекарского. Вместе с тем Пекарский был эрудированным этнографом и фольклористом. Им опубликовано свыше 60 работ по экономике, фольклору, быту и культуре якутов.

---

[59] С. Ф. Ковалик. Верхоянские якуты и их экономическое положение. Иркутск, 1895; его же. Олекминские якуты. Рукопись хранится в Иркутске, его же Изучение влияния золотопромышленности на быт якутов. «Известия ВСОРГО», 1897, т. XXVIII, № 3; его же. О киренских якутах. Там же, № 4.

[60] В. Ф. Трощанский. Эволюция черной веры у якутов. «Ученые записки Казанского ун-та», 1902, т. IV, стр. 1—208; его же. Наброски о якутах Якутского округа. «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», 1911, т. XXVII, вып. 2.

[61] Четвертый дополнительный том словаря, задуманный и составленный (в карточках) Пекарским в последние годы жизни, остается неизданным. Рукопись хранится в фондах Ин-та востоковедения АН СССР в Ленинграде.

Плодотворно работал народник-этнограф В. М. Ионов. Он оставил ряд ценных исследований о хозяйстве, общественных отношениях, материальной и духовной культуре якутов [62].

Особое место в изучении Якутии занимает так называемая Сибиряковская экспедиция, организованная в 1894—1896 гг. Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества на средства, собранные путем пожертвований. Основной взнос был сделан золотопромышленником А. М. Сибиряковым, который поставил перед экспедицией задачу изучения влияния золотых приисков на быт местного населения. Но этим вопросом по существу занимался лишь один участник экспедиции, С. Ф. Ковалик. Экспедиция в целом оставила далеко позади первоначальные задачи благодаря широте и размаху, приданным ей ее участниками — политическими ссыльными. Руководитель экспедиции, известный ученый-народник Д. А. Клеменц, оставшийся по отбытии ссылки в Сибири, в начале 1894 г. приезжал из Иркутска в Якутск и лично подобрал состав участников почти исключительно из политических ссыльных (С. Ф. Ковалик, И. И. Майнов, Н. А. Виташевский, В. М. Ионов, В. В. Ливадин, С. В. Ястремский, Э. К. Пекарский, В. Е. Горинович, Л. Г. Левенталь, В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз, Ф. Я. Кон, Н. Л. Геккер, Г. Ф. Осмоловский). В работах этой экспедиции впервые приняли участие местные русские и якутские интеллигенты: Николаев, Никифоров, Попов и др.

Экспедицией был собран большой и разнообразный материал. По инициативе В. А. Обручева, состоявшего в то время правителем дел ВСОРГО, в конце 1896 г. был выработан общий план издания трудов Якутской экспедиции в 13 томах [63]. Однако до революции эти труды увидели свет лишь частично, в виде журнальных статей и кратких сообщений. Значительная часть их опубликована лишь в советское время. Многие материалы, собранные участниками экспедиции, остаются до сих пор необработанными, а некоторые пришли в негодность или утрачены совсем. Из опубликованных в разное время работ экспедиции наибольший научный интерес представляют исследования Н. А. Виташевского об обычном праве якутов, Л. Г. Левенталя — об экономике [64], В. М. Ионова — о верованиях и мифологии, С. В. Ястремского [65] и Э. К. Пекарского — о языке и народном творчестве, И. И. Майнова — о населении Олекминского округа, В. Г. Тан-Богораза и В. И. Иохельсона — о народностях Колымского края. Кроме того, Ионов, Пекарский и Осмоловский анонимно печатали результаты своих исследований в «Памятных книжках Якутской области» [66]. Ф. Я. Кон, Н. Л. Геккер, И. И. Майнов первые занялись антропологическими измерениями якутов и тунгусов.

---

[62] Важнейшие печатные труды В. М. Ионова: «К вопросу о скотоводстве у якутов» («Памятная книжка Якутской области за 1896 год», вып. 1); «Орел в воззрениях якутов» (Сб. МАЭ, вып. 1, 1913); «К вопросу об изучении дохристианских верований у якутов» (там же, вып. 5, 1918). Список рукописных материалов В. М. Ионова см. в «Известиях Академии Наук», VI серия, 1922, № 1—8.

[63] «Программа издания трудов Якутской экспедиции, снаряженной на средства экспедиции», Иркутск, 1897.

[64] Труды Н. А. Виташевского и Л. Г. Левенталя опубликованы Академией наук СССР (вместе с юридическими работами их предшественника Д. М. Павлинова) в трудах Комиссии по изучению Якутской АССР (т. IV, «Материалы по обычному праву и общественному быту якутов». Л., 1929).

[65] С. В. Ястремский в 1900 г. издал «Грамматику якутского языка». Кроме того, в его переводах и с его вводной статьей в 1929 г. вышли «Образцы народной литературы якутов».

[66] [В. М. Ионов]. К вопросу о скотоводстве у якутов; [Э. Пекарский и Г. Осмоловский]. Якутский род до и после прихода русских. «Памятная книжка Якутской области за 1896 год».

В 1900—1902 гг. бывшие политические ссыльные Богораз и Иохельсон по поручению Академии наук приняли участие в русско-американской этнографической экспедиции имени Джезупа на Чукотском полуострове, организованной Американским музеем естественных наук.

Политическим ссыльным обязан своим возникновением и быстрым ростом Якутский областной музей; ссыльные были его организаторами и хранителями: имея тесные связи с населением, с простым народом, проявившим поразительную отзывчивость ко всем культурным начинаниям, они непрерывно обогащали музей новыми экспонатами, определяли и обрабатывали их и добились того, что к 1917 г. этот музей из первоначального собрания случайных экспонатов превратился в солидное культурно-просветительное и научное учреждение.

История музея вкратце такова. К 1891 г. Якутский статистический комитет собрал путем добровольных пожертвований, поступавших от всех слоев населения, но преимущественно от сельского, до 1300 разных предметов — этнографических, геологических, минералогических и др. Их сбором и определением занимались ссыльные В. Зубрилов, П. Орлов, С. Власов и В. Кравцов (последний по специальности этнограф). Орлов и Власов по собственной инициативе, а Зубрилов — по поручению выдающегося геолога проф. Мушкетова занимались сбором минералов, геологических и палеонтологических коллекций. Зубрилов стал первым хранителем музея (1891—1893 гг.). Вслед за ним музеем руководили ссыльные: М. И. Сосновский (1894—1895 гг.), Н. А. Виташевский (1896—1898 гг.), В. Е. Окольский (1899—1900 гг.), П. В. Оленин (1901—1903 гг.) и др., а с 26 мая 1915 г.— Ем. Ярославский, имя которого и было присвоено Якутскому музею в 1924 г. Кроме них, росту музея немало помогли Э. К. Пекарский, В. М. Ионов, И. И. Майнов, В. Г. Тан-Богораз, П. Л. Драверт, Н. Геккер и многие другие ссыльные. Благодаря сочувственному отношению к музею со стороны населения и неутомимым, бескорыстным трудам ссыльных уже через 10 лет после его основания здесь было несколько тысяч экспонатов: в 1911 г. их насчитывалось 14 185, в 1917 г.— 20 950, а число посетителей достигало 9—11 тыс. человек в год [67].

Особенно велика в этом деле заслуга Е. М. Ярославского, работавшего «консерватором» музея в 1915—1917 гг. Благодаря его неустанному труду Якутский музей стал важным научно-воспитательным учреждением края. Лично Е. М. Ярославским для музея было собрано 2 тыс. гербарных листов растений, около 2 тыс. насекомых, 130 образцов минералов.

В 1915 г. в «Известиях Якутского отд. Русского Географического общества» (№ 1) были напечатаны статьи Ярославского: «Фенология Якутской области», «Растения, собранные в лесной экспедиции по реке Чаре (притоку Олекмы) летом 1914 г. В. Ф. Байдушем», «Бирки и записи долгов, графически представленные в своей торговой книге неграмотным якутом Верхоянского округа». Летом 1916 г. Ярославский ездил в научную командировку в Олекминский округ и собрал более 20 пуд. ботанических, минералогических и энтомологических коллекций, а также дал первое описание р. Олекмы в ботаническом отношении, очень подробное и интересное. Во время командировки он записал в своем дневнике несколько якутских легенд, дал описание сельскохозяйственных культур Олекминского округа, зарисовал тунгусский жертвенник, произвел зарисовку якутских и тунгусских орнаментов.

Таким образом, благодаря русской науке уже до революции имелась

---

[67] «Якутский музей им. Ем. Ярославского». Составил Г. Д. Федоров. Якутск, 1941, стр. 9, 40 и др.

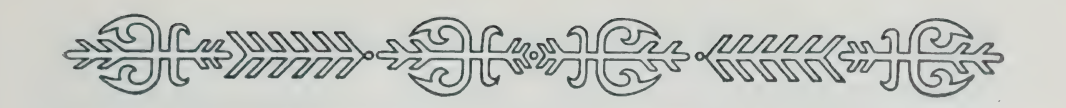
большая научная литература о Якутии, которая еще в середине 90-х годов насчитывала более 1500 книг, брошюр и статей.

Крупный вклад в русскую и мировую науку составило физико-географическое изучение Якутии. Был накоплен значительный научный материал в области изучения естественных ресурсов края. Однако экспедиции и путешествия, как бы многочисленны они ни были, прорезывали огромную территорию Якутии лишь редкими маршрутами. Исследователи только вскользь занимались ее геологическим строением, находили месторождения лишь небольшой части полезных ископаемых, не проводили качественной и количественной их характеристики. В условиях самодержавного строя и хищнической частной инициативы нельзя было и думать о развитии разработок богатейших недровых ресурсов Якутии.

В области гуманитарных наук дореволюционные русские исследователи Якутии дали много ценных по содержащемуся в них фактическому материалу работ, хотя в большинстве своем и страдающих методологическими ошибками, типичными для немарксистских работ дооктябрьского времени.

Дореволюционная наука в целом, накопив огромный фактический материал и давая в ряде капитальных трудов блестящие исследования, за редкими исключениями оставалась оторванной от жизненных интересов народов Якутии. Только Великая Октябрьская революция по-настоящему поставила науку на службу народному хозяйству и культуре страны.

ГЛАВА XXIV

ЯКУТИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Накануне первой русской буржуазно-демократической революции Якутия представляла собой одну из самых отсталых колоний царизма. В ней господствовали патриархально-феодальные отношения. Трудящиеся Якутии находились под двойным гнетом. Царизм подвергал их экономическому, политическому и национальному угнетению, держал в невежестве и темноте. Не менее тяжелым являлся гнет местных эксплуататоров — тойонов, в руках которых была сосредоточена основная масса земли и скота. Обладая материальными богатствами и политической властью, якутские тойоны жестоко эксплуатировали своих сородичей.

В борьбе против царизма и местных эксплуататоров трудящиеся Якутии находили верных защитников своих интересов и учителей в лице ссыльных русских марксистов, позже большевиков, которые пробуждали их классовое сознание, ненависть к угнетателям и стремление к свободной жизни.

С прибытием в ссылку первых социал-демократов связано начало проникновения в Якутскую область марксистской литературы, которая распространялась не только среди политических ссыльных, но и среди отдельных местных жителей и учащихся, общавшихся с ссыльными. Еще летом 1902 г. среди учащихся Якутского реального училища возник нелегальный политический кружок, члены которого читали номера ленинской «Искры» и другую марксистскую литературу, перепечатали из «Искры» на ручном печатном станке «Проект программы РСДРП» и распространяли среди учащихся.

Появление в Якутской области первых ссыльных большевиков относится к концу 1903 г. После раскола РСДРП на II съезде на большевиков и меньшевиков часть социал-демократов, находившихся в якутской ссылке, стала на сторону В. И. Ленина и большевиков. Среди большевиков, отбывавших якутскую ссылку накануне и в начале революции 1905 г., были С. Мицкевич, М. Ольминский, М. Эссен, В. Курнатовский, И. Бабушкин, Н. Мещеряков, И. Радченко, М. Урицкий, А. Костюшко-Валюжанич, И. Шварц, В. Шанцер (Марат).

Ссыльные большевики были идейными вдохновителями и руководителями известного вооруженного протеста якутских политических ссыльных, получившего название «романовки».

В 1903 г. положение политических ссыльных резко ухудшилось. Циркуляры иркутского генерал-губернатора Кутайсова сделали и без того тяжелые условия для ссыльных совершенно невыносимыми. За малейшие провинности их отправляли в Верхоянск и на Колыму. В пути следования от Иркутска до Якутска многие из них подвергались избиению.

Терпению ссыльных пришел конец, и они решили выразить организованный протест.

На собрании политических ссыльных 11 февраля 1904 г., на котором присутствовало около 80 человек, было принято соответствующее решение. На последующих собраниях 14—17 февраля ссыльные обсудили организационные и технические вопросы и избрали руководящий орган — «Исполнительную комиссию», в состав которой вошли большевики В. Курнатовский, А. Костюшко-Валюжанич, Л. Никифоров, Н. Кудрин и др. Эсеры отказались от участия в выступлении. В заявлении 20 эсеров говорилось, что они признают только индивидуальный террор и на коллективное выступление не согласны. 18 февраля 42 политических ссыльных забаррикадировались в доме якута Романова и послали якутскому губернатору письменные требования об отмене свирепых циркуляров Кутайсова. При этом они заявили, что не остановятся перед самыми крайними мерами до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования.

Готовясь к обороне в случае попытки полиции взять дом приступом, «романовцы» запаслись оружием. У них было 13 револьверов, десяток дробовых ружей, две берданки с немногими патронами, дюжина топоров и около 20 финских ножей. К забаррикадировавшимся присоединились еще 15 человек, и число участников выступления дошло до 57 человек. Подавляющее большинство их составляли социал-демократы. Среди собравшихся были также «экономисты», бундовцы, трое эсеров и несколько беспартийных крестьян, участников аграрных движений.

Вице-губернатор Чаплин организовал блокаду дома, где засели «романовцы». Он хотел взять их измором. 26 февраля над домом Романова был поднят красный флаг и губернатору было послано второе заявление с требованием снять блокаду. Участники выступления выпустили на гектографе несколько прокламаций, в которых разъяснялись цели протеста, разоблачались провокации областной царской администрации и полиции, пытавшихся натравить якутское население на политических ссыльных. Прокламация «К солдатам якутской местной команды» призывала их не стрелять в ссыльных.

С 4 по 6 марта «романовцы» трижды подверглись жестокому обстрелу из винтовок, во время которого был убит социал-демократ рабочий Ю. Матлахов и трое ранены. Всего по осажденным «романовцам» было сделано около 2 тыс. выстрелов. Со стороны «романовцев» было сделано два выстрела. Убедившись в тактике администрации перебить осажденных, не прибегая к штурму, «романовцы» большинством голосов решили сдаться и использовать судебный процесс для разоблачения гнусностей царизма. Против такого решения высказалось более 20 человек, в том числе В. Курнатовский и А. Костюшко, но они вынуждены были подчиниться большинству. 7 марта добровольно сдавшиеся «романовцы» были отправлены в тюрьму. Таким образом, героический вооруженный протест якутских политических ссыльных продолжался 18 дней. В августе 1904 г. «романовцы» были осуждены к 12 годам каторжных работ каждый. Их процесс превратился в громкое разоблачение ужасов режима ссылки.

Протест «романовцев» был направлен не только против режима царской администрации, но, как писал В. Курнатовский, и «против всего самодержавного режима» [1]. Именно поэтому он получил широкий резонанс. О солидарности с «романовцами» заявили почти все колонии политических ссыльных Якутской области и Сибири. От рабочих и социал-

[1] Письмо В. К. Курнатовского о якутском протесте ссыльных. «Исторический архив», т. IV, 1955, стр. 225.

демократических организаций многих городов поступали приветствия «романовцам». Весть о «романовке» проникла и за границу. В некоторых городах Европы состоялись митинги солидарности с русскими революционерами и протеста против злодеяний царизма.

«Романовка» оказала революционизирующее влияние на трудящихся Якутии, в первую очередь на якутскую учащуюся молодежь. Героический вооруженный протест политических ссыльных заставил передовую часть якутской молодежи задуматься над политическими вопросами, вызвал интерес к общественной жизни страны. «Романовка» усилила симпатию к революционерам и ненависть к царизму. Не случайно после «романовки» у передовой части учащейся молодежи Якутии появилась тяга к изучению революционных учений, истории революционной борьбы, программ социалистических партий.

Ссыльные социал-демократы издавали гектографированные журналы и листовки, в которых пропагандировали марксизм. С августа 1904 г. по февраль 1906 г. в Якутской области печатались журналы «Вестник ссылки» и «Летучий листок». В издании «Вестника ссылки» видное участие принимал большевик Н. Л. Мещеряков. Редакции этих журналов печатали брошюры и прокламации. Отдельной брошюрой, например, была издана «Программа РСДРП», принятая на II съезде партии.

В 1904 г. политические ссыльные организовали в Якутске две демонстрации. Первая из них состоялась 21 июня при встрече новой партии ссыльных, во время следования которой конвойные убили ссыльного Н. Шаца. У демонстрантов было знамя с надписью «Долой самодержавие!». Вторая демонстрация состоялась 23 августа по случаю проводов «романовцев», отправляемых на пароходе в Иркутск для отбытия каторги. В этой демонстрации участвовали, кроме политических ссыльных, городские жители, русские и якуты, в особенности рабочие кустарных предприятий города и учащиеся, всего около 250—300 человек. Это были первые в истории Якутии политические демонстрации. Демонстранты пели революционные песни, раздавались возгласы: «Долой самодержавие!», «Да здравствует грядущая революция!», «Долой царский произвол!», «До скорого свидания на баррикадах в России!».

На рост недовольства трудящихся Якутии известное влияние оказала русско-японская война (1904—1905 гг.). Вскоре после нападения Японии на Порт-Артур якутский епископ опубликовал в № 7 «Якутских епархиальных ведомостей» за 1904 г. специальное послание подведомственным учреждениям, духовенству и верующим, в котором призывал население Якутской области оказывать помощь царской армии. Во всех церквах области произносились проповеди за поддержку войны. Но на эти призывы откликнулись только тойоны и баи, пожертвовавшие крупные суммы в фонд Красного Креста. Трудовое население отнеслось к призывам равнодушно: война не была популярна среди народов России.

Ссыльные большевики распространяли перепечатанные на гектографе антивоенные прокламации сибирских социал-демократических комитетов. Так, например, в феврале 1905 г. полицией была найдена в Якутске прокламация «К солдатам»; в составленном в связи с этим протоколе отмечалось: «Прокламация касается военных действий на Дальнем Востоке, доказывая, что война эта нужна самодержавию, а не народу, и убеждает солдат прекратить братоубийство» [2]. Таким образом, и в Якутск проникала правда о грабительской русско-японской войне. В то же время поражения царской армии в этой войне подрывали авторитет царизма.

---

[2] Гос. архив Иркутской обл., ф. 246, оп. 3, д. 193, л. 96.

В прокламациях, составленных самими якутскими политическими ссыльными, также звучали антивоенные ноты. Так, в прокламации от 18 декабря 1904 г. говорилось, что царизм, затеяв войну с Японией, губит десятки тысяч жизней. О том же говорилось в открытом письме группы ссыльных якутскому губернатору от 24 сентября 1904 г.

С другой стороны, русско-японская война была использована якутскими тойонскими интеллигентами для пропаганды буржуазного национализма. Указывая на поражения царской армии, они пытались внушить якутам мысль, что русские вообще слабы и японцы их во всем превосходят. При этом они распространяли идеи о расовом и племенном родстве якутов с японцами и как доказательства физического сходства японцев с якутами демонстрировали газетные иллюстрации [3].

9 января 1905 г. в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация рабочих. Это кровавое злодеяние царя вызвало мощную волну народного возмущения. По всей России начались митинги и забастовки протеста, вскоре достигшие и национальных районов. «За Петербургом,— отмечал В. И. Ленин,— последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет» [4]. В России началась буржуазно-демократическая революция — первая народная революция эпохи империализма. Гегемоном первой русской революции являлся самый революционный класс общества — пролетариат. Его естественным и верным союзником было задавленное гнетом крепостнических остатков многомиллионное крестьянство. Русский рабочий класс сплачивал вокруг себя трудящиеся массы всех национальностей России. Во главе революционного народа выступила руководимая Лениным подлинно марксистская партия, партия большевиков.

В Якутске первыми о «Кровавом воскресенье» узнали политические ссыльные. Расстрел рабочих усилил ненависть ссыльных революционеров к царизму. Они разъясняли трудящимся смысл «Кровавого воскресенья», составили и напечатали на гектографе прокламацию «Январские дни в Петербурге», получившую распространение не только среди политических ссыльных области, но и среди некоторой части населения, в особенности учащейся молодежи Якутска.

«Кровавое воскресенье» и последовавшие за ним революционные события в стране способствовали сближению передовой части учащихся Якутии с политическими ссыльными. «Кровавая расправа царя с питерскими рабочими 9 января 1905 г., сплошные военные неудачи русской армии на далеких полях Маньчжурии еще более содействовали критическому отношению молодежи к окружающей действительности и... тесному сближению ее с политической ссылкой» [5].

С начала 1905 г. в Якутске среди учащихся стали возникать кружки по изучению общественных вопросов. Члены их издавали рукописные журналы. В реальном училище издавался журнал «Метеор», в духовной семинарии — «Просвет», в женской гимназии — «Огарок». На страницах этих журналов отразился дух революционного времени. В них нередко появлялись статьи с критикой порядков в учебных заведениях, а иногда ставились и более общие политические вопросы. О влиянии революционных событий на демократическую часть якутских учащихся свидетельствует возникновение среди них в апреле 1905 г. первого в истории Якутии марксистского кружка. В кружке состояло более 20 членов —

---

[3] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 8, д. 88, л. 17.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 308.
[5] И. В-в. Революционное движение учащейся молодежи в период 1905—1909 гг. (Из воспоминаний). «По заветам Ильича», 1925, № 10—11, стр. 69.

учащихся средних учебных заведений Якутска. Организатором кружка был ссыльный социал-демократ Х. Штейнбах. В руководстве кружком принимали участие социал-демократы С. А. Малых, С. В. Константов, К. И. Лузин[6]. Они выступали на занятиях и собраниях кружка с лекциями и рефератами по вопросам политической экономии, истории рабочего движения и программы социал-демократической партии. С рефератами выступали также некоторые члены кружка. По свидетельству члена кружка Ф. Астраханцева[7], на его занятиях читали «Капитал» Маркса. На одном из общих собраний в начале ноября 1905 г. кружок получил название «Маяк». Так под влиянием революции 1905 г. якутская молодежь стала сближаться с ссыльными социал-демократами, интересоваться политическими вопросами и изучать марксизм.

До якутских улусов и наслегов вести о «Кровавом воскресенье» и подъеме революционного движения в стране доходили только в виде смутных слухов и с большим опозданием. Только летом 1905 г. прибывавшие в якутскую ссылку отдельные участники революционных событий стали рассказывать в разных уголках Якутии правду о первой русской буржуазно-демократической революции.

Под влиянием нараставших революционных событий в стране политические ссыльные все чаще выступали с протестами против произвола царской администрации. Об этом свидетельствует, например, следующий факт: 8 марта 1905 г. пять вооруженных ссыльных ворвались в помещение окружного полицейского управления в Средне-Колымске и потребовали, чтобы исправник выдавал им корреспонденцию без задержки и просмотра.

Как известно, начало революции 1905 г. вызвало резкие разногласия между большевиками и меньшевиками по тактическим вопросам. III съезд партии, состоявшийся в конце апреля 1905 г., и происходившая одновременно с ним Женевская конференция меньшевиков показали всю глубину этих разногласий. В труде В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», выпущенном в свет в июле 1905 г., были даны сокрушительная критика оппортунистической тактики меньшевиков и подробное обоснование революционной тактики большевиков. Вести о тактических разногласиях между большевиками и меньшевиками дошли и до ссыльных социал-демократов Якутской области, а летом 1905 г. политическим ссыльным Якутии стали известны материалы III съезда партии и меньшевистской конференции. В связи с этим наметились разногласия и среди якутских ссыльных социал-демократов.

К этому времени режим ссылки заметно смягчился в результате подъема революционного движения в стране и героического вооруженного протеста якутских политических ссыльных в 1904 г. Пользуясь этим, политические ссыльные самовольно уезжали из улусов и наслегов в Якутск. Здесь летом 1905 г. их собралось более 100 человек. Администрация предпринимала попытки отправить их обратно в улусы, но ссыльные категорически отказывались вернуться на старые места. Опасаясь нового вооруженного выступления ссыльных, администрация воздерживалась от применения насильственных мер. В Якутске тайно, а иногда

---

[6] Фракционная принадлежность их неизвестна. В списках, анкетах и других документах того времени социал-демократы не подразделялись на большевиков и меньшевиков. Многие социал-демократы в якутской ссылке в 1904—1905 гг. еще не успели четко определить свою принадлежность к одной из двух фракций РСДРП.

[7] Ф. Астраханцев. Карл Маркс — наш учитель (Воспоминание о нелегальном кружке в Якутске по изучению марксизма). «Автономная Якутия» от 14 марта 1923 г.

совершенно открыто устраивались собрания, на которых обсуждались тактические вопросы. Ссыльные большевики выступали на этих собраниях в защиту резолюций III съезда партии и критиковали меньшевиков, как пишет Н. Мещеряков [8], по вопросам о вооруженном восстании, о характере революции, об отношении к либералам, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

Начало революции 1905 г. усилило среди политических ссыльных тягу к побегу из ссылки. Ссыльные революционеры стремились вырваться на волю и принять участие в происходившей в стране революции. Летом 1905 г. случаи побегов участились; среди совершивших удачный побег были М. Урицкий и И. Радченко.

Осенью 1905 г., когда разразилась всероссийская Октябрьская политическая стачка, в Якутской области произошли революционные события, центром которых стал Якутск. Это объясняется, во-первых, скоплением здесь политических ссыльных, во-вторых, наличием в городе рабочих кустарных предприятий, мелкобуржуазных элементов, служащих торговых заведений, эксплуатируемых крупными торговыми фирмами, демократической интеллигенции и учащихся средних учебных заведений. В средних учебных заведениях Якутска в 1904 г. обучалось 545 человек [9], среди которых было немало выходцев из демократических слоев населения. Но застрельщиками революционных демонстраций и митингов были рабочие.

21 октября 1905 г. в Якутске была получена весть о манифесте 17 октября. Различные слои населения Якутии встретили ее по-разному. Якутские тойоны и купцы приветствовали «царскую милость». Ссыльные социал-демократы разъясняли трудящимся, что манифест 17 октября является лишь обманом народных масс, что царь хочет получить своего рода передышку для того, чтобы собраться с силами и разгромить революцию. В этом духе они выступали на народных собраниях и митингах в Якутске.

Вечером 30 октября 1905 г., после «народных чтений» в здании Якутской городской думы, в Якутске состоялась первая большая демонстрация. Несколько сот человек прошли по главным улицам города с красными флагами и пением революционных песен: «Марсельезы», «Варшавянки» и др. В демонстрации участвовали главным образом политические ссыльные, учащиеся средних учебных заведений, рабочие кустарных предприятий, приказчики торговых фирм, учителя. Демонстранты останавливались у Якутского окружного управления полиции и у дома губернатора. Раздавались возгласы: «Долой полицию!», «Долой губернатора!», «Долой самодержавие!».

Следующая революционная демонстрация в Якутске состоялась 6 ноября, также после «народных чтений». «Второе воскресенье происходит демонстрация,— сообщалось в шифрованной телеграмме прокурора Якутского окружного суда на имя прокурора Иркутской судебной палаты от 7 ноября 1905 г.— Толпа ходит по улицам с пением революционных песен, останавливается перед полицией и домом губернатора» [10]. Демонстранты, среди которых было много учащихся, выразили протест и против деятельности инспектора Якутской духовной семинарии мракобеса Тихоновского. В записной книжке члена марксистского кружка учащихся В. Н. Чепалова записано: «Ноября 6 числа была демонстрация в семи-

---

[8] Н Мещеряков. Как мы жили в ссылке. Записки старого большевика. М., 1934, стр. 58.

[9] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 2063, л. 58.

[10] «Социалистическая Якутия» от 24 декабря 1935 г.

нарии. В этой демонстрации, кроме политических, еще участвовали уча-щая[ся] молодежь (семинаристы, гимназистки и реалисты). Демонстр[анты], прошедши Большую [улицу] после д[ома] Юшман[ова], губ. и казарм направились к семинарии с криками «Долой тирана! Долой Тихоновского!» и, поя «Варшавянку», вошли во двор. Инспектор, в наст[оящее] вр[емя] ис[полняющий] д[олжность] ректора Тих[оновский] испугался»[11]. Подобная же, но менее многолюдная демонстрация состоялась в Якутске и 13 ноября 1905 г. Организаторами демонстраций являлись политические ссыльные. Демонстрации сыграли важную роль в пробуждении революционного сознания трудящихся Якутии, в их политическом воспитании. Революционные лозунги разъясняли якутским трудящимся, кто их враги, призывали к борьбе за свое освобождение.

Всероссийская почтово-телеграфная стачка охватила и Якутскую область. 16 ноября 1905 г. началась забастовка служащих Якутской почтово-телеграфной конторы. 19 ноября ее начальник доложил якутскому губернатору: «Забастовка п[очтово]-т[елеграфных] чинов вверенной мне конторы началась 16 числа [ноября] утром вследствие всеобщей забастовки п[очтово]-т[елеграфных] чинов Москвы, Ирк[утска], Як[утска]»[12]. Присоединились к забастовке и служащие почтово-телеграфных контор Олекминска и Витима: «...К восстановлению действий телеграфа мною не может быть принято никаких мер,— писал губернатору начальник Якутской почтово-телеграфной конторы,— так как переприемные учреждения, как Олекминск и Витим, вследствие забастовки, на вызовы не отвечают вовсе...»[13]. Забастовка почтово-телеграфных служащих Якутской области продолжалась до конца декабря. В течение полутора месяцев Якутск не имел телеграфной связи с центром. Только 27 декабря 1905 г. была восстановлена телеграфная связь с Иркутском. Поэтому в Якутске ничего не было известно даже о декабрьском вооруженном восстании в Москве. Вести об этом кульминационном пункте первой русской революции здесь были получены позже, в начале 1906 г.

С ноября 1905 по февраль 1906 г. в Якутске систематически происходили народные митинги, на которых собиралось по нескольку сот человек. Для устройства митингов было захвачено здание так называемого Общественного собрания. Организаторами митингов были политические ссыльные. Они же были главными ораторами, рассказывавшими о революционной борьбе в России, разъяснявшими необходимость вооруженной борьбы против царизма. Большое место в выступлениях ораторов уделялось разоблачению царской администрации в Якутской области. Прокурор Якутского окружного суда докладывал 18 февраля 1906 г. прокурору Иркутской судебной палаты, что на этих митингах «все сводилось к произношению зажигательных речей, с призывом к вооруженной борьбе»[14].

На обсуждение часто выносились животрепещущие вопросы местной жизни. Так, например, на одном из митингов обсуждался вопрос о реакционном учителе Явловском. Участники митинга высказались за увольнение Явловского, после чего он вынужден был выйти в отставку.

Митинги были многолюдными, в них принимали участие представители различных слоев населения. Как отмечалось в донесении якутского губернатора министру внутренних дел от 8 февраля 1906 г., «...на устраиваемых последними (политическими ссыльными.— *Ред.*) митингах стало собираться большое число публики, главный, если не исключительный

---

[11] ЦГА ЯАССР, ф. 53, д. 5, лл. 64 об.—65.
[12] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 1102, л. 40.
[13] Там же, л. 40 об.
[14] ЦГА ЯАССР, ф. 10, оп. 1, д. 25, л. 91—91 об.

контингент которой составлялся из ремесленников, мастеровых, мелких торговцев, прислуги, якутов, любящих всякие зрелища и сборища, писцов правительственных учреждений, отчасти учащейся молодежи учебных заведений и даже небольших детей низшего класса общества» [15]. В донесении подчеркивалось, что митинги происходили «почти ежедневно». Так же как и демонстрации, политические митинги способствовали пробуждению классового сознания трудящихся Якутии, их политическому воспитанию, вдохновляли их на борьбу против произвола и эксплуатации.

В Якутске существовало так называемое Общество народных чтений, которое в бурные октябрьские дни 1905 г. значительно революционизировалось. На устраивавшихся этим обществом «чтениях» произносились политические речи, направленные против царизма. Политические ссыльные комментировали революционные события в стране, коллективно читались некоторые революционные брошюры, декламировались революционные стихотворения, хор политических ссыльных исполнял революционные песни.

Осенью 1905 г. усилились революционные настроения среди передовых учащихся. В средних учебных заведениях Якутска начались выступления против администрации. Узнав о манифесте 17 октября, учащиеся Якутской духовной семинарии потребовали предоставления им обещанных в манифесте свобод. В цитировавшейся выше записной книжке В. Чепалова имеется следующая запись: «24 числа октября посылалась депутация из 1, 2, 4 и 6 класса семинарии о том, простирается ли до семинаристов 1 пункт манифеста от 17 октября 1905 г. о неприкосн[овенности] личн[ости], свободе слова, собраний и союзов... Ответ отрицателен» [16].

21 ноября 1905 г. в здании Общественного собрания происходил вечер учащихся, на котором группа революционно настроенных учащихся духовной семинарии, реального училища и женской гимназии запела революционную песню. Дежуривший в тот вечер в здании Общественного собрания товарищ прокурора Якутского окружного суда Державич запретил петь. В знак протеста большинство учащихся демонстративно покинуло вечер. Протест был поддержан революционной общественностью на очередном народном митинге в Общественном собрании, где была принята резолюция, осуждавшая Державича как реакционера.

В некоторых учебных заведениях были случаи открытого выступления учащихся против администрации и реакционных преподавателей. Выше отмечалось, что по требованию учащихся духовной семинарии был уволен ярый реакционер учитель Явловский. Такие выступления были и в женской гимназии.

Революционные настроения учащейся молодежи Якутии проявлялись открыто. На вечере в духовной семинарии 27 декабря 1905 г. в присутствии начальства семинарии и представителей областной администрации ставилась революционная пьеса «На конспиративной квартире». Во время антрактов в коридоре запевались революционные песни. На «религиозно-назидательных чтениях» в той же духовной семинарии воспитанники выступали с декламацией революционных стихотворений, в том числе «Песни о Буревестнике» М. Горького. 9 января 1906 г. учащиеся семинарии отметили годовщину «Кровавого воскресенья» — во время службы в семинарской церкви они запели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Администрация хотела исключить зачинщиков этой демонстрации, но еди-

[15] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 1102, л. 74.
[16] ЦГА ЯАССР, ф. 53, д. 5, л. 64.

нодушный протест учащихся заставил ее отказаться от этого намерения. «...Одна из побед семинаристов... Видно, что начальство боится нас...»,— отметил в своей записной книжке В. Чепалов [17].

В 1906 г. революционно настроенная якутская молодежь устроила нелегальную маевку. В дневнике одного из учащихся реального училища говорится: «6 мая на маевке были гимназисты, семинаристы и реалисты. Пошли в 12 час., а пришли в 10 час.» [18].

В развитии революционных настроений среди якутских учащихся большая заслуга принадлежала ссыльным революционным социал-демократам, которые были учителями якутской молодежи.

Революция 1905 г. освободила политических ссыльных из царского плена. 21 октября был издан указ об амнистии, который был получен в Якутске 23 октября. По амнистии было освобождено более 100 якутских политических ссыльных. Им было разрешено выехать из Якутска, но выезд задерживался из-за невыдачи путевых пособий. 5 ноября около 100 бывших политических ссыльных пошли к губернатору Булатову и в категорической форме потребовали у него выдачи путевых пособий всем одновременно, заявив, что в противном случае они вынесут этот вопрос на решение народа. 6 ноября после вторичного посещения представителей политических ссыльных губернатор распорядился выдать путевые пособия. 9 ноября начался отъезд ссыльных небольшими партиями, по шесть человек в день; к началу декабря 1905 г. из Якутска выехали почти все политические ссыльные. В Якутске их оставалось лишь около 10 человек.

После этого активность политической жизни в городе понизилась. Народные митинги стали проходить более мирно. В цитированном выше донесении якутского прокурора от 18 февраля 1906 г. говорится: «С отъездом политических ссыльных митинги под руководством постоянно живущих здесь бывших политических ссыльных приняли менее революционный характер, но тем не менее велись все же на почве революционной борьбы, причем значительную часть времени на митингах посвящали разрешению местных злободневных вопросов, тактика устроителей сводилась к критике действий местных административных и полицейских властей, общественных деятелей и лиц других категорий, а равно и к тому, чтобы заставить толпу обсуждать и решать те или другие вопросы повседневной жизни» [19]. Таким образом, деятельность ссыльных революционеров продолжала сказываться и после их отъезда. Это должен был признать и якутский губернатор, писавший, что «усиленная в течение многих лет политическая ссылка оставила здесь после себя глубокие следы» [20].

В ноябре и декабре 1905 г. в Якутске возникали союзы учащихся, приказчиков, мелких торговцев, чиновников, ремесленников и извозчиков.

Одним из первых возник Союз учащихся, созданный в ноябре 1905 г. В декабре в союзе состояло более 200 учащихся из всех средних учебных заведений Якутска. На общем собрании членов союза 12 декабря 1905 г. был принят устав, разработанный специальной комиссией. В уставе были указаны цели союза и основные средства их достижения: «§ 1. Цель союза: а) отстаивание и расширение ученических прав; б) коллективные занятия самообразованием; в) и сближение между собой учеников различных учебных заведений г. Якутска. § 2. Средства к осуществлению намеченных целей. А — для первой цели: а) привлечение на свою сторону

[17] ЦГА ЯАССР, ф. 53, д. 5, л. 66 об.
[18] Там же, ф. 58, оп. 2, д. 2, л. 90 об.
[19] Там же, ф. 10, оп. 1, д. 25, л 91—91 об.
[20] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 1102, л. 73.

общественного мнения; б) ходатайство через депутатов (устно) от всех учебных заведений; в) установление прочных сношений союза с ученическими союзами и учебными заведениями других городов; г) подача петиций за подписью всех членов союза и д) общая забастовка на определенный или неопределенный срок... Б — Средства осуществления второй цели: а) организация постоянных кружков самообразования и б) устройство общих чтений...» [21]. Эти положения устава, в особенности пункт об общей забастовке учащихся, показывают влияние политических ссыльных революционеров на якутскую молодежь.

В конце 1905 и начале 1906 г. Союз учащихся вел заметную культурно-просветительную и политико-воспитательную работу. Комитет союза, состоявший из представителей всех средних учебных заведений города, создал клуб учащихся, где устраивались вечера с пением революционных песен и декламацией революционных стихотворений, проводились кружковые занятия и лекции, в которых критиковались царские порядки, пропагандировались революционные взгляды.

Союзы ремесленников и извозчиков проводили работу главным образом по оказанию помощи своим членам. В клубе Общества взаимопомощи приказчиков происходили чтения, митинги и лекции, имевшие революционно-воспитательное значение. Общество имело свою библиотеку, позднее получившую от М. Горького 14 посылок с различными книгами. Важно отметить, что общество принимало в свои ряды только лиц наемного труда, а не хозяев. В уставе его, утвержденном губернатором Булатовым 29 ноября 1905 г., указывалось: «Если действительный член откроет по гильдейскому свидетельству собственную торговлю или сделается владельцем фабрики, завода или какого-либо другого предприятия, то он считается выбывшим из действительных членов общества» [22].

В конце ноября 1905 г. в разгар забастовки служащих Якутской почтово-телеграфной конторы, когда прервалась телеграфная связь с Иркутском, на собрании чиновников, где присутствовало около 40 человек, было также решено создать особый союз. В создании этого союза принимали участие некоторые учителя женской гимназии и реального училища. Членами союза 22 декабря 1905 г. был принят составленный учителем Жаровым, близко стоявшим к политическим ссыльным, устав, в котором в качестве одного из средств борьбы признавалась забастовка чиновников.

Открытую борьбу против Якутской городской думы повел Союз мелких торговцев, возникший в ноябре 1905 г. В него входили мелкие базарные торговцы Якутска, которые брали в аренду лавки на базаре или занимались торговлей на салазках. На своем общем собрании 13 декабря союз решил предъявить городской управе следующие требования: 1) все торговые помещения на базаре сдавать с торгов, начиная с трети цены, за которую в настоящее время сдаются; 2) с торгующих на салазках взимать не 3, а 1½ рубля; 3) плату за торговые помещения взимать по третям, а не за весь год сразу; 4) организовать новое городское управление. В постановлении собрания по поводу последнего пункта говорилось: «Находя, что настоящий состав думы, по способу его избрания, не может считаться действительно избранным от города, союз предлагает организовать новое городское управление, избранное от всех жителей г. Якутска путем прямого, всеобщего, равного и тайного голосования» [23]. Это постановление

[21] ЦГА ЯАССР, ф. 58, оп. 2, д. 2, л. 247.

[22] Устав общества взаимопомощи приказчиков в г. Якутске, 1906, Якутск, 1908, стр. 10.

[23] ЦГА ЯАССР, ф. 9, оп. 1, д. 22, л. 19 об.

15 декабря было вручено городской управе, но она даже не обсудила требования союза. Ввиду этого 18 декабря было созвано новое собрание, которое подтвердило четыре требования, выдвинутые на собрании 13 декабря. Городская управа на своем заседании 19 декабря, заслушав сообщение о требованиях Союза мелких торговцев, выразила сомнение в его существовании и отложила обсуждение вопроса.

Требование союза о замене старой думы новым самоуправлением, избранным демократическим путем, носило политический характер. Оно было поддержано всеми трудящимися города, стало их общим требованием. 20 декабря в Якутске состоялся народный митинг, на котором развернулась критика действий городской управы и чинов полиции. Многие ораторы говорили о грубом произволе полиции, об избиении граждан полицейскими чинами. Митинг поддержал требование Союза мелких торговцев о переизбрании городской думы и выдвинул новое требование — о введении прогрессивного подоходного налога [24]. Было также принято постановление о целесообразности подчинения полиции новому городскому самоуправлению. Митинг постановил обратиться ко всем союзам и обществам г. Якутска и Якутской области с предложением высказаться и поддержать выдвинутые требования.

Требования Союза мелких торговцев, поддержанные народным митингом, должны были обсуждаться на заседании городской думы 9 января 1906 г. В этот день, совпадавший с годовщиной «Кровавого воскресенья», состоялась народная демонстрация, в которой участвовало более 200 человек. Демонстранты с пением «Марсельезы» и с криками «Долой думу!» ворвались в зал, где происходило заседание думы. Гласные думы пытались разбежаться, некоторые из них спрятались. Но демонстранты силой заставили их обсудить требования Союза мелких торговцев. Для решения двух первых требований было решено избрать комиссию из трех представителей союза и трех гласных думы. Третье требование было принято. После этого демонстранты стали настаивать на принятии четвертого требования — сложения гласными своих полномочий. Когда один из гласных сказал, что это незаконно, демонстранты заявили: «Закон — это воля народа; теперь ни закона, ни правительства, ни государя нет, теперь правит всем народ... уже многие города управляются народом» [25].

Гласные были вынуждены принять продиктованную им резолюцию о сложении своих полномочий. Так, в результате выступления революционно-демократических слоев населения Якутска, Якутская городская дума, состоявшая из тойонов и купцов, была разогнана.

После этого якутский губернатор дал полиции распоряжение не допускать на улицах народных шествий. В телеграмме от 10 января 1906 г. он просил Министерство внутренних дел срочно прислать в Якутск военный отряд в 200 человек с пулеметом. В записке министра внутренних дел о происшествиях в Якутске в январе 1906 г. говорится: «Ввиду усиленной агитации, ведущейся среди низших слоев населения и в особенности среди якутов бывшими поднадзорными, в городе ожидаются дальнейшие беспорядки. Сообщив о сем, якутский губернатор действительный статский советник Булатов добавил, что местная полиция, числящая в своем составе только 20 городовых, бессильна; казаков мало, да и те безоружны и совершенно ненадежны... По этим основаниям действительный статский советник Булатов просил содействия для присылки

[24] ЦГА ЯАССР, ф. 9 истор., оп. 6, д. 22, л. 20.
[25] Там же, л. 21.

в Якутск хотя бы 200 нижних чинов, при офицере, и, если возможно, с пулеметом. По соображении обстоятельств дела, действительному статскому советнику Булатову телеграфировано, что для водворения в гор. Якутске порядка и ареста зачинщиков, наличных в городе войск достаточно. Вместе с тем ему предложено действовать против мятежников силою оружия без всякого снисхождения и принять меры к немедленному восстановлению в гор. Якутске авторитета власти» [26].

Влияние революции проникло в окружные центры, русские деревни и якутские улусы, где в конце 1905 г. начались волнения, не вылившиеся, однако, в массовое движение.

В Вилюйске возникло брожение среди казаков местной команды. Они круглый год несли караульную, конвойную и полицейскую службу, получая жалованье вместе с «квартирными», «приварочными» и пр. всего 46 р. 41 к. в год, т. е. 3 р. 86 к. в месяц [27]. После манифеста 17 октября вилюйские казаки открыто заявили недовольство своим положением и действиями полиции, «выражавшееся в отказе казаков от лежащих на них по закону и служебному расписанию наряда обязанностей и в игнорировании распоряжениями исправника. Так, казаки постановлениями на сходе отказывались... от командировок к исправнику и земским заседателям для исполнения при них полицейских обязанностей...» [28]. Получив это сообщение, иркутский генерал-губернатор телеграфировал якутскому губернатору: «Примите самые решительные меры к немедленному восстановлению порядка в Вилюйске; всякое послабление в этом отношении объясню попустительством властей и их бездействием» [29]. Якутским губернатором были срочно командированы в Вилюйск вице-губернатор и атаман Якутского казачьего полка, которые сделали все, чтобы замять происшествие.

В Олекминске после получения манифеста 17 октября было организовано несколько собраний и митингов, на которых политические ссыльные разъясняли смысл царского манифеста. В иркутской газете «Восточное обозрение» 24 января 1906 г. в корреспонденции из Олекминска сообщалось: «Волна освободительного движения захватила и наш город. Здесь было устроено несколько публичных чтений, посвященных манифесту 17 октября, современному внутреннему и внешнему положению России. Эти чтения уяснили населению смысл происходящей ныне освободительной борьбы».

Революционным брожением были отчасти охвачены русские крестьяне Олекминского округа. Это были наиболее революционные элементы среди крестьян Якутской области, что объяснялось как их особенно тяжелым положением, о котором писал В. Г. Короленко в рассказе «Государевы ямщики», так и влиянием ссыльных социал-демократов. В Олекминском округе накануне революции 1905 г. отбывали ссылку такие видные социал-демократы , как Ольминский, Шанцер (Марат), Эссен, Урицкий и др., которые вели пропаганду среди крестьян. Участник революционных выступлений чекурских крестьян С. Иванов писал о влиянии ссыльных социал-демократов на крестьян: «Ссылка политических при царизме в Якутию, в частности в Олекминский район, имела своим последствием рост самосознания среди местных жителей... Наиболее революционной волостью являлась Чекурская, ныне Урицкая. В этом сказалось пребыва-

---

[26] ЦГИА СССР, ф. 102, 4-е делопроизводство, д. 2540, т. 3, 1905 г., лл. 72, об.— 73.
[27] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 2476, л. 1.
[28] Там же, д. 1102, л. 67.
[29] Там же, л. 54.

ние в ссылке М. С. Урицкого, работавшего с 1902 по 1904 год[30] в должности волостного писаря»[31].

В конце 1905 г. произошла забастовка чекурских крестьян-ямщиков. С июля 1902 г. обывательская гоньба была превращена в натуральную повинность. При этом выдаваемое крестьянам казенное пособие за гоньбу было сокращено наполовину. Между тем лето 1905 г. было неурожайным, что тяжело отразилось на положении ямщиков.

В первой половине декабря 1905 г. состоялось собрание крестьян с. Солянского, на котором было решено требовать увеличения казенного пособия за гоньбу, а в случае отказа администрации объявить забастовку. Солянские крестьяне обратились к крестьянам других селений с призывом поддержать их и созвать волостной сход для обсуждения этого вопроса. Призыв был немедленно поддержан крестьянами четырех других селений: Русско-Реченского, Наманинского, Чекурского и Белого.

17 декабря представители всех этих пяти селений собрались в с. Чекурском на волостной съезд. Были выработаны требования, носившие чисто экономический характер. Для предъявления их администрации избрали доверенных во главе с помощником волостного писаря С. И. Ивановым. В случае непринятия администрацией требований было решено объявить с 20 декабря забастовку, для руководства которой был избран стачечный комитет из трех человек.

18 декабря доверенные крестьян пяти селений Чекурской волости послали якутскому губернатору Булатову следующую телеграмму: «Мы, доверенные Солянского, Наманинского, Русско-Реченского, Чекурского и Белянского обществ, требуем увеличения обывательских лошадей до двух пар, вследствие большого разгона; сравнения обывательской платы с почтой, высылки вперед третями с фуражной. Впредь до удовлетворения отказываемся содержать обывательские»[32]. Губернатор отклонил эти скромные требования и дал олекминскому исправнику телеграфное распоряжение немедленно принять меры к «прекращению беспорядков» и выяснить зачинщиков[33]. 21 декабря губернатор внес требования чекурских крестьян на рассмотрение Общего присутствия Областного управления, которое категорически отклонило ходатайство крестьян и предложило губернатору напомнить им об ответственности за забастовку.

Между тем, как было решено на волостном сходе, 20 декабря крестьяне начали забастовку.

Олекминский окружной исправник объехал все пять селений Чекурской волости, охваченных забастовкой, и повсюду уговаривал крестьян прекратить стачку, угрожая уголовной ответственностью. После этого исправник доложил губернатору, что его уговоры не действуют на крестьян, которые ему «заявили, что они до тех пор не прекратят забастовки, пока не будет им удвоено пособие»[34].

В ходе забастовки стачечный комитет уточнил требования крестьян. Были выдвинуты требования: 1) о восстановлении отмененной платы за обывательскую гоньбу; 2) об увеличении казенного пособия за обывательскую гоньбу с 1200 до 2000 руб. за пару в год; 3) об организации промежуточной станции между селениями Чекурским и Русско-Реченским с содержанием на ней четырех пар почтовых и двух пар обывательских

---

[30] Здесь ошибка: М. С. Урицкий работал волостным писарем с июня 1902 по март 1903 г.

[31] С. Иванов. 1905 год в Олекминске. «Социалистическая Якутия» от 23 декабря 1935 г.

[32] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 1102, л. 64.

[33] Там же, л. 64. об.

[34] Там же, л. 94. об.

за счет почтового ведомства; 4) об открытии школы в с. Русско-Реченском [35]. Выдвигалось также требование о выдаче платы за сверхконтрактную почтовую гоньбу [36]. Крестьяне упорно настаивали на удовлетворении своих требований, проявляя большое единодушие и упорство. В корреспонденции из Олекминска, помещенной в № 19 «Восточного обозрения» от 24 января 1906 г., сообщалось: «За последние дни много толков вызывает у нас начавшаяся 20 декабря стачка пяти обывательских станций... Стачечники предъявили якутскому губернатору ряд требований... Держатся дружно и единодушно. Всеми делами по гоньбе заведует выбранный стачечный комитет из 3-х лиц... Уже в первые дни стачки станциям пришлось столкнуться с олекминским исправником Зуевым, пожелавшим проехать бесплатно, но встретившим должный отпор». Сообщалось, что крестьяне не только перестали возить проезжавших чиновников, но отказывались пускать в свои избы полицейских.

Стачечный комитет принял меры к вовлечению в забастовку остальных селений Чекурской волости. С этой целью были разосланы специальные письма, приглашавшие крестьян поддержать забастовку. Председатель стачечного комитета и начальник Чекурского почтово-телеграфного отделения объездили все станции волости и агитировали крестьян примкнуть к забастовке. В Хатын-Тумульском селении председатель стачечного комитета выступил с речью, в которой доказывал необходимость забастовки. Агитируя за забастовку, он заявил, что «...забастовкой только возможно заставить администрацию выполнить их требование по удвоению пособия» [37].

Но власти не хотели сдаваться. Представители администрации запугивали крестьян — участников забастовки. В середине января губернатор Булатов дал олекминскому окружному исправнику телеграфное распоряжение немедленно начать следствие. Власти разжигали национальную рознь, намеревались использовать якутов для борьбы против забастовщиков. 24 января 1906 г. в «Восточном обозрении» сообщалось: «... у администрации созрел план подорвать стачку путем назначения новых торгов на некоторые станции. Цель, преследуемая ею при этом,— передача станций якутам. До сих пор якуты и русские жили между собою мирно». В начале января 1906 г. якутский губернатор одобрил план олекминского исправника, предлагавшего прекратить выдачу бастующим крестьянам пособия за обывательскую гоньбу и использовать его на уплату прогонов для разъездов полицейских чиновников.

Все это заставило крестьян прекратить забастовку, продолжавшуюся около месяца. О причинах прекращения забастовки член стачечного комитета С. И. Иванов пишет: «Под давлением полиции и прямой угрозы ареста забастовка была прекращена» [38]. 24 января 1906 г. олекминский исправник сообщил губернатору: «...крестьяне забастовавших селений, получив присланное им в прежнем размере пособие за обывательскую гоньбу (за январскую треть), прекратили забастовку и гоньба возобновилась» [39]. Сразу же начались репрессии против активных участников забастовки. По представлению якутского губернатора был уволен начальник Чекурского почтово-телеграфного отделения, поддержавший заба-

---

[35] С. Иванов. 1905 год в Олекминске. «Социалистическая Якутия» от 23 декабря 1935 г.

[36] В. А. Чекурская забастовка. «Автономная Якутия» от 18 января 1931 г.

[37] Там же.

[38] С. Иванов. 1905 год в Олекминске. «Социалистическая Якутия» от 23 декабря 1935 г.

[39] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 1102, лл. 65 об.— 66.

стовщиков. 20 февраля были арестованы члены стачечного комитета и один из активных участников забастовки; 12 человек были отданы под суд.

Влияние первой русской буржуазно-демократической революции захватило и собственно якутское население. В конце 1905 г. в ряде улусов трех южных округов Якутской области имели место открытые отказы трудящихся якутов платить подати и нести повинности. «Справки о количестве поступавших в казначейство податей и земских сборов в декабре (когда они здесь, главным образом, вносятся) — доносил якутский губернатор министру внутренних дел,— удостоверили действительно крайне слабое поступление всех казенных платежей...» [40]. На наслежных собраниях чаще стали высказываться против уплаты податей. Так, на сходе Мальжегарского наслега Олекминского округа некто Габышев «возбуждал якутское население к неповиновению закону, убеждая не платить подати до тех пор, пока не будет упразднен существующий порядок управления инородцами...» [41]. Житель этого же наслега Самсонов заявил, что он «не желает и не будет платить податей, потому что подати, по его мнению, сложены с инородцев высочайшим манифестом, который читан в церквах» [42]. В некоторых улусах и наслегах открыто выдвигалось требование отмены податей. Так, сунтарский улусный сход 30 января 1906 г. потребовал освобождения якутов от уплаты ясака. В общественном приговоре 2-го Мельжахсинского наслега Мегинского улуса говорилось о необходимости отмены подушной подати. Подобные требования, свидетельствовавшие о нарастании недовольства трудящихся якутов, имели в то время революционное значение.

Были также случаи бойкота полицейских чиновников. В январе 1906 г. якуты отказались дать земскому заседателю Скретневу лошадей, и он вынужден был просидеть пять суток в Восточно-Кангаласской управе. Аналогичные случаи имели место в Верхне-Вилюйске и Таттинском улусе.

В период первой русской революции в якутских улусах еще более обострилась борьба за землю, усилились протесты трудящихся якутов против несправедливого распределения земли. Наслежные массы более открыто стали выступать против различных незаконных домогательств тойонов в земельном вопросе. Так, в 1906 г. собрание Мойрудского наслега Мегинского улуса отклонило домогательства крупного тойона И. М. Сергеева на принадлежавшее всему наслегу озеро Тюке. Иногда принимались общественные приговоры о коренном перераспределении земли. Были отдельные случаи насильственного захвата беднотой спорных покосных участков, на которые претендовали богачи.

Ростом недовольства трудящихся якутов пыталась воспользоваться нарождавшаяся якутская буржуазия. Ее представители выставляли себя борцами за «общенациональные интересы», но на деле стремились удовлетворить только свои узко классовые интересы: отвести от себя гнев народных масс, добиться от царской администрации тех или иных уступок. С этой целью был организован так называемый «Союз якутов».

В октябре 1905 г. при губернаторе было созвано областное совещание по вопросу о введении в Якутской области земского самоуправления. На это совещание в числе других участников прибыли все видные тойоны — улусные головы и интеллигенты южных округов. Во время совещания в Якутске был получен манифест 17 октября. После этого представители

[40] Там же, л. 88.
[41] ЦГА ЯАССР, ф. 9 истор., оп. 1, д. 21, л. 3.
[42] Там же, ф. 10, оп. 1, д. 25, л. 122 об.

якутов и русских крестьян отказались готовить проект совместно с областной администрацией и обратились к председателю Совета министров Витте с просьбой разрешить им разработать проект земств отдельно от администрации. Такое разрешение было получено. Якутские представители составили свой проект, почти целиком списанный с положения о земском самоуправлении у бурят. Еще во время работы совещания, под влиянием манифеста 17 октября, возникла идея о создании особой якутской национальной организации. Но до конца совещания эту организацию не успели оформить. Созданием ее занялся В. Никифоров, проведший вместе с головами Намского, Восточно-Кангаласского и Мегинского улусов и некоторыми якутскими буржуазными интеллигентами всю подготовительную работу и в декабре разославший приглашения на совещание.

31 декабря 1905 г. в доме В. Никифорова в Якутске состоялось совещание. На него явились не все приглашенные, и по предложению Никифорова было принято решение о созыве специального собрания для организации союза. Собрание состоялось 4 января 1906 г.; на нем присутствовало более 200 тойонов, улусных голов, баев, купцов, якутских буржуазных интеллигентов, домовладельцев Якутска, а также несколько ссыльных народников и эсеров. Было решено создать организацию под названием «Союз якутов». Почти все присутствовавшие записались в члены союза. Тогда же был обсужден и утвержден представленный Никифоровым проект устава союза [43].

Цель и основные требования «Союза якутов» формулировались следующим образом: «1) Союз инородцев-якутов имеет целью соединенными силами своих членов прочно установить свои гражданские и экономические права. 2) Для достижения этих целей союз обязан добиваться: а) признания всех земель, находящихся в пользовании инородцев, а также владеемых казной в виде оброчных статей, монастырями, церквами и ссыльными, поселенными по распоряжению правительства без согласия инородцев, собственностью самих инородцев; б) скорейшего утверждения положения о земском самоуправлении, выработанного всеми представителями инородцев Якутской области; в) предоставления права якутам иметь своего отдельного представителя в Государственной Думе и г) немедленного уничтожения опеки полиции над инородческими общественными учреждениями...» [44]. В программу был включен вопрос об отказе от платежа податей и повинностей: это было, как оговаривалось в программе, средством заставить администрацию принять основные требования союза. В случае выполнения требований союз сам бы отказался от этого средства. По показаниям некоторых свидетелей на судебном процессе по делу об этом союзе, В. Никифоров и несколько других тойонов возражали против включения этого требования в программу союза.

На собрании 4 января 1906 г. был избран Центральный комитет «Союза якутов» в составе девяти членов и одного кандидата. Все избранные были крупными тойонами: дюпсинский улусный голова П. А. Афанасьев, чиновник областного управления и домовладелец Якутска И. С. Говоров, бывший улусный голова, частный поверенный В. В. Никифоров, торговцы и домовладельцы Якутска В. Ф. Артамонов и И. Г. Васильев, крупные мегинские кулаки И. А. Попов, И. И. Аммосов, выборный улусной управы П. В. Слепцов, баягантайский богач Н. А. Готовцев, мясоторговец и домовладелец Н. Н. Скрыбыкин.

---

[43] Гос. архив Иркутской обл., ф. 25, оп. 10, д. 1102, л. 99.
[44] Там же.

5 января 1906 г. состоялось второе собрание, на котором была обсуждена и одобрена написанная Никифоровым телеграмма на имя председателя Совета министров Витте, содержавшая вышеуказанные основные требования союза. Одновременно Центральный комитет разослал улусам и наслегам отпечатанную на гектографе в виде постановления собрания программу союза. В улусы были командированы агитаторы для разъяснения программы и организации местных комитетов союза.

Кое-где стали создаваться местные комитеты «Союза якутов»: 15 января 1906 г.— Восточно-Кангаласский, 16 января — Мегинский, 17 января — Октемский [45].

В сходках участвовали только улусные головы, выборные инородческих управ, старосты наслегов, улусные и наслежные письмоводители, которые и записывались в «Союз якутов». Поэтому нельзя говорить о демократическом составе местных организаций «Союза якутов». Кроме названных выше местных комитетов, к нему присоединились еще 1-й и 2-й Баягантайские, Жехсогонский, Бетюнский и Долдинский наслеги. Однако, несмотря на все старания, Центральному комитету «Союза якутов» не удалось создать свои местные комитеты во всех улусах. Трудящиеся якуты встретили «Союз якутов» настороженно и отказывались вступать в него. На суде по делу о «Союзе якутов» свидетель Николаев (помощник исправника, ездивший в Мегинский улус для расследования) показал: «Из распросов инородцев выяснилось, что в 11 наслегах, в которых я был, население совершенно отказалось от участия в союзе якутов... Когда я был в Арагатском наслеге, то туда ко мне явились инородцы Долдинского наслега, которые заявляли, что голова Стручков, Дмитрий Слепцов (письмоводитель управы.— *Ред.*) и другие вызывали их в родовое управление и заставляли, даже насильно, подписываться в своей принадлежности к союзу».

Агитация за присоединение к «Союзу якутов» велась в Олекминском округе, Хочинском, Сунтарском, Верхне-Вилюйском улусах Якутского округа, но местные комитеты здесь не были созданы. В Хочинском улусе некто Парфенов созвал собрание, «но приглашенные якуты,— отмечалось в обвинительном заключении по делу союза,— отнеслись к союзу якутов отрицательно и в члены его вступить не пожелали» [46].

На 5 февраля 1906 г. Центральный комитет «Союза якутов» назначил областной съезд своих членов. Но союз не успел развернуть свою деятельность. Напуганный революцией якутский губернатор Булатов уже 18 января 1906 г. добился от министра внутренних дел согласия на введение в области «положения об усиленной охране» и на арест руководителей союза. Царизм, таким образом, громил не только революционное движение народа, но и подавлял деятельность национально-либеральных организаций, не представлявших опасности для существования царизма.

В ночь на 19 января шесть членов Центрального комитета «Союза якутов», находившихся в Якутске, были арестованы. Было дано распоряжение о немедленном аресте остальных членов Центрального комитета, проживавших в улусах. 19 января 1906 г. в газете «Якутские епархиальные ведомости» губернатор опубликовал обращение к «инородческому» населению области, в котором сообщалось об аресте части членов ЦК

---

[45] Организаторами этих комитетов были крупные кулаки, письмоводители инородных управ И. Ф. Афанасьев (зять В. В. Никифорова) и Д. И. Слепцов — член якутской делегации, ездившей в Петербург па празднование 300-летия царствования Романовых. В 1921—1922 гг. оба они являлись организаторами антисоветского восстания и руководителями националистического правительства.

[46] Отчет о судебном заседании по делу о Якутском союзе, «Якутский край» от 16 и 30 сентября 1907 г.

«противозаконного союза якутов». Обращение призывало «инородческое» население не примыкать к союзу и предупреждало, что «правительство не потерпит неповиновения закону и властям и, если понадобится, то военною силою подавит беспорядок». Через несколько дней после этого были арестованы еще два члена ЦК «Союза якутов» и два агитатора. Два члена ЦК скрылись, но позднее были тоже арестованы. Все они были преданы суду и осуждены. Царские власти преследовали «Союз якутов» как национально-либеральную организацию, предъявившую правительству ряд требований и призвавшую массы к прекращению уплаты казенных податей.

Арест членов ЦК «Союза якутов», вопреки ожиданиям губернатора, не вызвал волнений якутских трудящихся. Это свидетельствует о том, что «Союз якутов» не имел поддержки широких народных масс. Местные комитеты союза распались сразу же после ареста ЦК. Они просуществовали всего несколько дней и то лишь на бумаге. Сами члены Центрального комитета и его активные сторонники после ареста стали подавать покаянные заявления. Крупный якутский домовладелец, гласный городской думы и директор областного тюремного комитета И. Г. Васильев оправдывал свое вхождение в Центральный комитет «незнанием незаконности Союза и преследуемых им целей» [47]. В своем докладе министру внутренних дел якутский губернатор писал: «Вскоре же ко мне стали являться инородцы с письменными и личными выражениями раскаяния и отказом от участия в союзе...» [48]. В другом документе указывалось, что члены союза засыпали губернатора прошениями, в которых они «в самых смиренных выражениях испрашивали прощение, ссылаясь на свое невежество или на принуждение зачинщиков» [49]. Исключения не составил даже организатор и идеолог союза В. Никифоров. О нем прокурор Якутского окружного суда писал министру юстиции: «...Он всячески, и в речах и в поведении с администрацией, старался подчеркнуть свое единение с нею во взглядах на инородческий вопрос, что в конце концов закрепил поднесением прочувственного адреса от имени съезда инородцев губернатору Крафту» [50].

«Союз якутов», просуществовавший лишь полмесяца, являлся организацией либеральных, обуржуазивавшихся тойонов и нарождавшейся буржуазии, стремившихся упрочить свое политическое и экономическое господство в Якутии. Выдвигая требование о признании всех земель Якутской области собственностью «инородцев», «Союз якутов» сознательно не ставил вопроса о земельном разделе, так как по «классной системе» распределения покосов лучшая часть земли должна была достаться тойонам. Более того, в 1902 г. на областном совещании, созванном губернатором Скрипицыным, организатор «Союза якутов» Никифоров выступал против отмены «классной системы». Второе требование союза — о введении земского самоуправления отражало стремление либеральных тойонов и нарождавшейся буржуазии забрать это самоуправление в свои руки и использовать его в своих интересах. Требование о разрешении якутам послать своего представителя в Государственную думу также выдвигалось с расчетом провести в думу своего ставленника. Наконец, последнее требование — о немедленном уничтожении «опеки полиции

---

[47] В. А. «Союз якутов». «Автономная Якутия» от 22 января 1931 г.

[48] «К истории «Союза якутов», «Красный архив», 1936, т. 3 (76), стр. 77.

[49] ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 8, д. 88, л. 18.

[50] Там же, ф. 10, оп. 1, д. 56, л. 4. В 1913 г. Никифоров был освобожден от всех последствий осуждения по делу о «Союзе якутов» и восстановлен в звании частного поверенного.

над инородческими общественными учреждениями» — фактически имело в виду установление полного господства якутских эксплуататоров над трудящимися Якутии.

Осуществление требований «Союза якутов» не привело бы к улучшению положения трудящихся якутов, так как эти требования не отражали их интересов. Лишь требование о прекращении уплаты податей встретило сочувствие якутских трудящихся: именно этим объяснялось присоединение некоторых наслегов к «Союзу якутов». В отдельных местах под влиянием «Союза якутов» имели место отказы от уплаты податей. Так, представители двух наслегов Баягантайского улуса в начале января 1906 г. приезжали в Якутск сдавать подати, но, узнав об образовании «Союза якутов», увезли деньги обратно. В общественном приговоре 2-го Мельжахсинского наслега от 16 февраля 1906 г. также говорилось об отмене подушной подати. В приговоре выражалась просьба об освобождении из тюрьмы руководителей «Союза якутов».

1906 год, в отличие от 1905 г.— года подъема революции, был отмечен постепенным спадом революционного движения и усиления реакции во всей России. После подавления декабрьского вооруженного восстания царизм усилил репрессии против участников революционного движения. Участились аресты и высылка революционеров. В то же время, не ограничиваясь одними репрессиями, царизм пытался отвлечь массы от революции путем созыва «законодательной» думы. Весной 1906 г. в Государственную думу было разрешено избрать представителя и от Якутской области, но в связи с разгоном I думы летом 1906 г. Якутия даже не успела провести выборы.

Начиная с лета 1906 г. в Якутск стали вновь прибывать партии политических ссыльных, среди которых были участники вооруженных восстаний, члены Советов рабочих депутатов. В числе новых ссыльных были, например, член Совета рабочих депутатов и участник боевой дружины в Саратове С. Ф. Котиков, член Екатеринославского совета рабочих депутатов Г. Рейхганд, участник декабрьского вооруженного восстания в Москве и сотрудник большевистской газеты «Вперед» Розеноер, большевики Ильин, Ерохин, Щербаков. Все они распространяли марксистскую литературу, вели среди якутской молодежи социал-демократическую пропаганду.

Летом 1906 г. на основе марксистского кружка учащихся «Маяк» была создана якутская нелегальная организация РСДРП. В сентябре 1906 г. начал издаваться ее официальный орган — журнал «Маяк» (было выпущено четыре номера) [51]. На страницах журнала велась пропаганда марксизма, программы социал-демократии. Журнал знакомил своих читателей с целью и задачами пролетариата, с происходившими в стране революционными событиями. В то же время журнал откликался на злободневные вопросы местной жизни, разоблачал жестокую эксплуатацию тойонами трудящихся якутов, призывал последних к борьбе за свое освобождение. Так, в статье «Якутский пролетариат» говорилось: «...Нормальное ведение скотоводства задерживалось практикуемой в области «классовой» (классной) системой землепользования, благодаря которой покосы концентрируются в руках тойонов и, таким образом, последние делаются господами положения... кабала, неимоверная задолженность населения, хищение общественных земель, ростовщические проценты, господство немногих — вот картина якутской действительности, вот причина пролетаризации... Печальную картину представляет якутская действительность.

[51] В-р. Первый социал-демократический кружок в Якутске «Маяк» (1905—1909 гг.). «По заветам Ильича», 1925, № 6, стр. 56.

Многие отрицательные стороны вызваны существующим политическим строем и многое изменится к лучшему после победы революции. Поэтому якуты непосредственно должны быть заинтересованы в гибели самодержавия, и недаром лучшие элементы области становятся в ряды врагов царя, в ряды борцов за благо всех народностей вообще и за благо якутов в частности» [52].

Журнал разоблачал реакционную политику царизма в национальном вопросе, политику насильственного обрусения «инородцев». Материалы журнала пронизаны духом пролетарского интернационализма. Редакционная статья первого номера призывала все лучшие элементы Якутской области к борьбе «против всех форм национального и политического угнетения» и к соединению «в одно неразрывное целое с общероссийским движением» [53].

Журнал распространялся не только в Якутске, но и в некоторых улусах. Отдельные номера его были обнаружены полицией в Олекминском округе и Чурапче.

Якутская организация РСДРП вела пропаганду марксизма среди демократической части якутской учащейся молодежи. В средних учебных заведениях Якутска было создано несколько небольших подпольных кружков, изучавших политическую экономию, философию, историю революционного движения. Один В. П. Чепалов в декабре 1905 г. вел пять таких кружков. 17 декабря он писал: «У меня теперь совершенно нет времени. Все время идет на кружки. Их пока у меня 5. Я решил работать и работать, пока есть возможность, и в этой работе я нахожу счастье...» [54].

Социал-демократическая пропаганда велась также среди местных солдат. В 1906 г. был создан нелегальный кружок из нескольких солдат. Через них распространялась революционная литература среди солдат местной команды. В 1907 г. полицмейстер докладывал губернатору об обнаружении у политических ссыльных прокламаций, содержащих обращение к новобранцам и, в частности, к нижним чинам «сплачиваться в тайные союзы и отказываться действовать оружием при народных восстаниях, переходя группами на сторону восставших» [55].

Осенью 1906 г. политические ссыльные создали в Якутске свою библиотеку, в которой хранилась нелегальная литература. Здесь были работы Маркса, Энгельса, Ленина. Библиотекой пользовались учащиеся Якутска и отдельные местные жители.

В деятельности якутской организации РСДРП важное место занимала борьба с эсерами. Член эсеровского кружка учащихся Н. Андреев в письме от 7 сентября 1906 г. отмечал, что у эсеров «нет никакой связи, там (среди местных солдат.— *Ред.*) все забрали маяковцы» [56]. Во время специально устраивавшихся дискуссий социал-демократы разоблачали теорию и тактику эсеров.

Таким образом, революция 1905—1907 гг. оказала известное влияние и на такую отдаленную окраину царской России, как Якутская область. Но отголоски революции сказались только в г. Якутске, где были налицо условия для широкого демократического движения. В якутские улусы влияние революции проникло слабо; здесь имели место только единичные выступления народных масс. Трудящиеся якуты были втянуты в революционные события в незначительной степени. Это объяснялось общей

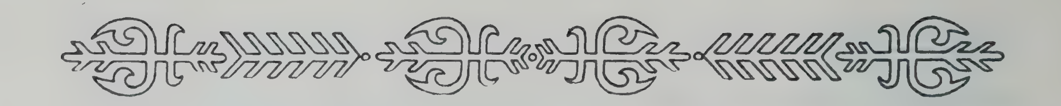
---

[52] ЦГА ЯАССР, ф. 58, оп. 2, д. 2, лл. 82 об.—83 об.
[53] Там же, лл. 77.
[54] Там же, ф. 53, д. 15, л. 69.
[55] Там же, ф. 1, оп. 8, д. 86, л. 1.
[56] Там же, ф 9, оп. 3, д. 29, л. 6.

отсталостью Якутской области, ее отдаленностью от революционных центров, отсутствием рабочего класса, большевистской партийной организации и революционных работников из местного населения. Якутские трудящиеся еще не созрели для более активного и массового участия в борьбе народов России против царизма.

Но революция 1905—1907 гг. не прошла для трудящихся Якутии бесследно. Усилилось влияние политических ссыльных на население и местные либеральные организации, под влиянием революционных событий заметно поднялся уровень общественно-политической жизни и политической сознательности населения Якутской области.

ГЛАВА XXV

ЯКУТИЯ В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

После поражения первой русской буржуазно-демократической революции наступила тяжелая реакция. 3 июня 1907 г. царское правительство разогнало II Государственную думу. По новому избирательному закону Якутия, как и многие другие национальные районы страны, была лишена права посылать депутатов в Государственную думу. III дума была реакционной. В. И. Ленин указывал, что она была мечом самодержавия и контрреволюции [1]. Царизм опирался на ее черносотенно-октябристское большинство.

Расправившись с думской оппозицией, царизм повел наступление на все завоевания революции. Организации пролетариата были разгромлены, начался черносотенный террор, тюрьмы и места ссылки переполнились участниками первой русской революции, страна покрылась виселицами. Контрреволюционную политику царского правительства возглавил П. А. Столыпин — матерый черносотенец и реакционер, с июля 1906 г. председатель Совета министров (в 1911 г. убит провокатором). По имени его и годы после поражения революции получили название «столыпинской реакции». Последняя коснулась, хотя и в меньшей мере, также национальных окраин России.

Столыпинская реакция не сводилась только к репрессиям. Вместе с тем она означала попытку царизма создать себе опору в деревне в лице кулачества, расширить свою социальную базу. Этой цели служило столыпинское аграрное законодательство — изданный 9 ноября 1906 г. закон, разрушавший общинное пользование землей, дававший возможность кулакам грабить общинную землю.

Воспользовавшись поражением революции, якутская областная администрация начала поход против местной печати, она стала привлекать к суду участников революционных событий 1905—1906 гг. В годы реакции подвергались преследованию даже либеральные организации, возникшие в период революционного подъема.

К судебной ответственности были привлечены участники вторжения в Якутскую городскую думу 9 января 1906 г. Якутский окружной суд 22—26 мая 1907 г. приговорил одного из них к тюремному заключению сроком на два месяца, другого — на две недели, семерых — на неделю; трое были оправданы. Но реакционеры были недовольны приговором. По протесту прокурора Иркутская судебная палата 29—31 марта 1908 г. отменила приговор Якутского окружного суда и приговорила обвиняемых, за

[1] См. В. И. Ленин. Соч. т. 15, стр. 307.

исключением одного оправданного, к тюремному заключению на срок от двух месяцев до года [2].

С 11 по 15 сентября 1907 г. шел суд над организаторами «Союза якутов». Девять обвиняемых были приговорены к тюремному заключению на срок от двух недель до полутора лет, семь — оправданы [3]. И на этот раз по протесту прокурора Сенат кассировал приговор и передал дело Иркутскому окружному суду [4].

Было возбуждено судебное преследование против руководителей и участников чекурской забастовки крестьян-ямщиков. Под суд было отдано 12 человек. 5—6 июня 1907 г. Якутский окружной суд вынес оправдательный приговор, но и он 30 ноября 1907 г. был отменен Сенатом. Дело было передано на рассмотрение Иркутского окружного суда, и, хотя на нем присутствовал только один обвиняемый, «за отказ отбывать подводную повинность..., за уговаривание крестьян не отбывать подводную повинность» суд, состоявшийся в г. Киренске в июне 1909 г., приговорил четырех обвиняемых к тюремному заключению сроком на девять месяцев и одного — на шесть месяцев; остальные семеро были оправданы [5].

Систематически подвергалась преследованиям газета «Якутский край», созданная в начале июля 1907 г. Это была первая в истории Якутии легальная демократическая газета. В издании ее принимали участие политические ссыльные, пользовавшиеся всеми легальными возможностями для пропаганды своих взглядов. В газете освещались общероссийские и местные вопросы. В 1908—1909 гг. газета подняла вопрос о происхождении и эксплуататорской сущности якутского тойоната и о характере землепользования в якутских улусах. В отдельных статьях подчеркивалось значение революции 1905 г. для Якутской области. Правильно отмечалось, что III дума ничего не даст народу. В передовой статье газеты от 4 ноября 1907 г. говорилось: «И невольно встает вопрос: — что будет из себя представлять эта Дума? Что даст она стране? Дума, урезанная в правах и потому бессильная что-нибудь сделать,— Дума, искусственно подобранная и потому лишенная поддержки и доверия народных масс,— эта Дума не умиротворит страны, она лишь оттянет разрешение тех жгучих и наболевших вопросов, которые выдвинуло наше бурное время». Спустя два года, 24 сентября 1909 г., та же газета, выходившая теперь под названием «Якутская мысль», прямо отмечала, что III Государственная дума имеет антинародный характер: «Ни одного действительно необходимого для трудящихся проекта не было утверждено III думой, а напротив, она повела борьбу с их статутом жизни во вред их интересам... Никто иной, а сама Дума поставила дело таким образом, что народ и она как бы два противоположные полюса, один другого не понимающие, чуждые друг другу».

Областная администрация организовала поход против этой газеты. Так, 7 декабря 1907 г. Якутский окружной суд приговорил ее редактора к тюремному заключению сроком на два года за помещенную в № 9 газеты статью, разоблачавшую самоуправство прокурора. 17 декабря 1907 г. вице-губернатор Ващенко наложил арест на № 17 «Якутского края» за передовую статью, содержавшую робкую критику по адресу областной администрации. Окружной суд утвердил арест номера и приговорил редактора к тюремному заключению на четыре месяца. В конце января 1908 г. газета была закрыта. В середине февраля она возобновилась под

[2] Судебная хроника. «Сибирская заря», 1908, № 78, 80, 81.

[3] Приговор суда обвиняемым по делу о Якутском союзе. «Якутский край» от 16 сентября 1907 г.

[4] Судебная хроника. Политические процессы. «Сибирь» от 24 июля 1909 г.

[5] Гос. архив Иркутской обл., ф. 243, д. 189, л. 325.

названием «Якутская жизнь», но продолжала подвергаться преследованиям. Номер от 20 марта 1908 г. был арестован за передовую статью, в которой критиковалась III Государственная дума: в мае и июле 1908 г. редактор газеты дважды присуждался к месячному тюремному заключению. Посвященный Льву Толстому номер от 28 августа 1908 г. был конфискован, а редактор вновь привлечен к уголовной ответственности. То же повторилось и в ноябре 1908 г. после опубликования в № 75 статьи «На Шипке все спокойно», в которой отмечалось, что трудовой народ сидит по тюрьмам, участкам и холерным баракам, а на телеграфных столбах висят трупы. За опубликование стихотворения «Из плена» редактор газеты и один из ее сотрудников были 12 декабря 1908 г. присуждены к тюремному заключению на год. Преследования продолжались и тогда, когда после вторичного закрытия газеты в феврале 1909 г. она стала выходить под названием «Якутская мысль». Ее редактор неоднократно присуждался к штрафу и тюремному заключению, а в сентябре 1909 г. газету снова закрыли. Было выпущено только 26 номеров.

Одновременно администрация Якутской области усилила борьбу против революционной литературы. В 1908 г. за распространение «явочной литературы, вышедшей в период свобод», были привлечены к уголовной ответственности политический ссыльный В. М. Ионов и местный учитель Н. Е. Афанасьев. В 1909 г. было возбуждено уголовное дело против работников библиотек политических ссыльных Якутска и Олекминска.

Со второй половины 1908 г. резко ухудшился режим якутской ссылки. Газета «Якутская жизнь» в октябре 1908 г. писала, что усиливающийся разгул реакции в России положил конец «льготам», которыми пользовались политические ссыльные, что восстанавливается режим 1903—1904 гг., вызвавший вооруженный протест ссыльных, что администрация начала поход против ссылки. Проводилось массовое выселение ссыльных из города в улусы. За отлучку с «мест водворения» политические ссыльные привлекались к судебной ответственности и ссылались в северные районы области. Якутский окружной исправник в секретном предписании от 28 февраля 1909 г. предлагал улусным надзирателям в случае самовольной отлучки поднадзорных составлять протоколы «для привлечения виновных к ответственности» [6]. Значительно участились придирки чинов полиции к якутским политическим ссыльным. Так, имеющих хотя бы временный незначительный заработок лишали пособия; выезжающим из области по отбытии срока ссылки проездные пособия уменьшали до ничтожной суммы.

Против «Сельскохозяйственного общества» и «Общества приказчиков» было возбуждено судебное преследование только за то, что в их работе принимали участие «государственные преступники». Местная администрация отказалась дать разрешение на открытие якутского культурно-просветительного общества «Сырдык» («Рассвет») и «Общества взаимопомощи учителей Якутской области».

Реакция, царившая в России, коснулась и Якутской области. Ссыльные эсеры и некоторые меньшевики, а также находившиеся под их влиянием учащиеся, разочаровавшись в революции, стали увлекаться писателями, воспевавшими предательство, уход от общественно-политической жизни, половой разврат. Разложение среди попутчиков революции было особенно заметно среди мелкобуржуазной части якутских политических ссыльных. В их среде процветали обывательские настроения, пьянство, некоторые из них, вконец разложившись, были завербованы в провокаторы и агенты полиции. В эсеровской газете «Партийные из-

[6] ЦГА ЯАССР, ф. 2 истор., оп. 1, д. 189, л. 19—19 об.

вестия» (№ 5 от 15 февраля 1907 г.) было опубликовано сообщение уполномоченных якутской колонии политических ссыльных о политическом ссыльном предателе Богини. Провокатором стал административный ссыльный Телиховский. В одном из своих доносов он, между прочим, сообщал: «В самом городе существуют политические кружки, являющиеся ячейками, из которых идет пропагандистская работа. Получаемая из России и из-за границы нелегальная литература распространяется главным образом по городам области Вилюйск, Верхоянск, Колымск как центрам скопления ссыльных. Существуют во всех учебных заведениях кружки, руководимые исключительно ссыльными» [7].

Однако и в условиях реакции, жестокого преследования либеральных учреждений и печати революционные социал-демократы продолжали вести пропагандистскую работу.

Большое значение для распространения в Якутии марксистской литературы имели библиотеки политических ссыльных, легально существовавшие в Якутске и Олекминске в 1906—1909 гг. В каталоге этих библиотек имелись все основные работы К. Маркса и Ф. Энгельса, а также ряд работ В. И. Ленина: «Экономические этюды и статьи», «Развитие капитализма в России», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Доклад об объединительном съезде Российской социал-демократической рабочей партии (Письмо к петербургским рабочим)», «Социал-демократия и избирательные соглашения», «Победа кадетов и задачи рабочей партии» [8]. В библиотеке политических ссыльных Якутска насчитывалось около 3 тыс. томов. Эта библиотека имела иностранный отдел и читальню. Как видно из ее устава, она открывалась три раза в неделю на два часа. Литературу выдавали не только политическим ссыльным г. Якутска, но и живущим в улусах. Пользовались библиотекой и местные жители, в особенности учащаяся молодежь. Впоследствии, когда библиотека была закрыта, в постановлении судебного следователя указывалось: «...Как установлено осмотром упомянутых выше каталога и алфавита лиц, бравших книгу, в библиотеке не только хранилась, но при помощи ея и распространялась, как среди учащейся молодежи, так и среди граждан г. Якутска и вообще среди населения округа, нелегальная литература» [9].

Велась и лекционная пропаганда марксизма. В конце 1907 — начале 1908 г. ссыльным социал-демократом Ароновым было прочитано в Якутске несколько десятков лекций по политической экономии, дарвинизму и другим вопросам.

В статье «О лекции Аронова», помещенной в № 42 «Якутского края», отмечалось, что лектор пользуется популярными марксистскими брошюрами, что он является сторонником исторического материализма. «Слушателями,— сообщалось в № 33 той же газеты,— была учащаяся и трудящаяся публика, как и на первой лекции». Другой ссыльный, социал-демократ Розеноер в декабре 1907 г. прочитал в Якутском клубе приказчиков несколько лекций по русской литературе, в том числе лекцию о Максиме Горьком.

На массовых вечеринках политические ссыльные пропагандировали революционные идеи. Так, 27 февраля 1910 г. в Мархе одна из политических ссыльных с местной крестьянкой появились на вечеринке в маскарадных костюмах, изображавших белый саван с повязанной вокруг шеи петлей, на саванах были надписи: «19 февраля 1910 г. был отвергнут внесенный социал-демократической фракцией законопроект об отмене смерт-

[7] ЦГА ЯАССР, ф 1, оп. 8, д 88, л. 11.
[8] Там же, ф. 58, оп. 2, д. 4, лл. 24, 42, 71, 149, 171, 174, 179, 193.
[9] Там же, д. 5, л. 167 об.

ной казни», «Утвержденный правыми депутатами Государственной думы галстук на 1910 г.,» «И опять палачи... Снова в петле качаются трупы». Инициаторы этой затеи были присуждены Якутским окружным судом к тюремному заключению.

Несколько завуалированная социал-демократическая пропаганда, в которой участвовали ссыльные социал-демократы Розеноер, Котиков, Аронов и др., велась даже на страницах демократической газеты «Якутский край». В этой газете впервые было сообщено о Советах рабочих депутатов, возникших в бурные дни Октябрьской политической стачки. В статье «Революция и ссылка» (№ 30 от 18 октября 1907 г.) указывалось: «Первыми откликнулись на этот зов (социал-демократии.— *Ред.*) городские рабочие, выдвинувшие мощные организации в виде «Советов рабочих депутатов»».

Значительную работу провела в 1907—1909 гг. якутская социал-демократическая организация «Маяк», ведшая пропаганду среди молодежи. В учебных заведениях Якутска было создано около 10 нелегальных марксистских кружков, в которых изучались классические произведения марксизма и программа социал-демократии.

В каждом кружке состояло от 6 до 10 человек. Изучали философию, аграрный вопрос, историю революционного движения и социалистических партий. На занятиях и собраниях кружков проводились лекции, коллективные читки и обсуждения. Руководители кружков старались подготовить из своих слушателей социал-демократов и главное внимание уделяли пропаганде идей революционной социал-демократии. В письме В. Чепалова в Читу, написанном в 1908 г., рассказывается о занятиях этих кружков: «Я и один из моих товарищей организовали по одному кружку из семинар[истов], (один в 8—10 ч., а др. из 6). Один первоначально занимается пока по политической экономии и когда ее кончит, то с ним начну заниматься о партиях. С другим занимаюсь я теперь о партиях. Уже кончили заниматься философией и принялись за аграрный вопрос, и я надеюсь, что все 6 человек будут с.-д., хотя один есть с.-р., но я его в каждое чтение сажу в галоши» [10].

В 1907—1908 гг. тот же Чепалов издавал подпольный рукописный журнал «Вперед», который распространялся главным образом среди учащихся. Статьи этого журнала популярно и доходчиво разъясняли идеи марксизма, взгляды РСДРП, разоблачали царизм и капиталистические порядки, призывали якутскую молодежь к борьбе против социального и национального гнета. В статье Чепалова «Кое-что о социал-демократии» излагается сущность марксизма и программы социал-демократии, подчеркивается руководящая роль пролетариата в революции. В другой его статье — «Старое в новом» — содержится призыв к борьбе за уничтожение капитализма. Статья «Только час» призывает якутскую молодежь вступать в ряды РСДРП и вместе с рабочим классом бороться за лучшее будущее [11].

Социал-демократическая организация «Маяк» вела борьбу против эсеров. На занятиях нелегальных ученических кружков, на специально устраивавшихся дискуссиях, на страницах журнала «Вперед» руководители «Маяка» разоблачали идеологию и тактику эсеров. В своей статье «Отрывки об общине (ответ с.-р.)» В. Чепалов писал: «...С.-р. не правы, защищая общину как ячейку, из которой разовьется социалистический строй... Аграрная программа, которая основана на общинном духе народа, не выдерживает критики... Жизнь разбивает все идеалистическое, разбила и

---

[10] ЦГА ЯАССР, ф. 9, оп. 3, д. 29, л. 113.
[11] Там же, ф. 53 истор., д. 15, лл. 19—20, 23, 60—61; д. 13, л. 20.

идеал[истический] взгляд с.-р.» [12]. В результате успешной пропаганды руководителей «Маяка» большинство членов эсеровского кружка «Светоч» перешло в кружки, руководимые социал-демократами, и в 1908 г. «Светоч» распался. «Маяковцами» был отобран у эсеров также кружок в епархиальном училище.

Борьба с эсерами велась и на собраниях кружка «Молодые силы», возникшего в конце 1907 г. в Якутской фельдшерской школе. В кружке были некоторые учащиеся из других учебных заведений и отдельные рабочие, в том числе наборщик типографии якут Степанов. В уставе кружка указывалось, что его целью является подготовка своих членов к будущей революционной работе. С ноября 1907 г. кружок издавал два раза в месяц рукописный журнал «Молодые силы» и имел свою нелегальную библиотеку, в которой были работы Маркса и Каутского («Речь о свободной торговле», «Экономическое учение Карла Маркса»). На собраниях кружка, устраивавшихся под видом вечеринок, выступали с докладами социал-демократы Розеноер, Аронов, эсеры Драверт, Добросмыслов и др.

Журнал «Молодые силы» в некоторых своих статьях пропагандировал марксизм («Что такое марксизм?», «Рабочий вопрос в России» и др.). Но часть членов кружка находилась под влиянием эсеров. Об этом свидетельствует подготовка несколькими членами кружка террористического акта против организатора черносотенного «Союза истинно-русских якутов» Шеломова, налетов на торговые заведения купца Парнякова и т. п. Просуществовав около 2 лет, кружок был раскрыт полицией, трое его членов в декабре 1909 г. были присуждены к тюремному заключению сроком на один год. Впоследствии некоторые члены этого кружка (М. Зоболоцкий, Е. Федоров, В. Брусенин) стали членами большевистской партии и участниками социалистического строительства в Якутии.

Руководители социал-демократической организации «Маяк» вели борьбу против кружка «санинцев» — поклонников писателя Арцыбашева, прославлявшего разнузданный разврат. Этот кружок был создан в Якутске ссыльными эсерами. С. Розеноер, отбывавший ссылку в 1907—1909 гг., писал, что в Якутске «в то время появился роман Арцыбашева «Санин», который частью молодежи и частью бывших революционеров был воспринят как некоторое новое евангелие, и в результате возник кружок «санинцев», выпустивший свою декларацию...» [13]. Члены этого кружка занимались также спиритизмом. 8 сентября 1908 г. за подписью «Организация «Карающий кинжал»» была выпущена и распространена следующая напечатанная на гектографе прокламация:

«К «санинцам» г. Якутска.

Принимая во внимание вред влияния вашего общества на местных граждан и на учащуюся молодежь, требуем, чтобы г. г. организаторы этого гнусного общества, которые нам известны, прекратили свою деятельность и ликвидировали дела общества к 15 сентября 1908 г. ...Учащейся молодежи и др. гражданам, которые состоят членами в разных отделах общества, советуем в самый короткий срок выйти из этой организации, а в случае непринятия нашего предложения мы опубликуем их по именам и фамилиям» [14]. Эта прокламация, как установил В. Бик [15], была написана и распространена «маяковцами».

Руководители «Маяка» разоблачали также так называемых анархистов-коммунистов и рекомендуемые ими «частные экспроприации». Так,

[12] ЦГА ЯАССР, ф. 53 истор., д. 13, лл. 2 об.—3.
[13] Сб. «100 лет якутской ссылки». М., 1934, стр. 256.
[14] ЦГА ЯАССР, ф. 1 истор., оп 1, д. 875, л. 248.
[15] «По заветам Ильича», 1925, № 7, стр. 40.

С. Котиков написал реферат, направленный против журнала «Мятежник», издававшегося в Якутске группой ссыльных анархистов-коммунистов.

Но и внутри «Маяка» были фракционные разногласия. Появлению этих разногласий способствовала получаемая в ссылке нелегальная литература, отражавшая борьбу внутри партии. Так, ссыльным социал-демократам были известны материалы IV Объединительного и V Лондонского съездов партии. Эти материалы были предметом споров и разногласий среди ссыльных социал-демократов. Сохранившиеся отрывочные материалы показывают, что большевистская часть «Маяка» во главе с Котиковым и Чепаловым вела борьбу против меньшевиков. Чепалов писал о своих разногласиях и спорах с ссыльным меньшевиком И. Васадзе и поддерживавшим его Н. Желобцовым.

В 1909 г. полиция раскрыла «Маяк». В конце декабря 1908 г. в Хабаровске при обыске у одного из местных социал-демократов были найдены письма В. Н. Чепалова. В связи с этим в январе 1909 г. были произведены обыски у «маяковцев». Чепалов и еще два члена организации были привлечены к ответственности. Другой руководитель «Маяка», С. Ф. Котиков, уехал из Якутии по окончании срока ссылки; выехали в Россию на учебу и многие другие члены «Маяка». В связи с этим «Маяк» в 1909 г. распался. 7 апреля 1910 г. состоялся суд над тремя «маяковцами», но из-за недоказанности обвинения их пришлось оправдать.

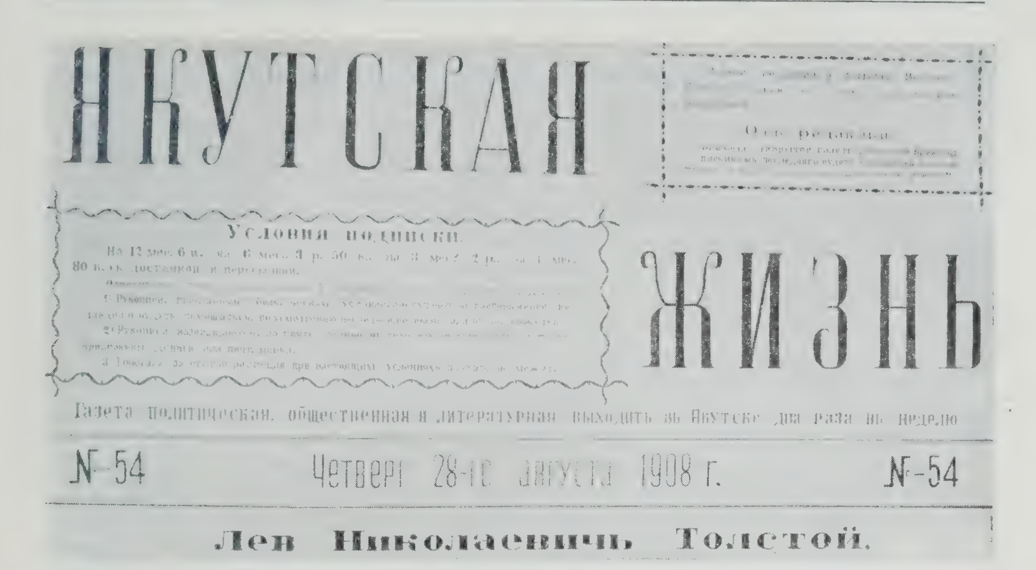
Как известно, столыпинская аграрная политика не успокоила крестьян, а лишь привела к усилению крестьянского движения. В якутских улусах по-прежнему велась борьба вокруг распределения земли. Выступления бедноты за уравнительное распределение земли нашли отражение на страницах газеты «Якутская жизнь». В передовой статье ее 57-го номера за 1908 г. отмечалось, что «на почве земельной тесноты, ужасающей нищеты, чудовищной эксплуатации выросла в Якутской области борьба трудовых масс за землю».

Были и случаи крестьянских выступлений, примером чего может служить демонстрация чекурских крестьян. 9 мая 1908 г. крестьяне с. Чекурского Олекминского округа устроили в лесу маевку, а затем прошли по главной улице села с красным флагом и пением революционных песен — «Вихри враждебные» и др. Демонстранты останавливались у дома местного богача торговца Н. И. Иванова; раздавались возгласы: «скоро государя не будет», «в России помещиков убивают и имущество их делят, так разделим и мы», «буржуев тоже не будет», «будут свои президенты». Некоторые участники демонстрации бросали палками и камнями в дом Иванова [16]. За участие в этой демонстрации было осуждено 18 человек.

Столыпинская реакция оказалась недолговечной. Уже в 1910 г. началось оживление рабочего движения. В этот период в Якутской области нередки были отказы крестьян от уплаты податей. Так, в Хатын-Арынском селении Намского улуса крестьяне Б. и С. Файзулины на общем сходе 19 ноября 1911 г. заявили, что они отказываются платить подати; крестьянин М. Сайфулин говорил: «Что это за правительство, которое разоряет нас! Пусть берут за недоимки наших детей; богачей, купцов правительство освобождает от податей, а с нас их требует» [17]. Это выступление было поддержано участниками схода.

В разных пунктах области полиция в разное время обнаруживала у крестьян нелегальные издания. Так, в 1910 г. у крестьянина с. Спасского Э. А. Ходака была найдена революционная литература. Некоторые брошю-

[16] Гос. архив Иркутской обл., ф. 246, д. 329, лл. 40 об.—41.
[17] ЦГА ЯАССР, ф. 9, оп. 1, д. 48, л. 4.

ЯКУТСКАЯ ЖИЗНЬ

Условия подписки.

Газета политическая, общественная и литературная выходитъ въ Якутскѣ два раза въ недѣлю

№ 54 Четвергъ 28-го августа 1908 г. № 54

Левъ Николаевичъ Толстой.

Рис. 73. Газета «Якутская жизнь» за 1908 г.

ры хранились у него в количестве до восьми экземпляров; это показывает, что политические ссыльные через Ходака распространяли революционную литературу среди других крестьян. За распространение запрещенной литературы Ходак в июле 1911 г. был приговорен Якутским окружным судом к тюремному заключению сроком на три года. В декабре 1910 г. у одного из олекминских крестьян при обыске была обнаружена книга В. И. Ленина «Социал-демократия и избирательные соглашения». Все это показывает, что влияние политических ссыльных на крестьян Якутской области в эти годы заметно усилилось.

Рост революционных настроений рабочих привел к новому революционному подъему, который начался в связи с бодайбинским расстрелом. «Ленский расстрел,— писал В. И. Ленин,— явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» [18].

На Бодайбинских, или Ленских, золотых приисках к 1912 г. работало более 13 тыс. рабочих, среди которых было немало уроженцев Якутской области. Многие бодайбинские рабочие участвовали в революционных событиях 1905—1907 гг. В Бодайбо работало около двух десятков политических ссыльных, в том числе и большевиков. На приисках было несколько тысяч якутов, выполнявших главным образом подсобные работы.

Условия труда и жизни рабочих Бодайбо были поистине невыносимы. Рабочий день доходил до 12—14 часов. Не было никакой охраны труда. Рабочие ютились в тесных, холодных и темных казармах, из которых 88% являлись, даже по признанию правительственной комиссии, непригодными для жилья в зимнее время. Рабочие были бесправны. Администрация чинила над ними все, что хотела. Значительная часть мизерной заработной платы выплачивалась рабочим талонами, по которым в лавках товарищества отпускались по высокой цене товары и продукты плохого качества. Произвол хозяев, обсчеты, штрафы, кабала вели к тому, что недовольство рабочих с каждым годом росло. Организаторами рабочих про-

---

[18] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 86.

тестов против произвола хозяев приисков являлись большевики. Они создавали на приисках рабочие кружки, распространяли нелегальную литературу, вели революционную пропаганду.

29 февраля (18 марта) 1912 г. началась забастовка более 700 горняков Андреевского прииска. Поводом ее послужила выдача рабочим гнилой конины. Вскоре к них присоединились рабочие других приисков. Всего в забастовке участвовало более 6 тыс. человек. Рабочие требовали установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы и своевременной и полной выдачи ее, отмены штрафов, улучшения жилищных условий, организации регулярной медицинской помощи и выдачи жалованья в период болезни, человеческого обращения, выдачи доброкачественных продуктов, удаления особо ненавистных служащих и т. п.

Забастовку возглавлял Центральный стачечный комитет, в котором руководящую роль играли большевики Черепахин, Петухов, Лебедев, Баташев и др. Среди забастовщиков были жители Якутии. Двое из них — крестьянин Павловской волости С. Т. Сборенко и уроженец Средне-Колымска И. И. Попов — входили в состав стачечного комитета. Попов до приисков работал в Якутске приказчиком у купца Эверстова и еще в 1907 г. за хранение и распространение нелегальной литературы был приговорен к тюремному заключению сроком на год, но скрылся. При обыске у него были найдены гектограф и красный флаг. К началу забастовки Попов работал помощником начальника Александровской станции Бодайбинской железной дороги. Членом Центрального стачечного комитета был также бывший якутский политический ссыльный, слесарь-большевик Р. И. Зелионко, осужденный за революционную пропаганду среди солдат на Дальнем Востоке.

Переговоры стачечного комитета с приисковой администрацией не дали результатов. Администрация отклонила все основные требования рабочих и попыталась сорвать забастовку. Она прекратила выдачу рабочим продуктов, пыталась использовать штрейкбрехеров, угрожала закрытием приисков и затоплением шахт. Но угрозы не сломили волю рабочих к борьбе. Испытывая серьезные материальные лишения, рабочие под руководством большевиков героически продолжали забастовку.

Владельцы и администрация приисков готовили кровавую расправу с рабочими. Царское правительство прислало из Киренска в Бодайбо отряд под командой жандармского ротмистра Трещенкова, участника расстрела петербургских рабочих 9 января 1905 г. Он ретиво взялся за подавление забастовки. Были арестованы некоторые члены Центрального стачечного комитета. Когда 4 (17) апреля более 3 тыс. рабочих отправились к прокурору с требованием освободить арестованных, безоружная процессия была встречена ружейными залпами. Было убито 250 и ранено 270 рабочих, среди них немало якутян. Так, был ранен и арестован И. И. Попов, Р. И. Зелионко был арестован и сослан обратно в Якутск.

Расстрел бодайбинских рабочих вызвал в стране огромное возмущение. Оно еще более усилилось, когда на запрос социал-демократической фракции в Государственной думе по поводу кровавых событий на Лене царский министр внутренних дел Макаров нагло заявил: «Так было и так будет». По призыву большевистской партии по всей России начались массовые политические выступления рабочих в знак протеста против злодейского расстрела ленских горняков. Забастовки, вызванные Ленским расстрелом, охватили все крупные города страны. Уже в апреле в них участвовало до 500 тыс. рабочих.

После расстрела рабочих представители царского правительства прилагали все усилия к тому, чтобы сломить забастовку. Прибывшие в Бодай-

бо иркутский губернатор Князев и сенатор Манухин уговаривали рабочих возобновить работу, давали обещание несколько повысить заработную плату. Но рабочие не поддавались на обман и продолжали борьбу. Забастовка ленских рабочих продолжалась почти полгода. Не добившись удовлетворения своих требований, участники забастовки решили демонстративно выехать с приисков.

Ленские события оказали революционизирующее влияние и на передовые слои трудящихся соседней Якутии. На страницах легальной либеральной газеты «Якутская окраина» появились отклики якутских политических ссыльных на ленские события. В 1912—1913 гг. газета напечатала несколько статей, посвященных Ленскому расстрелу. В передовой статье «Конец ленской забастовки» (№ 2 от 22 июля 1912 г.) о стачке ленских рабочих говорилось как о стойкой и самоотверженной борьбе, всколыхнувшей всю Россию и морально победившей могущественное «Лензото». В статье указывалось, что и Якутской области угрожают те последствия, к которым привело безудержное хозяйничанье товарищества «Лензото», и поэтому «мы кровно заинтересованы в том, чтобы возможно скорее и полнее были осуществлены те необходимые реформы, которые стали перед страной в ходе ленской стачки». За статью «Лена-Голдфилдс», в которой говорилось, что русская жандармерия в союзе с иностранным капиталом в ответ на мирную забастовку ленских рабочих устроила «Варфоломеевскую ночь», № 151 «Якутской окраины» от 19 июля 1913 г. по распоряжению якутского губернатора был конфискован, а редактор З. Чижик присуждена Якутским окружным судом к штрафу в 200 руб.

Ссыльные большевики разъясняли якутской молодежи политический смысл ленских событий и последовавших за ними революционных выступлений рабочего класса, указывали на необходимость борьбы с самодержавием и местными эксплуататорами.

Сотни чернорабочих якутов, бывшие свидетелями забастовки и Ленского расстрела, вернувшись с приисков в свои улусы и наслеги, рассказывали о кровавом злодеянии царизма, что не могло не усилить в якутских трудящихся чувства ненависти к угнетателям трудового народа. Трудящиеся Якутии сочувствовали борьбе рабочих на Ленских приисках. Прямых откликов на ленские события в улусах и наслегах, однако, не было. Это объяснялось главным образом отсутствием национального пролетариата и большевистской партийной организации, патриархальной отсталостью якутского крестьянства.

Якутские купцы и тойоны враждебно встретили борьбу бодайбинских рабочих. Забастовка на приисках в известной мере задевала их экономические интересы: в корреспонденции из Мархинского улуса Вилюйского округа, напечатанной в «Якутской окраине» (№ 75 от 3 ноября 1912 г.), говорилось: «По случаю волнений на ленских приисках местные купцы имеют плохие дела, так как находятся в денежной зависимости от приисков». Враждебное отношение якутских тойонов и баев к революционному выступлению бодайбинских рабочих ярко выразил буржуазный писатель А. Кулаковский. В своем реакционном произведении «К якутской интеллигенции» он в 1912 г. писал: «Бунты русских рабочих сего года прямого отношения к нашему делу иметь не могут» [19]. В этот период якутская буржуазно-тойонская интеллигенция поддерживала движение сибирских областников, добивавшихся автономии Сибири и создания самостоятельной Сибирской областной думы. В январе 1911 г. у учителя И. Эверстова из Одейского наслега Намского улуса было обнаружено несколько экземп-

[19] «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы», Якутск, 1952, стр. 16.

ляров «Проекта программы Сибирского кружка», где были изложены взгляды сибирских областников. За распространение этой программы Эверстов в июле 1911 г. был приговорен Якутским окружным судом к шестимесячному тюремному заключению. Программа сибирских областников вполне отвечала интересам якутских буржуазных националистов. После революции 1905—1907 гг. они добивались установления непосредственного контакта с японскими империалистами, командировав с этой целью в Японию своих представителей — Т. Макарова, К. Сивцева и Стручкова.

В августе 1912 г. произошла экономическая забастовка матросов и рыбаков фирмы купцов Громовых на пароходе «Лена», который шел с низовьев Лены в Якутск. Поводом для забастовки послужило запрещение владельцами парохода бесплатного провоза рыбы, принадлежавшей самим рыбакам. В забастовке участвовала вся рабочая команда парохода. Владельцы парохода отказались удовлетворить требования участников забастовки.

В годы реакции резко усилилась ссылка в Якутскую область. За один 1908 г. в Якутию прибыло 194 политических ссыльных. Накануне первой империалистической войны в Якутии насчитывалось более 500 политических ссыльных. Среди них было много социал-демократов, в том числе и большевиков. С 1910 г. в якутской ссылке находились один из руководителей вооруженного восстания в декабре 1905 г. в Мотовилихе А. Д. Борчанинов-Чайкин и активный участник читинского вооруженного восстания Н. К. Сенотрусов; с 1911 г.— участник революции 1905 г. в Саратове А. Агеев, с 1912 г.— член ЦК РСДРП В. П. Ногин, с 1913 г.— Ем. Ярославский, К. И. Кирсанова и ряд других большевиков. Руководителем якутской группы ссыльных большевиков был старейший деятель большевистской партии Емельян Михайлович Ярославский (М. И. Губельман). Он был одним из основателей первых социал-демократических организаций в Сибири, деятельным участником подпольной партийной работы в Петербурге, Москве, Ярославле, Одессе и других городах. Большую работу он проделал в военных организациях партии. На Таммерфорсской конференции большевиков, на IV и V съездах партии, на конференции военных организаций партии Е. М. Ярославский неуклонно поддерживал ленинскую линию и решительно выступал против меньшевиков. В якутскую ссылку он приехал с 15-летним опытом революционной борьбы и партийной работы.

Не теряя времени даром, большевики в якутской ссылке готовились к будущей революционной борьбе. Они изучали марксизм, повышая собственный теоретический уровень, выступали с докладами по различным теоретическим и политическим вопросам на нелегальных собраниях политических ссыльных, занимались с рабочими и крестьянами — товарищами по ссылке, воспитывали их в революционном духе. Якутские ссыльные получали большевистскую газету «Звезда» (в одном письме из Якутска от 11 января 1912 г., перехваченном жандармами, говорилось: ««Звезда» у нас получается в двух экземплярах» [20]), а с 1912 г.— сменившую ее «Правду». Через них «Звезда» и «Правда» были известны якутской молодежи, общавшейся с политическими ссыльными и получавшей у них революционную литературу. Газета помогала большевикам, заброшенным в далекую и суровую якутскую ссылку, сохранить революционный дух и верность ленинским партийным принципам, помогала вести беспощадную борьбу против меньшевиков, разоблачать их предательскую позицию соглашения с либеральной буржуазией. Во всех своих выступлениях на собраниях

[20] Гос. архив Иркутской обл., ф. 2, д. 633, л. 566.

колонии политических ссыльных г. Якутска ссыльные большевики отстаивали и защищали линию «Правды».

В 1912—1914 гг. в якутской ссылке разгорелась борьба между сторонниками «Правды» — большевиками и сторонниками меньшевистской газеты «Луч». Ем. Ярославский пишет об этом в своих воспоминаниях: «Шла ожесточенная борьба между «лучистами» — меньшевиками и «правдистами». В основном эта борьба отражала борьбу, происходившую внутри страны. Сторонниками меньшевистской линии, защитниками «Луча» выступали: Степан Никифоров, В. Д. Виленский-Сибиряков, Περκοн» [21].

Эта борьба нашла отражение и на страницах «Правды». В № 179 от 28 ноября 1912 г. было помещено письмо группы якутских ссыльных большевиков, в котором они критиковали либеральную газету «Якутская окраина», издававшуюся при активном участии ссыльных меньшевиков. В письме говорилось: ««Якутская окраина», заявив в первом номере, что она будет защищать интересы труда, во всех последующих номерах не только не отстаивала интересы труда, но и, наоборот, определенно обслуживает интересы крупной торговой буржуазии и местного чиновничества». В 1912—1914 гг. в «Правде» было напечатано немало корреспонденций из Якутска, освещающих жизнь якутских политических ссыльных и Якутской области. Так, в корреспонденции «Среди приказчиков. Якутск» (№ 103 от 29 августа 1912 г.) была подвергнута критике деятельность «Общества взаимопомощи приказчиков г. Якутска», которое, как сообщалось, даже не протестовало «против проекта об увеличении рабочего дня приказчиков до 15 часов».

На раскол думской фракции РСДРП якутские ссыльные большевики реагировали посылкой депутатам-большевикам приветственной резолюции [22].

Ем. Ярославский и В. П. Ногин, в феврале 1914 г. вернувшийся из верхоянской ссылки в Якутск, оформили якутскую подпольную социал-демократическую организацию. Весной 1914 г. они провели перерегистрацию членов РСДРП. В конце апреля 1914 г. состоялось организационное собрание, на котором был принят выработанный ими устав. Якутская организация РСДРП была объединенной организацией, куда входили и большевики и меньшевики. Правда, внутри этой объединенной организации Ем. Ярославский создал большевистскую группу «Правда», что помогало вести борьбу против меньшевиков. И все же создание спустя два с половиной года после Пражской конференции, изгнавшей из партии меньшевиков, общей с меньшевиками социал-демократической организации было ошибкой ссыльных большевиков.

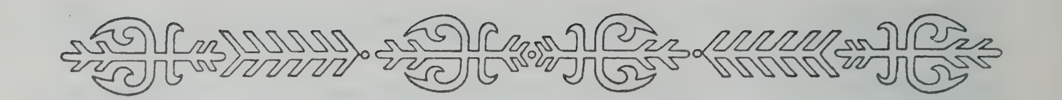
Весной 1914 г. якутская организация РСДРП провела маевку, на которой с большой речью выступил В. П. Ногин. «1 мая 1914 года мы праздновали общим собранием ссыльных в лесу у ярких костров, на брусничном ковре, с которого только что сошел снег,— писал Ем. Ярославский.— Виктор Павлович в своей речи с глубоким пониманием переживаемого нами времени обрисовал эпоху империализма, указывал на признаки неизбежной мировой войны. Как правильно он понимал события, показало недалекое будущее» [23]. На маевке выступил и Ем. Ярославский. Их революционные речи имели большое воспитательное значение для присутствовавших, среди которых было много учащейся молодежи.

---

[21] Е. Ярославский. Февральская революция в Якутии. Сб. «100 лет якутской ссылки», стр. 230—281.

[22] Е. Ярославский. Что было 9 лет назад в Якутске (О февральской революции в Якутске). «По заветам Ильича», 1926, № 3—4, стр. 18.

[23] Ем. Ярославский. Из верхоянской ссылки на революционную работу. Странички из жизни В. П. Ногина, «Правда» от 23 мая 1924 г.

ГЛАВА XXVI

ЯКУТИЯ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1 августа 1914 г. началась первая мировая империалистическая война.

Помещики и буржуазия активно поддержали войну, развязанную в их интересах. Шовинистический угар в начале войны охватил кулацкие слои крестьянства и незначительную часть рабочих, а также почти всю интеллигенцию. Основная буржуазная партия в России — партия кадетов полностью поддерживала захватническую политику царизма. Мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков проповедовали необходимость защиты буржуазно-помещичьего «отечества», помогали царизму вести грабительскую войну.

Только партия большевиков осталась верной делу социализма, делу рабочего класса. Большевистская партия с первых же дней войны повела против нее решительную борьбу, выдвинула и пропагандировала лозунги о превращении империалистической войны в войну гражданскую, о поражении своего правительства. Рабочий класс поддерживал партию большевиков.

Якутские тойоны, купцы и царские чиновники стояли на позициях «защиты отечества». Видные тойонские интеллигенты в первые же дни войны публично заявили о своей солидарности с политикой царского правительства. «Как только стало известно здесь об объявленной войне России с Германией,— писал В. В. Никифоров,— я публично выступил с заявлением, что якуты как члены одной многочисленной семьи обязаны сделать все, что от них зависит, для содействия успеху войны» [1].

Кучка купцов, чиновников, домовладельцев и якутских тойонов в начале войны организовала в Якутске «патриотическую манифестацию». Ем. Ярославский, бывший ее очевидцем, писал: «Как-то на улицах Якутска мы увидели патриотическую манифестацию. Во главе ее шел городской голова Пашка Юшманов (так звали П. Юшманова, купца, жулика, ростовщика, нажившего состояние самыми темными средствами). Несли царские портреты, хоругви, шли чиновники, обыватели, и Пашка Юшманов, багровый от прилива крови, кричал: «Кряков возьмем, Берлин возьмем!» [2]

10 сентября 1914 г. на общем собрании Якутского отделения Общества Красного Креста губернатор обратился к присутствующим с призывом оказывать царскому правительству всяческую помощь в ведении войны против Германии. По инициативе крупных тойонов во главе с В. В. Ники-

---

[1] В. В. Никифоров. Открытое письмо. «Якутские вопросы», № 8 от 20 августа 1916 г.

[2] Ем. Ярославский. Накануне февральской революции в Якутске. Сб. «В якутской неволе. Из истории политической ссылки в Якутской области». М., 1927, стр. 32.

форовым был организован «инородческий комитет» Якутского отделения Общества Красного Креста, который занимался заготовкой и отправкой в царскую армию теплой одежды. Был создан также «дамский комитет» во главе с губернаторшей, изготовлявший заячьи одеяла и жилеты для армии. Этим же занимался и «Якутский комитет по снабжению армии теплой одеждой», заправилами которого были тот же Юшманов, крупные русские и якутские купцы Кушнарев, Г. Никифоров и др. В сентябре 1915 г. съезд тойонов Якутского округа принял решение о «необходимости самообложения для усиления средств помощи на военные нужды». В ноябре 1916 г. видный тойонский интеллигент Г. Ксенофонтов в своем докладе на совещании представителей 10 улусов Якутского округа также призывал якутов к оказанию максимальной помощи фронту.

Однако в сборе средств на военные нужды участвовали только тойоны [3]. Редактируемая В. В. Никифоровым газета «Якутские вопросы» вынуждена была признать, что «попытки организовать такого рода помощь путем сбора добровольных пожертвований и устройства для этой цели частных обществ не дали значительных средств и не привлекли достаточного внимания отдельных благотворителей» [4]. Редакция высказывалась за изыскание новых способов и средств для организации материальной помощи царской армии. Усиленная агитация проводилась не только среди якутов, но и среди тунгусов. В газете «Свобода и порядок» 27 июня 1915 г. была напечатана заметка, в которой сообщалось, что один тунгус якобы заявил: «Если русского царя возьмут в плен, я тоже пойду с ним. Не хочу под другим царем быть!»

Якутских политических ссыльных империалистическая война расколола на две группы. Эсеры и меньшевики в подавляющем большинстве составляли группу оборонцев. Они проповедовали необходимость защиты «отечества». Об этом прямо заявлял один из лидеров ссыльных меньшевиков Г. Охнянский, а М. Константинов, бывший в то время меньшевиком, пишет, что он и другие ссыльные меньшевики выступали против большевистского лозунга о поражении своего правительства, считая, что поражение царизма приведет к усилению империалистической Германии. На тех же позициях стояли и ссыльные эсеры. Ем. Ярославский разоблачал их лидера П. Куликовского как ярого оборонца: «Эсер Куликовский (впоследствии колчаковец, пепеляевец) восторгался подвигом губернаторши, с умилением и слезами на глазах говорил о том, что, вот, собрались дамы «высшего общества» Якутска, чиновницы и во главе с губернаторшей шьют заячьи одеяла и заячьи жилеты-телогрейки для доблестного воинства» [5].

Ссыльные большевики составили группу пораженцев. Они сохранили верность пролетарскому интернационализму и в условиях далекой ссылки оставались на ленинских позициях последовательной борьбы против царизма и империалистической войны. Немалая заслуга в этом принадлежит Ем. Ярославскому. В начале войны он написал ряд писем сибирским политическим ссыльным и товарищам по Нерчинской каторге, в которых отстаивались пораженческие лозунги большевиков.

Вопрос о характере войны и об отношении к ней неоднократно подвергался обсуждению на собраниях политических ссыльных г. Якутска. Обсуждался он и на более узких собраниях ссыльных социал-демократов. На таких собраниях в Якутске в 1914—1916 гг. с докладами и рефератами о

---

[3] Так, крупный баягантайский тойон Н. О. Кривошапкин пожертвовал на нужды войны 10 тыс. руб. золотом.

[4] «Якутские вопросы», № 9 от 27 августа 1916 г.

[5] Е. Ярославский. Февральская революция в Якутии, стр. 283.

войне не раз выступал Ем. Ярославский, защищая пораженческую политику большевиков и разоблачая оборонческую политику меньшевиков и эсеров.

В 1915 и 1916 гг. якутские политические ссыльные во главе с Ем. Ярославским проводили нелегальные революционные маевки, на которые собиралось по 100 и более человек. Ссыльные большевики разъясняли присутствовавшим грабительский характер войны, пропагандировали большевистские лозунги, доказывали неизбежность революции. «Я помню наши первомайские встречи,— пишет Ем. Ярославский.— Мы устраивали празднование 1 мая в лесу, в Сергеляхах, разводили большие костры. Дважды я выступал на этих встречах с речами — в 1915 и 1916 годах. Для меня, как и для многих других наших товарищей-большевиков, на основании даже отрывочных данных, которые мы черпали из газет о движении, а главное — на основании анализа тех социальных противоречий, которые обострялись империалистической войной, становилось ясным, что мы стоим накануне величайших революционных событий» [6].

Политические ссыльные приглашали на свои собрания и маевки учащихся средних учебных заведений Якутска. Передовые представители якутской молодежи — М. Аммосов, П. Слепцов, С. Аржаков и др.,— слушая доклады и речи ссыльных революционеров, получали революционное воспитание; воспринятые здесь идеи они разносили по улусам и наслегам.

В конце 1915 или в начале 1916 г. якутские политические ссыльные получили манифест Первой конференции интернационалистов в Циммервальде. Позже был получен также манифест Второй интернациональной конференции в Кинтале. Ссыльные большевики разъясняли эти документы не только внутри колонии политических ссыльных, но и среди якутской учащейся молодежи.

Весной 1916 г. в якутской тюрьме умер от туберкулеза легких рабочий-большевик А. В. Ястров, сосланный в Якутскую область за антивоенную деятельность. Его похороны были использованы большевиками для разоблачения царского правительства, ведшего грабительскую войну.

Антивоенная деятельность якутских ссыльных большевиков еще более усилилась после приезда Г. К. Орджоникидзе (14 июня 1916 г.). Член партии с 1903 г., один из организаторов VI (Пражской) партийной конференции большевиков, на которой он был избран членом Центрального Комитета партии, Григорий Константинович Орджоникидзе был одним из крупнейших руководителей большевистской партии. До якутской ссылки Г. К. Орджоникидзе отбыл трехлетнее заключение в Шлиссельбургской крепости. Здесь его застала война. Ознакомившись с ленинскими тезисами о войне, он сразу же занял правильную, пораженческую позицию. В Якутске т. Орджоникидзе оказал ссыльным большевикам огромную помощь в изучении и усвоении теории и тактики большевистской партии по вопросам войны, мира и революции и в борьбе против меньшевиков и эсеров. В частности, он ознакомил ссыльных большевиков с работой Пражской партийной конференции и разъяснил ее решение об исключении из партии меньшевиков.

С докладами о войне выступал также большевистский депутат IV Государственной думы Г. И. Петровский, сосланный за активную антивоенную деятельность сперва в Енисейскую губернию, а потом в Якутскую область. Прибыв 12 сентября 1916 г. в Якутск, он рассказал ссыльным социал-демократам об антивоенной деятельности думской фракции большевиков, о манифесте ЦК партии об отношении к империалистической войне и о

---

[6] Е. Ярославский. Февральская революция в Якутии, стр. 284.

Рис. 74. Ем. Ярославский

статьях В. И. Ленина по вопросам войны. Знакомство с манифестом Центрального Комитета партии и указаниями В. И. Ленина дало возможность якутским ссыльным большевикам уверенно продолжать борьбу против войны и поддерживавших ее эсеров и меньшевиков.

Первая мировая война, обогащавшая буржуазию и помещиков, принесла народам России огромные бедствия. Война усилила нужду и лишения также и якутских трудящихся. Возросшая дороговизна еще более ухудшила и без того тяжелое положение якутской бедноты, а в особенности политических ссыльных. Об этом свидетельствуют проникшие в сибирскую и местную печать корреспонденции из различных уголков Якутской области. «Все здесь невероятно дорого,— говорится в одном письме из Якутской области.— Что будет дальше? Сахара нет. Мука 5 р. пуд, да ее и нельзя достать. Что касается одежды и обуви, к ней, как здесь говорят, не подступиться» [7]. В корреспонденции из Баягантайского улуса сообщалось: «Голодовка развивается все сильнее. Беднота бьет последний скот для прокормления своей семьи. От чрезмерного истощения вследствие хрониче-

[7] «Политическая ссылка в 1915—16 гг. (По письмам ссыльных)», «Каторга и ссылка», 1924, № 2(9), стр. 184.

ского недоедания начинает в некоторых хозяйствах пропадать скот. Инородцы (беднота) употребляют в пищу травы, сосновую и лиственичную заболонь и олений мох» [8].

Еще более тяжелым было продовольственное положение в северных округах, где привозных продуктов не хватало. В корреспонденции из Булуна «Продовольственная нужда» сообщалось: «Если принять во внимание небывалые до сих пор в Булуне цены на предметы первой необходимости, то к весне нужно ждать рекордных цен... О голоде среди инородцев Жиганского улуса и крестьян Усть-Боленского общества я уже сообщал. В настоящее время получено известие о голоде среди населения Русского Устья. Были смертные случаи» [9].

Война вызвала голод и глубокую разруху народного хозяйства России; миллионы людей гибли на фронтах. Недовольство царизмом все более нарастало по всей стране. Это чувствовалось и в Якутской области.

Летом 1916 г. царское правительство объявило мобилизацию «инородцев», освобожденных от воинской повинности, на тыловые работы. В письме якутского губернатора якутскому окружному исправнику от 4 июля 1916 г. говорилось: «25 июня с. г. высочайше повелено для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии привлечь реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи и в частности — проживающих в Якутской области, за исключением бродячих инородцев и всех обитающих в округах: Колымском, Верхоянском и Вилюйском» [10].

На особом совещании при губернаторе был разработан план призыва. Мобилизации подлежали якуты Олекминского и Якутского округов в возрасте от 19 до 31 года. По одному Якутскому округу предполагалось мобилизовать около 10 тыс. человек. Все они после медицинского освидетельствования в инородных управах должны были прибыть в Якутск для передачи в распоряжение военного ведомства не позднее 25 августа 1916 г. От мобилизации освобождались должностные лица инородческих управ и лица с высшим образованием. Губернатору предоставлялось право отсрочивать призыв учителей, чиновников и служащих правительственных и общественных учреждений, торгово-промышленных предприятий, а также занимающихся перевозками и поставкой грузов.

Это мероприятие было поддержано верными слугами царя — якутскими тойонами. Газета «Якутские вопросы», отражавшая интересы тойонов, призывала якутов «принести жертву» во имя победы. Этому вопросу была специально посвящена одна из передовых статей газеты, где говорилось: «Высочайшим повелением, состоявшимся 25 июня с. г. в порядке 87 ст. основных законов, привлекаются реквизиционным порядком на время настоящей войны все инородцы империи, освобожденные от воинской повинности, и, в частности, инородцы Якутского и Олекминского округов. Таким образом, на якутов возлагаются новые тяготы для содействия победе над врагом, и, несомненно, они с готовностью принесут жертвы, которые от них требуются для защиты отечества» [11].

Совершенно по-другому отнеслись к мобилизации трудящиеся якуты. Они всячески от нее уклонялись. К губернатору и якутскому окружному исправнику поступали заявления якутов с просьбой отсрочить призыв по

---

[8] К. Баягантайский улус Якутского округа (Голодовка). «Ленские волны», 1916, № 6, стр. 14.

[9] «Сибирь» от 19 мая 1916 г.

[10] ЦГА ЯАССР, ф. 15 истор., оп. 10, д. 4638, л. 1.

[11] «Якутские вопросы», 1916, № 2.

Рис. 75. Серго Орджоникидзе

разным мотивам. В отдельных местах якуты, скрываясь от мобилизации, уходили в отдаленные места. Были случаи членовредительства. Все это показывает, что якутские трудящиеся воспринимали войну как чуждое им дело.

Отрицательное отношение якутов к мобилизации отражалось в полицейских документах. Земский заседатель 3-го участка Якутского округа Соловьев писал 12 июля 1916 г. исправнику: «Известие об этом... произвело на них в силу неожиданности ошеломившее их впечатление, приведшее к сильному упадку духа... Настроение это, несмотря на все делаемые мною разъяснения истинного положения призываемых, продолжает оставаться прежним: то же безразлично тупое и упрямое состояние с примесью свойственного якутам непонятного озлобления... При наличности этих условий возможность предположения о дезертирстве будет вполне допустимой» [12]. Земский заседатель 2-го участка Бушуев, делая аналогичное сообщение, просил исправника послать на помощь ему урядника с казаками.

Мобилизация якутов на тыловые работы не состоялась. Правительство отменило ее по ходатайству золотопромышленного товарищества «Лензо-

[12] ЦГА ЯАССР, ф. 145 истор., оп. 10, д. 4638, лл. 90—91.

то». В связи с этим газета «Якутские вопросы» высказывалась за изыскание других средств оказания помощи царской армии; предлагала за счет экономии земских расходов «освободить» 100 тыс. руб., усилить сбор частных пожертвований и создать военный комитет для разработки плана организации помощи. Якутские тойоны проявляли большое усердие, стараясь помочь царизму в ведении грабительской войны.

В годы войны не прекращалась классовая борьба якутских трудящихся против тойонов и баев. Эта борьба по-прежнему шла главным образом вокруг земельного вопроса. Беднота выступала против классной системы и требовала уравнительного распределения покосов по душам; это требование поддерживалось и частью занимавшихся торговлей и менее заинтересованных в земле тойонов, которые хотели задержать дальнейшее развитие борьбы за землю и поэтому соглашались на отмену классной системы. На совещании представителей Якутского округа, проходившем 15—19 июня 1916 г., при обсуждении земельного вопроса половина голосов была подана за переход от классной системы к уравнительному распределению покосов.

Брожение шло и среди рабочих предприятий Якутска. В феврале 1916 г. забастовали рабочие типографии Семеновой; поводом к забастовке послужило неправильное распределение наборного материала и грубое обращение печатника Копылова с наборщиками. Позднее, летом 1916 г. фактический распорядитель типографии А. Семенов отказался печатать в своей типографии газету «Ленский край» за то, что редакция этой газеты признала требования забастовавших наборщиков справедливыми и предложила администрации типографии удовлетворить их.

Накануне Февральской революции еще более усилилась революционная деятельность якутских ссыльных большевиков, возглавлявшихся тт. Ярославским, Орджоникидзе и Петровским. Большевики продолжали разоблачать эсеров и меньшевиков, проповедовавших необходимость «классового мира» во время войны. В своих выступлениях на собрании якутских политических ссыльных, происходившем под видом встречи нового, 1917 года, Ем. Ярославский и Серго Орджоникидзе, в противовес эсерам и меньшевикам, указывали на неизбежность революции. Они доказывали, что империалистическая война обостряет революционное движение народных масс, которое приведет в ближайшее время к революционному взрыву в России. Вспоминая это собрание, Ем. Ярославский писал: «Канун нового, 1917, года встретили в квартире Николая Егоровича Афанасьева (в то время — народника по своим убеждениям). Кажется, было человек полтораста народу — и социал-демократов и эс-эров. Говорили речи. Я выступил с речью, в которой доказывал, что никогда мы не стояли так близко к социалистической революции, как стоим сейчас... Я указывал, что неизбежно массовое выступление пролетариата в ближайшие же дни и месяцы, что война не может не кончиться массовым выступлением пролетариата. Мне возражали эс-эры и социал-демократы-меньшевики; в особенности эс-эры доказывали, что я утопист»[13]. Эсеры и меньшевики утверждали, что пролетариат не является руководящей силой, что его классовое движение слабо, что на общественной арене заметны только либералы, руководящие демократическим движением за реформы.

На этом же собрании с пламенной речью выступил Г. К. Орджоникидзе, который указал на рост недовольства и революционных выступлений трудящихся, на неизбежность победы революции. Участница собрания З. Орджоникидзе рассказывает: «Емельян Ярославский сделал доклад о текущем

[13] Ем. Ярославский. Накануне Февральской революции в Якутске, стр. 32.

моменте и задачах партии..., дал анализ современного положения и сделал вывод о неизбежности революционного взрыва в стране. Серго горячо поддержал эту мысль. Он говорил, что разруха в стране и затянувшаяся империалистическая война должны неминуемо привести Россию к социальному перевороту.

— Свержение самодержавия! — горячась кричал он.— Немедленное прекращение войны!..» [14].

Большое внимание обращали ссыльные большевики на пропаганду марксизма-ленинизма среди якутской молодежи, на ее воспитание в революционном духе. Они стремились подготовить из передовой части якутской молодежи местные кадры большевиков. С этой целью по инициативе Ем. Ярославского в январе 1917 г. был организован подпольный революционный кружок, в который входили учащиеся средних учебных заведений Якутска. Кружок насчитывал около 20 членов, среди них А. Аммосов, П. Слепцов, Н. Бубякин и др. Занятия его проводились на квартире Ярославского, во дворе Якутского краеведческого музея, под видом вечеринок. Выступая здесь с лекциями и докладами, ссыльные большевики разъясняли сущность капиталистического строя и классовой эксплуатации, рассказывали историю революционного движения и большевистской партии, пропагандировали теорию и тактику большевиков по вопросам войны, мира и революции.

До Февральской революции состоялось три общих собрания членов кружка. На собрании 6 февраля 1917 г., созванном под видом празднования дня рождения т. Ярославского, присутствовали многие ссыльные большевики, которые в своих выступлениях характеризовали политическое положение в стране и указывали на близость революции. 19 февраля 1917 г., в день годовщины отмены крепостного права, состоялось второе собрание. Тов. Ярославский и Петровский разъясняли ленинскую оценку реформы 1861 г. и значение союза рабочего класса с крестьянством. На третьем собрании, 1 марта 1917 г., в годовщину убийства народниками Александра II, Ем. Ярославский в своем докладе показал вредность идеологии и тактики народников и их последователей — эсеров, разъяснял, что не индивидуальный террор, а только всенародное вооруженное восстание может обеспечить свержение царизма.

Ем. Ярославский в своих воспоминаниях пишет о двух организованных им нелегальных кружках якутской молодежи. Под вторым кружком он, видимо, имеет в виду кружок учащихся «Рассвет», на занятиях которого с докладами и лекциями выступали наряду с большевиками и несколько эсеров. Ссыльные большевики боролись за завоевание членов этого кружка на свою сторону. Часть членов кружка «Рассвет» (Шергин, Синеглазова, Петрова, Романченко, Фаткулов, Калачик) впоследствии примкнула к большевикам. Многие члены этих двух кружков позднее приняли самое горячее участие в борьбе за установление советской власти в Якутии.

По-иному относились к работе среди молодежи ссыльные меньшевики и эсеры. Большинство из них было заражено обывательщиной, стремилось жить «тихо», в мире с царской администрацией. Они трусливо выступали против всякой нелегальной работы. «Вот почему,— пишет Ем. Ярославский,— когда стало известно, что я организую два кружка из среды якутской молодежи, что я собираю их, беседую с ними, даю и читаю им нелегальную литературу, это было встречено даже с некоторым неудовольствием, боязнью — как бы чего не вышло» [15].

---

[14] З. Орджоникидзе. Путь большевика. Страницы из жизни Серго Орджоникидзе. Госполитиздат, 1948, стр. 128.

[15] Ем. Ярославский, Накануне Февральской революции в Якутске, стр. 27.

Наряду с революционной и пропагандистской деятельностью некоторые ссыльные большевики вели в годы войны значительную культурно-просветительную и научную работу. Такую работу, как уже отмечалось, вел, например, т. Ярославский. Он руководил якутской метеорологической станцией, принимал активное участие в работе Якутского отдела Русского географического общества, бесплатно работал консерватором Якутского краеведческого музея.

Большое значение для трудящихся Якутии имела деятельность Г. К. Орджоникидзе в Покровске. С начала августа 1916 г. до начала марта 1917 г. он работал фельдшером в Покровской больнице. Его амбулаторный прием начинался с 6 часов утра.

«Заведующая больницей не раз с недоумением спрашивала Серго, почему он так рано начинает работу,— пишет З. Орджоникидзе.— Он отвечал: «Больных много, якуты приходят из окрестных селений. Не могу же я заставлять их ждать» [16]. Не ограничиваясь амбулаторным приемом, Г. К. Орджоникидзе ездил по наслегам и русским селениям на Лене. Везде он проявлял необычайную чуткость. Один из его пациентов впоследствии рассказывал: «Я заболел воспалением легких. Это было в 1917 году, мне шел 16-й год. Состояние болезни было тяжелое и опасное..., брат Семен решил поехать в Покровск за фельдшером. В тот же день вернулся Семен, а с ним был и фельдшер... Он долго расспрашивал родителей о том, как они живут, и много проявлял хлопот о моем здоровье. То был Серго Орджоникидзе. Товарищ Орджоникидзе спас мне жизнь. Он не выехал из наслега до тех пор, пока я не начал выздоравливать» [17]. Описанный случай не был единичным. Г. К. Орджоникидзе спас жизнь многим якутским беднякам: бесплатно лечил их, помогал добрыми советами. Якуты часто посещали его на квартире, рассказывали ему о своих нуждах и всегда получали поддержку.

Первая мировая империалистическая война обострила кризис капиталистической системы и привела к ослаблению капитализма. Большевистская партия оказалась единственной революционной партией, которая воспользовалась ослаблением капиталистической системы и прорвала фронт империализма. Она подняла рабочих и солдат России на демократическую революцию и обеспечила ее победу. Вооруженное восстание рабочих и солдат Петрограда завершилось 27 февраля 1917 г. свержением царизма.

«Русским рабочим выпала на долю честь и счастье *первым* начать революцию,— писал В. И. Ленин,— то есть великую, единственно законную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей» [18].

Первая весть о революции в Петрограде пришла в Якутск 1 марта. Якутский вице-губернатор Тизенгаузен, получивший известие о революции из Иркутска, скрыл его от народа. Трудящиеся Якутска узнали о февральских событиях через политических ссыльных, получивших 2 марта из Иркутска от одного из бывших якутских ссыльных шифрованную телеграмму. Более точные сведения пришли 3 марта. Жена Г. И. Петровского телеграфировала, что царское правительство свергнуто, образовался Совет рабочих депутатов; Кронштадт присоединился к восстанию. В тот же день состоялось совещание ссыльных большевиков, на котором было решено немедленно широко оповестить население о победе революции в Петрограде и призвать якутских трудящихся к свержению царской власти на месте. Политические ссыльные создали Революционный комитет, по необходимости

---

[16] З. Орджоникидзе. Указ. соч., стр. 125—126.

[17] Н. И. Степанов. О том, как спас мне жизнь Серго. «Социалистическая Якутия» от 29 октября 1936 г.

[18] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 341.

носивший коалиционный характер: «...Помня,— пишет Ем. Ярославский,— что в той обстановке, какая была в Якутске, мы, большевики имевшие в своей группе примерно одну десятую часть якутской ссылки, не могли взять на себя одних эту задачу,— у нас нехватило бы ни сил, ни влияния,— мы создали коалиционный революционный комитет» [19]. От большевиков в состав Ревкома вошли Е. М. Ярославский, Г. И. Петровский, К. И. Кирсанова; заочно был введен Г. К. Орджоникидзе, который в это время находился в с. Синском. Уже 4 или 5 марта, узнав о победе революции, т. Орджоникидзе приехал в Якутск и принял активное участие в деятельности большевиков. Под руководством большевиков Ревком начал ликвидацию царской власти в Якутске.

3 марта на улицах Якутска было расклеено объявление иркутского генерал-губернатора фон-Пильца, запрещавшее населению устраивать митинги и собрания. Однако в тот же день большевики организовали в помещении «Общественного собрания» народный митинг. Эсеры были против созыва этого митинга. Они не верили в победу революции и потому считали, что следует воздержаться от выступлений против местной власти. На митинге присутствовало несколько сот человек. Ем. Ярославский рассказал о победе революции в Петрограде и призвал к ликвидации царской власти в Якутии. Весть о падении царизма была встречена якутскими трудящимися с энтузиазмом.

Митинг делегировал Ем. Ярославского в клуб приказчиков, где в это время шел спектакль, чтобы рассказать собравшимся о революции. Эсеры безуспешно пытались помешать выступлению т. Ярославского. Об этом своем выступлении он впоследствии писал: «Я рассказал собравшимся о событиях в столице на основании телеграммы, полученной от т. Петровской, обрисовал положение страны в связи с войной и, обращаясь к вице-губернатору барону Тизенгаузену и Юшманову, я говорил: «...Вы доживаете последние часы, и власть уже не в ваших руках, власть в руках восставшего народа. Если вы добровольно не отдадите ее, тем хуже для вас» [20].

Но царская администрация не хотела добровольно уступать власть, она еще надеялась, что ход событий в центре приведет к восстановлению старого режима. 3 марта городской голова Юшманов обратился к населению города с призывом выразить доверие «нашему возлюбленному монарху и правительству» [21]. В то же время царская администрация готовилась подавить революционные выступления масс силой оружия. По требованию вице-губернатора Тизенгаузена якутский окружной исправник Ходалевич 3 марта предписал земским заседателям принять решительные меры к подавлению «какого-либо брожения среди населения». В предписании предлагалось действовать согласно инструкциям «Об употреблении полицейскими и казачьими чинами в дело оружия», «О порядке призыва войск для содействия полицейским властям и о правилах действия чинов полиции совместно с войсковыми частями, призванными для содействия гражданским властям при подавлении беспорядков». Эти инструкции были разработаны еще в апреле 1916 г. на особом совещании и после утверждения губернатором разосланы всем полицейским властям и казачьим командам области. В последней инструкции говорилось: «Для предупреждения неповинующейся толпы ни стрельбы вверх, ни стрельбы холостыми патронами не должны быть допускаемы» [22]. Еще 2 марта вице-губернатор

[19] Е. Ярославский. Февральская революция в Якутии, стр. 286.
[20] Там же, стр. 287.
[21] Хроника первых дней революции. «Автономная Якутия» от 12 марта 1931 г.
[22] ЦГА ЯАССР, ф. 1 истор., оп. 2, д. 91, л. 11.

Тизенгаузен сообщил по телеграфу иркутскому генерал-губернатору о своей готовности принять «решительные меры» против революционных выступлений народа [23].

Между тем по инициативе Ревкома, возглавляемого большевиками, 4 марта было созвано собрание жителей Якутска, которое приняло постановление об учреждении нового органа власти — Якутского комитета общественной безопасности. По предложению большевиков председателем этого комитета был избран Г. И. Петровский. В тот же день Якутская городская дума по требованию большевиков сложила свои полномочия и передала их Якутскому комитету общественной безопасности. Вечером был выпущен первый номер газеты «Вестник Исполнительного комитета общественной безопасности», в котором было опубликовано воззвание к солдатам якутского гарнизона, призывавшее их совместно с народом вести борьбу против областной царской администрации. Тов. Ярославский рассказал на собрании солдат о победе революции.

Якутская администрация все еще пыталась игнорировать Комитет общественной безопасности и удержать власть в своих руках. На требование комитета сложить полномочия вице-губернатор Тизенгаузен и полицмейстер Рубцов ответили категорическим отказом. 4 марта Тизенгаузен выпустил воззвание, в котором призывал население сохранить верность царской власти. Ревком конфисковал это воззвание. Равным образом сорвалась попытка Тизенгаузена захватить телеграф и телефонную станцию,— их успели занять вооруженные дружинники из политических ссыльных.

В ночь на 5 марта Тизенгаузен собрал чрезвычайное совещание чиновников областного управления и чинов полиции. На это совещание явилась делегация народного собрания во главе с Г. И. Петровским, потребовавшая от чиновников сложения всех полномочий и передачи власти Комитету общественной безопасности. Г. И. Петровский от имени комитета предупредил Тизенгаузена и Рубцова, что в случае отказа они будут арестованы. Эта угроза возымела действие. Днем 5 марта по требованию большевиков Тизенгаузен и Рубцов сложили свои полномочия.

Начальник гарнизона г. Якутска подполковник Попов заявил на народном собрании 5 марта, что он готов подчинить свою деятельность Комитету общественной безопасности. 6 марта Тизенгаузен по телеграфу сообщил окружным центрам о сложении им полномочий и передаче власти Комитету общественной безопасности. В этот же день комитет по предложению большевиков избрал областным комиссаром Г. И. Петровского. Вскоре он был утвержден в этой должности Временным правительством, что было использовано большевиками для проведения мер, отвечавших интересам трудящихся Якутии. «Первым комиссаром в Якутии был т. Г. И. Петровский,— писал Ем. Ярославский.— Формально, конечно, он был комиссаром Временного правительства, утвержденным Временным правительством, но на самом деле это был комиссар, выбранный народным собранием якутского населения. Его выделила партия, он отчитывался в своих действиях перед партийной организацией» [24].

Таким образом, к 6 марта в Якутске под руководством ссыльных большевиков была ликвидирована власть царизма. Вскоре революция охватила все окружные центры. Еще 4 марта Якутский комитет общественной безопасности разослал телеграмму о победе революции. Получив эту телеграмму, в окружных центрах начали смещать старые власти.

[23] ЦГА ЯАССР, ф. 3, оп. 3, д. 10а, л. 15.
[24] Е. Ярославский. Февральская революция в Якутии, стр. 290.

4 или 5 марта состоялось народное собрание в Олекминске, где был избран Временный исполнительный комитет общественной безопасности во главе с эсером Шафраном. Комитет предложил олекминскому окружному исправнику немедленно сложить полномочия. В приленских русских селениях также началось смещение царских властей. Так, 4 марта народное собрание в Витиме приняло решение об удалении крестьянского начальника, акцизному чиновнику было предложено выехать из Витима, а уряднику и приставу — снять погоны. Был создан сельский продовольственный комитет. Характерно, что когда в Витим приехал помощник бодайбинского исправника, то ни один житель села не пустил его на квартиру.

7 марта состоялось народное собрание в Вилюйске. Были оглашены телеграммы т. Петровского о победе революции и Тизенгаузена о передаче им власти Якутскому комитету общественной безопасности. Исполнявший обязанности вилюйского окружного исправника Савицкий вынужден был сложить полномочия; был создан Вилюйский комитет общественной безопасности в составе пяти человек во главе с учителем П. Х. Староватовым. 8 марта была переизбрана Вилюйская городская дума. Но в нее не попали подлинные представители народа. «В состав Городской Думы,— сообщалось в письме из Вилюйска,— вошли если не сами купцы, то, по крайней мере, их клевреты и... бывший исправник Чернышев... В «преобразованном» виде Городское Самоуправление существует уже второй месяц, между тем ни малейших попыток к творчеству новых форм жизни нет» [25]. 19 марта Вилюйский комитет общественной безопасности принял постановление об организации улусных и наслежных комитетов общественной безопасности и об упразднении должности улусных заседателей. К началу апреля в Вилюйский комитет были включены представители улусов и наслегов; возник Вилюйский окружной комитет общественной безопасности. Руководство им оказалось в руках эсера Корякина и купца Кондакова.

До северных округов весть о победе Февральской революции дошла с большим опозданием. Первое свободное собрание граждан Верхоянска состоялось 19 марта. На нем было постановлено создать Исполнительный комитет общественной безопасности. По предложению комитета старая окружная власть была упразднена. Казаки местной команды подчинились комитету. Но во главе комитета стали приверженцы старой власти. Его председателем был избран полицейский заседатель Попов, заместителем председателя — бывший улусный голова Горохов. Среди членов комитета было четыре купца, три полицейских, три попа, но не было ни одного представителя якутской бедноты. В самом отдаленном Колымском округе весть о революции была получена еще позже. Только 28 марта состоялось собрание жителей Средне-Колымска, также избравшее Исполнительный комитет общественной безопасности, к которому перешла власть во всем обширном Колымском округе.

Якутские большевики во главе с выдающимися деятелями большевистской партии тт. Орджоникидзе, Ярославским и Петровским сразу же после Февральской революции развернули большую разъяснительную работу в массах.

Якутская организация РСДРП вышла из подполья и стала развертывать массово-политическую работу. В начале марта 1917 г. был избран объединенный Якутский комитет РСДРП. От большевиков в него вошли

---

[25] По области. Вилюйск (Деятельность городского самоуправленчя). «Вестник Якутского комитета общественной безопасности», № 71 от 25 мая (7 июня) 1917 г.

Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский и Г. И. Петровский. Председателем комитета был избран т. Петровский. Якутская организация РСДРП после революции значительно выросла. В ее ряды вступили некоторые члены подпольных революционных кружков якутской молодежи, группа рабочих и несколько крестьян села Марха. Был создан легальный революционный марксистский кружок «Юный социал-демократ», многие члены которого вскоре вступили в якутскую организацию РСДРП; некоторые из них (М. Аммосов, И. Редников и др.) примкнули к большевикам.

В своих беседах на занятиях кружка «Юный социал-демократ», в выступлениях на народных собраниях и митингах, в специальных лекциях и докладах большевики разъясняли якутским трудящимся политику большевистской партии. Так, 19 марта в клубе общества приказчиков Е. М. Ярославский выступил с докладом, посвященным программе РСДРП.

В середине марта т. Ярославский основал легальную революционную газету «Социал-демократ». Официально она была органом объединенного Якутского комитета РСДРП, но до выезда из Якутска ссыльных большевиков в начале июня 1917 г. имела определенно выраженное большевистское направление. Газета пропагандировала большевистские взгляды, разоблачала буржуазное временное правительство, вскрывала империалистический характер войны, разоблачала оборонцев, разъясняла необходимость совместных действий рабочих, солдат и трудящихся крестьян в борьбе за дальнейшее углубление революции. По вопросу о войне в № 4 газеты говорилось: «Скоро три года, как льется горячая кровь народа... Миллионы вдов и сирот будут оплакивать тех, кого навеки поглотила земля. Какое дело господствующим классам до этих страданий народа! Лишь бы алчность и жадность были вознаграждены. Пусть гибнут миллионы людей, гибнет народное богатство — капиталисты всех стран, господствующие классы всех стран готовы пожертвовать всеми живыми силами народа ради тех огромных прибылей, какие дает война».

Якутские большевики пропагандировали план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Еще 10 марта 1917 г. т. Петровский писал в якутской газете: «Первая борьба закончена, предстоит вторая, еще большая — это борьба за социалистическую республику, за тот порядок, когда и бедняк не будет бояться за завтрашний день, ибо и ему будет обеспечен кусок хлеба» [26].

Организацией, призванной довести революцию до конца, до полной победы рабочего класса, были Советы. В статье «Совет рабочих депутатов в Якутске», написанной, по-видимому, Ем. Ярославским, указывалось: «Редакция «Социал-демократа» приветствует Совет Рабочих Депутатов, видя в нем орган самодеятельности широких слоев рабочих и школу политического воспитания этих рабочих; она приветствует в нем революционную организацию рабочих масс, которая вместе с организацией революционной армии должна довершить дело русской революции на далекой Якутской окраине» [27].

Большевики развернули значительную работу по сплочению и организации якутских трудящихся, по подготовке их к борьбе за победу социалистической революции в Якутии. Они впервые стали печатать и распространять революционные листовки и прокламации на якутском языке, призывавшие якутскую бедноту собираться на наслежные и улусные собрания

[26] Григорий Петровский. 10 марта. «Вестник Исполнительного комитета общественной безопасности г. Якутска», № 11 от 10 марта 1917 г.

[27] «Социал-демократ», № 4 от 25 апреля 1917 г

и выяснять свои нужды, выбирать свои союзы и комитеты, сплачиваться под красным знаменем большевистской партии. В марте 1917 г. якутские большевики командировали в улусы группу агитаторов (Ф. Тарасов, П. Слепцов, А. Попов, И. Константинов и др.), которые разъясняли якутским трудящимся политику большевистской партии и, прежде всего ставили вопрос о ликвидации классной системы землепользования. Тарасов, в одном из улусов Якутского округа, предложил баям сдать обществу присвоенные ими покосные места.

Большевиками были созданы первые организации якутских хамначитов. На созванном 8 марта в Якутске собрании хамначитов, где присутствовало 90 человек, было принято постановление о создании «Союза чернорабочих-якутов». 12 марта Ем. Ярославский провел собрание батраков с. Мархи, на котором присутствовало 50 человек. На собрании по предложению т. Ярославского было решено создать «Союз сельских рабочих Мархи», который объединял бы батраков пригородных селений и наслегов. В марте же был организован в Якутске «Союз грузчиков-якутов». Было создано более 10 профессиональных союзов, объединивших в своих рядах около 1500 рабочих различных профессий. В числе членов профессиональных союзов было немало якутов и якуток.

Под руководством большевиков профсоюзы вели борьбу за интересы якутских трудящихся, устанавливали размеры рабочего дня и заработной платы, выдвигали свои требования перед Комитетом общественной безопасности, вели политико-воспитательную работу. О том, какие задачи ставили перед собой эти организации, можно судить по «Программе и уставу союза чернорабочих якутов г. Якутска», где, в частности, говорится: «...3) В интересах охраны рабочего от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах его умственного развития 8-часовой рабочий день должен быть установлен во всех работах для наемных рабочих... 4) Минимум заработной платы должен быть установлен Бюро труда по соглашению с Советом Рабочих Депутатов... 7) Для умственного развития своих членов и их просвещения союз устраивает библиотеки, курсы, чтения, лекции, рефераты и профессиональные школы на родном языке и оказывает посильную материальную помощь бедным своим членам на обучение их детей» [28].

По инициативе большевиков в конце марта 1917 г. в Якутске был созван съезд якутов и русских крестьян трех южных округов Якутской области. Тов. Орджоникидзе, Ярославский, Петровский и другие большевики на этом съезде открыто выступали в защиту трудящихся Якутии, разоблачали якутских тойонов и националистическую интеллигенцию, разъясняли политику большевистской партии, указывали якутскому трудовому народу пути его освобождения от классового и национального гнета. По предложению большевиков на съезде были приняты решения, отвечавшие интересам трудящихся Якутии: о необходимости введения в Якутской области всеобщего начального обучения на родном языке и передаче заведования делом просвещения местным самоуправлениям; о преобразовании церковно-приходских школ в светские; об издании якутского букваря; об отмене классной системы землепользования; о равном подушном разделе покосных земель; о передаче церковных и монастырских земель в распоряжение наслежных обществ; о предоставлении избирательных прав всем мужчинам и женщинам, достигшим 18-летнего возраста; об отделении

[28] ЦГА ЯАССР, ф. 1 рев., д. 62, л. 11.

церкви от государства; о введении 8-часового рабочего дня и еженедельного дня отдыха; об установлении минимума заработной платы; о создании рабочих союзов и их комитетов. «Правда, мы здесь допустили ошибку,— писал позже Е. М. Ярославский,— о которой нам впоследствии говорил Владимир Ильич: *мы не провели постановление о передаче всех земель крестьянам»* [29].

Решения съезда вдохновили якутских трудящихся на борьбу за свои интересы. Кое-где удалось осуществить некоторые решения съезда: в Сулгачинском наслеге Амгинского улуса, например, были установлены минимум заработной платы хамначитов, а также твердые цены на предметы первой необходимости; в некоторых улусах было введено распределение основных пищевых продуктов и товаров по карточкам.

Якутская беднота развернула борьбу за землю. В Якутский комитет общественной безопасности из разных мест области поступали письма и заявления с требованием отмены классной системы и введения уравнительного распределения земель по душам. В одном из таких писем на имя областного комиссара т. Петровского говорилось: «У нас в якутских улусах земельные порядки установлены в интересах имущей, состоятельной части населения. С установлением нового строя общественных отношений необходимо устранить земельные угнетения» [30]. Аналогичное требование выдвигалось в телеграмме из Сунтара: «При старом строе богачи и власти насильно захватили общественные земли бедняков. Теперь, придерживаясь старого строя, отказываются уравнять земли. Просим разрешить народовластью раздел земель поровну между бедными и богачами по душам. Спасите бедноту...» [31]. Повсеместно, включая северные округа, происходил захват трудящимися церковных земель и лугов казенно-оброчной статьи. Весной 1917 г. в некоторых улусах и наслегах были случаи захвата тойонских земель. В Нюрбе были отобраны в пользу сельского общества все надельные участки и арендованные покосы купцов Насыровых. В Мегинском улусе в пользу трех наслежных обществ были отобраны сенокосные угодья бывших улусных голов крупных тойонов братьев Сергеевых. В общественном приговоре граждан трех наслегов от 16 апреля 1917 г. по этому вопросу говорилось: «...Вследствие всегдашней подавленности инородческой массы, в особенности нашей мойрудской, отдельные влиятельные лица захватывали в свою пользу самые лучшие земли. Такими лицами в Мойрудском наслеге явились Сергеевы — три Ивана (дед, сын и внук) из Чалгинского рода, все бывшие улусные головы и старосты в наслеге, державшие почти весь свой наслег и отчасти свой улус в своих руках больше полвека... ныне пало старое самодержавие... и, конечно, теперь сам народ повсюду вправе отобрать и пустить в общественное свое достояние все те земли, которые состоят почему-либо в частном владении отдельных лиц. Это по отношению к Сергеевым тем более необходимо, что... эти огромные сенокосные угодья в руках Сергеевых служат только для обогащения одних только их и для закабаления всего окрестного населения... А по сему все единогласно постановили: 1) отобрать от инородцев Сергеево-Чалгинского наслега... Сергеевых их поместья, прежние наши земли... и обратить их в общественное наше достояние..., 4) просить Комитет общественной безопасности г. Якутска провести в жизнь своею властью все эти наши постановления и тем пресечь возможное сопротивление со стороны всесильных Сергеевых, 5) независимо от сего просить Комитет общественной безопасности уничтожить в Сергеево-Чалгинском наслеге классную систему землевла-

[29] Е. Ярославский. Февральская революция в Якутии, стр. 290.
[30] ЦГА ЯАССР, ф. 1 рев., д. 19, л. 14.
[31] Там же, д. 97, л. 24.

дения и тем облегчить бедственное положение тамошних наших собратьев, находящихся в полной зависимости от Сергеевых...» [32]. Такие факты не были единичны. Они свидетельствуют о росте классового сознания якутских трудящихся, поднявшихся на борьбу против своих вековых угнетателей — тойонов.

Выше уже отмечалось, что в Якутии вслед за окружными комитетами стали создаваться улусные и наслежные комитеты общественной безопасности. Однако они оказались в руках тойонов и их приспешников. В № 3 «Социал-демократа» за 1917 г. специально отмечалось: «...При выборах на местах происходит борьба старого мира с новым; угнетателей с угнетенными. Те, кто прежде стоял у власти,— родовые старшины, улусные головы всех рангов, тойоны, часто жадные хищники, высасывающие соки народа,— они не хотят отойти, уступить дорогу народным низам, бедноте; всякими правдами и неправдами удерживают власть». Скоро и сами якутские бедняки увидели, что в наслегах и улусах по существу ничего не изменилось. В одном из писем на имя Якутского комитета общественной безопасности говорилось: «В нашем Амгинском улусе общеулусные общественные дела разрешаются старым порядком... старая Инородная управа фактически осталась на своем месте и только свое прежнее имя переменила на название «Комитет общественной безопасности» [33]. Из с. Эльгяй писали: «...Мы, беднота, остаемся обиженными и обойденными и свой гнет тойоны желают продолжить и при новом строе, так как в улусный и наслежные комитеты общественной безопасности прошли все тойоны и их ставленники; ввиду этого наш голос остался на стороне и при установлении народовластия» [34]. О том же говорилось в письмах из 1-го Бордонского наслега и ряда других мест.

Несколько иное положение создалось лишь в Якутском комитете общественной безопасности, который вскоре стал областным органом, включив в свой состав — кроме представителей общественных организаций Якутска — выборных представителей улусов и сельских обществ, всего до 150 человек. Правда, в их числе были купцы, домовладельцы, казаки, мещане, тойоны, представители духовенства и интеллигенции, всех политических партий. Но в комитете участвовали и большевики, использовавшие его для пропаганды своих взглядов и для защиты интересов якутских трудящихся. Членами комитета были тт. Орджоникидзе, Ярославский, Петровский, Кирсанова, Агеев, Шамшин, Александрова, Бубякин, Андреевич, Аммосов и еще несколько большевиков; тт. Орджоникидзе, Ярославский и Петровский входили в Исполнительное бюро комитета. Большевики составляли только около десятой части членов комитета, но, несмотря на это, до начала июня 1917 г., т. е. до выезда из Якутии освобожденных революцией политических ссыльных, они пользовались в Якутском комитете общественной безопасности преобладающим влиянием. Ни одна другая политическая сила внутри комитета не могла занять в нем руководящее положение.

О степени влияния большевиков в Якутском комитете общественной безопасности свидетельствует факт принятия на его заседаниях большевистских решений по ряду важных вопросов. Так, на одном из первых заседаний комитета, 8 марта, было принято предложение большевиков о введении в Якутской области 8-часового рабочего дня; 24 апреля по предложению большевиков комитет принял постановление об отделении

---

[32] ЦГА ЯАССР, ф. 1 рев., д. 45, лл. 15, 17—17 об.
[33] Там же, д. 97, л. 33—33 об.
[34] Там же, д. 19, л. 26.

церкви от государства и школы от церкви, а 5 мая — об отстранении от должности якутского епископа Евфимия. По предложению Г. К. Орджоникидзе Комитет общественной безопасности выразил политическое недоверие Союзу чиновников, членами которого состояли вчерашние полицейские и надзиратели за политическими ссыльными. По постановлению комитета были отстранены от занимаемых должностей реакционные чиновники, организованы общественные работы для безработных, оказана продовольственная помощь якутской бедноте, введена карточная система на предметы первой необходимости. Все это показывает, что большевики сумели использовать комитет для защиты интересов трудящихся Якутии, для проведения ряда демократических преобразований.

На заседаниях Комитета общественной безопасности большевики открыто разоблачали буржуазное Временное правительство и его антинародную политику. Так, на заседании 7 мая большевики Орджоникидзе, Ярославский, Агеев выступали с разоблачением коалиционного правительства, указывали, что и после вхождения социалистов Временное правительство осталось буржуазным и продолжает империалистическую войну.

Двоевластие, которое образовалось в стране, нашло свое отражение и в Якутии. Наряду с органом Временного правительства — Якутским комитетом общественной безопасности и комиссаром Временного правительства возникли Советы. Первым в истории Якутии Советом был Якутский совет солдатских депутатов, организованный 31 марта 1917 г. в составе 25 членов. 7 апреля возник Якутский совет казачьих депутатов. Во главе этих Советов, как и во многих других городах страны, стали эсеры и меньшевики. 23 апреля оформился Якутский совет рабочих депутатов, в который вошли социал-демократы и эсеры. Председателем Исполкома Якутского совета рабочих депутатов был избран Е. М. Ярославский. 14 мая произошло объединение Совета солдатских депутатов и Совета рабочих депутатов. Председателем Исполкома объединенного Якутского совета рабочих и солдатских депутатов был избран Ем. Ярославский, в состав Исполкома вошел также Серго Орджоникидзе. Однако большинство Совета состояло из меньшевиков и эсеров. Вследствие этого делегатом от Якутского совета рабочих и солдатских депутатов на I Всероссийский съезд Советов был избран меньшевик Охнянский. Через неделю после возникновения Якутского совета рабочих и солдатских депутатов большинство его членов из числа бывших политических ссыльных выехало из Якутии, поэтому он ничего фактически не успел сделать. Летом 1917 г. были проведены выборы нового состава Совета, который повел борьбу против Якутского комитета общественной безопасности и нового комиссара Временного правительства.

Таким образом, двоевластие в Якутии до конца мая 1917 г. было чрезвычайно своеобразным. Своеобразие заключалось в том, что в это время большевики имели преобладающее влияние в Комитете общественной безопасности, что областным комиссаром Временного правительства был большевик Г. И. Петровский, который выполнял не волю буржуазного правительства, а директивы большевистской группы, что Совет рабочих и солдатских депутатов возник с опозданием и, хотя его председателем также был большевик, большинство Совета составляли меньшевики и эсеры.

Своеобразная обстановка сложилась после победы Февральской революции и в некоторых улусах, наслегах и селениях. Наряду с комитетами общественной безопасности и окружными улусными комиссарами Временного правительства здесь возникали профессиональные союзы. Так,

весной и в начале лета 1917 г. были созданы: в Хомустахском наслеге Намского улуса «Союз рабочих», который объединял хамначитов; в с. Павловском — «Союз сельскохозяйственных рабочих», в Олекминске — «Рабочий союз», в Чурапче — «Союз рабочих», в Вилюйске — «Союз чернорабочих и сезонных плотников», в с. Эльгяй — «Сунтарский союз сельских рабочих». Это были первые массовые организации трудящихся Якутии. Возникновение их свидетельствует о пробуждении политического и революционного сознания якутских бедняков и хамначитов. Эти союзы защищали интересы трудящихся, выступали против тойонских комитетов общественной безопасности, боролись за практическое введение 8-часового рабочего дня для сельскохозяйственных рабочих, за установление минимума заработной платы, за введение твердых цен на предметы первой необходимости. В уставе «Сунтарского союза сельских рабочих» говорилось: «В частности, союз требует... б) введения 8-часового рабочего дня законодательным путем во всех отраслях производства с организованным трудом; ...г) право организаций и стачек, профессиональных союзов, коллективный договор и устройство примирительных камер при равном представительстве рабочих и работодателей и под председательством лица, делегированного органом самоуправления...; ж) государственное страхование рабочих во всех видах на (за) счет государства и хозяев и на началах самоуправления страхуемых» [35]. Такие же задачи ставили все другие упомянутые союзы. Хомустахский «Союз рабочих», например, организовал в начале июня 1917 г. стачку сельскохозяйственных рабочих.

В некоторых местах Якутского и Вилюйского округов существовали параллельно по два комитета общественной безопасности. Один из них состоял из тойонов, другой — из бедноты. Так было во 2-м Скараульском наслеге Амгинского улуса, Бордонском наслеге Нюрбинского улуса, в Хочинском и Сунтарском улусах. Бедняцкие комитеты общественной безопасности противопоставляли себя официальным комитетам, которые поддерживали Временное правительство. В других местах для контроля над действиями официальных комитетов общественной безопасности беднотой иногда создавались специальные комитеты. Так, например, «...рабочие села Мархи на общем собрании 24 апреля 1917 года решили избрать из своей среды Рабочий Комитет, который должен вести контроль над сельским Комитетом Общественной безопасности» [36].

Своей революционной деятельностью в Якутии большевики завоевали громадный авторитет среди трудящихся. Они указали им пути освобождения, вдохновили их на борьбу за победу социалистической революции в Якутии. В глазах трудящихся якутов большевики были последовательными защитниками их интересов, их учителями. Характерно в этом отношении выступление якутского хамначита И. К. Попова на митинге в Якутске в марте 1917 г. Обращаясь к тт. Орджоникидзе, Ярославскому, Петровскому и другим большевикам, он сказал: «Теперь наши приезжие буржаки (буржуи.— *Ред.*) из улуса хотят вас всех отстранить от якутских дел. Но мы, якуты бедного класса, не хотим вас отстранять, а хотим, чтобы все вы помогали нашим делам... Если вы не поможете нашим делам, то мы бедные погибли. Буржаки съедят нас. Не отстраняйтесь от нас» [37].

Большевики разоблачали злейших врагов якутского трудового народа — якутских буржуазных националистов, которые хотели оторвать

---

[35] ЦГА ЯАССР, ф. 1 рев., д. 14, л. 133.

[36] Там же, д. 59, л. 5.

[37] Речь на митинге в клубе, произнесенная чернорабочим якутом Поповым. «Вестник Якутского комитета общественной безопасности», № 46 от 22 апреля (5 мая) 1917 г.

Якутию от России и подчинить ее японским и американским империалистам. «Еще на первом съезде якутов и крестьян в марте 1917 г. в Якутске,— писал Ем. Ярославский,— прозвучали эти националистические ноты, уже тогда пришлось говорить с многими интеллигентами о том, что их линия ведет их прямо к подчинению Японии или Америке» [38]. Большевики разъясняли вред отделения Якутии от России для якутских трудящихся, доказывали, что освобождение якутского трудового народа стоит в его неразрывной связи с освобождением народов России. В специальной прокламации Якутского комитета РСДРП «Социал-демократы и национальный вопрос», напечатанной на русском и якутском языках, т. Ярославский писал: «Если якутский народ захочет отделиться, мы, социалисты, не считаем себя вправе насильно его удерживать. Другой вопрос — будем ли мы это советовать ему. На это мы прямо и отвечаем: мы считали бы такое отделение якутского народа вредным, прежде всего, для самого якутского народа. При свободных условиях, при свободной народной школе, когда все воспитание свободно ведется на родном языке в школах,... когда уничтожены всякие национальные ограничения, когда свободно развивается его литература, его искусство, все его творческие, созидательные силы,— при этих свободных условиях якутский народ окрепнет именно в тесном единении, в дружном содружестве со всей свободной Россией, с которой он связан и экономически, и всем ходом умственного развития» [39].

Большевики пропагандировали среди якутских трудящихся идею пролетарского интернационализма. В цитированной выше прокламациии разъяснялась политика большевистской партии по национальному вопросу, рассказывалось о пролетарском интернационализме. Большевики в этой прокламации призывали якутских трудящихся к братскому единению с другими народами России и к совместной с ними борьбе под руководством русского пролетариата за свое освобождение: «...Мы убеждены,— говорилось в прокламации,— что якутский народ использует добытую свободу именно для того, чтобы развить все свои силы в дружном братском союзе с народами России. Призываем вас к дружной работе над созданием здорового, братского союза всех племен, всех народов, населяющих Якутскую область и всю Россию» [40].

После выезда бывших политических ссыльных, в том числе С. Орджоникидзе, Ем. Ярославского, Г. Петровского, в Якутском областном комитете общественной безопасности (ЯКОБ) руководящее положение заняли эсеры, буржуазные националисты и меньшевики. Они тормозили выполнение демократических решений съезда русских и якутских крестьян и самого ЯКОБ. Руководство ЯКОБ запретило вносить какие-либо изменения в старую систему землепользования, воспрепятствовало введению 8-часового рабочего дня, преследовало рабочих и бедных крестьян за выступления против своих угнетателей и т. д.

Таким образом, ЯКОБ превратился в контрреволюционный орган, который не мог дать народу ни демократических свобод, ни земли, ни освобождения от колониального гнета.

Политическую свободу и освобождение от колониального гнета трудящиеся Якутии получили в результате победы русского пролетариата в Великой Октябрьской социалистической революции в России.

[38] Ем. Ярославский. Национальная политика РКП в Якутии. «Красная Якутия», 1923, № 2, стр. 5.

[39] ЦГА ЯАССР, ф. 1 рев., д. 111, л. 3, 4.

[40] Там же, лл. 4, 5.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов.
2. ЦГА ЯАССР — Центральный Государственный архив Якутской АССР.
3. ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив Ленинграда.
4. ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР.
5. ИВАН — Архив Института востоковедения АН СССР (сектор восточных рукописей).
6. ААН — Архив Академии наук СССР.
7. ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией.
8. ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
9. ст. — столбец.
10. л. — лист
11. ф. — фонд.
12. оп. — опись.
13. д. — дело.
14. карт. — картон.
15. сст. — состав.

ОГЛАВЛЕНИЕ

История Якутской АССР, т. II

Утверждено к печати Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Першиц*
Технический редактор *Т. В. Полякова*

•

РИСО АН СССР № 171—88В. Сдано в набор 26/XII 1956 г. Подписано к печати 12/IX 1957 г.
Формат 70×108¹/₁₆. 26¹/₄ п. л., 33,4 уч.-изд. л.+ 2 вклейки—0,3.
Тираж 4000 экз. Т-08901. Изд. № 2085. Тип. зак. № 1249
Цена 22 руб.

•

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

Опечатки

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
7	6 сн.	сохранялась	сохранилось
78	21 св.	острогуна	острогу на
88	29 св.	Вторая (1733—1734)	Вторая (1733—1743)
89	12 св.	Олакминский	Олекминский
90	28 св.	(ксутов.	(якутов.
119	10 сн.	верховым судьей	верховным судьей
158	9 сн.	князца Маппея	князца Маппыя
188	10 сн.	не	[и с]
200	7 сн.	недоимков	недоимщиков
222	21 св.	кожи	ножи
291	26 св.	Дюпинский	Дюпсинский
315	5 св.	Западно-Кангалакского	Западно-Кангаласского
417	1 сн.	состав	став

История Якутской АССР

